

Лариса Шевченко

ДНЕВНИК ЗАМУЖНЕЙ ЖЕНЩИНЫ

Воспоминания

Книга третья

Уважаемый читатель!

Чтобы лучше понять творчество Шевченко Л.Я., я рекомендую Вам прямо сейчас скачать первую книгу автора, «Надежда», по прямым ссылкам:

В формате fb2:

В формате epub:

В формате txt:

В формате doc:

Первая книга содержит историю ее детства, которая проливает свет на многие аспекты ее жизни, поэтому читать эту и последующие книги Ларисы Яковлевны будет интереснее, начав с самой первой.

Приятного чтения!

Во избежание возможных недоразумений хочу предупредить читателей: не стремитесь, пожалуйста, к ложным идентификациям, не ищите себя среди героев книги. Это художественное произведение.

Предисловие

1

- Засиделись мы. Пора и честь знать, – сказала Лера.
- Пора по голубятням и курятникам, – поддакнула ей Лиля.
- Старые кости комфорта просят, – устало вздохнула Аня.
- По стойлам! – весело скомандовала Инна. – Кира, можно я у вас заночую?
- Не стеснишь. В общежитии по двенадцать человек в одной комнате жили.

Слава проводил до такси гостей, имеющих в городе ночлег, а четверых Кира устроила у себя в зале.

Лена осторожно опустилась на матрас. Вместе с болью по позвоночнику разлилось блаженство. Тело радовалось отдыху. Лене всегда удивляла совокупность этих, казалось бы, несовместимых ощущений. Впервые она прочувствовала это странное сочетание при массаже. После удаления лимфатического узла рука периодически переполнялась жидкостью и сильно болела.

«Прикосновения массажистки усиливали боль и одновременно приносили некоторое облегчение. Я вскрикивала, медсестра замирала. Но я, постанывая, упрасивала ее не прекращать работу. И только когда очень уставала от боли, просила на пару минут прервать сеанс, чтобы прийти в себя и накопить достаточный запас терпения. Трудно заставлять себя самостоятельно массировать поврежденную руку, но если это делает другой человек, то ничего, терпеть можно», – вспомнила она.

Перед глазами Лены промелькнули кадры ее разговора со знакомым охотником: «Волк, попав в капкан, перегрызает свою лапу и уходит. Человек, оказавшийся в подобной ловушке, гибнет. Мой друг-дальнобойщик, сибиряк, здоровяк, менял в дороге колесо своей фуры. Домкрат повело, колесо придавило ему руку. Наутро нашли парня мертвым. Замерз, бедняга».

«Со спиной мне проще: как прихватит, потрусь о косяк двери с полчаса – и порядок. Но это если есть силы, для такой «гимнастики». Приходится преодолевать себя. Иначе беда», – лежа неподвижно и впитывая усталым мозгом и сердцем ощущение расслабленности и покоя во всем организме, с легкой грустью подумала Лена о своих мелких ежедневных проблемах со здоровьем.

За стеной квартиры что-то громыхнуло. Лена вздрогнула и открыла глаза. Свет от фонаря на столбе достигал окна комнаты и слабо освещал расположившихся на полу женщин, давая возможность, если не видеть лиц, то хотя бы разглядеть их силуэты и позы. И луна, с трудом протискивающаяся сквозь темные тучи, грозящие снегом, вносила свой вклад в их обнаружение.

Непонятно откуда взявшийся широкий пучок света закружил ослабленное дневными капроновыми шторами изображение переплета окна по стенам. Тени ветвей деревьев скользнули по обоям и, преломившись на потолке, исчезли. Опять стало темно. «Свет от проезжающих мимо машин достигает сюда?» – подумала Лена. Но эта мысль недолго удерживала ее внимание. Она услышала тихое дребезжащее гудение холодильника на кухне. Оно немного раздражало.

«Теперь главное постараться поскорее заснуть, – стала настраивать себя Лена. Спокойные размышления всегда помогали ей в этом. – Есть разные степени усталости. При одной, наработавшись, засыпаешь, лишь коснувшись головой подушки. При другой, что особенно свойственно больным и пожилым людям, мучаешься, но не можешь заснуть до утра. А есть усталость старческая. От бессилия клюет какая-нибудь старушка носом, сидя в кресле. Сама того не ведая, каждые полчаса впадает в кратковременную дрему,

но утверждает, что не спит, все слышит и видит. И тут же опять голову склоняет на плечо и даже похрапывает. Общеизвестно, что старые люди добирают недополученное ночью время сна в течение суток».

Лена с улыбкой вспомнила свою любимую бабушку и незаметно впала в зыбкое забытье.

2

Прикосновение к плечу вырвало Лену из плена тяжелой дремы. Инна наклонилась к ее уху. Ей не терпелось спросить о реакции подруги на появление в их компании Андрея. Лена ответила тихо и на удивление спокойно:

- Сердце вздрогнуло, чувства на миг захлестнули, но я лишней раз убедилась, что тогда, сорок лет назад поступила правильно. Я бы не смогла как Эмма. В таких делах лучше сразу отсекаешь.

- Сознайся, все эти годы не оставляла надежду на встречу?

- А смысл?

«Ответила без запинки, словно отлично выученный, многократно продуманный урок. Не хочет переубеждать себя в том, что промашку сделала, - подумала Инна и неуверенно пробормотала:

- Мне почему-то жаль.

- Мне тоже, - мягко сказала Лена и закрыла глаза.

- Может, зря тогда спугнула свое счастье?

- Так-то ты меня поняла. Не блажи, - урезонила Лена подругу.

«В который раз я это слышу? Уловила момент, когда затеять разговор, - с некоторым раздражением подумала Лена. - Похоже, я начинаю терять терпение. Устала».

Но добавила она спокойно и сдержанно, придав голосу необходимую убедительность:

- Каждый день готовиться к преодолению любых неожиданностей? И к чему бы привела эта затяжная борьба? Вряд ли мы пришли бы к обоюдному согласию, а любовь все равно потеряли бы. Теперь, в нашем возрасте, чтобы понять человека много не надо: отдельные жесты, невзначай брошенные фразы, взгляды - и все ясно. Насквозь всех видишь. А тогда... Наставлять жениха на путь истинный? Его природу не перешибить. И я не могла изменить своим принципам. Не имело смысла тратить свою жизнь на борьбу с фантомами.

Инна опять наклонилась к Лене, желая продолжить разговор.

- Он был бог, а ты - богиня!

- Конечно, чувствовала, что я не эпизод в его жизни, ощущала себя любимой, желанной, но... как оказалось, не единственной. И все же он - моя любовь на всю жизнь. И ничего тут не поделаешь.

- В его табели о рангах ты была на первом месте. «А счастья не было, и нет. А может быть, его не надо?» Это только в раннем детстве нам казалось, что стоит взобраться на крышу своего дома - и все звезды навсегда твои. Помнишь, влезали, любовались, восторгались, разочаровывались...

- Это ты у нас обладатель всеобъемлющей памяти, так сказать, «гений тотальных воспоминаний». Ты же знаешь, что кроме Андрея в моей душе есть обожаемый человек. Но с ним я только на «вы». Ему хочется видеть меня счастливой. Его уважение питает меня. Помню, при первой нашей встрече он так тепло на меня смотрел, так доброжелательно разговаривал! И я поняла: «Вот он, мой человек!» А Андрей был и останется в моей судьбе навсегда. «Не отрекаются, любя». Он незримо присутствует во всем. Он - часть меня. В моей душе всегда звучат слова любви, произносимые только его голосом. Лишь его имя накрепко соединилось в моем сердце с прилагательными

«любимый», «единственный». Ни в кого не влюблялась, ни от кого не теряла голову. В моей жизни больше не было места серьезным отношениям. И вообще, охи-вздохи – не моя тема, – усмехнулась Лена.

– Всех мужчин меряла по Андрею. Аристократ, интеллектуал! Остальные претенденты на его фоне были мелковаты и сероваты? «Кто раз любил, уж не полюбит вновь». И ты этому несказанно рада? Это же патология. Это все равно, что всю жизнь идти с любимым по разным сторонам одной дороги. Боялась нового предательства?

– Мое чувство к Андрею не стиралось, не сглаживалось повседневностью и бытом. Видно за мной с небес всегда наблюдал мой ангел-хранитель, не позволявший делать глупости, – пошутила Лена, смущенная своей излишней откровенностью.

«Однолюбы существуют? Андрей был для нее тем нервом или той артерией, без питания из которой ее тело омертвело бы для любви? Придумала идеальную любовь и тешит себя. А сама даже не задумывалась, откуда у него такие знания в вопросах секса. Хотя... наверное, считала, что все мужчины в этом плане одинаковые. С ее-то неопытностью... Скрывает от самой себя правду, миф поддерживает? Неколебима и тверда, как гранитные ступени перед бывшим обкомом. Жить без мужчины – вредно для здоровья женщины. К чему ей такая идеалистическая, лебединая верность?» – сочувственно подумала Инна и вспомнила, как Лена «отшивала» обожателей. Она говорила: «Я ценю вас за то, что вы уважаете меня и не предлагаете того, что осмеливаются предлагать неумные и неадекватные мужчины».

Инна остановила поток своих размышлений и заметила небрежно, но с некоторой грустинкой:

– Как же, неподражаемый Андрей!

Лена уловила настроение подруги, но не поняла его причины, и поэтому промолчала.

– Как ты сумела не возненавидеть Андрея? Я бы не смогла.

– У него слишком много достоинств, они не позволяли.

– Вот что я тебе скажу: ангел-хранитель у тебя внутри, в голове. Может, тогда и Федька – Эммино трудное счастье, раз несмотря ни на что она не вымещает на нем свои обиды?.. Нет, нет и нет! – возмутилась Инна и вдруг добавила зло и горько:

– Я была слишком жестоко наказана судьбой-злодейкой за единственную, сломавшую всю мою жизнь ошибку юности. Она «благословила» меня ударом в самое сердце. И это решило мою участь. С тех пор все хорошее, попадающееся на моем пути, доставалось другим. Я любила жизнь, а она меня – нет. Я мечтала, но жизнь по-своему прорастала во мне и утверждала свою правду бытия. Другое дело ты...

«Тысячу первый раз это слышу. С чего это сегодня, на ночь глядя, Инна взялась исповедоваться? И меня провоцирует. Могла бы на завтра отложить, – удивилась Лена. – Обычно она так говорит о себе, находясь в состоянии депрессии».

– Инна, ты заточила себя в пространство обид и сгораешь в его костре. Понимаю, труднее всего хранить тайны и прощать обиды. Но ведь надо.

– Я летела на яркий огонь. Тлеющие не привлекали. Он как-то сразу мне глянулся. Его слова звучали для меня прекрасной музыкой любви. Он открыл мне мир счастья, я была в раю... Остерегала меня мама: «По краю ходишь». А я ей: «Ты слишком старомодна». А она: «Это никому не мешает жить». Мне приходилось выслушивать её истерики, ей – мою незрелую логику. Потом разразился скандал и наступил мой черный день. Беда к беде льнет. Почему судьба уберегла его от заслуженного возмездия? А говорят, она и за печкой найдет. Да шут с ним... С тех пор я стала критичной, категоричной, подверженной мрачным мыслям... И если бы не ты...

Побыть хотя бы один день на том свете, в раю, чтобы узнать, стоит ли он того, чтобы убиваться о своих бедах на земле? Может, лучше радоваться тому, что есть?.. И тебе я там попридержала бы местечко, – Инна покривила в усмешке губы.

– Куда тебя понесло... Ну если только по мановению волшебной палочки. Добавить

колоритных деталей?

- И сказал дьявол: «Перебьешься»... Моим миром уже правят галлюцинации. Я терпеливо жду своего часа, - пустым голосом сообщила Инна. - Что, неподходящий момент для исповеди?

Лена вздрогнула и как-то пришибленно пробормотала:

- Ничего подобного.

Страх за подругу перехватил ей дыхание. Тревога и боль угадывались в лице Лены. «Опять болезнь вернулась? Не может быть! Давно не напоминала о себе», - возражало ее доброе слабое сердце. И она, отвлекая и отвлекаясь, сказала:

- Во всех нас уживается несочетаемое. Все мы продвигаемся к истине через свою боль и чужую грязь, а иногда через трансформацию романтизма в цинизм. Человек - самая сложная из природных «стихий», из живых единиц, потому что к нему прикладывается сознание и социальная составляющая.

И чтобы окончательно уйти от больно задевших ее откровений подруги, Лена заговорила о себе:

- Ты любила, и я не обделена любовью. Я была счастлива до такой степени, что думала: «Так не бывает, это слишком прекрасно, чтобы быть правдой». Я знала, что значит любить, жертвовать собой, верить, надеяться... Уступить естеству, с кем угодно искать успокоения в нехитрых удовольствиях плоти? И все ради статуса замужней дамы, чтобы злые языки не трепали мое доброе имя, ради дополнительной брони от «набегов» мужчин? Да никогда! Сама со всем справлялась.

Хотя, что мешает подонкам натравливать друг на друга хороших людей, выпускать жало без причины, если их сжирает пламя зависти, если они переполнены горячей сладострастной любовью к сплетням? Невозможно противостоять этой напасти. Они ни за что от себя не откажутся, хотя бы на том основании, что оболгав кого-то, чувствуют себя выше, значимее. Как много «интересного» у них можно узнать о себе!.. Как нам бывает больно! Как трудно защищаться от этого мира. Какая нужна огромная сила духа... Иногда хочется закричать: «Господа-товарищи, будьте милосердны! Не забывают, что вы люди!»

- Я аплодирую тебе! Трудно быть красивой и талантливой. Скажешь, убийственная логика? Опустить человека совсем не трудно. Ох, я бы с ними потягалась! Оттянулась бы на славу, расставила бы всех их по ранжиру, - разразилась Инна тихим презрительным смехом. И затихла, вдруг поняв, что Лена нарочно увела ее мысли в другом направлении, чтобы не продлить трудный разговор о ее болезни.

- У кого в семьях всё хорошо, те помалкивают, - спустя минуту, сказала Инна уже совершенно спокойно.

- Ты о наших девчонках?

- И о них тоже.

- Не грусти. Жизнь продолжается. Еще неизвестно кому в чем больше повезет, кто и что может сократить или удлинить чью-то дистанцию, - утешила подругу Лена.

Она замолчала. Обе думали об одном. Инна знала, что Лена понимает ее, как никто другой на всем белом свете. И от этого ей становилось легче.

Галя

Наверное, Кира уже спала, когда ее чуткий сон нарушил вскрик Инны за стеной. Она разобрала только имя Галя. И полетели воспоминания.

Василина Шлосс, ее давняя подруга, узнав, что Галя после МГУ училась в одной группе с Кирой, по секрету поведала ей печальную историю ее бегства из Москвы.

Василина жила с Галей в одной комнате общежития на Воробьевых (Ленинских) горах. (Как мир тесен!) Собственное трудное детство с отцом-деспотом воспитало в ней человека сочувствующего. В устах Василины рассказ прозвучал искренно и грустно.

Их было пятеро, увлеченных идеей поступить в университет. Василий был из Белгородской области. Ему двадцать один год, он цыганской внешности, зеленоглазый, коренастый штангист, беззаботный весельчак и гитарист. Валера – двадцатидвухлетний украинец из Винницы: темно-русый, худой, скуластый, раздражительный, вот уж четыре года подряд каждое лето живший у бабушки своего друга. Одноклассницы Галина, Лена и Лариса учились в одной школе с Василием. Лариса смешливая, кареглазая, с пушистыми, золотисто-рыжими волосами в длинных косах. Лена – светловолосая, подростково-угловатая и очень серьезная. Она даже свою прелестную улыбку – этот важный для любой девчонки «реквизит» – всегда прятала.

А Галина – высокая, темноволосая и голубоглазая. В своем запоздалом физическом развитии, в шестнадцать лет она выглядела на тринадцать. Крупные кисти рук с широкими мозолистыми ладонями и длинными сильными, словно железными, пальцами, противоестественно контрастировали с худенькими плечами, и узкими бедрами. Галя, очевидно, понимая эту несоразмерность, по возможности, на людях старалась прятать их за спину.

Не гармонировали руки и с нежным, совсем детским лицом. А оно не подходило к ее глубоким строгим глазам, потому что даже когда Галя улыбалась, и подвижное круглое личико сияло веселыми лучистыми ямочками, глаза оставались грустными. Но в них почему-то хотелось смотреть и смотреть, особенно, если они были приветливы и удивительно ласковы. И тогда оторваться от них, завораживающих чем-то непонятным, немного нездешним... было невозможно. Хотелось пить и пить из них любовь и доброжелательность. Этим глазам хотелось верить. Во взгляде Галины не было страсти и огня, но он притягивал своей неземной, божественной силой и не отпускал. Ловить его на себе, наверное, хотели бы многие мужчины. Редко кому удавалось подглядеть Галю в эти чудные мгновения, но если случалось, то она на всю жизнь запоминалась, оставляя в душе свой неизгладимый задумчиво-заманчивый след. (Теперь рекламщики сказали бы: взгляд на миллион.)

Галя еще не сознавала необыкновенного магнетизма своих глаз, притягательности еще по-детски наивной чистой красоты и доброты своей мягкой нежной души. Все ее мысли были поглощены учебой в школе и дополнительными занятиями, которые она устраивала себе сама, без принуждения и понукания. И вот именно в эти строгие часы у ее подруг создавалось впечатление, что Галя про жизнь знает много больше, чем они, но сама об этом еще не догадывается.

Валера поражал Галю категоричностью, необоснованностью суждений и неожиданными взглядами на жизнь. Как-то он заявил:

– Есть Россия, а есть Украина – и не надо нас в одну кучу сваливать. Мы разные и жить должны врозь.

Галя, воспитанная в духе единения и дружбы народов великой страны, впервые услышав подобное заявление, сначала растерялась, удивленно забегала глазами с Василия на Валеру, а потом весело сказала:

– Ты просто тоскуешь по своей малой родине, по любимому кусочку нашей большой страны. Для меня все народы СССР равны. У нас со всеми не просто дружба, братство! А

у тебя вздорный характер, поэтому ты нетерпим в мелочах. Перевоспитывайся!

- Редко кому из взрослых тварей дается агония прорастания крыльев, - угрюмо возразил Валера.

- Душа может проснуться в любом возрасте! Иногда, даже неосознанно. Ей толчок нужен, - не отступила Галя.

Валера посмотрел на нее, как на маленькую глупышку, и все же замолчал. Василий не вторгался в их спор, наверное, для того, чтобы он не имел продолжения.

А как-то Валера грубо заявил при Гале, что есть человек (по-украински мужчина), а есть женщина, и этим все сказано. Такого она не могла стерпеть.

- Ты считаешь себя умнее, эрудированнее и сильнее меня? А может, еще какие-то, неизвестные мне качества в себе отыщешь? Потягаемся? - взбеленилась она. - Я сомневаюсь, что пальма первенства в нашем соревновании будет принадлежать тебе, - добавила она чуть мягче, критически оглядывая невзрачную, худосочную фигуру и красное от угревой сыпи, желчное лицо Валеры.

Тот завелся было, окрысился на Галю, но Василий, сделав примирительный жест, перевел разговор в приятное для всех русло. И все же, несмотря на недопонимание, к Валере Галя относилась, как к старшему опытному товарищу, сама не задевала, щадила его самолюбие.

С Василием у Гали были сложные отношения. Влюбившись в начале восьмого класса «в первого парня на деревне», она боготворила его не долго. Уже к весне разочаровалась в нем и осознала, что никаких серьезных планов на его счет в будущем строить не собирается, что неоднократно подчеркивала в коротких репликах, осуждая ребяческую бесшабашность и безалаберность своего бывшего кавалера. «Душа моя не принимает и отторгает тебя. С раннего детства я ненавижу соприкасаться с пошлостью и грубостью. Я отгораживаюсь от них, потому что не умею достойно, без высокомерия, ставить невоспитанных людей на место. Я мечтаю о взаимопроникновении душ, а у меня с тобою такого не происходит. Мы можем быть только товарищами», - терпеливо объясняла она упрямому обожателю. Василий же, в свою очередь, советовал ей не торопиться выбивать почву у него из-под ног, повременить. Давал понять, что для него не все потеряно, что он дождет своего часа, и тогда жизнь покажет, кто был прав, но соглашался с тем, что на данном этапе серьезная подготовка в вуз - на первом месте, «ну а девушки, а девушки - потом».

Матери Гали не нравилась дружба дочери с Василием. Она осторожно упрасивала ее: «Не водилась бы ты с ним. Он человек недостаточной культуры». А Галя отвечала: «Мамочка, не волнуйся, я давно порвала с ним. У нас деловые отношения. Мы вместе решаем задачи». Не одобряла мать и «пустой» затеи с поступлением в престижный университет, советовала приобрести «хлебную» профессию: поступить в пищевой или технологический вуз, как сделали дети друзей их семьи. «В твоём распоряжении все близлежащие, крупные города, а поступление в Москву - редкий, беспрецедентный случай! Он выпадает деревенским школьникам раз в десять лет, - сердилась она. - И бабушка наша сдавать стала. Ты могла бы чаще ее навещать. Это ее поддерживало бы. Она так тебя любит!» - использовала мать запрещенный прием.

Галя привыкла верить матери на слово, а тут заупрямилась. И той оставалось лишь бдительно и зорко следить, чтобы дочка не наделала глупостей, часто оставаясь в компании двух взрослых мужчин. Бабушка тоже вздыхала и внимательно приглядывала за внучкой во время ее занятий с молодыми людьми. Несмотря на то, что напластовавшийся за годы проживания в деревне страх послушаться родственников давил своей тяжестью привычки к подчинению, Галя нашла в себе силы прорваться сквозь него и упорно отстаивала свое право на выбор профессии, вуза и отношений с друзьями. Она успокаивала родных, утверждая, что Василий - ее детское прошлое, что ни он, ни она не способны на бездумные поступки, обижалась на недоверие взрослых, не понимала их беспокойства. Мир для нее был прост и ясен, ответы на все вопросы понятны и однозначны. (Ах, это прекрасное время милой глупенькой наивности и чистой веры!)

Галя не воспринимала предостережений матери, потому что видела в Василии

обыкновенного товарища, наподобие одноклассника. Она не предполагала, не замечала и не чувствовала в нем мужчину с прочно укоренившимися убеждениями и привычками своего круга друзей, к тому же побывавшего во многих жизненных передрягах. Галя думала только об уроках, не вникала в суть своих отношений с Василием, с ее точки зрения уже давно решенных и определенных. Она не оценивала неприглядную, как считали взрослые, двусмысленность своего положения и не боялась попасть под влияние Василия. Галя еще не знала, что наивных девочек всегда караулят несчастья и беды, потому что матери от всех случайностей оградить не могут. Свою голову надо иметь.

Пролетели выпускные экзамены. Заветная медаль лежала в кармане. Стопка местных районных, областных наград и грамот по результатам олимпиад МГУ, училища имени Баумана и физтеха вселяла надежду, но не давала гарантий. Почему выбрала физику, а не математику, которой в большей степени увлекалась? Потому что физика ближе к реальному миру. Последняя грамота по физике вручалась Гале в РОНО нервной дамой, в глазах которой была зависть и злость. Оборвав девочку на полуслове, она сунула ей в руки скромный листок с приглашением поступать в МГУ и, не дав дочитать его до конца, в буквальном смысле выставила ее за дверь.

«Странно, грамоты обычно вручают торжественно. И почему эта женщина такая злая, будто мне досталась то, на что она рассчитывала сама», – недоуменно пожимая плечами, размышляла Галя, энергично шагая по пыльной проселочной дороге. Но вникать в причину чужих эмоций ей не хотелось. (Только несколькими годами позже в случайной беседе она узнала, что элитная школа (как ее называли за глаза) в последней всесоюзной олимпиаде не заработала ни одной грамоты. А тут, видите ли, какая-то безвестная девчонка-выскочка из сельской школы получила право на льготы при поступлении в главный вуз страны! Можно сказать, что был затронут престиж городской школы. Хотя, какая она городская? Поселковая. Статус ей почему-то такой дали.) Вот уж о чем не думала Галя, так это о престиже чужой школы и о собственной гордости. Ей даже было немного неловко, что ее подруга Валя – как ей казалось, более «сильная» в науках – обойдена наградой. Именно это и пыталась она объяснить заведующей РОНО, когда та грубо выпроваживала ее из кабинета.

Наступил день отъезда. Галя впервые покидала пределы области, да еще не куда-либо отправлялась – в Москву! В душе восторг и надежда. Друзья рядом. В сумке вареная курица, хлеб, помидоры. В чемодане теплая одежда на случай плохой погоды и новенький ситцевый сарафанчик, сшитый ею накануне отъезда.

За окном замелькали города и села...

Москва Галю сразу ошеломила. Суета на вокзале вызвала смутение и робость перед огромным городом. Некогда ей было все изучать и переваривать. Она чувствовала себя слепым новорожденным котенком. А тут еще жара разморила. И ведь не сбегаешь к колодезю, что стоит у самой хаты, чтобы водички попить. Пристроилась в очередь к автомату с газировкой, так ее сразу грубо оттеснили в сторону. Пошла к другому. Там народу была уйма, а очередь не двигалась. Оказалось, что вода закончилась. «А тогда чего стояли, не расходились те, кто впереди? Делать им нечего? Дурой меня выставили», – злилась Галя.

Вернулась к друзьям смущенная, растерянная, с виновато-вымученной улыбкой. Потом надо было идти на трамвайную остановку. А она трамвай от троллейбуса не отличила, потому что никогда их не видела. У прохожих постеснялась спрашивать, чтобы не подумали, что из психушки сбежала. И все же вспомнила, что в учебнике по физике про рельсы говорилось. Еще в автобус без очереди влетела. Пассажиры смотрели на нее молча, осуждающе. И она, сгорая от стыда, забилась в угол задней площадки. Не выходить же «против течения»! И в метро на эскалаторе цеплялась за ребят, как самая последняя «деревня», тормозила движение попутчиков, суежилась на ступеньках, выпрыгивала с них, будто дикая коза из кустов. Сама себе была противна...

Гале казалось, что взоры всех людей обращены на нее, такую глупую и невоспитанную, что она вызывает презрительное, насмешливое сочувствие. В действительности, как она поняла позже, до нее никому дела не было. Может, и скользнула по ней взглядом какая-

нибудь беспечная городская школьница или безразличный прыщавый юнец, так и то лишь для того, чтобы тут же забыть, движением ресниц смахнуть запечатленное на сетчатке, но не занесенное в базу данных своего еще недостаточно развитого мозга. «Ах, взмах ресниц, как кисти взмах волшебной...»

А в деревне расторопной считалась. Что поделаешь! Первый раз «в первый класс». Намаялась, напозорилась, пока добралась до величественного главного здания университета. Тут впервые увидела телефоны, лифты, огромные холлы, залы. Голова кругом пошла от всего этого великолепия!

Очередь на сдачу документов в приемную комиссию и получение талона на жилье длинной извилистой змеей растянулась на весь внутренний двор. Молодые люди, молча и терпеливо стояли, выстроившись в затылок друг к другу, и только изредка наклонялись, чтобы переставить чемодан или сумку. Было уже темно, когда Галя в толпе таких же, как она, невезучих девчонок и мальчишек, без талона оказалась в одной из рекреаций семнадцатого этажа. Она вдруг ощутила себя в чужом городе и в этом огромном здании-муравейнике одинокой, никому не нужной и глубоко несчастной. Сердце сжало обостренное чувство оторванности от семьи. Слезы хлынули из глаз. Девочки бросились ее утешать:

- Ну что ты, ночь перекантуешься, а завтра и до тебя очередь дойдет. Нельзя пасовать перед трудностями.

- Я первый раз из дому, - сквозь бурный поток всхлипываний произнесла Галя, горбясь на чемодане и прижимая голову к коленям.

Таким было ее первое знакомство с собой в непривычной обстановке.

- Понятно, - сочувственно произнесла одна из девочек и предложила вместе пойти устраиваться на ночлег.

- Спасибо, я не одна, мне подружки помогут, - пробормотала Галя, уже стыдясь своей слабости.

«Никогда не была нюней, не предполагала, что окажусь слабачкой», - удивлялась самой себе Галя.

Слезы почему-то не облегчили ее состояния. Измученная многочасовым стоянием в очереди, а главное, чувством собственной неполноценности, многократно испытанным за первый неуспешно закончившийся день, она раскисла. Ей показалось, что все у нее теперь пойдет неудачно, и что, может быть, она зря, наперекор матери поехала в этот неприветливый город. То ли было в деревне!

Подошел никогда не унывающий Василий. «Наши девчонки на восемнадцатом этаже. Пойдем к ним», - позвал он. Но там никого не оказалось. Василий пошел разыскивать друзей. Вскоре он вернулся один и успокоил Галю, сказав, что ее подруги и Валерка, скорее всего, уже дрыхнут где-нибудь без задних ног, и что он тоже нашел место для ночлега. Галя машинально отправилась за ним. На выбранном этаже, высокие, незнакомые цветы украшали огромный, пустой холл. Но они не вызвали у Гали теплых чувств. Она опустила на чемодан и снова расплакалась.

Что-то незнакомое, настораживающее, хитровато-деловитое и расчетливое почувствовала Галя в странно суетливых движениях Василия, но она списала это впечатление на счет своей раздраженности и усталости. И тут Василий обнаружил балкон. Это неожиданное открытие привело его, как ей показалось, в неопишуемый восторг. Он-то и усмирил проснувшееся в ней недоверчивое беспокойство. Василий схватил Галю за руку и потащил к открытому окну.

- Галка, смотри, какие звезды! - закричал он.

А она глянула вниз. В черноте огромного двора, как в зияющем ущелье, где-то глубоко-глубоко внизу светилось несколько огоньков. Посмотрела перед собой, на город - бесчисленные таинственные цветные вспышки рисовали причудливые, хаотичные картины... И она в этом огромном мире одна - нестроенная, несчастная... Подняла глаза к необъятному низкому тяжелому небу, слегка расцветченному бледными звездами

- и совсем потухла, растворенная в его черноте. Переизбыток впечатлений окончательно обессилил ее. Так захотелось к бабушке! Галя нащупала в темноте какое-то подобие кресла и опустилась в него. Василий пристроился рядом, на подлокотнике.

- Да ты совсем озябла, - произнес он тихим шепотом, осторожно касаясь ее плеча.

Силы покинули Галю. Но не это было главным. Морально была раздавлена. И Валерки с девчонками не было рядом. Бросили ее. С ними приободрилась бы. Наплакавшись, Галя незаметно погрузилась в тяжелую полудрему. На нее напало абсолютное безразличие ко всему, что происходило в этот день. Ей не хотелось суеты, волнений. Спать, спать, спать.

Во сне Гале казалось, что кто-то - может быть, бабушка - осторожно накрывает ее теплым ватным одеялом. Минуты ли прошли после этого момента, часы ли, она не знала. Только разбудило ее что-то непонятное и неприятное: будто свалилось на нее тяжелое, хрипло дышащее животное. Приняв происходящее за дурной сон, она попыталась окончательно проснуться. Секундная резкая боль... затем тупая, ноющая, тянущая, окончательно приведшая ее в чувство...

Галя открыла глаза, шевельнулась, пытается понять, где она, что с ней?.. Луна освещала балкон. Было очень тихо. Она лежала на двух придвинутых друг к другу креслах. Василий сидел рядом на полу с настороженно-испуганным лицом. С трудом стал доходить смысл произошедшего, но он бесцветный, безразличный, далекий... как бы из глубины подсознания. Нет... не доходит, неопределенно маячит в затуманенном сном мозгу. И только тупая, ноющая боль напоминает о реальности странного пробуждения.

Почему-то непонятные, неосознанные, тихие, горькие слезы полились сами собой. «Не может быть... Мои женские дела пришли, - ухватилась за спасительную соломинку Галя, наивно ожидая чуда. - Так не время, - тут же поняла она свою бесхитростную попытку успокоить себя. - Ничего не было, ничего не произошло, - по-детски упорствовала она в своем нежелании признать случившееся. - Мне только совсем чуть-чуть было больно, а сейчас там, внутри, все саднит как при «гостях».

Но какая тоска на душе! Отчего? Будто из жизни ушло что-то очень важное, будто лишилась чего-то ценного, необходимого. Оно безвозвратно утеряно. Нарушена тонкая, целомудренная грань двух миров - детского и взрослого, - разделяющая мир чистый, нежный, добрый и незнакомый, жестокий, противоречивый, к которому я, не зная его законов, никогда не стремилась? Откуда во мне эти горькие мысли и слова? Словно кто-то независимо от моего желания нашептывает их мне на ухо... Получается, что сообщение о локальном нарушении и боли в поврежденном участке тела передалось по нервным окончаниям в мозг, а он уже задействовал какие-то особые системы, отделы чувств, после которых во мне возникло душевное смятение и сердечная боль. Ведь если я порежу палец, эти ощущения не возникнут... У человека есть подсознание и сознание, связывающие физическое состояние организма с его моральными ощущениями? Они контролируют, но не спасают... - Галя попыталась проникнуть в неизвестную ей область науки. - Может, я имела эти нравственные знания на генетическом уровне, а сегодня они проявились. Наша «анатомичка» что-то похожее как-то после уроков пыталась нам разъяснить, но говорила, что эти идеи пока под запретом... Она у нас передовых взглядов... Все это только теории.

...Мне было хорошо в милом, трудно-радостном, по-своему счастливом школьном детстве. Зачем мне этот новый взрослый мир? Я не готова к нему. Меня устраивала наполненность жизни учебой, спортом, запойным чтением, мечтами и подготовкой к поступлению в вуз, естественным образом отделявшая приход этого опасного периода взросления. Я не хочу раньше срока разрушать свое детство. У меня никогда не было желания открывать и заглядывать за эту дразнящую некоторых девчат, запретную, будто бы соблазнительную завесу взрослой реальности. Она меня не интересовала. Я не имела ни малейшего понятия, чем заканчиваются ухаживания некоторых юношей. Нет... я слышала, читала, искренне сочувствовала несчастным девушкам, но всерьез не задумывалась о том, как это происходит, не примеряла эти ужасы на себя. Мне еще рано... Некоторые мои одноклассницы не очень хорошо решали задачи по математике, а вот жизнь свою, наверное, устроят лучше меня, по крайней мере, глупых ошибок не совершат или сделают их намного меньше, чем я, непрактичная.

...Была когда-то чуть-чуть влюблена. Да и влюбленностью это нельзя было назвать. Он был настойчив. Девчонки завидовали, мол, какой парень! Заинтересовалась, но быстро разочаровалась. Как говорится, нутром почувствовала: не та душа, не мой уровень. Даже если бы и влюбилась... Влюбленность – начало, но не вершина любви. А дальше что? Будни? Зачем мне торопиться в них окунаться?»

Гале почему-то вспомнились «Темные аллеи» Бунина и другие его произведения, которые она читала с Василием. Он приносил ей эти книги. Там была деревенская девочка, которую герой одного рассказа... во сне, походя, по-барски, не задумываясь о ее дальнейших, неизбежных, пожизненных страданиях... «Кому-то все позволено?..» Мне тогда казалось, что попадись тот подонок на моем пути, я могла бы его убить, отомстить за невинно загубленную... Каждый берет от гения то, что ему ближе и понятней? Кому-то, видно, ближе скотство...

Как я оказалась на двух креслах?.. Бабушка всегда шутила, что меня пушкой не разбудить, пока сама не проснусь. Это и подвело?..

А слезы все лились и лились произвольно, будто оплакивали ушедшее детство.

Не заметив слез, дрожащих в глазах Гали, не видя бурной реакции, Василий успокоился, накрыл ее своим пиджаком, уместился в двух соседних креслах и тут же захрапел. Последнее, что мелькнуло в его голове (он сам, позже, куражась, ей доложил): «Не обвинит меня ее мамаша. Мало ли кто в большом городе мог подкараулить глупую девчонку».

Галя лежала, свернувшись калачиком, в огромном неудобном кресле. В сердце был ледник, неприкаянность, одиночество, будто расставшись с гармонией в теле, она потеряла мир в душе. В ней теперь была угрюмая темнота и угнетенность. Опять нахлынула тоска. Чуждое ей состояние. Галя еще не думала о последствиях. Ей было горько и гадко. И вовсе не от боли, она была естественная, обычная, как три дня в месяц. Беспокоила непривычная, тоскливо-ноющая боль в сердце. Сверлила мысль: «Сама ли я как-то в одночасье изменилась, мир ли вокруг стал другим: неприветливым, глухим, черствым, обидным?»

Она прислушивалась к своим ощущениям и не могла понять себя, своих унылых вялых эмоций в связи с потерей чего-то невосполнимого, трудно поддающегося осознанию, исчезновению на бессознательном уровне чего-то спокойного, дающего уверенность. Ею овладело тягостное недоумение. Хаос тупых, бестолковых, безвольных мыслей, громоздившихся и не уплывающих, еще больше запутывал и затушевывал ее сознание. Она лежала безучастная, заторможенная, словно одурманенная. Странное чувство равнодушия, граничащее с забвением, окутало ее.

...Память зачем-то опять подсунула Гале обрывки воспоминаний вчерашнего дня и ночи. Она вновь мучительно попыталась разобраться в сумятице мыслей, в саднящих, неразрешимых противоречиях... Она чувствовала себя необъяснимо задетой, оскорбленной, униженной. Но ей не удавалось из вороха мыслей выделить главную. Где-то на задворках сознания удерживались какие-то знания, но они не касались ее, оставляя в полном неведении... Нет, это не с ней, а с кем-то другим произошло что-то глупое нелепое и жестокое... События отдавались в мозгу далеким глухим эхом и быстро затухали, не затронув, не овладев... Что-то внутри нее отторгало все взрослое, плохое и страшное. Будто некий добрый ангел-дворник заботливо убирал из ее души грязь, далеко-далеко уносил отголоски боли и оставлял ей только светлое, доброе, родное и прекрасное. «Я люблю этот мир и все хорошее в нем! Плохое есть, но оно в другом месте и не касается меня даже краем. Его нет для меня. Мне надо учиться. Это первостепенное и самое важное».

Галю снова придавила тяжелая дрема. Она уже не понимала, где сон, где явь, где боль... Из глубины сознания явилась странная фраза: «Заспать бы свое горе...»

Открыла глаза. И вдруг терпкая, острая горечь снова проникла в ее душу. Внезапно пришло ясное понимание случившегося ночью. Помимо ее воли из горла вырвались

клокочущие хриплые звуки. «Боже! Как все глупо, бессмысленно и дико! А может, ничего не было? У страха глаза велики. Я с перепугу нафантазировала? Книг начиталась? Но боль... – судорогой перевивали ей мозги неразрешимые вопросы. – Я никогда не задумывалась о том, что «это» когда-то произойдет и со мной. На первый план всегда выходили мысли о будущей учебе в вузе, о работе. Да о чем угодно, только не про «это». По моим понятиям «к нему» должен вести долгий серьезный путь: настоящая любовь, годы ухаживаний, замужество. И только тогда... как в книгах – «прикосновенья губ и рук становятся необъяснимо несвязанными с головой, с мыслями, а только с чувствами»... А тут... все так бездарно, непонятно, гадко... «Быстро перетерлись в пыль иллюзии юных лет...» Ей на ум пришла строчка из любимой песенки Василия: «И моя юность раскололась как орех».

Галю ошеломила быстрота с ней происшедшего. Секунда, мгновение... Такое невозможно понять, осмыслить, в такое не получалось поверить. «Я могла бы представить себе что-то особенное, заботливо-ласковое, восхитительно-прекрасное, восторженное... допустим, любимого, стоящего на коленях с кольцом и цветами в руках... нежные поцелуи и обещания вечной любви. А все «это» – только после загса.

Я, конечно, читала «Воскресенье» Толстого и многое другое, но все равно не связывалось случившееся в романе со мной в единую цепочку. Будто отдельные ее звенья были разбросаны в сознании... Наверное, отсутствие в мозгу этой логической цепочки между восхитительным ухаживанием и последующим... непредставимым... физическим контактом у юных, наивных девочек и приводит к трагедиям? Неподготовленность заканчивается растерянностью... Ломается жизнь... Это в сказках все заканчивается свадьбой.

Одноклассницы на переменах часто шептались о чем-то секретном, но только те, которые не собирались учиться в вузе, которые замуж торопились. Я в классе была не единственная книжная, романтическая дуручка. Валя, Лена и Лариса – такие же, далекие от жизни девчонки. Мне не повезло? Да, я глупая. Но я не влюбленная дуручка, из-за парня потерявшая голову! Василий воспользовался мной воровски, подло, а теперь спит, словно ничего не произошло... Нет, вся эта дикая, глупая история не могла произойти со мной доброй, честной, и как раньше казалось, умной девочкой!..

«Не этой ли бессердечной казни моей наивности боялись мама с бабушкой? Так почему же подробно и доступно не объяснили мужскую суть и другие... взрослые вещи? Думали, что я всё знаю от подружек? Но ведь сами же не разрешали дружить с «плохими», слишком взрослыми школьницами. Я, будучи послушным ребенком, не читала «запрещенные» книжки. И подружки не давали их мне, побаиваясь моей строгой мамы, – продолжала Галя в уме диалог с воображаемым внутренним оппонентом. – А своя голова зачем дана? Но я не задумывалась, как... «это» происходит. Мне некогда было, я каждый день решала самые трудные задачи по математике. Мама стеснялись говорить со мной на эти темы? Считала, что я еще мала? Но ведь волновалась, грозила, пугала чем-то эфемерным, до конца мною не осознаваемым, но стандартным, обычным, мол, не принеси в подоле. Отправляя в город, могла бы растолковать. Я ищу виноватых?

Причем тут утрата осторожности! Я не боялась товарищей. В поезде с попутчиками не общалась. Мать говорила, что Василий и Валера – взрослые мужчины, а не мальчики, но я не видела в них угрозы. И почему инстинкт самосохранения ничего мне не подсказал? Он еще не проснулся во мне?

...Ну поцеловалась с парнем. Не понравилось ни целоваться, ни обниматься. Видно, еще не доросла до понимания взрослых ощущений. К тому же разочаровалась в поклоннике как в человеке, вот и всё. Учеба, домашняя и общественная работа заполняли всю мою жизнь, не позволяя внедряться в мозги глупостям. Я презирала девчонок, рано интересовавшихся парнями».

Галя не думала о последствиях странной ночи, потому что не могла разобраться ни в сути, ни в чувствах, ни в ощущениях от того жуткого события. Мысли ее не шли дальше обиды. «Почему это случилось со мной? В чем я виновата? Жизнь виноватит всех без разбора? Нет в моей душе точки опоры... только растерянность и ощущение тупика. Даже в сказках бывают три искушения, три попытки, а тут ни одной... сразу беда».

Какая нескончаемая ночь... Ответы на вопросы не находились. Впервые в жизни мир для Гали стал непонятным, неоднозначным и жестоким. В тяжелом стоне опять выплеснулась скопившаяся в груди обида на Василия и раздражение на себя.

В окна уже вползала серость раннего утра. Усталость бездарной тусклой ночи снова смежила веки несчастной, неожиданно жестоко повзрослевшей девочки.

...Очнувшись, она опять с особой жалостью почувствовала себя маленьким ребенком, абсолютно не сформировавшимся ни внешне, ни внутренне. Заснуть не удавалось. Серьезная по своему значению и глубине, но не совсем осознанная, огромная нравственная боль никак не проходила, остро и мучительно тревожила. Что оставила она в душе? Смуту, стыд, скорбь, упреки себе и подлецу. Они заслонили ей весь мир, стерли все радости жизни.

...Сквозь тяжелую полудрему пробилась горькие мысли: «А к Василию какие у меня чувства? Честь мою растоптал, в душу нагадил и свою в дерьмо опустил. Ненавижу! Избить сонного... как он меня... сделать его калекой? Но я же не зверь. И меня посадят за хулиганство. Бабушка говорила, что если соберешься кому-то мстить, копай две могилы. (Галя не знала, что это Василия могли наказать за нее, несовершеннолетнюю.) Но оставить преступление Василия безнаказанным тоже неправильно и несправедливо. А что я смогу доказать? Только опозорюсь. А как же экзамены? Василий могильщик моей мечты? Отсутствие ее вовсе лишит меня моральных и физических сил.

Почему у меня нет вспышек бешеной энергии возмущения, яростного желания отомстить? Нет сил даже на бурные эмоции. Какие уж там действия... Стресс? Я настолько угнетена своей бедой, что не в состоянии поднять руку на этого гада? Странная, тупая задавленность чувств... Неожиданная реакция организма. Не понимаю себя. Я же должна его бить-колотить! Упустила время всплеска эмоций? Нет, их не было. Я сломлена? Я не вижу смысла воевать, потому что ничего уже нельзя изменить?..

«Я даже в этой безнадежной ситуации остаюсь математиком. Не могу без анализа, всюду ищу логические связи, перебираю варианты, – криво усмехнулась Галя. – Как недолго длилось мое счастливое шестнадцатилетие!»

В деревне я и словами, и физическим воздействием смело защищала подруг от приставучих мальчишек. Доставалось им от меня! Только других защищала? Нет, и себя тоже. Помнится, тогда, у сельского клуба я спустила с лестницы шофера... Напади Василий на меня открыто, я бы сумела за себя постоять, я бы защищалась из последних сил, зубами бы его рвала, а он подло, спящую... Убить? «Желание убить еще не преступление», – сказала Агата Кристи устами частного бельгийского сыщика Пуаро. Но ведь надо же как-то наказать... Мысли и дела – не одно и то же... Как же быть? Хожу по кругу... Сколько еще подобных вопросов мне придется разрешить, пока я, наконец-то, повзрослею и поумнею! Смогу ли все их одолеть?»

«Лежит это грубое животное в двух шагах от меня. Ничего его не волнует, не беспокоит. «Мавр сделал свое дело, мавр может уходить»? Что хочу, то и ворочу? Хочу пью, курю, хочу... И ведь ничего не предвещало... Развесила уши... Как низко он пал! Гадкий, противный. Сволочь! Ненавижу! Подонок! А еще претендовал на наставничество, учил жить. Думает, завоевал, заставил быть его собственностью, наверное, доволен, что хоть и предосудительным, подлым способом, но добился своего? Нет, промахнулся. Не выйдет!

Для него такое поведение привычно? Разве счастливым насильно можно сделать? Человек способен творить страшные вещи без особой на то причины, не отдавая себе отчета в содеянном? Захотел – и всё? Это что-то звериное?.. Вряд ли тут присутствовало состояние аффекта. Это что-то другое, преднамеренное, продуманное. Да человек ли он, если так безоглядно и кощунственно... Мама спросила бы: «Кому он обязан такому бесчувствию? семье, улице?» Как бы она поступила на моем месте?.. Ни ей, ни бабушке я не смогу рассказать о своем позоре. Мама на прощание пригрозила Василию то ли в шутку, то ли вполне серьезно: «Ты за Галю в ответе. Случись что, отец посадит тебя, а я голову тебе оторву». Напугала! Они верили, что их ученик не позволит... А он уже три года, как вне школы и другую марку держит, другой ветер «студит ему виски».

В адрес насильника с онемевших губ, сведенных судорогой обиды, просились резкие

слова, но горло перехватывали горькие спазмы. Гале вспомнилась ее давняя перепалка с Василием:

- Я не люблю тебя.

- Моей любви на двоих хватит, - доказывал он величайшую из глупостей.

- Сомневаюсь в подлинности твоих чувств. Слишком легко говоришь красивые слова. Пустобрех... Уйди. Я план на сегодня по задачам еще не выполнила. И вообще забудь о моей детской влюбленности, как забыл ты о многих своих увлечениях.

А еще вспомнила она то, что послужило поводом к их окончательному разрыву. Василий съездил в отпуск к матери в Грузию и вернулся оттуда другим человеком. Он с восторгом рассказывал, как местные ребята говорили, что русская девушка для них как пластинка: поиграем на одной стороне... «И ты не защитил наших девушек?! - бросилась я на Василия с кулаками. - Я тоже русская! Если бы ты попытался оскорбить их девушку, тебе бы так досталось! Ты на всю жизнь запомнил бы, что такое уважение к грузинской женщине. Как нас могут уважать мужчины других национальностей, если свои, русские, не уважают и не ценят?! Видно, у тебя без тумачков даже простые вещи в голове не задерживаются... Ты и в Грузии нашел подонков, не способных понять нашей женской добросердечности, тех, которые доверчивость и жертвенность принимают за распущенность. Собственно... свинья везде грязь найдет. А еще умным в школе считался!

Влюбившись в меня, ты многого достиг в понимании физики и математики, но не изменил своей «закваски», своей пошлой сути, заложенной улицей. После школы твоими друзьями стала кучка отпетых непутевых недоумков. С ними ты окончательно превратился в дебила, в примитивного мужлана. Ни математика, ни музыка не сделали тебя человеком. Они - прикрытие, красивый панцирь на твоей гнилой душонке. Я таких как ты к себе на пушечный выстрел не подпускаю».

Мне казалось, что после моих жестоких слов Василий задумается над тем, как и чем живет, изменит круг друзей. И когда он снова стал готовиться к поступлению в университет, я порадовалась за него. А он затаился... и отомстил мне за нелюбовь. На лице беззаботная улыбка, а внутри, оказывается, он злой и мстительный? Что для него жизнь? Интересная игра, в которой он использует и не щадит партнеров? Ему важно несмотря ни на что вести в своей игре?»

Галя встала. Подошла к окну. Первые лучи солнца вяло нашаривали рваные облака, стоящие на уровне восемнадцатого этажа. «Они где-то подо мной. Странная картина. Небо с землей поменялось? Нет, это я в ловушке облаков... И у меня в жизни все перевернулось с ног на голову. Осталось броситься в эти облака, чтобы не наводнять мир обидами... А мечтала взлететь, воспарить... Вчера вошла сюда одним человеком, а выйду другим.

Вот так Василий доказал мне свою любовь? Вот из каких гадких моментов, оказывается, состоит жизнь! Как осознать и пережить случившееся? Боже мой! Чем снять тяжесть с сердца? Как поскорее перевернуть эту жутко гадкую страницу?.. Что ж, эту часть жизни я проиграла. Не сорвать бы поступление. Нет, я сильная! Не сдамся. Я запрячу разочарование и обиды в самый дальний угол души, а дальше вожжи в натяг буду держать. Здесь все будет зависеть только от меня и моих знаний. Нет в жизни ничего такого, чего бы ни перенес человек, оставаясь при этом достойным. Все пройдет. И эта душевная боль тоже».

Решение созрело быстро и закрепилось прочно. «Я буду всеми силами сопротивляться чувству отчаяния. Разве жизнь окончена? Разве впереди не будет ничего хорошего? Будет, если поступлю», - сказала сама себе Галя.

Валера спасовал, решил ехать поступать в Киев. Василий зло потребовал ответа:

- Говори, не ходи вокруг да около. Между друзьями не должно быть недомолвок. Брось

тень на плетень наводить. Струсил? Меня решил бросить? Сознаться.

Истинной причины Галя от Валеры не стала дознаваться, а сам он сказал ей: «Сматываю удочки – и точка». На прощанье он грустно взглянул ей в глаза и вручил свой пропуск на подготовительные курсы. Она, еще не понимая ценности подарка, шутливо его поблагодарила, мол, по гроб жизни буду обязана. За три недели тех занятий Галя поняла в математике и в физике столько, сколько не смогла осознать в деревне за годы учебы. Замечательные педагоги упорядочили ее неплохие знания. И она, с присущей ей тщательностью, старалась разобраться и быстро сориентироваться во всем, что преподносилось на курсах. А вечерами она передавала полученные знания своим подругам, тем самым закрепляя их в своей памяти.

На контрольной Галя сработала безукоризненно. А на устных экзаменах им всем помогло то, что перед тем, как зайти в аудиторию, Галя в коридоре опрашивала каждого, уже сдавшего. Оказалось, члены комиссии требуют мгновенно чертить графики любых функций, а в школе они их только по точкам строили. Так требовал учитель. Мигом освоили. Экзамены прошли уверенно и успешно. На основных дисциплинах Галя набрала два лишних балла. Ей после третьего экзамена сказали: «Вы поступили».

С немецким языком Галя помогла Василию тем, что все три дня перед экзаменом заставляла вслед за собой повторять текст его биографии. Она считала, что у абитуриента, имеющего три года рабочего стажа другого не спросят. С переводом текста со словарем он сам мог справиться. И вдруг Василий получает пятерку, а она тройку. Галя в шоке. Спросила:

– Везение? Случайность?

Василий ответил самодовольно:

– Понравился экзаменаторше. Я же мужчина!

Галю задело его бахвальство, но она гордо промолчала. А через три дня она стояла у стенда зачисленных с глупым, беспредельно счастливым лицом. Боялась, что сердце от радости разорвется. Спасло то, что очень устала. Не было сил даже на положительные эмоции. А еще ее больно резали по сердцу широкие черные полосы в списках абитуриентов, скрывающие фамилии провалившихся.

Лена и Лариса поступили на теоретическое отделение, а Галя с Василием на прикладное. Поселили девочек в разных комнатах на разных этажах главного здания, а Василия в пятиэтажном мужском корпусе.

Начались занятия. И вот тут-то с Галей стало происходить странное и непредвиденное: тошнота, рвота, головокружение, обмороки. Чувствовала она себя прескверно. Первую неделю предположила отравление, потом испугалась. В ней сумрачно заворошилось беспокойство, и она сторбилась под тяжестью медленно надвигающегося предчувствия. Еще неделю промучилась в неведении. Неопределенность камнем давила на сердце. Мысль о предполагаемой трагедии ни на минуту не покидала ее. Какая там учеба! Все плыло перед глазами. Прекрасные лекции не усваивались, удивительные педагоги не радовали, на праздничные мероприятия не ходила. Догадка уже граничила с уверенностью. Но так хотелось надеяться... Напрасно. Галя пронзительно ощутила свою беспомощность. Она почувствовала себя насекомым, не на смерть раздавленным грубым башмаком, и окончательно сникла. «Насколько я могу судить, в этом смысле я не представляю собой исключение из общего правила: у всех наших родственниц был жуткий токсикоз, и мое состояние здоровья сослужит мне в учебе плохую службу», – тоскливо рассуждала Галя.

И на самом деле всё у нее пошло из рук вон плохо. Затруднения и проблемы обступали со всех сторон. Ее нещадно рвало, она жутко страдала от голода и на глазах худела. Засиживалась над книгами допоздна, но науки не шли в голову. Чтобы заснуть, она бродила по коридорам до полного изнеможения с единственной мыслью: «Зачем мне терпеть такие мучения? Сносить их ради появления на свет желанного ребенка – это было бы естественно, но рожать от нелюбимого человека... А как же учеба?»

Снова и снова она задавалась вопросом: «Почему Василий так поступил? Что подвигло его?.. Представился шанс уломать строптивую? А нравственные принципы, которым учили в школе, а жалость? Понимал ли он, что уничтожает мою судьбу или мыслил по старинке – «стерпится – слюбится»? Наверное, верил в свою непотопляемость... Что ему терзания оскорбленной, униженной девчонки? Сам-то живет припеваючи, в собственное удовольствие. Ни моральных, ни физических страданий не испытывает. Его колхозное «авось пронесет» сыграло свою роль? Какое он имел право распоряжаться мной? Может, он многое видит совсем иначе, чем я или просто не хочет ничего замечать?

Раньше я не углублялась в причины его поведения, потому что не собиралась иметь с ним серьезных отношений, а он беспрестанно говорил о нашем совместном будущем. За такого выходить замуж? Он же всю жизнь испоганит. Он дурак? Негодяй? Сердце у него слепое, а не глаза. И цена его слов – полушка в праздничный день... А я вот так, «за здорово живешь», теперь калечу свою жизнь. Непредсказуемый человек бывает интересен. Но не в этом случае. От Василия можно ждать только каверз и ловушек. Он относится ко всему легко в силу плохого воспитания или беспечность – его врожденное качество? Говорят, бессилён разум, не способный доказать очевидные вещи человеку, который не желает их понять».

В голове Гали и на занятиях кружились клочки ускользающих, растекающихся, мрачных мыслей. «Эх, думала, что с поступлением в университет что-то красивое, серьезное и очень важное войдет в мою жизнь, а из-за этого гада у меня плоская, жестокая обыденность! Всё против меня. Кругом одни минусы». Она с предельной ясностью ощущала весь ужас и безнадежность своего положения. «Вот он тупик, вот он прыжок в неизвестность... Боже мой! Я еще не знаю, что такое первая любовь! Я ждала ее прихода, как праздник, как великое счастье. Она еще не явилась, а я уже пожинаю плоды невесты чего... и проклиная свою глупость.

«В школе мы, конечно, изучали анатомию и физиологию. Главу деторождения не рассматривали, вопроса о зачатии не поднимали, тактично обошли. Только про тычинки и пестики говорили. И я не задумывалась обо всем этом относительно себя. А теперь придется делать признание, которое Василию наверняка не понравится», – пронеслось в ее голове, затуманенной тошнотворным состоянием организма.

Испытующе глядя в глаза Василию, Галя сообщила о своем положении. Оно не произвело на него никакого впечатления. В нем не зажглась даже искорка сочувствия. Его равнодушное лицо потрясло Галю: «Он не способен представить себе мое душевное состояние?!» Ее мнение о добрых и порядочных деревенских ребятах снова скатилось в глубокую пропасть. Везде есть подонки.

Сначала Василий разыграл недоверчивое удивление, потом почему-то обрадовался. Загасив улыбку, объяснил: «Рад, что настоящим мужчиной стал». Но решение предоставил принимать самой. «У меня нет перед тобой никаких обязательств. Не перекидывай свои проблемы с большой головы на здоровую», – сказал спокойно и жестко, как отрезал.

Галя потеряла дар речи. «Странно. Что же он тогда понимает под словами «настоящий мужчина», как их интерпретирует, если не как чувство ответственности за свои поступки? Просто самец? Настоящий мужчина – это не бицепсы, а способность защитить себя, близких людей, чужого ребенка, женщину. Это человек, способный оставаться самим собой в любых жизненных обстоятельствах. Так Василий и остается... подонком, – зло усмехнулась она. – У него нет стержня. Он квашня. За что он способен пойти на бой?»

Ни на утро после роковой ночи, ни теперь, получив известие о беременности, Василий речи о женитьбе не заводил, хотя до этого слова любви и обещания не затихали. «Для него любовь – это обладание многими женщинами, а не способность боготворить и уважать всех женщин в лице одной, своей любимой», – горько думала Галя. Она ненавидела Василия, но считала, что он обязана с ней расписаться и развестись, чтобы быть честным перед ее будущим настоящим мужем. Ей хотелось спросить: «Какую роль теперь ты отводишь мне в своей жизни?» Но гордость не позволила.

Решение Гали идти в больницу Василий принял спокойно, даже безразлично. Ее страхи не встревожили, а удивили его:

- Все вы туда периодически попадаете. Всего делов-то. Мура. Ничего страшного.

«Тебя бы вместо меня на операционный стол! Такой гад всю душу из кого угодно вынет...» - в бессильной злобе подумала Галя, лишний раз удостоверившись, что была права, разочаровавшись в обожателе еще в пятнадцать лет. Она уже тогда поняла, что Василий привык легко жить, просто и развязно обо всем судить. «Наше дело не рожать...». В этой его любимой фразе было заведомое неуважение к женщине, безответственное отношение к семье, к своим будущим детям. «В чем причина его такого отношения к жизни? Моя мама, наверное, сказала бы, что в отсутствии элементарной культуры. Во всем, что касается хрупких ценностей жизни, развитие Василия осталось на уровне восьмилетнего ребенка, не успевшего ни познать, ни осознать... Не наделен он ни наследственной духовностью и моралью, ни бескорыстием ума, ни тонкостью восприятия, ни добротой. Ни на что не отзывается его пустая душа. Она позже созреет? Если вообще способна созреть... Шуточки ему все! Вот они, корни нашей несовместимости, которые предвидела мать и которые интуитивно почувствовала я, отвергая его ухаживания, - тоскливо размышляла Галя. Она ощущала себя брошенной, оплеванной, униженной. Самолюбие жестоко страдало. - Вот тебе и любовь мужчины! Как Василий ее понимает? Женщинам - мучения, мужчинам - удовольствия?»

...Они шли в столовую. И вдруг Василий недвусмысленно заявил, правда, как бы между прочим и совсем тихо: «Я у тебя не первый. Крови не было». Галя была потрясена. Наконец смогла выдать: «Была. Ты ожидал море крови? Совсем дурак или прикидываешься? Ты же не поросенка резал, идиот!» Василий ничего не ответил. Галя стояла ошарашенная, обескураженная и подавленная. «Как я могу доказать, что он не прав, что оговаривает меня?» - растерянно пробормотала она.

Потом он пренебрежительно, сквозь зубы произнес: «Думала, этот вопрос лежит за пределами моей компетентности? Решила воспользоваться возможностью заставить меня оправдываться? Умышленно провоцируешь?». Окончательно придя в себя от обвинений, Галя поняла: «Совершил подлость, да еще и отмазку придумал, вину с себя снял, окаянный! И слова-то какие сочинил! Видно, долго готовился, прежде чем их произнести. Может, даже с кем-то посоветовался». «Широк» в своих проявлениях... Откуда в нем такое? Постепенное накопление гадости в душе дает ему смелость совершать подлые поступки? Тогда это ужасно. Почему и где он их собирал? И куда это может его завести?

В поликлинике Галя несмело, бочком, неверными шагами вошла в кабинет и со слезами стыда опустилась на кушетку. Врач, обращаясь к медсестре, сочувственно-снисходительно бросила:

- Ну вот, теперь еще одна начнет каждые три месяца бегать за направлениями. Из больницы не будет вылезать. Правда заключается в том, что мужик от дурочки никогда не отвяжется, пока ее не угробит. Чтобы это понять, не надо обладать природным даром предвидения. Поиграет, поиграет да и выкинет за ненадобностью. «Поматросит и забросит». Так обычно о таких хахалях говорят.

Чувство протеста закипело внутри Гали. Она горячо возразила:

- Ни за что! Никогда! Я ненавижу его и никогда с ним не буду, иначе все мои мечты и планы провалятся. Я учиться приехала, - с оттенком еще не остывшего негодования добавила она.

- Кого ты хочешь ввести в заблуждение? Все вы так говорите. Только быстро вылетают из памяти горькие уроки. Биты много, толку мало. Бедняжка, - голосом, отравленным горечью, заключила доктор. А старенькая медсестра сморщилась как от зубной боли.

Галя вся сжалась и закусила губу, пытаясь сдержать рыдания. Ей очень не хотелось попадать в категорию пропащих, но и объяснять доктору свою особую ситуацию не посчитала нужным. «Какая уж там уверенность... и гордое достоинство королевы», - зло и насмешливо корила она себя за слезы.

Шла Галина из поликлиники морально подавленная, в который раз ругая себя за наивность: «Мечтала о счастье, хотела учиться, оплодотворять свою душу знаниями

великих ученых, радоваться, гордиться собой, а потом и своей будущей семьей. И вот тебе на! Ребята в школе говорили, что самая симпатичная девчонка, недотрога. Пальцем мальчишкам не позволяла коснуться даже своего плеча. Нос кверху держала. Достойного ждала. Дождалась! Романтичной дурехой на поверку оказалась».

Галя мучительно тяготилась создавшимся положением. Она осунулась, потускнела. Для нее стало обычным явлением на занятиях тупо смотреть в окно. В сознание снова и снова вторгалась безотчетная жалость к себе. «А вдруг останусь бесплодной? Наступить на горло собственной песне и родить? От ненавистного мужчины, насильника? А учеба, а стыд перед родней, деревней? Позорище! Что делать? Губить живое существо?.. Отчим не позволит маме воспитывать моего ребенка. И бабушка Василия для этого слишком стара».

Ехать в больницу пришлось ранним утром, еще затемно. Долго тряслась в автобусе. Вышла на нужной остановке, а тут, как назло, дождь пошел. Уныло завывал в подворотнях холодный, пронизывающий ветер. Галя зябко запахнула полы длинной кофты. Битый час бродила по незнакомым переулкам в поисках неприятного заведения, а спросить стеснялась. Тяжело обвисала на плечах липнувшая к телу мокрая одежда. Все внутри нее дрожало от холода и страха. Наконец, набрела. Противно скрипнула проржавевшими петлями облупленная, покосившаяся калитка. Но на подходе к крыльцу этого старого, наверное, еще дореволюционного здания, решимость покинула ее. И когда она, замерзшая и измученная, все же появилась на пороге приемного покоя, дежурная старушка-врач испуганно всплеснула руками:

- Сколько лет тебе, деточка? Тринадцать, четырнадцать?

- Скоро семнадцать, - прошептала Галя апатично.

- Натворила дел, бедняга! Ко мне запишите этого несчастного ребенка, - попросила врач регистратора, и еще раз жалостливо оглядев девушку, удалилась.

Поместили Галю в палату, где уже обитали пять женщин среднего возраста. Одна, бойкая, бросив на новенькую любопытствующий взгляд, сочувственно пожалела:

- Эх ты, глупышка, целина непаханая, разве можно мужчинам верить без штампа в паспорте! Он тебе сегодня в любви клянется, а завтра с перепугу плакать станет, мол, прости дурака, ошибся, разлюбил, а отвечать за вашу общую глупость одной тебе предоставит. Они же хуже маленьких детей. Только не отстегаешь их и в угол не поставишь.

Две другие женщины сидели угрюмо. А молодая «разведенка» спокойно объяснила свое присутствие в больнице:

- На юг закатали на три месяца и на весь год досыта «наелась». Знала, на что шла, потому и не скулю. Ты думаешь, лучше от супруга своего никчемного залетать? Мала ты еще нашу женскую долю понимать. Береги себя для достойного, если не мужа, так хотя бы для любовника. Мало их, достойных.

А жгуче-черная, нахальная тетка жадно допытывалась, намекая на вольные отношения с мужчинами:

- Колись, не разыгрывай благородное негодование.

К каждой фразе она привычно, бессознательно и бесстыдно пристегивала похабные выражения. Но Галя сторонилась ее, держалась особняком и только с легкой досадой, взглядом пыталась заставить настырную женщину понять неуместность ее расспросов.

Брюнетка продолжила, теперь уже жалостливо:

- Да, жизнь обошлась с тобой не лучшим образом. Видно твой - кобель не из последних. Девочку стронул, гад. Что, белый свет не мил? Наломала ты, девка, дров в горячке, в любви? Всех слез не выплачешь, еще много их у тебя будет. Побереги силы, они тебе завтра пригодятся. На совесть мужика полагаешься, не боялась его? Брось его. Выкинь из головы дурь-любовь, иначе всю душу тебе вымотает. Наверное, не сумела покривить

душой, скрыть свои чувства, а он и воспользовался? Надоест валандаться с тобой, начнет искать благовидный предлог, чтобы уйти. Не станет миндальничать. Раскаяние не будет его терзать, поверь. Может, мои слова заставят тебя по-новому осмыслить твое прошлое глупое поведение.

У Гали от всего этого потока страшной информации опять жалко задрожали обветренные за утро губы.

- Напуганная, наученная горьким опытом, теперь будешь шарахаться от мужиков? - с усмешкой спросила черноглазая. - Бедная, сгубила в себе еще не пробудившуюся чувственность. Быстро завянет нераспустившийся бутон.

- Замолчи, не терзай ребенка, - прикрикнула на нее бойкая многодетная мамаша.

- Мне рот себе зашить ради этой дурехи? - огрызнулась черноглазая соседка.

Первая ночь в больнице прошла в полузабытьи. Перед глазами все время стояло бледно-синее лицо женщины, которую чуть ли не волоком тащили с операции две санитарки. Соседки по палате рассказали, что ее сыну десять лет, а муж - скотина (даром что ученый), потому что пьющий. Она двадцать пятый раз попадает сюда. Врач вызвала ее мужа в больницу и заставила присутствовать при операции, а потом объяснила, что в случае еще одного такого «визита», она не отвечает за жизнь пациентки. Муж что-то пьяно мямлил насчет своих потребностей. Тогда возмущенная и разгневанная докторша заговорила с больной о необходимости прекращения постоянного пьяного насилия путем развода, хотя бы ради ребенка. Больная обещала. И тут Галя вспомнила свою деревню, соседского, рыжего кота-хулигана, который замучил всех кошек на их улице. Били его хозяйки, гоняли целой стаей обиженные коты - бесполезно. Все равно улучал момент, подлавливал совсем молоденьких или старых сонных кошек и добивался своего, несмотря на их истошные крики и визг.

Утром Галя, дрожащая от стыда и страха, проходила по коридору, (как сквозь строй) по обе стороны которого в два ряда стояли больные мужчины и злыми, хамоватыми шуточками провожали «грешниц» в операционную. «По вашей вине мы все тут!» - злилась Галя. И злость высушивала ей слезы.

Появились три доктора. Старушка-врач, окинув быстрым взглядом группу вошедших женщин, сразу заметила испуганную девочку-подростка, подрагивающую плечами и неприметно вытирающую пальцами сбегавшие по щекам непослушные слезы.

- Ребенка ко мне, - тихо, но властно сказала она медсестре.

Спотыкаясь об углы столов, Галя добралась до места, указанного ей доктором.

- Слушай меня внимательно, деточка. Не шуми, не дергайся, позволяю тебе только тихо скулить. Когда будет на самом деле больно, я скажу, вот тогда можешь и покричать, - наставляла Галю добрая старушка.

Щелкали инструменты, спокойный, ровный голос бормотал:

- Так, потерпи, детка, потерпи, еще не очень больно...

Галя терпела, как могла. Лились слезы, сквозь сцепленные зубы вырывались сдавленные стоны, сбивалось дыхание... Когда боль перехлестывала предельное напряжение, она на некоторое время уплывала в темноту.

- Все, малышка. Можешь идти в палату. Дети у тебя будут, только больше не попадай сюда, пожалуйста. Санитарочка! Держите ее, видите, опять в обморок падает!

Галя оперлась на плечо маленькой пожилой женщины. Пол уходил из-под ног. Перед глазами все колыхалось и мелькало. Иногда совсем чернело, и тогда, как сквозь плотную пелену, она слышала голос санитарки:

- Деточка, милая, не удержу я тебя, не дотащу, ножками хоть чуток помогай себе.

И пол опять зыбился под ногами. Доплелась. Рухнула на койку. Не рассчитала, головой об угол тумбочки ударилась. Больные помогли втащить ее на постель. Послали за

дежурным врачом. Та нашатырным спиртом привела ее в чувство. Окно перед глазами то светлело, то темнело. Ветка рябины то стучала в стекло, то затихала. Лечащая врач бормотала:

- Напоролась на эгоиста? Береги себя, девочка. Мама-то есть у тебя?

Запекшиеся губы Гали чуть шевельнулись, длинные густые ресницы вздрогнули над вновь выкатившейся слезой. Она прошептала:

- Мамочка, прости меня! Не оправдала доверия.

Соседка по койке видела беспомощно закинутую голову Гали, слабый пульс на тонкой шее, страдальчески искривленные уголки пухлых бледных губ, мучительную складку между бровями и горестно по-матерински вздыхала.

А сознание девчушки странствовало в ином, неосязаемом мире. То был временный, может быть, даже спасительный уход от действительности. Но женщины чутко следили за ее состоянием и вовремя подносили ватку с нашатырем. А она не хотела жить, ей хотелось разом покончить с обидой, позором и болью... Это был бы глупый поступок отчаяния...

Василий не пришел в больницу. Не удостоил своим посещением. И в общежитие через три дня Галя возвращалась одна. И вдруг он заявился в самое неподходящее время. Девушки, лежа на койках, повторяли лекции. Размашисто и уверенно войдя к ним в комнату, Василий на ходу продолжал шарить по карманам, выискивая спички, чтобы закурить. Потом беззаботно и как бы между делом сказал:

- Галка, могла бы подсказать, чтобы проводил, проведаль и встретил. Сам-то я не догадался.

Она промолчала. «Лбом таранить стену? Ну пробьюсь в твое сердце, и что в нем найду?» - безразлично, как о постороннем, подумала Галя.

А спустя минуту решительно отрезала:

- Приходят по велению сердца, а не по указке. Ты для меня больше не существуешь ни в каком качестве. До дна вычерпал мою душу своей непорядочностью и жестокостью. Разные стежки-дорожки будут у нас с тобой. Уходи!

Василий ушел, но на следующий день снова появился. Галя потребовала уйти. Но он не понимал своей вины, не просил прощения, а напротив, считал поведение Гали капризом и, уже не стесняясь девушек, пытался навязывать ей свою любовь, намекал на продолжение отношений, надеясь, что после больницы она станет более сговорчивой и податливой. Фальшиво говорил, будто не может оторвать ее от сердца.

Равнодушие Василия к ее здоровью и дальнейшей судьбе так явно проглядывало в его поведении, что Галя ужаснулась: «Мне плохо, а он, здоровый мужчина, проявляет нелепую, неуместную детскую обидчивость! Боже мой, какая душевная неразвитость!» Она едва справилась с подступившими к горлу рыданиями. В мозгу слабо шевельнулось желание чем-то обидеть наглеца, доставить ему боль, чтобы он на себе прочувствовал, как ей плохо. Подмывало нагрубить, обругать. Но она тут же поняла, что не сможет задеть его за живое, что боль можно причинить любящему человеку, а Василий любил только себя. «В «гости» не просто набивается, нагло, открыто, напролом идет. И какого рожна я должна его терпеть?» - зло думала Галя, пытаясь найти выход из создавшегося неловкого положения.

Василия не смутил приказ Галины убраться из комнаты и из ее жизни. Похоже, даже подхлестнул. Он сел к столу, расположившись по-хозяйски, и как ни в чем не бывало, затеял разговор с девушками, потешая их образчиками пошлого, низового юмора. Его шутки не возмели действия, на которое он рассчитывал. Девушки отворачивались и молчали, как сговорились. «Не тот контингент, это тебе не сельский клуб, - стыдись поведения Василия, подумала Галя. - Господи, дай мне сил избавиться от него!»

А он, со свойственным ему цинизмом, не испытывал ни малейшего неудобства под

неодобрительными и презрительными взглядами девушек, не пытался сгладить неприязненность от встречи с ним, напротив, на него напало беспричинное веселье. «Кто юмора не понимает, того и донимают», – весело заявил он. На протяжении всего разговора Галя стремительно менялась в лице. Она уже готова была взорваться от негодования и запустить в гостя чем-нибудь тяжелым. Но тут одна девушка не выдержала:

– Не тот тон ты взял в «беседе» с нами. Что, верх берут сельские мотивы? Твое поведение переходит все дозволенные границы. Наверное, думаешь, что городским девушкам нос утер? Поучи еще нас! Гордишься собой? Умным показаться хочешь, а у самого невоспитанность лезет из всех щелей. Скромностью не страдаешь. Кем вообразил себя? Наполеоном? Неотразимым Ален Делоном? Налицо все признаки глупости. Умный не позволит себе плохих манер. Слова подбирай, языку воли не давай. Свобода слова – не свобода оскорблений. Мозги не видны, но отсутствие их всегда заметно. Правда глаза не колет? Жалея Галю, сносили твою грубость и бестактность. Надоело потворствовать. Много чести тебе... Ты не находишь, что тебе пора в свой корпус? Ты нам все планы поломал, мы теорему по математическому анализу собирались разбирать. Ради собственного же блага, веди себя прилично, а если не желаешь соблюдать правила хорошего тона, то сообрази выйти из комнаты!

А вторая брезгливо бросила в пространство:

– У него мозги между ног?

«Выпад грубый, но с Василием иначе нельзя», – подумала Галя и, почувствовав поддержку, резко заявила Василию:

– Тебе с первого раза не дошел смысл моих слов? Так вот, повторяю при свидетелях в последний раз: «Уходи! И никогда больше не приближайся ко мне ближе, чем на два метра!»

– Заранее заготовила тронную речь или экспромт выдала? С такой постановкой вопроса я не согласен, – развязно ответил Василий.

– Твоего согласия на это не требуется. Мы не собираемся вступать с тобой в переговоры. Запомни: «Попытка принудить нас к выполнению твоих условий закончится для тебя плачевно. Привык добиваться результата любой ценой? Это в деревне ты король, а здесь людей ценят за другие качества.

Девушки, метавшие негодующие взгляды, не произвели на Василия ни малейшего впечатления. И он ответил им решительным невозмутимым, хладнокровным отказом:

– И кто это у нас тут третейский судья? Я обязан в каждой из вас видеть приснодеву Марию, Богородицу? Поубавьте свой пыл. Жертвовать своими интересами ради другого – как бы не так! Но я удовлетворю ваше любопытство. Если воображаете, что я засмущаюсь или испугаюсь, то вы глубоко ошибаетесь. Мне не стыдно смотреть вам в глаза, и я не горю желанием подчиняться. Как ходил, так и буду ходить. Мне тоже не до светских раутов, но я хочу сидеть и буду сидеть столько, сколько пожелаю. А если вы во что бы то ни стало пожелаете меня выгнать, я вынужден буду... – тут он сделал долгую паузу и нагло усмехнулся. – Уйду, если Галя выйдет со мной. И вернул в свою речь несколько нелитературных выражений.

Галя была потрясена. В ее глазах все размылось и поплыло. Ее как заклинило.

– Что он еще собирается выкинуть? С него станется. Думает, нет такой нелепости и несообразности, которая не сошла бы ему с рук? В его воспитании зияющие бреши? Откуда у него берется ощущение, что он всегда прав? – спросила одна девушка другую.

– От глупости, – ойкнула третья. – Пора милицию вызывать.

– Забалован он деревенскими девчонками. Восхваляли его, не замечали недостатков, – объяснила поведение земляка Галя.

Усмешка, тлевшая внутри глаз Василия, теперь выпирала наружу и кривила рот, изменяя его лицо не в лучшую сторону. Таким его Галя еще не знала. Он утратил последние проблески своего прежнего лоска. Значит, он раньше играл перед нею роль...

Галя поняла, что Василий исполнит угрозу. Он будет мешать девочкам заниматься до тех пор, пока не сочтет нужным, пока полностью не потрафит своему наглому самолюбию. Сгорая от стыда, боясь еще больше накалить атмосферу, она молча вышла.

А Василий, чтобы еще сильнее подчеркнуть поражение подруг, даже из элементарного приличия не поторопился. Вызывающе долго сидел на стуле, ерзал, бессмысленно крутил головой, глядя в потолок, и только потом, как бы нехотя, приподнялся и вразвалочку направился к двери, довольный тем, что всем испортил настроение. Девочки проводили Василия недоуменной, презрительной, мрачной тишиной. А он восторгался собой. Победил! Он не допускал другого варианта.

«А может, Василий развязностью борется со своей неловкостью и досадой на себя? – как всегда мелькнула у Гали добрая оправдательная мысль. – Ой, сомневаюсь. Это раньше я о нем по наивности слишком хорошо думала. Побить бы его гуртом. Но девушки из интеллигентных семей, у них дальше слов дело не сдвинется. Скорее всего, займут нейтральную позицию. Скандал «в биографии» никому не нужен.

А милиции Василий на самом деле не боится, слышала, что умеет с нею ладить. Знает, как девчонок поставить в глупое положение, чтобы их осмеяли, да еще и пригрозили наказанием за ложный вызов. Был у него неоднократный деревенский опыт, не раз он этим хвалился перед друзьями».

«Он и меня на весь вуз не постесняется опозорить», – испугалась она.

Этого Галя больше всего боялась. Она не умела защититься от беспардонной наглости ненавистного обожателя. Что она могла противопоставить его хамству? Свою беспомощность? Она-то и девушек с трудом смогла уговорить не распространяться на курсе об ее беде.

Василий после занятий постоянно подстерегал Галю. Они то стояли в нише между этажами, то вяло и бесцельно бродили по коридору, как старые дикие звери в клетках зоопарка. И так продолжалось из вечера в вечер. Резкие стычки, нудные ссоры... Василий переливал из пустого в порожнее, и на следующий день Галя не могла с предельной ясностью восстановить в памяти суть их разговоров. Она еще не умела спорить, отбиваться, нападать, а он любую ситуацию поворачивал в свою пользу. Он не отводил глаз, когда Галя смотрела на него в упор испепеляющим взглядом. Она гнала его, а он не обращал внимания на ее праведный гнев. На измор брал. Он раздражался непревзойденными по глупости посланиями, адресуя слова то ли себе, то ли Гале, не замечая гримас горечи, искажавших ее печальное доброе лицо.

Ее душевный комфорт мало заботил Василия. Он мешал ей учиться, и сам не готовился к занятиям, непонятно на что надеясь. От него просто некуда было деться. Везде находил. Когда она рвалась заниматься, он говорил: «Я по возможности сокращу время наших свиданий, но хочу надеяться, что и ты пойдешь мне навстречу... как мужчине». А она зло отвечала: «Умерь свои частнособственнические инстинкты. Не дожدهшься».

Недоумение заставляло доискиваться причин столь странного явления. «Меня тошнит от него, а ему не приедается моя компания? Меня заставляет довольствоваться навязанным обществом, намекает на свои желания, а сам не теряет из виду девушек, которые ему симпатизируют. Их здесь пруд пруди и все высший класс! И тут же отваживает юношей, которые пытаются оказывать мне хоть малейшее внимание. Во всяком случае, в списке его пороков значится отсутствие верности и дружеских привязанностей. Он их понимает как-то иначе? Унизить меня старается? Про запас держит? А говорит, что любит. Но ведь в любви ценят, уважают, боготворят. У него она ненормальная? Не нуждаюсь я в такой! Чего ко мне привязался? – Галя безуспешно старалась вникнуть в азы своих взаимоотношений с Василием. – А может, здешние девушки не очень-то его одобряют, и он все врет, пытаюсь разжечь во мне ревность? Во мне? Ненавижу!»

Галя попыталась урезонить «воздыхателя», пригрозив, что пойдет в комитет комсомола, чтобы повлияли, оградили. Василий расхохотался ей в лицо:

– Много на себя берешь. Я направлю их в поликлинику. Кто после этого поверит, что ты не живешь со мной? Мне ничего не стоит об этом объявить на весь курс.

Сказал, как ножом пырнул. Все предусмотрел. От этих слов все внутри Гали похолодело. Потом она взвилась, как отпущенная сжатая пружина... и вновь опала. А он, довольный, напустил на себя мрачную веселость... и будто зашевелилось в нем что-то противно-мерзкое, гадкое, скользкое, липкое...

Ночами, после сидения над конспектами, Галя еще долго не могла уснуть, перемалывая в голове хлам прошедшего вечера, пытаюсь, прежде всего, понять себя. «Что сковывает и удерживает меня рядом с Василием? Стыд? Боюсь презрения сокурсников? Может, того, что мне страшно будет признаться в своей дурости перед тем, кого полюблю по-настоящему? А вдруг он не поймет, не поверит, заподозрит еще во многих грехах, как утверждает Василий? Такой человек мне тоже не нужен. Всю жизнь будет долбить за одну ошибку... как мой отчим. Господи, зачем ты позволил этому гаду разрушить мою жизнь! Почему не защитил? Я же не заслужила такого жестокого наказания. Теперь я никогда не буду счастливой. Я не смогу позволить себе быть простой, искренней открытой. Не сумею до конца распахнуть свою душу. Я навсегда останусь зажатой, подавленной. Не смыть мне налипшую грязь с души, не искупить грех глупости. Перед кем? Перед собой или будущим мужем?

Почему я должна отвечать за поступок, вернее за преступление Василия? Я же не навязывалась ему. Наоборот, избегала, – стучало в голове Гали. – Где справедливость? Кто мне поможет? Тут каждый барахтается в одиночку... А я-то считала, что имею достаточно здравого смысла... Пропала из-за ничтожества», – с усталой злобой думала она. Эта мысль причиняла ей острую боль, убивала, оттесняла другие, беспорядочно осаждавшие, которые тоже сверлили, обжигали и неотступно преследовали.

«Жизнь моя отравлена. Беда лишила ее всякого смысла, обесценила. Занавес опустился. Без любви и хорошей семьи я ее себе не представляю. А какие перспективы могут быть рядом с этим животным? Доведись мне знать про таких, я бы его за версту оббегала. Незавидное мое положение. Я кукла в руках Василия. Только что не сплю с ним. Я ноль. Как от него избавиться? Говорят, Бог посылает человеку столько испытаний, сколько он может вынести. Вряд ли он их дозирует. Лучше бы ума людям добавлял. Моя тетька сдвинулась на почве измен мужа, а соседка приобрела страшную болезнь. Выживет ли?... Ощущение трагедии сильно меняет человека... А что меня ждет? Прошу Василия: «Откажись, отрекись, отстань от меня. Навязался на мою голову! Чудовище! Презираю тебя!» А он на своем стоит, да еще и смеется.

И перед мамой стыдно. Бабушка говорила о Василии: «Не пьет, не курит». А мама с усмешкой добавляла: «Толком нигде не работает, лодырь». И мне остается дополнить картину: «Ни чести, ни совести, ни достоинства не имеет».

Галя вспомнила двоюродного брата, вернувшегося после армии с искалеченной психикой, после того как на корабле его постоянно насиловал офицер, как самого слабого в команде, бил головой об стену как за то, что слишком умный, интеллигентный, в университете до призыва учился. Брат боролся, выжить хотел... Мы оба невезучие? В школе учителя утверждали: «Счастье возможно, трудности преодолимы, надо уверенно идти за своей путеводной звездой». Лозунги? Мечты добилась, а счастья нет. Вот такой расклад у меня получился. Сколько ни разгребай авгиевы конюшни беспросветных пустых разговоров-раздоров Василия, конца им не будет. Их бесконечная нить то разматывается, то наматывается, то закручивается и запутывается, но все равно приводит в тупик. По кругу ходит... Что изводить себя напрасно? Не могу я от него избавиться. Присосался, как паук, не выпускает из своих цепких лап. Сам не учится и мне не дает. А почему он не хочет готовиться вместе со мной к занятиям? Зачем тогда поступал? Какую цель преследовал? Видно и в любви он такой же: добился своего и больше ему ничего не нужно. Обстоятельства загнали меня в угол? Мне из него как можно скорее нужно выбраться. Иначе может быть поздно.

Мне тоскливо, неуютно часами выстаивать в коридоре под неодобрительными взглядами однокурсниц. Я ощущаю собственную никчемность, теряю прежнюю веселость и жизнестойкость. А Василий ни в грош не ставит мое мнение, воду в ступе толчет и доволен. К чему мне эти нелепые пререкания, это топтание на месте? Мы не ходим на культурные мероприятия. Может, он по своей ограниченности и скудости прошлой деревенской жизни не способен предложить мне ничего интересного и, приходя ко мне, заводит одну и ту же пластинку? И я, не желая заинтересовывать его собой, тоже не хочу водить его на концерты и выставки, которых здесь бесчисленное множество, и

обсуждать их с ним.

Я устаю от Василия и устраиваю себе притворные перемирия, будто бы соглашаюсь с его мнением по некоторым вопросам, только бы он поскорее ушел. Смертельно надоел! Не уходит, хоть плюй ему в глаза. Ветры чужой печали не достигают его сердца. Садист какой-то. Хоть вешайся... Он испытывает удовольствие, удерживая меня? Темная лошадка... Как бельмо на моем глазу. Тошнит от его пошлых деревенских шуток, мне неприятен его грубый гортанный смех. Поражает равнодушие, граничащее с жестокостью. И тут же говорит о любви... Идиотизм! А я из-за него в своей замороженной жизни покорно пропускаю между пальцев драгоценное для учебы время, часы хорошего общения. Я пытаюсь проникать в читальный зал. Он караулит и не пускает. Не драться же с ним на людях. Я открываю лекции в коридоре, сидя на подоконнике. Он рядом бухтит, не дает сосредоточиться. «Кто ты такой, чтобы за меня решать, чем мне заниматься?» – в бессильной злобе шепчу я.

Как-то потребовала от Василия высказаться достаточно определенно, мол, зачем ко мне ходит, какие виды имеет на будущее? Так назвал мои требования объясниться вздорными, и, как всегда, понес ахинею о любви. Театр абсурдов! Дурочкой меня выставил. Будто я напрашиваюсь... к нему. Я схожу с ума... Он намеренно держит меня в напряжении. Не могу расценить его поведение иначе, как издевательство. С тупым ослиным упрямством преследует меня. Не любовь его гонит ко мне, а что-то вроде собственнического инстинкта. Все его слова – глупый скетч, игра. Чихать мне на его фокусы.

А может, им руководит тайное желание причинить мне страдание? Насолить хочет? Но за что? За то, что не люблю, не поддаюсь. Он хочет меня использовать, и мое упрямство его только подхлестывает, раззадоривает? Он не понимает, что его намерения – сущий бред? Не удастся ему сделать меня своей подстилкой! Если что, я сумею защититься. Ножичек всегда со мной. Ему подмять меня важнее учебы в университете?

Беспомощность перед Василием меня унижает, а ему она нравится? Я по-житейски глупая? Я теряюсь в догадках: Василий имеет на свой и мой счет давно вполне сложившиеся планы или сам еще витает в облаках? Это его стиль жизни или он просто кантуется? Он всю жизнь надеется прожить с нелюбящим его человеком в нытье и брани, полагая, что теперь я от него никуда не денусь? И это его устраивает? Чего он ждет от жизни? Откуда он списал подобный сценарий? В его семье так было?

Почему он никогда не испытывает ни раскаяния, ни гнева, когда мои слова звучат резко? Василий сам толком не знает, чего хочет? Он не стремится понять, не задумывается, не затрудняет себя... мол, чего загадывать? Жизнь сама вывезет. А, может, знает, но не желает прикладывать усилий, чтобы чего-то добиться? Для семейной жизни не созрел? И, похоже, никогда не созреет. Ни благодарности в нем, ни чувства долга. Какой-то он ни в чем не сформированный...

Я пытаюсь нащупать слабые места Василия, чтобы при удобном случае уколоть, зацепить, обидеть. Но не нахожу. Он глух к проявлению чувств. Ни мать, ни бабушка его не волнуют. Не замечала я в нем и проявлений мучительной ревности. Тогда почему же он неусыпно следит за мной, а острого недовольства собой не замечает? Вязкий, прилипчивый, хуже смолы.

Как-то пересилила себя и спросила:

– Комок жгучей боли и стыда не подступал к твоему горлу, когда ты делал свое подлое дело?

Удивилась вопросу. Плечами пожал. Другой раз возмутилась:

– Когда же, наконец, сгорит черная кора коросты на твоей душе, и она оголится, и станет чувствительной?

Опять удивилась и ответил, как мне показалось, искренне: «Я хороший, я идеальный». О себе у него одни фантазии? Когда у подростков «заскоки» – это нормально, но у взрослого?.. У него нет четкого понимания нравственности, порядочности. Он – странное порождение эгоизма, возвращенного на почве неправильной любви стариков? У него относительно себя полностью отсутствует критическое мышление?

Почему я в группе ни с кем не общаюсь? Почему отгородилась? Потребность перестраховаться, обеспечить себе безопасность в мире, который по чистой случайности обошелся со мной так жестоко? Да мне просто стыдно! Приехала учиться, а стала безропотной слушательницей несусветной чуши односельчанина. А почему он сужает собственные горизонты, не общаясь с однокурсниками? Мелькнула неожиданная мысль: «Василия не принимают в свой круг городские студенты! Ему тоскливо в большом городе без старых дружков, обожавших его, не с кем даже поговорить, вот он и приходит ко мне, чтобы скомпенсировать утрату. Только велика ли радость обоим от такого общения? И, тем не менее, когда я, воздев руки к небу, в изнеможении кричу ему: «Уйди! Нарисуй себе на стене человека и выступай перед ним хоть до потери пульса!» – он всем своим видом выражает покорное вымученное страдание, напрашивается на жалость, плачет, что никто его не любит, даже мать. Здоровый детина, а туда же. Но мне становится его жалко.

Не сразу я поняла, что он неплохо играет роль, стремясь разжалобить меня. Ему скучно, а я должна его терпеть? И за какие грехи мне это наказание? Бабушка говорила, что никто не знает, кому и за что Господь его назначает... Ловко придумано. Боже мой! Долбит, галдычит одно и то же... будто начисто забыл, о чем вчера толковал. Оскомину набил... И это вместо того, чтобы заниматься! Может, у него какое-то шизофреническое отклонение?.. Черта лысого в ступе ему не хватает... Раскрыл передо мной всю «широту» своей тупой тухлой душонки, а дальше-то что?

О моей учебе он не думает как, между прочим, и о своей. У меня закралось подозрение, что он совсем не имеет тяги к знаниям. Ему не нравится учиться. Было желание заявить о себе. Поступил, доказал, что достоин, – и все. Считает, что вполне себе прилично смотрится на фоне деревенских дружков? Думает, что теперь сам черт ему не брат? Но это же глупо. Все силы и желания на исходе? Характера на большее не хватает? К ежедневному, кропотливому труду не приучен. И в школе, и в колхозе аврал ему был более привычный. Но здесь наскоком вершин не достигнешь. Раз сумел поступить, значит, умный. Просто лодырь? Этим все объясняется? Почему Василий впитывает только плохое? Потому что оно легче прививается? Трудиться не надо?

Из-за Василия я с трудом успеваю выполнять только задания, не терпящие отлагательства. О пятерках и думать не приходится. Хотя бы не вылететь из вуза. А с его лица не сходит выражение счастливой беззаботности и ничем не подкрепленной уверенности. Но я все равно не оставляю намерения хорошо сдать сессию за счет ночных бдений.

В школе Василию легко давались все предметы. В классе он слыл любимчиком. Девчонки были от него без ума. Никто не замечал, что он лодырь и пустой фантазер. Даже директор школы предполагал, что из него может выйти неплохой человек. Он поддерживал его в стремлении учиться в вузе, дал хорошую характеристику. А я уже тогда очень сомневалась в этих оптимистических прогнозах.

Дни идут, а я все слушаю и слушаю ничего незначащие слова Василия. Разговоры его протекают в том же русле – ни о чем. Злит дикая нелепость моей ситуации. У меня ли не находится достаточных слов для убеждения или у него не хватает ума понять меня?.. Пытаюсь молчать. Настырно заводит... Я день ото дня тупею... Еще я никак не могу перебороть самоунижение, вызванное безвинным, но реальным грехопадением. Оно давит на меня, не выпускает из острых когтей, делает безвольной.

Я слабачка, а Василий непрошибаемый. Я бешусь, распаляюсь, а он миролюбиво заявляет, что пустяшная перепалка полезна, и с досаждающим упорством в сотый раз повторяет одно и то же, только переставляет абзацы своих «выступлений». Он, дразнясь, с удовольствием переиначивает мои слова, выворачивает их как ему заблагорассудится и тем сводит на нет любую мою попытку его прогнать. «Куда сегодня будем склонять вектор нашего разговора? Может, сразу сломаем и выбросим его с двадцать третьего этажа?» – зло, сквозь зубы говорю я Василию, а сама думаю: «Попробовал поиграть со мной в кошки мышки, получилось, понравилось. Вошел во вкус. Навязался ты на мою шею, как камень для утопленника. Я же не живу, а противно существую! Мне все пять лет так мучиться? Кто бы избавил меня от тебя, проклятущего! Без того чтобы не опозориться, мне самой это сделать не удастся. Но это же ужасно! Может, и правда с двадцать третьего... Но мама, бабушка и мои мечты... Я совсем уже...

Не могу сказать, что эти «беседы» для меня проходили совсем уж даром. Моя способность спорить оттачивалась благодаря «опытному» учителю. Во всяком случае, я научилась парировать, загонять его в угол. Но положительных результатов это не приносило. Он не признавал моих побед. И решительности они мне не прибавляли. К тому же слишком дорого по времени обходилось мне это «обучение». Во всех моих словах Василий выискивал будто бы скрытый смысл, высматривал лазейки для дальнейших нападений и обвинений и тут же немедленно пользовался нечаянно предоставленной возможностью продолжить спор. Если я замолкала в надежде прекратить издевательства, он с воодушевлением и удовольствием продолжал говорить сам, повторяя стократ озвученное. Василий не только поддерживал разговор, но и направлял его в нужное ему русло, а я только защищалась, и наши грубые перепалки не прекращались, а даже учащались по мере того, как я училась отстаивать свое мнение и право на свободу. Он был то изощренно, то примитивно беспощаден...

Девушки в комнате не понимали меня, но молча сочувствовали. В группе все словно стоворились не замечать моих отношений с Василием. И на курсе мне не досаждали сплетнями. Во всяком случае, щадили. Все занимались делом – серьезно, с огромной самоотдачей учились. И только одна девушка один на один сказала мне, и то как бы между прочим, мельком обегая мое лицо своими черными грустными глазами, словно боясь обидеть:

– По очереди ко всем девушкам пристаёт. Мы его быстро раскусили – непорядочный. Гони его, он же без руля и ветрил. Ты замкнулась, стала неуверенной. В твоих движениях и даже в голосе сквозит зависимость. Жалко мне тебя, ни за что пропадаешь. Возьми свою судьбу в свои руки.

– Я не ищу его общества. Хотя бы всерьез переметнулся к кому-нибудь и отстал от меня. Уж тысячу раз говорила ему, что пора сойти с дистанции. Не понимает. Я бы многое отдала, чтобы кто-нибудь немедленно препроводил его отсюда куда-нибудь подальше, километров, этак, за тысячу, – только и ответила, вздохнув от безысходности.

Это в счастье мы бываем уверенными, а в несчастье...

Василий пришел счастливый. Преподавательница пригласила к себе на чай! Два часа с ним беседовала! Гордился, петушился. Я обрадовалась, ну, думаю, наконец-то освобожусь «от ига». «Лови случай», – посоветовала. Но знакомство на том и закончилось. Умная женщина сразу поняла, что он невоспитанный, самовлюбленный болван, не дурак, но лодырь темный, и толку от него в жизни не будет. А его это не задело. С него как с гуся вода. Он продолжал хвалиться самим фактом внимания к нему, не упоминая о последствиях. И вывода для себя никакого не сделал.

Я все больше убеждаюсь, что Василий не представляет, как собирается жить дальше, и не желает всерьез задумываться даже о ближайшем будущем. Мелькнула тоскливая мысль: «Он понял, что не потянет университетскую программу, и нарочно мешает мне заниматься, чтобы и я вылетела из вуза». Не хочется в это верить.

«Констатирую неплохие умственные данные и полное нежелание и неумение пользоваться ими. И это в твои-то двадцать два! Из-за лени ты выбиваешься из общего русла стремлений студентов учиться и утекаешь в ручеек пустых фантазий», – возмущалась я.

И вдруг Василий стал всерьез мечтать о том, как заработать легкие деньги: нарисовать, напечатать, выплавить фальшивки. Он вспоминал рассказы О. Генри о мошенниках, – мне тоже нравились в них резкие неожиданные концовки, – восхищался знаменитыми ворами, вскрывающими сложнейшие электронные замки сейфов. А я заметила ему, что для того, чтобы стать вором такого высокого класса тоже нужно много знать, что ему и эта «карьера» не светит по причине его патологической лени. Я удивлялась усеченным представлениям Василия о реальной жизни. Я могла бы его понять, будь он «вольный волк, бунтарь по жизни». Но ведь нет же! Даже от десятилетних мальчишек в детстве я не слышала столь примитивных рассуждений! Меня ужасали мечты Василия и, хотя я понимала, что в силу своей бездеятельности он никогда их не осуществит, все равно пыталась доказать ему глупость и порочность подобных «предприятий», утверждала, что

такие мечты как правило заводят в гиблое болото. Его глупые слова я могла бы не принимать всерьез, если бы не понимала, что подобная инфантильность по большей части заканчивается бедой. Пустые мечтания сильного, здорового мужчины, вызывали у меня брезгливое отвращение. Но, памятуя школьную формулу, что «неисправимых нет», и чувствуя ответственность за падение товарища, я всеми силами пыталась противостоять его нелепостям. Я возмущалась: «Часами попусту языком молотишь, а подрабатывать не хочешь. Выпрашивать у бабушки трешки проще? Не стыдно? Здоровый бугай! На что ты способен? Выпить в компании, позубоскалить с девчонками и всё? Здесь все серьезно учатся. Никто не хочет с тобой хороводиться. Тебе скучно. Я – то единственное, что связывает тебя с деревенским прошлым, вот ты ко мне как репей и прицепился». Но Василий не реагировал на критику. Видно, не так просто излечить человека от недуга лени.

И случилось непоправимое. Загорелось Василию попасть на университетский бал с шикарным буфетом, поесть черной икры, потанцевать и повоображать перед девушками. И «увел» он у одного зажиточного студента стипендию, да еще прихватил немного денег из тех, что получил при распространении платных, праздничных входных билетов. (Боже мой, до чего опустился!) Его поймали с поличным, посадили в кутузку где-то на окраине города. Не знаю, что творилось на курсе, мне стыдно было появляться на занятиях. Но в течение недели меня с Василием вселили в отдельную комнату, а его взяли на поруки.

Он ничего не объясняя, заманил меня в эту комнату и уже там рассказал, что писал в комитет комсомола, плакался, что голодает, но деньги взял для любимой девушки, чтобы поправить ее здоровье после больницы. Умолял не выдавать, спасти, чтобы его с позором не выгнали из университета. Попав в щекотливую ситуацию, я сначала раскричалась, принялась лупить Василия сумкой с книгами, потребовала выпустить из комнаты, потом, поняв, что ему поверили, разревелась и, отгородившись стульями, измученная обидой, заснула с мыслью, что он дешево отделался за счет моего позора. Это была тревожная ночь. Не могу о ней вспоминать без содрагания. Я боялась насилия со стороны Василия.

Последняя подлость Василия оказалась сильнейшим стрессом и закончилась для меня болезнью. Я была не в состоянии заниматься. Мне требовался отдых и лечение. Камень моей удачи опять покатился под гору и повлек за собой другие проблемы. Фатальное невезение! Да, не так я представляла венец моей учебы...

И тут меня вызвала для беседы Дама потока – так у нас называли куратора, ведающую всеми вопросами нашего курса. Я ее впервые видела. Что о ней могу сказать? «Дама, приятная во всех отношениях». Произошел серьезный разговор. Женщина сумела расположить меня к себе, и я выложила ей всю свою печальную историю. Рассказала о позоре, о страхах, разросшихся до невероятных размеров и разрушивших мое представление о счастье, о том, как запугивая, Василий не давал мне заниматься. Объяснила, что хотела только одного – учиться в университете. Поведала о том, что сначала даже думала схитрить, объясниться в любви Василию, чтобы женился, а потом развестись. Но поняла, что он потребует жить с ним, а развода не даст. А какая это была бы жизнь? Ад, кошмар, лучше уж сразу в петлю...

Я сказала куратору: «Почему парень имеет право на ошибку, а девушка – нет? Это же несправедливо. И разве можно сравнить вину Василия с моей неосмотрительностью? Три месяца мне потребовалось на то, чтобы преодолеть все страхи, решиться на открытый позор и тем самым развязаться с настырным обожателем. Я уже сказала Василию: «Раз уж на то пошло, можешь рассказывать кому угодно про то, что случилось со мной. Только не утай и свою подлую роль во всем этом. Все равно ты не дашь никому из парней приблизиться ко мне, так пусть хоть не пытаются. Я буду думать только об учебе. А по окончании университета я все равно с тобой развяжусь, уеду по распределению в другой город».

Он растерялся от такой моей смелости и не смог ничего ответить. А тут случилась эта гадкая история с деньгами... И он воспользовался моим «разрешением». Теперь вот и с моим здоровьем сбой вышел. Я уже выяснила, что на первом курсе академический отпуск в нашем вузе не дают. Беда одна не приходит. Мне придется покинуть университет».

Долго и о многом мы беседовали с Дамой. Потом куратор сказала:

– Ты могла бы прийти ко мне еще в сентябре. Я бы подсказала тебе, как жить дальше,

нашла бы способ защититься от преследований.

- Стыдно было, я себе боялась признаться в том, что со мной произошло. Условности строгой деревенской морали... Да еще и в больнице побывала... Что может быть хуже и позорней... Своей дремучестью я повергаю вас в изумление? Мне только что исполнилось семнадцать. Я многого еще не знала и не понимала. А Василий ни на шаг от себя не отпускал, давил на меня, страхи разжигал, мол, в деревне все узнают. Я позором как наркотом была зомбирована, но, жалея маму и бабушку, хотела спасти их от страданий.

А тут еще Василий обвинил меня в распутстве. Вы представляете! Я была потрясена, раздавлена, уничтожена оговором и невозможностью оправдаться. Я готова была покончить с собой. Вспомнилась где-то услышанная провокационная фраза: «Кто не решается убить себя, тот не осмелится и жить»... Мне стало казаться, что в недрах моего подсознания есть такая склонность... От всего этого у меня развился комплекс неполноценности. Василий сломал меня своей скаженной непорядочностью. Весь мир для меня перевернулся. В ад попала моя запятнанная насилием чистая душа, а на земле осталось распятое обесчещенное униженное тело.

- Неправильно расставленные приоритеты, излишняя эмоциональность... Все одно к одному, - заметила Дама. - Надо суметь покончить с проблемами, а не с жизнью. Дурное дело не хитрое... И твоя подруга Лариса заболела. Не рассчитала свои силы. Постеснялась материальную помощь попросить. А теперь у нее от голода и переутомления обострение незамеченной ранее болезни щитовидной железы, проблемы со зрением. Читать не может. Но заключение врачей не приговор, вылечится. И твое горе не на всю жизнь. Умные вы девочки, но слишком робкие. Я знаю и про отчима, и про детдом... Оттуда растут корни ваших бед.

- Я уже нашла в себе силы порвать со своей мечтой и опуститься на ступеньку ниже ради нормальной жизни без Василия.

- Не искушай проведение. Василий - не весь мир, а только одна сто пятидесятиmillionная его доля, и далеко не лучшая, - усмехнулась Дама. - Целомудрие начинается с души, а не с тела. Попала в капкан собственных глупых страхов? Поменяй «департамент». Многих девчонок сгубило прямолинейное понимание девичьей чести. Была у меня студентка, переживавшая из-за врожденного девичьего дефекта, все просила медицинскую справку ей выдать. Другая, неправильно применяя гигиенические средства, сама себе случайно навредила. Видно мама ей, десятилетней, толком ничего не объяснила. И что же им теперь с моста в ледяную воду бросаться?

- Они тоже считали, что любовь - это то единственное, ради чего стоило жить и умереть? - спросила я.

- Нет, комплекс «порченной» не позволял им даже попытаться найти себе достойного партнера. Я против распущенности, но и жизнь свою губить из-за одной ошибки глупо. Они думали как дети: «Оступились - и все, до свидания! Жизнь пропала. Осталось ждать грозной расправы». Глупышки. Я объясняю девушкам: «Если кто полюбит вас по-настоящему, никакие условности их не остановят. Люди женятся, расходятся. Это жизнь. Несите себя с достоинством. Не позволяйте унижать. А молва?.. Она схлынет. Дела определяют человека», - успокаивала меня примерами из своей педагогической практики куратор.

- Они, как и я, будто на другой планете жили, потому что тоже деревенские?

- Нет, городские. Запомни, любой человек имеет право на ошибку. Другое дело, что каждый должен стремиться избегать их совершать. Не у всех и не сразу это получается. Ошибки - не преступления, ими человек наносит вред только себе. Он сам себя ими наказывает и так учится. И ты, насколько я тебя поняла, хорошо это осознала. Все у тебя будет хорошо. А с Василием я поговорю. Оградим тебя от его влияния. Мне твои однокурсники характеризовали его как никчемного. Прошедшее уже не в нашей власти. Думай о будущем».

Боже мой! Как же мне не хотелось терять прекрасную мечту - университет с

удивительными, гениальными педагогами! Быть на переднем крае науки и вдруг... Я еще до болезни поняла, что из нас двоих остаться должен кто-то один. Василий не уступил, а я никак не могла насмелиться оставить вуз, ради учебы в нем терпела Василия. Но обстоятельства все решили за меня. Одним днем я сорвалась и тайно, спешно уехала из города. Я все еще боялась преследований Василия. В деревне я не появилась, пока не перевелась в другой университет.

Потеря мечты обернулась для меня еще одним стрессом. Мне все еще казалось, что все рухнуло, что все для меня закончилось... Пытаясь вернуть себя в нормальное русло, я иронизировала: «Травма несовместимая с жизнью? Дуреха! Бывает опасней, но приятней». (Наша студенческая шутка.) По телу пошли волдыри, которые долго не проходили. Нервы. Нашлись добрые люди, помогли... Но моя душа все еще «сидела в черном чулане» переживаний. Я подрабатывала, существовала на гроши, думала, решала... Жила от надежды до отчаяния... Для меня этот год был временем невосполнимых трагических потерь и приобретения жестокого жизненного опыта. Как потом оказалось, он готовил меня к другим, многочисленным, не менее трудным ситуациям».

«Вот что я видела сама, и о чем поведал мне Галин дневник, – сказала мне Василина. – В тот раз судьба позаботилась о глупой наивной девчонке. Она развела ее с Василием по разным городам, и они больше не встретались.

А Василий, как рассказывала ей мама, сессию провалил, что не удивительно, и был отчислен. Несколько лет носился по разным вузам страны, пытался хоть где-то зацепиться, но опускался все ниже и ниже. Потом поехал «на дармовые хлеба» к матери, которая его не растила. Он видел ее в детстве от силы раза три. Отчим недолго терпел великовозрастного бездельника, все время тратившего, по его же словам, на попытки «обиходить ту или иную глупышку». Потом слух по деревне пронесся, что прибрала Василия к рукам какая-то немолодая, властная, бездетная женщина, которая даже не пустила его на похороны бабушки, воспитывавшей его с пеленок. Василию в ту пору было уже чуть-чуть за сорок. И там от него немного было радости. Перекати поле. Что еще о нем можно сказать? Природные данные у него были неплохие, да только жалели его старики – сиротка, без отца, без матери. Нахлебника вырастили. А ведь любили... Это надо же было умудриться в деревне взрастить такое дерьмо! Жестокие люди «образуются» не только в неблагополучных семьях, но и там, где их очень любят и слишком балуют?»

«И вчера Василий явился к нам с явными признаками фривольности в поведении и неумеренности в жизни. Собственно, что его всегда и отличало. Не изменился, не перерос свою дурь. Его второе пришествие... – Кира поежилась, переживая свою ошибку с приглашением Василия.

А рассказ Гали о себе был предельно краток:

«Судьба моя не была легкой и гладкой. Окончила вуз, работала много и упорно. Вниз по ступенькам не опускалась. Недолго потопчусь на одной и выше стремлюсь. Разочарования в жизни год от года только прибавлялись. Отношу себя к невезучим. Но, как и у всех наших подруг, у меня дети, внуки и чувство не напрасно прожитых лет».

Не станет же она всем рассказывать, сколько попреков она выслушала и перетерпела за сорок лет совместной жизни от ревнивого мужа, так и не простившего ей ошибки юности. Он считал себя вправе в отместку «завернуть куда захочется», проявлять свой злой и вздорный характер, наказывать, коварно унижать, издеваться и чувствовать себя выше, честнее жены, один раз совершившей оплошность. Кто бы знал, сколько нервов стоил ей жестокий, бездумный или осмысленный и целенаправленный поступок Василия!

Не сумела Галя себя перевоспитать, так и не научилась защищаться. А Аркадий этим пользовался. Почему она выбрала себе такого мужа? Говорят, что существует тип неуверенных в себе женщин-жертв. Жестокие мужчины чувствуют их на расстоянии и заманивают в свои сети. Я бы разошлась с таким мужем, вернее, я бы за такого не

вышла замуж, – подумала Кира. – Галина назвала дочь Жанной. Жанна Аркадьевна! Такое сочетание имени и отчества ассоциируется в моем сознании только со словами «неповторимая», «непревзойденная»! Для меня оно сопоставимо и употребимо лишь в связи с именами великих русских актрис... Может, оно прибавляет ее дочери уверенности? Обязательно завтра узнаю у Гали, как сложилась ее судьба.

Страница из одного Галиного письма вдруг всплыла в памяти Киры.

«Помню, выглянула в окно. Мой муж шел в компании студенток чужого факультета. Одна, самая некрасивая, заигрывала с ним, а он отвечал ей смущенной улыбкой. Я поняла, что все ее подруги сейчас разбегутся, тактично оставив их наедине.

Горящей стрелой промчалась обидная мысль: «Была бы красавица, умница, а то ведь примитивная обезьяна, самая последняя на их курсе! На кого меня променял!» Вся логика полетела вверх тормашками. Никакие доводы рассудка не в состоянии перебороть обиду в минуту ее накала.

В следующий миг перехватило дыхание, странно заклокотало в горле. Прыгающее, дрожащее сердце распирало грудь, казалось, вот-вот лопнут ребра. Вокруг меня заколыхалось голубовато-белое рыхлое пространство, похожее на водную стихию в период бури. Потом глаза мне застлала плотная белая пелена. Из груди вырвался грозный сдавленный крик. Я готова была на всё... Это была уже не я... Не знаю, сколько это продолжалось. Я содрогнулась... Наверное, сознание вернулось. Меня все еще трясло. Взгляд упал на руки. Крепко сцепленные пальцы побелели... Возбуждение прошло. Остались раздражение, злость, обида и смертельная усталость.

Меня потрясло это непонятное, неожиданное открытие, странная, абсолютно бессознательная реакция моего организма, неизведанная способность. Подсознание сработало? Я вроде бы не ревнивая и то... У меня просто обида. А мой ревнивый муж... В таком состоянии убивают?.. Я совсем не знаю, как могу повести себя в пограничной ситуации? Я ревновала? К кому? К этой?.. Смешно! И все же... что же это со мной было?

Сколько же в нас, в людях, нераскрытых тайн! Интересно! Некоторое время я осмысливала свои ощущения. Я готова была провести на себе эксперименты, чтобы уточнить и разъяснить себе этот странный феномен. Только вряд ли намеренно взвинчивая себя, я смогла бы достичь столь высокой степени глубинного толчка в мозг, в эту многовековую кладовую памяти. Только истинные, естественные бурные эмоции способны подвергнуть организм такой сильной встряске, последствия которой могут быть непредсказуемы, экстравагантны, а иногда и опасны».

Потом Кира давние Ларисины рассказы вспомнила.

«Что-то случилось с глазами. При чтении я видела перед собой только круглое желтое пятно, которое при малейшем напряжении глаз для фокусировки, чернело. Я больше не могла читать. Уже на следующий день мне выделили четырех старшекурсниц, чтобы помочь подготовиться к сессии. Я до слез была потрясена такой заботой, но попросила девушек не терять со мной время даром. На слух можно выучить историю, но не математику. Я сама, без врача догадалась, что это результат постоянного недоедания и переутомления. Жила ведь на одну стипендию. А Москва – не деревня, подвала с картошкой нет рядом. За все платить надо. О том, что можно попросить материальную помощь, понятия не имела. И в группе такой вопрос не поднимался. Со мной учились дети деканов, ректоров, ученых. Я в нашей группе была одна из села. К тому же иждивенка. Пришлось покинуть Москву. Тогда это решение казалось катастрофой всей жизни, шагом в бездну. Не сговариваясь с Галей, мы оказались в твоём университете».

«Подружка из моей бывшей комнаты через год сообщила мне, что на втором курсе к ним зашел представитель студенческого профкома, назвал мою фамилию и сообщил, что мне для укрепления здоровья деканатом выделяется ежемесячное пособие. А мы ему дружно заявили, что ты уже заболела и выбыла из наших рядов».

Как видишь, даже в нашем вузе буквоедство и бумажная волокита не изжиты. А приди эта помощь вовремя... После этого письма я долго редела. Моя одноклассница Лена тоже скромно питалась, но ее организм, видно, был крепче моего, он все выдержал.

Только через год мое зрение восстановилось, но поступать в Москву я больше не решилась. С моими документами меня пригласили сразу в несколько вузов. Я удивилась, но представитель из Одессы объяснил мне: «Дураки в МГУ не поступают. И если у студента что-то не заладилось в Москве, это не умаляет его способностей». Но я, Кира, выбрала твой университет и не пожалела».

*

Кира посмотрела на часы и попыталась настроиться на сон. Но почему-то себя в пятнадцать лет вспомнила, как после детдома училась в училище по специальности «швея», как произошел тот болезненный случай...

«Приметила я одну уже не очень молодую пару, часто ходившую мимо ворот нашего общежития. Она – красивая, яркая, но всегда грустная или даже печальная. Мне казалось, что она по жизни колористически предрасположена к черному цвету. Но не к страшному, а к теплему цвету чернозема, который бывает после весеннего дождя. А муж ее какой-то блеклый, безликий, но странно самодовольный. Как-то они остановились у нашей колонки воды в бутылку налить, а я рядом, в двух шагах от нее стояла. Вдруг мужчина сказал жене что-то грубо-оскорбительное. Я всех слов не расслышала, но поняла, что он зло упрекнул жену за ошибку юности, упомянув имя какого-то знаменитого ловеласа. На лице жены появилось выражение мучительной боли. В ответ она тоскливо прошептала «не надо», ссутулилась и автоматически коснулась того места, где у нее, очевидно, сильно заныло сердце. А муж стоял счастливый и гордый тем, что способен унижить и оскорбить эту красавицу. Он наслаждался властью над ней! Еще бы! Слаще власти ничего нет! Пусть даже над одним человеком.

Я взбесилась. Не помня себя, вырвала из ограждения палисадника штакетину и кинулась на мужчину с криком: «Даже с человека, совершившего тяжкое преступление, но отсидевшего свой срок в тюрьме, снимается вина! А вы, женщина, почему столько лет терпите подлеца? Он же хуже бандита! Сроки вашей вины давно оплачены несчастливой жизнью с этой сволочью, а его вина перед вами растет с каждым годом».

Женщина, видно впервые задумавшись о своем неправомерном терпении, посмотрела на меня удивленно, благодарно и растеряно. А я, включив свое детдомовское безрассудство и фантазию, заорала на мужчину, что было сил: «Еще раз узнаю про ваше поведение, сама, лично, изобью вас до полусмерти и концов не найдете... Чистенький он! Еще не известно, чем вы там, в вагоне, с блондинкой занимаетесь!» Мужчина всегда ходил в форме железнодорожника. На этом я и сыграла. Гадко поступила, не имея доказательств. Но я была в запале. Я на самом деле готова была его измолотить не только словами, но и палкой.

Мужчина не ожидал такого напора от незнакомой вздорной девчонки, а может, и на самом деле имел грешки. Только он визгливо закричал: «Я доберусь до тебя!» и торопливо засеменял от колонки. А я, продолжая размахивать деревянным оружием, рассмеялась ему вслед, мол, ищите ветра в поле, только найдете беду на свою голову. Если бы он погнался за мной, я бы не побоялась врезать ему, потому что считала себя правой. Мы, детдомовские, за несправедливо обиженных всегда горой стояли, не отходили в сторону от чужой беды. Сами защищали друг друга. Мы не из тех, что рождались с серебряной ложкой во рту... Я могла бы и ребят натравить на этого гада. Это теперь, вспоминая себя юной, я с усмешкой думаю: «Какое было дикое стихийное проявление чувств! Я будто динамитом была начинена».

Мера терпения

Кире не хотелось спать. Воспоминания не убаюкали ее. Она «прогулялась» на кухню, попила воды, постояла у окна, задумчиво глядя на заснеженный парк. Он-то и привел ее мысли к совсем недавнему происшествию в лесу.

Я с внучкой возвращалась из гостей. Мы ехали через лес. Женщина-шофер, совершая крутой поворот, поставила машину поперек колеи так, что она передним бампером, как утка носом, уткнулась в высокую обочину. А после некоторых непонятных мне манипуляций «специалист по маневрам» умудрилась надежно посадить машину на гребнях колеи обоими бамперами. Думаю, если нарочно захотеть, то вряд ли получилось бы выполнить этот цирковой трюк столь быстро и удачно! Задние колеса при включенном двигателе со скрежетом проворачивались на одном месте, а передние только тупо вздрагивали. Внучка не вникала в то, чем занимались взрослые, и с удовольствием играла с Барби, а я пыталась помочь водителю в этой непростой ситуации.

- Валерия, топор у вас есть? Я сбегая вон к тем кустам, веток нарублю.

- Нет топора. В гараже где-то, - с безразличным лицом, буркнула та.

Я принялась ломать ветки руками и сапогами выкапывать из-под снега сушняк. Повезло, полусгнивших березовых обломков было много. Но они мало что решили. Передние колеса закрутились при надрывном стоне двигателя, но выбраться из ловушки это все равно не помогло.

- «Жигуль» лег на пузо, - «обрадовала» меня Валерия и, встав на колени, перочинным ножом принялась ковырять мерзлую землю.

- Вы весь бугор ножом хотите срезать? - спросила я, не понимая действий водителя. - Дайте мне лопату, - с готовностью юного пионера, снова бросилась я на помощь.

- В гараже осталась, - не поднимая головы, ответила Валерия.

- Как же так, вы же знали, что не по городу будем кататься! - возмутилась я.

В ответ я получила унылое молчание. Мне было неловко смотреть на неумелые движения женщины. Я отвернулась, горестно размышляя о ближайшей перспективе заночевать в лесу.

- А почему вы не попросите начальника купить вам туристический коврик, чтобы во время ремонта машины не мерзнуть на земле в любую погоду? Я успела оценить это прекрасное изобретение, когда на рыбалку ездила с мужем. Великолепный теплоизоляционный материал! Приедем, я подскажу руководству, чтобы всех шоферов ими обеспечили.

Валерия промолчала.

Полтора часа возни у машины не дали результата. Я еще больше заволновалась. Небо быстро серело. Мобильник в лесу не брал. Смотреть на бесплодные мучения женщины не было сил.

- Как вы думаете, до трассы далеко? - спросила я Валерию.

- Совсем рядом, километра два, не больше, - заинтересованно ответила она.

Ничего не сказав внучке, увлеченной игрой, я отправилась за помощью. На энтузиазме дошла быстро. Даже не ожидала от себя такого подвига при своем теперешнем состоянии здоровья. Видно ответственность за малышку придавала сил.

Мобильный телефон и тут не брал. Машин на шоссе было много, но никто не останавливался. В воскресный вечер люди торопились домой. На ветру пробирало до костей. Стрелка барометра моего настроения клонилась к нулю. Вдруг грузовик притормозил. Я - к нему. Шофер, узнав о беде, грустно сказал:

- Извините, опаздываю, думал, что нам по пути. И газанул.

Но, видно, мой примороженный вид тронул его. Он вернулся, и ничего не говоря, захохотал сторону указанного направления. Я только успела крикнуть:

- А трос у вас есть? - И припустила, вслед за машиной.

Пока я мытарилась на трассе, Валерия, намаявшись, присела на березовый пенек, торчавший из снега, и задумалась. Опасность заночевать в лесу заставила и ее шевелить мозгами, что ей, похоже, было не особенно свойственно. Она мучительно перебирала в голове все, что ей приходилось слышать от шоферов о подобной ситуации. Память не подвела. «Домкрат!» - осенило ее.

Не прошло и пятнадцати минут, как машина, развернутая в нужном направлении, стояла рядом с колеей. Но радость оказалась преждевременной. То ли «перетрутился» «жигуленок», то ли еще что-то случилось с ним в части двигателя, но прополз он метров десять и устало, безжизненно залег на ослепительно белом полотне снега. Там и застал его водитель грузовика, у которого тоже не оказалось троса. Помянув чью-то мать, шофер потоптался на месте, жалеющим взглядом посмотрел на машину, на замученную женщину и умчался по своим делам.

А я с тяжелым сердцем вернулась на «пост». Чтобы меня в пятнистом «обмундировании» не приняли за мужчину, я поверх шапки натянула яркий шарф.

Все-таки судьба меня помиловала. Остановилась легковушка, и пожилая семейная пара клятвенно пообещала помочь с трактором.

- Я бригадир полеводческой бригады, у меня свои трактора, - успокоил меня отец семейства, не увидев радости в моих глазах.

- Не изверги мы, не бросим ребенка в холодной машине на всю ночь, - сочувственно сказала старшая из женской половины семьи. Их внучата спали на заднем сидении.

Я утерла благодарную слезу.

- Я сам за вами приеду. Какой же я буду мужчина, если женщин брошу в беде! - улыбнулся в усы бригадир.

- Я заплачу, - пробормотала я онемевшими от холода губами.

Старик укоризненно взглянул на меня и обиженно ответил:

- Я из тех, что родились еще до войны. У нас не принято... не нынешние.

Я покаянно опустила голову.

- Садитесь в машину, потеснимся, - позвала меня женщина.

- Спасибо, пойду к внучке, вдруг она без меня плакать начнет.

- Вам виднее, - одобрил мой выбор мужчина, и уехал.

Я верила и не верила в везение, но простые добрые лица стариков успокоили меня.

Когда трактор подъехал к месту «аварии», наш «жигуленок», виляя, фыркая, чихая и выписывая на снегу живописный рисунок, снова попытался перебраться на дорогу, проложенную грузовой машиной. Но вскоре сердито пророкотав, засипел и испустил дух, закопавшись в непролазном сугробе.

- Хватит пируэты выделявать, мотор загубишь. Ишь как газует, будто из последних сил надрывается. Смотри, огрызается еще, - залиvisto и басовито захохотал тракторист, некоторое время наблюдавший представление.

- Крепи мой трос к своей развалюхе, - скомандовал он Валерии. Та безоговорочно подчинилась.

Пока выбирались на трассу, совсем стемнело. Я решила - раз судьба так распорядилась -

зачековать в ближайшем от трассы селе у родителей Марии, подруги студенческих лет.

«Дай бог, чтобы они не сменили места жительства», – подумала я, – ведь дома колхозника или гостиницы в их селе может не быть».

И будто услышав мои мысли, тракторист успокоил:

– Гостиницы нет, если не отыщите подругу, я вас к себе на постой отвезу. В любую хату не постучишься в ночи, не старое доброе время. Недоверчивый стал народ. Не волнуйтесь. С дитем на улице не останетесь. А утром мой механик посмотрит вашу машину.

В первом доме, куда постучал наш спаситель, знали Машу и указали ее дом. И вот мы в теплой, светлой комнате. Я предполагала увидеть родителей Марии, а встретила с самой подругой, которая, уйдя на пенсию, оставила квартиру в городе сыну, а сама переселилась к старикам. Валерия, отужинав, сразу уснула на диване в зале. Внучка тихонько посапывала на раскладушке. От ее огромных ресниц падали на порозовевшие от тепла щеки длинные густые тени. Мы с Марией пили чай на кухне и с удовольствием празднично болтали. Не виделись тридцать пять лет. Только поздравительные открытки слать не забывали друг другу да иногда созванивались.

– Боже мой, боже правый! Ты ли это? – обрадовалась Маша, – Если бы не назвала свою девичью фамилию, не узнала бы!

– Так изменилась?

– Нет, я пыталась найти твое лицо среди моих знакомых последнего десятилетия. Почему ничего не ешь?

– На ночь не рекомендуется, – улыбнулась я.

– Если тебе через час не выходить на подиум, ешь, что хочешь, – рассмеялась Мария.

– Расскажи, как жила эти годы. Наши ночные бдения в общаге помнишь? До утра секретничали, слезами обливали друг друга. Небось, и сейчас слез накопилось, хоть купайся в них? – грустно спросила я, задав таким образом тон и настрой разговора.

Мое усталое, печальное лицо располагало к откровенности. И Маша принялась делиться обидами, переполнявшими ее сердце. Наверное, женщины всегда проявляют большую готовность к пониманию и участию, к доверительным отношениям и облегчающим душевным беседам, снимающим нервное напряжение.

– Не говори! – начала она, глубоко вздохнув. – По жизни столько боли собирала и перемальвала, что я иногда жалела, что не верующая. Не всегда бывал рядом душевный человек, чтобы поговорить, а копить обиды так тяжело! Устаю я со стариками. Трудно с ними. Они хорошие, но привыкли по-своему жить и от меня требуют их правила соблюдать. Я много лет самостоятельно живу, свой уклад жизни выстроила, а они не хотят смириться с тем, что я уже не та послушная девочка, которую они отпустили в семнадцать лет в город учиться. И заботы о своей семье стали тяготить, утомляюсь, раздражаюсь. По молодости без шума семьи не могла жить, тоска заедала, когда дети уезжали на время, а сейчас иногда хочется одной хоть немного побыть в тишине. Не получается. Только ночи мои, да и то не все. Бессонница стала мучить. Перелистываю и прокручиваю в голове свою жизнь, печали на себя нагоняю, истину ищу. А она всегда где-то рядом... но неуловима, – усмехнулась Мария.

– При нашей последней встрече нам поговорить не удалось. Ты хлопотала на кухне, суп-харчо готовила, наши мужья «горячительным» занимались, но у меня сложилось впечатление, что у тебя все ладком. Муженек твой был внимателен к тебе и весел с гостями, – вспомнила я.

– На людях он всегда внимательный ко мне, это у него привычно-показное. Да и я никогда ни перед кем своих проблем не выставляла. Мое и есть мое. Хорошим бы поделиться.

– Все выкладывай, не таись. – Я обняла подругу.

- Помнишь, раньше и грусть, и радость – все пополам. А теперь они под пудовым замком. Радоваться разучилась. Бывало: хохотать – так на полную катушку, печалиться – так слезы дождем. А сейчас и слезы редки. Если только от депрессии без свидетелей в голос волком выть начинаю, – вздохнула Мария. – Пойдем в спальню.

Она, как в юности, свернулась на кушетке калачиком, натянула одеяло на голову капюшоном и зашептала про свою жизнь. Ниточкой боли потянулись, медленно разматываясь, далекие воспоминания.

- Не было у меня рядом подруги, не с кем было посоветоваться, некому поплакаться. Я, когда замуж вышла, стеснялась обсуждать свои дела с коллегами, считала их слишком личными, принадлежащими только нашей семье. А проблемы мои, по сути дела, начались еще до замужества, когда я познакомилась со своей будущей свекровью. Она неожиданно нагрязнула, как снег на голову свалилась. Только я к этому событию отнеслась легкомысленно. В молодости все кажется легко преодолимым. А тебя уже не было рядом.

Миша говорил мне, что его отец крупный специалист в области химии, а мать домохозяйка. Но когда я увидела эту высокую, как мне показалось, старуху, носатую, тощую, в деревенском платке, обмотанном вокруг шеи, в сером потрепанном, неопрятном пиджаке, дерюжной юбке, в простых приспущенных чулках и в пыльных черных ботинках, я несколько растерялась. Моя мать в деревне жила, но на работу ходила прилично одетая, а в город, в гости наряжалась в самое лучшее, что имела. А эта странная женщина выглядела как нищенка. Лицо грубое, неприветливое, но с выражением какого-то непонятого презрительного гонора. Кого угодно ожидала увидеть, только не это «видение». Мишина мать стояла у окна, прямая, будто кол проглотила, и оценивающе смотрела, как я чищу картошку, чтобы покормить ее ужином. Моя, если бы захотела узнать, какова ее будущая невестка, сама взялась бы за нож и в хлопотливой домашней обстановке, выяснила бы то же самое, что и эта разохшаяся деревянная мумия.

«Что за маскарад? – удивилась я. – Миша мне врал? Не может быть! Она нарочно так вырядилась или их семья на самом деле так бедна и некультурна? Тогда зачем Миша выдумал себе значительного отца? Обманывать у него в порядке вещей? Весу себе добавлял? Я дружу с ним потому, что он мне интересен. Положение его родителей меня не интересует. Я его за язык не тянула, сам о них разговор завел. Я же скромно сказала, что воспитывалась в семье врачей».

Меня неприятно задел этот, вроде бы маленький обман. То была его первая, замеченная мной ложь. Но я быстро простила ему это юношеское, неоправданное, бессмысленное, с моей точки зрения, бахвальство, потому что многих городских ребят отличало стремление выделиться, хотя бы чем-нибудь подчеркнуть свое превосходство. Мне были непонятны их выпячивания родительских заслуг, но я с юмором наблюдала их жалкие попытки возвыситься, вознестись, произвести впечатление. А Мишины слова восприняла с обидой, потому что у меня с ним были связаны серьезные мысли о будущем, и мне хотелось, чтобы наши отношения были чисты и не омрачались даже таким, может быть естественным для молодых людей, мелким враньем. «Зачем хвалился заслугами отца? Мне важно какой ты сам, на что ты способен», – сердито размышляла я над поведением жениха, энергично орудуя ножом, под колючим пристальным взглядом его матери.

К этому же периоду относился еще один факт, удививший меня. Миша учился в группе отличников, ты же помнишь, он, как и муж твоей сестры, экономист. У меня было очень высокое мнение о студентах его группы. И вот как-то я заболела, пропустила лекцию и не поняла одну теорему по математическому анализу. Естественно, обратилась к нему. Но он не сумел мне ее растолковать, раздраженно утверждал, что я плохо его слушаю, и потому ничего не понимаю. Я настойчиво требовала объяснения, а он упрямо нес ахинею. Я разозлилась и ушла. У меня создалось впечатление, что он сам глубоко не вник в теорию вопроса. Но тогда я не могла всерьез поверить своей догадке и списала это недоразумение на отсутствие у Миши педагогических данных. Позже я пришла к нему с единственной задачей, которую мне не удалось решить из целого списка, заданных к зачету. Он тоже не справился и даже не захотел узнать ее решение ни у товарищей, ни на кафедре. Меня это очень обидело. Я в лепешку расшиблась бы для него. К тому же мне, как человеку невезучему, именно эта задача попала на контрольной, и я впервые не получила зачет-автомат, что, конечно, разозлило меня и

несколько усилило недовольство женихом. И, тем не менее, в суете забот я быстро забыла и этот мелкий факт. А зря. Он многое высвечивал в характере Миши.

Ну так вот, его мать стояла подбоченившись у окна и в упор разглядывала меня самым наглым образом. «Может, я не права, но по моим понятиям воспитанной ее не назовешь», – хмуро думала я, но виду не подавала.

Занятая своими грустными мыслями, я не замечала необычайного оживления на кухне. Девчонки стайками входили и выходили, тихонько, будто мышки сновали у плиты.

Днем позже я услышала от подруги их единодушное мнение о моей будущей свекрови:

«Не повезло тебе. Стерва та еще! Запомни наши слова».

«Стояла твоя свекруха на кухне – ну прямо-таки царица Савская, только в обносках», – расхохоталась мне в спину одна из старшекурсниц.

«Не перегибайте палку, девчонки. Бедность не порок. Нельзя над этим смеяться. Мы с вами тоже не Ротшильды. Да и вместе мы жить не собираемся», – наигранно весело отвечала я, понимая, что они во многом правы.

«А еще лучше, если вы будете жить с ней в разных городах, – подсказала замужняя Татьяна. – Ты хоть поняла, что Мишка тебе смотрины устроил?»

«Как не понять. Только Миша совсем другой. Он хороший», – защитила я жениха.

«Жизнь покажет, – вздохнула замужняя Люба. – Не будь слишком доверчивой».

«Стояла как памятник, как монумент! Разыгрывала из себя гранд-даму, вершительницу судеб! Так и вижу ее указующий перст. Диктаторша чертова, – холодно и неприязненно заметила моя соседка по комнате. – Мишкина мамаша, прежде чем к тебе подняться, с вахтершей долго беседовала. А та, ты же ее знаешь, расскажет все, что было и не было. И соврет, и перекроит информацию в угоду своему воображению. Кстати сказать, опасайся ее, она уже не одну девчонку подвела. Подружки попросили меня спуститься на первый этаж. Я остановилась «почитать» приказы на доске объявлений, что висит около вахты, и услышала, как та докладывала, будто ты каждую ночь в мужское общежитие бегаешь, а зачем – не уточнила. Не рассказала, что Мишка с друзьями до трех ночи в карты играет, а ты ходишь разгонять их компанию, чтобы он не пропускал занятия. Мальчишки как дети малые! Зашторят окна и думают, что никто не знает про их проделки. А по теням на шторах как на экране всему женскому общежитию видно, что очередную «пулю» расписывают. Имей в виду: твоя свекруха наверняка вообразила, что ты ее мальчику спать не даешь, учиться мешаешь. Берегись сплетниц. Слухи совсем не должны быть правдивыми, чтобы пошатнуть чью-то репутацию. От перевернутой информации или от ее недостатка не одна семья развалилась».

Потом приезжал отец Миши. Он сразу мне понравился. Маленький, полноватый, нескладный и такой грустный! Он вовсе не был похож на большого начальника в области химии. Костюм на нем сидел мешком, брюки без стрелок. Шнурки на ботинках в узелках, рубашка несвежая. Побеседовали. Он благословил нас и уехал. Я поняла, что присылали его совсем не затем, поэтому была благодарна ему за его честное, и, наверное, мужественное решение. Не поддался он давлению женщин своей семьи, свое решение высказал. Я уважала его, поняв ситуацию в его семье. Но, похоже, не часто он выражал и отстаивал свое мнение, только в крайних, критических ситуациях. В нашем случае была именно такая, и он сумел остаться в ней самостоятельным и порядочным.

В ту встречу меня удивило, что мой вежливый, галантный молодой человек грубил отцу. Сначала они разговаривали на повышенных тонах, потом стали кричать друг на друга. Я чувствовала, что у отца не хватает сил и слов выдерживать яростный напор сына, который не защищался, а нападал. Я так и не поняла, что они хотели доказать друг другу этим неприятным спором, но мне было жалко отца Миши, его неудачных попыток осадить сына и я, бегая вокруг круглого стола, уговаривала Мишу вести себя спокойнее, деликатнее. А он не обращал внимания на мои послы и только один раз отмахнулся: «Не влезай, это наши с ним заморочки». Меня обидело такое невнимание, и я со слезами

на глазах выкрикнула: «Так нельзя разговаривать со старшими», и выбежала из Мишиной комнаты.

По тому, как уверенно и резко вел себя Миша, я поняла, что это их обычная форма общения. И я впервые подумала, что совсем не знаю своего парня. Но на следующий день, видя, как отец и сын мирно завтракают, я успокоилась, решив, что мои предположения необоснованные. Даже порицала себя за предвзятость.

Перед замужеством были и мистические подсказки, указывающие на то, что, возможно, мой выбор неправильный. В ночь знакомства в походе у меня украли одеяло, за которое я долго не могла расплатиться, не имея другого дохода, кроме стипендии. И когда первый раз мы пришли в загс подавать заявление, он оказался закрытым. Судьба подбрасывала на моем пути камешки-подсказки, по которым я должна была ступать, а я их пропускала, перескакивала. Теперь никогда не узнаю, как моя жизнь повернулась бы, пойдя я не в поход, а в театр по предложению другого претендента на руку и сердце. У некоторых людей есть внутреннее ощущение судьбы, но это угадывание присуще не многим.

- Тебе не хватало знамения, - проехала я по суеверию подруги. Она не обиделась.

- Подали мы заявление через месяц. Этот день мне казался особенным. Но ничем примечательным он не ознаменовался: ни цветов, ни маленького праздничного стола, ни ласковых Мишиных слов. Буднично как-то прошел, будто просто в кассу сходили, чтобы заплатить один рубль семьдесят копеек. Потом Миша уехал домой, а я принялась узнавать, где купить кольца, свадебное платье и фату. Денег мне и мать, и бабушка прислали. На двух невест хватило бы. Я летала на крыльях, представляя нас с Мишей прекрасной парой, такой, какую видела на свадебной открытке. Я с нетерпением ждала, когда, наконец, мы вместе сходим в салон для новобрачных. Талон из загса давал возможность трижды посетить этот самый красивый на свете магазин.

Но когда Миша вернулся от родителей, то позвал меня в свою комнату в общежитии и достал из чемодана пакет.

«Это тебе от моей семьи. Примерь», - отведя взгляд в сторону, сказал он.

Я обрадовалась: «Значит, смирились с женитьбой сына». Разворачиваю бумагу, а там - чужой ношенный белый костюм и два дешевых позолоченных колечка.

«Он, конечно, не «от-кутюр», - замялся Миша.

Я опешила. Видя мою реакцию, Миша стал объяснять мне, что родителей нельзя обижать.

«Я мечтала о настоящем платье и у меня есть деньги на кольца нам обоим. Зачем ты вынуждаешь меня начинать нашу совместную жизнь с чужих обносков? Мы можем позволить себе настоящий праздник, - расплакалась я. - С этих колец позолота сползет через месяц, и мы не сможем их носить. Мне хочется, чтобы они служили символом нашей любви всю жизнь. О чем говорят твои кольца? О том, что мы нищие, или что наших чувств надолго не хватит?»

«У Ленина и Крупской тоже не было золотых колец», - возразил Миша.

«Тогда колец не носили, они лежали в шкапулках как символы. Да я и не уверена, что они были счастливы», - не сдавалась я.

«Разве вещи важны для тех, кто любит?» - рассердился Миша.

«Не важны, конечно. Но свадьба бывает раз в жизни, и она должна быть красивой, чтобы запомнилась на всю жизнь. Это же праздник», - упорно сопротивлялась я.

«Ты хочешь начать нашу семейную жизнь, обидев моих родителей? Они тебе от души подарили», - внушал мне Миша.

«А меня можно обижать? Я не нищая, чтобы идти под венец... вот в этом. Зачем они навязывают то, что мне заведомо не понравится? Если у них не будет возможности тебе помогать, ты пойдешь по выходным работать как другие ребята. И я уже привыкла

подрабатывать. Проживем», – горячилась я.

У Миши был такой убитый вид, что мне стало его жалко. Я молча примерила костюм. Сразу стало понятно, что он для полной женщины невысокого роста.

«Сестрин?» – спросила я.

«Да».

«Но у нас совершенно разные фигуры».

«Ты сумеешь подогнать костюм под себя».

«Я-то смогу, но радости от этого не испытаю».

«Сделай это для меня, во имя нашей любви. Очень прошу», – со слезами в голосе попросил Миша.

И я уступила, потому что любила.

«Может, они так бедны, что мое шикарное платье будет им укором? Может, на самом деле разумнее будет мои деньги потратить нам на еду? – тоскливо думала я тогда. – Зачем я пытаюсь оправдать Мишу и себя? Я же понимаю, что деньги незаметно просочатся меж пальцев, будто их и не было, а памятного подарка от моих родителей не останется. Это не честно. Себе-то Миша все-таки сшил новый костюм. Но в его старом, еще школьном, уже и на занятия стыдно ходить. В новом он потом, по окончании вуза, пойдет на работу, а мое белое платье больше никуда не наденешь. Оно будет висеть в шкафу, и напоминать Мише о моей расточительности и неуважении к его родителям», – грустно размышляла я.

В общем, недовольна я была собой. Долго находилась в «растрепанных» чувствах, но еще не понимала, что эта уступка Мишиной семье была первым шагом к моему закабалению.

– И твоя жизнь стала представлять сплошную цепь уступок, неприятных открытий и попыток оправдать поведение мужа? – спросила я Марию.

– По себе меряешь? – горько усмехнулась она, оценив меру моего предвидения, как личный опыт. – Боюсь услышать от тебя печальную исповедь схожую с моей.

– У Эммы и Гали те же «уши», только с небольшими вариациями, – увильнула я в сторону наших общих подруг. – Рассказывай дальше. Неужели хоть на время счастье не засияло? Так хочется быть неправой. Это тот редкий случай, когда ошибке можно радоваться.

– Уже через неделю после свадьбы я заметила перемену в Мише. За два года, пока мы дружили, не было случая, чтобы он отказал мне в моей просьбе. В кино – пожалуйста, в бадминтон играть – с удовольствием, гулять по проспекту – с радостью. А тут о чем бы я ни попросила, ему то некогда, то сил нет. Но всё это были мелочи. Первый удар по моей любви и отношению к Мише был нанесен еще в студенческом замужестве. По молодости, по глупости мы оплошали. Приехала свекровь и категорично потребовала отправляться мне в больницу: «Твой ребенок помешает моему сыну закончить учебу!» – жестко сказала она.

Понимаешь, «твой»! Будто ее сын не отец ему. Я поняла, что она откажется помогать нянчить малыша, пока я буду учиться. А может, и вообще не примет меня к себе с ребенком даже на время. А Миша не настаит. Оставаться жить в комнате с «пискуном» я не могла себе позволить. Опыт такой уже наблюдала в соседней комнате. Девчонки роптали, особенно в сессию. Не в радость станет мне жизнь: я буду виновата во всех бедах, которые свалятся на нашу голову. А моя мама тогда уже была больна. Поплакала я, и решила. Боялась, что потом может не быть детей, но понадеялась на свой здоровый организм. И произошло прискорбное событие, на которое наслылось еще многое другое, о чем я ведать не ведала. Именно тогда я впервые поняла, что оказалась в прозаическом мире взрослых. Юность как-то разом оборвалась. Чистая радость любви, окутывающая меня, быстро потухла. Осталась испуганная, растерянная, обиженная девочка-женщина.

Муж не приехал забирать меня из больницы, добиралась сама. Мне было стыдно перед

соседками по палате, будто я никому не нужная потаскушка какая-то. И только очутившись на улице, в толпе спешащих, незнакомых, равнодушных людей, я почувствовала некоторое облегчение. Истерзанная физически и еще больше морально, я брела до общежития пешком, потому что не было у меня ни копейки даже на трамвай. Не просить же милостыню? Боже мой, сколько горестных мыслей прошло у меня в голове за три больничных дня и еще больше за эту длинную дорогу! Я чувствовала себя униженной, оскорбленной, оплеванной нелепостью и жестокостью происшедшего со мной, от своей умопомрачительной обиды, от беспомощности. Мне хотелось, чтобы на моем пути встретила река или огромное скалистое ущелье.

Устала идти пешком. Кружилась голова. Вошла в трамвай. Зайцем ехать не решилась. А вдруг контролеры. Позору не оберешься. Было жутко стыдно, но показала водителю выписку от врача и попросила разрешения проехать бесплатно, объяснив, что родственники почему-то не смогли за мной приехать. Водитель, не заглянув в бумаги, кивнул – проходи. Я увидела в грязном зеркале окна, что проводил он меня долгим изучающе-сочувствующим взглядом, мол, красивая, а невезучая.

А Миша просто проспал. Но когда он прибежал в общежитие и увидел меня, безразличную и безжизненную, в нем проснулась совесть. Он помчался на рынок, купил самой лучшей клубники, и, стоя на коленях у моей кровати, кормил меня и просил прощение. У меня не было сил ни говорить, ни есть. Я думала: «Похоже, искренне сожалеет. Будильник не поставил? В карты всю ночь играл? Все-таки он безвольный. Смогу ли отгадать его дружков? А вдруг чье-то влияние окажется сильнее? Но ведь должен же он со временем повзрослеть и поумнеть?»

А Митя сразу попытался уговорить меня закрыть дверь на шпингалет. «Врач сказала, что целый месяц нельзя. Там же свежая рана. Мне больно», – умоляла я. «Потерпи», – настаивал Миша. Он чуть не плакал. Он был настойчив и напорист. «Миша не понимает моей боли? Он так жесток? Он напоминает мне капризного ребенка. Удовольствие должны испытывать оба, иначе это насилие. Он слишком молод, чтобы вникнуть женские проблемы? Он научится сочувствовать?» – думала я, заливаясь слезами.

Долго еще потом, когда он подходил ко мне с ласками, у меня начиналась истерика. И я с горечью размышляла: «Мгновения «райского» наслаждения? Стоят ли они мук ада? Не уверена». Со временем боль обиды утихла. Жизнь вошла в свое русло. Я вновь училась радоваться жизни.

*

Распределили Мишу в Киев. И вдруг, вместо того, чтобы ехать по направлению, он сообщает мне, что перераспределится в родной город, и что с завода ему уже пришел вызов. Так спокойно сказал, точно не видел в этом ничего предосудительного. Для меня это известие стало полной неожиданностью. Это было предательство. Я пыталась выяснить, как и почему в нем произошла подобная метаморфоза, но так и не смогла ничего добиться. Так вышло и все. Заводу нужны молодые специалисты. Чтобы успокоить меня, Миша показал документ, в котором утверждалось, что он, как молодой специалист, через год получит квартиру, а мне, как жене, гарантировано устройство на работу. Я поверила, но неприятный осадок обмана остался надолго. Миша оправдывался:

«Я хотел как лучше».

«Меня не интересуют твои сиюминутные желания, мне важны твои реальные намерения и возможности. Для кого делал лучше? Ты спросил мое мнение? Действуешь за моей спиной, ставишь меня перед фактом и считаешь это нормальным? Мы должны все вопросы решать вместе. Мы – семья! – сердилась я. – Родители не должны без нашей просьбы вмешиваться в наши дела».

«Мы будем жить в общежитии. С этим у нас проблем не будет. Я выяснял», – клятвенно пообещал мне муж.

– А на самом деле дальше обещаний дело у него не пошло», – грустной усмешкойотреагировала я на рассказ подруги.

– Миша уехал домой. И этот год, пока мы жили в разных городах, окончательно изменил моего мужа. А может, он становился прежним, просто два года роль играл, пока

добивался меня, «отваживая» других кавалеров. Если играл, то получалось у него хорошо. А теперь он снова без грима.

При наших редких встречах в течение этого года я обратила внимание на то, что домом его души стала мать. Она вытеснила меня чуть ли не полностью. Я никак не могла избавиться от этого ощущения, но объясняла себе это чувство долговременной разлукой. Но одно я поняла точно: несомненно, в этой семье всем заправляет мать.

В разлуке Миша постоянно требовал от меня слов любви. Может, он еще цеплялся за свою любовь, пытался защитить, поддержать ее моими словами. А меня это смущало. Я не привыкла разменивать чувства на слова, боялась их обесценить.

Помнится, за полгода до нашей свадьбы мы ездили к моим родителям. Мне понравилось, что Миша галантно попросил у матери моей руки. А к себе домой почему-то не повез, но я успокоила себя тем, что его отец нас уже благословил. Тогда я не предполагала, что пять лет мне придется жить в одной квартире с его зловредной мамой и деспотичной бабушкой, незамужними сестрами и тетками пенсионного возраста. Теперь я считаю, что он намеренно не хотел знакомить меня с обстановкой в семье. Боялся, что я почувствую, какой он человек на самом деле и передумаю выходить за него замуж.

И вот я закончила вуз и окончательно переехала в город, где жила семья мужа. Встретили меня настроенно, не пылали радушием и гостеприимством.

- И Миша не выполнил ни одного своего обещания? - внимательно глядя в глаза Маше, - спросила я.

- Отвечу как на духу - ни одного. Откуда такое предвидение?

- Теперь-то мы умные, а тогда... Наивные были, глупые. Станешь отрицать?

- Нет, конечно. А как ты думаешь, мой муж предвидел, как сложится наша семейная жизнь?

- Мне кажется, он глубоко не вникал в эту тему. А если и задумывался, то лишь о том, как бы ему было поменьше забот да хлопот, - рассмеялась я.

- Ты права. В общепитие Миша не пошел. Мама ему запретила, сказала, если уйдешь, ты мне не сын. Никакой логики не было в ее заявлении, но он не ослушался. И тем точно ушат холодной воды на меня вылил. Такого я никак не ожидала. Это было просто глупо! Много позже Миша сознался, что его снесло яд соперничества. Он боялся стать подкаблучником, и считал, что без опоры на маму, не удержит в нашей семье первенства. Без нее, как выяснилось, он всегда чувствовал себя неуверенно. Оттого-то у него было семь пятниц на неделе. Мать корректировала его поведение и его обещания. Во мне он поддержки не искал, желая всегда выглядеть уверенным и самостоятельным.

А я не собиралась бороться за лидерство. Не в моем характере командовать, я была за равноправие. Но равенство сторон предполагает уважение и взаимопомощь, а Мише, как оказалось, хотелось полной свободы, которой он добивался, прикидываясь, как и его мама, больным и немощным. Коллега пыталась мне втолковать, что мой муж - мнимый больной, но я не верила, потому что не представляла, что можно ежедневно, ежеминутно врать. Получалось, что ложь - это тоже вопрос его личного комфорта.

Маша вздохнула, взгляд ее затуманился, но она продолжила:

- Безрадостное впечатление сложилось у меня от Мишиной семьи. Ни приветливости, ни трогательности, ни нежности между ними. И окунулась я в их омут... Не припомню недели без скандалов и ругани. От них у меня закладывало уши и ныло сердце. Правда, первое время меня не трогали. Сами «развлекались». И я не провоцировала. Провокации ставят обе стороны на грань войны, а мне надо было соблюсти свои интересы, а не воевать.

Удивляло и то, что всегда готовый упорядочить - даже без их на то желания - мир других людей, Миша не хотел, а может быть, просто был не в состоянии управлять своим собственным. Он зло обвинял других людей в неудачах, насмехался над ними, а сам имел те же проблемы, но не желал, чтобы кто-то указывал ему на это и тем более просил что-то изменить. Он не терпел, чтобы ему диктовали. По крайней мере, внешне это

выглядело именно так. Я не узнавала своего Мишу.

Иногда по ночам он рассеянно выслушивал меня, не особенно подвергая мои мысли анализу, и не пытаясь приспособить их к собственной жизни, а потом просто забывал всё, о чем я ему говорила. Я чувствовала это кожей, обижалась, но преодолевала в себе недовольство во имя нашего светлого будущего, которое надеялась выстроить, положительно влияя на Мишу, когда мы станем жить отдельно. Я считала, что вины его в ссорах нет. Во-первых, он не здоров, во-вторых, он таким образом привык защищаться от нападок родственников.

Я жалела и оправдывала Мишу и не вступала в их семейные пререкания, понимая, насколько тяжелыми, могут оказаться последствия моей несдержанности в этой ненормальной семье, и только с некоторой тревогой следила за выражением лица мужа, ища его поддержки своему поведению. Приступы безудержного раздражения моих новых родственников, не облагороженные разумом и совестью, были для меня очень непривлекательны и неприятны. Краска стыда за них заливала мне лицо. Но я боялась, что мои простые, логические, иногда чуть ироничные замечания, которые я многократно прокручивала в своей голове во время их ссор, могут показаться этим людям дерзкими, неуместными, очень обидными, но, главное, – чего я больше всего страшилась – ложно истолкованными. Я не раз замечала, какими жесткими сразу становились глаза этих людей, не терпящих признания собственной невежественности. А мне они казались именно такими.

Я предполагала, что с детства Мишу разрывали на части противоположные силы в семье, а значит, и противоречивые чувства, которые, в конце концов, и определили его характер. Именно поэтому он пребывает в постоянном разладе с собой. А теперь ему особенно трудно, потому что он находится между двух огней – между мной и своей прежней семьей. Я считала, что Миша пытается, но не может найти такого компромисса, чтобы не обидеть маму и не оттолкнуть от себя жену. Я понимала, что в запутанном лабиринте жизни трудно найти себе идеально подходящую пару, надо учиться приспособливаться, уступать, но, не имея опыта, старалась хотя бы не навредить.

Неумение ладить с такими людьми изматывало меня, а они этому радовались. Но, живя невероятно странной и какой-то сомнительной, не совсем реальной жизнью, я вспоминала милые подробности нашей студенческой любви, и это поддерживало меня, вселяя надежду на наше достойное будущее. Я поняла, что у Миши слабые нервы по причине его трудного детства, но решила для себя, что он умный и поэтому достоин моей любви. Я думала: «Буду ему хорошей, заботливой женой, а мелочи жизни мы вместе сумеем преодолеть. Главное, поскорее покинуть это сумасшедшее семейство, у которого, как у глупых юнцов, слишком высокий порог высокомерия и агрессии». Только через много лет я осознала, что поведение моего мужа – череда «блистательных» элементарная распушенность эгоиста.

Потом я сплетни о себе у колонки услышала. Будто ничего не делаю, сплю целыми днями.

«Когда же я сплю днем, если работаю? Да и мои домашние дела никто не отменял», – удивилась я нелогичным обвинениям. А я так старалась в надежде, что меня оценят и полюбят! Хотела понравиться этой зловредной семейке. И что получила?

«Говорят, твои родители деньги с тебя взяли за приданое», – доложила мне лучшая подруга моей свекрови.

«Откуда такие фантазии? В вашем городе так принято? У меня на родине приданое дарят. Иначе какой в нем смысл? Проще здесь все купить», – не принимала я обвинений теперь уже в адрес моей семьи.

Ну и так далее... Судя по всему оговоры для соседок были делом привычным. Я не стала придавать значения их болтовне, потому что невозможно было доказать, кто из них сочиняет эти сплетни. Не устраивать же очную ставку? К тому же я заметила, что моей свекрови и ее подругам доставляет особое удовольствие сообщать друг другу именно плохие сведения. Им было все равно: свои или чужие, правдивые или ложные. Эту привычку соседок я связывала с наличием у них свободного времени: от безделья маялись. Все они были домохозяйками или пенсионерками. И в нашей квартире я

постоянно за спиной слышала гаденькие шепотки, чувствовала злые сверлящие взгляды. Тогда и поняла, что сплетни – не только наполнение их жизни, но и суть характеров.

– Может, тебе все это казалось? – засомневалась я.

– Иногда, как в детстве, я проверяла свои ощущения: выходя из комнаты, неожиданно для родственниц оглядывалась и видела направленные на меня ехидные взгляды и склоненные друг к дружке головы кумушек, рассказывающих какие-то гадости.

– Не так страшно, когда в тебя летят комья грязи, страшно и противно видеть в толпе их бросающих знакомые лица, – сказала я, вспомнив неприятные моменты из своей жизни.

– Жили мы в бараке, в двух малюсеньких, холодных комнатухах с черными от сырости стенами. Но меня это не смущало. Я не притязательна. Морально было трудно. Я старалась до прихода мужа, больше находиться вне дома. Таскала воду из колонки, ходила в магазин, возилась в их маленьком садике, колола дрова. Как-то выкорчевывала засохшую яблоню. Гляжу, а соседки как галки весь штакетник вокруг садика «обсели» и на меня глядят, как на чудо заморское.

«Кто тебя этому учил?» – спросили.

Объяснила, что несколько лет в деревне жила. А когда я строгала доски для книжной полки, соорудив во дворе за сараем небольшой верстак, они долго стояли с открытыми ртами. Потом одна, наконец, вымолвила:

«И где он откопал такую жену?»

«Странные вы какие-то, – удивилась я. – Если у вас, например, крыльцо сгниет, вы разве его не почините?»

«Нет, в ЖЕК подадим заявку», – ответила мне соседка.

Потом я стала замечать, что по субботам, когда я приходила с работы, муж встречал меня холодно, цеплялся из-за мелочей и чаще всего необоснованно. Все ему было не так. Я поняла, что «накачивают» его родственники всяческой ложью. Еще обратила внимание на то, что придя с работы, муж уже не подходит ко мне, пока не расскажет матери обо всем, что происходило на работе, а со мной молчит, ничем не делится. Меня это обижало, а Миша только отмахивался: «Привычка».

Мое место работы располагалось недалеко от дома, и я возвращалась домой раньше мужа. Мне надо было до его прихода успеть многое сделать. И вот тут-то на меня как злое воронье с руганью набрасывались Мишины родственники. А свекровь после этих разборок просила меня не нагружать ее сына «мелочами», не рассказывать ему о наших размолвках и обидах. Она говорила:

«Жалей его, он у нас слабенький. Он у нас в доме единственный мужчина».

И получалось, что Миша о моих проблемах не знал, а мать по-своему преподносила ему происходящее в доме. Я любила Мишу и поначалу верила свекрови. Не сразу мне дошло, что она нас разъединяет, хочет, чтобы он только ее одну любил, ей одной верил. Я и свекровь жалела, объясняя скандалы в семье ее нездоровьем. Страдала, но не решалась сказать ей, когда считала, что она не права, только мучительно пропускала через себя все услышанное.

Первое время я не могла разобраться во всех хитросплетениях сюжетов споров родственников, не понимала, из-за чего у них разгорался сыр-бор. Я не умела развести спорщиков по сторонам и благоразумно молчала, предпочитая выжидательную позицию, хотя в сердце нарастало глухое раздражение. Я не считала себя вправе давать советы старшим, только прислушивалась и присматривалась. Думала, что в случае необходимости, если Миша не справится, я смогу вмешаться и доказать абсолютную бесполезность и полную безосновательность их споров. Вспомнился один случай. Я было открыла рот, чтобы возразить свекрови, но потом раздумала и чуть улыбнулась мужу, словно ища его похвалы. Этот краткий миг нашего общения доставил ему удовольствие. «Она меня послушалась!» – подумал он. «Мы смотрим на эти вещи одинаково», – ошибочно порадовалась я.

Родственники злились, ругались. Сметались все границы понимания, преподносилась псевдоинформация, слова передергивались, смысл их искажался. Они далеко уходили от реальности, что сильно осложняло примирение. Но, похоже, ссоры эти приносили им облегчение. Можно подумать, что так в их семье заведено. «Они, таким образом, встряхивают эмоции, щекочут нервы, устраивают себе разрядку, нарушая однообразие жизни? А более веселого развлечения нельзя было придумать? – размышляла я, продолжая заниматься домашними делами и поглядывая на бабушку, которая была нечувствительной к происходящему в ее семье. – Может, она умеет отключаться? Не подпитывается же она энергией ссор и дразн, как утверждала одна моя знакомая. В это я не могла поверить. Но зачем причинять страдания другим просто так, без надобности, без повода? Не могла я придумать для их поведения какую-нибудь убедительную причину. А они были неллицеприятные и примитивные...

Среди неопишуемого шума, в котором один был не в состоянии перекричать другого и тем более всех остальных, мое молчание казалось мне зловещим укором, не прекращающимся ссорам и взаимным упрекам. Как-то вспомнилась фраза: «Ничто так не сближает людей, как наличие общего врага». Против кого или чего они ссорятся и объединяются? Зачем промывают друг другу мозги? Что хотят доказать? Скандал у них мог разразиться буквально из ничего. Они умело нагнетали истерическое напряжение, забираясь в голосовом поединке все выше и выше.

Иногда я пыталась остановить Мишу взглядом, который должен был заставить его умерить свой пыл, соизмерить свои силы и впредь быть настороже: не ловиться в капканы раздражающей нелогичности родни. Но он не хотел замечать моего виртуального вмешательства. Тогда я спросила: «Твои родственники не знают, что такое любить и уважать? Они все меряют только на деньги? Так объясни им, что любовь – это когда кто-то для тебя важнее, чем он сам, когда думаешь не о себе, а о том кто напротив. Если люди любят друг друга, многое в их взаимоотношениях упрощается. Они легче прощают, уступают, не замечают мелочей». Мой вопрос озадачил Мишу. И мне, наконец, дошло, что каждый из них любит только себя.

Я ненавидела эти вздорные, постыдные ссоры. Моя душа рвалась к красивому, светлому, а попадала в черную яму лжи, двуличия, и мне казалось, что колесо моей жизни катится под гору. В такие часы мне уже не верилось, что наше счастье возможно. Сжигающее душу смятение неудержимо нарастало. Наверное, я выглядела загнанно, беспомощно, но ничего не могла с собой поделать. «Они и святого доведут до ручки, – горевала я. – Время жизни в семье мужа как годы заключения: один к трем».

В тот первый год совместного проживания я поняла, сколько во мне слабости, неуверенности, нерешительности, какой-то внутренней робости. «Я напрочь лишена способности противостоять злу? Я смиренно признала их силу, их первенство в моей жизни? Я для них пигалица, ничтожество? Я не такая как они, поэтому вся семья мужа дружно объединилась против меня в холодном неприятии?» – предполагала я.

«В семьях не бывает, чтобы без сучка и задоринки. Ты привыкнешь к ним», – убеждал меня Миша.

«Но если эти сучки ежедневные? А если я не хочу привыкать? Я замуж выходила, чтобы жить в этом аду? Для тебя такая жизнь привычна и приятна? Ты же обещал...» – горько возражала я, вспоминая счастливое лицо свекрови, когда Миша впервые повысил на меня голос. Я по наивности подумала тогда: «Чего больше в ее улыбке – глупости или фальши?» А она искренне радовалась!

Я не могла разобраться в себе, что уж говорить об остальных. Наверное, поэтому первое время была склонна искать несообразности в себе и в своем восприятии их жизни. Я анализировала причины своих слабостей, выискивала в себе недостатки. Я удивлялась самой себе: «Откуда эта бесконечная «сложность» и «неисчерпаемость» проявлений моего существа, неспособность к решительным действиям, откуда молчаливая покорная растерянность?» Интуитивно я понимала, что добрыми делами и честностью мне не справиться с этим семейством, а иначе я жить не умела. Я знала, что с разными людьми человек должен вести себя неодинаково, но у меня не получалось расстаться с тактом, добротой и мягкостью. Они во мне были неистребимы.

- Как в Мише пороки, - усмехнулась я. - У меня есть подруга. Она тоже не сразу распознала семейку своего мужа. Мы же, выходя замуж, как правило, не знакомимся с бытом своих будущих родственников, знаем только его парадную сторону. Как котов в мешке их себе в нагрузку получаем. Так вот, ее благоверный как, бывало, разживется бутылкой, так в доме дым коромыслом. Дружки со всей улицы сбегались, да еще командовали ею, мол, огурчиков тащи баба, яичницу жарь. И все с глупыми ухмылками, пошлыми шуточками и жестами. Возмутительно с ней обращались. А она из интеллигентной семьи. Долго терпела. А как-то схватила огромный дрын и давай их охаживать и матом поливать. Выставила всех самым грубым образом. Вмиг отвадила.

- Я не допускала непарламентских выражений. Язык не поворачивался произносить гадкие слова.

- С подобными людьми надо говорить на их языке, иначе не поймут. Алинка тоже не умела и не хотела. Достали. Пришлось ради семьи один раз переступить через себя. Прости, я отвлеклась, продолжай.

- Бремя всех этих ненужных эмоций выводило меня из себя, я жутко уставала, но настраивала себя: «Уж год я как-нибудь потерплю. Стрессы, заканчивающиеся победой не вредны».

Когда моя жизнь зависела только от меня, все было просто и ясно, я всегда побеждала. Я отлично кончила школу, университет. Имела неплохие спортивные успехи. Я считала себя уверенным человеком с точным расчетом целей и средств. А в чужой семье оказалась неспособной даже отвести от себя незаслуженные обвинения, потому что меня не слушали, игнорировали. На меня наседали, а Миша не защищал. Я давала сбить себя с толку, направляла свои мысли в сторону оправдания мужа. Мне хотелось видеть в нем союзника. Как бы не так! Сподобится он! Я, видно, ждала от него слишком многого.

- Если есть повод поиздеваться над более слабым, почему бы не воспользоваться им, - ехидно хмыкнула я в адрес обидчиков Маши. - Да... не встретила ты понимания. Расклад сил «на геополитической карте» Мишиной семьи был не в твою пользу. И центром, «мировым жандармом» в их «схватках» являлась его мамаша. И что делили?

- Мои опасения стали быстро оправдываться. Жизнь подбрасывала все новые и новые неприятные сюрпризы. Не укладывалось в моей голове странное поведение Мишиной мамы, не вязалось оно с моим понятием о семейной жизни. Я меньше всего хотела бы мешать ей жить, но она сама не отпускала нас. Я не могла взять в толк - почему, а Миша не хотел мне объяснять. В общем, надолго я заблудилась в лабиринтах их семейных передряг. Нейтральная позиция не спасала.

- В жизни всегда больше вопросов, чем ответов, - вздохнула я.

- С моей точки зрения я вела себя с ними правильно и не представляла, к чему во мне можно было цепляться. Оказывается, можно просто оговаривать, лепить из лжи какой угодно образ за моей спиной, тщательно подготавливать и настраивать всех на неуважительное отношение. Я была наивна, прямолинейна, честна и откровенна в своих делах и мыслях. А открытый человек - отличная мишень. Зависть и злоба порождают беспамятство на чужие, добрые дела. Свекровь бесило мое трудолюбие, моя искренность. Она ненавидела все хорошее во мне, оно было укором ей и ее семье. Моя честность была им как яркий свет для больных глаз или громкий стук при головной боли. Свекровь умудрялась вменять мне в вину даже мою заботливость. Я удивлялась ее грубости, резкости, неумению находить простой выход, стремлению делать «из мухи слона».

Я рассказывала свекрови, что за всю жизнь не слышала, чтобы в моей семье кто-либо повысил голос, неуважительно о ком-то высказался, потому что считалось, что люди должны радовать друг друга. И если с соседом случалась беда, отринув все мелкие обиды, которые когда-то претерпели от него, не считаясь ни с чем, помогали, выручали. Я надеялась, что она поймет меня. Просила объяснить причины их ссор, ведь серьезных поводов к ним я не видела. Но мое недоумение и сочувствие к проблемам в их жизни тоже бесило свекровь. Она не отвечала, а только мстительно улыбалась. Я угадывала низость окружающей меня семьи, но не руководствовалась этим в своем к ним отношении. Не умела и не хотела. Я желала помочь им выбраться из капкана собственных заблуждений. А свекровь лишь исхитрялась и ловчила, чтобы по сильнее

меня ужалить. И если она убеждалась, что ее ядовитые стрелы попали в цель, в глазах ее поблескивала злобно-радостная внимательность.

Я считала, что любовь и забота в семье должны быть чем-то само собой разумеющимся, а их отсутствие – странным, нелепым отклонением от нормы. Здесь же все обстояло совсем иначе: каждый искал себе выгоду в этом неизбежном совместном проживании. Совершая по отношению друг к другу дурные поступки, родственники будто бы старались что-то внутри себя то ли обезболить, то ли усмирить. При этом в их глазах светилось бесстыдное торжество победы.

А Миша стал их копировать даже по отношению ко мне. Мои короткие, спокойные, обоснованные фразы только распалили его. Он кричал до тех пор, пока я не разволнуюсь, и не начну обвинять его в бессердечии и нелогичности. Уйти я не могла. Я занималась домашними делами, а он долбил, долбил... «Все они одного поля ягода», – поняла я.

У Миши на все мои слова был один ответ: «Только идиот всегда прав». На что я объясняла ему, что если я хоть на одну десятую процента сомневаюсь в своем мнении, то замолкаю. Но когда я абсолютно уверена в своей правоте, то отстаиваю свою позицию и, естественно, выигрываю. И идиотизм тут вовсе не причем. Но мои доводы он не принимал, даже не пытаясь опровергнуть, и только иронизировал: «У тебя на все есть объяснение, даже на то, на что у тебя не спрашивают».

Это теперь я понимаю, что Миша был непорядочным, а тогда я считала, что он не может остановиться, потому что больной, нервный, а лежачего не бьют. Мне было обидно, но я все прощала ему, и после их затяжных изматывающих ссор достаточно быстро отходила, хотя на душе было горько и гадко. Я многократно пыталась разобраться и в причинах наших с ним ссор, чтобы они не повторялись. Но муж не желал выяснять, и получалось, что для него они не существовали. Боль обид была только у меня и, значит, по его выходило, что это я капризная. Он хотел жить легко и просто, оставляя последствия разборок тому, кого они трогали – мне, а ссоры тем, кому они были нужны – ему и матери. Ссоры, начатые его родней, он забывал мгновенно (Я не злопамятный!), а мои мелкие замечания или упреки помнил долго.

– Глупые намеки и необоснованные упреки – семейные пороки, – усмехнулась я.

– Ты когда-то советовала мне: «Больше хвали мужа». Но мать до того захвалила сына, что он ушел от реального восприятия самого себя. У него абсолютно отсутствовало критическое и ироническое отношение к своим достоинствам и недостаткам. Это уже граничило с глупостью! Ты не представляешь, как он с ума сходил от радости, когда мать называла его неотразимым красавчиком, восторженно воспевая его прелести. У меня глаза на лоб подсакивали от удивления, когда перед зеркалом муж, меняя позы, исходил слюнями и млел. Мой брат несравненно красивее, но моя мать не позволяла говорить на эту тему, чтобы не испортить его характер, чтобы у него были другие приоритеты, чтобы он не растерялся в жизни и не расплескал свои главные таланты. А как Миша расхваливал свои успехи! Каким бы он был, если бы занял высокий пост? Это и есть звездная болезнь? Самовлюбленность, не способствовала его пониманию того, что многие люди умней, удачливее, интеллигентнее и порядочнее в конце концов... Насчет порядочности помолчу. Не стоит поднимать эту тему, душу рвать.

Постоянно внушая сыну, что он больной, мать воспитала в нем неуверенность, в том числе и в мужских качествах. Она направляла его по пути ревности и приводила к мысли заранее мстить жене за возможные прегрешения на почве физической неудовлетворенности. Этим она убивала двух зайцев одновременно: мстила невестке и добивалась, чтобы сын любил только ее – готовую, защищая его, отдать за него свою жизнь.

Позже я поняла, что это были только слова, на деле его мать радела только о себе. Моя подруга, только раз побывав у меня в гостях, заметила: «Римская волчица», защищая свое потомство, может всех убить, а твоя свекровь ради себя готова кого угодно уничтожить. Вот подлое чертово семя! Из их окна даже солнце кажется неживым».

Было много странных, необъяснимых с моей точки зрения моментов в поведении семьи мужа, но я старалась не задерживать на них своего внимания. Даже вспомнив, пыталась не придавать им значения, изгоняя, стирая их из своей памяти, игнорируя, хотя

полностью никогда не удавалось этого сделать.

- Ты не могла нравиться этой семье, потому что слишком отличалась от них. Они понимали, что делали плохо и нарочно изводили тебя. Такие люди грубостью прикрываются от таких наивных умников и праведников как ты, специально хамят, подавляя чужую индивидуальность, говорят слова, противоречащие здравому смыслу, чтобы обидеть, разозлить, вывести из равновесия, а потом тебя же обвинить в плохом поведении. К сожалению, наглые всегда получают больше, чем умные. Такова проза жизни, - рассудительно заметила я.

- Я тоже далеко небезупречна, но я поступаю правильно, даже когда меня никто не видит. Характер такой. Мне трудно жить, пока не расставлю все акценты, все точки над «и». Но в этой семье у меня ничего не получалось. Свекровь превратно трактовала мой характер, искала подтексты в моих словах, ожидала пакостей, и тем возвышалась в своих глазах, выказывая мне свое презрение. А тут еще соседка ее подзуживала: «Что-то слишком уж твоя невестка правильная. Не следует слишком уповать на ее доброту. Помяни мое слово - преподнесет она тебе сюрприз, гадость какую-нибудь сделает. Она себя еще покажет!» После этих слов, наверное, у свекрови еще большее недоверие ко мне закрадывалось.

Так открылась мне трагическая подоплека жизни в большой чужой семье. «Наука и техника шагают вперед семимильными шагами», а люди, как и прежде, часто злые и мелочные. И проблемы у них те же, что и много сотен лет назад... Получается, что законы, по которым развиваются отношения в семье, остаются по сути дела те же? Почему свекровь раздражает то, что должно трогать, радовать, располагать к себе?» - недоумевала я, пытаюсь осмыслить побудительные мотивы ее поведения.

Примечательно, что бесполезные, непродуктивные скандалы развивались у них по одному и тому же сценарию. Семью лихорадило. Каждый из них не хотел признаться, что неправ, что ошибался. И начиналась игра, состоящая в том, чтобы любым способом - криком до хрипоты, язвительностью, давлением на самолюбие и ложью - доказать другим свою невиновность, выбелить себя. Малейшее недовольство разрасталось как на дрожжах в яростное раздражение и требовало выхода. Они раздували самые пустяковые события, многократно усиливая их, без всяких на то оснований, придавая им максимум значительности, одновременно гася даже отзвуки самых хороших дел, сводя их на нет, чтобы никто не обратил на них внимания, а подчас и вовсе опорочивая их. Они постоянно видели какие-то заговоры там, где их и быть не могло. Возникал камнепад бестолковых страстей. Добавь к этому то, что каждый сам взвинчивал себя до прямых нападков, а винил во всем собеседника. Они доходили в своих обвинениях до абсурда, но все равно считали подобное поведение в порядке вещей. Каждый упивался раздражением другого.

Миша хоть и проявлял в спорах чудеса находчивости, но погасить их не мог. Он часто и сам не умел вовремя остановиться. Иногда, при всей своей категоричности, его слова вносили в их спор неопределенность. Это надо же было так уметь! И он наслаждался произведенным эффектом. Вот, мол, какой я умный! Случалось, что напротив становился колючим, грубостью сводил на нет любые аргументы оппонента, позволял себе нехорошо иронизировать, говорил с родней резко, громко, убежденно, как с ровесниками. Не воздерживался от гадких упреков, даже когда дело выеденного яйца не стоило, и с самым невинным видом говорил чудовищные, противоестественные, шокирующие меня вещи. Миша не умел и не хотел разбираться в частностях, не делал доброжелательных оценок. «Он с детства привык воевать подобным методом? Годами вырабатывал эту тактику боя или только теперь перенял ее у матери? Отцу его тоже крепко доставалось в этой «милрой» семейке. Работал из последних сил. До доньшка израсходовался. Не зря рано ушел из жизни, - думала я, и каждый раз наивно успокаивала себя высокопарной фразой: «Избранники Богов уходят молодыми».

Мать с готовностью взвинчивалась, поддакивая сыну. Она искала в нем верного союзника в борьбе против остальных, и, конечно, находила. Он как коршун бросался на любого, кто будто бы пытался ее обидеть. А эта мама сама кого захочет с удовольствием обидит. И разворачивалась очередная баталия. Жестоко ссорились. У каждого была своя правда и каждый бескомпромиссно ее отстаивал. «Странные, несуразные люди. Вместо того, чтобы поговорить по душам, копят обиды, накручивают себя, а потом желчь изливают друг на друга. Одно цепляется за другое и уже не остановить шквала

незаслуженных, необоснованных упреков и не вспомнить с чего начиналась ссора», – думала я тоскливо.

Мать считала, что «разминки» между близкими людьми не задевают душу, только снимают раздражение и усталость. «Так почему же ближе к ночи все они начинают пить лекарство? Кому и зачем нужны эти скандалы? И почему они с каждой минутой становятся все громче, оскорбления разят все страшнее. Родственники не сдерживают свой гнев, быстро срываются на крик, бранные слова и вопли сменяют друг друга. И не похоже, чтобы их раздражение хоть немного смягчалось или стихало», – размышляла я. Мне казалось, спорам не будет конца, хотелось любым способом их остановить. Но благоразумие требовало от меня терпеть. Я не видела другого способа прекратить их «выступления», кроме как дожидаться, когда его участники сами выдохнутся.

«Как же измучили Машу ссоры, если до сих пор, вспоминая их, она из души выплескивает столько боли!» – молча сочувствовала я подруге.

– В ссорах его мать то поддерживала сына, то поддакивала дочкам или сестрам, и невозможно было понять, на чьей она стороне. Двуручничество какое-то! И Миша, защищая кого-нибудь из семьи, находил у других уязвимые места. Он шел напролом, бил прямой наводкой, делал выпад за выпадом, пока не брал верх. Как говорят, носом землю рыл, чтобы доказать свою, якобы, правоту. Ему нравилось побеждать! И за ним это стало водиться все чаще и чаще, даже в разговорах со мной. А я просила об одном: «Не выстреливай грубостями, сначала подумай, стоит ли это делать?»

«Ты готов себя выставить каким угодно гадким, только ради того, чтобы за тобой осталась, пусть даже неумное и нечестное, но последнее слово? – удивлялась я. – Плохой характер побеждает в тебе разум?» Этими жесткими словами я пыталась остановить нелогичные тирады мужа.

«У любящих людей в ссорах тоже случается злость и раздражение, но это не перечеркивает их отношения друг к другу», – утверждал Миша.

«Если этот ад не каждый день и если после ссор наступает взаимопонимание и удовлетворение. А у нас их нет. Я живу в ситуации постоянного нервного напряжения. Ежедневные цейтноты и микрострессы губят мое здоровье, – возражала я. – Тебя это не волнует?»

– Да, многое я отдала бы, чтобы увидеть, как Мишка разговаривает со своим начальником. Может, он там агнец божий? От Инны я слышала, что умение получать удовольствие от разногласий – ключ к семейному счастью. Только споры – одно, а ссоры – это совсем другое. Ее бы в твою гоп-компанию! Она была бы там на высоте, – прошлась я по нашей сокурснице.

А Мария продолжила рассказ:

– Я доказывала Мише свою точку зрения, но он, согласившись со мной, прекращал разговор лишь за тем, чтобы завтра опять-таки вернуться к своему мнению, вернее, к мнению матери. Свое, как я поняла много позже, он так и не научился вырабатывать. Мне хотелось поговорить с мужем, держась за руки, как в студенческие годы. Я так уставала от постоянных бурь и мелких пошлых страстей его беспокойного семейства! Я считала, что худой мир всегда лучше доброй ссоры. «Если можно не воевать, нужно не воевать», – один из принципов христианской жизни. И не надоедает им соседей развлекать?» – удивлялась я. В чем я находила отдушину? Что было той защитной стеной, за которую я пряталась, старалась выжить морально и духовно? Только надежда на лучшее будущее.

Я говорила мужу: «Я отказываюсь углубляться в суть ваших ссор, меня уже не волнует, кто из вас прав, кто виноват. Я хочу ограничиться рассуждениями, необходимыми для того, чтобы доказать твоей семье, что наше с ними дальнейшее совместное проживание невозможно, что наиболее справедливым по отношению к нам было бы признать за нами право выбирать. Один не воздержан, потому что молод и неопытен, другие – потому что стары и болезненны. Напрашивается единственно разумный вывод, приводящий к разрешению всех проблем сразу – жить нам в общежитии. Но Миша не хотел уходить от матери. Его все устраивало. А на мои просьбы он насмешливо отвечал: «Ну как же, у тебя же все заранее запланировано и рассчитано на ближайшие десять лет!»

Я не понимала мужа. Об отдельно проживании мечтает всякая молодая семья. У нас не было возможности спокойно уединиться, мы разучились быть ласковыми, но я еще верила, что если мы будем жить самостоятельно, Миша станет прежним, каким был в университете. «Ведь в нем эта странная, неприятная неуверенность раньше никогда не проявлялась, ее не было в его характере. Он изменится к лучшему! Придет время, и для нас взойдет солнце!» – внушала я себе. Ведь я тогда была права? – спросила меня Маша.

– Что я думаю по этому поводу? Ой ли! Даже при моей манере пытаться все слова и ситуации подвергать положительному анализу, я должна признать, что согласилась бы с тобой, только при одном условии: если бы вы переехали в другой город, пока гнилая обстановка этой семьи не захватила Мишу полностью. Иначе, даже получив отдельную квартиру, он не избавится от влияния матери и твоя жизнь останется невыносимой. Насолить вам она успеет много... а вот доброты от тебя так и не наберется. Нужна она ей, как в бане пулемет. Подобное, к сожалению, случается в семьях не так уж редко. Такие особи, как твоя свекровь, не понимают, что главная ценность для любого человека – это его жизнь, а единственное чудо, которое хотелось бы ему иметь – это любовь. Для них эти простые истины – словесная шелуха, – категорично ответила я на прямой вопрос подруги.

Маша грустным кивком подтвердила мои слова.

– Я долго молчала, но со временем успокоительные импровизации внутри меня стали терять легкость. Мне самой надоела покорная осторожность глупой овечки. Нескончаемые скандалы и следующие за ними стечения, в конце концов, сломили мое терпение. Я не выдержала и с отважным простодушием молодых лет встряла в их ссору и спокойно выложила все, что о них думаю. Свекровь, слушая меня, самодовольно улыбалась простоте и наивности своей ученой невестки, и насмешливая складка сохранялась в уголках ее губ до тех пор, пока ей вдруг не дошло, что она может лишиться объекта для издевательств. И она встала на дыбы. Помимо тайной борьбы против меня – о которой я долго не догадывалась – она повела еще и открытую.

В кои веки я позволила себе момент откровения и естественно потерпела полную неудачу. Пробный камешек только вызвал проявление взаимного внутреннего ожесточения. А чего я ожидала, на что надеялась? Думала, переверну у них все кверху дном, выплывет правда и все сразу изменится? Целоваться со мной полезут? На кой им моя правда?.. Конечно, разразился дикий скандал, который продолжался три часа криду. Меня будто уронили затылком на холодный бетонный пол и хлестали, хлестали словами, не давая одуматься и подняться. Я потом долго не могла отделаться от чувства вины за свою несдержанность. Перед сном я попыталась с Мишей объяснить. Но он выхватывал из нашего с ним разговора лишь фразы, дополняющие или подтверждающие знания, которыми он уже располагал в беседах с матерью. Миша признавал мои утверждения справедливыми, но только в той степени, в какой они не наносили вреда и подкрепляли достоверность его положений, тех, что крепко сидели в нем, может быть вдолбленные матерью еще в детстве. Он их затвердил и не позволял себе ни на шаг от них отступать. Остальные как бы просеивал сквозь редкое сито маминых мнений. Не задерживались мои главные слова в его голове. Откуда было взяться сложным конструктивным диалогам, терпеливым подробным разъяснениям любого вопроса, если Миша как робот, был четко запрограммирован на определенную форму поведения, отторгающую любую другую, пусть даже очень хорошую и правильную с моей точки зрения? И с ним я должна была соотносить свои действия?

Мать вбила ему в голову, что любая критика в ее адрес – заведомая ложь, а всякое предложение жены надо отвергать и делать по-своему, точнее, по ее. Бывало, я попрошу Мишу что-либо объяснить в его поведении, а он машинально отгарабанит мне что-то в ответ без всякого выражения, не вдумываясь в смысл сказанного, и все. А я потом удивляюсь, почему это он отказывает мне в том, на что я вправе рассчитывать?

Миша не понимал, что ругань в семье шокирует, мучает меня, ведь для него она была нормальной, естественной составляющей родной среды обитания. Он даже шутил, что бранные слова в определенных условиях обретают неожиданную нежность, с чем я категорически не соглашалась. Я видела, что его матери нравится находиться в состоянии постоянного конфликта. Мол, хочу вспылить – вспылю, хочу оболгать – пожалуйста! Я такая! И остальные вольно или невольно втягивались. Порядочный человек, похоже, казался им нелепым уже потому, что пренебрегает бессчетными,

мелкими возможностями сподличать, досадить, поиздеваться.

Элементарная забота об удовлетворении своих гадких желаний толкает их на низкие поступки гораздо чаще, чем я могла бы представить, исходя из общепринятых понятий о мелко непорядочных людях. Наверное, поэтому никакого сочувствия в лице мужа я к себе не обнаруживала, когда он, не смущаясь, на следующий день заявлял, что я не права, хотя ночью на эту же тему говорил противоположное. Он еще умудрялся обижаться и возмущаться, если я поражалась отсутствию в нем твердых принципов и морального стержня. Доведись мне снова, я бы...

- Прыгнула бы выше головы? - усмехнулась я сочувственно.

- Не лишним будет сказать несколько слов и про то, что когда я заводила разговор о том, как издевается надо мной его семья, пока он отсутствует, Миша отворачивался, давая понять бесперспективность дальнейших прений. Не докажешь же ему, что даже любящие родители могут ошибаться не реже, чем безразличные. Я говорила впустую. Он твердо стоял на страже интересов своих родственников, не считался с моим мнением, и даже вменял мне в вину семейные разногласия. Видит бог, я не могла быть генератором их ссор. С чего это вдруг им стало требоваться мое присутствие или одобрение, чтобы начать ругаться? Для этого им любой предлог, не продиктованный здравым смыслом, был хорош.

Я недоумевала: «Почему Миша себя так вознес?» И предположила, что, наверное, с детства часто обижаемый детьми, униженный бедностью, постоянным давлением матери, он привык разговаривать лишь с самим собой, жалея себя, критически не анализируя свои мысли, не противореча себе, что приводило к признанию за собой правоты, непогрешимости своих решений. Это, в свою очередь, приучило игнорировать и не принимать во внимание чужое мнение. А теперь, выучившись и повзрослев, он стал требовать сатисфакции. Но диктат матери так и не смог превозмочь.

Я после ссор долго не могла уснуть, ища пути смягчения ситуации. Мне почему-то вспоминалось раннее военное детство, ночи, полные леденящего страха смерти, доводившего до слез, до крика пробуждения... И теперь я снова чувствовала себя маленькой, беззащитной, одинокой и несчастной в этом чужом городе, в чуждой неприветливой семье. Мне так хотелось тепла и поддержки! Я не понимала, почему семью надо строить на зависимости, унижении, а не на любви.

Я думала: «Почему бы Мише не стремиться вносить в нашу жизнь праздничные моменты? Ведь умел же он быть интересным, когда ухаживал». Это невозможно в этой пасмурной семье? Я имела над Мишей власть, пока была свободная, независимая, пока ему приходилось завоевывать каждый мой взгляд, каждую одобрительную улыбку? Некоторые парни по водосточной трубе поднимались к окну любимой, а потом ни содержать семью, ни помочь жене в доме не умели, потому что «одноразовые». А Миша и по трубе не полез бы. Наверное, поэтому некоторые уверенные в себе разведенные женщины не торопятся второй раз выходить замуж. Они держат желающих их мужчин на расстоянии, чтобы те не переходили на прозу жизни.

Много раз я уговаривала Мишу не прятаться за спину мамы, начать самостоятельную жизнь. Говорила: «Хватит играть в пионерский лагерь. Чтобы мы не ссорились, не вмешивай в наши дела маму». Я пыталась с ним обсуждать наши проблемы, строить планы, просила не говорить о них матери, чтобы она их не разрушила. Он обещал, а на следующий день все ей выкладывал. Она торжествовала: у нее был повод затеять скандал. В ней закипала злоба: «Невестка ей не подчиняется!» Ее душил страх потерять влияние на сына. Она свирепела от его малейшего неповиновения. Едва ли ты, представляешь себе, как мучительны для меня были вечера в этой семье!

К концу «срока» жизни в чуждой семье, меня стало раздражать даже то, на что раньше я не обращала внимания, а надо было. Например, рассказывала я мужу что-то об опере, а он пренебрежительно выслушивал или высокомерно прерывал, мол, ерунда это все. Правда, цитировал мою удивительную память, когда я цитировала отрывки из классиков. «Я ценю твои знания в технике, а ты мою эрудицию не признаешь», - обижалась я. «Мои знания полезны, а от твоих какой толк?» - смеялся он. «Но ты же считаешь себя интеллигентным человеком», - сердилась я, не понимая его позиции. - Как глубина знаний не определяется только суммой знаний - еще требуется воображение, - так и интеллигентность содержит в себе нечто большее, чем набор правил поведения. Больше

преференций получают такие качества как доброта и порядочность.

А как-то Миша застав меня за решением занимательных задач из журнала «Квант» насмешливо заявил: «Они тебе по силам?» Тут уж я не выдержала: «Мне по силам было поступить в университет, а ты даже боялся пытаться. И студентом тебе не удавалось решать задачи, вызывавшие у меня затруднение. Если ты больше меня знаешь в какой-то одной области, это не перечеркивает моих знаний в другой. Дед мне говорил: «Чтобы тебя не заносило, и чтобы ты не заигралась, чаще вспоминай тех, кто умнее и успешнее тебя. Есть места, где ты не самая главная». Но Мишу мои слова не задевали. Я тогда еще подумала: «Мечтала гордиться мужем, но пока нечем. Это обычный мужской гонор или он нарочно принижает меня, чтобы подчинить?»

- Оказалось, что в нем и то, и другое. Как говорит современная реклама: два в одном, - рассмеялась я. - Твой Миша - зеркальное отражение мужа моей сестры. Один к одному. Но она меньше тебя рефлексировать и много жестче ведет себя с семейством своего благоверного.

- И у них в этом отношении все устоялось? - живо поинтересовалась Маша.

- Ну не так, чтобы совсем, но все же... - промямлила я неуверенно.

- А я под градом грубостей своей «очаровательной семейки» умела только тараканов на полу искать.

И вот я забеременела. Я ходила счастливая, я летала! Такого теплого, радостного внутреннего торжества организма я никогда не испытывала. Это было богатое красками, нежнейшее чувство материнства: красивое и настолько восхитительное, что невозможно описать словами. Ни с чем несравнимое, возвышенное, божественное состояние! Я чувствовала себя особенным, самым счастливым человеком на свете. Я узнала, что такое истинное, настоящее женское счастье ожидания появления новой жизни! Оно потаенное, глубокое и в то же время широкое, всеохватное. Оно - колыбель рая!

В этом ощущении - сколько безмерно-прекрасной, еще не полностью осознаваемой и прочувствованной любви! В нем собрана вся красота Земли, вся нежность мироздания! И при всей остроте и высоте этого чувства, оно оставалось мягким, удивительно трепетным, тонким. Я бы сказала - обостренно утонченным.

И что же? Вместо того, чтобы порадоваться за нас, мамаша подслала ко мне Мишу с требованием сделать аборт. Свекровь говорила:

«Ребенок станет пищать, а мы не будем спать».

«Так мы уйдем в общежитие», - радостно предложила я.

«Вы там грязью зарастете!»

«Эти слова не про меня, вы же знаете. Хотите оскорбить? Так я тоже могу, только воспитание не позволяет», - возразила я. Она поняла мой намек.

Тогда свекровь стала орать сыну: «Бросаешь меня! Какой ты сын? Я у тебя подзаборная!» И прочее... Я ей спокойно разъяснила: «Подзаборные - те, кого из дому выгнали, а вы у себя остаетесь и к тому же не одна. Мы уйдем, и вам свободнее станет. Мы здесь буквально на головах друг у друга сидим, а в общежитии у нас с Мишей будет отдельная комната». А она мне в ответ: «Ишь, распахнула дверь для своих мечтаний! Хочешь лучше нас жить?! Не позволю!»

«Зависть, жадность и хитрость - трехглавый змей, который одних лишает мозгов, других - жизни», - подумала я и ответила свекрови:

«Это что-то новенькое в вашем репертуаре! Вы не хотите счастья своему сыну? Но когда-нибудь мы получим квартиру и все равно уйдем от вас. Не лучше ли уже сейчас смириться с неизбежностью и не мотать друг другу нервы?»

А Миша, вместо того, чтобы поддержать меня, стал кричать, мол, мою маму не

уважаешь, не жалеешь, нервничать заставляешь. Маму нельзя расстраивать, а меня так можно? Дурдом!

Мне создали такие условия, что я каждый день лила слезы. А свекровь открыто заявляла: «Я лучше знаю, что хорошо для моего сына. Все будет так, как я захочу». Она знала, как этого добиться.

Через месяц ежедневных скандалов у меня появились сильные боли внизу живота. А еще через месяц произошел выкидыш с большой потерей крови. Врач попросил родственников сдать кровь, но все сослались на нездоровье. Полгода я ходила на работу с головокружением. Ты знаешь, оперировавший меня врач жестко требовал рассказать, что я пила, чтобы лишиться ребенка. «Все признаки вмешательства налицо», – утверждал он. Тогда я расплакалась и ответила, что все равно у меня будут дети, пусть даже против воли свекрови. Он все понял и сказал: «Уходите на квартиру» и больше меня не «допрашивал».

– Понимаю, в такой житейской обстановке меркли и гасли лучшие чувства, затапывались любые нежные движения души – все то, что делает человека добрым и счастливым, – вздохнула я.

– Я не находила выхода подавленным чувствам, и в семейной жизни уже не видела ничего привлекательного. Мы разучились улыбаться, мы безвылазно сидели дома. Если бы мне дали общежитие, я бы и дня не осталась в этом клоповнике, и мужа потихоньку перетянула бы. Миша почувствовал бы, где ему спокойнее и радостнее, понял бы, что мой мир веселее, добрее и справедливей. Не зря говорится, что родственники, как горный пейзаж, хорошо смотрятся издалека. Я знала лучшие времена, а мой муж всю жизнь в этом аду жил. Хоть он и родной Мише, но от этого ему не легче. «Может, как и я, он каждый день на грани срыва, только виду не подает, потому что мужчина», – сочувствовала я мужу.

– Я думаю, свекровь держала сына рядом с собой еще и потому, что вы отдавали ей всю зарплату, и она сама распоряжалась ею. Не правда ли?

– Я как-то об этом не подумала. Благоразумие советовало мне самой вести свой бюджет, но Миша сказал, что в их семье хозяйка – его мать, и мы обязаны отдавать деньги в общий котел. Я подчинилась, надеясь, что долго мы у них не задержимся. К тому же я понимала, что если «кто выше всего ставит покой своих близких, тот должен хотя бы на время отказаться от самого себя».

– И куда это может завести? Надо сочувствовать, снисходить, но не в такой же степени, чтобы нарушать свои принципы, свои жизненные установки.

– Миша не поддерживал меня, а одна я не могла справиться с этой оравой. На словах он готов был, что угодно для меня сделать, а на деле... только приносил психологическое напряжение. К тому же у меня воспитание интеллигентское: уважать старших научили, а защищаться от них – нет. И как тут что-то требовать и отстаивать?.. Знаю, стремление ни во что не вмешиваться – признак слабого духа. Но эту семью можно было поставить на место лишь грубостью, а я не могла обругать, обзвать, повысить голос.

– Не интеллигентность, крепостная душа русской женщины тому виной. Каждый в больших семьях ведет себя так, как ему позволяют родственники, – усмехнулась я. – А ты была слишком доверчива, прямолинейна и добра, вот и засосало тебя их болото.

– Я знала, что надо было иногда хитрить, но не умела. Не могла поперек себя идти. Мне всегда казалось, что добиваться любви хитростью как-то нехорошо. Пробовала. Но чувствовала себя неполноценной, непорядочной, обгаженной... Для меня хитрить, как лгать.

– Идеалистка. Умный, с хитринкой человек получает от врагов больше, чем глупый от друзей. Только понимание этого постулата даже с годами приходит не всем, – заметила я.

– Квартиры я ждала пять лет. За это время мы с Мишей сильно отдалились друг от друга. Общаться с людьми – не интегралы брать. В математике все много проще. Там можно рассчитать, предусмотреть, четко оговорить граничные условия. А человек – существо

непредсказуемое в разных ситуациях. Всяк под своими углами зрения, многослойно и разнопланово трактует происходящие вокруг события. Ну что мне тебе, математику, объяснять. А в этой семье каждый из своего характера исходил, свое мнение превыше чужого ставил, свою линию гнул и выгоду искал, никому ни в чем не уступая. Отсюда все последствия. Я мыслила жить просто: я в ваши дела не вмешиваюсь, и вы ко мне не приставайте. Не вышло. Не оставляли меня в покое: требовали, надзирали, хамили, оговаривали. Не соскучишься!

А защитить меня было некому. Под покровом внешней респектабельности – таким я знала Мишу в университете – в нем причудливо уживались черты, о которых я прежде не подозревала: слабохарактерность, необязательность, откровенный эгоизм. Как-то совершенно незаметно для себя я попала в его семье, пожалуй, в наиболее интересную группу людей – в разновидность «бедных родственников», хотя, казалось бы, ни по каким параметрам не подходила в эту категорию. Я много знала, многое умела, по крайней мере, больше, чем все вместе взятые женщины Мишиной семьи. Я могла быстро придумать и за пару дней изготовить модную шляпку из подручного материала, починить обувь и любую одежду. Я даже умела прясть. Я все себе сама шила и вязала. И мужские дела мне были привычны. Все, чему я научилась в детстве, мне в жизни пригодилась, потому что всегда жила очень скромно.

Запомнилось мне в ту пору неожиданно возникшее и все усиливающееся чувство собственной неполноценности. Я ничего не стоила в мире этих людей, живших без явных признаков культуры. Позже и моя двоюродная сестра, врач по образованию, тоже попала в такую же ловушку.

Я не понимала, что они ценят в своей жизни, и терялась в общении с ними. Наглость, неизвестно на чем основанное самодовольство и чувство превосходства, ложь, зависть, пренебрежение к другим, на них не похожих – вот что я видела ежедневно. Они умные, а все остальные у них – дураки. Наверное, они под дураками подразумевали тех, кто не умел им противодействовать. Ни зависти, ни ревности, ни жестокости не было в моем характере. Это к концу «срока пребывания» в семье мужа, мне на короткое время пришлось обзавестись отравляющей жизнью ревностью. Да ревность ли то была? Оскорбленное, растоптанное чувство собственного достоинства во мне страдало, когда я поняла, что Миша лишил меня не только своей любви, но и уверенности в себе без всякой вины с моей стороны. Я тогда будто потеряла ту прежнюю себя...

Постепенно я начала догадываться, что издеваться надо мной для свекрови было важнее здоровья сына. Не зная точно, и будучи не уверенной в том, что подобного рода люди существуют, я ругала себя за предвзятость, за глупые фантазии, требовала от себя смирения. А тут еще Мишина старая, упрямая, вздорная, вероломного нрава бабуся постоянно раздражала, мучила подглядываниями и указаниями...

«Ты вчера моего внука чуть с постели не свалила. А если бы он сломал себе позвоночник. С моим знакомым случилось такое...» – бубнила она, смущая меня своим выставлением напоказ наших интимных отношений.

Мы вздрагивали от каждого шороха, скрипа дивана, разучились даже обниматься. Миша уже не целовал меня, уходя на работу. Он боялся ревности матери? Все мои разговоры про общежитие, мои тихие жалобы на его родственников, кончались тем, что муж утверждал, что я ненавижу его маму. Ненависти я не испытывала, но за что ее было любить? Как видишь, крепко мать в кулаке держала своего сына.

Снова пришло лето, Миша, как обычно, уехал в Сочи лечить нервы, а одна из его теток принесла мне шерстяные нитки и журнал на немецком языке, чтобы я связала для Миши лыжную шапочку особого фасона. Она должна складываться и раскрываться как шлем и служить одновременно шапкой и шарфом. Зная вкус Миши, я выразила сомнение по поводу подарка, но отказаться не смогла. Конструкция оказалась сложной, мне проще было связать свитер. Я несколько раз переделывала изделие, вязала все вечера после работы и все выходные, но к приезду мужа справилась. И что ты думаешь! Когда я торжественно преподнесла ему подарок, он померил его и отшвырнул на диван со словами:

«Ерунда какая-то, не буду это носить!»

Я настолько была ошарашена, что ничего не ответила, только растерянно взглянула на

уговорившую меня тетю. Мишу не интересовало, что я с любовью работала, душу вкладывала. Мне было горько его невнимание, его нежелание хотя бы из вежливости смягчить свой отказ. Ну не понравился подарок, так без пренебрежения, мягко объясни, чтобы не чувствовала я себя оскорбленной, найди подходящие случаю слова. Разве это так трудно? Но Миша не хотел понимать моих переживаний. Он считал себя непогрешимым.

- А ты бы объяснила ему, подсказала, - не удержалась я.

- Если я пыталась мягко и спокойно объяснять Мише, в чём он, с моей точки зрения, не прав, или чем он меня обижает, то в нем мгновенно поднимался дух противоречия. Он ошестинивался, и начинал доказывать, какая я плохая, что все не по мне, и что я никого не люблю, в том числе и его, что у меня дурной характер. Я терялась от такой бури необоснованных обвинений, начинала плакать и замыкалась. А он никогда не просил прощения, не жалел меня, ждал, пока я сама успокоюсь. Он вел себя так, словно ничего не произошло, говорил, какой он хороший, не обидчивый, легко все прощает и забывает. (Быстро впитывает и тут же выбрасывает из головы? Способный!) Получалось, что это я его обижала. Я плохая, а он золотко. Я же не позволяла себе беспардонно его критиковать, щадила его самолюбие, берегла здоровье и только просила быть снисходительней, терпимее к мелочам.

Как-то свекровь захотела, чтобы я связала Мише свитер. Я согласилась с условием, что сама выберу фасон, цвет и качество ниток. Они должны быть мягкими, чтобы не раздражали его нежную кожу. Я открыла свою книгу по рукоделию, показала свекрови картинку понравившегося изделия, чертеж к нему и расчет необходимого материала. Но она сделала по своему. Я чуть ни со слезами возмутилась: «В книге написано, что для свитера данного размера необходим один килограмм двести грамм шерстяных ниток». Свекровь заявила, что продавец посоветовала ей взять килограмм. «Вот и пусть она вам вяжет, - рассердилась я. - Если в книге будет написано, что вам на блузку с длинным рукавом требуется два метра двадцать сантиметров ткани, вы же не станете покупать полтора? Сэкономили на сыне? Мне лыжный свитер вязать с короткими рукавами или сделать не доходящим до талии? Может, вас безрукавка устроит? В таком случае я не отвечаю за то, что получится. Вспомните притчу про семь шапок».

Заняла я у соседки денег, чтобы докупить ниток, но они в магазине закончились. Пометалась по городу. Бесполезно. Ну и связала куций свитер. Сначала его примерил наш невысокий сосед. Он ему был впору, сидел как на картинке - залюбуешься. А Миша в нем выглядел подростком-переростком. При мне мамаша ничего не сказала, но потом внушило Мише, что я не умею вязать и зря деньги перевела. И конечно, он поверил матери. И следующий свитер из грубой овечьей шерсти Миша не стал носить, потому что он «кусался», что я и предсказывала.

Я старалась все в доме делать так, чтобы не к чему было придраться, потому что знала: не преминут воспользоваться моей малейшей ошибкой или оплошностью, чтобы напоминать о ней при каждом удобном случае. Так и это их бесило. Они все равно искали к чему бы прицепиться, пусть даже необоснованно. И так им нехорошо, и этак плохо. Не угодишь. Мне казалось, что и Миша не способен осмыслить частности, тонкости домашнего быта, тем более, что не старался в них вникать, не хотел затруднять себя «мелочами». «Так почему же они его раздражают? - терялась я в догадках.

- Да потому, что мама его «накачивала», - фыркнула я.

- И все же мне все равно хотелось делать Мише приятное. Это была моя потребность. Как то решила испечь сметанный торт. Миша очень любил сладкое. Боже мой, с каким удовольствием я его готовила! Я никому не доверила ни одной операции. Свекровь пыталась заставить меня вместо масла положить маргарин, уменьшить число яиц. Но я не послушала ее, потому что решила сделать настоящий, полноценный торт. Мое старание даром не пропало. Торт вышел на удивление вкусным, нежным, пышным и, может, оттого, что был с пылу, с жару, мне показалось, что такого вкусного я еще не ела никогда в жизни. Муж попробовал и фыркнул:

«Моя мама лучше готовит!» - и отставил блюдо.

Мать, конечно, торжествовала и ликовала. Ее незыблемый авторитет не пошатнулся и даже не дрогнул! Мое же сердце упало. Я молча ушла в магазин. Никто не сказал мне

доброе слова, не поддержал, не успокоил. Мне больше не хотелось заниматься кулинарией. Позже я объяснила мужу, что его мама прекрасно печет песочное печенье. Оно нравится всем и мне тоже, но мы же не сравниваем гречневую кашу с манной.

Сколько еще обидного было за пять лет жизни в семье Миши!.. Вспоминать не хочется. Ты, наверное, думаешь: «Это такие пустяки! Зачем обижаться?» Но путь к главной цели у каждого человека идет по дороге, наполненной всякими пустяками. В короткой человеческой жизни нет мелочей, каждый день, каждый шаг важен и ценен. Нехитрые бытовые радости тоже нужны. Но когда тебя злые и досадные мелочи тюкают ежедневно, да еще по сто раз за день, то количество начинает переходить в качество. Они имеют свойство накапливаться и выходить на первый план, затирая лучшее, более высокое... Это так банально.

Есть огромное по времени прошлое, есть неосвоенное будущее. А настоящее – это всего лишь короткий интервал между ними, и мне хотелось, по возможности, сделать для своей семьи каждый его миг счастливым. Вот и занималась тонким «рукоделием», пытаюсь вывязать красивое полотно взаимоотношений с мужем и с его семьей, стараясь вовремя подхватывать упущенные петли... А семья Миши продолжала решать свои проблемы по-итальянски, криком непонятно что доказывая друг другу... Как я могла их излечить, если мой собственный мозг уже занялся тоской, и щемящее чувство неудовлетворенности не покидало меня ни на один день?

Понимаешь, Кира, я ждала от Миши моральной поддержки, добрых слов, нежности, хотела, чтобы он откликнулся на мою заботу о нем, но я все больше убеждалась, что муж совершенно не понимает простых истин. Он не задумывается над ними, считает их ерундой. Он не желает понимать, что жизнь состоит из моментов, которые могут радовать или ранить близких. Собственно, он никогда не прислушивался к себе, не рефлексировал. День прошел – и ладно. И меня не слышал.

Вот тебе простой пример. Пришла я из магазина. Муж сразу забухтел: «Зачем принесла черный хлеб? Где ты такие дурацкие булки откопала?» «Другого хлеба не было. Может, не завезли или разобрали. А эти булки я купила, потому что в хлебнице совсем пусто, – ответила я обиженно. – Сам подумай, неужели я взяла бы эти, если бы рядом лежали твои любимые? А как бы ты поступил? С пустой сумкой вернулся? Ты же не можешь без булок завтракать. И вообще... я бы уважительно спросила, заранее оправдывая твой выбор, а ты с упреком, будто я в чем-то виновата».

Меня обижает его манера во всем, даже в мелочах винить меня.

– Обычная манера. Моя подруга вышла замуж за моряка. Ради семьи он оставил море и нашел работу в порту. Ревнивым был, не хотел жену надолго одну оставлять. Но тут начались капризы: «Почему к обеду нет мяса? Я мужчина!» «Если ты мужчина, как вахтер-пензионер. У тебя двое сыновей растут. Чему ты их учишь?» – возражала ему жена. Так он еще и пить «с горя» начал, и винить ее во всем стал. Жена ему плохая! «Ты сам принимал решение, я тебя не неволила. Хоть сейчас иди в море или на суше ищи достойную работу. Понравилось бездельничать и жить на всем готовом?» – сердилась жена. Она все испробовала, чтобы мужа от бутылки отвадить, даже в церковь пошла к батюшке за советом. Видно, понадобилось добрать... не только людского, но и чего-то свыше... Преклонила голову пред иконой, а ее вдруг будто закрутило-завертело в вихре... Она потом ничего не помнила из того, что с нею тогда происходило. Одно поняла: расставаться ей с мужем надо. Но не решилась, не поверила в промысел божий. Он ведь отец мальчикам. Лет десять нервы мотал семье, пока дети сами не поняли, что такой отец им не нужен. Стыдиться, сторониться его стали. И только тогда она развелась.

– Когда событие, протяженное во времени...

– Бывший муж преследовал, грозил, требовал часть квартиры, подаренной мамой еще в ее девичество... Когда вода выше головы, то уже неважно на сколько, – с усмешкой заключила Мария.

Сизифов труд – объяснять Мише то, что не заложила в нем семья еще в детстве. «Он, наверное, жил в своей семье, закрываясь от всего, в том числе и от хорошего?» –

пыталась я понять и оправдать мужа. «А теперь он боится уронить себя в собственных глазах и, особенно, в глазах матери? Как же он с таким характером ведет себя на работе?» – волновалась я.

Быстро дома сполз с Миши внешний университетский лоск, смылась показная интеллигентность. Насквозь фальшивым оказался. Он перестал притворяться хорошим. Теперь в любом моем действии, в обычных словах, он, как и мать, видел только плохое, искал гадкий подтекст, и мне приходилось тратить много усилий, чтобы спокойно, терпеливо доказывать обратное. Чаще всего не удавалось. Если ссорились родственники мужа, я еще как-то могла терпеть, но когда нес ахинею муж, я, оставаясь без малейшей опоры, падала духом и уже смотрела на себя как на человека, который никогда не сможет выбраться из выгребной ямы. Я видела, что несмотря на мою способность любить, на умение делать добро, счастья не получалось. А мне казалось, что я заслуживала его. Были моменты, когда мне не хотелось жить. Я думала, что если не смогу переиначить свое теперешнее положение, не найду другого выхода, то терпение мое не безгранично... Конечно, это было глупо. Но как ни странно, эта мысль напоминала мне о необходимости бороться за свое счастье.

Как-то раз ехала я в трамвае с работы. Мой начальник случайно оказался рядом и шутливо обратился ко мне:

«Что-то вы одна так поздно гуляете? Почему муж не встречает вас?»

«Он в Сочи лечится», – ответила я.

Начальник рассмеялся:

«В Сочи, дорогая, не лечиться, развлекаться ездят».

Но, увидев, что его слова задели и расстроили меня, успокоил:

«Пощутил я, не сердитесь».

И вдруг он вышел на остановке вместе со мной.

«Не нравитесь вы мне последнее время», – сказал он, внимательно глядя мне в глаза.

Я опустила голову. И почему-то захотелось мне выложить ему все, что наболело:

«Дела мои обстоят не лучшим образом...»

Он слушал внимательно, как-то даже грустно. Может, уже не раз слышал или видел подобное. Потом сказал уверенно и твердо:

«Выбирайте один из двух путей: или рожайте детей, или занимайтесь наукой. О себе, о своем будущем думайте, а не о семье мужа. Неразрешимых проблем не бывает. Бежать от тупой обыденности нужно в науку или искусство. Вы же не готовы довольствоваться имеющимся? Пока вы молоды, не упускайте своих широких возможностей. А глупости из головы выбросьте, это малодушие. Вы умная, сильная, красивая. Излишняя мягкость вас губит. Во всем надо иметь чувство меры, даже в доброте».

«Хороший вы человек!» – добавил он, и быстрым шагом направился к трамвайной остановке.

Я была удивлена и обрадована поддержкой этого человека, первой в этом городе. Я послушала его, с радостью ухватилась за его идею, и даже припомнила свою студенческую мечту продолжить заниматься наукой. Уже на следующее утро я пришла в ректорат с заявлением, чтобы получить направления на сдачу экзаменов в аспирантуру. И сразу, будто с души камень сняла. Нет, жизнь в семье оставалась прежней, но изменилась я и мое отношение к ее мелким пакостям. Они уже не так задевали. У меня была новая серьезная цель. Я почувствовала себя человеком! «А горите вы все синим пламенем!» – весело думала я, потому что едва эта мысль четко сформировалась у меня в голове, я уже не могла и не хотела думать о ссорах. Кира, тебе, наверное, чуть проще жилось? Свекровь у тебя – простая, деревенская женщина, а муж уже в студенческие годы был деловой и самостоятельный.

- Других проблем хватало. Расскажу потом. Продолжай, - нехотя ответила я подруге. Сегодня мне не хотелось говорить о своей семье.

Но по тону и по той заминке, которая последовала после вопроса, Мария поняла, что не все и не всегда было гладко и в моей жизни, что тяжело мне, не настроившись, поднимать пласты прошлых лет. И она продолжила исповедоваться, ничего не утаивая.

- Ну так вот, поняв, что мне не перешибить нравы этого семейства, и что в таких условиях мне лучше спрятаться в скорлупу и поставить перед собой другие задачи, я начала серьезно готовиться в аспирантуру. Сначала сдала на «отлично» философию. Затем взялась за немецкий язык. Мне даже показалось, что от меня отстали. Конечно, бурные спектакли продолжались с обычной цикличностью. Матери надо было как-то разряжаться, и она по-прежнему устраивала сцены из-за каждой ерунды. Видно, без подобных «ритуалов» жизнь ей была не в радость. Покой в семье не про нее. Может, от скуки ее разбирало? Но я уже относилась к ним с некоторой долей иронии.

Я не раз упрашивала Мишу по вечерам уходить из дому на прогулку, чтобы не быть участниками и свидетелем ссор, но он не соглашался, ссылаясь на усталость. А может, ему тоже требовалась разрядка. И вдруг он предложил мне:

«Пойдем, прогуляемся по городу?»

На сердце у меня потеплело. Ну, думаю, лед тронулся! Наконец-то он понял, что нам надо хоть иногда оставаться вдвоем. Ведь совсем личной жизни лишились. Только слышу продолжение его слов:

«Приемник свой новый возьму, «Спидолу», может, кого из знакомых встречу. Так хочется похвалиться!»

Я загрустила. Не меня, приемник Миша «выгулять» решил. И все-таки это была прогулка вместе, наедине. И мне было хорошо, и он был весел. Вернулись. Только переступили порог дома, как сразу почувствовали тишину перед бурей. «Боже мой, что еще случилось? В чем теперь мы виноваты?» - подумала я тоскливо. Начался скандал на три часа. Было уже около часу ночи, а я никак не могла понять суть ругани, почему мы на этот раз оба оказались гадкими? Но когда разъяренная мать швырнула тяжелую медную кружку в приемник, сделав огромную вмятину на любимой игрушке Миши, я поняла, где «собака зарыта».

«Она и к приемнику ревнует?» - недоумевала я. Еще через час я уяснила, что мать не разрешала выносить приемник из дому, а сын не послушался, и она увидела в том мою вину: я ей подлянку устроила. Свекровь считала, что сын обязан подчиняться только ей, что моего согласия ни на что не требуется. Тут уж я подала голос:

«Я была против того, чтобы Миша брал с собой приемник. Мне хотелось, чтобы муж мне уделял внимания, а не игрушке. Это во-первых. А во-вторых: вы хвалитесь своей религиозностью, верой в бога, но не знаете, что в святой книге говорится о том, что, женившись, мужчина должен уйти от родителей, притулиться к жене и жить с ней в добром согласии. В Библии подчеркивается, что статус жены в семье выше статуса обоих родителей. Сын обязан почитать родителей, заботиться о них, но жить должен с женой, свою семью создавать, а не оставаться под маменькиной юбкой, как цыпленок под наседкой. К слову сказать, это невежество с вашей стороны не знать основных религиозных постулатов. Если вы верите в Бога, вы обязаны выполнять его заветы. И тогда в вашей семье будет мир, покой, взаимопонимание и благоденствие. (Мамаша воспримет мои слова как беспардонные?) Миша взрослый, самостоятельный мужчина и имеет право на свое мнение и свои желания! Все ваши братья создавали свои самостоятельные семьи. Почему же вы не отпускаете своего сына?»

Конечно же, на меня набросились все женщины его семейства. Начались манипуляции чувством вины. И мать, чутко улавливая размолвки между родственниками, продолжала себя разжигать. Потом все пили лекарство... Все как обычно. И я знала, что через неделю, если не раньше, все опять повторится. И это нормальная жизнь? Труха, опилки - как ни назови. Оставаясь во власти волнений, я долго не могла уснуть. Миша ночью стонал и охал, обижался на мать, но на следующий день все встало на прежние места. И

он упрекал меня:

«Лезешь тут со своею честностью! И я еще должен тебя защищать? Ты им со своей порядочностью и даром не нужна. Ты для них персона нон грата».

«А для тебя?» – спросила я, но ответа, конечно же, не получила.

Защищать, делать кому-то добро в этой семье считалось глупостью. Они цинично не признавали того, что репутацией порядочного человека можно гордиться. Я часто слышала от них за своей спиной насмешливое: «Ученая, а дура».

- Непередаваемые ощущения! – грустно съязвила я.

- Невозможно переломить судьбу, невыносимо трудно пересиливать себя, непросто терпеть... – дрожащим голосом продолжила Мария. – А о деньгах и говорить не стоит... Мать так вела дела, что мы всегда были ей должны. Я неоднократно говорила ей, что мои расчеты не подтверждают ее расходов. Когда ей крыть было нечем, она, посмотрев на меня презрительно, с чувством превосходства, молча уходила. Как-то отдала я ей долг, а на следующий день попросила двадцать рублей купить Мише брюки. Она нагло ответила, что уже не осталось ни рубля, и не удосужилась объяснить, куда потратила. А Миша не хотел вникать в вопросы бюджета семьи, доверял матери, а мне говорил, чтобы я не перегружала корабль его жизни ненужной информацией.

- Знаешь, Кира, моя любовь к мужу, замешанная на материнском отношении, наверное, была сильнее, надежнее обыкновенной девичьей. Говорят, что от страданий она не гибнет, а напротив, укрепляется, поднимается на необычайную высоту, что, именно в этом и состоит добровольное мученичество любящей женщины: она должна испить горькую чашу страданий, заплатить за нее здоровьем и карьерой. Но вероятность найти человека, достойного такой любви, слишком мала! Я не испытала полноты счастья любви мужчины, но что такое любовь – я знаю. Я любила. Это когда вся кровеносная система подчинена одному – любви...

Теперь многие в любовь не верят, говорят, что она из бабушкиного сундука и пахнет нафталином. Есть любовь. Как же без нее?

- Миша-то обходился любовью к себе.

- Каждому свое... Неудачи не скорректировали мой характер. Мне по-прежнему хочется верить, любить, делать что-то хорошее. И это при том, что доброта теперь в нашем обществе стала синонимом глупости. Нам бы с нашим восприятием чести, долга и любви в девятнадцатый век.

- Там, я думаю, тоже тварей хватало, – хмыкнула я, не разделяя Машиного оптимизма.

- И почему любящим людям трудно друг с другом?

- Вопрос вопросов!

- Мы с Мишей будто жили на разных, не пересекающихся плоскостях. Где его хваленое здравомыслие?

- Он же только себя любил, – жестко напомнила я.

- Я его больше себя любила, вот и дошла до такой жизни, что от недостатка его любви в моей душе постоянно присутствовало ощущение сиротской покинутости. Надолго укоренилась во мне ноющая надломленность. Сердце бунтовало молча. Я искала необходимое равновесие, без которого не мыслила нормальной жизни семьи, а что нашла? Я устала то и дело наткаться на неподдающиеся моему разуму препятствия, меня угнетала реальность, созданная и навязанная мне Мишиной семьей. Я не принадлежала ни себе, ни ему. Я растворилась в неприятностях... Знаю, не бывает так, чтобы все было хорошо и на работе, и в личной жизни. А у меня ни там, ни там... – продолжала грустить Мария, – Сама виновата, мое упущение. Не сумела я перед мужем поставить вопрос ребром, поздно хватилась. Надо было предвидеть. Я вела себя в их семье с естественностью ребенка. Не скоро жизнь меня отформатировала. Скажу так:

наверное, всем хотелось бы ощущать злобные силы судьбы на безопасном расстоянии, только не каждому это удастся. Я понимаю, что жизнь никого не гладит по головке, но кому-то выпадает и счастливый жребий.

Теперь в моих глазах моя жизнь с Мишей представляет собой непрерывный ряд ошибок. И все из-за мягкости характера и деликатности. В такой семье они бесполезны. Я в семье мужа вела себя скромно, полагая, что тем самым должна пробуждать в его родственниках желание быть снисходительными и ко мне. Уважение должно порождать уважение, так учили меня в детстве, мол, как аукнется, так и откликнется. Но я вызывала в них, исполненных самодовольства, которое они и не пытались скрыть, желание унижить, оскорбить и тем самым возвыситься надо мной более доброй, а значит, с их точки зрения более слабой. Они считали, что не моя интеллигентность, а слабость, страх перед ними – причина моей покорности. А я утверждала, что доброта – удел сильных. Слабые люди позволяют себе быть злыми, гадкими, оправдываясь тем, что не способны себя преодолеть. И только сильные духом могут позволить себе быть щедрыми, снисходительными.

Потом разобралась. Оказывается, бывают люди сильные злым духом – их, конечно, немного – и люди сильные добрым духом, которые не демонстрируют свою силу. Слабые у них вызывают сострадание и желание защитить.

Слабые особи тоже бывают добрыми и злыми. Добрых слабых «припахивают» и сильные злые, и слабые злые, если они хитрые. И я теперь прекрасно отдаю себе отчет в том, что сильные добрым духом могут бороться со злом, а добрым и слабым – я оказалась именно такой – надо бежать от злых как можно скорее и как можно дальше, да так, чтобы подметки горели. Доброта побеждает в кúпе, потому что добрых или хотя бы не творящих зло людей больше.

– Безразличных к добрыми не относи, – возмутилась я.

– Вот такая интересная градация у меня получилась, и такие грустные выводы я сделала только после нескольких лет замужества. Наверное, именно этому в первую очередь надо учить детей, а не музыке, балету или физике.

– Теперь мне понятно для кого ты разрабатывала свою классификацию, а то я уже решила, что ты за меня взялась, – усмехнулась я.

– Хотела в одной обойме с мужем прожить. Ради любви к нему отказывалась от себя, от общения с друзьями, а он не стоил того. Ни счастья не обломилось мне в жизни, ни денег.

– Он хотел один радоваться жизни. В нем был непочатый край тщеславия. Зачем ему мелкие, нудные заботы о семье? Легче уйти от проблем. А еще лучше припахать того, кто слабее духом или добрее. С него было достаточно и того, что он два года обхаживал тебя до свадьбы. Остальное поручил твоим заботам.

– Вопиющая несправедливость! Любовь, как оказалось, не гарантирует счастья. В чем мои ошибки?

– Любовь, если она есть... Зачем себя обманывать, оправдывая и оправдываясь? С самого начала тебе придется признать, что ты поведение мужа примеряла на себя без учета мужской психологии и психологии его персонального эгоизма, оттого и не понимала его. Это многое проясняет. Именно поэтому попытка непредвзято разобраться в своей ситуации ни к чему тебя не приводила, – спокойно и уверенно объяснила я.

– Понимаешь, я считала, что различие в людях предполагает взаимное духовное обогащение, которое делает жизнь интереснее, радостней. И меньше всего я могла представить себе, что он... станет изменять.

– Радостней для кого? Вот в чем вопрос, – снова усмехнулась я. – Человек многолик и непредсказуем. Ох уж этот наш женский мир надежды и несбыточного упования! Ох уж это наше пресловутое счастье! Хотим иметь непогрешимых мужей, верим, что нас никоим образом не затронет участь многих несчастных подруг.

– Как-то завела с Мишей разговор о счастливых семьях и верных мужьях. О своей

подруге ему рассказала. Та спросила мужа, как ему удается сохранять верность? А он ответил, что это качество у него генетическое. «И тебя я не буду сторожить. Измена – это как предательство на войне, преступление, не имеющее срока давности. Узнаю хоть по истечении любого времени – сразу развод».

«А я думал, расстрел», – рассмеялся мой Миша.

Я внутренне усмехнулась: «Хорошо шутишь. Дурак думками богатеет».

«Но ведь гадкие люди из зависти могут опорочить жену. Всплывет каскад «интересных» подробностей». На моей памяти такое не раз случалось с моими знакомыми», – сказала я подруге.

«Мой муж не дурак, чтобы наветам верить. Конечно, сначала расследовал бы».

– Предвижу реакцию Миши, – серьезно отреагировала я.

– Да, он рассмеялся и сказал, что верных супругов не бывает, мол, для мужчины верность, что для льва клетка. Мамашина школа, – усмехнулась Мария. – Получается, я жила по принципу: «Хочешь быть счастливой? Будь!.. В мечтах».

– Твоя свекровь, возводя напраслину и умышленно обвиняя тебя в мнимых изменах, играла на том, что мужчины видят в измене женщины, прежде всего, ущемление своей мужской чести. Оно для них позорнее самой оскорбительной, казалось бы, неспособности содержать семью, возможности бросить детей, хуже таких слабостей как пьянство и курение. В этом есть что-то примитивно-животное. Не правда ли? Именно поэтому некоторые из них не понимают, что красивый цветок не обязательно срывать, им лучше любоваться издали.

Одни не могут устоять перед женщиной, а другие, не желая сдерживать свои эмоции, убивают. Впрочем, я вовсе не исключаю и другие варианты и комбинации. Но ведь на то мы и люди, чтобы руководить своими чувствами и тормозить отрицательные эмоции. Устоять перед соблазном – достоинство, – сказала я.

– Когда Миша с явным облегчением уезжал в командировки, я радовалась, предполагая, что ему в этой семье также плохо, как и мне, и даже жалела, что иногда выставляла напоказ свою досаду и раздражение, вызванное поведением его родственников.

– Тебе стоило бы научиться видеть и ценить в жизни еще что-то кроме работы и семьи. Любому человеку нужна отдушина.

– Растворяться в муже, не значит терять себя. Вредно на чем-то или на ком-то заикливаться. Это ведет к разрушению личности.

Хобби? Хорошо рассуждать о свободном времени при нормальном муже, которому и в голову не придет хоть намеком, хоть взглядом оскорбить, не помочь, не защитить. Семья для меня была всем, включая хобби. Помимо работы я шила, вязала. Ремонт квартиры был на мне. Сад, город. Не до театров и книг было. Но не думаю, что заботясь о семье, я разрушалась как личность. Скорее, Миша от безделья деградировал, – резко ответила Маша, готовая настаивать на этом до последнего.

– Ты права. А вот мы, женщины, даже постоянно занимающиеся только домашним хозяйством как-то умудряются сохранять форму, – погасила я, начавшееся было разгораться в ней пламя обиды.

– Но быстро теряем себя в тоске, – заметила Маша.

И вот я снова забеременела. Той радости, которую я испытала в первый раз, уже не почувствовала. Я думала о том, какого ребенка я взращу в такой атмосфере. На меня почему-то напало странное безразличие ко всему, что происходило в семье. И я поняла, что сам организм пришел мне на помощь, стараясь защитить моего малыша от стрессов.

– Миша был рад сыну, с цветами из роддома встречал? – спросила я.

- В день, когда меня забирали в роддом, мать отправила его в дом отдыха. Я умяляла Мишу не уезжать, сдать путевку, но он удивленно возразил: «В чем проблема? С тобой остается моя мама».

«В трудную минуту мне нужен муж», - попыталась я втолковать Мише. Но он все равно уехал, перешагнул через мои мольбы. Я, кажется, у Толстого читала, что офицер мог позволить себе отправиться на войну, подождя, пока жена родит.

По недосмотру во время родов у сыночка была повреждена ножка. Проводились операции, в результате которых, он на всю жизнь остался хромым. Теперь-то такие травмы лечат, а тогда...

Мария напрягаясь, побледнела, но продолжила рассказ:

- Моя подруга-врач считала, что сынок у меня родился с недостатком по причине нервной обстановки в семье. Она приводила массу примеров детей, рожденных с дефектами конечностей, болезнями легких и сердца. Еще рассказывала, что когда родители ссорятся, дети в утробе матери даже инфаркты переносят. Позже, с появлением «УЗИ», она неоднократно наблюдала подтверждение своим предположениям. Но наши «светила» не признают эти факты, и число детей с умственными и физическими отклонениями растет. Конечно, еще экология становится причиной таких дефектов и безответственность медперсонала. А наши старики понимали, как важно будущей маме растить внутри себя малыша в покое и в радости.

Я заволновалась:

- Машенька, успокойся, все это в прошлом. Ты сумела достойно перенести все трудности, сына прекрасного вырастила, женила, внук у тебя здоровенький растет. А твой Миша для семьи - бурьян, чертополох.

Я понимала, что она заново переживает свои беды, что они живо, подробно и ярко стоят у нее перед глазами и тисками сжимают сердце.

- Очень скоро, осознав, что сына нельзя вылечить, Миша загулял. А может, и раньше с ним такое случалось, откуда мне знать, когда он свалился в помойку греха и блуда? Это для меня шаг в сторону - расстрел. Я даже выставку не позволяла себе одной посетить, не желая нарушать «протокола» замужней женщины. Моральный закон - у нас в сердце. Он как камертон чутко реагирует на отклонения. А если его там нет... И я для себя всё поняла. Не быть нам вместе. Будут потери, но не будет приобретений. Нечем будет зажигать и подпитывать...

- Быстро Мишка сдулся. И расползлась ваша жизнь на отдельные гнилые нитки... как старый изношенный свитер. Зло не исчезает. Оно затаивается, но не дремлет, - усмехнулась я грустно. - Не удивлюсь, если узнаю, что далеко не последнюю роль в поведении сына сыграла твоя свекруха.

- Я не хотела замечать очевидные вещи и признавать Мишины недостатки глубокими, укоренившимися. Я не подозревала, что за постоянной недосказанностью, натянутостью наших отношений и приступами внезапной раздражительности мужа скрывается тщательно хранимая им, придуманная его матерью тайна «моих измен». Я относилась к причине охлаждения мужа к постоянному неусыпному влиянию матери, которая ни на день не отпускала сына из-под своего контроля, но не представляла уровня ее подлости. Мать уговорила Мишу не рассказывать мне о том, что он знает про мою «неверность», чтобы я не могла опровергнуть ее наветы.

Я считала, что любовь должна быть открытой, но бережной, а Миша - что безрассудной. Я была внимательна и предупредительна к его настроению, тщательно следила, чтобы он не переутомлялся, боялась наскучить ему бытовыми проблемами, старалась не навязываться со своими просьбами о помощи. Сама все успевала. У мужа по вечерам был телевизор, а у меня кухня и все остальные заботы. Но он все равно легко выходил из себя, вечно был чем-то недоволен, все время что-то доказывал, навязывал.

- У тебя срабатывало чутье любящей женщины, а откуда ему было взять чуткости, если он не умел любить?

- Ты права. Наверное, Миша тогда уже ходил к своей пассии, а я все не придавала значения его задержкам, не предполагала, что ему есть что скрывать, верила, что он много работает, для семьи старается. Ведь по моим понятиям семья – это то, ради чего стоит жить. И жалость к нему, больному, скребла душу. Не могла я и не хотела видеть его другими глазами.

- Ты между правотой и добротой выбирала доброту.

- А он изолгался, научился не выдавать своих чувств, чем усыплял мою бдительность. Моя природа перфекциониста не допускала фальши, лжи и ухищрений. И вдруг... он оговорился, назвал меня другим именем.

- Не оговорился, а проговорился, – зло отреагировала я. – Называй вещи своими именами. Опять жалеешь Мишку? Ты думаешь, он влюбился?

- Как вариант, но не факт. Могут быть и другие причины: деньги, карьера, лесть. Он придумал называть меня «милая». Мне так нравилось! В такие моменты я испытывала к нему особый прилив нежности: «Он меня любит!» В студенческие годы нашей любимой песней была «Милая» в исполнении Сличенко. У многих молодых людей этот певец тогда был на устах.

Мария замолчала. Шершавый комок горечи застрял в ее горле.

- Седые волосы у тебя были от его «шуточек»?

- ...А Миша, гонимый яростью, бесами мести, отчаянием и удушающей злобой, вскормленной и взращенной наветами матери, несся к некрасивой, немолодой, много в жизни повидавшей замужней начальнице. (По должности она – апологет нравственности!) После оговоров он даже не позаботился узнать, по какой такой причине я ему будто бы изменяю. А я терялась в догадках, выискивала причину охлаждения мужа в себе. Но нашла ее уже после развода в лице своей бывшей свекрови, которая внушила сыну, что ребенок не от него.

После рождения сына муж окончательно распоясался, стал руку на меня поднимать.

- Я бы ему в ответ врезала. Мужчины утверждают, что женщины в драке не имеют тормозов, потому что привержены в любом деле идти до конца.

- Милицейская статистика с тобой не согласна, – возразила Мария.

- Это они от страха так говорят, – рассмеялась я.

Мария не приняла моего шутливого настроения:

- Наше законодательство не заботится о женщинах, не защищает их. И те законы, которые есть, не работают. Насилие не пресекается, потому что мужчины защищают мужчин. И в Думе лежат новые, не ратифицированные законы годами. А во многих странах они уже давным-давно есть. Мало у нас женщин во власти.

Сейчас эта проблема стоит особенно остро. По приблизительным подсчетам каждый год мужчины в семьях убивают что-то порядка четырнадцати тысяч женщин. А сколько их бито и покалечено? Половина всех преступлений совершается в семьях в алкогольном опьянении. Но милиция заявления не принимает, мол, нет состава преступления. Говорят: «Когда убьют, тогда и приходите». А кроме физического насилия есть еще и экономическое, психологическое и сексуальное. Таких пострадавших вообще невозможно посчитать.

- А женский «террор»? Ну эту лукавую статистику мы ставим «на сладкое»? – усмехнулась я.

- Когда же с экранов уберут насилие? Я и «Дом-2» давно прикрыла бы, и многие «помоечные» издания. Они пропагандируют свободные связи и безответственность. У нас восемьдесят процентов разводов! Мужчины не хотят себя обременять. Они легко расходятся, потому что дети остаются с женами. Прости, наболело.

- Понимаю, назрела необходимость выплеснуть.

- Так вот о себе. Мне некуда было уйти. И Миша решил, что подмял меня, на цепь посадил, что я все стерплю. Он и его семейка мертвой хваткой вцепились в мое горло и не давали дышать.

Через год мы разошлись. Глаза не видят, сердце не болит.

- И в их семье появилась вакансия на место... «девички для битья».

- Миша не понимал, что жизнь – не только и не столько работа, хотя наши дела – наш памятник. Это, прежде всего, семья, наши дети, внуки и родители.

- Не дождалась квартиры?

- Сил больше не было хоронить себя заживо. Мишу я не удерживала. Такой отец сыну не нужен. Свекровь добилась своего: сын опять стал принадлежать только ей. Такая мамаша – катастрофа для любой невестки, потому что она ей не нужна. Я со всех сторон была в проигрыше, и ожидать изменения ситуации к лучшему не имело смысла.

- Злобная свекруха, змея подколодная способствовала твоему скорейшему уходу, не хотела, чтобы ты претендовала на новую квартиру.

- Сначала я сняла угол, потом скиталась по квартирам. В работе придерживалась принципа: ничего не просить, ни от чего не отказываться. Наконец, мне дали комнатку в общежитии с окошком в виде узкой щели. Проблем было не счесть. Ничего, выдержала! – без пафоса и кокетства сказала Мария.

- Полет птицы начинается с гордости, – оценила я рассказ подруги. – Пусть Мишка знает, что не весь мир вращается вокруг него.

- Когда мы расстались, я впервые за долгие пять лет почувствовала свободу. Будто из тюрьмы вышла... Долго копила на однокомнатную квартиру. Теперь сын с семьей в ней живет. А для своих детей пусть сам жилье зарабатывает. Я уверена, он сумеет. Думаешь, моя жизнь банальна? Она много более наполненная, чем у моего бывшего. От жизни я получаю все, кроме...

- Студенткой ты была спокойной, немного нерешительной. Откуда в тебе столько силищи? Какие мощные качества!

- Наверное, они во мне всегда имелись в зачатке, но не было причины проявлять эти черты характера, – усмехнулась Мария.

- С вами все ясно. А вот почему Раумкисы разбежались? Он удивительный человек. Какая-то в нем несгибаемая воля. Лицо каменное, а внутри мягкий, любящий. В нем есть все то, что я ценю в мужчине. А Ксюша не поняла его?

- Он на две семьи жил, – сухо заметила Мария. И вдруг сказала тихо и мечтательно:

- И хорошее было... Мне поход с Мишей на реку припомнился. Это было наше первое совместное лето после окончания вуза. Я еще считалась как бы гостьей в семье мужа. Конечно, меня уже многое шокировало во взаимоотношениях его родственников, но они сразу полностью не раскрывали себя, и я была полна оптимизма... Пришли мы на реку. Была середина лета, а вода все еще не стояла в берегах. На лугу поблескивало много лужиц и маленьких озерков. Мы разулись. Я с огромным удовольствием шлепала босыми ногами по теплой воде и по мокрой шелковистой травке, а Мише не нравилось идти босиком. Трава колола его изнеженные городские ступни. К тому же он немного поранил большой палец правой ноги. Я бы, конечно, на такую царапину у себя внимания не обратила, но Миша расстроился, испугался заражения, стал искать, чем бы забинтовать рану. Я восприняла его жалобы как игру. Отыскала подорожник, примотала его к пальцу носовым платком и на спине перетащила мужа на сухое место. Миша так искренне обрадовался моей заботе, что я поняла: он не шутит, волнуясь за свое здоровье. Меня удивила и рассмешила его щепетильность, но я виду не подала. Мне было приятно, что он счастлив моею к нему любовью. Мы долго разглядывали мальков, колеблющихся над травой в искрящейся прозрачной воде лужицы, болтали о пустяках... Такими счастливыми мы больше никогда не были. Нет, ошибаюсь. Один раз мы с маленьким сыном ходили на то же самое место. Правда, Миша был несколько раздраженным, но я все равно была счастлива. То был последний, прекрасный аккорд в

нашей семейной жизни... Я отвлеклась?

- Обычное лирическое отступление, - одобряюще улыбнулась я.

- И теперь, когда мои годы почти на исходе, я думаю: «Чем я Небеса прогневила, что они наделили меня горькой судьбой, послав массу испытаний?..»

Мария надолго впала в задумчивость. Но видно свекровь была главным «раздражителем» ее нервной системы, и через много лет не дававшим ей покоя ни днем, ни ночью.

- Много позже я поняла, что посчитать меня хорошей, означало бы для моей свекрови признать себя плохой. Этого она допустить была не готова, иначе могла лишиться любви сына. Ее лозунг - она идеал, а все остальные - никуда не годные. Она хотела безраздельно владеть сыном и использовать его в своих целях на полную катушку, а если не получится, то мстить за это невестке до последнего вздоха. И это называется святой немеркнущей материнской любовью? Это же дичайший эгоизм! По моим понятиям, ей следовало бы подумать, как остаться необходимой Мише, не сбрасывая со счетов его жену и ребенка, а не мешать молодой семье, не цепляясь за сына, удерживая его всеми самыми подлыми способами.

- Осененная божественным прозрением, ты решила прикоснуться к разгадке земного бытия?

- С юности мы все мечтаем о счастье с любимым и не представляем, что можем получить к нему «в нагрузку», - усмехнулась Мария.

- Эммин муж тоже был зависим от матери, но не в такой степени. У твоего явная патология, - грустно заметила я. - Такая «удача» тебе и не снилась.

Я Валеру с Катей вспомнила. Он говорил: «Наша любовь - дар небес. Мы друг другу тридцать лет дарили счастье. Я никогда не был во власти других женщин, хотя они наперебой предлагали мне и руку, и сердце. Не нуждался я в этом. И Катенька, я знал, была востребована... Я не вдовец. Я по-прежнему женат на моей Дюймовочке, на моей фарфоровой куколке с железным характером. Это она меня «слепила из того, что было»... Еще в молодые годы она связали мне пуловер, и он прошел со мной через все десятилетия нашей жизни. И теперь все еще согревает меня и мое тоскующее сердце».

Мало кто из знакомых мне женщин может похвастать такой судьбой. И Катя говорила, что Валера ни разу не дал ей повода в нем разочароваться. Счастливые! Принято считать, что все в семье зависит от женщины. Нет, от обоих. Вот попадетса дерьмо и...

Маша открыла форточку и возобновила беседу. Ее нынешние слова были продолжением ее давних мыслей.

- ...Миша никогда не стремился загладить вину, не просил прощения, вел себя в соответствии со своим вздорным характером. Неужели трудно произнести хотя бы «прости»? Сказать: «Я больше не буду» было бы ложью. Все мои усилия хоть немного повлиять на него лишь подогревали его гнев, который он тоже никак не хотел признавать. Особенно сильно Миша менялся в присутствии матери. Он становился еще более желчным, надменным. (Хотя куда уж хуже!) Его поведение с трудом поддавалось определению. Миша стремился показать матери, как ценит ее и не уважает меня, и делал это, не задумываясь, абсолютно естественно, словно подобное поведение было у него в крови, как предрасположенность к доброте у ребенка, рожденного в интеллигентной семье. При этом он терял всякое достоинство, проявлял безобразную невздержанность, предвестницу ярости.

Миша не хотел, чтобы сердце его смягчалось, не замечал в себе ничего отталкивающего. Он - большой ребенок-эгоист. Ему нравилось им быть, чтобы баловали, не ругали, любили, заботились и терпели. А взамен ничего не давал. А мне всегда хотелось быть во всем хорошей и правильной. Наверное, трудно понять другому человеку чувства, которые тот сам не испытывает. Не пожалеет, не приласкает, всецело поглощен собой. Не пронять его ничем. Миша подавлял меня своим слишком требовательным,

придирчивым характером. Он – копия своей матери.

Теперь мне кажется, что Миша и сам толком не знал, зачем цеплялся за мою любовь. Может, она служила ему утешением в тех неудачах – я о них тогда даже не подозревала – в кратковременных связях с женщинами, которых он сам был не в состоянии долго обожать, сгорая как спичка. А я, зайдя в тупик, оправдывала свое долготерпение тем, что живя отдельно от свекрови, я вновь нащупаю, утерянную нами нить любви, когда-то соединившую нас, сумею отыскать ее, глубоко запрятанную в неведомом уголке его сознания. Я упорно продолжала с трогательной наивной преданностью любить человека, не стоящего моих чувств, искать с ним сближение.

– Ты считала, что надо уметь прощать, легко забывать обиды, вот и шла на примирение. Воображала себя понимающей, снисходительной, терпеливой. Героиней! Не скоро ты пришла к окончательному неутешительному выводу.

– Какое счастье желала ему мать? Хотела, чтобы сын каждый день жил в ненависти и злобе?

– Она тебя своими мерками мерила, – усмехнулась я, – а ты ее – своими.

– Она считала, что все женщины подлые. «Все? А вы, и ваши дочки?» – как-то спросила я ее удивленно, в очередной раз услышав ее категоричное заявление. Свекровь ничего не ответила. То ли не нашла, что сказать, то ли не удостоила? А может, она не задумывалась, не равняла себя со всеми, охаянными ею. В нашем с Мишей случае, зная, что недоверие убивает любовь, она действовала целенаправленно: намеренно вытравливала любовь сына. Иногда мне кажется, что моя свекровь относится к числу людей, которые любят сочинять гадости, а потом, со временем, начинают искренне верить в то, что они на самом деле происходили.

– Сплетни сочиняют люди, чем-то обделенные, ущербные, – уверенно сказала я.

– Может быть. Но моей свекрови нравилось сплетничать, плести интриги, тут она существовала в своей стихии. Она ей была необходима как питьевая вода, как... кровеносная система. А чем еще она могла занять свой бездействующий мозг? На работу не ходила, читать не любила. Ложь развлекала ее, возвышала, помогала закатывать и поддерживать скандалы в семье. Она все время находилась в постоянном поиске новых идей... – усмехнулась Мария. – Да, много неприятных дней я пережила в этой проклятой семье. Жаль, что не сумела быстро избавиться от иллюзий. Я разворчалась?

*

– Я знаю, что некоторые женщины от обиды на мужей достаточно быстро снисходят до прозаических увлечений, а чтобы мужчины осмеливались подступиться к ним, сами подталкивают их к себе. Они проделывают это так искусно! И прежде чем мужчина поймет, что случилось, – он уже в сетях.

Я не оправдываю твоего Мишу. Вне всякого сомнения, он сам был не против... Но сначала боялся, а тут она... Рассуждая абстрактно, предположу... Возможно, немалую роль в переходе им границы дозволенного сыграла его самовлюбленность, страстное желание играть какую-нибудь важную роль, ощущать себя центром внимания (любовник начальницы!) и заставить других невольно обращать на себя внимание. Может, он мнил себя героем или, во всяком случае, хотел слыть таковым. Искушение само по себе не существует, оно у нас в головах.

– Что правда то правда, не принимала я раньше в расчет эту Мишину особенность, эту неприятную мне черту его характера, хотя, если быть до конца честной, замечала ее. Мне даже пришлось в голову бояться его захваливать, чтобы не разрасталась она непомерно. Думала, неуязвимая позиция. Но просчиталась. Доводы одни, а выводы надо было делать разные. А Миша даже не мог устоять перед искушением заявить во всеуслышание перед близкими друзьями о своей победе. Хотя, конечно, на самом деле это она решала, позволять ему или нет ухаживать за ней. Миша догадывался, чем может для него обернуться увлечение, но не задумывался над этим. Радость встречи с нею не вступала в противоречие с опасением по поводу того, что его тайна будет раскрыта. Может, она даже придавала его играм некоторую юношескую романтичность. Вот он и расслабился, начал слишком доверять «судьбе», что и погубило его.

Начальнице не составило большого труда добиться его расположения, представив дело так, будто это он в нее влюбился. Миша даже не заметил как она крепко забрала его в свои цепкие ручки. Наглой, алчной, хитрой бабенке на крючок попался. Чем присушила, чем перешибла мою притягательность, как выразался муж в студенческие годы? Наверное, тем, что не претендовала на его руку и сердце. Представляешь, когда Миша, будучи не уверенным в себе после их первого свидания, долго боялся показаться ей на глаза, она сама ему позвонила, мол, разве тебе не понравилось... со мной? Ну, кто же ответит в такой ситуации «нет», тем более, если зависит от этой женщины. Она сама убедила его встретиться с ней снова и использовала по полной программе. И зачистил он к ней... С тех пор мне стали доставаться его нервные бзики и холодная ирония, а ей радости.

Он обрек меня на страдание... Говорил одно, делал другое, проявлял неуступчивость там, где разумнее быть покладистым и наоборот... Когда я его уличила во лжи, то сначала надеялась, что он возмутится на мои слова, попытается оправдаться, рассеять мои подозрения. Но он не стал выкручиваться, а обвинил меня во лжи и глупых фантазиях. Как я потом поняла, это начальница, имея огромный опыт в podobных делах, научила его обороняться методом нападения. Он находил мои доводы несостоятельными и я, виновато, смущенно и искательно улыбалась, веря и не веря, замолкала. А когда я приперла его фактом их встречи при мне, он развязно заявил, мол, не могу не согласиться с тобой. И это был убийственный, рассчитанный удар по всей моей жизненной позиции, по порядочности и вере.

Ты думаешь, Миша был раздавлен своей виной? Пытался как-то оправдать свои любовные похождения? Пустил покаянную слезу? Нисколько. Напротив, вел себя нагло, как будто за ним стояла справедливость и праведность. Видно, связь с другой женщиной представлялась ему кульминацией всех его тщеславных устремлений и счастливых ожиданий. Она придавала ему уверенность. На другие чувства он не был способен. «Каждому творческому человеку хочется попробовать работать с различным «материалом». Дефицит чего-то – денег, чувств – всегда стимул, – проезжалась я по мужу, когда мне бывало особенно тошно. – К тому же общаясь с другой женщиной, ты даешь выход всем своим комплексам и обидам». Вынуждена признать, что эта связь чрезвычайно льстила его самолюбию. Я считала Мишу скромным, порядочным, а он встретил ту женщину и сразу сделался морально неустойчивым.

– Твой муж жил в мире чудес. Полагаю, он находил себя красивым и остроумным, что с моей точки зрения далеко не так, и с удовольствием предоставлял партнерше насладиться собой. Наверное, и в дальнейшем он не пренебрегал ничем, из того, что предлагали ему обстоятельства. Мой коллега в этой связи шутил, что каждая следующая женщина оказывалась хуже предыдущей, и что это правило сохраняется и в случае мужчин. Может быть, зная это, ты отказывалась от подобных способов расцветить свою жизнь и гордилась своей нравственностью?»

– Миша мог в силу своего слабого характера зависеть от кого угодно, только не от своей жены. Мама сумела его перепрограммировать от моего влияния. Будто к бабке сводила. Она с детства внушила ему патологическую любовь к себе, и, по сути дела, он не воспринимал других женщин всерьез. Они должны были или украшать его жизнь, или пахать на него, как я. Он же умел только влюбляться и был не в состоянии соответствовать моему высокому о нем мнению, – горько добавила Маша. – Есть мужчины жадные и до работы, и до наслаждений. А Миша к работе относился с прохладцей. Он только для себя не был жаден и обладал широкими взглядами, а для своей семьи во всем – очень даже прижимист, скуп даже на добрые слова. Любовь для него заканчивалась там, где начиналась семья. Он не умел ее проявлять, будучи несвободным. Может быть, скудное детство глубоко в нем засело и не давало ему шанса стать щедрым? Но умный человек со временем должен развиваться, меняться в положительную сторону, не позволять душе лениться.

– А если лень черта характера?..

Мужчины в большинстве случаев существа непостоянные. По крайней мере, они себя так видят. Мало кому из них удастся сохранить твердость и неприступность. Одни открыто гордятся своим непостоянством, другие помалкивают, таятся. Но и те, и другие не любят порядочных, даже презирают их, мол, слабаки, жен боятся. Таков менталитет наших мужчин с невысоким уровнем культуры.

Но самое неприятное то, что они и в нас подозревают выдуманную ими порочность.

- По своему образу и подобию... Да еще не признают за нами ума, мол, «тело твое есть высший разум». Ницше вызубрили и взяли на вооружение. «Эротикой пронизана вся природа». Умники! А человеческой духовной красоты любви не заметили? Как пугаи с удовольствием повторяют шутку Людмилы Гурченко о том, что любовь одна, только предметы меняются. И тут же утверждают что, наш женский идеализм мешает нам наслаждаться телесной любовью. Какая непоследовательность!

- Отчасти они правы. Зжатость - от неправильного воспитания в семье, - заметила я.

- Любовь к мужчине не столько счастье, сколько несчастье. Много ли было у меня истинно приятных эротических моментов любви?.. Если только в самом начале... да и то... в основном это было яркое желание делать мужу приятное.

Я никогда не касалась Мишиных взаимоотношений с людьми на работе, оставляя за собой право на подобное вторжение лишь в собственной семье, как нечто личное, не предназначенное для дерзких взоров посторонних. Только в ней я позволяла говорить мужу о его поведении. Я, конечно, советовала ему быть с коллегами сдержаннее, чтобы не испортить себе карьеру, но дальше слов дело у меня не шло. Но стоило мне только один раз побывать в его лаборатории, я все сразу почувствовала и поняла без чужих подсказок. Там, в самой атмосфере разливался насыщенный дух его измен. Невооруженным глазом я видела это по тому, как относятся к нему сотрудники. Никто не говорил об этом, но все равно это проявлялось в отдельных жестах, взглядах, улыбочках, в том, как они презрительно или злорадно кривили губы, опускали глаза. Никто к Мише не был положительно расположен. И я уже не тешила себя надеждой, что смогу вернуть себе мужа.

Надо отдать Мише должное: в каком-то уголке своей души, может быть даже немного терзаемой происходящим, он чувствовал, что ему никогда не следует встречаться с женщинами в доме, где проживают его жена и ребенок. И не писанный закон ночевать дома соблюдал. Мне от других такое приходилось слышать!.. Но я не хотела вслушиваться в чужие трагедии. А может, Миша на такое не осмеливался, чтобы не нарваться на скандал? По натуре-то он труслив. Он не хотел разводиться, я его устраивала во всех смыслах.

Я совершенно случайно узнала об изменах мужа и только тогда поняла, где пропал он, прикрываясь проблемами на работе. Был жуткий стресс... Не одна я такая глупая. У моей знакомой муж целый год «ездил» в командировки на соседнюю улицу. Один раз она заболела и ушла с работы пораньше. Вот тут-то и обнаружила муженька в ста метрах от своего дома. И открылись ее глаза. А она-то с такой любовью рубашки ему наглаживала, чемодан готовила в дальнюю дорогу! Развелась, чтобы не было черных дней - семь в неделю. И хотя ее больше не грела собственная любовь, стародавние шрамы обиды на сердце до сих пор не затянулись. Она как-то сказала мне: «Что бы я пожелала таким вот гуленам? СПИД подцепить. Жестоко? Да. Но я хочу, чтобы они сами себя наказывали». Мне иногда кажется, что такое вокруг нас твориться... сплошь и рядом. Я уже сомневаюсь, есть ли в мире порядочность и счастье. Как-то стала сравнивать судьбы подруг со своей и поразила тем, как они схожи... Может, конечно, невезучие притягивает к себе таких же невезучих и несчастливых?

- Ты понимала, что Миша сам от тебя никогда не уйдет, не отвяжется? - Я переменяла тему разговора.

- Понимала, только с положительной подоплекой. Верила в его любовь.

- И ты не боролась за свою любовь?

- Бывают моменты когда перестаешь бороться, руки опускаешь... Мишин роман с этой женщиной набирал обороты, а я должна права качать? Он будет шастать на сторону, а я ему в своей любви клясться, боясь, что бросит? Не дождетя! Не стоил он моих слез. Боже мой, какая я была дура! Ведь было время, когда он, ухаживая за мной, даже не надеялся. Не сразу наши отношения приобрели более очерченную форму... У меня был абсолютный слух на правду. Я умела одним взглядом поставить на место неугодного

обогаителя, а тут... влипла как муха в расплавленную смолу. Я безошибочно улавливала фальшь, но не верила своему сердцу, считала, наверное, как математик, что голова надежнее. Но Мишино поведение не выдерживало никакой логики и это меня сбивало.

У меня очередной приступ самоедства? Как-то наблюдала их встречу. Поучительная картина. Она и шагу не сделала ему навстречу. Царица! Вот как такие «дамы» держат рядом с собой мужчин: железной уверенностью в себе, высоким о себе мнением, правда, не понятно на чем основанном, и своей закрытостью. Они привлекают мужчин тайной. Они беззащитны перед ней? Я поплатилась за свою доверчивость и открытость?

...Она вела, она командовала парадом. Она умела много с него взять. И ему нравилось ей угождать. От него исходило какое-то... безумие. В его глазах читалось выражение человека, потрясенного счастьем. Миша смотрел на нее так, будто выискивал в ее лице приметы святости! Клинический случай! Вот какие женщины, оказывается, высоко котируются у данного типа мужчин. И такую женщину он возносил и боготворил, мол, о том, «что она высший класс, говорить не приходится, это и так ясно». Вот что уловила я в их встрече.

А еще я поняла, что на тот момент она для него была столь притягательна, что соображения приличия или жалости к близким людям для него ничего не стоили. Какой масштаб «личности»! Это и есть роковая женщина-вамп? Проститутка! А страшна-то, страшна... И как могла внушить, что хороша и умна? Неужели одной только лестью и хитроумием? Может, она обладала гипнозом? Есть необъяснимо-загадочные женщины и странно притягательные мужчины. Мне трижды встречались такие мужчины: некрасивые, не очень умные, но подобные мощным магнитам. Небывальщина, чертовщина какая-то! Я убегала от них, потому что боялась. Мне понятней и приятней истинное, нежное духовно-душевное притяжение.

Эта женщина не звала Мишу в мужья, но все его деньги шли ей. Он не хотел верить, что она его использует. Может, не задумывался над этим? Миша наслаждался музыкальным строем ее речи. Он был очарован ее обволакивающим томным слащавым голосом, возносившим ему хвалу, как Одиссей пением сирен. Он для нее готов был все делать, все отдавать. Такова его натура? Он болезненно слабovolный? Подпав под влияние, он уже не мог от него освободиться.

Собственно, он не особенно ценил заботы о себе, считал ее естественной подложкой семейных отношений. Я обязана. Ему требовались только слова, слова, слова. Как муха на мед летел на сладкую приманку.

- Та женщина раскусила Мишу. Она его мужское самолюбие тешила. Я полагаю, что даже его стеснительность и неуверенность она на первых порах зачисляла в ранг достоинств. Все недостатки и хорошие качества хитро использовала, манипулировала, руководила его поведением. Будто молочного теленка на веревочке тащила куда хотела. Твой муж, как за соской, шел за ней и подчинялся, будучи обезоруженным клейкой лестью, - сочувствуя, пояснила я. - Он не понимал, что любовь - не кратковременная страсть, а всеобъемлющее чувство, которое оба не хотят ни с кем делить. Далеко не всем это дано понять. Но и карамельно-ванильная жизнь скучна. Надо уметь ее разнообразить. Не знаю, права ли, но я считаю, что, в основном, это забота мужчины.

- Непростой, болезненный вопрос. Мне не хватало его темперамента, но я же не искала дублера. Я его никогда не ругала, не умела долбить, брюзжать, ныть. Я оберегала его от волнений, успокаивала, выручала. Избыток своей энергии я расходовала на домашние дела.

- И ждала, что он скажет: «Аромат других женщин витает вокруг меня, но я не могу переступить через себя, не могу тебя обидеть. Так?» Анекдот вспомнила: «Она из тех, о которых предупреждала мама, и которых советовал папа».

- Все хорошее, что было между нами, забыл, - грустно-задумчиво продолжала Маша, - Та женщина для него была, как игрушка для избалованного ребенка. Теперь я понимаю, что и как у них происходило. Ему нравилось быть для нее «настоящим матерым мужчиной», а дома ему выгоднее было оставаться слабым, больным, ни на что не способным, чтобы с ним нянчились.

- Калиф на час.

- Мишу устраивали эти роли, эта раздвоенность. Он знал, что для меня семья - главное в жизни, и считал, что я приму его любым. Его бесило, если я поднимала голову, возражала. А я хотела видеть в нем самостоятельного семьянина, любящего, заботливого мужа, отца. Не получилось. Видно, он таким родился, чтобы хитрые женщины вили из него веревки, а он при этом чувствовал себя счастливым и уверенным. Все его существование было направлено на собственное «я». Женщины - объект его желаний и потребностей. Они должны его любить или заботиться о нем, а он только влюбляться и использовать их. Или они его... Он же как «черная межгалактическая дыра», только поглощать способен. Неплохо в жизни устроился.

- Любовь тоже достаточно эгоистичное чувство, - заметила я.

- Любовь проявляет человека, но не изменяет.

- И женщины в семьях ведут себя по-разному. В моей лаборатории работали два доцента примерно одного уровня умственных возможностей. Так вот жена одного все делала, чтобы ее муж защитил докторскую, а у второго - думала только о себе, о своей по ее меркам счастливой жизни. Все домашние дела были на нем. Жизнь изобилует пороками. Это данность. И если мы впускаем в свою жизнь зло, то это наш выбор.

- Не всегда. Ты забыла о насилии и незащитности. Злым проще жить? - спросила Мария.

- Не знаю. Но есть Бог. И каждый или к Нему идет, или от Него.

- Здесь не поспоришь. Если бы я изменяла мужу и не заботилась о семье, мы были бы на равных и его поведение, наверное, было бы для меня не очень обидным. И меня, может быть, устраивало бы такое положение дел, так называемое сосуществование. Хотя вряд ли... Неприемлемый для меня вариант.

Меня обижало, когда Миша мой труд в доме выставлял перед друзьями, как свои заслуги и давал понять, и даже подталкивал к тому, чтобы я еще и хвалила его. Я позже делала ему замечания, а он только отшучивался. В тот момент он казался мне ребенком с душой только начинающей пробуждаться. А он так и остался им...

- Это уж точно. За что ты его любила? Крикливый, придирчивый, сварливый как старая бабка. Позволь мне употребить это сравнение.

- Сначала он таким не был.

- Ты сама ничего от него не требовала, он не мог применить к тебе свои таланты обхождения, - осуждающе заметила я. - Надо было трясти его как грушу.

- Бесплезно. После женитьбы он не хотел для меня и пальцем шевельнуть. Я же жена и обязана быть заботливой и нежной.

- Жена - из разряда обслуживающего персонала? А он не обязан?

- Миша помнил только о своих правах. Он не видел во мне то, что видели другие. Ему нужен был чужой аркан, а еще поводок и намордник, чтобы бежать следом за кем-то, пуская слюни, угорая от восторга. Он не был забытовлен и мог позволить себе многое. А я рохля. Понимаешь, он распоряжался моей жизнью, хотя не в состоянии был выстроить свою. Такой вот парадокс. А может претендентки сами его «отшивали», предварительно выпотрошив? Ему попадались умные и самостоятельные женщины, которые не желали нянчиться с ним, как с ребенком и терпеть его своенравную мамочку. Вот он и держался за меня... Разве в молодые годы такое могло прийти мне в голову? Ох уж эта моя всепобеждающая вера в добро!

Представляешь, крушение семьи в полном разгаре, а ему хотя бы что! Пыталась образумить его или хотя бы просто спокойно поговорить, допустим, о методах воспитания ребенка, о новинках в музыке и литературе, вовлечь во что-то... Так он в стремлении придать себе значительность, утверждал, якобы не выносит пустых, разговоров - той, на мой взгляд, «неритутальной игровой составляющей жизни», которая спасает нас от тоски, украшает будни, которая, в конце концов, объединяет людей. Но не тут то было... И это при том, что ссоры в его семье не прекращались! На это его хватало. И времени не жалел. Волнуясь за здоровье и будущее сына, я останавливала мужа.

До его измен я все терпела и единственной причиной наших ссор была его мама. Разговоры о ее вторжениях в нашу жизнь, как правило, заканчивались неудовлетворенностью с обеих сторон и только разжигали во мне тоску, усиливали чувство незащищенности и одиночества. Душа мужа по-прежнему оставалась для меня недосыгаемой. Я не понимала, ругаясь, он тешит в себе беса дурного характера, или, будто бы справедливости ради, играет в ревнителя странных устоев своей семьи?

Не погрешу против истины, если скажу, что я рано поняла, что умею жить и работать на пределе своих сил и возможностей. А муж таким был только в увлечениях. Я не смогла победить эту семью. Мое мнение, что на мне в основном должно лежать этическое благополучие семьи, а на нем – экономическое, оказалось идеалистическим. Начав вольную жизнь, Миша утратил свои добрые начала, которые первое время еще сохранялись и проявлялись. Видно в нем и раньше было то, что теперь окончательно перевесило честь и совесть. Он сделался жадным, если дело касалось семьи. Также верно и то, что жадность его не удручала. Он стал считать ее нормой жизни. Оно и понятно: ему надо было экономить на нас для себя и своих увлечений, для удовлетворения необузданных фантазий. Потом, когда я вышла из декрета, мы вообще стали жить только на мою зарплату. Мое негодование не знало границ. Я чувствовала себя загнанной в угол.

- Я бы такому сказала: «Вали отсюда! Вот так. И перетакивать не будем!»

- И я, не выдержав постоянных унижений, сама себе сказала: «А пропадите вы все пропадом!» Инициатива развода исходила от меня, но решение было обоюдное. Я полностью разорвала отношения. Поняла, что пока игра идет на поле этой семейки, мне с ними не справиться. Я проиграла с позорным счетом. Даже квартиры не дождалась. Ушла в никуда. И вновь, как некогда в детстве, я обретала самоуважение.

- И теперь напеваешь слова артиста Гафта: «Мне хорошо, мне одиноко. И одиноко ей со мной». Они поднимают тебя точным попаданием в душу.

- Ты не поверишь, школьницей я была независимой, своевольной, но не глупой. Или казалась себе такой?.. Учителя шутили, мол, по ошибке девочкой родилась. Знаешь, Кира, ноша, которую мы взваливаем на себя, иногда оказывается непосильной. А тут еще моя собственная эмоциональная незащищенность... Когда получаешь удар ножом в спину, становишься на некоторое время неуверенным, неспособным сделать следующий шаг. И свекруха с ее садистской неторопливостью... ежедневно как скальпелем надрезала мое сердце... Она в первую очередь причастна к моим бедам... - добавила Мария, с мучительно искривленным ртом. Но фразы не закончила. Слезы подступили.

- Откуда возникнуть самоуважению, когда за плечами сиротское детство, молодость, оскверненная изменами любимого. В таких условиях трудно поверить в разумное, доброе, вечное. А ты верила. Что такое предательство и подлость лучше испытать и понять еще в детстве?

- Лучше бы о них вовсе не знать, - ответила мне Мария.

- Не жалеешь, что ушла от Миши? Ни для кого не секрет, что у нас принято считать, будто при любом раскладе мужчина при разводе остается в выигрыше, даже когда честно платит алименты. Дело тут не в деньгах. Он получает свободу. Развод ставит мужчину и женщину в неравное положение. Ведь все заботы о ребенке остаются на ней. И дети теряют невосполнимо много. И почему это говорят, что мужчины сильнее переживают развод?

- Кто говорит? Мужчины? Как же! Они лишаются привычной бесплатной няньки, домработницы и поддержки. А что получает женщина? Спокойствие, как правило мизерные алименты, обиду на несправедливость судьбы. Вот и суди кому хуже.

- А если бы муж взял себе ребенка? - задала я коварный вопрос.

- Доверить сына такому хлысту?

- Точно не жалеешь о разводе? - с дотошностью свекрови допытывалась я. - Выплесни

энергию обид, легче станет. Сними копоть, наросшую богатыми слоями за годы одинокой жизни.

- Выставлять душу на всеобщее обозрение не люблю, но перед тобой не стану дипломатично изворачиваться и уходить от ответа. Скажу четко и прямо - не жалею. Ребенок теряет, когда есть что терять. Раньше меня постоянно терзал вопрос, чем я смогу заполнить душу своего сына, если он будет жить в атмосфере ругани? Как я смогу оградить его от лжи? Каким он вырастет? А вдруг это будет второй Миша. Подталкивать сына к такому отцу? Да ни в коем разе. Я сменила город проживания и сказала сыну, что его отец был хорошим человеком, но очень рано умер от неизлечимой болезни, и не осталось никаких письменных свидетельств его присутствия в нашей маленькой семье, кроме фотографии, на которой Миша держит на руках его, полугодовалого. Ребенку нужен фетиш: это мой папа!

- Внушительное наследие, - усмехнулась я.

- Конечно, каждой женщине хочется, чтобы замужество было одиночным и не холостым залпом. Ведь если подумать, мало какие радости жизни могут сравниться с хорошими семейными отношениями. Строго говоря, я бы их даже на первое место поставила. Вот именно поэтому и не жалею. Я вырастила прекрасного мужчину! - гордо выдохнула Мария. - Теперь мне кажется, что Миша никогда не испытывал душевной потребности в семейных отношениях. В его планы не входило «примитивное» домашнее счастье. Насколько я знаю, он никогда не допускал эмоциональной привязанности к женщине - этой непостижимой семейной ценности, которая существовала для него только в лице матери. Выше маминого авторитета для него ничего не было. Наверное, отчасти это здорово, но зачем мне жизнь калечить? По моим сведениям и после нашего развода с ним ничего такого, кардинального, не случилось. Без ее любви и неотлучного присутствия, без этого небосвода материнской любви он не чувствует себя прочно и надежно? Ему до сих пор страшно, как маленькому детдомовцу?.. Знал бы он, домашний, залюбленный, что это такое... Затерялся он в маминых тенетах...

«Ты сбился с курса? Твоя программа зависла или дала сбой?» - как-то спросила я бывшего мужа, лелея в сердце маленькую надежду, услышать подтверждение своим словам.

«Нет, - ответил он, - я сознательно выбрал «бессемейный» путь».

И его ответ уже не оставлял места моим сомнениям. Он не хотел меняться в своей сути, в своей основе. Он существовал так, словно впереди у него было еще три жизни. Будто начерно жил.

- Как в компьютерных играх, - рассмеялась я.

- Мужчины с возрастом не меняются, по крайней мере, в лучшую сторону, только приспособляются, если это им необходимо или выгодно. Я в какой-то момент представила, что вся моя жизнь бездарно пройдет в постоянном неуважении, унижении, в полном отсутствии любви с его стороны, и мне стало жутко. Это была бы смерть при жизни. Загубить себя с никчемным человеком, вращаться вокруг него, как Луна вокруг Земли? Чем он лучше меня? Да ничем! Почему я должна быть его рабыней, тешить его гордыню? Почему я должна положить свою жизнь на алтарь жестокости и эгоизма мужа, тратить на него время, которое могу посвятить сыну?

Детство - основа, фундамент будущей жизни. Вот и посуди сама, что для ребенка было важнее - видеть глупые эгоистичные амбиции и капризы никудышного отца, или внимание не закомплексованной уверенной матери? Миша не заслуживал, чтобы я разорвала свое сердце и бросила половину к его ногам. Я не принимала решение второпях, я вовремя поставила точку, и уже без слез решала все свои проблемы. Они были многоступенчатые. Одну одолевала, другую, третью... Я лихорадочно прокручивала и просчитывала варианты, думала о том, как сохранить самообладание, чтобы жить без паники... иначе конец всем трудам и надеждам. Казалось, что сил больше нет, но я гребла, гребла и выплывала. Мне не в чем себя винить и упрекать.

Иногда я пыталась понять, куда же в Мише делось всё высокое и умное? Ведь мечтали же когда-то каждую минуту своей жизни посвятить друг другу, наполнить ее радостью взаимодействия прекрасных добрых чувств. Во что превратились наши яркие мечты?

Растерлись в порошок от мелкого примитивного быта его семьи? Я мечтала, а он поддакивал, чтобы завоевать меня? Захмутать, как говорит теперь молодежь. Почему так неумно и непутево проживал он свою жизнь?.. Порой мне кажется, что у нас страна чудовищного неуважения людей друг к другу и в семьях, и на работе. Складывается впечатление, что в нашем обществе существует система бытового унижения женщин.

- Твоя бессознательная сущность - азиатская, а сознательную часть сформировала Европейская культура. Вот они и бунтуют в тебе - пошутила я. - Досталось тебе хлебнуть горюшка при живом-то муже.

Мой голос вибрировал печально и проникновенно.

- Бывает хуже, но реже, - рассмеялась Маша и добавила:

- На пользу мне пошли уроки, извлеченные из горького опыта. Я научилась лучше понимать не только то, что происходит в семьях, но и в обществе. Жаль одного - сын, как я ни старалась, все же страдал от того, что рос без отца.

Да, ни заступником, ни защитником, ни опорой Миша нам не был. Только мать защищал, априори считая ее всегда правой. Да что теперь переживать, жизнь, считай, прожита. Свой главный спектакль я уже отыграла. Я жила честно и открыто, соизмеряя свои способности и возможности, не надевала масок и не наделяла их мистическими смыслами, как делала его мама. Я так и не научилась спекулировать ситуациями, потому что не хотела. Ничего нового, экстраординарного я не открыла. Моя жизнь - современное прочтение давнего, миллион раз переписанного и проигранного комедийно-трагедийного сценария.

Сначала я боялась, что за всю оставшуюся жизнь не изживу боль, полученную в той подлой, гнусной семейке... упырей. Замуж больше не пошла. Мне хватило одного брака. Ни о чем, кроме встречи с Мишей не жалею. Я прожила интересную, но скромную жизнь, встретила много хороших людей. Умею держать удар, не акцентируя на себе внимание.

- В масштабах нации подавление личности во имя ложно понятых ценностей может привести к вырождению, - задумчиво произнесла я.

- Ложно? Двое детей у меня тогда было. И самый трудный из них - муж. Напоследок он мне сказал:

- Сколько же в тебе жестокости!

- Не жестокости, а обиды, - поправила я его, чуть скривив уголки рта в саркастической усмешке. - И не надо свои качества мне приписывать. Слишком поверхностно считаешь характеры людей. А сколько во мне доброты и терпения так и не понял? Не знаешь? И больше не узнаешь. Не заслужил, - добавила я, как-то сразу успокоившись от мысли, что меня больше никто не будет тиранить. - Ты совсем не тот, кем себя считаешь. Ты не мужчина по натуре, самец. А по возможностям... как всегда торопишься усладить себя. Ты не добрый, нечуткий, слабохарактерный. Продолжить список твоих «достоинств»? Жестокий, беспринципный, бестактный, бесстыжий, неблагодарный, мстительный, жадный, наглый, неверный. Сам закончишь перечислять? У тебя единственный способ общения в семье - злая, изобретательная, отталкивающая ирония. Пойми, наконец, что жена и кухарка - не одно и то же.

- Куда мне тебя понять! У вас, у женщин, есть способ мышления, недоступный мужчинам, - заявил Миша.

- Вот и слушал бы меня. Умная и добрая женщина - залог успеха мужчины, вершительница его судьбы.

- Думаешь, впаду в грусть и сентиментальность? Не втравливай меня... Это не целесообразно.

- Умение навязывать свою волю - качество лидера. У меня нет гипнотической заразительности. Я могла только советовать.

- Любовь и привязанность делают меня слабее и уязвимее. Зачем они мне.

- Случались панические атаки?.. - усмехнулась я. - Ты так и не обнаружил в себе человеческое начало. Я ошиблась в тебе. И твоя мать любит только себя, а не тебя, что уж говорить об отношении к невестке. Ты как-то мне сказал, что надо занижать и обесценивать хорошие качества человека, чтобы утрата казалась менее значительной. Так запомни: я не выпячиваю и не преувеличиваю твои дурные качества, заложником которых ты являешься не от большого ума, потому что уже перекипела в тоске и обидах. Я забыла все, что было между нами. Помнить, значит продлевать свои страдания. Переживать, значит многократно проживать своё унижение. А оно мне надо?

А вот Миша заметно огорчился, оставшись без няни, и мать его тоже, лишившись объекта приложения своих отрицательных эмоций. И это при том, что она желала избавиться от соперницы. Не ожидали от меня такой решительности. Прореха у них образовалась с моим уходом. Я им все карты спутала. Миша тыркался, тыркался наугад, но так и не смог ее залатать. К пустому колодцу люди не ходят. А во мне все как-то быстро и гармонично срослось, успокоилось.

Конечно, поначалу после развода, одной трудно было с маленьким ребенком. Ничего, потихоньку втягивалась в новые условия жизни. Работала, много подрабатывала. Случалось, была шикарна и убедительна – о чем говорили мои редкие, но красивые наряды. Но мужчин к себе близко не подпускала. Настродалась за пять лет замужества на всю оставшуюся жизнь. В прошлом неудачный мезальянс, – с короткой усмешкой заключила Маша.

- Ты еще чувство юмора не потеряла? – удивилась я. – И все же мне жаль, что твои прекрасные черные глаза больше никого не осчастливили. Несправедливость опять восторжествовала.

- Иронией спасаюсь, – грустно улыбнулась Маша, «не услышав» комплимент.

- Миша помогал сыну после развода?

- Вообще забыл о нашем существовании. Дистанцию держал. А я не хотела унижаться. Он так и живет с матерью, старость ее тешит. У него нет по этому поводу рефлексии. Говорят, кошек завел. Какой любви к ребенку можно ждать от такого человека? Его и отцом-то называть язык не поворачивается.

Помнится, сыночку полтора годика было и я уже намучилась с ним, с его болезнями, без сна и отдыха, а всё будто бы доподлинно не осознавала, что он мой ребенок, моя кровинушка. Бывало, иной раз смотрю на него и думаю: неужели это я его родила? Смешно, правда? Не всем и не всегда хватает врожденного чувства материнства и отцовства. Любовь к ребенку надо выстрадать, тогда он дорог будет. А иногда врожденное отцовство вообще само не проявляется и его надо возвращать, воспитывать. А Миша ночей с сыном не проводил – мать ему не разрешала, – болезней его не знал. Только возмущался, если я, ухаживая за больным ребенком, не успевала к его приходу с работы приготовить ужин. А ты же знаешь, как у меня всегда все в руках горело. Тысячу дел успевала сделать за день. Бабушкина школа: умирать собирайся, а дело делай. Запомни, сгодится кому-нибудь передать. Меня ведь как бабушка учила: «Прежде всего, ты должна быть хорошей хозяйкой, иметь во всем хороший вкус, уважать старших, быть твердой духом, уверенной, и только потом выявлять какую профессию хочешь приобрести». Для правильной семьи она меня готовила. А для Миши важнее всего был его личный комфорт и покой его мамы. Только это он ревностно оберегал.

И вдруг Мария улыбнулась ласково и радостно:

- Старший внучок в армии служит. Все у него там хорошо. Жду-не дождусь его. Маленький на подходе. Море его привлекает. Что мне еще надо? Здоровья бы только побольше. Счастья в одни руки много сразу не дается, оно по крохам собирается нами.

Мне один человек сказал, что я настроена на неприятности и всегда предполагаю худшее и поэтому не знаю, что бываю моментами счастлива. А я ему объяснила свою позицию так: «Допустим, жду плохого результата и вдруг повезло, не случилось беды – и я безмерно счастлива! Если кто-то всегда надеется на лучшее, ждет, мечтает, а радости не случаются или происходят беды, то он постоянно разочаровывается и даже когда повезет, уже не так радуется, как я». Но мой знакомый ответил, что ожидание счастья, тоже счастье. «Наверное, вы оптимист, но я остаюсь при своем мнении», – ответила ему

я. Мне кажется, в своем мнении я не одинока.

- Миша после вуза продолжал играть в преферанс?

- Конечно. Но от запойной игры его спасала постоянная компания в меру азартных игроков, знающих, когда надо остановиться. Риск-риском, а из бюджета не выходи! Вот и не прижился он там. Говорил, что мало эмоций, что скучно ему со стариками играть.

- А где теперь Саша, ну тот, который любил тебя в студенческие годы? Дышать при тебе боялся, пылинки с тебя сдувал. Какой был парень - высокий, красивый, деликатный, умница редкий! В любом деле докапывался до истины. Характер - золото. Внешне - не унывающий, всегда на позитиве, но внутренне углубленный, тонкий. Втайне писал задумчивые печальные философские стихи. Помню его ошеломляющее обаяние молодости, искрометность и при всем поразительную скромность. Он мог бы составить твоё счастье. Почему ты променяла его на Мишу? Любовь? Весь курс был шокирован, когда ты замуж вышла. Мишка твой... нудный, сил нет.

- Усмешка судьбы... Что теперь жалеть? Студенткой я совершенно не понимала жизни за пределами дома и вуза, в голове были одни лекции. Может, потому что училась отлично. Негде и некогда было набираться жизненного опыта, а мама Мишу посоветовала, мол, мы с ним одной крови. Может, замуж надо выходить в более зрелом возрасте?

- Вряд ли это помогло бы. Я, считай, жизнь прожила, а до сих пор не поняла, почему мужчины так ценят случайные связи. Может, потому, что они овеяны романтикой? «У меня ее до фига и больше... Будто свежая кровь вливается. Старые меха лучше работают», - так шутил один мой сослуживец, объясняя свое непостоянство. Измены щекочут нервы мужчинам, подчеркивают их значимость или здесь что-то другое, недоступное женскому пониманию? Может, они не так как мы, расставляют приоритеты? Мы-то стремимся найти мир в семье. И в себе хотим достичь гармонии, обрести душевную целостность.

- Элементарная распушенность и вседозволенность. Разве Миша был темпераментней меня? Это далеко не так. Подыгрывала я ему. Меня постоянно преследовали эротические сны, в которых любимый мужчина овладевал мною, и пережитые во сне ощущения во много раз превосходили реальные. Эти сны - верный признак физической неудовлетворенности. Но я же не мчалась на сторону искать другого мужчину. Я понимала, что этим оскорблю мужа, и, прежде всего, себя унижу до уровня тех, кого презираю. А Миша, чувствуя свою слабость, унижая меня изменой, стремился залечить уязвленную гордость и тем самым доставить себе удовольствие?

Мне кажется, если мужчина по натуре кобель, ему хоть золотую женщину дай, он все равно побежит на сторону. Иногда я сомневаюсь, умеют ли мужчины любить кого-то, кроме себя и ставить свои личные интересы ниже интересов семьи. Может, это дано только женщинам? Тогда это трагедия.

- К чему такая категоричность? Женщины любят сильнее, а мужчины расчетливее. Женщина должна разборчиво искать более умного и здорового партнера. А ты нарушила Закон естественного отбора, полюбив слабого и не очень умного, за то и наказана. Ты позволяла себя уничтожать и растаптывать. Не любовь у тебя к Мише была, а жалость, - сказала я.

- Получается, что умные женщины менее жалостливые?

- Жалость после ума, на втором месте должна стоять.

- Знаешь, последние месяцы перед разводом даже само присутствие Миши доставляло мне физическое страдание. Помню его жалобы: «Когда любишь, становишься уязвимым, веришь сплетням, мозги отключаются, все на острие чувств...» А я ответила: «Такое бывает, когда только себя любишь». А он мне заявил: «Я не могу принадлежать кому-то».

«Конечно, ты не принадлежишь даже себе, ты в полной собственности у своей матери», - объяснила я ему.

Разорвав путы, я смелее стала и в словах, и в делах. В душе наступило умиротворение, какого давно не ощущала. А при воспоминании об его матери меня до сих пор трясет.

Она из меня всю душу вынула. Из-за нее я утратила волю к жизни. Она, как вампир, высасывала из меня все силы. Получалось так, что спорь не спорь, она заранее во всем права. Я ничего не могла ей доказать своей четкой железной логикой. Поневоле вспомнишь великого мыслителя Сократа, которого сварливая жена считала никчемным.

Я становилась с его мамашей бессловесной, у меня не получалось донести до нее свое понимание их жизни. Делая и говоря гадости, она, как змея, нагло глядя мне в глаза, изучала мою реакцию, будто желая удостовериться в достигнутом эффекте. Она меня просто гипнотизировала своим пренебрежением к моей личности, грубостью. И молчанием, подавляла меня, лишала индивидуальности. Ни с кем больше я не ощущала себя такой незащищенной, даже в какой-то степени... бестолковой. На дух не переношу ее. Даже не здороваюсь при случайной встрече. Если бы я могла ее понять, может, и простила. Она же не только мне, но и сыну своему жизнь испортила.

Мой развод был осознанным решением. Я не знала бы покоя, пока она вхожа в мой дом. С нею мой мозг постоянно работал бы в аварийном режиме. Я вырвалась на свободу из мира ее представлений и понятий. Теперь она не имеет надо мной власти, и я живу простой, открытой жизнью, - на ноте сдержанно-радостного оптимизма закончила Мария свою грустную историю. - Личность священна. Если бы это понимали все люди... За годы замужества ничего позитивного в себе я не растеряла, хамелеоном не стала. И это уже хорошо.

- О величие трагического конца! Ты не пыталась еще раз выйти замуж, потому что никто приличный на заметку не попал? А вдруг настигла бы тебя поздняя счастливая любовь?

- Шутишь? Не для того разводилась, чтобы снова на себя хомут надевать. Шило на мыло менять, только зря время терять. Я больше не верю мужчинам. Ничем меня не усугубить. Я теперь кошка, гуляющая сама по себе. Ко мне так просто не подступиться. Еще раз пройти этот путь? Нет! - горячо возразила Мария. И добавила с усмешкой:

- Чужие подштанники стирать?

- Но они могут стать своими, если полюбишь.

- Родными они никогда не станут.

- Помнишь слова режиссера Леонида Филатова? «Женщины шутят всерьез». Принимая во внимание, что судьба изменчива, может, не стоило отвергать другие варианты? А вдруг начался бы новый счастливый виток твоей жизни? Больная душа не молчит, кричит внутри себя. Ее любовью лечить надо.

- Будет тебе. Нажилась с Мишей под завязку, многое постигла. Свысока на мужчин гляжу. Поверь, я не рисуюсь.

- Он все сделал, чтобы ты превратилась в феминистку?

- Не стала я ею. Один раз, вытащив из колоды, как шулер из рукава, карту, меченную бедой, больше не рисковала. Лучше быть одной, чем с кем попало.

- Ты думаешь, твоя жизнь была заранее запрограммирована?

- Я верю, что предстоящие события на самом деле часто отбрасывают из будущего свои тени и посылают сигналы, которые воспринимаются не всеми, а особо чувствительными людьми. За свою жизнь я многократно имела возможность в этом убедиться. Например, я видела во сне своего будущего мужа примерно за год до нашего знакомства, но потом совсем забыла об этом факте. Будто кто-то стер его из моей памяти. Я понимаю, что сны - не телеграммы с того света, а наши собственные внутренние переживания. И все же судьба указывает нам направления на главные события жизни, подбрасывает варианты, а уж как человек ими распорядится, как поведет в той или иной ситуации, зависит только от него. Сумела бы я повлиять на поведение мужа, не плакалась бы теперь тебе в жилетку и не утверждала, что моя судьба - расколотый... гнилой внутри орех, - усмехнулась Мария. - Единственно, чему я до сих пор по-настоящему, но по-доброму слегка завидую, так это счастливым семьям, где царит любовь, уважение и еще нежность, потому что она особая ипостась доброты. Наверное, истинно счастливыми жизненный путь суждено пройти лишь избранным. Может быть, эти семьи отмечены

божественной благодатью. Идут, бывало, такие люди навстречу мне и просто так улыбаются, буквально светятся счастьем...

Моя душа закалилась в десятках жизненных потрясений, и я считаю себя способной сделать все, чтобы семья моего сына была такой. Прежде всего, не лезу в их дела. Сразу попросила жить отдельно и строить свой уклад. С внуками, конечно, нянчусь. Они утешают мои прежние печали. Живу – лучше не бывает: скромно и счастливо. Но семена вечных сомнений и тревог всегда присутствуют в моей душе. Такой мой характер. С высоты своих прожитых лет, могу утверждать только одно: «Мне следует возблагодарить Всевышнего за то, что он продляет мою жизнь, дает мне здоровье и позволяет радоваться жизни».

Столько прожито, сколько пережито... Велик багаж моего жизненного опыта. Уже ничему не удивляюсь, никому сильно не завидую... «И, надышавшись небесами», – помечтав, возвращаюсь на грешную землю, чтобы, пока есть силы, продолжать делать что-то полезное для своей семьи и окружающих меня людей.

Поговорила с тобой и будто боль с души сняла. Если бы раньше позволяла себе открываться, мне, наверное, было бы легче, я бы не болела так часто. Представляешь, тридцать пять лет всё в себе держала, тебе вот только выложила.

– Вот и умница, что расслабилась.

– Ой, – вдруг опомнилась Мария, – светает уже! А столько еще не обговорено, вместе не обдуманно! Хватит посиделки разводить. Давай скорее ложиться спать, хоть пару часиков вздремнем. Разболталась же я! И отчего это ночь и тишина возбуждают желание предаваться воспоминаниям? А они как фантомные боли...

– Не кори себя. Выплюсь дома. Я так рада тебя видеть и слышать! Давай переписываться, звонить и в гости друг к другу ездить? Теперь, когда дети выросли, мы можем позволить себе общение. С внуками приезжай. Ладно? – с надеждой в голосе прошептала я.

– Я пока надолго не могу отрываться от дома, старики на мне. Они как малые дети. Только дети не осознают своей зависимости, а старые люди очень даже это понимают. Одни жалеют своих взрослых детей, а другие, видно уже в маразме, измываются над ними. Мол, вы нас мучили в детстве, теперь мы вас будем донимать.

Маша соскочила с кушетки и подала мне общую тетрадь в потертой кожаной обложке.

– Будет у тебя повод приехать ко мне, вернуть дневник, – сказала она. – Я иногда, когда бывало совсем уж немого, иногда записывала свои стоны.

– Обязательно, – закрывая глаза, пообещала я.

– Подожди, возьми еще и Зоин. Дневник тоже помогал ей снимать напряжение. Там столько пережитых ею горьких моментов! Такая работа души! Почитай, сравни с собственной жизнью, может, что полезное для себя извлечешь, а потом Лене отдашь. Я обещала ей выслать, но через тебя передать надежней будет.

– «Бу сде!» Помнишь, как мы любили сокращать слова?

– Еще бы!

Усталость взяла свое. Через несколько минут дом Марии представлял собой тихое сонное царство.

А я лежала и думала: «Почему говорят, что чем больше воспоминаний, тем меньше места в душе для мечты и фантазии? По крайней мере, вместе с воспоминаниями из нее уходят обиды и тоска. А уж чем она заполняется...»

Дневник замужней женщины

1

Слава давно спит сном праведника, а Кира все еще ворочается, вздыхает. Теперь она уже мысленно листает дневник Зои. Иногда ее память задерживается на отдельных страницах, и она, лежа с закрытыми глазами, будто заново их перечитывает.

Мы шли по проспекту. Митя смотрел на меня с ревнивым беспокойством, одолевавшим его все чаще и чаще. А я, понимая его взгляды, радовалась, немного гордилась и от этого чувствовала себя уверенней, распрямлялась, приподнимала свой курносый носик и смело шла навстречу потоку людей, слегка восхищаясь собой, своей любовью к нему, счастливая, девятнадцатилетняя. Весь мир был мне близок и понятен, люди доброжелательны, а будущее – светло, удивительно и прекрасно! Мне казалось, что в Мите есть то, что я ценю в мужчине: порядочность, достоинство, интеллигентность, качества, которые рифмовались с моими, и что и он нашел их во мне.

Потом Митя стоял передо мной на коленях и говорил, говорил... О милый бред! Твои святые заверенья – как я любила их! Ах юность, ах милая искренняя вера в счастье!

Прошел год. Митя плакал от бессилия, кидался на меня с кулаками по-детски бестолково, отчаянно и горько. Я удивленно отводила его нервные руки, жалея его ревнивую глупость. Мальчишеский, искривленный обидой рот... суетливые, неловкие движения пальцев, утиравших слезы, вытекающие из-под огромных смешных очков, делавших ситуацию немного комичной, ослабляющих накал страстей. Он требовал объяснения моего отсутствия ночью в общежитии. А я, сама еще не разобравшаяся в своих чувствах к Георгию, немного злилась на Митю за покушение на мою свободу, за его претензии. Я сама еще не успела четко оценить ситуацию, не знала, что ответить и это раздражало.

Мне было понятно Митино, хоть и неправильное по моему мнению, но проявление любви. И все же варварская форма выражения чувств, поток незаслуженных обвинений, в горячке брошенные грубые слова шокировали меня, вызвали гнев и желание избавиться от раннего незваного гостя. Мне, не в пример некоторым девчонкам, заглядывавшим в приоткрытую дверь моей комнаты, не нравилось, что этот интимный разговор происходит при свидетелях. (Мои подруги тактично вышли). Я понимала, что по всему коридору общежития бегут шепотки, ведется анализ происходящего, с предположениями, фантазиями, может быть даже с оговорами недобросовестных завистниц, а может и с сожалениями, конечно, в адрес Мити.

Меня смущало, что разговор шел не на равных. Я, по причине неожиданности Митино прихода, не сообразила встать с постели и принимала горячие упреки лежа. А он, сидя на стуле рядом с моей койкой, не догадываясь освободить меня из плена. До этого ли ему было? И все же я выскочила из комнаты, обернутая простыней, вся раскрасневшаяся, взлохмаченная, со следами слез на припухшем после сна лице. Я не считала себя виноватой и оставляла за собой право разрешать сложившуюся ситуацию не торопясь, осмысленно, прочувствованно, не давая скоропалительного ответа нервному, возбужденному, всклокоченному обидой и недоверием молодому человеку.

Почему он диктует, почему требует ответа, на каком основании командует? И это при том, что сам перед этим без всяких объяснений исчез на целых десять месяцев?! Да, я избегаю его вот уже неделю. Мне замыкаться на пустых мечтах о нем? Явился, не объяснил где и почему пропал, не извинился, да еще предъявляет претензии! Мое право убедиться в своих чувствах к нему и к тому, другому, неожиданно возникшему на моем горизонте. Мне было очень интересно в компании доцентов и профессоров. Меня привлекало все новое в каждом из них. Я вгрызалась, въедалась, пыталась изучить, понять их, найти особенное или опасное для себя, чтобы не подпасть под чье-то случайное влияние и обаяние. Я хотела осознать: мне хорошо было в новой компании, потому что среди них был Георгий, или просто приятно щекотало нервы внимание как моей персоне всех членов его кафедры? А такое сразу не оценишь, тут время нужно. Технар, а не понимает, что все познается в сравнении, и требует анализа. Приревновал к Георгию! Он с пяти утра ждал меня у преподавательского общежития! Блузка, видите ли, у меня была помята. Душераздирающая драма! Малахольный! Это же означает, что я спала одетая.

Как я заговорила! Сухо, зло, без ярких эмоций. Будто не о человеке речь идет, не о его чувствах, а об обычном научном эксперименте. Может, я разлюбила Митю и поэтому увлеклась Георгием? Как же! Преподаватель, свободный. Это не флирт с женатиком с целью обворовать и заполучить хотя бы на время, как это было у Зинки, или с дальним прицелом, как у Захаровой из соседней комнаты. Здесь возможно что-то настоящее, серьезное. С его стороны явная влюбленность: бегаёт за мной по парку к мальчишка, пыгается поцеловать и боится! Мне знакомо это трепетное чувство! Какая осторожность, даже боязнь в его-то двадцать семь! Захотел свежих чувств? А я? Они сами нахлынули и поглотили меня до дрожи во всем теле. Может, тоже влюбилась? Больше похоже на любопытство?

Да, мне приятно знать, что он преподаватель. «Бьет клинья» тут к одной нашей красавице преподаватель: красивый, больной и вечно пьяный по причине – с его слов, – ее отказа. И моя однокурсница жестко, хитро, целенаправленно отбивает женатого с ребенком. Ловушки ему устраивает. И ведь добьется, дрянь! Нет, подобное я презираю. И хахалю однокурсницы ненавижу за то, что тот, слюняй, позарился на девицу.

У меня по-другому. Все по-честному. А если это блажь? Почему я не хочу отвечать Мите? Потому что не уверена в его и своих чувствах. Говорят, любовь проверяется именно такими ситуациями. Станет ли Митя ждать, пока я удостоверюсь в надежности нашей с ним любви? Как он поведет себя? А сам примчался ко мне только после того, как узнал о Георгии! А где и с кем до этого пропал? Пусть уезжает на каникулы без окончательного ответа. Это единственный выход. Нам троем надо врозь помучиться лето и сделать правильные выводы. О ком буду скучать, тот и станет моим избранником.

Рядом на странице дневника вклейка и приписка чернилами другого цвета. Видно, что сделана была много позже.

«Такова предыстория. Не могла я тогда предположить, что это невинное празднование окончания учебного года в компании преподавателей, окажется «пунктиком» в нашей дальнейшей семейной жизни и всю жизнь гвоздем будет сидеть в мозгу моего мужа. А всему виной был юношеский комплекс, миф о его будто бы мужской несостоятельности, сформированный матерью, с детства ежедневно толкующей о его слабом здоровье, и ее

утверждение себя как главного и единственно верного друга в жизни сына.

Митя рассказал матери о нашей ссоре, не упомянув о своем десятимесячном отсутствии в моей жизни, о том, что без моего контроля забросил занятия и чуть не вылетел из вуза. Он будто вычеркнул из памяти то, что послужило причиной моего знакомства с Георгием. И мать в дальнейшем постоянно напоминала сыну, о факте моей «неверности». А мы с Георгием даже ни разу не поцеловались. Не знаю, это ли было причиной ненависти ко мне его матери или ее ревность? Собственно, матерям всегда кажется, что ее ребенок достоин лучшего. Но не в такой же гипертрофированной форме!

Не смог Митя простить мне одного дня мнимой «измены». А свои месяцы забыл? Не хотел понять, что для проверки моих чувств этот случай был решающим, определяющим. Именно он привел меня к мысли, что наша встреча на туристическом слете не случайное переплетение маловероятных обстоятельств, а судьба. Именно встреча с Георгием заставила меня всерьез задуматься о будущем, прояснить для себя самые важные аспекты дальнейшей жизни, понять, что не положение Георгия в обществе, ни деньги, а его, Митина любовь и забота мне нужны. А что ему рисовала его заниженная самооценка?

Да, мне было интересно в компании Георгия. Засиделась я. В свое общежитие идти было поздно, там в двенадцать вахтеры запирали двери. Коллеги Георгия нашли пустую комнату, матрас и подушку. Легла я в одежде, но долго не могла заснуть. Георгий зашел через полчаса и устроился в другой части комнаты. Объяснил приход тем, что заведующий кафедрой погнал его охранять меня, потому что дверь была без замка. Приставать не пытался. А через год при случайной встрече на проспекте объяснил: «Считал, что девушка должна сама проявить инициативу». Еще отшутился: «Меня сторожила моя бывшая зазноба. Я при всем желании не рискнул бы к тебе приблизиться».

Еще одна приписка: «Оказывается, патологически ревнивая мать внушила Мите (с его подачи!), что я лгунья, и он ей безоговорочно поверил, как всегда верил всему, что она говорила. Они сделали меня без вины виноватой. Как Митя в этом похож на моего отчима! Тот тоже свалил на мою мать весь груз вины за несчастье, произошедшее с нею, и всю жизнь позволял себе все, что хотел. Ему так было выгодно. И это при том, что у самого произошла более прозаическая история с одной девушкой, результатом которой было рождение внебрачного ребенка. Но себе он быстро простил это «недоразумение».

Боже мой, в суете студенческой жизни, в борьбе за кусок хлеба мы не находили времени поразмыслить. А может, еще и не умели. Были самоуверенны, самонадеянны, считали, что все будет так, как захотим. Мы не учитывали влияния родственников, а свое преувеличивали. Ах, милое, доброе, наивное, счастливое время! Мечты, надежды! Суеверия. Судьба, свыше данная... Какая глупость! Была ли в этих мечтах реальная составляющая? На что мы в них опирались?

Опять Кире описанное в дневнике студенчество Зои вспомнилось.

«Еще один слет туристов. Поход, палатки, огромный костер, песни под гитару. Мы юные и счастливые. Медовый месяц. Ночь. Любимая песня из приемника в исполнении Адамо. Она такая нежная, искренняя! И вдруг мое сердце пронзила странная острая боль. Раньше я ничего подобного не чувствовала. «Буду ли я счастлива с Митей?» Адамо пел, а я плакала, словно прощалась с чем-то очень хорошим и важным. «Что это? Предчувствие? Почему так стонет мое сердце? Еще минуту назад я чувствовала себя счастливой. Почему именно на эту знакомую прекрасную песню мое сердце впервые отозвалось нестерпимой пронзительной болью, и я ощутила себя беззащитной? Разве можно что-то предчувствовать? Это страх неизвестности, как тогда в лесу... в детдомовском детстве? Поверить в предчувствие, значит поверить в заранее запрограммированную жизнь. «Этого не может быть, потому что не может быть никогда!»

Кира улыбнулась. Свои студенческие годы замелькало перед закрытыми глазами...

Вдруг почему-то в ее воспоминания вклинился случайно услышанный в автобусе разговор двух женщин.

- Твой муж щедрый, внимательный?

- Нет. Раньше денег не имели – была причина быть прижимистым, а теперь нет оправдания его жадности. Скряга. Даже продукты сам покупает.

- И никогда с шиком ничего не дарил? Если человек жаден ежедневно, то у него иногда возникает желание сделать широкий жест.

- И этого не случается, потому что такие жесты не бывают дешевыми.

- Тяжелый случай. Генетическая скупость – страшная вещь. Нищее детство? Но я же помню, как на восьмое марта он преподнес твоей соседке шикарные розы, да еще с какой помпой!

- А мне ветку перезревшей растрепанной мимозы. Перед чужими людьми ему всегда хочется показаться изысканным, обаятельным, чтобы все им восхищались. Создать о себе надолго хорошее мнение на стороне можно отдельным штришком, а для своей семьи надо каждый день стараться. «Много ей чести, обойдется», – считает он. Своя семья обязана принимать его таким, какой он есть на самом деле. Жадный человек жаден не только в деньгах. Он и душу не хочет тратить на близких. Я где-то читала о биохимической природе этого явления...»

Кира сердито встряхнула головой, отгоняя ненужную, чужую, «приблудную» информацию.

2

Кира снова перебирает в памяти отдельные, особенно запомнившиеся ей отрывки из Зоино дневника. Они складываются в некоторую достаточно понятную картину ее трудной, во многом неудачной жизни.

Приехала к мужу в гости. Поразила убогость жилья, скученность людей на маленькой площади. Две малюсенькие проходные комнатки в доме дореволюционной постройки – «апартаменты», видно, полученные его отцом сразу

после войны. Квартира барачного типа, без каких бы то ни было удобств, без батарей отопления. «Рациональный аскетизм, без излишеств». Не похоже, что здесь обитает семья начальника крупного производства. Виду не подала, что шокирована. Успокоила себя: «Я тоже нищая, не пропадем. Сейчас многие так живут. Мне еще год учиться. К тому времени, когда я окончу университет, Митя квартиру получит. Так ему обещали, когда на работу брали».

Ехала к Мите. В вагоне нас было двое. Пожилой попутчик рассказывал, что он врач. Я с интересом его слушала. Вдруг он накрыл своей ладонью мою руку и спросил: «Вы чувствуете мои биотоки?» Я раздраженно отдернула руку и заявила, что ощущаю биотоки только своего любимого мужа. И добавила: «А мужчины чувствуют всех женщин подряд? Тогда это ужасно!»

Попутчик извинился и стал рассказывать, что он вместе с грузинским врачом изобрел для женщин новый метод предохранения – спирала, что эта идея пришла к нему, когда он увидел зонтик, вывернутый «наизнанку» сольным порывом ветра. Я слушала с недоверием. Тогда он объяснил, что едет на конференцию и принялся выкладывать на столик документы, подтверждающие его принадлежность к касте ученых. Я немного успокоилась.

И вдруг пассажир поставил портфель себе на колени и начал странно ерзать. Глаза его остекленели... Я в брезгливом ужасе бросилась в соседнее купе. А он жалобным голосом просил не уходить, иначе у него ничего не получится. Меня била дрожь, а попутчик извиняющимся тоном рассказывал, что еще будучи студентом мединститута, впервые увидев прекрасное женское тело, и не сдержал... И с тех пор, на любой операции, если у женщины там, внутри, все устроено красиво, он не может... А теперь, даже просто глядя на обворожительную женщину, он представляет... «Не бойтесь меня, я безвредный. Простите...» – слышала я из-за перегородки его смущенный голос.

Примчалась к Мите в растрепанных чувствах. Рассказала. Он посмеялся над моими страхами.

Задержалась на занятиях и поехала к мужу на вечернем рабочем поезде. И опять в вагоне нас было только двое: я и ветхий старичок. Вдруг по узкому проходу пробежала шумная компания подростков. Я не успела их рассмотреть, но что-то в них насторожило меня. Через несколько минут они снова промчались мимо нас. Но теперь они гнались за девочкой лет пятнадцати. Полудрема вмиг слетела с меня. Голова заработала короткими пулеметными мыслями-очередями. «Чем могу помочь? Ничем. Их больше дюжины. У них ножи. Проводников здесь не бывает». «Если этой девочке удастся сбежать, спрыгнуть с поезда, они за ней побегут или за меня возьмутся?» «Что мне делать?»

Накинула капюшон плаща на лицо. Прижалась к сонному старику. Может, за его старуху сойду. Дрожу так, что зубы стучат. Пытаюсь искать выход. Мозги от страха заledenели. Опять свора промчалась с диким гиканьем и криком. Понимаю, что в азарте меня не замечают. У них уже есть цель. Я не могу перейти в другой вагон, чтобы позвать кого-то на помощь. Бедную девочку гоняют туда-сюда, не выходя за пределы трех ближайших вагонов. Да и кто рискнет... Понимаю, изматывают, несчастную... Может, себя заводят, наслаждаясь охотой... Господи! Когда же ближайшая остановка? Рабочие спасли бы... Я слышу истошный крик, потом дикий вой... Я уже ничего не слышу...

Приписка. «Я больше никогда в жизни не ездила в ночных рабочих поездах даже с мужем. Паника в душе возникала, даже когда просто мимо них проходила».

Ура! Диплом в руках. Съездила в деревню. Окончательно переехала к мужу.

Сели завтракать. Разговоры только о болезнях. На столе хлеб и картошка в мизерных количествах. На блюде несколько тоненьких кусочков моего любимого деревенского сала. Я его много привезла в подарок от моих родственников. И это на семь взрослых человек? Как говорят в нашей деревне: «Его мне на один зубок мало». Не больно-то подхарчишься за их общим столом. Какое же здоровье может быть при таком скудном питании? Ничего, завтра же переберемся в общежитие. У нас будет свой бюджет. Нет, сначала устроюсь на работу. Муж, насколько я поняла из его невнятного бормотания, так и не поднял на заводе вопрос о моем трудоустройстве и даже почку не прозондировал. Меня обязаны принять и все. Не сумел? Побоялся? Его не уважают, не ценят? Он что-то скрывает?

Пошла устраиваться на работу. В отделе кадров присутствовала при телефонном разговоре начальника с кем-то, находящимся на другом конце провода.

– Иван Ильич, молодой специалист прибыл.

Голос из трубки:

– Баба?

– Да.

– Спроси, есть ли дети, и в каком возрасте.

– Спросил, нет.

– Будут. Гони ее, – грубо посоветовал, как я узнала позже, начальник цеха, в котором работал мой муж.

Я стояла рядом. Разговор, как мне показалось, велся умышленно громко, и я четко слышала каждое слово обоих руководителей.

Потом человек, ответственный за кадры, повернулся ко мне и сказал:

– Пойдете в цех слесарем, работа посменная: две дневных и три ночных.

Я понимала, что бесполезно возражать, но не утерпела, высказалась:

- Я папальник четыре года в руках держала, когда в НИИ работала, и уже имею право на инженерную должность.
- Нет вакансий. Или соглашайтесь, или пишите отказ - вот и весь сказ.

«Наперебой инженерские должности не предлагают. Рабочие специальности востребованы, - поняла я.

Я слышала, что на заводе даже к мужчинам-специалистам с высшим образованием настороженно-неприятно относятся. И ко всяким нововведениям тоже, особенно к компьютерам. От того-то прогресс у нас буксует.

Руководство цеха встретило меня презрением и издевками:

- Ха! Баба-физик!
- У меня две научные статьи в центральной печати, - гордо заявила я.
- Это вам не НИИ. Здесь работать надо, план выполнять.

Не ожидала я такого приема, растерялась. Подумала: «Проверяют «на прочность» или вообще хотят избавиться?» Сначала мужественно защищалась, отстаивая свои права и достоинство. Но их было трое, на вид интеллигентных, опытных, насмешливых. Молодые, лет приблизительно по тридцать пять. Лица сытые, самодовольные. В креслах сидели вульгарно развалившись. Поняла, что если им придется взять меня на работу по закону, то все равно затуркают и карьеру сделать не дадут.

Предложили ставку слесаря в ночную смену. Пряча, набегающие слезы, написала под их диктовку отказ. Услышала вздох облегчения и довольный смехок в спину - сбагрили! Получила, по сути дела, пинок под зад. Но, уходя, с усмешкой заметила, что мир без них для меня не рухнет. И снова помчалась искать работу. Пришла на другой завод. Захожу в цех - заблудилась в постройках-пристройках, - а там - о ужас! - женщины на цементном полу на коленях руками какую-то массу в формы утрамбовывают, будто пироги печь собираются. О какой науке здесь можно будет говорить? Семнадцатый век! А на фронтоне здания плакат высокопарно сообщает о том, что завод занимает первое место среди предприятий данной категории. Я оттуда припустила так, словно принимала участие в соревновании по бегу на спринтерские дистанции.

Нашла преподавательскую работу в училище, но без общежития. В перспективе обещали быстрый рост. Специалисту, окончившему университет, полагается ставка чуть большая, чем тому, кто из пединститута или политехнического. Но сразу нашлась недовольная, стала повсюду говорить, что она уже десять лет здесь работает, а мне за красивые глаза большую ставку дали. Сплетни пошли, мол, тут все ясно... Я злюсь, Митя бесится, на стенку лезет. Каждый слышит то, что хочет слышать.

Любку из НИИ вспомнила. Она была двоечница. Любовник-преподаватель с большим трудом «протолкнул» ее на вступительных экзаменах и потом, во время каждой сессии бегал по друзьям и выпрашивал для нее тройки, о чем, не стесняясь, она сама рассказывала сокурсникам. От нее я впервые услышала в свой адрес, сказанное в присутствии всей нашей группы, гадкое грязное обвинение, будто я сплю с преподавателями за отметки. На первом курсе я являла собой тощее длинное существо, недоразвитое не только в физическом, но и в бытовом плане. Я была мечтательной девочкой, выросшей на хороших книгах, не знавшей подводных рифов обыденной жизни, круглой отличницей. Поэтому в первый момент представила себе, как укладываюсь в постель то с преподавателем, то с преподавательницей... И у меня в голове ничего не сложилось. Но когда увидела Любкину скабрёзную ухмылочку, до меня на уровне интуиции дошло, что она мне «клеит». Я растерянно пролепетала: «Придет же в голову такое» и залилась слезами. Студенты не поверили Любке, принялись меня успокаивать... Но я так отчетливо и остро ощутила свою неспособность защититься от лжи, что почувствовала себя самой несчастной на свете. Мне расхотелось жить...

Сплетни не затихали и через полгода, чтобы предотвратить развал семьи, я уволилась из училища.

Устроилась в медицинском институте инженером-электриком. Обещали золотые горы. Не поверила, но деваться было некуда. Городок маленький, провинциальный, районного масштаба. Всего-навсего один институт в наличии. В школу не пошла. Еще в седьмом классе поняла, что это не мое. Рада, что повезло с вузом. Мечтаю преподавать и серьезно заняться наукой.

Добилась четверти ставки ассистента на условиях почасовой оплаты. Для начала неплохо. Активно проявляю себя в общественной работе. Уже через месяц меня выбрали в профком!

Суббота. Пришла с работы. Митя встретил на пороге с выпученными от злости глазами и сразу, не говоря ни слова, буквально поволок меня куда-то. Попытки по дороге выяснить причину гнева ни к чему не привели. «Давай, получиай свое письмо!» - истерично потребовал он у самого окошка «до востребования». Мне было стыдно перед работниками почты за бестактное поведение мужа, но чтобы не разжигать скандала, я послушалась. Писем не было. На улице супруг, дрожа от ярости, стал упрекать меня в обмане, в связи с тайным поклонником. «Кто тебя накрутил? - возмутилась я. - Покидая университет, я с подругами договорилась, что они пока будут писать мне «до востребования», потому что адрес общежития, в котором мы с тобой собираемся жить, мне еще известен. В чем ты видишь криминал? Я же уезжала в неизвестность, потому что не предполагала жить с твоими родственниками. А со мной ты не мог поговорить, прежде чем позориться перед чужими людьми? Твой город хуже деревни. Завтра весь район будет знать о твоей глупой ревнивой выходке, а гадкие люди начнут тебя травить. Ты поставил под удар не только мою репутацию, но и свою. Муж моей тети был паталогический ревнивец, все нервы ей вымотал. Люди встречаются очень жестокие. Зная его «пунктик», они нарочно дразнили его, разжигали ревность. Этого ты для нас хочешь? Думай, прежде чем что-то делать, советуйся со мной. Мы теперь семья. Да, кстати, где твое обещанное общежитие?»

Кире разговор с Зоей по телефону припомнился.

- ...Узнала, что опять беременна. Беспокоило то, как на этот разотреагирует на известие семья мужа. Ведь замолчать эту новость с моим токсикозом не удастся. И вдруг перед работой подсаживается Митя ко мне на диван и

льстиво так начинает разговор. Я удивилась: «Что это с ним? Давно таким не видела». А он принялся уговаривать меня освободиться от бремени!

«Твоя сестра замужем, ждет ребенка. И вторая вот-вот выйдет. Все счастливы. Кому мы теперь мешаем? Ты хочешь, чтобы я стала бесплодной и потом бросить меня?» – возмутилась я.

«Я не брошу тебя, мы ребенка из детдома возьмем», – вяло соврал муж.

Тут я взбеленилась.

«Что за детский лепет на лужайке? Ты своего не хочешь, как ты сможешь чужого полюбить? Опять чем-то наш будущий ребенок твоей матери не угодил? Сам подумай: на одной чаше весов капризы твоей матери, на второй – мое здоровье, наш будущий ребенок и наше счастье. Что тебе важнее? Зачем тогда женился, если семья тебе не нужна? Нет уж, больше я вас слушать не стану. В любом случае рожу. Если тебе ребенок не нужен, то мне он необходим. Больше не позволю мною командовать! Какой ты мужчина, если даже в таком важном вопросе на маму полагаешься?»

– «Проникновенная» история! – саркастически заметила я. – Один мой знакомый женился только потому, что на тот момент ему нужна была моральная опора. Любимая девушка его бросила. Вот он нырнул и спрятался в тихой бухте любви другой. А когда у него все «устаканилось», он развелся. Эта женщина ему больше не нужна была. Но ребенок-то уже родился! Им что, ложиться под электричку? Кто у нее зиму из души вытащит и весну вложит?»

– Я не отступила и поначалу сразила родню мужа своей непреклонностью. Тогда я еще не представляла, сколько гадости и мерзости с их стороны за собой повлечет мое категоричное решение.

– Можно подумать, что для тебя это было новостью или чем-то из ряда вон выходящим, – с усмешкой заметила я. – Откуда в тебе такая беззащитность?

– Я вообще-то смелая, но ранимая. Я умею кулаками защищаться, а тут грубость должна быть в наличии. Я молча терпела ругань родни мужа, потому что никому не хотела делать больно. А в уме говорила себе: «Под каждой крышей свои мыши. Бог их простит... Пройдет и это». Теперь-то я понимаю, насколько была неправа.

– И не жаловалась никому?

– Некому. Да и не в моих это правилах. Я всегда помню поучительный случай из детства. Как-то раз сидели мы на завалинке. Одна женщина стала плакаться, мол, и то плохо, и это. И вдруг старик, что сидел рядом с ней, сказал тихо: «А на лесоповале не пробовала работать?» Женщина смутилась. И тут я обратила внимание на его заскорузлые, все в шрамах и трещинах коричневые пальцы.

Приписка. «Свекровь, конечно, не успокоилась и за моей спиной всеми силами – я только через много лет об этом узнала – лгала, подло оговаривала меня. Как оказалось, она старательно убеждала сына в том, что ребенок не от него, и это несмотря на то, что он пошел в их породу.

Прошли годы, и одна коллега созналась мне, что это она подкинула моей свекрови идею насчет ребенка. Нравился ей Митя. Развести нас хотела. «Но не плодотворной оказалась подсказка, не пошла мне на пользу. Не обратил внимание на меня твой муж. Не в его вкусе я была», – зло добавила она».

«Славное» житье у меня вышло... Мне противно распутывать деяния свекрови. Они с гадкой преступной подоплекой. Не хочется беречь раны...»

...Больше всего меня поражает то, что свекровь издевается над моими самыми главными достоинствами: добротой, трудолюбием, честностью и порядочностью, будто это самые жуткие человеческие пороки. Сначала я думала, что она меня не понимает, потом поняла, что понимает, но не принимает. А Митя по-прежнему советуется во всем только с матерью. Они идут по жизни, словно сямские близнецы, сросшиеся головами. Присох он к ней, что ли? Митя живет по принципу «Мы с мамой все решили, а тебе об этом сказать забыли, но будем считать, что и с тобой уже обо всем договорились».

У меня сложилось впечатление, что мать умышленно заложила в сына принцип «разумной недостаточности». Но глава тот, кто отвечает за все, что происходит в семье, а не тот, кто бьет сковородкой по голове. Но это замечание справедливо в нормальной семье. А моя свекровь гордилась тем, что «ночная кукушка» не может перекуковать дневную. Патологически стержневая личность, примитивная, ленивая, бездарная, но очень хитрая. Озабоченная собственным благополучием, она зорко оберегает свои интересы. А гонору, гонору-то сколько! И с чего спрашивается? Не представляю причины, которая могла бы хоть как-то поколебать мое мнение о ней и ее родственниках. Они всегда и во всем правы! С тех пор я стала остерегаться не знающих сомнений, фанатичных людей.

Когда я находилась в послеродовом отпуске и вынуждена была большую часть времени проводить дома, то поняла, какой образ жизни вела моя свекровь. Она, в сущности, никогда не перетруждалась. Утром готовила завтрак, как правило, жареную картошку. Причем сыну отдельно на сливочном масле, а всем остальным на маргарине. Потом она уходила до двух часов рвать четырем курочкам траву. Приходила довольная, расслабленная. Варила суп, ела и ложилась отдыхать до шести часов. А перед тем, как сыну прийти с работы, брала полведра воды и драила две ступеньки крыльца до тех пор, пока он не появлялся. Со стенаниями и охами-вздохами она, сгорбившись, уносила помойное ведро в туалет. Митя, взбешенный, кидался на меня со словами:

«Мать из сил выбивается, а ты бездельничаешь!»

Возражений он не принимал. Я как-то сказала, что если я даже вымою порог, его мать все равно будет его тереть до его прихода, создавая видимость работы. Но Митя не стал вникать в мою иронию, задевавшую его идеальную маму. Он считал, что я не способна ни шутить, ни иронизировать, так как это его прерогатива – умного мужчины.

Я знала, что свекровь ходит к своим подругам-соседкам, чтобы посплетничать. Обычно полдня с ними проводит. Но

один случай привел меня к неожиданному открытию. Пришли к нам гости. Они долго ругали какого то родственника за то, что его жена еще в больнице, а он уже свою любовницу, с которой десять лет таскается, привел в дом. Зло проезжались и по другому, будто бы бесплодному после ранения, который растит чужую дочь. После обеда все гости, кроме сводного брата мужа свекрови, вышли в сад, а я осталась на кухне возиться с посудой. Минут через десять вошла я в комнату, чтобы забрать оставшиеся грязные тарелки, и замерла в ступоре. Картина жутко непристойная. Секунда, другая, третья... а у меня ног оторвать от пола не получается, чтобы уйти. Ничего с собой поделывать не могу. Тут бабуся, спокойно наблюдавшая эту сцену, вдруг заметила меня и, немного помедлив, схватилась со стула, молча, подскочила к темпераментной парочке, оттолкнула родственника и одернула юбку дочери. Я, наконец, пришла в чувство и убежала на кухню. А дальше все «герои» неприличной сцены вели себя так, будто ничего не случилось. Я же не знала, куда глаза девать от стыда. Меня корчило от омерзения. «Как же она ведет себя без свидетелей, если при матери и невестке позволяет себе постельные сцены?» – поразилась я.

«Не уснащала свой рассказ пикантными подробностями, щадила свекруху», – вспоминая эти строки, отметила про себя Кира».

Приписка. «Мужу об этой истории сразу не рассказала. Знала, что не поверит. Не понимал, что не могла я сочинить подобную грязь. По своей родне меня мерял. Но через много лет во время одной ссоры, в ответ на его безосновательные упреки в мой адрес – свекровь, оказывается, приписывала мне то, что позволяла себе, – я поведала ему об этом шокирующем случае. И что он ответил? Он восхищался, мол, какая у меня необузданно темпераментная мама. Не знал, что темперамент и «демоническое естество натуры» проявляются еще и в умении сдерживать себя. Да Бог с ней. Меня ее поведение не касается. О своих проблемах душа болит».

Стала замечать случаи пропажи моих вещей. Сказала свекрови, что могли бы попросить у меня, я бы дала, зачем же воровать? Реакции не последовало. Но больше всего меня удивляло то, что сестры мужа без стеснения носили ворованные вещи. Не жалко, бедному человеку я лучшую рубашку отдам. Но они-то зарабатывали больше меня. И сам факт воровства меня шокировал. Получается, что все хорошее у них подлежит развенчанию и ничего им не свято?

Звонила Люда из НИИ. Говорила:

– Зря ты не уходишь от Мити. Нашла бы достойного человека. Моя подруга развелась через десять лет. Познакомилась с мужчиной. У нее двое детей, у него трое. Судьба кружила, кружила вокруг них, все считала, что рано им сходить, а потом, в один дождливый день все-таки свела их вместе. Дети подружились. На свадьбе солидный жених шутил: «Гордитесь, не всем детям удастся побывать на свадьбе своих родителей». Еще две дочки дополнили их веселую семью. Живут дружно.

– Я невезучая, и эта мысль преследует меня, – ответила я ей.

– Ты нерешительная. Знаешь, кто самый несчастный в мире? Наш христианский Бог. Он видит страдания всех на свете людей, а ты только о своей семье душой болеешь, – сказала мне Люда.

3

Перед взором Киры побежали страницы дневника Зои, в которых она описывала свою преподавательскую деятельность и трудности, которые возникали на этом пути.

...На кафедре меня встретил мужчина невысокого роста, худой, с желчным лицом. Лет ему около шестидесяти. У него огромные, выпуклые из-за большого увеличения линз, серые глаза, маленький вздернутый нос, тонкие, нервные, бледные губы. «Заведующий – старичок. Это плюс», – обрадовалась я.

Представились друг другу. Я получила вопрос из раздела молекулярной физики. Ответила. «Идите за мной», – приказал он и засеменил по коридору. Вошли в аудиторию. Студенты встали. Заведующий кафедрой представил меня: «Вот ваш преподаватель. Прошу любить и жаловать». И ушел.

Я внутренне растерялась, но спокойно провела переключку и села за преподавательский стол. Студенты уткнулись в методические описания. Видно, лаборантка уже успела распределить задания и выдать соответствующую списку литературу. Сажу и думаю: «Вот сейчас посыплются вопросы, а я даже не знаю ни названий лабораторных работ, ни уровня их материального обеспечения». Подошла к стенду. Списка работ нет. Висит примитивная, пожелтевшая от времени стенная газета, сообщавшая об открытиях ученых за последнее десятилетие. Опять присела к столу. Слышу шуршание и шепот. Поднимаю глаза, вижу осторожно приподнятую руку девушки. И тут же, как по команде – лес рук. Уровень шума возрос пропорционально числу одновременно задаваемых вопросов. Я как флагом взмахнула книжечкой-журналом и подошла к девушке, первой обозначившей вопрос, который касался схемы опыта, и попросила «методичку». Получила потрепанное, замусоленное чудо, с еле различимыми буквами и полустертыми карандашными, плохо прочерченными рисунками и схемами. Попыталась вникнуть в содержание первой страницы. И хотя тема была простая и знакомая мне, понять ход работы было совершенно невозможно, так как текст представлял собой несвязанные между собой фразы и только по последовательному ряду формул я догадалась, о чем идет речь в данном «трактате». Но набор предлагаемых приборов на столе не соответствовал требуемой теме.

В данной ситуации самым разумным я сочла честно прояснить ситуацию, то есть открыть карты. Я сообщила студентам, что только пятнадцать минут назад принята на работу и понятия не имею, как расшифровать эти иероглифы. Предложила им самим выбрать: ознакомиться ли с практической частью методических описаний или задавать мне вопросы и выслушивать общую теорию, касающуюся интересующих их тем – иных вариантов я не видела, – и пообещала к следующему занятию изучить все методические описания и быть во всеоружии. Студенты решили действовать привычным способом, как с них требовали в прошлом году, так сказать, пошли по накатанной. Они стали переписывать порядок проведения опытов в свои тетради.

Я заметила, что им понравилась моя честность. Этим я сразу расположила их к себе. И только одна девушка пренебрежительным поджала ярко накрашенные губки. И все её красивое, черноглазое личико выражало чувство превосходства над всеми, кто находился в лаборатории. Может, ей не понравилось мое эффектное, импортное летнее платье? Возможно, она считала, что на мне должно быть что-то серо-черное, строгое, стандартное, чопорное, соответствующее роли педагога. А тут, видите ли, сине-голубые розы по сетчатому муару фона, нарядный бант, косые до бедер вытачки и эффектно расклешенная юбка с двухуровневыми складками, еще не успевшими войти в моду в

этом городке.

Так или иначе, но я сразу взяла девушку под прицел, понимая, что с ней будет непросто, и поставила «диагноз»: родители работают здесь же в вузе или они в городе имеют достаточно большой вес. Оказалось, первое. Методика поведения с подобными людьми у меня простая: не замечать шпилек. Это обезоруживает противника. Не удаивать, но и не принимать вид наивного непонимания. Глупость, однозначно, не способствует созданию поля уважения.

Уже в первую перемену ко мне, чуть робея, но все-таки достаточно развязно подошел юноша, в манере передвижения и в позе которого чувствовалась что-то обезьянье. Особенно этому сходству способствовал наклоненный вперед корпус и вяло болтающиеся где-то у колен кисти рук. Но лицо живое, бесхитростное, ждущее одобрения.

– Я сейчас Николая Рубцова читаю. А вам что из него нравится? – спросил он.

Этот вопрос был пробным камнем выяснения уровня моей эрудиции. А молодой человек – самый смелый студент, какой обычно бывает в каждой группе. Я назвала единственное стихотворение, которое как-то мельком слышала на одном из университетских вечеров.

– А вам что нравится? – сделала я ответный шаг.

– Все! – уверенно ответил студент.

– Мне кажется, не стоит быть всеядным. И в стихах, и в прозе, и в музыке я выискиваю шедевры.

Вижу одобрителные взгляды. Чувствую, первый экзамен выдержала.

У меня в тот день была еще одна пара занятий в той же лаборатории. К ней я хоть и ретроспективно, фронтально, но все же успела подготовиться и теперь не боялась вопросов. Звонок. Подхожу к аудитории. Студенты-физики стоят под дверьми, а лабораторию заняли историки. У них, видите ли, здесь по расписанию немецкий язык. Я попросила своих студентов поискать свободную аудиторию, а сама пошла в деканат. Не могла же я своей властью переселять чужую группу, хотя и права: иностранный язык можно где угодно провести, хоть на лоне природы (шучу), а лабораторное занятие без приборов, без специально оборудованной комнаты – невозможно.

Встретил меня декан. Сам протянул руку, представился, улыбнулся, сделал мне какой-то несущественный, милый комплимент. Я ему в тон – тоже. Потом он подошел к расписанию и указал свободную аудиторию. Мы пообщались пару минут, но выходила я из деканата в удивительно приятном настроении, под сердцем разливалось нежное, теплое ощущение. Я почувствовала то, что никогда в жизни больше не чувствовала. Я будто вошла в новое неизведанное уютное пространство и так в нем и осталась. Упитанный, лысоватый, с полным ртом золотых зубов... Без фасада парадной внешности... В чем его столь мощное обаяние? И голос обыкновенный, и слово «лаборатория» произносит как-то смешно: «лаболатория», а добро излучает необыкновенное! Его шлейф зацепил меня, окутал и крепко держал в своих мягких, ласковых объятиях. Не встретила раньше такого. В мое сердце тихо и спокойно вошел на первый взгляд обыкновенный, а на самом деле особенный, редкостный, и в то же время очень приятный человек.

Приписка. «С тех пор каждая встреча с деканом приносила мне только положительные эмоции. И всегда они сопровождалась открытой, теплой, простой (но не простецкой) улыбкой. Этаким рубаха-парень размашисто протягивал мне руку и спрашивал: «Все нормально?» И ему всегда хотелось ответить с улыбкой: «Нормально!» Вот такой на моем пути встретился прекрасный, талантливый, как я позже узнала, во всем душа-человек. Отец студентам, почтительный брат сотрудникам. Я принимала его со всеми его недостатками (У кого их нет!), без идеализации, без вознесения до небес его достоинств. Я уважала и обожала его за обаяние таланта человечности, который не оставлял равнодушными даже его завистников. И это обожание поддерживало меня, когда хотелось все забросить и уехать далеко-далеко от проблем и стрессов в моем новом семействе. Я понимала, что где-то там будет также, не лучше, не хуже, но найдется ли там такой удивительный, золотой человек, отдушина, бальзам, моральная опора – вот в чем вопрос».

Факультетское собрание. Мой новый заведующий поднял меня с места и стал бестактно хвалиться тем, что дал четверть ассистентской ставки выпускнице университета имеющей четырехлетний стаж работы в НИИ и большой опыт написания научных статей. Насмешничал? А в университете мой первый заведующий, увидев мое отношение к работе, не побоялся сразу выделить большую зарплату студентке второго курса, извинился, что пока нет лучшего варианта, пообещал изыскивать возможности доплаты в виде премий. Он выполнял свои обещания, и делал это без помпы, тактично. В этом я увидела разницу начальников двух городов: крупного культурного центра страны и периферийного, захудалого, кумовского. А казалось бы, всё должно быть наоборот. Народ здесь проще, но не добрее? Сдержит ли новый начальник свое слово? Получу ли я через год место преподавателя на его кафедре? Внутри меня предательски зашевелилось сомнение. Кому я составлю конкуренцию? А вдруг блатному? Добиваться места всякими правдами-неправдами не стану. Нет ничего зазорного в том, чтобы некоторое время побыть почасовиком. С чего-то надо начинать.

Решила поверить тому, что возьмут в штат. Составила перспективный план на пять лет. На первый год запланировала полностью переоборудовать на самом высоком современном уровне лабораторию, в которой веду почасовую и сдать философию – кандидатский экзамен в аспирантуру.

Лаборантке дела нет до моих планов. Она учится заочно и «добросовестно» отсиживает свое рабочее время, пытается успеть что-то сделать для своей семьи: сбежать в магазин; встретить из школы и накормить сына-первоклассника. Я понимаю ее ситуацию. Занялась заказами приборов и их покупкой. Мне повезло в том, что многие кафедры не использовали выделяемые им деньги. Заведующий, почувствовав во мне человека, если не пробивного, то делового, через ректора позволил мне потратить эти деньги с пользой для нашей кафедры, чтобы на следующий год вузу не срезали финансирование. Что я с успехом, даже с восторгом и «провернула».

Еще мне пришлось организовать курсы по подготовке аспирантов к вступительным экзаменам. Но вместо того, чтобы каждую тему читали разные преподаватели, конкретно в своей научной работе занимающиеся данными проблемами,

весь курс взялся читать ректор. Я не сомневалась в его эрудиции, но все-таки пыталась отстоять свою позицию. Мне дали понять, что неприлично поднимать такой вопрос. Ректор же. Пришлось смириться.

Занималась упорно. Шеф, оценил мое старание и «пробил» мне в ректорате направление на сдачу кандидатских экзаменов. В областном университете сдала философию на «отлично».

Начала готовиться к экзамену по иностранному языку. И вдруг слышу среди аспирантов: «В университете председатель комиссии всех симпатичных девушек через себя пропускает». Оделась очень просто, причёску пригладила по-деревенски и поехала договариваться о сроках сдачи экзамена с единственной мыслью в голове: «Хотя бы не понравилась, надеюсь, я не в его вкусе». Понравилась. Отказалась от мысли сдавать экзамен в ближайшем университете. В Москву решила поехать. А тут проректором у нас поставили женщину. Она свои порядки завела. В общем, отказала она мне в направлении. И заведующий кафедрой у нас сменился. И у него свои виды были на то, кого послать в аспирантуру. Сиротливо лежали на моем рабочем столе книга, переведенная с немецкого языка, и ворох словарей. Кучи записей, конспектов и разговорных текстов напоминали о моей неудаче.

Новый шеф, когда я пришла к нему выяснить свои перспективы, намекнул, что есть варианты. Занятия вместо него вести я была согласна, но второй пункт не совпадал с моими взглядами на идеальную семью. Не могла я переступить через себя, как и в случае с экзаменом по языку, отказала, и тем самым окончательно «зарезала» свои планы. Конечно, тягу к науке быстро не изведешь, не задавишь, в разных формах она все равно проявлялась, поэтому я продолжала для себя, по возможности, заниматься интересующей меня темой. К тому же я увлеклась совершенствованием учебного процесса.

Как-то на кафедре отчитывались преподаватели и доценты о методической работе, которая мне не была запланирована. Я заметила, что направление мыслей одного старого преподавателя совпало с моим. Слышу, заведующий спрашивает: «Кто дополнит? У кого иное мнение по этому вопросу?» Ну, я и вылезла со своими идеями. Смотрю, старик одобрительно кивает. Я обрадовалась. Вдруг замечаю, кто-то стучит карандашиком по столу. Пришла в чувство. Гляжу, все уткнулись в свои тетрадки и папки, а пожилой доцент в лице изменился. И заведующий этап ехидненько спрашивает:

– У вас дополнение или выступление?

– Извините, увлеклась, – ответила я и села на место, смущенная и растерянная.

Не хотела я старика обижать. Получалось, что я, не имея в плане такого пункта, «наработала» много больше доцента, который был обязан заниматься этой темой. Через несколько месяцев случайно заглянула (совсем по другой причине) в отчеты заседаний кафедры и научных семинаров, а там ни слова о моем выступлении. Всё сделано было так, будто я вообще в тот день отсутствовала. Я не знала, что и подумать. Стала доискиваться, анализировать.

Но тут нам «сверху спустили» нового заведующего, бывшего заместителя министра одной из восточных республик. Говорили, будто проштрафился. Молоденькая секретарша молчать не стала, заложила шефа, о чем «по секрету всему свету» доложила нам секретарь нашей кафедры. Может, врут? Ну, так этот вообще всех женщин с кафедры «свел» с формулировкой: «Ваши знания недостаточны для преподавания в нашем институте». Одну мне особенно жаль было. Талантливый лектор, теоретическую физику блестяще читала. А через год ее семья переехала в крупный южный город. Она дважды в университете подменила больного профессора, и с начала учебного года ее взяли в штат. Для ведущего университета страны у нее оказалось достаточно знаний.

Новый руководитель и меня попытался выпроводить, но я не постеснялась попросить защиты у проректора. А несколько позже я пришла к шефу с подробным планом создания современной лаборатории. Принесла теоретические разработки каждой лабораторной работы, приложила комплектацию приборов, которые необходимо закупить в Москве, и сказала: «Нам желательно идти хотя бы на шаг впереди школ, а мы отстаем от них. Электронные лампы – это уже прошлое науки и техники, история, полупроводники давно пора студентам изучать. Мы же готовим специалистов, которые будут по окончании вуза лет тридцать работать. Какие современные знания они унесут с собой?» Так начальник швырнул мой труд мне в лицо со словами: «Зря стараетесь, наша кафедра укомплектована на сто лет вперед. Я вспыхнула, но сдержалась. Только сказала сквозь зубы:

«Не даете наукой заниматься, буду детей рожать. И в отпуск пойду, когда сама захочу, а не по вашей указке».

Приписка. «Через год он умер. А еще через десять лет министерство образования потребовало срочно организовать современную полупроводниковую лабораторию».

*

Посетил наш вуз профессор из Германии (ГДР). Побывал в моей лаборатории, на занятиях посидел, а потом через переводчика сказал: «Если бы я имел такого сотрудника, мне можно было бы уволить своих троих. (Я тогда подумала, что у них такие же проблемы, как и у нас.) Я не хвалюсь. Просто он видел, что я владею любым инструментом и не упускаю возможности применить его в своей работе. Стенды, макеты своими руками делала, приборы чинила и своих студентов к этому приучала. Они уже на первом курсе сдавали мне одну зачетную работу особым способом: сами находили к лабораторной работе теорию, подбирали приборы, монтировали их, настраивали. Потом перед всей группой демонстрировали свои теоретические и практические навыки, а однокурсники задавали им вопросы. Интересно проходили «защиты» проектов. Ребята с удовольствием всё делали своими руками: пилили, строгали, красили, прикручивали, проводили исследования. Работа их так увлекла, что приходилось выгонять их из лаборатории. А как девочки гордились, когда впервые электродрелью проделывали отверстия в дереве или металле!

Вскоре я узнала, что беременна. Радость какая! Сразу подсчитала, что если через полгода после родов выйду на работу, то как раз к началу учебного года успею. А за время декретного отпуска подготовлю следующий кандидатский экзамен – по специальности.

Отчиталась на кафедре о своей методической работе, о придуманном мною нововведении, способствующем развитию у студентов умственных и технических навыков. На заседании присутствовал новый декан. Я заметила, что его очень заинтересовало мое выступление. Мне было приятно.

Передавала я на время свои дела парню, только что вернувшемуся из армии. Не знала я тогда, какую роль в моей

жизни сыграет этот далеко не умный, но очень цепкий молодой человек.

*

Вышла я из отпуска, чтобы получить обещанное, зарезервированное за мною место преподавателя и сразу попала на заседание кафедры, на котором мой преемник получал предназначавшуюся мне ставку. Коллеги рассказали: «Хорошо поработал: льстил новому начальнику, привычному к подобной форме общения, хвостиком за ним ходил, мелкие поручения выполнял, услуги всякие делал, тебя обгаживал, оговаривал. И добился своего».

Приписка. «Не «потянул» он на нашем факультете. Ушел, где легче. Так и не защитился. Держался в вузе тем, что умел вовремя чем-то помочь в личном плане, что-то «достать» начальникам, еще тем, что наушничал, конечно, всегда с пользой для себя. «Он человек своего времени», – пошутил про него один из очень уважаемых мной преподавателей».

Еще одна приписка. «В перестройку он, наверное, сумел бы быстро «встроиться». Может, даже проявил бы себя лучше, чем при социализме, если бы... – Теперь я его уже жалела».

Еще один удар я получила, выйдя из декретного отпуска. Мое нововведение было поднято новым начальником «на ура». В институте проводились шумные областные и всесоюзные конференции, моя придумка под другим названием звучала во всех отчетах и брошюрах. Начальник хладнокровно присвоил мои заслуги, нигде ни одним штрихом не упомянув обо мне? В первый момент я вздрогнула от бессильной ярости. А он смотрел на меня и улыбался своей гнусной улыбочкой. Он ликовал, торжествовал и злорадствовал, наблюдая мою полную растерянность и беззащитность. Отнять, подчинить – его суть? Как мне хотелось врезать по его наглой физиономии!

Не доставлю ему удовольствия выгнать меня. Я взяла себя в руки и посмотрела на него бесстрастным взглядом. Собственно, не удивил, я и в НИИ часто наблюдала использование руководителями чужих результатов исследований под маркой «объединения усилий». Чаще всего их отнимали у женщин.

Я среди сослуживцев заикнулась было о том, что все преподаватели и студенты знают, чья это разработка, чей эксперимент, в лабораториях стоят, созданные ими установки. И если поднять документы, моя правота подтвердилась бы настолько безоговорочно, что комментарии были бы излишни. Но мне жестко дали понять, что никто меня не поддержит, потому что новый начальник кого угодно придавит, а если сама «свяжусь» с ним, то объявит ненормальной и в два счета выгонит из института. У него всё схвачено.

«Собственно, чего я переживаю? «Нет худа без добра». Это же здорово! Я бы не смогла сделать такую мощную рекламу своей методической работе. У начальника талант организатора. Теперь все учебные заведения страны будут применять мой метод обучения студентов! И это главное. А я сумею в чем-то еще другом себя проявить», – решила я и успокоилась. Мне вспомнилась собственная фраза, сказанная моему ангелу-хранителю еще в шестом классе: «Никто не знает имени изобретателя колеса, но народы всей земли ему благодарны». И все же энтузиазм к занятиям наукой несколько поухит. Позже поняла, почему одни более талантливые, чем начальник преподаватели так и не защитили докторские, другие покинули наш вуз.

Приписка. «Лет десять почивал на моих лаврах мой бессовестный начальник».

Что мои коллеги правы, я поняла, когда пришла на производственное совещание с участием старост студенческих групп. Ведущий преподаватель, доцент, талантливая женщина, всю себя посвятившая работе, стала мягко возражать начальнику, отстаивая свою точку зрения, так он ее грубо оборвал на полуслове. Она попыталась снова возникнуть, но получила еще более грубый и резкий окрик. Тактичная женщина базар не могла устраивать и вернулась на место, чувствуя себя униженной и оскорбленной. Она понимала, что «против лома нет приема».

«Если с заслуженным человеком он так обращается, как же он со мной, молодой поведет себя? А почему заведующий кафедрой не защитил коллегу? Это же его прямая обязанность. Бойтся? Может, это единственный, беспрецедентный случай и все от неожиданности растерялись? – искала я оправдание коллегам. – А студентам какой он пример подал? Чему научил? Жизни? Чтобы они также грубили, одергивали, став руководителями, или привыкали пресмыкаться, унижаться? На знания студентов поведение начальника не повлияет, а вот на моральное состояние... Соприкоснулись с миром «науки»! Допущены в самые его «глубины», – молча, горько иронизировала я.

Сердце рвалось вступить, но разум остановил наивный порыв. Еле совладала с эмоциями. Трудно выступать от лица безмолвствующего большинства. Никто доцента не поддержал, все носы в пол опустили. После собрания внезапный шквал эмоций, который я уже не могла сдерживать, настиг меня в лаборатории, словно закончилось действие наркоза. Никто не видел, как я плакала. Неудержимый приступ обреченности... Хотелось все забросить к чертовой матери... Тотальная несправедливость... Я не чувствовала ничего кроме невыразимой безграничной кричащей боли, которая захлестывала, лишала способности думать, терзала душу и тело. Ни права выбора, ни возможности защититься, ни карьеры... При этом начальнике ничего мне здесь не светит. По какому праву он рушит судьбы?.. Этому нет оправдания!.. Наивная... Почему мне так трудно? Ищу справедливость?

Принялась копаться в своей памяти: «Почему в моей семье не говорили о том, какова жизнь на самом деле? Щадили? Боялись вырастить пессимиста? И в школе избегали подобных тем. Думали, вырасту, сама пойму? А я глупая. Может, потому что я из деревни? У нас все проще. На встрече выпускников я слышала, что многие из нашей среды сталкивались с такими проблемами. Но тогда я не вникала...»

А через полгода еще один случай произошел, подтвердивший мои опасения. Преподаватель – у него было четверо детей – обвинил начальника в использовании лаборантов и студентов «в домашнем хозяйстве». Ну и что? «Ушли» его. Сначала, как обычно, начальник приглубил выступавшего, приласкал, успокоил, а потом тихой сапой выгнал, не переизбрав беднягу на следующий срок. Мол, он овца не из нашего стада. Хитро вознес на пьедестал, а потом сбросил с него, да еще и посмеялся. И пошла у нас на факультете сплошная показуха. Нет, честные преподаватели так и продолжали хорошо работать, но инициативу не разрешалось проявлять, на корню душилось любое самое интересное предложение. Добрые поступки оборачивались страданиями. Не позволялось развивать материальную базу факультета, а почему, я не могла понять. Но попробуй выступить против... Нет, один на один я неоднократно выражала начальнику свое недовольство и непонимание, но ответа не получала. Смешно сравнивать, но он часто вел себя как моя свекровь. Вот ведь заноза в пятой точке! Один наш доцент так и не смог устроиться ни в одном вузе страны. Будто черную метку получил. Кто же после этого станет вопреки здравому смыслу бороться, совершать

«героические» поступки?

Ну ладно, преподаватели люди зависимые, а почему лаборанты подчиняются? За гроши держатся в силу привычки? Потребовал красить полы ядовитым лаком без выполнения правил техники безопасности, выполнили. У одной лаборантки дело до судорог дошло. Но никто внимания не обратил. Может, умышленно закрыли глаза на этот факт? А ведь кто знает, как это отравление в будущем на ней скажется? Приказал лаборантам самим провода снимать со стен во время ремонта. Сделали. Только одна лаборантка попала под напряжение, и только счастливый случай спас ее от гибели. Мастера перед ремонтом по халатности не все ветви питания в ее лаборатории отключили. Замолчали и этот случай. Я только через год в личной беседе об этом узнала, да «поезд ушел». Концов не найдешь.

Но если начальник сам что-то организовывал – по своему замыслу или с чьей-то подачи, – так сразу на шит поднимал. Научным семинаром взялся руководить. Цветные объявления во всю стену по всему вузу развешивал. Я пришла его выступление послушать и разочаровалась. Прочитал по бумажке доклад о какой-то новой современной теории и сел. Ни на один вопрос преподавателей не ответил. Я бы на его месте сквозь землю от стыда провалилась, а ему хотя бы что! Даже научных терминов не мог подобрать при слабых попытках объясниться. Я по молодости, по глупости, по университетской привычке (там это поощрялось) давай ему тихонько подсказывать. Наивная, думала, доброе дело делаю. Он принимал подсказки, но потом возненавидел меня за них. Я же «умницей» себя выставила, а его, получается, принизила. Нет, я все же не от мира сего...

Давил меня начальник (если бы только меня!) при любом удобном случае. Не давал расти. И что мне было делать? «Лови сигналы свыше. Вера выше знания», – шутила моя подруга. Даже в мелочах принижал. И так мелко, гадко. Вроде того: я первое место в институте на соревновании по стрельбе заняла, так он мне подарок лично вручил, в лаборатории. Мол, цените, о вас забочусь. А когда я пришла в актовЫй зал на торжественное заседание по случаю праздника Восьмого Марта, то увидела, с какой помпой ректор лично призы вручал перед всем преподавательским составом института, а мое имя даже не упомянул.

А как-то я должна была перед преподавателями всех факультетов выступить с отчетным докладом по поводу результатов состояния охраны труда и техники безопасности в институте – я серьезно занималась этим вопросом по линии профкома, – так мой начальник за пять минут до собрания привел подставного старичка, который двух слов связать не мог, и по сути дела сорвал рассмотрение этого важного вопроса на Совете института. Ему было наплевать, что слесарь пальцы себе отхватил на электропиле, сантехник ногу повредил, упав на обогреватель с открытой спиралью. Один студент-иностранец замкнул на себя двести двадцать вольт, в зашторенной комнате, в которой одновременно велись занятия по электричеству и оптике, несмотря на то, что я неоднократно ставила перед ректором и деканом вопрос разделения лабораторий. Слава Богу, обошлось без жертв. Моему всесильному начальнику было важнее, чтобы обо мне меньше знали, не ценили.

Он замечал и устранял все, что могло бы помешать ему в личном плане. Ректоры у нас, как правило, историки. Они не вникают в технические тонкости, это дело заведующих кафедрами. Ректор как-то мне сказал: «Чем у вас лаборанты занимаются? Лясы точат в лабораториях?» Я возмутилась и стала перечислять их обязанности. Так он не поверил! Сказал, что эту работу не может охватить и успеть выполнить один человек. Ну я и ляпнула: «По штатному расписанию лаборантов должно быть вдвое больше, но наши ставки где-то «гуляют». И тут же испугалась, подумала, что выгонит. Не знаю, почему пронесло. Чуть не сгубила меня моя прямолинейность и непредсказуемость! Пора бы научиться язык за зубами держать. Но кто-то должен стать на защиту лаборантов? Их излишняя загруженность влияет на качество учебного процесса.

Наверное, и много хорошего делает наш начальник, умеет руководить. Помню, я с интересом и уважением наблюдала, как он вдумчиво и кропотливо изучал тонкости своей новой работы. Не хочется больше вспоминать о его мелких пакостях. Скажу только, что делает он их, не скрываясь, демонстративно, с удовольствием.

Приписка. «Почти тридцать лет властвовал. Нет, я, конечно, пыталась бороться, но... Сейчас совсем другого типа человек нами руководит. Должно же кому-то повезти, должна же хотя бы когда-нибудь восторжествовать справедливость!»

Начальник считает себя ведущим специалистом, а ведет самые простые курсы на не основных факультетах. Сам докторскую диссертацию не защищает и талантливым преподавателям не дает в полную силу развернуться: нагружает лекциями под завязку, разработкой новых курсов, свои обязанности по заведованию на них сваливает. Вот появится на работе одна такая «особь» и жизнь многих людей идет под откос. А если где-то у кого-то на работе такая личность не одна?.. Бойтся начальник, что защитит какой-нибудь умник докторскую и займет его место, вот и душил всех, кто умнее его. Скольким людям жизнь испортил, скольким планам не дал осуществиться, сколько наука и студенты из-за него потеряли! Талантливые люди часто беззащитны. (Поплакалась бумаге и полегчало. Не себя я имею в виду. Я в семейных проблемах утонула. Коллег жалко.)

Охраной труда я в профкоме занялась после одного прискорбного, но удачно закончившегося случая. Я первый год вела занятия по теплотехнике. Сделала теоретические допуски студентам, спросила у каждого ход выполнения работы, проверила схемы установок и уткнулась в журнал, чтобы уточнить, с кем пора беседовать по результатам предыдущих, уже выполненных работ. И вдруг взрыв! Колба с кипятком взлетела и, врезавшись в стену, рассыпалась на мелкие осколки. Я онемела от ужаса: «А если бы колба ударила кому-то в лицо? А если бы осколки попали студентам в глаза?!» А парень всего-навсего чуть-чуть передвинул электроплитку с колбой, потому что она мешала ему записывать в тетради показания приборов. Он не заметил, что при этом пережал паропровод, соединявший колбу с исследуемым образцом.

В тот же день я доложила заведующему кафедрой о происшествии, составила перечень правил техники безопасности к каждой лабораторной работе, вписала их в методички и обвела красной рамкой, чтобы преподаватели не допускали студентов к работе, пока они не отчитаются по всем пунктам этих правил.

А сколько мне приходилось воевать с проверяющими! Каждый из них предъявлял свои неизвестно откуда взявшиеся претензии. Я нервничала, потому что наша кафедра гремела по институту как лучшая по всем показателям. Тогда я потребовала от очередного лейтенанта предоставить мне список требований к лабораториям за его подписью и печатью их организации. Он отказался. И никто больше ко мне не придирался, потому что я заявила: «Я специалист. Кто лучше меня знает мои приборы? Может, проэкзаменуем друг друга по теме лазеров или спектрофотометров?» Больше наш институт не штрафовали. И воевать мне приходилось только с нерадивыми сотрудниками и своими

безответственными начальниками.

*

Есть у нас преподаватель, труженик великий. Десять лет над одной теорией работал, хотел новый вклад в науку внести. Да только выше великих трудно прыгнуть». Помню, пришел он на кафедру и говорит: «Бился, бился, решил-таки два уравнения, а третье никак не дается. Тонну бумаги перевел. Ночей не сплю». А новый, недавно принятый на работу молодой теоретик, палец к виску приложил, минуто подумал и спросил:

- В первом уравнении ноль получили?

- Да, - ответил ошарашенный преподаватель.

- Во втором единицу?

- Да, - изумленно захлопал тот глазами.

- Так... третье уравнение... решения не имеет. Это однозначно.

У старшего преподавателя аж челюсть отвисла. Ничего не сказал на тот момент. А когда пришел в себя, поблагодарил младшего за то, что тот подтвердил правильность его ответов. Такие вот таланты у нас работают!

Через год у меня опять появилась надежда на карьерный рост. Я очень старалась, высвечивая свои способности и возможности. Но первого сентября к занятиям приступила родственница большого городского начальника.

Приписка. «Прокантовалась она у нас три года, дважды побывала в декрете и уехала в северную столицу под папино крыло. Занятия по сути дела я за нее бесплатно вела.

...Новая ставка появилась. Ну, думаю, теперь уж точно до меня очередь дойдет. Но взяли пьяницу, который на занятиях указкой в прибор попасть не мог, и элементарных школьных формул не помнил, но зато умел чинить телевизоры. Я находилась в сантиметре от мечты. Я была рядом, но обо мне опять забыли. Я доказывала, что лучшая по всем пунктам анкеты, а брали не за это... Он десять лет «обучал» студентов, пока не вышел антиалкогольный указ. Вот такая у меня черная полоса в профессии шириной в двенадцать лет. А по сути дела во всю жизнь. Это был мой забег на длинную бессрочную бесперспективную дистанцию. Годы для плодотворной научной работы были упущены».

Вспомнила слова поддержки Инны: «Что это за упадническая философия? Жалуетесь она! Я, может быть, и пожалею, но уважать перестану. Почему ты считаешь, что твоя судьба должна быть более легкой? Это ложная, ошибочная установка. Ничто и никто не приведет тебя ни к чему хорошему, если не будешь бороться. Трудись, гордись собой, ищи себя в другом! Говори себе: «Как хорошо, что это было в моей судьбе и прошло».

Поняла, что перспектив у меня на nive преподавания нет и не будет, и стала начальнику с наивным видом всю правду в глаза говорить. Один на один, конечно. Щадила его. В дурочку играла, прикидывалась. «Платила» за его непорядочность.

Он злится, пытается вразумить меня, объясняет мою неоправданную наивность и ее вред для меня. О-хо-хо! Неужели верит в мою «девственную» наивность? Значит, я неплохо играла. Собственно, считать остальных много глупее себя – порок многих людей, особенно начальников. Терять мне нечего, и я при всяком удобном случае разыгрываю из себя «деревню». Начальник каждый раз зверски округляет глаза, осаживает меня, а я «искренне» удивляюсь его негодованием по поводу моих откровенных высказываний. Если он позволяет себе «с честным, умным» видом вешать мне и другим лапшу на уши, нагло лгать глаза в глаза, почему же я не могу высказывать ему в его стиле на самом деле что-то умное, доброе и честное, не для него, для факультета полезное? Думаю, он мечтает, когда я, наконец, сама уйду из вуза. Не дождется!

А что! Написать бы заявление ректору: «Убедительно прошу меня уволить по собственному желанию моего начальника». Вот была бы хохма! Подпишет! Я несколько лет безуспешно боролась против глупой писанины секретарей на государственных выпускных экзаменах, пыталась хотя бы вдвое ее сократить. Ничего не добившись, написала в одном из журналов крупными буквами, что пора бы министерству пересмотреть устаревшие традиции, и еще что-то достаточно резкое. И что? Комиссия, не глядя, подписала документ и отправила в архив.

Преподаватели – люди зависимые. Не подладят, начальник, всегда может организовать подлянку и не переизбрать неугодных. Моя же должность не выборная. А так как я безупречно работаю на своей основной работе, то при всем желании он не может меня выгнать. Конечно, и у меня дротик не каждый день попадает в центр намеченного круга, но я стараюсь.

Приписка. «Менялись ректоры, проректоры, заведующие кафедрами, а я оставалась на своем месте столько лет, сколько считала для себя возможным и необходимым. А лишать меня четверти или половины преподавательской ставки начальнику самому было не выгодно. Я часто служила палочкой-выручалочкой.

И все же один раз он попытался меня «сковырнуть». Доцента подговорил ловушку мне устроить, дабы обвинить в незаконных действиях. Обычный прием. Только я почувствовала подвох и обоих в дураках оставила. И вообще, по жизни часто так получалось, что он во мне нуждался, а не я в нем. Это бесило его, он старался меня хотя бы чем-то «прищучить», уколоть, пусть даже в ущерб имиджу кафедры и факультета. Противно было видеть, как он из кожи вон лезет, чтобы уговорить руководство не дать мне премию, грамоту, чтобы не объявили меня лучшей по институту, чтобы не послали мои документы в Москву на медаль. Боже, скольких людей он втягивал в свои авантюры, скольких обгаживал, запугивал, пытаясь заставить на себя работать. И все ради того, чтобы холить свое наполеоновское самозабвение. Ни студентам, ни преподавателям, ни институту от его интриг ничего хорошего не было. Трепал нервы порядочным людям, гордился собой: вот, мол, какой я гадкий, вот что я могу! В лицо мне об этом говорил. Нет, своих протезе он, конечно, поддерживал, как же иначе!

Подруга рассказывала мне, что начальник в институте, где училась дочь ее знакомых, выдавливал беззащитных студентов и торговал освободившимися местами, принимая двоечников из других вузов, чтобы их не взяли в армию. Наш хоть в этом не был замечен. Боялся. Значит, бывают те, что еще хуже.

И в семье мой начальник таким же деспотом был. Сыновья его по тюрьмам бродят. Дочь, хоть, слава богу, мать вырастила и воспитала одна, пока он учился и защищался. Не успел он повлиять на ее характер. Хотя и ей, бедной, доставалось от его жестокости. Сколько раз видела, как прячет она свои горькие детские слезы! И ради чего живет, круша судьбы окружающих его людей? Ради удовлетворения своих эгоистических наклонностей?»

Приписка. «И все же, несмотря на проблемы с руководством, институт для меня – дом родной».

...Снова сменился шеф. Он сразу оценил мои возможности. Предложил тему для диссертации, наметил перспективы роста. Поздно. Да и не верила я больше никому. А тут узнала, что снова беременна и стала мечтать о дочке.

4

У Киры о семейной жизни Зои поплыли воспоминания. Видно, они ее больше волновали. Она предыдущую главу дневника подруги опять принялась мысленно перелистывать.

Идет первый год моей жизни в семье мужа. Замечаю, что Митя ведет себя как влюбленный. Все время улыбается, ноктюрн напевает. Не ходит, кружится по комнате в ритме вальса. Влюбленного видно за версту. Вспомнила, как на дне рождения один из сотрудников мужа, крепко выпив, в шуточной форме рассказал мне о происшествии с двумя разведенными Зинками из их отдела. Одну девушку мой муж защитил от посягательств женатого сотрудника, за что получил от начальства нарекание за неумение работать с коллективом без свар, а заодно и отказ в повышении. А другая сама к нему приставала. «Но все это в прошлом, теперь я рядом и вести себя он будет разумнее», – решила я и успокоилась. И все же задевало и обижало меня непонятное настроение мужа.

Захотелось мне пойти с Митей на демонстрацию с его коллективом. Не взял. Объяснил тем, что у них не принято с женами ходить. Обидно было, потому что с каким-то непонятным раздражением сказал, точно боялся, что я настою на своем. Осадок неприятный остался.

Поехала одна, чтобы постоять на обочине в числе зрителей, провожающих колонны. Митя шел возбужденный и радостный под руку с незнакомой мне черноглазой. Вообще-то они все были веселые, праздничные. Захотелось попасть в их ряды, будто случайно. (Глупо, конечно.) Попыталась привлечь к себе внимание мужа. Не получилось. Ну и ладно. Больше не буду портить себе настроение. А сердце цапнула обида. Я в своей колонне ни с кем из мужчин под руку не позволяю себе ходить.

...Вскоре сестры вышли замуж. Соседи шутили: «Ты в их семью удачу принесла». Я обрадовалась, надеясь на улучшение взаимоотношений в семье. Раньше свекровь постоянно попрекала меня за то, что ее сын женился раньше сестер.

Митя снова летом поехал на юг лечить нервы, а я осталась дома. Денег на поездку вдвоем не хватало. Я бы скопила, но мне приходилось все класть в «общий котел». Не хотелось отдавать, потому что я постоянно голодала. Митя питался на заводе, его сестры худели, а мне было мало той ложки картошки, которую готовила свекровь на обед. Я стала отдавать в семью только зарплату, а подработки оставлять себе, чтобы обедать в столовой. Свекровь прознала и устроила скандал, мол, позорю ее семью. Я сопротивлялась, утверждала, что когда училась, полностью себя обеспечивала на меньшие деньги. Но Митя потребовал все деньги отдавать матери.

Я себе даже нижнее белье не могла купить. Свекровь заставляла меня шить его из старых вещей. Когда я возражала, она кроила сама и требовала при ней застрочить на машинке. Я отказывалась, упиралась, но она продолжала изводить меня, пока я не выдерживала ее приставаний – себе дороже с ней спорить – и садилась за работу. И потом она, когда ненавязчиво, а иногда и нагло проверяла, ношу ли я это старье. Как это меня унижало!

Приписка. «Спустя годы муж кричал мне в лицо:

«Я ненавижу тебя в своих мужских трусах. Я представлял, что лапаю мужика!»

«Так это же твоя мать не давала мне денег и заставляла ходить в твоих обносках, а когда я тебе жаловалась, ты утверждал, что любишь меня не за одежду», – защищалась я».

По телевизору идет сюжет о колдуньях, гадалках и провидицах. Слышу: «Спать в одежде мужа к разводу». «Так вот почему свекровь упорно заставляла меня носить трусы, перешитые из мужниных! – подумала я. – Оказывается не по бедности, а из желания нас развести она все это продельвала!»

Приписка. «Свекровь продолжала навязывать свою волю и тогда, когда мы уже жили отдельно, и у нас было двое детей! До последнего вдоха не теряла надежды нас развести? Она верила в приметы. И не без основания. В них заложены тонкие моменты мужской психологии.

А еще свекровь многократно пыталась приучать меня пилить своего сына. Я не соглашалась, объясняя эту неспособность своим терпеливым характером. А как-то не выдержала ее «лекции» и прямо сказала: «Зачем вы заставляете меня ругаться? В нашей семье уже только от одного вашего ученика переизбыток отрицательной энергии. Вы хотите взрыва?» Больше она ко мне не приставала с этим предложением, поняла, что я раскусила ее. Тайком стала действовать».

На следующих страницах описан диалог Зои с подругой Катей.

– Большая семья не может обходиться без ссор.

Легче тебе не стало, когда сестры ушли к мужьям? – поинтересовалась Катя.

– Нет, свекровь стала проклинать меня, за то, что у меня хороший (?) муж, а у дочек – плохие. На самом деле все было наоборот. Деньги все уплывали туда, хотя доходы их семей были много больше наших. Нам совсем материально туго стало, и это при том, что свекровь уже начала получать пенсию за погибшего на производстве мужа. Но я радовалась, когда она уходила к дочкам готовить и убирать. А соседи ехидничали, что те на четвертом десятке не привыкли управляться сами. Но мне стало спокойнее. С меня четырех оставшихся женщин хватало под завязку. Жесткая, капризная, своенравная бабуся доставала. «Сдвинутая по фазе» тетка мучила своими «заскоками». Но одна была слишком стара, чтобы на нее обижаться, хотя я понимала, что она не выжила из ума, а просто зловредная, другая – несчастная, ее жалеть надо. Думая так, я успокаивалась. И две другие женщины не многим лучше были. Ну да бог с ними... Хотя и обидно бывало. Сяду шить, чтобы успокоиться после их фокусов, ниткой в иголку попасть не могу, потому что руки от волнения дрожат. А их бабуся в уголке кефир свой спокойненько попивает, ни один мускул у нее на лице не дрогнет. И тетки после очередной «разминки» преспокойно храпят себе на постелях.

Свекровь уходила к дочкам утром и возвращалась к моему приходу с работы, чтобы успеть до возвращения сына поиздеваться надо мной, пока я буду готовить ужин. Тогда я стала приходить позже, лишая ее возможности развлечься. Должна же я была хоть как-то позаботиться о сохранении нервной системы развивающегося плода.

*

Лежу в больнице на сохранении. Митя один раз зло сунул мне двести грамм колбасы со словами «из-за тебя на работу опаздываю» и больше не приходит. Понимаю, «работа» его мамочки. Меня тошнит, хочется соленых огурчиков. Я голодаю, но попросить у больных стесняюсь и говорю соседкам по палате, что не хочу есть из-за токсикоза. Мне же нечем их угостить. Я чувствую себя никому не нужной, неприкаянной одиночкой. Да разве из-за еды. Хочется внимания, добрых слов в записках, какие получали другие женщины. Но их не было. Сам же хотел сына. А теперь... Когда меня выписали, Митя не приехал за мной в больницу, не захотел отпрашиваться на работе. Когда я ему сделала замечание по поводу его невнимательности, он отшутился. Не дошла до сердца ему моя боль. Неинтересны ему были эти подробности. Жена дома, обед на столе. Полный порядок. Чего еще надо? Жизнь прекрасна!

Собиралась я в декрет. На мое место взяли парня, только что вернувшегося из армии. Нас познакомили. Невысокий, крепкий, чуть полноватый блондин с цепкими, хитроватыми, серыми глазами. «Ему бы в хозяйственники, – мелькнуло у меня в голове, – характерный типаж, – а он наукой пришел заниматься. Какой у нас, наверное, разный стартовый научный капитал». Поговорив с полчаса, я убедилась, что уровень его образования много ниже среднего. Но на данный момент это для меня не имело значения: Было бы кому принять материальную часть, чтобы я могла спокойно уйти в отпуск, отдав в надежные руки результаты трех лет своей увлеченной, упорной работы. До ухода в декрет мне оставалось три дня, а преемник не появлялся. Наконец пришел, сел за мой рабочий стол, открыл тетрадь и сказал грубо:

– Пока я не подписал бумаги, все оборудование ваше, приносите на этот стол каждый прибор, диктуйте его название, номер, включайте и при мне определяйте его рабочее состояние.

– А может, мы с вами поменяемся местами, вы все-таки мужчина, – пыталась я урезонить «командира».

– На работе нет ни мужчин, ни женщин, есть сотрудники, – парировал молодой человек.

– Я вас два месяца ждала, вы не больно торопились – усмехнулась я, – а теперь мне нельзя поднимать больше трех килограммов.

– Ну и что из того, у меня самого жена в положении. Я не собираюсь за вас работать и спешить мне некуда. Вам надо сдавать дела, вот и торопитесь. Если не передадите, я ни за что не отвечаю. Мне наплевать на ваш металлолом.

– На этих приборах, как я слышала, вы диссертацию собираетесь делать, – попыталась я призвать к совести нового сотрудника.

– Я в армии поумнел, многому научился, в том числе никому не доверять и за других не корячиться.

В общем, сдала я ему с тяжелым сердцем свои приборы и на следующий день попала в роддом с кровотечением. Всю ночь просыпалась от осторожных рук врача у себя на животе, видела ее тревожные темные глаза, огромную золотистую косу вокруг головы и слышала: «Все в порядке, сердечко ребенка бьется». А наутро врач созвала консилиум. Решено было делать стимуляцию. После пересменки появилась пожилая акушерка с безразлично-безразличным лицом и на беспокойные речи врача отмахнулась: «Никуда не денется, родит».

Я с грустью проводила глазами высокую блондинку.

– Пожалуйста, не уходите, у меня через десять-пятнадцать минут начнутся роды, – вежливо попросила я акушерку.

– Мы университетов не кончали, но свое дело знаем. И нечего тут командовать, – резко ответила женщина. – К обеду родишь. Организм еще не подготовился.

– Извините. Но мне сделали стимуляцию, и роды могут начаться в любую минуту.

– Иди за мной, – приказала акушерка.

Я попросила таблетку от давления.

– У меня сильное головокружение, я могу на ходу упасть в обморок, – пояснила я.

– Свою надо иметь, – фыркнула медработник.

– Меня ночью «скорая» привезла. После родов привезу вам целую упаковку, – пообещала я.

– Дай ей, – посоветовала проходившая мимо медсестра.

Она сама подошла к стеклянному шкафчику и протянула моей медсестре одну таблетку. Та нехотя передала ее мне.

Кое-как добрела я до указанной палаты и тяжело опустилась на крайнюю койку. Лежу и думаю: «Откуда она знает, что я заканчивала университет? Знакома с моей свекровью?»

Не успела я разглядеть комнату и пожалеть, что в палате одна, как начались схватки. Резкая боль разламывала крестец, ныла поясница. Началось, поняла я, и стала звать акушерку. Никто не откликнулся. Волнообразная боль то стихала, давая мне кратковременную передышку, то вновь достигала максимума. Боли все усиливались. Я старательно вспоминала все, что читала о поведении при преждевременных родах, тщательно следила за дыханием, считала минуты между паузами. Внезапная острая боль отключила сознание. Очнувшись, снова принялась звать на помощь. Опять потемнело перед глазами. Придя в себя, нащупала головку ребенка, его волосики. В одну из пауз в сознании промелькнула строчка из учебника по гинекологии: «Если ребенок вздохнет и опять скроется в лоно матери, то может погибнуть от недостатка кислорода, или, в лучшем случае, останется на всю жизнь больным, калекою».

Страх заставил орать на всю больницу: «Спасите ребенка! Рожая!» Никто не появился. Не знаю, сколько продолжалось мое следующее беспомощие. Я никогда за свою жизнь не произносила грубых слов. Но видно на этот раз, придя в себя, я все правила этики нарушила, потому что акушерка все-таки явилась. Она сразу поняла ситуацию и теперь командовала суетливо, испуганно. Голос ее дрожал, лицо позеленело. Она позвала медсестру. Через пару минут неподвижный, белый как стенка ребенок лежал у нее на руках.

– Сынок у вас, – заискивающе произнесла она.

А у меня сил уже не было даже на радость. Лежала с одной мыслью: «Почему не кричит? Живой ли?» Вторая медсестра колдовала над малышом в соседней комнатке. В полураскрытую дверь я видела мелькание ее халата и слышала тихий, настороженный шепот. Казалось, прошла целая вечность, пока, я наконец услышала слабый, сдавленный писк ребенка – новый звук, заполнивший вселенскую пустоту моего измученного сердца. «Слава Богу, живой», – выдохнула я. Теплота разлилась по телу, и я спокойно смежила веки.

Очнувшись от того, что лежу в коридоре на каталке и дрожу от холода. Видно долго спала после бессонной ночи и трудных родов. У пробежавшей мимо няни попросила одеяло и спросила, почему меня не отвезли в палату. «Наверное, еще не готова, ее дезинфицируют. У меня нет одеял», – сказала старушка и, сочувствуя мне, принесла простынку. Я поблагодарила ее. Но когда она засеменила по своим делам, я поняла, что простыня меня не спасет. В одном конце коридора было открыто окно, а в другом – дверь. И никого вокруг. А на улице стоял декабрь. Я не знала, можно ли мне вставать и принялась звать дежурную медсестру. Бесполезно. Сама закрыла окно и обратила внимание на то, что я нахожусь в каком-то закоулке, кармане или «аппендиксе» коридора, куда никто не заглядывает.

За окном было уже темно, когда я, наконец, попала в палату. Никак не могла согреться. А вскоре поняла, что у меня поднялась температура. На зов опять никто не откликнулся.

«Видно, подруга свекрови на суточное дежурство заступила и только утром сменится», – горько подумала я. – Возможно, она знает, что свекровь ненавидит меня и была против того, чтобы я рожала ребенка, поэтому нарочно мучает меня».

Утром другая акушерка, тронув мою грудь, заволновалась:

«Все протоки забиты, молоко от жара свернулось. Дите слабое, семимесячное, не высосет. Если сама не отцедишь, грудницу заработаешь. Тебе бы сейчас моего, годовалого подложить, так сразу бы вылечил». Потом дала таблетку от температуры, принесла передачу, показала, как массировать горячую, твердую как камень грудь. Боль была адская. Из глаз выливалось больше жидкости, чем из груди, но я упорно трудилась.

На следующий день был обход. Акушерка начала меня ругать, что мало работаю с грудью, стала обзывать грубыми словами. Врач сделала ей замечание. Чувствую, мегере нейдет, она уже с утра заведена до предела. Ей нужно на ком-то отыграться. Врач ушла, и она подскочила ко мне, грубо схватила за грудь и стала резко выворачивать ее. От дикой боли я вскрикнула и упала в обморок. Очнувшись, обозвала медсестру эсэсовкой и опять принялась за работу.

Приписка. «Прошло много лет, и я узнала, что свекровь нарочно подговорила подругу не подходить ко мне при родах, пусть, мол, помучается. И та специально оставила меня на сквозняке, чтобы я заболела. Оказывается, эта подруга свекрови, по халатности сделала свою невестку инвалидом, отняла у нее ребенка, сумела развести своего сына и женить его на удобной ей женщине. Теперь несчастная бывшая невестка коротает свои дни в доме инвалидов, каждый день плачет и молит о встрече с дочерью, но ей не дают даже взглянуть на нее. Я сама услышала эту историю в процедурном кабинете, где пожилой медсестре мыли косточки молоденькие практикантки. А моя свекровь вообще не желает никого видеть рядом со своим сыном».

– Я почему-то не удивлена, – сказала Катя, выслушав мой печальный рассказ. – Страсти на уровне «Леди Макбет Мценского уезда»! До какой низости и подлости может в злобе дойти человек! Налицо сознательное, намеренное издевательство. Это же преступление!

Таким нелюдям бесполезно объяснять очевидные вещи, – несколько позже жестко ту же дефиницию высказала Катя.

– А я тебе о чем... Свекровь и ее подруга своим эгоизмом опорочили святое имя Матери, а медсестра еще и нарушала клятву Гиппократова, – вздохнула я.

В течение трех суток мне не приносили сына. Его отхаживали, уколы делали. Я переживала, но не прекращала работать над грудью. Спала два часа в сутки. В палате восемнадцать человек. Духота. Силы мои на исходе. Я падала на койку с мыслью, что больше не выдержу, но отдохнув минут десять, снова бралась за массаж и отцеживание.

Дежурная врач посмотрела на меня и скомандовала: «На первый этаж, в трехместную! Работай днем и ночью, иначе буду резать!» Я в ужасе: «Чем тогда буду кормить малыша? Детским питанием? Он слабенький и не сможет выжить без моего молока!»

В прохладном помещении мне стало намного легче. Откуда и силы взялись. В палате уже находилась молоденькая мама – лет девятнадцати – из близлежащего села. Меня поразила ее взрослая рассудительность, сдержанность и деловитость. Все-то у нее продумано, просто, понятно. Ни одного лишнего жеста, ни одного пустого слова. Какая славная! И с дочкой она управлялась по-деловому, ласково, но не сюсюкая.

В окно постучали. Я удивилась: «Поздно, не приемные часы». Валя открыла окно и строго сказала в темноту: «Николай, уже успел «обмыть копытца»? Может, сначала жену с дочкой домой стоит привезти, а уж потом ритуалы соблюдать?»

На уровне подоконника появилось взлохмаченное белобрысое пьяненькое лицо, по которому размывалась довольная улыбка, смешанная, с потоками благодушных слез.

«Водочка из тебя слезами выливается, – сухо сказала Валя. – Проспись и приезжай завтра к пяти».

Муж послушно соскочил на землю.

«Ты знала до свадьбы, что он выпивает?» – спросила я.

«Знала».

«Почему пошла за него? Говори как есть, без экивоков».

«Лучшего не было. Выбор у нас в деревне не велик. Другие еще и дерутся, а мой добрый».

«Принцев нет, вертолеты закончились»? Но ведь дальше твой муж будет становиться все хуже. Слабохарактерные люди быстро пропадают. Геройство бывает напрасным и даже вредным. Не зря же во всем мире все великие романы имеют трагичный конец», – добавила я с грустной усмешкой.

«Знаю, но я люблю его. Без меня он скорее погибнет. Сколько смогу, столько и буду держать его в руках. Я сильная».

Все это она произнесла без бахвальства, без гордости, будто говорила о простых хозяйственных заботах, а не тяжелой доле жены пьющего человека. По всему видно было, что она трезво, без иллюзий смотрит на свою жизнь, верит в себя и готова к любым трудностям. Передо мной была не романтичная девочка, а зрелая женщина, много испытавшая и много понявшая. Может, пример родителей научил ее жить просто, четко, осмысленно? И все же я не понимала, какой такой особый смысл она вкладывала в понятие своего счастья. Это же горький, мучительный путь! «Добрый, доблестный рыцарь Айвенго ринулся в бой на защиту слабых и обездоленных!» Может, моя сокурсница Тина из этих... убежденных, спасающих... Я бы не смогла, заранее зная о подобной слабости любимого, пойти за него замуж. Я бы переборолась свою к нему любовь. Я не права?

Приписка. «Мне самой потребовалось много лет, чтобы понять, что самопожертвование только развращает тех, на кого оно направлено. А может, это верно только в моем случае? Я опять опережаю события».

Наконец принесли сыночка. Он чуть-чуть порозовел. Красивенький. Родненький. Не налюбуюсь. Спит все время, грудь не берет, потому что слабенький.

На пятый день меня выписали, а должны были на седьмой. Сказали, мест не хватает. Непонятно. Я два дня одна в восемнадцатиместной палате лежала. Дали больничный. Хотела уже уходить, но на пороге остановилась, передала ребенка медсестре и стала читать документы. А где написано, что ребенок семимесячный, что роды были тяжелые, и мне по этой причине продляется больничный? Потребовала исправить. Написали-таки, что тяжелые роды, добавили положенные дни по уходу. Думали, что я юридически не подкована? Сэкономить на ребенке решили? Совести у них нет. Итак ведь ни дня в предродовом декретном отпуске не походила. А блатные за счет нас «перехаживают». Я знаю примеры. Да бог с ними.

Уже через неделю сынок проявил удивительную жажду жизни. Он громогласно заявлял права на свое присутствие в этом мире. Стоило его на несколько секунд оторвать от одной груди, чтобы поднести к другой, он раздражался требовательным басом, молотил ручками и ножками, извивался всем своим тощеньким длинным тельцем. А заполучив грудь, изгибался и обхватывал ее ножками, будто защищая от неведомых врагов.

Митя стал собираться в командировку. Я попросила его отложить поездку, или кому-нибудь перепоручить свою работу, но он и слышать не хотел об этом. Как назло в тот же вечер в доме отключили отопление, а ночью случилась сильнейшая буря. Окна скрипели и громыхали, стекла дрожали и визжали. На какое-то время я заснула. Вскочила от холода. Комнатный термометр показывал четырнадцать градусов. Принялась торопливо заклеивать рамы склеивающей лентой. Температура достигла десяти градусов, но больше не опускалась.

Хотела включить обогреватель, который мне посоветовала купить для недоношенного ребенка врач, обыскала всю квартиру, но не нашла. От соседней позвонила свекрови. Оказалось, что Митя отнес его сестре сушить волосы. И когда успел? Отдать мне обогреватель свекровь отказалась, мол, придет Митя, пусть и разбирается, чей он. Поместила я сыночка в ванную комнату – в самое теплое место в квартире, а сама очень мерзла, потому что у меня было много молока и мои рубашки постоянно намокали. Грудь, чтобы сэкономить на рубашках, я стала подвязывать шалью, доставшейся мне от бабушки. Пришла с прогулки свекровь и первое, что спросила, переступив порог: «Молоко не пропало?». Меня удивил ее вопрос, но я не придала ему значения. Через пару дней она опять обратилась ко мне с тем же вопросом. Я забеспокоилась и попросила объясниться. Свекровь только странно улыбнулась и удалилась. А через неделю молоко на самом деле пропало. Я сказала свекрови, что не верю в мистику, и тогда она радостно сообщила, что я шалью туго перетягивала грудь. «Что же вы не подсказали? У меня нет опыта. Вам не жаль малыша?» – поразила я. Вместо ответа она сказала, что будет приносить ребенку грудное молоко из роддома. Я не поверила в ее отзывчивость, но согласилась. А через несколько дней у сыночка в паху появилась странная сыпь. Я отказалась от помощи свекрови, и она с удовольствием сообщила мне о том, что приносила молоко от проститутки. И добавила, что его положено выливать, но ее подруга специально сохраняла его для моего ребенка.

Приехал Митя. Я рассказала ему о фокусах его мамы. Он, конечно, не поверил.

Первые месяцы я почти не спала по ночам, все прислушивалась к дыханию сына. У моей школьной подруги умер полугодовалый ребенок, захлебнувшись продуктами срыгивания, и этот факт крепко засел в моем беспокойном сознании.

Беспокоит меня здоровье сына. Крупный, быстро набирает вес, улыбчивый, ласковый, но малоподвижный. «Всё нормально. Он толстый у вас», – отвечает мне участковая.

«Но он не сидит, не ползает и даже сам не переворачивается! Он ничего не делает из того, что обязан выполнять в своем возрасте. В чем причина?» – волнуюсь я.

«Сажайте малыша в подушки», – советует врач безразличным тоном.

«Но это может привести к искривлению позвоночника!» – возмущаюсь я.

На мое счастье в поликлинике появилась новая врач-невропатолог. Она-то и обнаружила у сыночка общую мышечную атрофию, которая образовалась в результате асфиксии – длительного кислородного голодания организма во время родов, о чем умолчали в роддоме, и не разглядела участковая, между прочим, заслуженный врач. А это означало помимо всего прочего слабость сердечной мышцы, никудышнее зрение, косолапость, полное обездвижение, возможность различных отклонений в психическом и умственном развитии ребенка и т.д. и т.п.

Невропатолог пригрозила участковой: «Если обнаружу еще хоть одного запущенного ребенка, я вас посажу». А через полгода ее выжили из поликлиники. Но уходя, она вызвала меня к себе на прием и подробно расписала вплоть до двадцати семи лет, как я должна поднимать ребенка и чего остерегаться. Я думаю, она так поступила со всеми мамами, у которых были дети с тяжелыми родовыми травмами. Особенно много у нас почему-то было малышей с вывихами ягодиц.

Приписка. «Мне повезло: на каждого «липового» врача всегда находился настоящий, талантливый. Они-то и помогли мне вылечить сына и вырастить полноценного во всех отношениях, умного человека».

Дальше в дневнике шли подробные описания методов лечения, гимнастик, массажей и результатов ежедневных наблюдений за ребенком. Но память Киры их не зафиксировала.

Лечение продвигается очень медленно, явных успехов нет. Я без слез не могу смотреть на неподвижно лежащего сына. Кудрявый, белокурый, а огромными голубыми глазами, постоянно улыбающийся... Он не мог знать, что его ожидает, если я его не спасу.

Коллега сообщила мне, что из Москвы приехала группа молодых, но уже знаменитых ортопедов и что их сверхсовременные методы лечения не поднимают на ноги разве что мертвых, и дала адрес больницы, находящейся за городом. Митя не захотел отпрашиваться с работы, и я поехала одна. Принимали врачи в маленькой комнатке, а все больные дети со своими родителями толпились в длинном узком коридоре. Дети в основном были грудные. Ни лавочек в коридоре, ни туалета в здании-пристройке, ни стола, где можно было бы перепеленать ребенка. При каждом ребенке были оба родителя. Это позволяло им по очереди выходить из душного коридора на улицу, чтобы отдохнуть, глотнуть свежего морозного воздуха или посетить далеко находящуюся туалетную кабинку.

А я стояла одна. Во мне сорок пять килограммов «чистого» веса, а в сыне с учетом теплого ватного одеяла – семнадцать. За пазухой бутылочки с водой и детским питанием, в сумке сменные пеленки. Их я, осторожно просовывая руку под одеяло, подкладываю под малыша, когда он криком сообщает, что ему не комфортно. Час стою, два, три, четыре... Люди все приезжие, нервные, потому что бояться потерять свою очередь и не успеть попасть к врачу.

Руки мои затекают, ноги ноют. Думаю: «Если присяду на корточки, чтобы положить ребенка на колени, передохнуть, то могу обмочиться. Мочевой пузырь сводит судорогами. Господи, дай мне сил выдержать...»

На улице уже совсем темно. Как только на столе у докторов развернула и передела ребенка в чистое и сухое, то сразу исчезла на несколько минут. Иначе не смогла бы и слова сказать онемевшим ртом. Мой милый терпеливый сыночек предстал перед специалистами вялым, измученным, еле пищущим существом. Врачи несколько минут крутили-вертели, ощупывали его, а я рассказывала о причинах его болезни и лечении. Потом один из них, брезгливо встряхнув кистями рук, сказал: «Зачем он вам такой нужен? Оставьте его у нас в больнице, мы попытаемся его вылечить новым еще не испытанным, но теоретически перспективным методом».

«Диссертацию еще не защитили? – спросила я сурово. – Не отдам вам сына, сама вылечу. Без материнских рук ему не встать». А сказала я так потому, что обратила внимание на то, как недобросовестно относились к процедурам некоторые медсестры, даже когда я им «приплачивала». Мне пришлось научиться самой делать массажи, уколы и проводить разного рода гимнастики.

Тяжело было. Работа, отсутствие помощи мужа в домашних делах. Мало спала. Хроническая усталость... Ела-пила на бегу... Не раз была в полубаге... к Богу. Отправляла в астрал свои просьбы в надежде, что небеса помогут, но беды и трудности только добавлялись.

Приписка. « Попрошу мужа сделать с ребенком зарядку, а он доведет малыша до слез и «умывает руки». А много лет спустя узнала, что все эти долгие двенадцать лет, пока я боролась за здоровье ребенка, мой муж, при каждой встрече с любовницей, делал ей массаж, чтобы повысить уровень ее сексуальных ощущений».

«Об этом она ни от кого, кроме как от Инны, не могла узнать. У нее превосходный талант в области расследования семейных коллизий», – подумала Кира.

Натерпелась я от свекрови. Собираю малыша к врачу. Зима. Сто одежек на сына надеваю. Потом «в мыле» сама скорей-скорей напяливаю свою одежду. Закутанный ребенок орет-надрывается, но ни свекровь, ни ее сестрица, которая, кстати, всю жизнь в детсаду няней проработала, не подойдут, не успокоят своего внука, на руки не возьмут. А в поликлинике многие женщины сами предлагали помощь. Говорили: «Вспотеет, на холоде ветерком маленького прохватит, заболит, не дай Бог». Там все друг другу сочувствовали, за труд не считали свою помощь. А свекровь моя никогда не работала и дома боялась перегрудиться?

Я молча терплю фокусы свекрови, надеясь, что ребенок повернет нашу с Митей жизнь в другое русло. А еще свое терпение сама себе объясняю тем, что муж тоже страдает в этой семье, и когда мы получим квартиру и устроим свое гнездышко, он поймет, какая у него хорошая семья, а уют и спокойная жизнь сделают его добрей, внимательней и заботливей. А пока я каждый день выслушиваю, как свекровь внушает сыну, что всю свою жизнь ему отдала и по сей день отдает, и думаю: «В нашей семье было четверо детей, моя мать работала, имела скотину, сад, огород в двадцать пять соток и еще помогала старикам, родителям мужа на их пятидесяти сотках, но никогда я таких слов от нее не слышала». Чем жертвовала свекровь? По отрывочным рассказам ее сына выходило, что мать никогда не работала, а он все школьные годы ходил в обносках, стеснялся своей бедности. Мать всегда гоняла отца в школу на родительские собрания и по всяким другим делам, сама не высывалась. Это дома она горластая. Уроки дети делали сами. Что она им отдавала? Себя берегла. Есть категория женщин, довольствующаяся очень немногим, лишь бы дома сидеть. Подтверждение всему этому я услышала летом, на речке, куда мы как-то выбрались покататься с его бывшими одноклассниками. Одна из девиц сказала мне презрительно: «Надеюсь, ваши дети будут не такими зачуханными, каким был ваш муж». Я возмущенно заметила, что после войны большинство семей жило очень скромно, и что хвалиться богатством на фоне трудностей и проблем в стране считаю неприличным. И добавила с достоинством, но несколько тише, что ценю в своем муже, прежде всего, его ум и такт. Митя не слышал оскорбительных слов одноклассницы, дочери крупного городского начальника, хотя сидел в двух шагах от нас, потому что азартно играл в карты.

Дальше в дневнике шло описание исповеди Зои перед подругой Катей. «Я знакома с ней только заочно, на основании дневника», – вспомнила Кира.

...Я стираю на кухне, а свекровь со своей матерью в спальне с сыночком моим сидят. Заглядываю к ним вся в мыле, смотрю – малыш на мокрой пеленке у самой форточке лежит. Я заволновалась: «Закройте форточку! Когда я выхожу на улицу к колонке, в спальне возникает сквозняк и ребенка охватывает морозным воздухом. От мокрой холодной пеленки он может застудить почки!»

Бабка отвечает: «Мне душно».

Соврала. Она даже летом ее не открывает, если находится в комнате.

«Так сухую пеленку подстелите и одеяльцем малыша прикройте. У меня же руки грязные», – прошу я.

И ты думаешь, они закрыли? Прихожу с улицы, опять заглядываю в спальню. Сидят обе и улыбаются. Я сменила пеленку, хлопнула форточку и потом через каждые десять минут поглядывала на окно. И такое бабушки проделывали не раз. И при этом свекровь, зная, как я волнуюсь за сына, каждый раз рассказывала мне историю своей подруги. Той, видите ли, надоедало нянчиться с детшками, которых она рожала каждый год, так она высывала грудничков зимой в форточку голенькими, расперенными после купания, чтобы умирали. Свекровь хотела, чтобы я постоянно нервничала. Когда моему ребенку было пять месяцев, она погнала меня на работу деньги зарабатывать. И тут начались новые мучения: сын перестал спать ночами. Качаю я его, бедного, всю ночь в кроватке, а он смотрит на меня с укором: «Что ж ты меня трясешь, мозги забалтываешь? Хватит!». Честное слово! А свекровь смеялась: «Ребенок ночь и день перепутал».

Но в одно из воскресений я заметила, как она, полдня болтая на кухне со своей подругой, все время потихоньку подкачивает коляску, чтобы ребенок не просыпался. Я попросила ее не делать этого. Она мне скандал устроила. В общем, пока мы с ними жили, я почти не спала нормально. Птичий сон у меня был. Но мне больше сыночка было жалко. Сколько я, бедного, трепала, качала, мозги выколачивала, пока выяснила причину его ночного бодрствования.

Зашли с сыном в кабинет к участковому врачу. А там в стеклянном шкафчике красивые игрушки выставлены. Естественно, что любознательный ребенок

к ним потянулся. Врач вдруг так рывкнула «Не трогай!», что бедный малыш от страха отскочил от шкафа и спрятался за меня. Да и я от неожиданности вздрогнула всем телом. Потом участковая принялась задавать моему ребенку вопросы. «Как зовут родителей? Твой адрес? Когда в школу пойдешь?» И, конечно же, мой сын упрямо молчал. Не хотел разговаривать с невоспитанной теткой. Врач записала в медицинскую карточку заторможенность в развитии и пригрозила отправить моего ребенка в школу для умственно отсталых детей. Я попыталась растолковать ей, что зажатость моего сына в данном случае происходит... Но участковая грозно выкрикнула «следующий», и мне пришлось покинуть кабинет. За пределами поликлиники сын спросил: «Мама, врач глупая или просто злая?» «Может, у нее дома случилось какое-то несчастье», – попыталась я оправдать участковую. «Она злая!» – непримиримо заявил мой ребенок. Он понял, что врач не права. В шесть лет сынок умел сравнивать свои знания и навыки с аналогичными знаниями детей в своей детсадовской группе. Он свободно читал, быстрее всех решал задачки на подготовительных занятиях. Только драться не умел. Сыну жалко обижать, кого бы то ни было. «Ему же будет больно», – объяснял он мне свое нерешительное поведение.

И моя коллега жаловалась мне, что участковая в их деревне поставила ее дочке в полтора года диагноз «дебильная», только по тому признаку, что она крутила в ручках раздвижную палочку. Сколько они с мужем слез пролили, пока девочка подросла! А она и школу отлично окончила, и московский вуз.

Стала замечать, что Митя с матерью чаще обычного шушукуются на кухне, а я опять в стороне. «Приперла мужа к стенке». Оказалось, что мы, наконец-то получаем квартиру. Радости, конечно, не было предела. И тут же узнаю, что они уже год как знают о строительстве домов и уже выбрали район, этаж.

- Почему ты мне ничего не говорил? Я бы целый год ждала и радовалась. Может, быть, даже второго ребенка родила, чтобы сразу получить большую площадь. Ведь квартиру раз в жизни получают, потому что расширения можно никогда не дожидаться.

- Я хотел сюрприз тебе сделать, - ответил муж.

- Сюрпризы матери делай, а со мной обсуждай все, что нам предстоит, мы же семья, - обиженно возразила я.

- Как председатель совета молодых специалистов, я мог бы получить большую жилплощадь, но мама не посоветовала, - брякнул Митя и закусил губу, поняв, что сболтнул лишнее.

- Не рассчитывать на перспективу, отказываться от лучшего? А если у нас еще дочка появится? Не понимаю я вас. Вы добра сыну не желаете? Другие родители за каждый метр борются, мечтают, чтобы внуки имели отдельную комнату, а вы отговариваете сына. Разве ваш сын не заслуживает достойной жизни? Почему мы должны тесниться, жить как тараканы под печкой?

Свекровь, как всегда, довольная моим волнением, радостно ухмыльнулась. Позже я поняла, что она хотела, чтобы я не могла развестись, была в постоянной зависимости от мужа, который будет позволять себе любые вольности. Двухкомнатную квартиру не разменять на две однокомнатные без доплаты.

А зачем тогда ссорила нас до получения квартиры? Зачем создавала мне невыносимые условия жизни? Хотела, чтобы, разведясь, я осталась с ребенком без жилплощади или жила в постоянном аду, наблюдая «личную» жизнь своего бывшего мужа, как это случилось с моей детдомовской подругой Лялей? «Дети сыновей - не родные, только от дочерей - свои кровиночки», - сказала мне как-то свекровь. (Еще одно открытие!) Я уже не удивлялась, находя все новые подтверждения жестокости этой нелепо гордой, норовистой, хитрой женщины.

Разговор наш, оказывается, еще не закончился.

- Ты каждый год, как кошка, собираешься рожать? - насмешливо спросила свекровь.

У меня мелькнула оправдательная мысль: «Может, ее издевательства надо мной - болезнь, а не зловредный характер? А на больных не обижаются, им сочувствуют».

- Ваша мама восьмерых родила. Как мне ее назвать? - парировала я. - Я считаю, что в семье должно быть хотя бы двое детей. Для них же лучше. И хорошо бы, чтобы между ними была маленькая разница в возрасте, чтобы они росли друзьями, а не командиром и подчиненным. Мы с братом никогда не ссорились, и на улицу нас не тянуло, мы вдвоем никогда не скучали.

Я не стала напрямую напоминать свекрови о неуживчивости ее детей, но она все поняла, ничего не ответила и гордо удалилась восвояси. Я была права, но она все равно вела себя как победительница.

Меня поражало: почему вроде бы неглупый сын не может распознать поведение своей матери? Любишь мать, люби на здоровье, но зачем позволять дурака из себя лепить? Почему всем в нашей жизни заправляет мать? Вдвоем мы сумели бы ее победить.

Опять я в лирику ударилась?! Вернусь к предмету своего описания.

Хоть и подпортил разговор со свекровью радость от прекрасного известия, я была безмерно счастлива тем, что скоро буду свободна в новой квартире от тяжелого бремени родни и смогу строить свое, настоящее счастье. Наконец-то закончатся унижения, и Митя станет самостоятельным, любящим, заботливым отцом и мужем! Я мечтала пробудить в муже чувства, умолкнувшие за время проживания с матерью. Я хотела жить с ним одним дыханием, одним сердцем. Я верила, что он преобразится.

Обманывала я себя наивной надеждой на лучшее. На Митины изысканные ухаживания я ответила «люблю» по бессознательной оплошности человека, не отдающего себе отчета в том, насколько несовершенным и часто несовместимым является мир людей, думающих сегодня так, а завтра совершенно иначе. Благоклонно принимая возвышенную любовь жениха, я не представляла его в быту.

Митя - женился, а там будь, что будет? Он любил глубокомысленно рассуждать о банальностях, но не хотел решать запутанные житейские проблемы. Он испытывал бессилие перед добровольно взятыми на себя обязанностями, а я в силу неопытности внимала его красивым рассуждениям с беззащитной наивностью, свойственной влюбленным. Нет, не случайно Митя не ушел в общежитие. Он боялся жить без матери. Собственного характера у него было всего ничего, одна видимость.

Шесть лет проживания в большой семье не прошли даром. Митя стал другим человеком, совсем не похожим на того студента, за которого я выходила замуж. Видно, гордыня и высокомерие в студенческие годы еще дремали в нем, пока мать их не пробудила. А может, он вернулся к себе прежнему. Оно и понятно: как правило, мать для ребенка - высший критерий истинности и нравственности. Мне одноклассник рассказывал: «В моей семье был матриархат. И когда я женился, то был дезориентирован: любимая мама, любимая жена... Но Любочка сумела мне объяснить, что к чему...» А я не смогла.

Приписка к разговору с Катей. «Я только через тридцать лет в случайном разговоре с родственницей Мити узнала, сколько гадостей делала мне свекровь, как порочила меня перед своим сыном, обвиняя в мнимых изменах, чтобы разлучить нас. О каком ее великодушии и порядочности можно говорить или даже помышлять?! Но то, чего я ни на миг не могла допустить в Мите, даже в минуты сильных сомнений, он тут же принял к сведению только благодаря тому, что эти лживые слова обвинения пришли к нему из уст его матери. А я так мечтала об обоюдном во всем доверии и полностью отдавалась человеку, которого любила!»

Митя носится по пустой квартире с криками: «Неужели она моя?! Боже мой! Какое счастье!!» У меня на глазах слезы радости. Теперь все будет по другому!

Кира задумалась, что-то припоминая из другого, более позднего разговора Зои с Катей.

...Ладно бы только надо мной измывалась эта гадина. Она здоровье нашего ребенка бросала в жерло своей странной ненависти. Отмечали мы в кругу друзей мужа день рождения доченьки. Ей годик исполнился. Малышка лежала на диване рядом со мной. Гляжу, а дочка вдруг стала извиваться своим маленьким тельцем, крупные капли пота покрыли лобик... но она улыбалась! Увиденное неприятно шокировало меня. Я с паническим, даже мистическим ужасом смотрела то на ребенка, то на свекровь. А та странно улыбалась. Такая была довольная! Я схватила малышку на руки и скрылась с ней в спальне.

- Что с ней? - испуганно спросила я.

- Онанизм, - со счастливой улыбкой ответила свекруха. - Ребенок самостоятельно достигает оргазма.

Мне чуть дурно не сделалось. Пошла на кухню выпить воды. Свекровь за мной.

- Я никогда не слышала, чтобы этим страдали грудные дети. Это не наследственное? Тогда что является причиной этой болезни? - спросила я. Свекровь с удовольствием объяснила и продемонстрировала.

- Это случайно вышло или вы знали об этом раньше? - спросила я, надеясь на отрицательный ответ, еще веря в ее порядочность хотя бы по отношению к ребенку.

- Давно знала. Дочка моей подруги юности такой болезнью страдала. И полчаса без этого не могла обходиться. Так и выросла неполноценной, - будто гордясь собой, сообщила мне свекровь.

От страха я заледенела. «Тирания меня, она испытывает злорадное удовлетворение! Она намеренно губит ребенка ради удовлетворения своей ненасытной злобствующей натуры?» - В моей голове образовалась непонятная путаница смыслов.

Я никак не могла привести в порядок свои мысли. Для меня понять такое поведение было непосильной задачей. Голова отказывалась служить.

- Зачем же вы, зная последствия, своей внучке постоянно делали подобные упражнения? - наконец ошарашено спросила я, все еще не веря в услышанное. - Меня вам мало? Какие же вам еще нужны жертвы, если вы не пожалели даже свою родную внучку?

- Сыновы дети - чужие, - отрезала свекровь.

- Наслышана. Какое-то странное у вас понятие родственных связей. Оно у вас стертое или искаженное. Получается, что сыновей в вашем роду не любят, а лишь используют? Но хорошим людям и чужих детей жалко. Так вот ради чего вы зачастили к нам! - упавшим голосом добавила я.

Возмущение отодвинуло на задний план все мои остальные, ранее получаемые от свекрови пакости. А она, как обычно в таких случаях, сложила руки на груди и свысока молча и презрительно посмотрела на меня. Как удав на кролика. Я видела, что блаженное состояние от легко достигнутой цели не оставляло ее.

Не встречались мне еще такие жестокие женщины. Видно, не в тех кругах вращалась. От бессилия и обиды мелькнула горькая слабovolьная мысль: «В мгновение ока перемахнуть бы через подоконник... и больше не видеть ее, и не слышать...»

Обессиленная, присела на краешек стула.

- Что плохого сделал вам ребенок? В чем причина вашей ненависти ко мне? - еле шептала я. Страх, ужас, непонимание стиснули мне горло. И в голове крутилось непонятое: «Глухих людей Мать-Природа в качестве компенсации награждает хитростью, наглостью и жестокостью? Эти качества приобретаются в процессе трудной жизни? Но моя свекровь в детстве была самым любимым в семье ребенком, муж тоже ублажал ее. Откуда такая патология? Гены?»

Еле дождалась ухода гостей. Рассказала обо всем мужу. Он категорично заявил:

- Моя мама - прекрасный человек и такого сделать не могла. И добавил насмешливо: «Не можешь признать справедливость моего замечания? Продолжаешь последовательно придерживаться своей версии? Ну да, ты же у нас как чукча, думаешь не только головой, но и сердцем».

- Нам опасно с ней общаться! Может, врач был прав, когда утверждал, что выкидыш у меня был не самопроизвольный, а намеренный? Ты прекрасно знаешь, что твоя мать всегда была против того, чтобы мы имели детей. Объясни, почему? - тоскливо спросила я Митю.

- Ты и раньше все свои беды придумывала, чтобы поссорить меня с мамой и вынудить уйти в общежитие. А теперь ты хочешь, чтобы я вовсе не видел ее?

- А болезнь ребенка? Твоя мать наглядно продемонстрировала мне способ ее зарождения. Я много раз видела, как она это проделывала, но не догадывалась, что подобные упражнения вредны.

- Враки все!

- Я лгу? Я еще и виноватой осталась? Ты вырос в семье лжецов. Хорошую семью нельзя построить на недоверии! - возмутилась я и от безысходности расплакалась.

Что мне еще оставалось? Искушение навсегда забыться было столь велико, что мои руки сами собой потянулись к аптечке. Но дети... И я переборолла себя.

Приписка. «Несколько лет я осторожно и терпеливо боролась с болезнью ребенка, а свекруха, приходя к нам, при любом удобном случае - конечно, когда рядом не было сына, - пресным голосом пересказывала мне историю с дочкой своей подруги и добавляла со странной улыбкой, не вяжущейся с содержанием слов: «Так и осталась, бедная, ни к чему не пригодной дурочкой». Она радовалась тому, что больно ранит мое сердце напоминанием о возможной неполноценности нашей дочери. А я сжимала зубы и думала: «Рано торжествуете. Плевать мне на ваши козни. Не удастся вам меня победить! А прабабка-то верующая. Как она могла допустить такое и даже участвовать? Может, ее религия не только позволяет, но и способствует жестокости?.. Но ведь на пасху на коленях стояла перед приемником, когда молебен слушала. Молитвы бормотала. Я сама видела. Грехи отмаливала?»

Отучила-таки я дочку. Но каких нервов мне это стоило, скольких слез и горьких дум! А муж не обращал ни на что внимания, будто его ничего не касалось.

О всех пакостях, какие делала бабушка своей внучке, даже когда та уже выросла, времени не хватит рассказывать. А ведь внешне она в ее породу пошла, казалось бы, должна любить. Ну вот как с такими людьми жить?.. Недавно свекровь сказала мне, как бы походя, что читая Библию, поняла, что Христос был жестоким. Оправдание себе нашла? А я из Библии поняла, что Он ждет от каждого из нас того, и мы, и наши дети будут стремиться стать добрее, возвышено-божественнее».

Я готовлю обед. На четырех конфорках газовой плиты варится парится, жарится, а я с ложкой как дирижер перед оркестром, еле успеваю то в кастрюли что-то добавить, то в сковородке размешать. Дочка играет на балконе. Пирожки лепит из песка. Мужу надоела ее караулить, и он говорит мне: «Сама поглядывай на нее из окна». Посиди с ней еще хоть полчаса. Я не могу от плиты оторваться. Лоджия длинная. Пока я ко второму окну сбегаю, у меня или лук подгорит, или бульон выплеснется на плиту». «Я поеду к маме, она скучает без меня», – возразил муж. «Вчера только у нас была», – заметила я, но уже поняла, что спорить бесполезно, если мама приказала.

Кручусь у плиты, в окно поглядываю. Слила отваренные макароны. Опять к окну подскочила. Нет дочки в песке. В панике бегу в спальню. Через окно вижу... дочку, сидящую верхом на горизонтальном металлическом уголке ограждения незастекленной лоджии, старательно ерзающую... Она пытается и вторую ножку перекинуть через штангу. При этом она сильно раскачивается то внутрь лоджии, то наружу... Я чувствую, что все внутри меня ухнуло куда-то вниз... Я с замороженной улыбкой подсакиваю, выхватываю дочь и падаю на пол... Я реву в голос, меня трясет... Малышка теребит мои волосы. Придя в себя, я хватаю молоток и гвоздем «соткой» с остервенением наглухо прибиваю дверь к порогу. Вколотила по самую шляпку. Я пытаюсь загасить свое воображение. Что было бы, если бы... Шестнадцатый этаж... Я не понимаю, как двухлетний ребенок мог взобраться по голым прутьям на штангу...

– ...Знаешь, как моя подруга второй раз замуж выходила? Она рассказывала: «...Он мог, когда мне было некогда, моих детей выкупать и спать уложить... И я поверила, что он меня любит, что он преданный и надежный, как танк». Вот как надо мужей выбирать. А мы их дифирамбам верили, – насмешливыми словами подытожила Катя один из моих рассказов о «радостях» семейной жизни. – Невозможно одной колодой карт играть с Богом и Дьяволом, – добавила она.

– Думаешь, грехи ограничивают общение с Богом? – усмехнулась я.

Катя перебила меня:

– Я о другом. В мозгу человека есть жесткие связи и гибкие. Это открытие физиолога Натальи Бехтеревой. Жесткие работают всегда, а гибкие подключаются по мере необходимости. В некоторых семьях жесткие связи – это диктаторство. У твоего Мити врожденный или приобретенный дефект мозга. В нем напрочь отсутствуют гибкие связи. Такого не вразумить. Если только шоковой терапией, на которую ты не способна. Я бы на твоём месте развелась. Не мешай ему, не спасай положение и он сам все разрушит. Он же только строит из себя взрослого. Сосунок.

Трудно принять человека, если у него не только другое общее мировоззрение, но и иные взгляды на семью. Я бы сравнила ваши взаимоотношения с принятием моды на грани безвкусицы, вульгарности и шика.

– В точку. А нас с тобой устроили бы вечные беспроектные варианты: спортивный стиль или строгий классический, – усмехнулась я.

– Мощный атлет-атлант или добросердечный беззащитный труженик-интеллигент, – рассмеялась Катя.

– Ты тоже о своем муже не каждый раз с теплотой вспоминаешь, – пробурчала я.

– Мой безвредный: немного зануда, чуть-чуть педант. Трындит, трындит... Бывает слаб и жалок в некоторых проявлениях. Случается, отнимает много душевных сил. Брак – самый близкий союз двух людей. Он много чего выявляет в человеке... Но я дипломат и корабль своей семьи проведу мимо любых айсбергов. Как и ты. С той лишь разницей, что у меня есть поддержка, а ты – вопреки. К тому же у меня нервы как канаты, а не твои шелковые нити. Я люблю своего мужа даже в минуты, когда он мне не нравится, за его непоказные чувства. Он добрый. В любой ситуации мы с ним рядом. Я не божий одуванчик, а глава семьи: строгая, жесткая, любящая. А резка бываю, потому что неравнодушная. Мы всегда вместе боремся за кого-то в своей семье: то за детей, то за стариков. А твой Митя только за себя, чтобы его покою не навредили. И мое счастье, что мы поладили с моей свекровью, иначе у нас с мужем могло ничего не получиться. Она поняла, что я хочу для ее сына добра, а твоя – глупая.

– А в результате «kozyрный альфа-самец» у тебя на посылках! А я, какой дорогой ни пойду, все равно где-нибудь и что-нибудь да потеряю. Я из тех, которые могут только отдавать. Мне не имеет смысла разводиться. Меня любой неформальный или просто хитрый мужчина будет использовать. И никуда мне от этого не деться. Это моя природа, мой характер. Меня надо было переучивать с детства?

– Коррективы не помешали бы. Ты со своим характером и в любовницы не годишься. Те, чтобы что-то получить, должны уметь требовать, – рассмеялась Катя.

– Мои запросы скромны – подыграла я подруге. И мы обе расхохотались.

– Твоя история схожа с той, что мне как-то рассказала твоя сокурсница Вера. У ее бывшего мужа та же методика общения с женой, что и у твоего Мити, – задумчиво сказала Катя.

– Не та ли эта Вера, что за Генкой была замужем?

– Она самая. Помнишь, у него нога была сильно деформирована. Врачи туберкулез кости признавали. Вера сомневалась: выходить-не выходить за него замуж. Любила его, но что-то ее беспокоило, а что она понять не могла. Оказалось, предчувствие ее не обманывало.

– Ей... «чудится излом холодной пустоты». «Не видя дороги, ты кинешься в горестный путь...» Помнишь эти строки?

- Еще бы!

- Какие у Генки глаза были чудные! Цвета насыщенной морской волны. И характером он был мягок и добр. Что же произошло с ним?

Катя поморщилась:

- Мать Генки Веру заела. Все не по ней было. Пока отец его жив был (чудный человек!) и защищал ее, она еще терпела издевательства, потому что они поддерживали друг друга. А как он умер - в пятьдесят лет, несправедливо-ранний уход из жизни! - забрала она дочь и прости-прощай гадкая семейка. Так и живет Генка со своей престарелой больной мамашей, никому больше ненужный. Я даже на пределе ума не могу его понять.

- Насколько я знаю, она у них всю жизнь «умирала». Такие в войну за чужие спины прятались и паек себе дополнительный «выбивали», зубами вырывали, пока другие голодными вкалывали, не жалея сил, а их дети в детдома попадали, - зло пробурчала я.

- Говорят, Генка был тайно верующим, - заметила Катя.

- И где это ты слышала, чтобы религия сдерживала похоть мужскую или укрепляла слабость характера? - выдержав эффектную паузу, безжалостно спросила я подругу.

- Какой девчонке жизнь сгубил своим слабоволием, телок мокрогубый! Все «мамочка» да «мамочка», а что дочь отца не знала - ему было наплевать. За это с них обоих сурово взыщется, - тихо сказала Катя. - Трудно Вера жила, комнату снимала - платить «за постой» всегда было дорого, - но алименты не требовала. Сама Вареньку вырастила, выучила, замуж отдала. В этом она видела свое высшее назначение, свою вершину. В прошлом году умерла. Болезни будто впились в нее. И сердечко не железное, устало пахать. Тяжело, когда всё в одни руки, но лучше одной, чем с таким: без ласки, без уважения, без любви, под градом издевательств и унижений. Дочка сказала: «Мамы уже нет здесь. Ей теперь хорошо».

- А на свадьбе, я слышала, Генкина мамаша ласковой овечкой прикидывалась, чтобы невестка не распознала ее стервозный характер.

- Это тоже тогда насторожило Веру. Но ведь мы всегда хотим видеть в людях лучшее, боимся даже в мыслях оскорбить... А мы, женщины, обязаны просчитывать всевозможные риски и прогнозировать любую ситуацию наперед. В противном случае наши замужества или глупость, или авантюра. И ты тому яркий пример, - грустно-сочувствующе сказала Катя.

- А ты не яркий, - отшутилась я.

5

Мы с Митей оба родились в год петуха. Но в последнее время я стала замечать, что в его понимании он петух, а я мокрая курица, клуша. Живем отдельно от его матери, но я постоянно чувствую ее настойчивое влияние на сына. И как мне переубедить Митю, как доказать что я достойна уважения, если он меня отторгает, боясь уронить себя?

Митя не желает в субботу оставаться с дочерью (я по субботам работаю), а меня заставляет кланяться своей матери, упрасивать, чтобы она посидела с ребенком. И везти ее к ней не хочет. Раз я заболела, и он вынужден был сам отправиться к мамочке. Приехал домой злой как свора собак. Раскричался: «Зачем такую тяжелую сумку собрала, там еды на полк хватит. Еле доволок. На одной руке ребенок, в другой пудовая сумка... С ума можно сойти!»

«Сидел бы сам. Невелик труд. Я по твоей «милости» каждую пятницу вожу дочь и не ною. Твоя мама соглашается сидеть с ней только на всем готовом. Даже компот из сухофруктов ей трудно сварить. Сына я на все лето к своей родне в деревню отправляю с одним рюкзаком одежды и обуви. И упрасивать мне их не приходится», - возразила я.

Можно подумать, что мое «обоснование» что-то изменило.

Пришли гости. Поели, попили, потанцевали и разговорами занялись. Наступило время ребенка спать укладывать. Закрыла я дверь в спальню, лежу песенку тихонько напеваю. Дочка трудно засыпает. Наконец глазки стала смежить. Влетает Митя с криком: «Дверь не догадалась закрыть? Лежишь наполовину оголенная». Я расстроена. Проснулся дочь, расплакалась. Шепчу мужу с обидой: «Закрывала я дверь. Она сама открылась. Ты же знаешь, какие у нас сквозняки. Может, кто из гостей заглянул в спальню и плотно дверь не притворил, но я не видела, спиной к ней лежала. А ты сам не мог тихо прикрыть? Ты же не чужой, мы семья. У тебя тоже есть в ней обязанности. Ты способен лишь приказывать и требовать? В семью надо вкладывать положительные эмоции, но ты только черпаешь из нее». Разозлился. На себя или на меня? Дверью грохнул. Значит на меня. Дочка еще пуще заплакала.

Качаю ее на руках, а сама думаю: «Ну как мне ему объяснить, что он должен был все сделать, чтобы не потревожить засыпающего ребенка и не заставить жену нервничать, что он муж, отец и у него есть не только право предъявлять претензии...»

Еду с рынка. Грудной ребенок на руках, огромный рюкзак за спиной. Сын в брюки вцепился где-то на уровне колена. Еле влезла в автобус. Мне стыдно, что толкаю людей рюкзаком, но снять его не могу. Боюсь, не получится снова надеть. Люди «вдохнули», потеснились, и я пристроилась в ближнем от входа углу задней площадки. Стою, согнувшись, и грущу: «Мите не приходит в голову, что надо бы мне помочь. Ему нельзя тяжело поднимать? Так мог бы с детьми посидеть. И этого не хочет. А когда-то обещал, говорил, что дети любят его. А он их?»

Веду детей из садика, в руках две сумки полные продуктов. Повезло по пути вне плана помидоров дешевых прикупить. Подлетает Митя, бросает мне тяжелый дипломат и говорит: «Мне тут к другу забежать надо. Готовь ужин, я скоро». И мгновенно умчался. Я обалдела развожу руками. Не заметил, что я нагружена до предела? Мне в зубах нести его дипломат? «Челноком» кое-как всё перетащила домой, а после ужина попросила мужа быть внимательнее. Похоже, мимо ушей пропустил. Человек, не знавший трудностей, не может понять того, кому тяжело?

Вспомнила слова подруги Тамары: «Мужчины, отдыхая, отключают мыслительную деятельность, а женщинам наоборот во время отдыха хочется поговорить, пообщаться». А Митя дома все время отключенный?

Иду с детьми из детского сада. Сумки в руках, рюкзак за спиной. Повезло по пути домой в овощном магазине дешевых огурчиков на засолку купить. Давали по пять килограммов. Детки тоже получили по норме и горды этим. Помощники! Смотрю, муж прогуливается с важным видом с сотрудницей. Великие проблемы решает. Я подхожу, здороваюсь, надеюсь, что поможет. Он недоволен, что его прервали. Скривив лицо, бросает вскользь: «Мне еще час необходим, чтобы закончить». «Значит, через два-три часа зайвнется», – подумала я, безнадежно вздохнув. Скоро как у обезьяны руки растянутся ниже колен и спина ссутулится. Оставить бы эти сумки ему, пусть бы походил с ними. Так нет же, воспитание не позволяет... Напомнила вечером про его невнимательность. Так раскричался. А к концу истерики уже забыл, что стало ее причиной. Орал уже не поймешь о чем. И тут я впервые вспомнила его первую при мне ссору с отцом. Я тогда тоже никак не могла понять, почему они кричали друг на друга, и о чем спорили? Со временем я убедилась, что люди много говорят и кричат, когда хотят завуалировать истинный смысл своих высказываний.

Митины сотрудницы доложились мне:

– Похвалился перед нами ваш супруг: «Жене телек для кухни купил». А мы все решили, что совсем он вас на кухне запер, чтобы дальше ни шагу».

– Нет, – вступилась я за мужа, – я сама попросила купить. Он в зале фильмы смотрит, а мне обидно.

Только Митя меня не защитил, когда они сделали ему замечание, что его жена с рынка идет, согнувшись под тяжестью сумок. Да еще мне дома недовольство выразил:

– Тебе что, другой дороги нет, кроме как ходить мимо окон здания, где я работаю?

Не понял, что не мне, а ему женщины сделали упрек, чтобы помогал. Ну как же, он белый и пушистый! Это я всегда во всем виновата.

– Я на зиму заготовки делаю. По двадцать пять килограмм почти каждый день таскаю: то абрикосы, то помидоры с огурцами. Мне тяжело, а это самая короткая дорога к автобусной остановке, – возразила я.

– Так съезди два раза! Неужели трудно сообразить?

Я глазами луп-луп:

– А детей кто из садика заберет? Ты, что ли? От тебя дождешься...

Вот те на! Я для семьи стараюсь, а он не помогает, грубит, да еще глупой обзывает, чтобы не впутывала в свои проблемы и заботы. Вот так и живу... образцово несчастливо. Он сам по себе, я с детьми сама по себе. Редкий день обходился без слез.

Анекдот вспомнила: «Нормальный мужчина никогда не сделает замечание женщине, несущей шпалу». А мой и тут...

Если я пытаюсь втянуть мужа в круг семейных забот, мне же за это и достается. Чтобы неповадно было. Заставить его что-то сделать требует невероятно огромных нервных затрат. Даже с моим терпением это не по силам. Проще все самой выполнить. Говорят, кто больше любит, тот больше вкладывает. Не о деньгах речь, о душе, о внимании и заботе. Да... надо следовать своему сердцу. А если оно пустое или не развитое? Пыталась ухаживать, но сын...

На базу отдыха на выходные один уехал. Сказал, что устал, хочет оттянуться, расслабиться. Вернулся, поджав хвост, как провинившийся пес, помогать стал. Удивилась и подумала: «Кому я обязана счастьем видеть мужа хорошим семьянином?» Даже пошутила, что с меня причитается. Готова была на что угодно поспорить, что осудили его поведение женщины-коллеги, мозги вправили. У них тоже были дети дошкольного возраста, и они понимали, как мне одной трудно управляться с малышами и домашними делами. Но надолго их взбучки не хватило. Через пару дней все вернулось на круге своя, потому что помогал он не по доброте душевной, а по принуждению, из-под палки.

*

Кира мысленно заглянула в конец тетради, где Зоя сообщала только о радостных событиях. Не густо. Подробно и с любовью описана летняя поездка за город всей семьей на велосипедах, рыбалка, катание на лыжах, на коньках. Какое единение душ! Одни восторги. Сплошное счастье! Зоя писала: «Достаточно сказать, что в такие часы я жизнь свою меряю любовью к миру и солнцем. Счастье здесь и сейчас, когда ценишь то, что у тебя есть и не страдаешь от того, чего нет».

«Эти две страницы счастья тонут в обидах и страданиях», – подумала Кира и тут же вспомнила приписку карандашом:

«Отдыхает с семьей только в том случае, если его желание совпадает с нашим, если он любит этот вид отдыха. Но как редко это бывает! Каким должно быть предложение, от которого он не смог бы отказаться?»

«Ну вот, испортила всю малину, а я порадовалась за нее, – подумала Кира. – Но Зоя права: отдельные редкие радостные моменты погоды не делают, не определяют счастья семьи».

Митя пришел с работы злой, раздраженный. На всех натывается, обо всё спотыкается. Отфутболил ботинки, которые сам же, сняв, оставил посреди узкого коридора. Размахиваясь для удара, зацепился локтем за дверь, ведущую в зал. Крик, маты. Виноваты все, кроме него.

Люди разные. Мой брат даже в запале не кричит, не оскорбляет. Молча переживает. Не может позволить себе кого-то незаслуженно обидеть.

Вдруг вспомнились слова коллеги. Муж ей как-то сказал: «Бойся меня, когда молчу, а не кричу. Молча я зашибить могу». Вот с кем жить страшно. А ведь люди созданы, чтобы любить и быть любимыми.

Почему я не могу донести до Мити свою любовь, почему мы не понимаем друг друга? Мы разговариваем мало и только о быте. По душам не беседуем, оттого и возникает эта внутренняя дистанция. Но ведь это он не хочет, будто боится услышать то, что не хотел бы услышать. Ни литература, ни искусство, ни проблемы воспитания его не увлекают и природа не волнует. А я от хорошего произведения испытываю почти физиологическую радость. (Как давно я не брала в руки художественную книгу.) Не творческий он человек, натура практическая. Это, конечно, полезно для работы.

Митя приехал с рыбалки радостный, ну просто счастливый! Удачно выступил! И я вместе с ним радуюсь, искренне хвалю своего рыбака-кормильца.

Суббота. Иду на работу. Дети со мной. К институту подъезжает автобус. Из него выходят нарядные люди. Я слышу их речь и понимаю, что это делегация из Германии. Они чувствуют себя неуверенно, как-то растерянно топчутся на месте. Преподаватели иняза тоже не решаются сделать первый шаг. Декан видит моих детей и мгновенно догадывается, как разрушить неловкость. Он вручает моим детям цветы и подталкивает к гостям. А они рады поучаствовать в празднике взрослых и горды таким доверием. Со счастливыми улыбками они бегут к немцам...

А у меня сердце сжалось болью за родину, за народ, за каждого из нас, за себя. Во мне заняло мое детдомовское детство. Тридцать лет назад закончилась война, на которой наши отцы положили свои жизни. Их отцы убивали наших... Мы столько из-за них пережили... А мои дети дарят им цветы. Не рано ли?.. Не нарушаем ли мы этим веками выработанный нашими предками код нации? Прежде всего – защитить. Ох это наше всепрощенчество...

Что такое код нации? Это что-то неизменное во всех нас, то, что нас объединяет. Это то, как мы понимаем основное в жизни нашего народа. Конечно, еще язык. Конечно же, приоритет духовного над материальным. Как Борька пошутил? «Мы сами дважды свою страну разрушали только за то, что живем не по правде». Получается, во имя сохранения этого самого национального, культурного кода? Созидательное разрушение? Интересная, своеобразная идея. Надо на досуге ее обдумать. Не оправдательная ли?

Попыталась приучить Митю ставить обувь на полку. Сначала убирала за ним, боясь, что дети споткнутся и лбы расшибут, потом каждый день напоминать стала. И что? Он так и не научился. Просто потребовал никогда кроме ночи не выключать в коридоре свет. Нашел выход! И что самое смешное, других (не при них) зло ругает за то же самое. Особенно достается молодым людям, которые тоже почему-то оставляют обувь у входной двери. У меня в голове не укладываются его двойные стандарты. Мне кажется, что критиковать имеет право человек, который сам ведет себя безупречно или по крайней мере старается.

Приписка. «Рубашки и брюки – по всему залу разбрасывает. Дверцы шкафов по сей день не закрывает. Наверное, потому, что сам раньше никогда за порядком не следил, не стирал, не гладил своих вещей. И при мне категорически избегает этим заниматься. Нет, я понимаю, гениям все прощается. Но он-то обыкновенный».

Накормила мужа, рассказала, как прошел рабочий день. Слушал-не слушал – не поняла. Прошу его поделиться проблемами на работе. Отмахнулся. Уговариваю. Злитесь. «Тогда расскажи то, что тебе было приятно или интересно». Бросает резко: «Ничего!»

«Я чувствую, что у тебя на работе что-то происходит, и хочу помочь. Одна голова – хорошо, две лучше. Я не лезу в проблемы, связанные с технологическими процессами, там ты лучше меня соображаешь, но что касается взаимоотношений в коллективе, тут у меня и опыта больше, и женская интуиция срабатывает».

Молчит сычом надутым.

Помнится, он искренне верил, что коллектив, в котором он писал диплом, прекрасный, что в нем нет интриг. А я побывала в нем пару часов и потом сказала ему неодобрительно: «Ну и болото там у вас. Но ты в нем не утонешь, потому что после окончания университета тебя туда не возьмут».

Сказала Мите:

– Что же ты такой нервный? На работе проблемы? Расскажи, легче станет.

– На работе всегда проблемы, а я такой вспыльчивый, – буркнул в ответ.

– Зачем из мухи слона делаешь? Я понимаю, характер не изменить, но подкорректировать можно и нужно. Сдерживайся, – попросила тихо и горько. – У меня в институте тоже не всегда всё гладко, но я же держу себя в руках. И у тебя получится. Во всем мера нужна. И в эмоциях тоже. «Все приходит в назначенное время... в урочный час для тех, кто умеет ждать».

И тут же мысленно остановила себя: «У него здоровье слабое, а я замечания делаю, раздражаю». Успокоила, с газетой отдыхать послала в спальню, дверь прикрыла. Сама на кухню пошла, там дел невпроворот.

Митя смотрит телевизор. Подсела к нему. Есть время, пока на кухне мясо тушится. Прижалась. Мне хочется ласки. Будто и не заметил моего появления. Положила ему руку на плечо, обняла. Сбросил, не оборачиваясь. Обидно до слез. Не испытывает взаимной нежности? Обняться, сблизиться душами... неисполнимая мечта? Не понимает нереально прекрасного ощущения от близости без секса? Растерял чувства, пока мы жили в его ненормальной семье? Они притупились или... разлюбил? А ведь если вспомнить, никогда не был нежным. Только возбужденным... от желания. Раньше я этого не понимала.

Меня никогда не хвалит, не поддерживает ни в чем, а себя принуждает хвалить. Напрасивается, подталкивает. Я должна хитрить, врать, преподносить ему свои удачные предложения как его собственные, и тогда он будет доволен? К чему мне эти ухищрения? Он будет бездельничать, а я еще и угождай ему? Хватит с него того, что я не упекаю. Пусть сам старается, а не барствует. Один раз сделает что-нибудь по дому и считает, что я целый год обязана быть ему за это благодарна. «Я тебе посуду помыл». «А разве не себе? – удивляюсь я. – А то, что я ежедневно выполняю массу рутинной работы, не замечаешь?»

Я рядом, а он меня в упор не видит. Он – падишах и всё вокруг существует и исполняется по мановению волшебной палочки, находящейся в его руке? Так что ли? Почему он не ценит моего труда? Потому что я не требую благодарности? У нас в семье все друг другу помогли и не благодарили. Помогать это нормально, естественно. Семья же. Все-то у него как-то не по-людски, наперекосья. Он так воспитан? Как-то спросила:

– Дело прошлое, но почему ты не хотел уходить от мамы в общежитие?

– Боялся, что не справимся.

– С бытом? Я? И это с моим-то трудолюбием?!

«Не бойся трудностей. В них мы обретаем себя, становимся личностями», – говорил мне дед, а ему это говорили его родители. Мозговитый у меня был дед. С бабушкой прожил семьдесят лет. Он – полное собрание талантов. И главный из них – человечность.

А Митя не осознает эту истину. Он не хочет сам что-то делать. Он призван руководить, хотя и этого пока не умеет. Все-то у него поскольку, постольку... Была бы у него возможность, как у матери, вообще, наверное, не работал бы. Да, хлопотно строить свою катастрофически короткую жизнь. Хотя... зачем искать приключений на свою голову, если тебя итак обслуживают по высшему разряду?

Бабушка говорила, что секрет семейного счастья состоит в том, чтобы «уметь на протяжении всей жизни не терять совместные бытовые радости. Надо все время что-то вместе делать. Даже когда устраиваешь детям праздники, дели обязанности, чтобы и муж за какую-то их часть отвечал». Но Митю невозможно ни уговорить, ни заставить в чем-то поучаствовать. Как матери удается заставлять сына менять свое мнение? Приходит к ней с одним, нами обсужденным, а возвращается ко мне с другим. Он абсолютно непоследовательный человек? У него ни на что нет собственного мнения? Он подчиняется более сильному влиянию? Как ветер в поле... И ничего не делать для семьи мать ему внушила.

«За что ни возьмешься, все у тебя в руках горит, все легко спорится. Только не нагружай себя больше, чем можешь донести». – Так мне бабушка говорила. Я, помнится, тут же пошутила смущенно: «А мама ругает, что все у меня не как у людей». «Так это она не о работе, – сказала бабушка. – Особенная ты». Она любила меня.

А Мите трудно тарелку за собой помыть. Почему? Не приучен? Но ведь был студентом, в общежитии жил. Не хочет. Есть за кем.

*

Поехали на юг всей семьей, потому что врачи посоветовали детей морем оздоравливать. Конечно, «дикарями», так дешевле. Съемная комната – это небольшой комфорт за достаточно большие деньги. Я с детьми кручусь, а Митя целый день где-то пропадает и злой уже затемно возвращается. В преферанс играет? Так вот почему он с юга всегда приезжал загорелый, худющий и нервный! Опять пауки азарта память заплели? Забыл, что я предупреждала его о пляжных карточных шулерах? Чтоб им пусто было! Говорила, что, «как есть, на голом месте обманут и без штанов оставят. Хорошо если сам ноги унесешь». Поставила условие: «От сих до сих и не далее от семьи. Или мы, или карты». Смирился.

Теперь Митя каждый день до обеда с детьми на пляже купается, а я по магазинам и рынкам шныряю за дополнительным пропитанием и фруктами. После обеда вместе на море отдыхаем.

Ташу сына в воду – орет, из воды вытаскиваю, снова оглашает криками пляж, только теперь потому, что не хочет из воды вылезать. Для укрепления ног заставляю сына ходить по горячей гальке. Он долго шумно сопротивляется, но постепенно смиряется.

Сегодня море беспокойное. Я прогуливаю сына у самой кромки берега. Набегающие волны достигают моих колен и неторопливо отступают назад в море. Вдруг неожиданно высокая волна захлестывает меня, как игрушку вырывает из рук ребенка и уносит на глубину. Я кидаясь за ним, ловлю его за ножку и пытаюсь нащупать под собою дно. Меня закручивает. Несколько секунд идет моя борьба с морем. Наконец, оно отступает. Мне повезло, что волне не хватило сил утащить меня далеко. Выскочила на берег испуганная, трясушаяся. Плюхнулась в горячий песок совершенно очумелая. Пришла себя, потому что зашевелился сынок, которого я в страхе сильно притиснула к груди и никак не могла расслабить руки. И только тут мне дошло, что я не умею плавать и что судьба охранила глупую безрассудную женщину, не знакомую с коварной природной стихией моря. Сынок рассказывал мне о том, что наступавшая волна сдернула с него панамку и трусики, что он очень испугался еще и потому, что его больно били камешки, поднятые со дна взметнувшейся убегающей волной. Но я не понимала его слов. Я лила счастливые слезы.

А что же было легкого, радостного? Кира мысленно «заглянула» в конец тетради.

Хозяин квартиры пригласил нас съездить за грибами. Муж отказался под предлогом, что его будет тошнить в машине. А я завизжала от восторга. За грибами, да еще на юге! Лучшего приключения не придумать!

Долго поднимались по серпантину в гору. Я находилась в сказке! Я рисовала себе в голове фантастический конус, поросший лесом, дорогу, лентой-спиралью опоясывающую это чудо, и нас, счастливых, медленно, но верно перемещающихся к вершине горы. Я крутила головой, восхищалась скалами, незнакомой растительностью. Я в предвкушении! Но то, что увидела, превзошло все мои ожидания! Мы остановились около огромного дерева, нижняя часть которого – метров десять – полого лежала на высоте моего роста и была покрыта плотно растущими сочными красавцами-опятами. Я онемела от восторга! «Реж, не теряй даром времени», – приказал хозяин и бросил к моим ногам мешок. «Грибы мешками?» – удивилась я и давай «строгать!» «Разрешите и на земле пособирать, – попросила я. – А то это не «тихая охота», а обыкновенная работа», – попросила я, когда мешок был полный. Я опустила на колени, и подняться уже не могла. Грибы, один красивее другого! Глаза разбегаются!

Вдруг хозяин заторопил меня: «Бросай все! Находит!» В его голосе прозвучала серьезная тревога, а я не могла оторваться. Азарт перекрывал все остальные чувства. Но он вырвал из моих рук мешок и достаточно грубо втолкнул меня в машину. На лобовое стекло шмякнулось несколько крупных капель дождя. Только что я заметила, что к нам быстро приближается черная туча. Секунда, другая... и пошел дождь. Еще через минуту он хлынул, застилая обзор. Дворники не справлялись. Хозяин остервенело вцепился в руль и всю дорогу молча, сосредоточенно вел машину. Я видела его неподвижную, монолитную, будто высеченную из камня спину, и тоже притихла. Но напряженное волнение водителя меня удивляло.

На пороге дома нас встречала испуганная хозяйка. Когда она кинулась к мужу, я заметила в ее глазах слезы. «А раньше не мог выехать? Зачем было рисковать? У нас же маленький сынок», – с упреком сказала она ему. А хозяин обнял свою женушку и принялся весело, и неестественно громко ее успокаивать. Я поняла, что напряжение от поездки его не отпустило. Я, еще не осознавая возможной беды, но ощутила себя виноватой в том, что сразу не послушала хозяина и задержала его. А он весело хвалил меня за расторопность, мыл грибы в огромной бочке, горстями отжимал их, как белье и радовался, что зимой будет всех угощать солеными и маринованными деликатесами. Но я чувствовала, что в основном он рад тому, что мы остались живы.

После прекрасного ужина с нашим вином и жареными грибами, которые прекрасно приготовила хозяйка, я делилась с мужем своими впечатлениями от поездки. Он слушал молча. Потом спросил: «Ты видела дорогу, по которой вы ехали?» «Нет, я же сидела на заднем сидении, не дающем широкого обзора. Я по верхам глазами бегала». «А если бы видела, то сразу бы присмирела. Задерживая хозяина, ты ставила под удар и себя, и его. Вас могло смыть в пропасть. Он героический человек. Моли Бога, что все закончилось благополучно. Но я тебя не виню. Ты понятия не имела об опасности».

Боже мой! Я увидела события дня в другом свете.

Я представила себе наших детей... без меня и разревелась. Второй раз некомпетентность подвела меня, но судьба благоволила мне. Немного успокоившись, я попросила Мишу, чтобы он, как более опытный, предупреждал меня о возможных опасностях.

Наблюдала, как хозяин работает. Он без линейки строил какое-то приспособление. Его мерным инструментом был палец. И все у него сошлось миллиметр в миллиметр: и углы, и длины. Поразительно! Я похвалила его талант. Ему понравилось, что я разбираюсь в столярном деле и ценю умение.

Сегодня в очереди три часа выстояла, бой у прилавка выдержала, но купила пять прекрасных огромных копчено-выявленных тушек рыбы «Солнечная». Иду с тяжелой сумкой, вдыхаю аромат, слюнки текут! Радуюсь: «Повезло дефицит отловить! И себя побалуем, и на гостинцы родственникам мужа останется!»

Пришло Мите в голову подсушить рыбу, и повесил он ее во дворе на веревку, будто белье. Умоляла его хоть на ночь убрать в комнату, чтобы не украли. Не послушал. «Давай хотя бы одну рыбку для меня занесем в дом, ведь отсыреет», – выдвинула я другой козырь. Да разве его переубедишь! Уперся, не сдвинешь. Я хотела даже потихоньку от него припрятать одну тушку, но стыдно стало. Не привыкла я обманывать и что-то тайком делать. Ночью плохо спала, ворочалась, задыхалась, кошмары снились. А наутро весь пляж около нашего дома был засыпан рыбьими костями. И чудный запах не выветривался еще дня три. А я горько шутила: «Кто-то спасибо нам сказал за богатый подарок». Ну да Бог с ней, с этой рыбой. Все-таки Митя иногда бывает сверхнаивным.

Приписка, наверное, лет через пятнадцать. «А эти «МММ» и прочие пирамиды... Как я ни зывала к разуму Мити, все до копеечки отдал обманщикам. Я и со слезами, и чуть ли не с

кулаками на него кидалась. Умоляла: «Не нарывайся, не глупи, по теперешней жизни деньги целее будут под подушкой. Как может умный человек верить в такую ахинею? Понимаю, красивая ложь прекрасно продается». Тогда в ходу была шутка: «Если подвернется случай и деньги сами на меня «нападут», я сопротивляться не стану, поддамся им». А как меня муж крыл за непрошибаемое здравомыслие! Ну я и замолчала, словно подавившись своими привычными словами. Но себе под нос все равно продолжала сердито бурчать: «Нащупал, черт возьми, рациональное зерно, прибыль решил получить... Нельзя играть в азартные игры ни с государством, ни с частными лицами. Корысть – мощный рычаг, но не самая лучшая мотивация в такого рода делах. Нельзя обмануть человека, который знает и понимает, что его обманывают». А Митя продолжал по мне проезжаться: «Что, умные слова все закончились?» А Инна поддержала меня, заявив, как всегда, категорично: «Верят во всяких магов-колдунов и мошенников недоразвитые люди. Твой-то вроде умным считается».

Вторая приписка. «Упрашивала я моих мужчин не покупать акций, пока ситуация в нашей стране во многом нестабильная. Интуитивно понимала, что цена на них будут только падать. «Она чувствует!» Разве женщина может соображать лучше мужчин?! Догадывалась, что не послушают, но настаивала, чтобы у меня совесть была чиста – предупреждала. Да и лишний козырь в дальнейших спорах не помешает – была права! Но в основополагающих вещах бизнеса мои мужчины ведут правильную политику, знают больше меня, и я не пристаю к ним со своими советами».

Ездили на рыбалку. Это чудо! Ставрида ловилась на пустые крючки! Снасти состояли из пучков разноцветных кембриков, из изоляции, снятой с тонких проводов. Мы набрали на косяк. Когда он оказался под лодкой, то в прямом смысле подбрасывал нашу лодку, а мы еле успевали снимать рыбу с крючков. А потом у меня было еще одно открытие. Я поняла, что вкуснее свежеевыловленной рыбы нет ничего на свете!

Еще маленькую акулу поймали. Катран называется. Принялась ее чистить. Очень сильно порезала руку. У акулы есть острый как лезвие бритвы плавник. Кровь хлынула!.. Но мясо ее оказалось очень вкусным. Оно чем-то курицу напоминало. И вообще, свежая рыба совсем не пахнет рыбой, как размороженная. Это еще один плюс в ее пользу.

Встретила на рынке девушку, с которой на первом курсе жила в одной комнате. До чего же мир тесен! Она бросила НИИ, квартиру в городе и уехала в деревню за любимым и теперь торгует на рынке картошкой и растит дочь. Я сделала вид, что не поняла ее грусти и уверенно сказала, что маме надо помогать и что она молодчина! Ася искренне порадовалась моей интерпретации ее деятельности, и мы расстались прежними подругами.

Море – то место, где встречаются люди, не видевшие друг друга много лет! Лицом к лицу на улице столкнулась с прекрасной семейной парой студенческих лет. Оба умные, красивые. Характеры – золото. Конечно, объятия, смех, воспоминания! Но я заметила огромную боль в глазах Кати, когда она смотрела на моих детей. В них было еще что-то еле уловимое, обеспокоившее меня. Потом она занервничала, и Вовка, нежно обняв жену за плечи, со словами «Катеньке надо отдохнуть», увел ее на съемную квартиру. Мне показалось, что она немного... психически не здорова. Но виду не подала. Мало ли что может привидеться под палящим солнцем.

Вторая моя встреча с Володей произошла уже на следующий день в аптеке. Я откровенно – по старой студенческой привычке – сказала ему, что у меня сложилось впечатление, что он в чем-то виноват перед женой и, возможно, это явилось причиной ее болезни.

«Ты все правильно поняла, – ответил он печально. – На четвертом курсе моя мама потребовала от Кати избавиться от ребенка, который мог помешать мне учиться. Я уступил, не защитил жену. Она умоляла, плакала... У нас нет детей. Катя страдает. Ее ничем невозможно отвлечь. А чужого ребенка я не могу полюбить. Не знаю, как жить дальше. Я погубил Катю. Болезнь развивается, жизнь год от года становится все невыносимей...»

Я с тяжелым чувством покинула аптеку. Я боялась еще раз встретиться с Катей, потому что ничем не могла ей помочь.

Совершили конный поход на лошадях. Удовольствие не получила. Всю дорогу ехала, вцепившись в гриву бедной лошади, и только в конце пути поняла, для чего нужны стремяна и с облегчением вздохнула. Почему руководитель группы не объяснил нам их назначение? Считал нас заправскими кавалеристами? Но меня потрясло другое: как осторожно моя старушка-лошадка везла свою трусишку-наездницу! Она ни разу не пустилась в галоп, хотя плелась последней. На крутом спуске она осторожно нащупывала копытами каждый камень, притормаживала задними ногами, оседая задом чуть ли не до земли. Лошадка переносила меня через препятствия как драгоценный хрустальный сосуд. И ведь никто ей не приказывал меня беречь. Я была благодарна этому доброму умному животному!

Идем из столовой, где нас кормили противными котлетами, изготовленными из хлеба и жира. Смотрю, с крыльца промтоварного магазина стекает очередь, хвост которой струится по тротуару и нервно заворачивает за угол рядом стоящего дома. Я стремглав туда. Стою, молчу. Подходит Митя с детьми, спрашивает, что дают. Ему отвечают, что белые джинсовые брюки, плотные, очень хорошего качества. Он делает вид, будто они ему неинтересны, но я-то знаю, что он давно о них мечтает. Я прошу мужа отвести детей на квартиру – им пора спать – и при желании вернуться ко мне. Я была уверена, что он придет, хотя терпеть не может стоять в очередях.

И он не пришел, примчался. Вот мы уже у прилавка. Я разглядываю брюки вместе с покупателями, стоящими впереди меня и замечаю, что они из разряда «маломерок». Прикидываю, что брать надо на четыре размера большие. Рассказываю про эту особенность Мите. Он не понимает, потому что вокруг шум-гам, идет борьба за место «под солнцем». Я цепко держусь за доски прилавка и не позволяю наглецам пролезть между мной и мужем, потому что продавец сообщила, что товар заканчивается.

Обстановка накаляется. Я мужественно держу оборону. Мужа вытолкнули из очереди, но он охраняет меня с правого фланга. Я стою и радостно представляю, как мы идем по городу, такие молодые, красивые!.. Наконец, я прошу продавца подать мне пятидесяти- и пятьдесят четвертый размер брюк. Муж зло кричит мне в ухо: «Ты считаешь, что у меня такой жирный зад?» «Они маломерки» и к тому же могут после стирки сесть, они же хэбэ» (хлопчатобумажные). Доверься мне, я в этом разбираюсь!» – чуть ли не со слезами уговариваю я мужа. Сзади напирают и требуют прекратить дебаты. Митя резко отвечает мне «нет», подает через мою голову продавцу деньги на одни брюки и берет те, что поменьше. Я выскакиваю из магазина...

Муж гордо идет впереди и пилит меня за то, что у меня, видите ли, предвзятый взгляд на его фигуру. «Обыкновенный взгляд, – сердито отвечаю я. – У тебя нормальная стандартная интеллигентская фигура: плечи – сорок шесть, пятая точка – пятьдесят». (По этой фразе можно понять степень моего раздражения. Не поверил, обидел. Своим упрямством лишил меня удовольствия сделать тебе приятно.) Митя вбегает в квартиру, набегу сбрасывает серые летние брюки, пытается втиснуть себя в новые... Растерянно разглядывает этикетку... Бросает покупку на пол. Он потрясен. Он не верит, что мечта не сбылась... по его вине. Муж ищет, в чем бы меня обвинить, начинает нести привычную ахинею. Я останавливаю его обидной фразой: «Это для мамы ты всегда худой, потому что я плохо о тебе забочусь. И для сотрудниц ты стройный, потому что они от тебя зависят. А я люблю тебя со всеми твоими достоинствами и недостатками. Но иногда ты вынуждаешь меня говорить то, что мне очень не хочется произносить вслух».

Вспомнила, как собирали деньги на однокомнатную квартиру. Трудно, но выкраивали рублики. Скромно жили, но на еде никогда не экономим. Она – залог здоровья.

И вот как-то раз полезла я на самую верхнюю полку за справочником. Еще одна книга свалилась на пол и из нее выпал листок размером с четвертушку форматного. Подняла, прочитала и осела на пол. Это была юридически неправильно оформленная просроченная расписка на большую сумму. В висках застучал раскаленный пулемет: «Отдал деньги коллеге по работе, не посоветовавшись со мной? На днях он к Мите за чем-то забегал. Меня удивило, что глаза прятал, как уж извивался. Я тогда еще подумала: «Какой неприятный человек! Не надо бы Мите с ним никаких дел иметь...» Теперь он машину себе купил, а мы в дураках остались?»

Вечером показала Мите расписку и потребовала объяснений. Он заюлил, мол, отдаст, отсрочку товарищ взял. «А где второй, по всей форме сделанный документ, с печатью и паспортными данными, заверенный у нотариуса? Не три рубля занял. С этой филькиной грамотой в суд не пойдешь, на смех поднимут. О чем ты думал, когда составлял расписку? Миллионера из себя строил?». На мое счастье жена заемщика оказалась женщиной порядочной. Она вернула нам деньги. Муж, оказывается, ей тоже врал, уверял, что рассчитался со всеми долгами, а сам тратил наши деньги на любовницу. Только не пошли впрок наши деньги, «съел» их дефолт.

Я принципиально ни у кого не занимаю денег. У меня жизненное правило: «Каков приход, таков и расход». И никому больше пятёрки в долг не даю. Если не отдаст, убыток будет маленький, а урок большой.

Мелькнула грустная мысль: «Сколько же еще у Мити больших и маленьких тайн, о которых я не знаю?»

*

Опять пытаюсь завести разговор с Митей о работе. Ведь хочется помочь хотя бы советом. Он становится на дыбы. Замолкаю. Я уже знаю, он злится, когда чего-то боится или что-то скрывает. Общеизвестно, что страх компенсируется злостью и грубостью. Предполагаю, что он с кем-то поссорился по причине своей несдержанности. А если этот кто-то чином выше, то ему придется пытаться заглаживать свою ошибку, и это его злит. О таком он мне, конечно, не расскажет, побоится потерять свой авторитет. Иначе не сможет чувствовать себя главным в семье. Но я ему все же, как бы походя, сказала, что с коллегами лучше не сориться, чтобы потом не приходилось замаливать грехи, и что подмоченная репутация плохо влияет на карьеру.

Еще я знаю, что Митя злится и грубит, если врет и не хочет быть раскрытым. Именно по этой его грубости я определяю, что с ним что-то не так, и пытаюсь распознать беду по отдельным фразам и штрихам в его поведении. Если мы не будем разговаривать и обсуждать свои проблемы, то какая же это семья? К тому же недостаток информации вызывает непонимание и недоверие. А вот если у Мити натянуто-безразличное выражение лица, значит, он уже успел взять себя в руки и готов нести любую околесицу, только бы защититься от моих вопросов.

И все же решаюсь продолжить разговор:

– Я иногда делаю ошибки, потому что позволяю себе думать о людях лучше, чем они есть на самом деле, а вот ты – потому что не хочешь анализировать ситуацию. Прежде чем идти на совещание, обдумай свою позицию, взвесь все за и против, предположи реакцию каждого коллеги на твоё предложение. Развивай в себе способность прогнозировать поведение людей. Ты часто говоришь на эмоциях, в «ботву» уходишь, и получается «куда вывезет». На эмоциях хорошо стихи писать, а не проблемы решать. Умело выстраивай линию поведения. Ты же умный. Говори коротко и четко. В том, как человек говорит, проявляется его ум и интеллект. Кто-то хорошо сказал, что в прямой речи виден человек. Чтобы добраться до сути твоей речи, людям приходится горы лишних слов перемальвать и отсеивать. Я вчера у тебя спросила, когда мы поедем на рынок, а ты мне минут десять что-то толковал насчет ремонта. Я не могла понять, к чему ты ведешь, и потребовала просто назвать время поездки. Ты, конечно, обиделся, что я отказалась тебя выслушивать.

– Я и сейчас разозлился. Ты меня критикуешь, учишь?! Я умею манипулировать людьми. Меня учить – только портить. Не позволю!

– Я советую. Я твои предложения выслушиваю не оттого, что глупее тебя, а потому что иметь два мнения всегда лучше, чем одно. В сравнении познается истина. Я, с твоей точки зрения, не имею права сказать, если мне что-то не нравится? Имею, даже если не права. Себе-то ты позволяешь высказываться, да еще на высокой ноте. Что это за домострой такой в конце двадцатого века? Ты принуждаешь меня врать, хитрить? Зачем? Живи проще.

«Не прервал, выслушал до конца. Поразительно! Хлопнул дверью. Ничего, может, где-то в подкорке отложится мое мнение и в нужный момент сработает на пользу. Оптимизм никогда меня не покидал? А вдруг, как всегда, не слушал, мимо ушей пропустил? Не удивлюсь, если это так».

Вспомнила слова из интервью одного американского актера: «Лучше быть счастливым, чем правым». А как можно быть счастливым, не будучи правым?

Седьмой раз прихожу с маленькими детьми в ЖЭК, чтобы заплатить за квартиру. То кассирши нет на месте, то ей некогда. Сегодня не выдержала, взорвалась: «Вы не заинтересованы в платежах жильцов? Вы соей безответственностью отбиваете у людей желание платить за квартиру. Может, мне больше не приходиться, а подождать, пока вы сами ко мне явитесь за деньгами?»

Семья подруги нашей дочки уехала отдыхать на юг, а свою собачку оставила у нас. Митя как-то, придя домой в дурном настроении, незаслуженно обругал нашу «квартирантку». Так на следующее утро она навалила под его стулом вонючую кучу. И ведь заметила, где постоянно восседает хозяин. Я хотала: «Умная собачка, не прощает грубости». А когда я ругаю ее за провинность, она прячется под диван и виновато скулит.

Из детства вспомнилось. Наша кошка частенько гадила под кроватью отчима. Я тогда не задумывалась, почему из пяти кроватей она выбирала только его «логово».

*

Встретила Люду, самую красивую девушку нашего курса. Я мчалась с детьми в детскую молочную кухню. Притормозила, конечно. Перекинулись несколькими фразами. Она оказывается не замужем. Сначала перебирала. Потом как-то неожиданно быстро все претенденты переженились. А за недостойного идти не захотела. Меня потрясла ее история.

Пришли квитанции перерасчета за электричество. С нас требуют сорок рублей доплаты! Не поверила. Мы аккуратные плательщики. Заставила Митю сделать самостоятельный расчет. Он ужаснулся: «Нас, технарей надирают как лохов!» Пошла разбираться, показала наши расчеты, пригрозила пожаловаться придуманному родному дяде, народному судье.

Приписка. «Весь следующий год мы не платили за электричество».

Пожаловалась знакомой, которая работает в соседнем ЖЕКе, как нас надули. Она объяснила, мол, обычная история. У нас семьдесят процентов неплательщиков. За это контору лишают премии. Вот мы и приписываем цифры аккуратным гражданам. А вдруг «проскочит»? Люди привыкли верить государству. Иногда, конечно, попадают на дошнрые или слишком умные как вы. «Вы нас наказываете, за то, что мы честные?» – поразилась я. Знакомая только плечами пожала, мол, ничего не поделаешь, это жизнь.

На работе шеф бухтит: «Опять дети болеют?» Но я и находясь на больничном на работе пропадаю. Стараюсь никого не подвести. Совсем замоталась. Всё бегом... Постоянный недосып, поесть-попить некогда. А в результате в организме нарушился водно-солевой баланс и в почках образовались камни.

«Скорая» увезла в больницу с приступом почечной колики, в чем дома ходила, в домашнем халате. Боли были адские, я ничего не соображала. Лекарства не помогали. Врачи в приемном покое обезболили уколом, и домой меня отпустили. На улице холодина жуткая. Ноябрь. «Скорая» отказалась назад вести. Замерзла я в дупель, пока автобуса дождалась. «Зайцем» поехала. В салоне «колотун», но хотя бы ветра не было. Домой пришла, а колики снова возобновились. До утра терпела. Неловко было снова вызывать «скорую», может, кому-то она нужней. Но доктор сказал: «Пусть вашему камешку будет стыдно. Не терпите боль, сразу вызывайте врачей, иначе сердце свое подсадите, а кто ваших детей будет растить? Вам теперь нельзя тяжело поднимать и переохлаждаться опасно. Еще сильно волноваться не стоит. Все это провоцирует приступы». Митя фыркнул, мол, глупости все это. Умней врача себя посчитал. Начал запальчиво спорить. Не у него же болит. Даже не посочувствовал, когда я от боли по полу каталась, только испугался. Откуда в нем бессердечие? А сам с каждой своей царапиной, как с огромной раной носится.

Опять боли начались. Сын не здоров. Поставила ему градусник. Со слезами прошу мужа не уходить на работу. Он категорически возражает. Мне все хуже. Я с обидой говорю: «Какой же ты муж, если и в беду от тебя нет помощи?» Дверь захлопывается. Обессиленно сваливаюсь на пол. Слышу, дочка кричит из зала: «Он не дает мне конфету, не делится». Подползаю. Сын, прячась за дверь, торопливо грызет градусник. По линолеуму разбегаются шарики ртути. Выбрала осколки стекла изо рта ребенка. Не порезался! Собрала ртуть на лист газеты. Ее мало. Реву. Господи! Что делать? Он же отравится! Как вызвать сыну врача? Был бы телефон...

Катаюсь по полу от боли. Дети просят есть. Накрошила в молоко булку. Они едят, а я пытаюсь сообразить, что же мне делать дальше. От боли мозги не работают. Стало чуть легче, но встать не могу. Ползу по холодному грязному кафелю общего коридора от одной квартиры к другой. Стучу в каждую дверь. Все ушли на работу. В последней повезло. Соседка только что пришла с ночной смены. Она сходила к телефону-автомату, вызвала ребенка врача, мне «скорую» и дозвонилась моему мужу на работу. (Он приехал лишь поздним вечером. Обиделся.) Потом детей моих к себе забрала. (Дай Бог ей здоровья и счастливого долголетия.) Старший молча жметесь в угол чужого дивана, маленькая – ей полтора годика – ревет во весь голос.

Укол не помог. От боли меня рвет, мотает. Катаюсь по постели. Врачи помогают мне натянуть чистый халат, пальто и увозят в больницу. Там на ночь мне колот обезболивающие уколы. Помогают только те, которые делает молоденькая тихая скромная медсестра. Соседки по палате объяснили, что вторая, пожилая, ворует лекарства для своих знакомых, но жаловаться рискованно, угробит.

Приступы измотали. Полтора месяца мучений. Митя раздал детей по бабушкам, но зато первый раз в жизни по своей инициативе опрометчиво решил самостоятельно постирать белье на нашей старенькой машине. (Не представлял, что это такая тяжелая работа!) Сгоряча пообещал в дальнейшем помогать мне. Я обрадовалась.

Ура! Камень вышел! Вернулась из больницы и Митя сразу забыл о своих эмоциональных уверениях.

Поехали всей семьей за грибами вместе с сотрудниками мужа. Стали размещаться в автобусе. Я и глазом не успела моргнуть, как одна из сотрудниц пристроилась рядом с моим мужем. Странная женщина, приличий не понимает. Подумалось сразу: «Когда он без меня ездит на рыбалку, она, наверное, всегда рядом с ним сидит. Другие мужчины этого не позволяют. Отчего же мой такой... Если спрошу, наверняка скажет, что обсуждают в дороге рабочие моменты. Известная песня.

Сам кислородом дышит, а меня с детьми на рыбалку не берет, мы пыль и газы в городе глотаем. Всё, потребую. Причем в самый последний момент, чтобы заодно точно выяснить, ездит ли с ними эта наглая женщина».

Осеннее яркое теплое тихое утро. Вот где моя душа отдыхает! А грибов – мама моя родная! Спасибо тебе, Всевышний, за радость общения с красотой!

Поехали всей семьей на рыбалку. Та женщина тоже была, с сыном. Я услышала за спиной ехидное замечание: «Со

всем своим табором...» Ответила не оглядываясь: «А кто вам мешает ездить с семьей?» И все же обернулась. Мужчина опустил глаза и сказал со странной интонацией: «Вы меня не поняли». Что я не поняла?

Не знаю почему, но после той рыбалки что-то сдвинулось во мне с мертвой точки бесконечного доверия.

«Дальше опять шли подробные записи, касающиеся лечения и развития сына: описывалось многолетнее общение с окулистами, ревматологами, невропатологами, с мастером-ортопедом и так далее. Я обратила внимание на то, что имя мужа у Зои в связи с болезнями сына ни разу не прозвучало, будто его и не было рядом, словно он не участвовал в процессе воспитания. Удивили строки: «Ни массажисты, ни специалисты по лечебной гимнастике не работают на совесть, даже если им приплачиваешь. Я их не виню, у них конвейер. Только мать отдаёт ребёнку все свои силы и знания. Взяла физическое развитие сына в свои руки». Тетрадь заканчивалась счастливым восклицанием: «Выходила я сыночка! Но наблюдения и укрепление его организма надо будет продолжать до двадцати семи лет», – вспомнила Кира слова Зои.

Митя сделал для сына на парту подставку для головы, чтобы он соблюдал одинаковое расстояние от глаз до тетради. Непоседа и двух минут не может спокойно усидеть. Он быстро устаёт, поэтому все время пытается лечь на парту. Я выступаю в качестве жандарма, пока сынок делает домашнее задание. Из спинки его стульчика торчат гвозди. Да, жестоко, но сколиоз лечить надо и осанку формировать тоже. Потом спасибо скажет.

Каждый день по два часа до изнеможения ходим по лыжне. Здорово выправляет косолапие.

Сыночку нравится плавание. Он быстро всему учится. Эх, если бы он не болел так часто.

Дочке мало внимания уделяю. Но она молодец, сама из книг не вылезает.

*

Приходил сосед, жаловался на жену, мол, нервная, грубая стала. Чуть трону – в крик.

– А ты не трогай, – советую я.

– Не люблю ее такую. Раньше была ласковая, мягкая. Разведусь я с ней.

– А ты задумывался, отчего в ней произошла перемена? Может, она больна, но пока сама не знает об этом. Что-то ее мучает, гложет, нервирует. Еще одна возможная причина: внимателен ли ты к ней? Много ли она от тебя добрых слов слышит? Вдруг, не в ней, а в тебе причина. Может, ты мало ей помогаешь? Сначала она об одном тебе заботилась, потом детки появились. Любовь ей на троих пришлось делить. А ты прежнего внимания от нее требуешь. Потом ты огород взял, но сам, насколько я знаю, то из-под машины не вылезает, то на рыбалку расслабляться едешь, а она все одна да одна вкальвает. Наверное, считаешь, что ей природы на огороде хватает? А ей хочется вместе с тобой всюду быть, а ты делаешь только то, что тебе нравится, будто один живешь. (Громко говорю, чтобы Митя слышал и на ус мотал.)

– Твой больной и тоже не помогает, но ты же на него не орешь.

– А надо бы. Живет так, будто на три дня в гости приехал, – ответила я со смехом и тут же грустно подумала: «Бесполезно на него кричать. Да и какой он больной? Если только страдает от болезни собственного «совершенства». Ему, наверное, кажется, что его внутренний мир богаче мира тех, кого он каждый день видит рядом с собой? Так он ошибается.

Недавно идем с речки. Я с трудом взбираюсь по крутому склону, потому что уже несколько дней чувствую себя до странности слабо. Сердце ноет, ноги словно свинцовые, подкашиваются, идти не хотят. Четыре года с детками на птичьем сне дают о себе знать. Да еще эти камни в почках... Митя чуть ли не бегом вскочил наверх и смотрит на меня зло, презрительно кривит губы, торопит. По лицу читаю: «Ты, будто беременная корова раскорячилась, еле копытами шевелишь». Речь в его стиле.

Я хватаюсь за кусты, крупный бурьян, медленно пробираюсь по каменистой тропинке и горько, с обидой размышляю: «Считает себя сердечником, а сам на гору птицей взлетел, без рук, и еще недоумевает, глядя на меня. Забыл, что я сердце сильно подсадила, пока меня приступы трепали? Уж больной-то больную должен понять! Он здоровее меня? А помощи от него не допросишься. И сейчас даже руки не подал, свысока глядит. Я ему во всем помогаю, жалею, а он не сочувствует, только подгоняет... Что-то здесь не сходиться. Кого это обстоятельство не поставит в тупик?»

Дети на меня оглядываются, притормаживают, поджидают. Сначала сын по привычке хотел, чтобы я ему помогала идти, а потом сам стал пытаться тащить меня наверх. Почувствовал, что мама не играет с ним, всерьез утомилась, обессилела.

Я об этом случае соседке Тамаре рассказала в назидание. Но она рассмеялась: «У меня муж фигура не номинальная».

Митя на работе и дома – будто два разных человека. Там он располагающий, внимательный, обходительный с женщинами, легко входит в ткань любой беседы. Его любят, хвалят. Что же он дома дундук-дундуком? Как в его сознании соединяется несоединимое? Там он играет, а дома настоящий? Поэтому его надолго не хватает? Нет смысла предъявлять ему претензии?

– Дорогой, у нас есть минералка? Изжога замучила. Сколько раз зарекалась не покупать творог и опять соблазнилась, в омлет добавила. Новый рецепт решила опробовать.

– Соду пила?

- Не помогает.

- И не поможет. Не от творага, от меня у тебя все внутри печет. Но от этой болезни лекарства еще не придумали, - пошутил муж.

«А развод? - чуть не сорвалось у меня с языка. - Не зря из него такая прекрасная шутка выскочила. Сколько в ней иронии! Просто прелесть. Впервые слышу подобное откровение. Значит, понимает, что далеко не безупречен, только не сознается? Это уже полдела». И радостно отреагировала: «Какое интересное открытие! Безусловно, я окружена талантами! У меня прекрасная семья!»

Прошу Митю: «Отвечай за свои поступки. Тебе же ничего нельзя доверить, всё проваливаешь. Я могла бы предположить, что у тебя плохая память, но о своих желаниях ты не забываешь. Не бросайся необдуманными и грубыми словами. На работе научился быть сдержанным и ответственным, так почему же дома ты не проявляешь силу воли и терпение? Здесь ты выказываешь только «природную злость и упрямую кость»? Стремись соответствовать канонам той своей семьи? Отвечай, «не строй морду кита». Ответил: «Я не хранилище для твоих проблем».

*

Кира быстро «пролистала» в уме несколько лет из жизни Зои и мысленно остановилась на одном, казалось бы, ничем особенно не примечательном.

- Год от года Митя все хуже становится, дерзит как мальчишка, кричит словно неврастеник. Его истеричность я всегда воспринимала как болезнь, а оказалось, что это обыкновенная дикая, безобразная распущенность. Врач мне разъяснил. А я все еще надеялась достучаться до его сердца, - пожаловалась я подруге, соседке Тамаре.

- Ты же не допускала, что нашла человека полностью похожего на себя и понимала, что к нему придется приспосабливаться?

- Да. Я готова была. Только Митя не понимал и не признавал этого.

- У моей знакомой шеф был с тяжелым характером, так она шутила, что после него ей теперь никакой начальник не страшен. Она его крики привыкла воспринимать как данность.

- То шеф, а то муж. Я не могу не замечать. Обидно же, - не согласилась я.

- Может, ты еще воображаешь, что он взрывается от неспособности и невозможности стать для своих детей эталоном? - рассмеялась подруга.

- Я тоже человек без кожи, но никогда голоса не повышаю, чтобы не провоцировать скандалы. С мягким укором, с сожалением разговариваю с мужем, как с больным ребенком, упрямиваю. Ради детей. Нервы их берегу. Если бы в семье моих родителей происходили грубые ссоры, я, может быть, легче переносила свое нынешнее положение? Два психа в семье? Ох и веселая у нас была бы жизнь! А в результате неврастеников стало бы уже четверо.

- Моя коллега шутит: «Меня всегда и во всем так много, что мужчины не выдерживали и сбежали от меня. Ни с кем из них я не смогла бы дожить до гробовой доски. Убила бы. Представляешь, как мы с матерью жили до моего замужества? У нас же одинаковые характеры. Хорошо, что имеем отдельные квартиры. А моя дочь теперь шутит: «Чем орать, так лучше бы молча дрались». Не представляю себя на их месте, - серьезно заметила Тамара. Она мне сочувствовала.

И тут же пошутила: «После шторма всегда следует штиль. Какое счастье!»

Я кисло улыбнулась и продолжила:

- Появление детей дало мне ощущение полноценности жизни. А вот отцовство - одна из главных позиций в жизни каждого нормального мужчины - у Мити не проявилось ни в тридцать, ни в сорок, ни в пятьдесят. А мой брат говорил: «Я не имею права быть плохим отцом. Сын меня копирует. Мне важно, каким я отправлю его во взрослую жизнь». Великодушными и терпеливыми могут быть только сильные люди. А слабые, получается, жестокими? Не все?

*

Тамара заскочила в гости и рассыпалась в комплиментах:

- ...На работе ты совершенно другой человек. У тебя прекрасная девичья фигурка. Ты такая красивая, легкая, воздушная. Нельзя поверить, что у тебя двое детей! А какие замечательно голубые глаза! Ты естественна и достоверна в своем очаровании. Ты изящно и строго одета, но «без уважительного отношения к презренному металлу». Ты то энергичная и дерзкая, то умная и даже мудрая, лаконичная, собранная, знающая психологию людей. Ты отличный физиономист, ты влюбляешься в одаренность, в позитивную особенность и эти качества затмевают тебе все остальное в человеке. И тогда ты расслабляешься лицом и уплываешь душой.

- Хочешь польстить моему самолюбию? Не позволяй себе впадать в эйфорию. Я сама к себе не отношусь серьезно.

- На работе даже походка твоя меняется. У тебя потрясающее качество: ты всегда выполняешь обещания. Ты все делаешь быстро, точно, эффективно. Где ты, там всегда честь, достоинство и талант! (О себе поет?)

- Не радую завистников. Они же не знают, что творится в моей семье, - грустно заметила я. - Тамарочка, ты сегодня так говорлива!

- А дома ты бываешь парадоксально непредсказуема. В нервном запале взламываешь дверь в другую сторону, у тебя из рук падают кастрюли и сковородки. Но когда спокойная, то безумно трогательная милая притягательная женственная и сексапильная!

- Замечал бы это мой муж, - с грустной усмешкой прокомментировала я мнение подруги.

- Ты в меру романтичная, но иногда позволяешь себе для души быть и чувствовать себя истинной женщиной, а не

ломовой лошадию. Ты и модель, и модельер с богатой фантазией в одном лице. Ты сама себе создаешь моду. У тебя абсолютное внутреннее понимание этических и эстетических границ, потому что есть чутье и чувство меры, которые соответствуют твоим представлениям о прекрасном. И, глядя на тебя, мне на ум приходят строки о властительной связи «между контуром и запахом цветка».

- Но нет денег для всего этого. Но «голь на выдумки хитра», - отмахнулась я.

- Не раз я наблюдала, как ты разговариваешь с мужем. Это так мудро, так изнутри спокойно и положительно!

- Если бы это приносило пользу семье, а то ведь... все равно, что бисер метать...

- Закрыли эту тему. Ты готова ради карьеры совершать великие подвиги, но не идти на компромисс со своей совестью.

- Ну не так уж... чтобы босиком по снегу, как моя бабушка. Мы с ней только за счет своего времени и здоровья вкалывали, робко шли, потому что дети на первом месте были. А надо бы и Богу давать действовать... то бишь судьбе. Но каждая история ждет своего часа, - усмехнулась я.

- Ты редко кому открываешься.

- Знаешь ведь, стоит хотя бы чуть приоткрыться, сразу получаешь, если не по лицу, так в солнечное сплетение. А иногда и в спину...

- Не догадываешься, какой ты талантливый человек? Ты даже в болезнях сама себе диагност.

- Кто же меня знает лучше меня? - рассмеялась я. Вот у тебя талант так талант. Все перечисленные мне тобой комплементы перечерчиваются одним тебе - ты прекрасный хирург! В детстве я мечтала о профессии врача, но повзрослев, поняла, что не потяну.

У меня не сегодня день рождения и мы с тобой не за рюмкой коньяка, чтобы тосты произносить. Ты случайно не с сабантуя?

- Операция длилась четыре часа. После каждого сложного случая я сильно теряю в весе. Физически и морально тяжело, ответственность большая. Чтобы силы восстановить, надо сначала расслабиться.

- Все операции с патологией - на тебе. Ты удивительно мужественная женщина! Мне до тебя далеко. Давай по рюмашечке за твоё здоровье!

Сидим, потягиваем вино. Я размышляю: «Почему Тамара тепло обо мне отзывается? Мы никогда не делали друг другу ничего плохого. Что нас держит рядом? Мы разные, но одной группы крови».

*

Митя ударился о дверцу шкафа, которую сам же не закрыл, и выругался матом. Реагирую:

- Я этого не слышала. В моем словаре нет таких слов.

- Иронизируешь? Мат - это всего-навсего речевой эмоциональный всплеск. Я интеллигентный человек: не напиваюсь, не дерусь. (Не рискует руки распускать. Китайцы говорят: «Нельзя недооценивать женщину, она в любой момент может дать сдачи».) Только словами оперирую.

- Грубыми. До культурных не дорос? Я, выражая свое мнение, не опускаюсь до хамства. А ты им фонтанируешь... Опять разочаровал. Думать надо, прежде чем говорить.

- Когда один человек, вместо того, чтобы бросить в другого камень, обматерил врага - в этот момент в его развитии произошел цивилизационный скачек, - рассмеялся Митя.

- А когда люди научились заменять ругань культурными словами, в их сознании произошел следующий цивилизационный скачек. Но он коснулся не всех.

- Зачем человека втискивать в рамки?

- Чтобы он оставался человеком, не оскотинился. Что ты вкладываешь в понятие «интеллигентность»? Пополнять знания - не означает терять себя и свое. Они помогают достичь внутренней зрелости. Прочитай энциклопедию. Книга на верхней полке справа.

- Ты же, недостижимая моя, у нас «хронический» интеллигент! А для меня интеллигентность - некий горизонт до которого мне никогда не дойти.

- И этим стоит хвалиться? Вчера стояла на остановке у театра. На неуверенных ногах подошел мужчина и давай «поливать» городское начальство.

А вокруг цветы, фонтаны, скульптуры... Мне казалось, что среди красоты невозможно материться даже плохому человеку. Она должна сохранять в человеке человеческое. И прекрасные природные пейзажи не вяжутся с грубостью и жестокостью. А люди ли они, те которые...

- А некоторые так живут и так разговаривают, - равнодушно отозвался Митя.

- Разве это человек, если девяносто процентов его речи - маты?

- Оставь ему право грешить.

- Думаешь, вниз головой долго не провисит? - усмехнулась я. - Недавно по телевизору выступал профессор-лингвист двадцать лет исследовавший корни зарождения матов на Руси. Жаль я его фамилию не запомнила. Так он пришел к интересному выводу: «В мате и в воровском жаргоне совершенно нет исконно русских слов». Я была положительно потрясена! Тебе это ни о чем не говорит?

- Хочешь этим заверением оградить себя... - усмехнулся муж.

- Тебя.

Залезла в заначку и купила мужу персональный шкаф для одежды. Разразился руганью. Попросила объяснить причину недовольства.

- Деньги попусту тратишь.

- Умеешь иногда коротко изъясняться. Рада. Ты еще что-то хотел купить?

- Нет.

- Тогда какие ко мне претензии?

Расшумелся, разбушевался.

- К чему эти бесконечные, крикливые хождения по кругу? Это же жутко скучно! Тебе интересно моральное насилие надо мной? Всё раздражение выплеснул? Ты устраиваешь скандалы по малейшему поводу. А плитку в ванной и туалете так и не сделали. Шторы сменили только после того, как они превратились в решето. Давай перейдем жить в сарай. Это станет тебе дешевле.

Детям необходимо расти в красоте и уюте. У них должен вырабатываться вкус. Внутренний покой в человеке определяется уверенностью в себе. Я буду объяснять, зачем купила шкаф, а ты слушай меня спокойно и не перебивай. Ты разбрасываешь свои вещи по всей квартире, оставляешь свои рубашки и брюки на стульях, садишься на них, после чего мне снова приходится их гладить.

- Не велик труд.

- Тогда сам приводи их в порядок. Я всё воскресенье наглаживала твой гардероб, а к концу недели двое брюк и шесть рубашек опять брошены в корзину для грязного белья. Шею чаще с мылом мой. Я больше не хочу по утрам гладить рубашки, на которых ты ерзал вечером перед телевизором. Мне, дай бог, успеть завтрак приготовить, детей в детсад и в школу отвести и не опоздать на работу.

- Вечно у тебя надуманные проблемы. Я очень аккуратный, я чистюля.

- Аккуратный, когда есть нянька. Попробуй хоть одну неделю сам за собой поухаживать. Я не прошу тебя домашние дела выполнять. Ты с ними без опыта и при желании не справишься, а без желания тем более. Ты же пока три тарелки вымоешь, все нервы мне своим нытьем вымотаешь. Я только хочу, чтобы ты убирал вещи в шкаф и тем берег мое время, которое я могла бы посвятить детям. Я слышала по телевизору слова одной влиятельной в политике женщины: «Работа работой, но нет ничего сложнее материнства». Сам испытать трудности чисто женских забот ты не можешь, так хотя бы поверь женщине, которая наверняка умнее нас с тобой, и прими их к сведению.

В ответ услышала крик, истерику. Прошу: «Не пережимай педаль» и закрываю дверь в комнату детей. Терплю полчаса, час... Не выдерживаю:

- Неумением вести себя человек демонстрирует не свое превосходство, а слабость. Разве ты ни на что, кроме как на ругань не способен? Это вопрос без вопросительного знака? Мне кажется, чем меньше человек думает, тем больше он кричит. Хотелось бы, чтобы в нашей семье было наоборот. Если тебя не научили в детстве сдержанности и аккуратности, так теперь пытайся наверстать. Никогда не поздно, - сержусь я. - Разве я от тебя много требую? Ношеное и чистое белье не смешивай, на разные «плечики» вешай.

Приписка. «Всю жизнь приучаю Митю к порядку. Некоторые положительные сдвиги, конечно, есть, но и теперь еще муж по-прежнему забывает, что вчера надевал чистую рубашку и, не задумываясь, берет другую. А если я делаю ему замечание, он выбирает самую заношенную и назло мне ходит в ней до тех пор, пока воротник не станет черным. Знает, что подобная демонстрация меня как плохой хозяйки, мне не нравится. А сколько лет потребовалось на то, чтобы научить его обувь ставить на место? Ой, неправду говорю. Понаблюдала, проанализировала поведение мужа. Умеет, не забывает он, ленится».

*

Вывралась, наконец, с Митей на рыбалку. В автобусе одни мужчины. Чувствую общее настроение - угрюмое недовольство. Я буду мешать их рыбацким разговорам приправленным ненормативной лексикой? Очень важная причина, чтобы лишать себя воскресного загородного отдыха! Спокойно с улыбкой здороваюсь и шучу: «Можете выражаться как угодно, думаю, открытий в этой области знаний не сделаю». Мне не трудно быть доброжелательной, это мой характер. Сажусь на единственно свободное место у входной двери.

Автобус тронулся, и я сразу поняла, почему его никто не занял - в вентиляционную щель ледяной воздух врывается под мощным напором. Я попросила мужа закрыть вытяжку. Он отказался, мол, мужикам душно. «Кому душно, пусть сядет под аэродинамическую трубу, - тихо предложила я. - Или давай с тобой поменяемся местами. (Ради себя он уж точно закроет вентиляцию!) Ты же утверждал, что вас, рыбаков, «сопли греют», а я могу простудиться». Муж небрежно отказался, мол, мне здесь удобнее сидеть. «Почему он так себя ведет? Показывает коллегам, что наказывает меня, за то, что я навязалась ему на рыбалку против его желания? А с той женщиной-профоргом он так же поступает? Она из их организации, а я - нет. Но это не повод игнорировать меня».

Я растерялась. Мне стыдно и обидно. Один парень накрыл меня своей рыбацкой курткой. Она немного согрела. Мощная струя холодного утреннего воздуха громко шуршала, ударяясь, о брезентовую преграду, а я сидела, мерзла и рассуждала: «Ну, что мой муж эгоист, тут все понятно, а остальные мужчины? Только один внимательный нашелся? Но тоже место не уступил. Солидарен с остальными? Ему неудобно? Раз Митя не позаботился, почему он должен? Муж безразличным поведением выразил свое недовольство моим вторжением в мужскую компанию? А когда с их профоргом ездили, я этого не замечала. Заставить мужа проявить заботу можно только скандалом. Прилюдно неприлично устраивать семейные разборки. Только не это. Я могла бы присесть на краешек сиденья возле любого из мужчин. Неловко. Как будто провоцирую уступить место. Сесть на пол, на холодные ступеньки? Туда тоже сечет ледяной воздух. Не ко двору у им, инородное тело».

Два часа пути прошли в переживаниях. Мужчины почему-то тоже молчали. «Народ безмолвствует!» Размышляли? На себя примеряли ситуацию? Меня кляли? Может, просто дремали. Время раннее».

Вышли из автобуса. Я сразу неважно себя почувствовала. Как дохлая рыба валялась на берегу. Не до рыбалки. Закуталась в чужие куртки и молила Всевышнего позволить мне не разболеться всерьез. Мужчины вернулись в автобус злые. Рыбалка у них не задалась. Водитель пошутил: «На этот раз вы как добрый талисман не сработали». Из автобуса меня в буквальном смысле выносили. У меня был сильный жар. Ноги не держали.

Врач, услышав причину болезни возмутился: «Беречь жену надо. Скажите спасибо ее крепкому организму. А если бы парализовало? У вас вон маленькие бегают». «Никто ее на рыбалку за руку не тащил», – рассердился муж. Он не скрывал своего раздражения. Врач сочувственно взглянул на меня, но промолчал. Понял, что бесполезно вещать.

Приписка: «Много раз судьба сводила меня с этим внимательным доктором. Он научил меня отличать приступы невралгии и хондроза от сердечных. И когда меня «прихватывало», я уже не волновалась, что оставлю детей сиротами».

Еще одна, более поздняя приписка. «Меня посетил тот самый врач со «скорой». Теперь он, как и я, седой и усталый, но все такой же доброжелательный. Как мне хочется верить, что ему повезло с женой и вообще в жизни!»

Кира по-своему отреагировала на рассказ Зои. Она подумала: «Сколько лет хожу с мужем на рыбалку, но до сих пор не могу спокойно снимать рыбу с крючка. Щемит под сердцем».

Я стараюсь быть внимательной ко всякой интересной малости в Мите. Не знаю, от доброты ли, от сочувствия ли это во мне? Он же ничего вокруг не замечает, если это конкретно не касается его самого. Первые годы я была полностью ему подчинена. Такова была моя любовь. А теперь стала задумываться: «Распробовала ли я счастья? Узнала ли вкус любви мужа? Только своей... Не угадала с Митей?.. Где она – улыбка удачи? А он, помнится, будто приценивался ко мне... Глупая».

*

Не спится. Нервишки подводят. Лекарство пить не стала, завтра воскресенье. Лежу, нашу с Митей жизнь вспоминаю. Взялась за карандаш. Окидываю мысленным взором прошлое с высоты уже прожитых лет, доискиваюсь до мотивов вызвавших бессонницу. Обиды толкают размышлять?

Права я или нет? Я считаю, что у человека в любом споре всегда должен быть путь к отступлению, а Митя, не задумываясь, говорит «нет» на любое мое предложение. Выслушать другую точку зрения, а потом спокойно выдать решение – это же проще, чем из упрямства пытаться доказывать свою несостоятельную, необоснованную «правоту» грубостью и оскорблениями. Пробовала объяснить мужу, что к нему в этом случае будет больше уважения и нервы окружающим сохранит. Бесполезно. У него не получается бороться с моей железной логикой, вот он и хамит. А дух противоречия, наверное, заложила в нем семья с детства. Я так смотрю на это. А он как? Отрицать просто, а вот попробовать разобраться, понять...

Вспомнился жутчайший случай многолетней давности. Четырехлетняя дочка провинилась: упрямство в ней стало проявляться. И было отчего. Маленькая, а остро чувствовала несправедливость и не хотела подчиняться. Слышу из кухни крики. Подскочила. Гляжу, Митя волоком, за шиворот тащит дочку в туалет. Я увидела полные ужаса глаза ребенка. Они просили защитить. Я поняла, что если не спасу ее от отца, то потеряю дочку, она мне больше никогда не поверит или в ее психике произойдет надлом. Я стала вырывать ее из рук мужа, А он кричал, что родители должны быть единодушны в воспитании детей. Он смог втолкнуть дочь в темный туалет и закрыть дверь на шпингалет, потому что я на миг засомневалась в справедливости моих несогласованных с мужем действий. То был момент малодушия. Но дикие вопли разрывали мне душу. Я со всего размаха оттолкнула мужа и выпустила малышку. Он набросился на меня, но я не подчинилась.

– Единодушие должно быть в воспитании, но не в жестокости, – возразила я, заливаясь слезами. Минутная слабость, моя привычка с детства подчиняться родителям, старшим, чуть ли не сгубили ребенка. – Твои друзья так наказывали своих сыновей? Дети разные. Может, у тех мальчишек нервы покрепче или они не боятся темноты. И я не уверена, что те дети, когда вырастут, будут благодарны родителям за такой способ воспитания. Нельзя к разным по чувствительности детям применять одинаковые методы наказания. В детсаду воспитательница без разбору орет на всех малышей, и наша послушная дочь ее ненавидит, – объясняла я мужу. Но не убедила.

Стала доказывать Мите, что он в одной области знаний силен, я – в другой, и что это для семьи хорошо. «Давай – попросила я, – прислушиваться к мнениям друг друга. Ну вот зачем ты требуешь, чтобы дочка играла с машинками? Она же девочка, ей они не интересны. И по характеру она отстраненный ребенок, интроверт. У меня женская интуиция. Положись в этом вопросе на меня». Стал настаивать, раскричался, до слез дочку довел. Значит, не дошло, не отложилось. Может, не всем мужчинам свойственно вникать в такие «мелочи»? Но тогда зачем спорит, если не понимает тонкостей? Не осознает отсутствия компетенции?

Иногда Митя кажется мне человеком без малейшей культуры чувств и уважения к кому бы то ни было, кроме себя и матери, и что самое главное – совершенно неспособным думать. С детства запомнил какие-то отдельные истины и не отступает от них, не варьирует в связи с изменяющимися ситуациями. Знать технику и уметь строить взаимоотношения – разные вещи. Я в своих действиях больше отталкиваюсь от своих чувств. Я люблю и поэтому внимательна? А что у него является отправной точкой поведения? Эгоизм, самомнение? Все мы дисгармоничны и должны принимать себя и других таковыми? Но не бездумно же.

На государственных выпускных экзаменах сделала неожиданное открытие. К концу обучения замужних студенток на курсе было две-три, не больше, а остальные находились в поиске. И мои прекрасные, умные девочки, уезжая по распределению в деревни и маленькие городки, выходили замуж за недостойных их мужчин, за тех, которых «не подобрали». Тогда своим второкурсникам я стала советовать, чтобы за годы учебы они успевали справиться с двумя задачами: успешно заканчивали вуз и к пятому курсу выходили удачно замуж (вуз). Статистика браков резко возросла.

Решила я сделать для студентов небольшой, но эффектный постоянно обновляемый стенд о научных открытиях в области физики и математики. (У нас мода на стенды? Нет. Они на самом деле важны.) Собрала научный материал, изготовила чертеж с желаемыми размерами стенда. Фольгированный гетинакс раздобыла. Заголовок строгими красивыми буквами на листе бумаги изобразила, чтобы точно такие лаборант в мастерской электролобзиком выпилил. Оговорила в заявлении заведующему кафедрой цвет фона изделия – только темно-бордовая или темно-зеленая, плотная или объемная ткань! Золотые буквы на нем прекрасно будут смотреться! Куплю сама, уже присмотрела, только деньги прошу у главбуха или у декана выпросить. Все кроме букв сама смогу сделать, опыт есть.

Неделю жду, другую. Не выдерживаю, иду к шефу. А он такой довольный и говорит: «Так готов! Помогите его повесить на стену возле деканата и заполняйте информацией». Бегу в мастерскую, а сама беспокойно думаю: «Причем здесь деканат?» Эйфория от предвкушения вмиг пропала. Влетаю, и о ужас! Моим глазам предстало... огромное, неподъемное вихляющееся одоробло... длиной более трех метров, обрамленное плохо стыкующимися в углах грубыми деревянными планками. Фоном этому «произведению» служила старая линиялая бежевая штора, скорее всего, приготовленная комендантом для списания. Название стенда было написано широким размашистым почерком и растянуто по всей его длине. Оно почти сливалось с цветом ткани. «И это... декан хочет повесить рядом со своим кабинетом? Оно станет лицом факультета? Это насмешка? Над кем?» Чтобы вставить информацию, необходимо было снять стенд со стены, раскрутить, лазая под ним (стоять самостоятельно он не мог) все шурупы, вытащить четыре огромных куска стекла... и так далее. У меня опустились руки. Я чуть не разревелась.

«Кто извратил мою идею, тот и пусть работает с ним дальше», – возмущенно заявила я шефу. «Ничего не знаю, в плане вы стоите ответственной. Я не позволял вам неуважительно со мной разговаривать!» – ответил мне начальник раздраженно. Один раз я все-таки заполнила этот чертов стенд информацией, и весь год ловила на себе сочувственные взгляды преподавателей. Не будешь же за каждым бегать и объяснять, что я... не верблюд. А получается, что верблюд... Декан не только не любит проявлений инициативы, но и жестоко за нее наказывает... в своем стиле. Вот так и живем.

6

О чем думал архитектор, когда проецировал плоские крыши домов? О красоте? А надо было о том, какие проблемы они принесут гражданам, живущим на верхних этажах, и о качестве ремонтов, производимых нашими ЖЭКа. Неужели трудно сделать минимальный скат, чтобы вода на крышах не застаивалась? Всю жизнь наш потолок в рыжих подтеках. После каждого ночного дождя просыпаемся в мокрых и вонючих от голубинового помета постелях и тапки с ведрами по всей квартире расставляем. Только сделаю в квартире ремонт – и снова потоп! Архитекторы не живут на верхних этажах? Чужие проблемы их не волнуют или информация об их промахах до них не доходит?

*

Занялась генеральной уборкой в квартире, а Митю попросила с сыном в парке погулять. Закончила домашние дела, а моих мужчин все нет. Примчалась в парк. Муж на скамейке сидит, газету читает. Спрашиваю: «Где сынок?» «Не знаю, – ответил, – здесь где-то». И опять нос в газету опустил. Обежала весь парк. Нигде нет! Вдруг вижу, сынок едет на велосипеде по проезжей части дороги. В ужасе подсакиваю, спрашиваю: «Откуда ты?» «К бабушке ездил», – сообщил радостно.

Понимаю, доволен своей самостоятельностью. Только мне чуть дурно не стало. Сыну пришлось пересечь четыре дороги, две из которых без светофоров и «зебры»! Выясняю:

– Бабушка здорова? Она поняла, что ты один приехал? Она не предлагала проводить тебя в парк к отцу?

– Здорова. Не провожала. Она чай пила.

Вот тут-то я и поняла, откуда у мужа вопиющая безответственность.

– Ты смелый, это хорошо. И все же тебе еще рано одному ездить по городу. Существуют случайности, которые ты пока еще не умеешь предвидеть, и поэтому можешь оказаться причиной аварии и даже гибели людей, – объяснила я сыну.

Сын понял и пообещал больше не волновать меня. А Мите я потом сказала с укором:

– А если бы сын погиб?

– Так не погиб же.

– У моей знакомой десятилетнего сына машина насмерть сбила, а нашему ребенку только шесть. Я ему еще не объясняла как вести себя на дороге с велосипедом. – Сказала и безнадежно махнула рукой. Как можно не понимать таких простых вещей?

И все же подумала, что из самолюбия муж виду не подал, что виноват, а сам после такого урока наверняка переменится. Поэтому в следующее воскресенье снова отправила Митю с сыном, а сама за стирку принялась. Но опять мне пришлось бегать по парку в поисках ребенка. Нашла. Какой-то молодой человек отнимал у него велосипед, а сын, вцепившись в колесо, не отдавал и громко плакал. Никто не вступился. Я отобрала велосипед, успокоила сына. Митя в оправдание ничего не сказал, будто ничего не произошло. Больше я не посылала мужа на прогулки. Его не волнует, что дети в выходной остаются без подвижных игр на свежем воздухе. Да и дома они не знают радости игры с отцом. Он проходит мимо них, как мимо мебели, не замечая их присутствия. Дети – докука и забота жены.

Мелкий эпизод? Да. Только вот из таких наномелочей и состоит вся наша жизнь. Для меня нет неглавных дел. Чем бы я ни занималась – работой, хозяйственными проблемами, уроками детей – все делаю на совесть, ответственно. А как же иначе? Меня никто не заставляет. Я сама перед собой ставлю задачи и добросовестно их выполняю. «Избегая участия в жизни семьи, ты не только мне и детям, ты и себе плохо делаешь. Ты обедняешь себя, не развиваешь свою душу. (А оно ему нужно?) Расти – значит уметь менять свою точку зрения. А ты не меняешься. Всевышний дал человеку голову, чтобы он учился ею пользоваться во всех аспектах своей жизни», – сказала я Мите. Никакой реакции. Почему не раскричался? Не слушал?

Подруга сказала: «Не умеешь ты хитрить. Я бы тихо увела сына домой и посмотрела бы, с какими глазами муж явился бы ко мне без ребенка. Пусть бы побегал, поволновался. Может, и проснулось бы в нем родительское чувство.

А ты и тут муженька оберегаешь от волнений». Она права. Я слишком эмоциональна и прямолинейна.

Приписка. «Я со своей колокольни не могла объяснить поведение мужа и поняла его, только когда узнала об изменах. (Вот она, любовь, дарованная свыше! И поправная...) Он нарочно демонстрировал безответственность, чтобы ничем себя не затруднять, не утруждать, не связывать и иметь много свободного времени, которое желал тратить по своему усмотрению: на отдых или увлечения. Интересную позицию занял. Ничего не делает, ни за что не отвечает в семье, однако отрицательно влияет на меня и детей».

Ничего Мите нельзя доверить. Обязательно подведет. Что касается своей семьи, так я ему уже ничего не поручаю, знаю, не выполнит и целый ворох отговорок придумает. А тут моя сестра из деревни приехала в гости, подарков навезла видимо-невидимо. Накупила она в городе всего, чего ей заказали родственники, и попросила утром на вокзал ее проводить. Митя сам вызвался помочь. Я обрадовалась: внимательным хочет себя выставить. На всякий случай два раза переспросила, мол, точно сможешь, а то мне завтра уже поздно будет с работы отпрашиваться. А утром за завтраком он объявил: «Я не смогу. Сама провожай». «Что за ночь случилось?» – спрашиваю. Молчит. Пришлось гостью оставить часть вещей и одной отправиться на вокзал. Муж сестры еще долго напоминал мне о моем невнимании к родне. А что я могла предпринять?

Сколько раз твердила мужу, чтобы не обещал того, что не может выполнить! Все надеялась, что изменится, что проснется в нем совесть. По мне так: если кто верен слову, тот верен всему человеческому в себе.

Наблюдая за малышами в парке, я заметила, что в среде детей мальчики в основном признают право сильного и старшего, а многие девочки, независимо от возраста, требуют восстановления справедливости. И если не получается добиться ее самим, зовут на помощь взрослых. Мальчишки более дипломатичны? Не думаю. Осторожнее или трусливее? Но вот если чувствуют свою силу, то тут же стремятся что-то отнять или чем-то подчеркнуть свое превосходство, первенство, а сами при этом исподтишка внимательно смотрят на реакцию детей и взрослых. И это в пять-шесть лет!

Смотрю, отец кружит ребенка за руки, а он не расправляется, какой-то скрюченный весь. Не доверяет взрослому. Наверное, не часто общаются с сыном. А может, отец сам не уверен в себе. Рядом большая девочка делает то же самое с маленьким мальчиком. Тело его расслаблено, он с восторгом отдается кружению.

Наверное, добрые искренние люди не отличаются пронизательностью, по себе всех меряют, а лживые и бездушные хорошо владеют собой и с таким прищуром смотрят на жизнь. Некоторая противоречивость моих наблюдений за поведением мужа сначала не смущала меня. Я всегда находила им объяснение и оправдание. Маму его винила. Зря? Он же не ребенок, чтобы за маму прятаться.

Когда Митя лежал в больнице, я ежедневно приходила его навещать. Он же – никогда. Ой, вру, один раз с матерью пришел. Это было в день рождения дочки. Помню, не понравилась тогда моя свекровь женщинам из моей палаты. Одна, детдомовская, высказалась вслух: «За сто верст видно – лживая, лицемерная, в общем, стерва. Не повезло тебе, молодуха. И сынок, видно, весь в маману. Вместе живете? Ой, горе тебе!» Я смутилась, защищать мужа и свекровь стала, а в ответ женщины отводили сочувственные взгляды.

Я, конечно, не рассказала им, что родила семимесячного ребенка, потому что за день до родов свекровь затеяла большую стирку. Замочила белье, а помогать полоскать отказалась. Тазы стояли на полу, вот я и поупражнялась вдоволь, так, что еле до постели добралась. Легла, а перед глазами поплыли картинки на стенах женской консультации: нельзя трясги половики, много, резко и низко наклоняться, выкручивать при стирке постельное белье.

Надо было отказаться стирать? Зря не проучила свекровь? Не научена я такому поведению. Совестно, неловко заставлять вместо себя работать человека, который старше вдвое. А ей не стыдно нагружать меня сверх меры? Или пусть бы муженек «покувыркался», если бы мать отказалась. Мамаша запилит, за то, что мужчину к домашним делам привлекла, все нервы вымотает.

Приписка. «Несколько лет спустя свекровь с удовольствием доложила, что надеялась, что я «скину» ребенка и он, недоношенный, не выживет. Так вот для чего она мне еще дочкины пододеяльники подсовывала стирать! Я возражала, говорила, что устала, а она молча добавляла и добавляла, мол, до кучи. Вот ведь дрянь, выходит, нарочно это делала, до «кондиции» меня доводила. Есть ли в ней что-то человеческое?»

7

По вине Мити я попала в больницу. Попросила мужа не приезжать ко мне, чтобы не оставлять детей-подростков одних на базе отдыха в лесу. Вкололи мне за десять дней в пятую точку девяносто уколов и под глаз десять. Вылечил меня талантливый доктор.

Приписка: «На следующий год, мы с Митей на той же базе в двенадцать часов ночи на десять минут оставили спящего сына в домике одного, так его маньяк сонного увел. Благо я быстро сообразила, в чем дело, потому что интуитивно уже заподозрила одного человека в непорядочных действиях. Мои предположения оправдались. Мы быстро отыскали и спасли сына от насильника. Страху натерпелись!»

Еще одна приписка. «Когда дети узнали о «параллельной» жизни отца, они рассказали мне, что когда я лежала в больнице, он не только днем оставлял их одних, но и ночью. Судьба, видно, в то лето, была к моим детям благосклонна: пощадила, уберегла от поругания и скорби. Всю жизнь небо благодарю за это.

В одной из ссор я горячо и жестко упрекнула мужа за безответственность, напомнила случай с маньяком, но так и не поняла, осознал ли он опасность, грозившую нашим детям во время его отлучек? Он, как всегда все отрицал».

Увидела сегодня пожилую женщину в шали, похожей на ту, что любимая бабушка в моем детстве носила и почему-то называла «торговой», и загрустила. Вспомнила, выражение ее всегда виноватых глаз, изработанные руки... которые

никогда не солгут... их мучительные движения при последней встрече, словно пытающиеся сорвать и убраться с меня боль... «Бабушка, родная... твоя молитва часто звучит в моей голове. Прости за то, что пройдя через всякие беды, скорби и болезни, не всё я сумела в себе сохранить из того, что мне нравилось в тебе. Есть косяки... И главный из них – неудачное замужество». Слезы подступили.

Я купалась в ее доброте. У меня с ней была сильная кармическая связь на уровне подсознания. У нас даже сны случались одинаковые. Ее уж полвека нет рядом, но до сих пор что-то внутри меня противится это признавать.

Надо при жизни отдавать то, что мы вытаскиваем из себя после смерти любимых, и тогда все было бы намного счастливее. Но не умеем или забываем в суете будней.

Сколько раз на работе из-за своего несдержанного характера Митя попадал в неловкие ситуации, выговора получал! Поторопится, выдвинет необдуманное предложение, а ему говорят: делай! Если не удавалось осуществить, он становился посмешищем. Фантазером его называли. Вот и недавно и при мне такой случай произошел. Посоветовал ему опытный инженер поставить «головной прибор» в одном месте, а он уперся и потребовал укрепить его в другом, как ему казалось, наилучшем. Инженер усмехнулся и отошел. Я тоже попыталась высказать свое мнение, но муж презрительно обругал нас обоих. Он же начальник! А через неделю, видя, что его вариант не проходит, заставил все оборудование переставлять и снова подключать, затратив втрое больше проводки и времени. Только заказчик возмутился и не стал оплачивать дополнительные расходы материала и рабочего времени. Так Митя и после этого конфуза не признал себя неправым, все пытался вменить подчиненным в вину их будто бы некомпетентность.

Придумал Митя говорить по делу и без него: «Для тебя старался». Я сначала верила, не требуя подтверждения, потом проверять стала. Раз он принес на Восьмое марта целый пук маленьких, не расцветших веточек мимозы. Я из чувства такта промолчала, что не нравятся мне эти огрызки. Подумала, по дешевке оптом купил. Это в его духе, есть у него такой пунктик. На другой год дала понять, что хочу одну веточку, но большую и яркую. Он опять мне кучу мусора принес. Тут я потихоньку стала выпытывать, как прошел на работе праздник и поняла, что он дарит мне то, что остается от подарков его сотрудницам. Обиделась, конечно.

– Я автобус заказал. Поедем на рыбалку. Для тебя старался.

– Какой ты заботливый! Молодец! Спасибо. Но у меня мероприятие, намеченное еще месяц назад. Не могу я подвести людей. Ты бы сначала со мной посоветовался, прежде чем договариваться насчет транспорта. Откажись от поездки, – сказала я, заранее зная его ответ.

– Все равно поеду.

– Тогда не говори, что для меня организовывал. Этим меня обижаешь ложью. Сказал бы, что для нас и сотрудников.

Чаше всего Митя предлагает мне поездку, когда я не имею возможности вырваться с работы. «Было бы предложено», – его любимая пренебрежительно-шутливая фраза, а по сути дела оскорбительная.

Сколько раз, не желая того, я подлавливала его, а он все равно врет. В крови, что ли у него лживость? Врет, как дышит. А простил бы он меня, поймав на лжи? Думаю, нет.

Спросила у Мити: «Почему, когда мы общаемся по телефону, ты свое выскажешь и, не выслушав меня, бросаешь трубку? И дома, разговаривая со мной, зачем носишься по квартире? Мне же приходится все бросать и ходить за тобой, чтобы не требовать повторного разъяснения, которое, конечно же, тебя разозлит. Хоть раз обрати внимание на то, как ты ведешь себя в диалоге. А когда ты, многократно прерываешь меня во время беседы, чего этим добиваешься? Стремись меня сбить с толку, раздосадовать, обидеть? Ты не догадываешься, что этим выказываешь мне свое неуважение? Ты же считаешь себя воспитанным человеком! Почему я с пониманием отношусь к твоим чувствам и проблемам, а ты моих не замечаешь?»

Раскричался.

– А свое мнение ты не мог выразить более любезным тоном и более мягкими словами?

– Я нормально говорил. Мне с поклоном е тебе обратиться: Уважаемая королева? Ваша светлость?»

– Не утрируй. Если ты не понимаешь, что был груб, что не разговаривал вежливо, а кричал, то о чем нам еще можно говорить?

Митя радостно рассказывает, что через час едет с соседкой на кладбище (родительский день), и что она искренне поблагодарила его за внимание и заботу.

– А меня пригласить посетить на том же кладбище могилу твоего отца тебе не пришло в голову? Мы с ним уважали друг друга. Или ты не причисляешь меня к своей семье, не считаешь родственницей?

Митя промолчал. Понимаю, ему главное перед соседкой показать себя хорошим. Вместе посетили печальное сокровенное место, но осадочек-то остался. Я ехала домой и думала: «С каким восторгом он делает приятное чужим людям, и с какой скукой и раздражением то же самое выполняет для своей семьи, будто по принуждению, как тяжкую неприятную работу. Не любит свою семью? По обязанности ему не интересно, не получает удовлетворения? На стороне легко и быстро заработать восхищение? Может, с детства ничего приятного для своей семьи не делал, кроме отличной учебы, вот и не научился испытывать удовольствие и удовлетворение, доставляя радость близким ежедневной помощью и вниманием. Все о нем заботились, а он ни о ком. И помнит он только то, что ему нужно и приятно, быстро забывая все, что может помешать, навредить, ухудшить ему настроение. Так он себя оберегает?

*

В конце дня прибежала в приемную ректора – мне надо было срочно подписать счета, потому что я отложила в магазине дефицитные приборы, – а секретаря на месте не оказалось. Рискнула пойти к начальнику напрямую, без посредника. Только занесла руку, чтобы постучать, как заметила, что дверь приоткрыта. Буквально в трех шагах от меня в согбенной позе, опершись рукой о подоконник, стоял ректор. Опущенная голова и как-то сильно ссутулившиеся плечи выражали мучительное подчинение. Я как человек, получивший математическое образование, в первую очередь стала логически рассуждать: «Чтобы ректор перед кем-то унижался, горбился? Не может того быть!»

Я приблизила глаза к щели. Ну не могла я не узнать, кто поверг льва! Перед ректором в царской позе стоял профессор с его кафедры и что-то тихо, но надменно ему выговаривал. «В институте грядут ротации кадров или между ними какие-то личные взаимоотношения? Если даже у него имеется влиятельная поддержка, все равно неумно так себя вести. Ректор не тот человек, который может простить момент даже неприлюдного унижения. Наверняка в отместку приготовит ему огромную «плюху», – решила я.

Мелькнула развернутая мысль: «Ректор проверяет очередного претендента на свое место или просто изучает коллегу? Прощупывает, каков этот человек в пограничной ситуации? И тот попался на крючок. Не ожидала, что он столь недалёковидный и самонадеянный. Я была о нем лучшего мнения. Тоже ошибалась, принимая его внешнее поведение за внутреннее содержание». Но как ректор прекрасно играл! Какой артист! Я любовалась им!

Сразу Лена вспомнилась: «Она всегда подмечает все нюансы взаимоотношений в своем огромном коллективе и учитывает их для его стабилизации. А Нина всегда в гуще событий. «Политические» интриги – ее слабость. Она всегда там, где смена руководства, будь то кафедра, факультет или весь университет. И все это уже много лет ради одного любимого человека.

Как много общего у нас не только в судьбах, но даже в отдельных событиях!»

На цыпочках вышла из приемной. Лента памяти открыла события двухлетней давности.

Члены приемной комиссии собрались в кабинете ректора. Мой стул оказался рядом со столом начальника. Ректор подписывал бумаги. Я во второй раз видела его так близко. «Как он быстро постарел! Всего пять лет прошло с тех пор, как нам представлял его высокопоставленный товарищ из Москвы». Тогда он показался мне еще достаточно молодым и величественным. Разглядываю ректора. Крупная гордая голова, седая шикарная шевелюра. Лицо изрезано глубокими морщинами. Шея очень старая. Что-то неуловимо выдавало в нем человека ведущего не совсем... здоровый образ жизни. В чем он перебирает? В чем его порок? Вино, женщины, карты, деньги?.. Опомнилась, когда почувствовав мой взгляд, ректор оторвал глаза от бумаг и мельком взглянул на меня. Я испугалась. Я слишком долго и внимательно на него смотрела? Так ведь разглядывала как портрет в картинной галерее.

Через неделю, после очередного экзамена, ответственный секретарь приемной комиссии попросила меня отнести к ректору сведения за день. Я возмутилась, мол, для этого существует секретарша, а мне в детсад за детьми пора, я и без того задержалась. «Вам ректор приказал, вот и несите», – отреагировала она на мой отказ с потаенной насмешливо-презрительной ухмылкой в уголках губ. Она-то меня и насторожила. Меня внутренне передернуло. «Он неправильно понял мой изучающий взгляд? Вряд ли. Я не в его вкусе. Я слышала, что любит крупных, фигуристых, а я тощая как рыбка-селявка», – успокоила я себя.

Замечаю на следующий день, что декан вокруг меня «колесом ходит», в глаза заглядывает, лъстиво улыбается. Что за чертовщина? А он в конце дня мне и говорит этак ласково и уважительно: «Ректор вами интересовался, о вашем семейном положении расспрашивал». Ну, думаю, наверняка выберет удачный момент и отомстит за неявку на свидание. Дура, уставилась на старика, изучать вздумала! Спровоцировала, того не желая. Ненормальная! Сама виновата. Как теперь выкручиваться? Остается ждать возмездия. И оно не замедлило явиться. Случай удобный представился.

В институте через месяц происходило повышение тарифных ставок сотрудников. Я столкнулась с ректором в кабинете проректора по хозяйственной части. Он картинно обрадовался нашей встрече, стал расшаркиваться передо мной. А уходя, попрощался странным способом. Кокетливо улыбаясь и совершая шуточные вульгарные телодвижения, он спрятал руку за спину и, как бы по секрету, жестом пригласил ее пожать. Я растерялась и, испуганно хлопая глазами, протянула ему руку. Глаза у проректора округлились. Собственно, я, только выйдя из кабинета, разобралась в поведении начальника. Все произошло в две секунды. Я была ошарашена и не успела ничего сообразить. А если бы успела? Что бы это изменило? Подала бы я ему руку или нет? Захотела ли, чтобы мне срезали ставку?

В то время нашей кафедрой руководил хороший, порядочный человек. Он шуточно успокоил меня: «Сейчас обо всех женщинах, получивших повышение, будут сочинять сплетни. Вам повезло, вы удостоитесь «спать с самим ректором»! Сплетни обо мне не заставили себя ждать. Я молча бесилась. Целый год они гуляли по институту, но, не найдя подтверждения, постепенно затихли.

Эти грустные воспоминания неожиданно «привели» меня в детство. Мне было двенадцать. В поезде я увидела странного человека. Он выщипывал брови, подкрашивал губы, пудрил и подмалевывал щеки. Он был противно-жеманным и вызывал у меня брезгливое отторжение. Владелец этой неприятной внешности с постели встал блеклым старым мужчиной, а из туалета вышел... проституткой мужского пола. По крайней мере, я их себе такими представляла. В деревне я видела одну оригинальную женщину и почему-то сразу почувствовала в ней особое отношение к мужчинам. Рядом с ними она была вся как на шарнирах. В ней наблюдалось какое-то кокетливое любование собой.

Я спросила попутчика:

– Вы артист?

– Нет, – ответил пассажир, – но мужчина тоже обязан следить за своей внешностью.

– Но вы теперь не похожи на мужчину. Вы как... – я не рискнула откровенно высказаться.

Он же залиvisto, по-женски, рассмеялся, и мне показалось, что этот странный человек принял мои слова за комплимент. «Наверное, он немного «того», – подумала я и на всякий случай решила держаться от него подальше.

Кира устала от историй из Зоиного дневника и принялась вспоминать смешные и нелепые случаи из своего не очень веселого детства.

*

Дети подросли. Каждый день они после школы у меня в институте по коридорам гоняют, ходят в буфет, уроки учат. И по субботам вместе со мной «работают». Сын приборы изучает: разбирает их и «чинит». Дочь рядом сидит, книжки читает. Им у меня нравится.

У Мити была мечта приобрести музыкальные колонки высокого качества. Я поощряла его хобби – собирание пластинок. И на счет колонок была не против. Но когда увидела, какие он выбрал, удивилась: «Они же для огромного концертного зала!» И начались наши с дочерью мучения. Муж «врубал» музыку на полную мощность, носился по квартире, визжал от восторга, а мы не знали, куда деваться от оглушающих звуков. Это был настоящий ад. Дочь пряталась под одеяла, затыкала уши, плакала или кричала, что ей плохо и она умирает, что у нее раскалывается от шума голова. Мне тоже становилось дурно, я была не в состоянии чем-то заниматься и только умоляла мужа убавить громкость, пощадить ребенка. Музыка каждый вечер гремела так, что казалось, стены ходят ходуном, вибрирует каждая вещь в квартире. Ночью я показывала Мите статьи, где утверждалось, что чувствительность женских барабанных перепонок много выше мужских, что громкий звук не только приводит к глухоте, но и влияет на психическое состояние ребенка. Но «я хочу» у мужа побеждало разум.

На нервной почве у дочери тело покрылось волдырями, но и это Митю не остановило. Он объяснил их появление аллергией на продукты питания. И теперь, когда муж включал музыку, я кидалась на него с кулаками, требовала не включать звук на максимальную громкость, в противном случае грозила выбросить колонки с балкона. Во время одной такой потасовки в нашу квартиру влетела разъяренная соседка, преподаватель музыки и прекратила хулиганство. Только ее вмешательство и угрозы отрезвили моего мужа. С тех пор я не переношу громких звуков, уши сразу начинают болеть.

Ночью нахлынула грусть-тоска:

«Кручусь, как белка в колесе, а он даже уроки у детей не проверит, в парк с ними не сходит. Давно ведь просят. В цирк ни разу не сводил. Накормлен, наглажен, слова грубого никогда в семье не слышит. А в ответ... Чего ему не хватает? Ох, что это я! Ведь знала, что за больного, слабого замуж шла. Сама выбрала. Думала, умный, ласковый, стану беречь, заботиться, счастливы будем. Разве можно корить больного человека! Он не виноват. Какая же я жестокая! Но ведь обидно. Вчера пришел с работы злой. На всех наехал, всех построил. Вытерпели, промолчали. Снова прицепился к пустяку и наорал на детей. Я возмутилась, мол, упреки незаслуженные. Так стал кричать, что здесь он никому не нужен, что никто его не любит. Опять обидел. О нем больше чем о детях хлопочу. Ни в чем от него ни помощи, ни поддержки. Все чего достигаю в жизни, я добиваюсь вопреки желаниям мужа. «Трудно плыть в серной кислоте и ставить мировые рекорды».

- У меня, - говорит Митя, - легкий характер.

«Ну да, нахамил, всех до слез довел и тут же всё забыл. Это мой, видишь ли, тяжелый. После шпилек Мити у меня весь вечер сердце болит, и я полночи не могу уснуть. А ему хочется, чтобы я уже через минуту после ссоры улыбалась и была с ним мила и ласкова. Не подойдет, не извинится. Я легко признаю свои ошибки и стремлюсь их исправить. А когда Митя научится этому? Не быть ему ни домашним, ни уютным», - грущу я.

Идем всей семьей на выборы. Праздник, настроение прекрасное.

Митя говорит: «Постой на остановке. Я проголосую, потом пойдем на твой участок».

Сын замечает: «Маме, наверное, хочется пойти вместе с тобой».

«А что ей там делать, в сторонке стоять?» - не понимает Митя.

«Так ведь приятно, когда все вместе», - удивляется сын.

Митя не понимает сына, ему этого не надо. К месту вспомнилась строчка стиха: «Слепые окна сердца распахни».

Сегодня новый ректор вызывал меня на ковер. Оказывается, у меня учится его родственница, а я ставлю ей тройки. Сыграла раскаяние. Дала понять, что соблюдение субординации для меня не пустой звук. Вышла из кабинета, зашла за угол и рассмеялась. А мой заведующий кафедрой тоже хорош, мог бы подсказать, что девчонка блатная. Знает же мою принципиальность. Я требовательность не ослабила бы, а просто перестала бы за сдачу тем ставить отметки, и чтобы «не дразнить гусей» исключила бы из системы оценки даже плюсы и минусы. Ведь для девочки важно только то, чтобы сокурсники не знали истинной картины уровня ее знаний. Она ее унижает. Да и потом... после минусов получать на экзамене пятерки... В общем, и овцы были бы целы и волки сыты. Я ввела баллы качества для того, чтобы подстегнуть студентов к соревнованию и повысить качество знаний. На сдачу зачета они не влияли. Зачет без оценки может быть сдан блестяще, а может и еле-еле. Но это уже никого не волнует. «Ура! Еще один «спихнули», - радуются студенты.

И ректор тоже странный. Решать такой мелкий вопрос на уровне почасовика? Хватило бы и секретарши, раз декан ушами прохлопал, ведь с умными людьми дело имеет. Ой, чувствую, не удержится он у нас. Его управленческие данные не выше директора школы.

Любой самый простой вопрос Митя через крик решает. Очевидно, так в его семье было принято. Я прошу: «Давай обходиться без ссор. Мудрые люди тихо живут».

Взрослого не перевоспитать? Не любого? Один из моих начальников в молодости был добрым парнем с тонкой природной деревенской душой, но жена из него подлеца вылепила. А меня Митя подмял, под себя выстроил, но плохого человека из меня все равно не получилось. У всех всё по-разному?

Не задалась моя жизнь. Обездолил ее Митя, выхолостил. А ведь подруга предупреждала меня: «Если мужчина в принципе не уважает женщин, то, как бы он ни был влюблен, все равно настанет время, когда он начнет использовать других женщин и, не тратясь на сочувствие, оставлять их. Жена ради детей будет терпеть это безобразие и болеть. А ему и ее не будет жалко». Танечка знала, о чем говорила. А я не прониклась ее словами, потому что Митя в университете не проявлял свои дурные качества. Или я их не замечала?

Опять Митя сорвался. Отчего он такой? А что он с детства видел в своей семье? Безрадостно жили. Одно у них было на уме: любым способом доказать другому свою правоту, не уступая, сваливая вину на более уступчивого, грубо подчиняя его себе. А делить-то что было? Место у плиты?

В чем проявлялся их ум? Жили в нищете. Ум в ничегонеделании, в стремлении прожить за счет кого-то, унижая и оскорбляя кормящего или улепивая его и обманывая? Возводят в высшую степень чужие малейшие промахи, не замечая свои крупные недостатки. Воспринимают желание защититься от них как плохой характер, упрямство. И друг друга используют и чужих. Наушничество, сплетни, оговоры на всю округу, беспочвенные обвинения, осмеяние, спастись от которых нет возможности хотя бы потому, что о них по большей части люди не знают, только догадываются, но и то не всегда. О таких особях говорят, что они чужими слезами живут. Это врожденная патология или они такие от безделья? Может, это желание приподнять себя в своих и чужих глазах, окунув в грязь невинных? Непонятно мне все это, сомнительно и гадко. Я раньше, на основании своего жизненного опыта, считала, что бедные люди честнее и добрее богатых. Только, видно, не от количества денег, а от установки в семье, от традиций в ней зависит, каким вырастает тот или иной человек.

Мама учила меня не слушать, что и как говорят обо мне на стороне. И к чему я в результате пришла? Разве сберегла нервы? Ком лжи только нарастал.

Приписка через тридцать лет. «Мне редко, но все же нравились некоторые умные и порядочные мужчины. Я в их присутствии становилась талантливее. Но мужу я никогда не изменяла, даже когда узнала о его «фокусах». Симпатизировала и обожала на высоком, романтическом уровне, при котором физические отношения невозможны. Не могла я позволить самой себе извлекаться в грязи, опуститься до уровня людей, поведение которых считала предательством.

Но, Боже мой, говорили ли о ком больше гадостей, чем обо мне?! Как живучи вымыслы и сплетни! Сколько от них маять! Только одна моя знакомая, жена генерала, в молодости работавшая в детдоме, с одного взгляда поняла, что я за человек и посочувствовала мне. Сколько вокруг меня было явных и неявных лгунов! Но, по независящим от меня причинам, жизнь так складывалась, что почти все, кто мне серьезно гадил, почему-то ушли из жизни раньше меня. Никому не ведомо, когда и за что выпадет эта карта... Наверное, мой ангел-хранитель, жалея меня, пока не отправляет им в след ...»

Для Мити мать всегда безоговорочно права. Он с детства привык видеть мир ее глазами. Он не понимает, что его жена, будь у нее хоть миллион достоинств, никогда не понравится его матери уже потому, что сын теперь только частично принадлежит ей, а не на все сто, как раньше. И ее цель – любыми средствами вернуть себе полную власть над ним. Пусть жена возится по хозяйству, нянчится с детьми, но любить он обязан только ее, мамочку. И пусть гуляет с другими женщинами, чтобы кровь не прокисала. «Мне муж изменял, так почему же ты должна быть более счастливой? Не позволю!!» – открыто говорила она мне.

Я видела Митиново отца. Мне кажется, его измены – плод ее ревнивого воображения. Ей легче было командовать мужем, держа его в «черном теле» его мнимой вины? А теперь ее сын так же поступает?

Не видел Митя уважения и любви в семье. Только ревность, скандалы, давление, унижение или заискивание, если не удавалось принизить. Вот и взял он себе на вооружение эту «единственно правильную» модель семейного, вернее собственного счастья, отработанную, наверное, не одним поколением их большой разветвленной семьи. Хотя старшие братья моей свекрови сумели отстоять себя и сразу после женитьбы отделились от властной капризной матери. И видно не без труда, о чем красноречиво говорили фотографии, на которых нигде не появлялось ее надменное лицо. Она пыталась сотрясать основы семьи и младшего сына, но шустрая невестка периодически отправляла ее «в гости» к дочери, моей нынешней свекрови.

К старшей дочери – бабка ни ногой. Когда та в юности совершила ошибку, отец сказал ей: «Вот тебе веревка, повесься на первом же дереве». Мать не защитила дочку, из дому выгнала, после чего у бедной стали проявляться шизофренические отклонения. Образования она не получила, хотя учителя считали талантливой. Родителям она нужна была только в качестве няни для своих младших детей. Работала, мыкалась по квартирам пока на старости лет не получила однокомнатную. И ту по глупости потеряла, выйдя замуж в преклонном возрасте за старого деспота. А после смерти старика его дети затравили ее, и она вынуждена была найти приют рядом с младшей сестрой, чем усложнила и нашу жизнь. Но на больных нельзя обижаться. Сердце заставляет болеть намеренная подлость.

Примчалась на квартиру проведать Митину родню и чем-либо помочь. Дверь нараспашку. Что там красть? Серый полумрак комнаты пересечен яркими полосами летнего дня, проникающего сквозь небрежно задернутые шторы. Все старики по кроватям. На одной маленькая седенькая девятидесятилетняя старуха. Даже во сне ее лицо твердое, жесткое. На соседней – семидесятилетний сын когда-то по настоянию матери оставивший семью. У него тяжелое дыхание сердечника, перенесшего инфаркт. На нем мятая с расстегнутым замусоленным воротником рубашка, старенькие брюки. Старшая сестра на раскладушке лежит с разметавшимися по подушке седыми, когда-то красиво вьющимися волосами. Она в рваном халате. На окне десять буханок заплесневевшего хлеба – результат обычного перекося в ее мозгах. Моя свекровь в больнице. К ней я завтра поеду.

Осмотрелась. Вода в ведре есть. Спички на краешке плиты. Занесла дрова из сарайчика. Сбегала в магазин за картошкой и подсолнечным маслом. Сварила супчик и кашу. Собрала грязное белье, чтобы в воскресенье постирать. Постояла на пороге. Вздохнула. Не будить же их. Еще раз окинула взглядом комнату – это затхлое тесное жалкое царство стариков. Тихо, убого, тоскливо. Что-то щемяще-жалкое было в их совместном проживании. Грустно смотреть

на стариков, когда нет рядом внуков. Но пора мчаться домой. Дел много.

Бегу на автобусную остановку, а сама в голове прокручиваю увиденное. Не с легкой душой, не по любви, из жалости, по необходимости к ним езжу. Некому больше. Вернее есть, но не спешат они к ним. Говорят, человек в беде себя истинного показывает. Это важно помнить. Я ни добра, ни приветливости от этих людей не знала. Радости ни у кого из них в глазах не видела. Так и живут... А дядюшка меня уважает, даже защищать пытался... Но что он против них?

Муж бабушке изменял направо и налево, а родственники-мужчины этим восхищались, мол, какой орел был. Рано умер. Может, бог его наказал, а в награду дал его жене долгую жизнь? В награду?... Шестерых своих детей пережила. Ужас. Сначала все к сыновьям ездил, но ни у кого надолго не задерживалась. Не выдерживали дети ее деспотизма. К младшей, любимой дочке переехала. А когда ее муж умер, окончательно, намертво прилепилась к ней. Поняла, что больше никому не нужна, и утихомирилась, но и то потому, что над старшей продолжает издеваться. Отдушина у нее такая. А младшая сестра старшую никогда не защищает, радуется, что ее не трогает, гордится, что мать только ее любит. Дикость какая-то.

Посещение стариков оставляет у меня тяжелое впечатление, но я терплю. Какие-никакие – родня. Я обязана свой долг исполнять.

Интересное наблюдение. Я часто обедаю с детьми в нашем буфете. Преподаватели скромно перекусывают: кто супчик и чай, кто кефир с булочкой, или молоко с хлебом. Кто-то салат себе позволит. Второе с мясом очень редко берут. А вот рабочие, которые занимаются ремонтом наших аудиторий, всегда капитально «заправляются». Первое, второе и третье – это в обязательном порядке, да еще чего-нибудь вкусенького присмотрят себе на десерт. Задумалась я над причиной этого странного явления. Побеседовала с бригадиром. Оказалось, что зарплаты у маляров-отделочников вдвое больше преподавательских. И с перерыва они не очень торопятся на объект, и с работы пораньше стремятся уйти. А наши педагоги и занятия ведут, и наукой занимаются, и ворохом отчетов их мучают... И все это за копейки. Вот и подумаешь другой раз...

Наверное, в детстве моего мужа «затюкала» родня, наказывая за каждую мелочь и тем самым взращивая в нем чувство вины, вот он и привык защищаться всеми средствами, включая грубость и метод «нападения». Поэтому он и мои любимые слова воспринимает в штыки, как попытку его обвинить, закабалить? А я плачу и думаю: «Неужели так трудно научиться говорить обо всем открыто, честно, спокойно и достойно? Это же так просто!»

Мне всегда хотелось, чтобы моя семья стала маленьким королевством, в котором все счастливы. Мой знакомый как-то сказал: «Если тяжело идти, значит, поднимаешься в гору, к вершине». Как он ошибался! Видно сам он из тех, счастливых.

Почему мой муж не может обуздать свой дух противоречия? Это болезнь? Не думаю. Обыкновенное упрямство.

Заметила, что постоянно нахожусь в стиснутом нервном состоянии. В ожидании неприятностей? Напряжена каждая мышца тела и даже все внутри меня. Попыталась расслабиться. С большим трудом, но получилось. А через несколько минут снова ощутила себя сжатой. Подумала, что надо бы отпустить «пружину», иначе и до болезни недалеко. Но заниматься собой некогда, и я забыла о своем открытии до более легких дней.

Приписка: «Но их не было».

*

Черт бы побрал этого архитектора! Зачем он построил в доме ловушки для ветров, расставив все двери – лоджии, спальни, квартирную, лифтовой клетки и коридорную – на одной линии? И уплотнители, и дополнительные шпингалеты ставим – все равно ветер по ногам гуляет. На двери лестничной площадки пружины прибавим – их срывают. Я по много раз на дню выхожу притворять наружные двери и свои контролирую после проветривания кухни. Но разве за всеми уследишь? Народ у нас такой безразличный к чужим проблемам?

Выходила дочка из квартиры с велосипедом, а тут порыв ветра так рванул дверь, что она со всего размаха врезала ей по пальцам. Об болевого шока дочь упала в обморок на плиточный пол площадки и ударилась головой о цементный выступ плинтуса. Я из кухни услышала вскрик. Выскочила, позвала соседку-врача и мы перенесли девочку на диван. Очнувшись, она сразу не смогла вспомнить, что с нею произошло. А когда у нее началась сильнейшая рвота, мы срочно вызвали «скорую». Врачи поставили ей диагноз: «сотрясение мозга» и увезли в больницу.

В перерыв я приехала проведать свою малышку, а больница пустая. Тараканов травят. Кинулась искать дочь. Все больные рассыпались по двору. Жара, на термометре тридцать. Тени нет, лавочек тоже. Сквозь прутья ограды вижу, как моя доченька еле-еле бредет по мощеной дорожке. Лицо бледное, под глазами черные круги. Меня не видит, не слышит. В голове мелькнуло: «Она опять может упасть!» Подскакиваю к лечащему врачу, прошу на время отпустить ребенка домой под расписку. Он зло отвечает: «Надоели вы тут мне все со своими просьбами». Я стою огоршенная, не знаю, что делать. На глазах слезы.

На следующий день дочь звонит мне с вахты на работу, чтобы я ее забрала из больницы, потому что ее выписали. «Не пролечив?» – удивилась я. Примчалась на такси. Врач молча сунул мне в руки выписку и скрылся. Только дома я узнала, что он изменил диагноз, написал: «ушиб, гематома». А дочку продолжали мучать головокружения, тошнота и рвота. Я поехала в ту же больницу. В регистратуре мне показали документ врача скорой помощи. Там тоже стоял диагноз «ушиб». Потребовала у врача объяснений, а он насмешливо заявил: «Может, она у вас беременная». «В двенадцать лет? Девочка еще не знает, что такое месячные!» – оторопело возразила я, не понимая странного отношения ко мне и к моей дочери. Я же не скандалила, не ссорилась, с врачом учтиво разговаривала. Соседка объяснила: «Лечащий врач, видно, узнав, что ты работаешь в вузе, испугался, что пожалуешься, и решил перестраховаться. А врач «скорой» из профессиональной солидарности его поддержал». «Я не собиралась жаловаться. Я о здоровье своего ребенка думала, – расплакалась я.

Пошла к участковому невропатологу. Та, пряча глаза, сказала, что хотя имеет другое мнение, но не имеет права менять диагноз, поставленный в больнице. Послала соседка меня с дочкой на прием к своему знакомому врачу, а он посоветовал нам съездить в Москву или в Ленинград за положительными эмоциями, походить по картинным галереям, раз девочка увлекается живописью. Я совсем растерялась. Ребенку приписан постельный режим, а он нас посылает в такую жару по музеям ходить?!

Больше я не пошла ни к одному врачу. Дочка все лето пролежала в кровати. Без лекарств выздоровление проходило очень медленно. Малышка много читала, но я не позволяла ей переутомляться. Как-то вечером она с грустью сказала: «Как в больнице все безразличны к больным! Меня раздели, забрали одежду, но ни халата, ни тапочек не выдали. Сказали, чтобы родители из дому принесли, а позвонить тебе не разрешили. Меня полуголую, в одних трусиках отправили искать назначенную мне палату. Я шла, согнувшись, прикрывая грудь руками. На меня смотрели большие мальчики и мужчины. Мне было так стыдно! Я обращалась с просьбой помочь мне ко всем взрослым, которые заходили в нашу комнату, но все отмахивались. Вместо халата я могла бы накрыться простыней, но девочки не давали мне свои тапочки. Я не ходила в столовую ни на обед, ни в ужин, а в туалет попала только ночью, тайком надев вещи спящей соседки по палате. И если бы не тараканы, неизвестно что дальше было бы со мной. Ночью мне казалось, что я умру в этом каземате. Неужели везде так?..» «Я вечером пыталась прорваться к тебе, даже белый халат из дому захватила, но врач меня засек и не пустил. Сказал, чтобы понапрасну не волновала ребенка, заверил, что все у тебя хорошо. И я поверила», – объяснила я дочери.

Мы обнялись, и я шепнула дочке: «Ты повзрослеешь и научишься, где это возможно, бороться за себя. Хорошо, что мы не такие? Правда?»

Приписка. «Через десять лет я встретила медсестру, которая приезжала к нам на «скорой». Она узнала меня и, волнуясь, спросила о здоровье моей дочери, не страдает ли она головными болями. Видно душа у нее болела за ребенка, хотя сама она не совершала того преступления. Я ее успокоила».

Этим летом умерла моя подруга. Печально-назидательная история. Лечить человека надо с учетом всех его болезней. В тот день случилось с ней обычное пищевое отравление. Но у нее была больная печень. Инфекционный цирроз...

Радугой для нас была ее жизнь, веселым солнышком в дождливый день. При общении с ней люди ни малейшего намека на дискомфорт не чувствовали. Легкая, открытая, лучезарная, оптимистичная. Мы дорожили ее мнением, прислушивались к ее советам, особенно в вопросах, касающихся личных взаимоотношений. Иногда она отказывалась разговаривать на слишком интимные темы, и это вызывало уважение. Она никогда не делала спонтанных выводов.

Но чья-то приступная халатность – и нет прекрасного человека. После жизни мы возвращаемся туда, откуда пришли. Улетела ее душа в небо... далеко-далеко... выше радуги... лишь оставила нам на память свою незабываемую улыбку. Такая вот ей выпала несправедливая доля.

Почему я лопухами лечу позвоночную грыжу и радикулит, а девясилом колени? Потому что химические лекарства сильно осложняют работу моих больных почек. А в больнице не стали бы считаться с моим мнением.

Кира подумала: «Надо же, за пятнадцать лет семейной жизни от Зои ни одной жалобы мужу на его невнимание! Лишь одни сожаления и то только в дневнике. Наверняка вертятся обиды на кончике языка, но не соскакивают. А про «внимание» его мамы тут много. Да толку...»

9

Перестройка. Что от нее ждать, мне понятно. Грустно, неоптимистично. На сколько лет она растянется? Формировались мы в одном мире, жить и работать придется в другом.

Дефолт. Были у нас крупные прекрасные умы, а теперь явились крупные нелюди и негодяи, «санитары» нового общества. Обычная практика переустройств... А мы за что поплатились?

С зарплатой начались перебои. «Для поддержания штанов» профком раздает участки земли. Посоветовалась с мужем. Обрадовался, сказал: «Бери». С перепугу взяла два.

Девяноста первый год. Ужас.

Девяноста третий. Полная перетряска во всем государстве. Сколько лет будем зализывать раны, прежде чем наметится какой-никакой положительный рост?

Ваучеры – это издевательство над людьми.

Дефолт, черт бы его побрал!

Перестройка буксует? Нет. С огромным пространством России трудно совладать. Первое время будем жить тем, что досталось в наследство от СССР, а потом развернемся в полную силу. Дай Бог нам силы и терпения.

*

Жалкий нищий каждый день стоит у нашего магазина. Подумала: «До какой же степени может опуститься изголодавшийся человек?» Дала ему булку. Он взял ее с растерянным видом. Поняла, деньги на выпивку выпрашивал. Какое может быть достоинство у алкаша?

Привезла в сад шифер на сарайчик. По дешевке достала. Решила в следующий выходной покрыть крышу. А Митя по пути с рыбалки заехал на наш участок и встал на крышу. Удивил. По своей инициативе помочь захотел! Столетний дуб в лесу повалился. Похвалила.

Предупредила Митю о том, что по радио пообещали сильный ветер, и попросила обязательно съездить в сад, иначе наш труд пропадет даром.

«Не говори ерунды, листы шифера очень тяжелые, не сдует их», – отрезал муж.

«Ты теоретик, а я практик, – вздохнула я, понимая, что если сама не съезжу в сад, то в выходной увижу одни обломки.

Не смогла я найти время, чтобы исправить результат самодеятельности мужа, и крышу сарая в то лето так и не закончила.

Митя купил электроплуг, поигрался с ним полдня и поставил в гараж. Сам-то он не пашет, за ним должен труженик ходить. Так и продолжаю на огороде и в саду безотказной лопатой работать.

Приехала из сада. На столе в вазе голубые колокольчики. Под сердце хлынула теплая волна: «Уезжая на рыбалку, купил мне цветы, чтобы скрасить мое «существование»!» Заглянула в холодильник, а там клубника! Еще теплой и радостней стало на душе. И тут зеленый лук с корешками увидела. Поняла, что родственники приходили, дары из своего сада принесли в благодарность за помощь. Мотоблок мы им весной давали для вспашки огорода. Вздохнула: «Опять я представила себе мужа лучшим, чем он есть на самом деле». Устало присела к столу. Раздался телефонный звонок. Подняла трубку. На том конце провода дышат и молчат. Я жду. Там не выдерживают долгой паузы, давят на рычажок. Настроение почему-то упало. Наверное, от усталости.

Третий год подряд у меня прекрасные урожаи картошки, моркови, болгарского перца и тыквы. Шикарные помидоры вызревают на корню. Плодовые кусты и деревья по периметру сада подрастают. Эх, если бы не воровали... В прошлом году поздние сорта помидоров и тыквы полностью «помогли» собрать. До слез было обидно. Вкалывала как проклятая. Подруга пошутила: «Это не жизнь, а галеры». Ничего, сильный человек тоже может позволить сказать себе: «Мне больно, мне тяжело. И другому посочувствовать».

Тороплюсь из сада на остановку автобуса. За спиной огромный рюкзак с овощами, в руках ведро с грибами – по пути в березняк заскочила – и хозяйственная сумка. В ней бумажные кулечки с целебными травами. Догоняю парня, который гордо несет огромный снопок колокольчиков. Я любовалась ими в лесу. Они в этом году из-за обилия дождей на удивление крупные и яркие. До остановки автобуса далеко. Молодой человек то перебрасывает «букет» с одной руки на другую, то несет его, обхватив обеими руками. Потом взваливает на плечо. Соцветия привяли, разлохматились и грустно-устало кивают головками при каждом шаге своего губителя.

А я иду за ним и грустно размышляю: «Зачем этому юноше столько цветов? Почему он выдергивал их с корнями? Лечебных свойств у этого вида колокольчиков не замечены. На продажу? Но вид у них уже сейчас непривлекательный. Посадить в саду? Но они однолетки. Любимой девушке букетище хотел подарить? Решил удивить, обрадовать? «Широкая» душа! Меня он уже «поразил» в самое сердце. Вот таким образом растения попадают в «Красную книгу»?

Смотрю, парень уже не несет, а раздраженно волочет по дороге свой злосчастный снопок за пояс из шпагата. И вдруг он со злостью швыряет его на обочину дороги и бодрым шагом продолжает свой путь. Я в шоке. Как нелепо и глупо выглядит его поведение со стороны! А почему не прокрутил заранее все свои действия в голове? Когда рвал цветы, не догадывался, что они могут погибнуть, увянуть раньше срока? Ему не жалко было уничтожить красоту? Не объяснили на уроке биологии? Сам ничего никогда не растил, даже цветов на подоконнике? Не понимал и того, что не по силам ему будет донести свой подарок, потому что никогда ни в чем не помогал своей семье, только по улицам шлялся? «Мужчиной» рос, не девчонкой. Просто дурак? Вовсе не умеет думать?

Разговаривала по душам со студентом. Он приехал из Татарстана. Там происходила самая кровавая конфронтация на постсоветском пространстве. Дичайшее смертоубийство. Шла гражданская война, и им было не до русских? Как остаться человеком, когда зло пожирает души людей. Разве зло неизбежно? Быть просто хорошим человеком оказалось недостаточно. Надо было прибавляться к своему стаду, надо принадлежать к какой-то одной стае. И русские побежали?

– Сестру пригрозили изнасиловать, меня покалечить.

– Ты не похож на русского.

– Мама у меня украинка. Ее после мединститута распределили. Там медицина была в зачатке. А теперь конфликт людей с чистой и смешанной кровью. При СССР это было неважно, тогда не делали различий. Таджики говорили: «Вы, русские, некультурные...» На чужбине и вода горькая. Была тревога: случись что, не выберемся.

- Мы народы из ближнего зарубежья считаем близкими нам, хотим укреплять культурные связи.
- Не нужна им наша культура.
- Власть стремится владеть сознанием народа. Насилие прежде всего совершается сначала над умами людей, а потом уж над телами.
- Для меня родина - Таджикистан, а отечество - Россия.
- Власть нашла внутреннюю опору в национальной идентичности.

*

Что со мной происходит? Уже к десяти часам вечера с ног валюсь в физическом и моральном изнеможении. А раньше и в двенадцать чувствовала себя бодрой, полной сил. Настолько крепка и сильна была, что казалось, сносу мне не будет. Сажусь отдыхать, но без дела устать, как муж, в телевизор не могу. Чуть приду в себя и начинаю шить, вязать, заниматься починкой одежды, обуви, пока способна руки поднять. Потом лежа гляжу в телевизор совершенно обессиленная, опустошенная и безразличная.

Я уже сознаю предел своих возможностей: это когда ни рукой, ни ногой нет сил пошевелить. Но мириться с этим не хочу. В чем причина такого странного упадка сил? Я же не старуха. Ясное дело, что не от работы. От безысходности, от безразличия мужа и постоянного морального гнета лжи, от его необоснованной бесполезной bestолковой ругани, придирок, издевок. Негативные эмоции губят, позитивные - возрождают. Я будто каждый день под танк...

Митя не замечает, что обижает, не видит моих слез, не чувствует жалости. Сытый, довольный, ухоженный, не отягощенный заботами и тревогами за детей. Ему хорошо, легко и просто. Он говорит: «Не нужны проблемы? Забудь о них!» Но сами они не решаются. Есть муж, и вроде нет его. Только требует, капризничает, нервничает. Разойдется, распалится... Терпение мое на исходе. Похоже, я заболела. Но чем? Внешних признаков нет. Надо бы посетить врача. Некогда. Всё не до себя.

Еду в автобусе. Свободных мест нет. Голова кружится, не могу поднять рук, чтобы держаться за штангу. Привалилась к ближайшему сидению. Ноги вялые. Перед глазами все плывет. Кто-то просит передать на билет. Голос звучит тихо, будто издалека. Толкают сердито в плечо. Я не реагирую. В мыслях у меня одно: не упасть. Выхожу. На свежем воздухе немного легче. Посидела на лавочке и пошла домой. Там белье замочено. Попросила мужа помочь выкручивать. В ответ услышала обычное: «Отдохни, завтра сделаешь». А на завтра другие дела намечены. Они накапливаются, навораживаются как снежный ком. Он такой большой, что не в состоянии хотя бы сидя чем-то помочь? Я же как-то приспосабливаюсь, чтобы мне не так трудно было работать, когда сердце болит. А он не хочет? Бережет себя?

Помню какую радость я испытывала в детстве, помогая бабушке. Иногда мне было очень тяжело, ныла спина, ломило руки, но я представляла, что ей, старенькой, еще трудней, и преодолевала себя. А сколько удовольствия я получала от хорошо и быстро выполненной работы! Я могу! Я это делаю лучше многих! И сейчас я бываю довольной, когда, несмотря на плохое самочувствие, мне удастся сделать что-то полезное. Видно, нет во мне барской крови. Я сочувствую Мите. Любая работа для него - наказание. Он на нее точно как на казнь идет.

Я читала, что «мужчина счастлив не тем счастьем, которое он приносит, а тем, которое он сам испытывает». Может, в данной фразе под словом «испытывает» мужчины подразумевают другие чувства, не связанные с работой и помощью? Например, секс. Не удивлюсь, узнав, что это так.

Сажу на остановке. Мужчина рядом курит. Мне дурно.

- Не дышите мне в лицо. Ну и мужики пошли: ни соску бросить, ни рюмку отставить, - раздражаюсь я.

Мужчина говорит в свое оправдание:

- Женщины тоже курить стали.
- Так на вас же глядя. Вам не нравится, когда они курят, да еще и бравируют своей глупостью? Кровь закипает?
- Не нравится.
- А почему нам, женщинам, должно нравиться ваше курение? Почему мы должны его терпеть?
- Мы же мужчины.
- И что с того? Вот она ваша мужская логика: «Нам все можно, а вам ничего нельзя».

Мужчина молча пересел на другую скамейку. Дым меня больше не беспокоит. Дышу всеми легкими.

- В магазине у кассы какая-то древняя старушка замешкалась. Мощного вида молодой человек из очереди недовольно закричал: «Пошевеливайся, бабка, тяжело продукты держать». В его руках две двухлитровые бутылки пива и что-то съестное в пакете.

- Тележку возьмите, - подсказала одна женщина.
- Видно, бабушку свою не любит, - предположила другая.
- Мы в вашем возрасте мешки с картошкой тасками и не ныли, - сварливо заметила третья.
- В наше время тоже встречались мужчины, которые кроме ложки ничего в руках не держали, - усмехнулась четвертая пенсионерка. (Это было время действия пенсионных скидок.)

- Пропустите беднягу. Видите, торопится выпить, - насмешничает еще одна старушка.

Так и не ушел парень в другую кассу, все подколы выдержал. Нервы крепкие или совести маловато?

10

У меня день рождения. Муж дарит мне свою старую вычислительную машинку, а себе покупает новую, современную. Я пытаюсь обратить обидное дарение в шутку. Не обращает внимание. Тогда я с долей ехидства замечаю, что на следующий праздник он получит от меня мои заношенные брюки. Он не понимает шутки и спокойно отвечает, что они ему будут малы.

Дарю Мите красивые запонки. В ответ скандал: «Мои деньги тратишь!» Можно подумать, я не зарабатываю.

На следующий праздник подарила мужу тапочки. Он до глубины души возмущен. Напомнила: «Прошлый раз в награду за прекрасный подарок ты «поблагодарил» меня «фейерверком» из ругани, можно сказать, выволочку устроил. Будь же последовательным в своих мнениях». «Не правда, вечно ты все выдумываешь!» - закричал обиженный муж. А я подумала: «Как бы ты орал, получив не новые красивые тапочки, а старые, дырявые?»

- Я выдумываю? Опять лжешь. Походя обижаешь, а потом не только не извиняешься, но еще и свою вину на меня перекладываешь.

- Изобличила! Не помню такого.

- А сейчас разве не переложил?

- Не нужны мне твои подарки!

- А чьи нужны? В шкафу лежит безвкусный галстук - его стыдно надеть - и примитивный кошелек, к тому же женский. Он не входит, как положено мужскому, во внутренний карман пиджака и больше похож на косметичку. Ведешь себя как детсадовский малыш: «Забирай своих кукол, отдай мои машинки!» Вот ты мужа сестры ругаешь, но оборотись на себя, ты же во много раз его хуже, - разозлилась я. - Себе ты мгновенно прощаешь любые самые гадкие прегрешения, а другим и мелких недочетов не спускаешь.

И, конечно же, получила за это замечание по полной программе: шикарный фонтан русского кабацкого «красноречия». Я не позволяю себе подобные выпады при детях, прекрасно понимая, чем они заканчиваются. А тут, один на один, не сдержалась.

- Ты лишаешь меня возможности делать тебе приятное. Ты никак не можешь до конца осознать, что в семье люди должны жить в добре, во взаимопонимании и во взаимопомощи. А иначе, зачем женится? Мужчина, уважающий женщину, не позволил бы себе подобного поведения. К сожалению, в твоём словаре нет других слов, - добавила я устало.

Если бы Митя признавал свою вину, извинялся, пытался измениться, я бы его больше ценила. В народе ходит шутка по поводу упрямых мужей: «Мужчине, который умеет извиняться, рай наполовину уже обеспечен». Но, похоже, мой муж не нуждается ни в рае, ни в моем уважении. Я для него бессловесная домработница. А тогда в чем нуждается? На работе, я слышала, его тоже многие не очень уважают, за спиной похихикивают. (Хотя начальников редко уважают.) Одни побаиваются, другие, те которые поумнее, приспособились и крутят им в своих целях. И он перед ними лебезит и прогибается.

Так и живет, упрямо следуя одной и той же тактике: защищаться нападением, доказывать свою правоту ложью, изворачиваясь, обвиняя других. Ему нравится гордиться тем, будто он может доказать, что всегда прав, не считаясь с чувствами другого человека? Это не отдельные, случайные моменты в поведении Мити, такова его жизненная позиция и он ее твердо придерживается? Я не могу представить себя на его месте, мне это не свойственно, непонятно и неприятно уже хотя бы потому, что я не выношу лжи.

Посоветую что-либо Мите, а он будто не слышит. Но стоит об этом же сказать матери, он сразу берет ее слова на вооружение. Ну мать - ладно. Но он и к советам чужих людей больше прислушивается, чем к моим. А мне важно именно его признание моих положительных качеств и моего ума. Как-то возмутилась, спросила, почему он так себя ведет? Не смог объяснить. Похоже, сам удивился. Лишнее подтверждение тому, что живет бездумно, как автомат, запрограммированный матерью. Поразительно. Был бы на его месте кто-то другой, я сказала бы, что тупее мужика не встречала.

Я еще говорю, а Митя уже уходит. Я должна его догонять? И сам он что-то объясняя мне, не стоит на месте. Почему? Ему не важно, слушаю ли я его? Ему нужно просто высказаться в пространство? Прошу разъяснить. Перебивает. Крик, оскорбления... В конце концов это элементарная невоспитанность. Он боится со мной обсуждать наши проблемы?

Как у Мити получается не слушать собеседника? Я попыталась, но не сумела, потому что в душе осталось беспокойство. «Вдруг он сказал что-то существенное, важное для нас обоих, что-то доброе, а я пропустила. Может, он попросил меня чем-то помочь, а я не услышала», - крутилось в моей голове, создавая дискомфорт.

Возвращусь к вопросу о внимании и заботе.

Иду из магазина, как всегда нагруженная под завязку, и думаю: «На рыбалке готов целый день носиться по реке, не замечая усталости, а зимой еще таскает за собой бур и рыбацкий ящик, сверлит лунки. А в магазин ему трудно

сходить. У меня не хватает сил даже на один час кидания спиннинга. Врет насчет своего нездоровья? Лодырь? В чем между нами разница? Митя привык делать только то, что ему нравится. Слово «надо» для него не существует. Мне трудно, но я же привыкаю к необходимости пересиливать себя. Хочу-не хочу, но делаю. Как же иначе? На то и человек, чтобы управлять собой. Дебил не способен анализировать и контролировать свои действия и эмоции. (До чего я договорилась!) И отношения между супругами должны меняться, развиваться. А у нас... Все его поступки по-прежнему направлены только на внимание к себе.

Готовлю ужин. Включила телевизор. Слышу: «Русский народ славен тем, что умеет в сказках над собой посмеяться. Это говорит о здоровье нации».

Задумалась... «А вот почему французы чтят Наполеона как великого героя, хотя он в Египте армию потерял. Мало того, был еще и нами бит, и жизнь свою бесславно закончил. А мы своих героев неактивно ставим на пьедесталы. Моего любимого Суворова, не проигравшего за всю свою жизнь ни одного сражения, редко, не повсеместно и не звонко вспоминаем. А какой прекрасный воспитательный момент! Чья недоработка?.. И современных героев быстро забываем. Ирина Роднина за всю свою карьеру не проиграла ни одного соревнования. Десятикратная чемпионка мира, трехкратная олимпийская! Гордись, Россия!»

...Интересно, тупая современная попса – это упадок культуры или ее новый поворот? Отказ от культуры, от традиций – самое страшное, что может произойти с людьми. Традиции устаревают? Да, потому что не всеми традициями можно гордиться. Рукоприкладство, неуважение к женщине, непризнание в ребенке личности, кумовство, ведущее к бытовой коррупции – размер которой по стране достигает десяти миллиардов в месяц! – пьянство, будто бы являющееся смягчающим обстоятельством и прочее. С такими, с позволения сказать, традициями надо бороться созданием нетерпимого общественного мнения, всеобщим презрением и жесткими законами. И оставлять те, которые передают огонь, а не пепел.

...Немного посмотрела «Семейку Адамса». Черный юмор. В больших дозах он невыносим. На психику давит. Это уже перебор. Он для тех, у кого крепкие нервы. Странный сюрреалистический мир, с помощью которого авторы пытаются заглянуть за некую черту, за край? Новый особый жанр? Раз показывают, значит, это кого-то волнует? А может, навязывают? Как нашим детям и внукам сохранить себя, как спасти от глумления, издевательств и насмешек то, что мы, старшее поколение, оберегали и лелеяли в себе?.. Чтобы они понимали свое реальное глубинное предназначение или хотя бы были внутренне готовы к этому. Конечно, степень осознания у всех разная. Есть и легковесная...

Говорю Мите: «Поторапливайся, а то придется ведущему политической передачи без тебя «испражняться». Не переживет он утраты такого верного слушателя.

...Заскочила на выставку местной художницы. В замысле чувствуется мужской ум, а в исполнении мужская рука. Раньше в ее творчестве я наблюдала отсутствие монументальности, твердости и жесткости стиля. И вот они... Возраст? Я ожидала от пожилого человека легкого светлого мировоззрения и воздушности образов?

...Немного жаль того времени, когда читатели гонялись за хорошими книгами. Помню, достался мне «Золотой теленок». Какое это было счастье!

...Размешивала овсяную кашу окисленной мельхиоровой ложкой. Вытерла ее бумажной салфеткой. (Вода в кране пропала.) Ложка засверкала как новая. Провела эксперимент с другими кашами. Никакого эффекта. Теперь чищу мельхиоровую посуду, окуная ее на несколько секунд в кипящий овсяной отвар. Дешево и очень быстро.

*

Ура! У сына выпускной. Море радости и куча проблем. Не в смысле знаний, конечно. С дочкой на этот счет все стабильно.

Митя вызывающе-иронично дразнит меня за то, что я, когда очень устану или разволнуюсь, ручки телевизора кручу в обратную сторону. Есть у меня такая особенность. Я сама по ней проезжаю, мол, меня теперь нельзя за руль сажать. В момент опасности я обязательно его в другую сторону поверну. А в детстве и на мотоцикле «Урал» гоняла, и на «К-55», и на грузовике, и не путала газ с тормозом.

А сам чем лучше? Половина выключателей в квартире «вверх ногами» стоит, краны на кухне расположены неудобно. С холодной водой его лучше справа иметь. И ведь никто Митю не нервировал во время работы, над душой не стоял, не торопил. Но я же привыкаю к неудобствам и не делаю ему замечаний, чтобы не раздражался. Успокаиваю себя шутиливо: «Видно, поступать в разрез логики для него норма».

...Можно подумать, что я вижу одни Митины недостатки. Так ведь достал! Сил уже нет терпеть незаслуженные придирки. Снова насмешливо проезжаю по себе: «Постоянно находясь в агрессивной среде, уметь хотя бы внешне сохранять позитивное настроение – великий подвиг. Я – герой! Правда, непризнанный».

«Митя, объясни, пожалуйста, почему ты не можешь отказывать чужим людям, а своим близким – запросто. Я могу понять тот случай, когда тебя, молоденького, наивного студента окрутила опытная хитрая тетка, заставившая таскать ящики с вишней и торговать на рынке. И это с твоим-то здоровьем! Глупенький, неуверенный был. Может, расхвастался, наобещал чего-то, а потом не сумел отвязаться. Или денег у нее занял и не смог расплатиться. А она и рада зацапать дармовую рабочую силу.

Но теперь, в твой-то годы! Почему ты тайком, соврав мне, поехал на вокзал встречать чужую дочь, тащил на плечах тяжеленный рюкзак, а в руках два огромных чемодана. Ты шел согнутый чуть ли не пополам, несчастный, в этих

своих сильных очках... А соседская мощная дочура шествовала рядом с тобой «порожняком», с гордо поднятой головой. Ее богатые родители вполне могли вызвать такси. Они же, как врачи понимали, что тебе нельзя поднимать тяжелые вещи. Чужого человека им не жалко? В какую зависимость ты к ним попал? Как они заставили тебя жертвовать своим здоровьем? И это при том, что ради своей семьи ты и пальцем не хочешь пошевелить. Ты никогда не встречал меня ни с поездом, ни с рынком. А почему сам не догадался взять такси? Шварценеггера из себя перед соседкой строил? Что тебя заставляет делать глупые поступки? На каких твоих слабых струнах играют чужие люди? Ты не уважаешь себя, ты не уважаешь и не жалеешь меня. Зачем попадаешь в зависимость, если заранее знаешь, что выпутаться не сумеешь, потому что ни ума, ни решительности, ни воли не хватает? Не ввязывайся, обходи такие ситуации. Любя весь мир, ты не замечаешь близких? Причем здесь любовь? Глупость элементарная. А случись что с тобой – допустим слепота – мне же пожинать плоды твоей бесхарактерности и глупости, мне с тобой нянчиться. Я оберегаю тебя от малейшей нагрузки и нервной, и физической, а ты перечеркиваешь все мои старания, сводишь их на нет. У человека два глаза, которыми он видит весь мир, но только не себя. И не меня? Так что ли?

Ладно, там тебя могли обмануть, вынудить. А куда девается твой эгоизм, когда ты по первому зову бежишь бесплатно чинить телевизор соседу-алкашу, которого презирает весь дом и даже собственная жена? И это при том, что у самого вот уже неделю как черный экран. Ни просьбы, ни возмущение, ни слезы мои на тебя не действуют. Ничто не останавливает тебя. Уж если втемяшится в башку какая блажь... Вот объясни мне, зачем ты занял ему шестьдесят рублей, зная, что он никогда их не отдаст? Это же половина моей зарплаты! Какой механизм в тебе в тебе отключает способность думать. Лесть? А еще что? Сколько можно заблуждаться. Уговорил? Он из тебя дурака сделал. И ты позволил. Да, алкаш может гордиться собой! Как же легко тебя уговорит чужим людям. Знаю, мать тебя закодировала на определенное поведение: «Выслушай жену и сделай наоборот». Сколько раз я с тобой на эту тему беседовала! И не малейших сдвигов в сторону понимания.

Ты же не глупый, понимаешь, что твоя «благотворительность» идет в ущерб семье. Но почему только задним числом, почему не сразу? Это врожденная заторможенность или абсолютное неумение мыслить, видеть на два шага вперед? У меня, во время разговора с чужим человеком, автоматически срабатывает подстрочник-переводчик и анализатор мыслей собеседника. А ты расслабляешься, впадаешь в эйфорию от своих умных ответов, от собственного мнимого благодушия, по-детски воображаешь себя богатым благотворителем, способным швыряться деньгами? А потом «просыпаешься» в реальном мире и начинаешь врать, выкручиваться, хамить или просто замалчивать происшедшее? Так, что ли? Я не права?

Это ты считаешь добротой? Но быть добреньким за счет своих родных непорядочно. Я от детей отрываю время, чтобы заработать лишний рубль, тебя берегу, не затрудняю, а ты... Объясни свое поведение. Я хочу тебя понять, чтобы не обижаться. Понимание нужно не столько мне, сколько тебе, чтобы не попадать в ловушки. Мы не идеальные. Я тоже излишне добра, но как только замечаю, что люди намеренно пытаются меня использовать, прекращаю с ними общаться. А ты не признаешь своих ошибок, не ищешь их причины и поэтому продолжаешь совершать нелепости во вред себе и близким. Не спеши, подумай, прежде чем ответить», – прошу я.

И что я услышала в ответ? Ничего нового. Безобразный крик.

– Скажешь, я пилю тебя? Но ты ни с первого, ни со второго раза не понимаешь простых вещей. Научи меня подходу к тебе, объясни, как препятствовать глупости, как ставить заслоны твоим непредсказуемым поступкам. А когда ты часами несешь ахинею и орешь на всю квартиру – это каким словом можно назвать? Пилишь или еще хуже?..

Заскочила к Мите на работу. Вижу, на столе стоит стул, а на нем с дрелью в руках, весь в побелке мой муж. Молча повернулась и ушла.

Вечером говорю мужу: «Дома я берегу твое здоровье, сама орудую дрелью, а почему на работе ты потолок дырявишь? Ты же начальник. У тебя в подчинении есть мужчины. Они отказываются, говорят, что не умеют, и ты не можешь их заставить? Тогда это тебе минус как руководителю. А может, перед женщинами героя из себя строишь? А что же дома... Ах да! У нас же разделение функций. Мне – домашняя работа, тебе – удовольствия. Я отвечаю за ошибки в семье, ты – за успехи».

Я не могу находиться в состоянии бездействия. Руки зудят желанием работы. Я и раньше была трудоголиком, но теперь это как болезнь. Нет срочных дел, выдалась свободная минутка, чтобы позволить себе отдохнуть, но я все равно хватаюсь то за одно дело, то за другое, испуганно, против собственных сил, как заведенная, продолжаю упорствовать, «геройствовать».

Случается приболеть, но руки и душа опять рвутся что-то делать, куда-то бежать. Теперь я понимаю, что неосознанно, трудом пыталась погасить в себе пожар все разрастающихся обид и неутраченную боль души. Кто-то их заливает алкоголем. Говорят, что существует порог боли, после которого ее уже не чувствуешь. Наверное, это касается только боли физической.

*

Чертова перестройка! Проблем куча. Муж думает, что торговля – необходимое зло, но недостойное его знаний и умений. Позором для себя считает зарабатывать деньги перепродажей. Такие у нас социалистические заморочки. Конечно, не престижно, рискованно, но на данном этапе ничего лучшего не подворачивается. Без начального капитала даже помещение не снимешь, чтобы организовать производство или хотя бы пункт обслуживания чего-то на то время перспективного. Сочла возможным высказаться в защиту целесообразности этого вынужденного предприятия, хотя бы на начальном этапе становления. Муж неумолим. Пять лет пробовал, экспериментировал, и все же пришлось ему смириться. Позже он не раз сожалел о своей нерешительности и приверженности к старому укладу. Многие из наших знакомых прошли через эту ловку.

Жизнь более ли менее стабилизировалась. Зачем вспоминать прошлые ошибки, новых бы не натворить.

Поссорились. Муж утверждает, что ревнует, быстро ведется на сплетни. Но я-то повода не даю! Это происходит от сознания собственных недостатков? Сам себе приговор выносит? Получается, я населяю свою жизнь ангелами, а он

демонами. Но последствия его глупости и неуверенности опять на моей шее. Повкалывал бы на моем месте с месячишко, сразу бы ревновать перестал, понял бы, что при такой нагруске не до секса. От безделья все эти глупости у него в голове, как и у его матери.

Вспомнился грустно-смешной случай. Как-то похвалил Митя то, как одеваются женщины его отдела. Особенно выделил вкус председателя профкома их организации. Прошла неделя и я предложила мужу выбрать мне новый плащ, потому что старый, очень любимый мной, купленный еще в студенческие годы, совсем износился. Он с удовольствием согласился. И что же? Митя купил мне дешевенький, грязно серого цвета и «колхозного» покроя». Такой не всякая старушка согласится носить. А ведь рядом висел прекрасный плащ, очень похожий на тот, который ему понравился на чужой женщине. Правда, он стоил вдвое дороже. Что это? Жадность? Из ревности боится одевать жену красиво? Когда мы вышли из магазина, я спокойно сказала: «У твоей мамы старенький, линялый плащ. Подаришь ей этот на день рождения». Муж радостно одобрил мое предложение. И только-то. Мне плаща мы так и не купили.

Спросила своего коллегу, не ревнует ли он свою красавицу-жену? Ответил, что счастлив жить с прекрасной женщиной, что сначала у обоих были вспышки недоверия, но когда появились дети, поуменьли, нервные протуберанцы ослабели. Некая химия между разнополюми особями всегда присутствует, но нашей семьи она не касается. Мы не впускаем в нее посторонних. Для меня моя жена все та же девочка со смешными хвостиками-косичками.

11

Десять часов утра. Воскресенье. Митя встал. Даже не спросил, как спала. Мне обидно. Молча отправился бриться.

Почему он такой? Никакой радости от него. Даже не заметил, что встала пораньше и сделала для него прическу. Помнится, еще до перестройки несколько лет подряд намекала, что мечтаю об изящном пенъюаре. Деньги были. А он в ответ проезжался, что мужчинам не нужны тряпки, они руками любят. Сама давно бы купила, но ведь хотелось, чтобы подарил, внимание проявил. Но не было его.

Вспомнила, как подруга приучала своего мужа быть внимательным. «Не заметил и не отметил, какой я плов прекрасный приготовила? Так я его в туалет! Не понравилась, купленная мной рубашка? На кухонные тряпки ее пустила. Иначе не доходит». А я не решалась на такие радикальные меры воспитания. Боялась обидеть мужа. Вот и пожинаю всю жизнь результаты своей интеллигентности: состою при нем «девочкой для битья».

Отчего это Митя сегодня слишком внимательно разглядывает меня? Даже когда иду на работу, он так не рассматривает мою одежду. Помогает надеть куртку. Приятно. Что это с ним? Медведь в лесу сдох? Заботливо деньги подает на дорогу: «Смотри, не забудь ничего!» - говорит. С чего это раздобрился? Неужели что-то проснулось в нем после вчерашней грубости? Он ощутил неведомую дотоле горечь от внезапно обретенной совести? Хорошо бы. Но не верится.

Торопливо иду на остановку. Вспоминаю недавнюю размолвку. Опять обидел. Мамочка что ли чего-то напела? С нее станется. Я тогда в ответ на его ругань с горечью сказала: «Пока ты неделю был в командировке, в доме тишина стояла. Я все успевала сделать, и время хватало детям уделить внимание. Мы читали, гуляли в парке. А ты приехал и прямо с порога всех обругал, обозвал, расстроил. И тем счастлив? Не от детей и от забот я устаю, а от тебя, от твоего первого поведения. Неужели нельзя держать себя в руках? Мне тоже иногда хочется разорваться, но разве ты слышал от меня за все годы нашей совместной жизни резкие упреки, я повышала на тебя голос? Почему же ты не считаешь нужным и возможным беречь наши нервы? Твой заносчивый вздорный характер губит семью. Задумайся над этим. Маму твою не перевоспитаешь, но ты-то еще достаточно молод. Нашел идеал верности и долготерпения? Доволен, что делю с тобой не радости, а одни только беды и не ропщу?»

Врач в больнице сказал мне, что ты не больной, а распушенный, что угробишь всех нас, а сам до ста лет проживешь. (Может, зря сказала? А сколько можно терпеть неуважение?) Еще он сказал, что сердце у тебя нетренированное, но совершенно здоровое. А у меня было здоровое, а теперь сильно изношенное. Просил беречь себя. А тебе советовал нервы лечить. И что ты мне на это ответил? «Не буду лечиться, лекарства потенцию понижают». А где она, эта твоя потенция?..»

Приехала в сад. Работы выше головы. Понимаю, что с последним автобусом придется возвращаться. А беспокойные мысли все крутятся, крутятся... Что-то сегодня работа на огороде не спорится. Невесть откуда наплывшее раздражение раздрает сердце, душу охватывает смятение. Нервная дрожь в теле. Внутренний голос уже не просит как раньше, а требует уезжать домой. Что со мной? Самочувствие более-менее. Еще утро, не жарко, а сердце давит, но как-то странно. Не от работы, томит его предчувствие. Что-то не так с детьми? Нет. Чутье говорит, что у них все в порядке. Я заложница каких-то страхов? Может, все-таки мое здоровье гонит меня домой? Уж трижды за это лето в обморок падала на этом клочке земли. Не радуется он меня последнее время. В ту субботу сначала стала спотыкаться на кочках, потом в изнеможении свалилась и долго лежала на траве в странном полубытьи. Ничего, отлежалась. Решила без лекарств сюда больше не появляться.

Что же меня так тревожит, отчего сердце надрывается? Слишком яростно бью тяпкой по сорнякам. На глаза набегают темнота, слабеют руки. Давление? С чего бы? Спокойна, мужа нет рядом, не нервирует. Сегодня он еще не заводился. Даже наоборот. Раз приехала за тридцать километров, надо работать, не пропадать же дню впустую. Жаворонок высоко в небе заливается. Через силу улыбаюсь. Сегодня эта прелесть не преодолевает моей тревоги и боли, не радуется, не возвращает спокойствие, не лечит душу.

Пытаюсь отбросить глупые мысли. Работа успокоит, снимет непонятное нервное напряжение. Она всегда спасала, с самого детства была лекарством от всех душевных бурь и обид. Но сегодня что-то не помогает. Выпадает тяпка из рук. Я здесь, а душа моя стремится домой, толкает меня в сторону автобусной остановки. Борюсь с собой, меняю род работы. Может, это отвлечет от страстного желания бежать, бежать, бежать. Не получается. Нет видимой причины для ухода с огорода. Может, муж тому виной? Что с ним?

Вспомнила отъезд. Провожает. Интересуется: «Надолго ли еду?» Меня удивил его взгляд: не сочувственный, любопытствующий, как бы изучающий, запинающийся. Будто он не уверен, что я еду в поле, хочет убедиться. Как-то сказал, что ревнует даже к стулу, на котором я сижу. Но выражение лица не соответствовало смыслу этих слов. Недоверие было в глазах, настороженность и злость. Нервный. Видно от болезни он такой. И то ему нельзя, и это нельзя. Вся жизнь одна. Грустно. И что это я разнылась? Но я же не вслух. Внутри себя «пережевываю» свою горькую «кашу». Странно ведет себя Митя, нелогично. На добро и заботу злом отвечает, оскорблениями. Авансом,

что ли доброту получает? А отдавать когда собирается? Прогноз не утешительный. Даже дети стали отцу замечания делать.

Работа физическая. Самое время думать о наболевшем.

Митя «бушует», а я, как всегда, молчу, терплю. Понимаю, что на работе у него неладит. Перестройка спутала все карты, все планы нарушила. Организация разваливается. Блатные разбежались, остальные держатся за своих начальников отделов, надеются на их сметку, вместе выплыть хотят. Давит на мужа ответственность за людей. Договоров нет, денег нет. Умные головы усыхают от неуверенности, ненадежности положения. Крохи перехватывают, ссорятся с конкурентами. Завод их бросил. Все в долгах как в шелках. Инженеры берутся за любую работу. Идеи у мужа социалистические, а реальность-то теперь капиталистическая. Никак не может перестроиться. Обижают его обманы сторонних организаций. Обещают, просят выполнить работу, а денег не платят некоторые уже по году. Трудно ему. И у меня крохи. Если бы не репетиторство, хоть зубы на полку клади.

Мыслями ушла в перечисление бед последних лет и на время усмирила непонятное волнение сердца.

«Ездил со своей организацией в бывший совхоз на сбор черной смородины. Хорошо поработали, вместо денег разрешили набрать для себя по ведру ягод.

Следующий раз поехала в другой совхоз на сбор вишни. Люди целыми семьями работали. Дождь поливал целый день. Промокли. Ноги с трудом из грязи вытаскивали. План старались выполнить. Друг друга подбадривали. Сначала шутили, потом примолкли. Устали. Но радовала прекрасная, крупная, сочная вишня! Мечтали, как домой привезем, детей побалуем витаминами.

Подшло время получать расчет. Нас «погнали» на другой участок. Кое-как на энтузиазме дотопали до указанного места. Но вишня там оказалась мелкой, выродившейся. По сути дела «кожа да кости». Бригадир объяснил, что это участок, подлежащий уничтожению. Нас надули! Мы, естественно, забастовали и бросились назад. Дорогу нам преградили охранники с огромными овчарками. У детей, да и у некоторых взрослых полились слезы. Они смешивались с дождем... Это было наше первое знакомство... с российским капитализмом. А в школе нас учили, что справедливость человеку нужна как хлеб.

Но одного урока нам оказалось мало. Мы посчитали, что нам просто не повезло с хозяином этого сада, и поехали на уборку картошки. Мы так чисто убрали назначенное нам поле, что даже бригадир удивился. Раскапывая сапогом рыхлую землю, он не нашел и самой мелкой картошки, которую раньше колхозники уж точно оставляли червям на прокорм. Вместо того, чтобы рассчитаться с нами натурой, начальник отправил нас в контору. Мне это сразу не понравилось. Картошку-то уже увезли на склад, а новый участок пахать для нас некому, тракторист домой уехал.

Делать нечего, пошли в деревню. Вышел к нам бывший председатель колхоза. Мы его хорошо знали, потому что не раз привозили к нему студентов на уборку овощей. Но на этот раз работали одни преподаватели и сотрудники. И вот тут-то и выяснилось, что представитель профкома по привычке на доверии в устной форме по телефону с хозяином обо всем договаривался и никаких бумаг не оформлял. Оглядел нас собственник нагло-презрительно, издевательски поблагодарил за помощь и, очень довольный собой, пошел к своей машине. Потрясенные, мы молчали, все еще не веря в человеческую подлость. А хозяин обернулся и гордо сообщил нам: «Я теперь свою продукцию за границу продаю. Меня ценят». И уехал. Не одни мы были в тот год «в пролете». Такие же истории мне рассказывали по телефону подруги из других городов, когда я им жаловалась на свои неудачи.

И тут же мне вспомнилась работа со студентами на сборе яблок в семидесятые годы. Работники совхоза вытряхивали у ребят их сумок фрукты, которые они уносили из сада, чтобы поесть вечером после ужина. А в октябре я ходила по той же земле усланной толстым слоем прекрасных яблок. Помню, подняла одно. Еле двумя ладонями обхватила. Посмотрела на просвет: прозрачное, семечки видны. А запах! Антоновка благоухала! С ума можно сойти от букета! Голова кругом пошла как в детстве... Подумала: «И ведь западут. А могли бы людям дать для себя собрать. Тем же студентам...»

Прежняя бесхозяйственность хуже? И там, и там неисполнение законов».

Мысли в другом направлении побежали.

«Перед перестройкой наконец-то зарабатывать стали прилично, но купить в магазинах нечего было А теперь у мужа зарплата - почти нуль, у меня - копейки. Сыночку по ночам снится огромный кусок жареного мяса, а я не могу ему на свои шиши даже дешевой колбасы купить для бутерброда в институт. Огороды вот взяла, чтобы концы с концами свести...»

И все же что-то странное творится с мужем. Из-за денег недавно накричал. Приказал записи вести. А раньше ругался, когда я «конduit» заводила. И что выявили цифры? Какие дает деньги в семью, тут же их назад забирает. Я потребовала отчитаться. Объяснил, что они для дела нужны, пытается производство наладить. Возражать бесполезно. Сказал: «Я за людей, которые мне поверили, в ответе. Я должен вытащить отдел». Понимаю. Не возражаю. Но мог бы раньше сказать, чтобы я не волновалась. На мои крохи живем. Хватаюсь за малейшие подработки: курсы, репетиторство. Но они тоже иссякают. Знания все меньше и меньше требуются от абитуриентов. Душа за страну болит. Куда катимся?..

Вновь сердце зануло. Влечет с огорода, будто за руку кто тянет. Сил нет бороться с собой. Чувство ответственности летит к черту. Побеждает неразумное, нелогичное? А что если и правда, вернуться домой и успокоиться. Но ведь уже много раз нападало на меня это странное чувство, но я же перебарывала его, давила логикой, не позволяла себе быть слабой. Господи, как же я устала быть сильной! Может, позволить себе расслабиться и сделать то, что требует душа? Забыть это жуткое «надо, надо, надо»... Всю жизнь оно долбит мне голову. Минутная слабость - и не заметила, как тятка заброшена в сарайчик. Господи, что я делаю? Почему оставила работу? Ведь никто за меня ее не выполнит. Ноги сами бегут...

Понимаю, что сегодня уже не вернусь на огород. Вбегаю в пустой автобус. (А утром на головах друг у друга сидели.) Почему-то сразу успокаиваюсь, словно сделала то, что обязана была сделать. Значит так и надо. Зачем было преодолевать себя? Душа требует то, что необходимо для гармонии. Сколько лет я не думала о себе? Все о других. Что случилось дома? Кто требует мне туда явиться? Мистика дурная в голове. Никогда не позволяла себе подобных глупостей, а сегодня послушала себя. Видно, на пределе.

Не живу, барахтаюсь. Опустылено все. У любой женщины страданий больше, чем счастья? Это уж как водится... Нахлынули неприятные воспоминания. Что я себе вбила в голову? Зачем строить догадки, из пальца высасывать подозрения, развивать страхи? Чувствую неловкость перед самой собой, стала тешить себя мыслью о собственной мнительности. Трудное для всех время – перестройка. Иные времена, иные нравы, иные проблемы. Ничего, преодолеем, осилим.

Опять вернулось душевное смятение, пробудился смутный, необъяснимый страх, ревность, сама себя не осознающая. Бредовое воображение лепит невероятные образы, ситуации. Минутами кажется, что придуманное вижу наяву. Воображение, подстегиваемое неуверенностью, становится все более пылким и жутко фантастическим. В какие-то моменты готова провалиться сквозь землю от стыда за свои идиотские домыслы. С робким изумлением прислушиваюсь к своему подсознанию, гоню гадкие мысли, но они продолжают упорствовать, осаждают измученную душу. Что это со мной? Всегда удавалось бороться с плохими мыслями, а сегодня нервы распустила. Это от нездоровья.

Приехала домой. Дети в институте. Мужа дома нет. Дурное предчувствие неприятно тронуло сердце. Вспомнила его наглую, хитрую сотрудницу. Голову охватили многочисленные подозрительные случаи, связанные с ней. Раньше я всегда безжалостно прогоняла их от себя одной фразой: «Не может быть! Таким женам как я не изменяют». А теперь откуда-то всплыли в сознании слова: «От таких жен не уходят, но таким тоже изменяют». Содрогнулась от страшной догадки, но дух противоречия восстал: «И каким же надо быть подлецом, чтобы, не устраивая ни днем, ни ночью, быть капризным, требовательным, злым, обидчивым, являться домой на все готовое... да еще и изменять?! Нет, это не логично, это не правильно. Такого не может быть. Разве за эти двадцать пять лет я хоть раз упрекнула мужа за плохое здоровье? Он же должен понимать, что только из любви к нему я терплю его сложный характер и его своенравную мать, что наша семья держится на моем трудолюбии и терпении. Это каким же словом можно назвать человека, способного на подобную подлость?.. Нет, не может такого быть.

Зачем сажусь в троллейбус и еду к ней? Что за странный фарс... Но внутренний голос настойчиво требует... Я на самом деле его слышу... Боже мой, я же нормальная... Я не знаю номера ее квартиры. Дом, и тот приблизительно. Я с ума схожу? Меня будто кто-то ведет.

...А случай на выборах, когда Митя ночью с ней дежурил на избирательном участке. Мы с детьми пришли к нему, но никого там не обнаружили. И в командировки в Москву он с ней часто ездил. Помнится, она, точно нашкодившая кошка выскочила из вагона, когда я неожиданно захотела встретить мужа на вокзале, а не дома, как обычно. А инцидент с подарками? Я нашла в его чемодане духи и картинки для ее сына. Я тогда расплакалась от обиды. Мне и своим детям никогда ничего не привозил. Объяснил: «Она попросила, а ты ничего не заказывала». Разве подарки надо просить? Это сердцем надо понимать. И что за воспитание у него такое? Глух к проявлению внимания, нежности. И мать вроде без ума от него всегда была, и я люблю, а он не умеет проявлять заботу, не умеет выражать любовь. Или не умеет любить? Ведь это так просто, делать маленькие приятные вещи близким, любимым! Да... люди разные. За долгие годы я так и не научила его этому. Все мои слова будто в пустоту улетали.

Но попробуй я ему чем-то не угодить – жди бури негодования! А начну ему объяснять его неправильное поведение – я сразу плохая. И пошло-поехало. Не остановить, не затормозить. Такую ахинею понесет, что хоть из дому беги. И чтобы самой не заводиться и детей не нервировать, молчу, жду, когда фонтан злословия сам затихнет. Успокаиваю себя: «Ничего не поделаешь, нервы, характер. Тут я бессильна что либо сделать». На кого обижаться? Сама себе такого выбрала. И ведь было из кого... Предупреждали меня...

Сомнения долго остаются в пространстве неопределенности, в котором возможен любой вымысел, любая фантазия. Оно населено монстрами, чьи образы порождают в нас все больше сомнений, колебаний, они терзают, мучают... Не буду поддаваться химерам обид и неуверенности...»

Вот и дом, где живет коллега мужа. Ноги сами привели меня к нему. Зачем? Дать дрозда? Вспомнила, что как-то раз, ночью, муж назвал ее, свою жену, «любовь моя». Сердце дрогнуло редкой радостью, но лицо его вдруг приняло испуганное выражение, словно он сделал что-то неподобающее, будто ошибся. Я растерялась, стало страшно и жутко. Боже мой! Не может быть... Сердце больно заколотилось. Оно словно бы стремилось покинуть тело.

Любовь Федоровна сделала вид, что не удивилась моему приходу. Я обвела взглядом комнату, оклеенную яркими фотообоями. Увидела еще три двери. Она перехватила мой взгляд и гордо сообщила:

– Да, у меня четырех комнатная квартира. Мой папа был крупным начальником. А вы в двухкомнатной маетесь. (Как несет себя! Будто сама заработала, сама достигла высот.)

– Нас она пока устраивает, – с достоинством ответила я. – А там видно будет.

– Зоя Владимировна, поговорим начистоту? Вы же за этим пришли? – неожиданно спросила хозяйка богатой квартиры с легкой напускной развязностью. – Я давно ждала этого момента.

– Не стану клещами вытаскивать из вас правду, – полушутя ответила я, еще не совсем осознавая, о чем она собирается со мной откровенничать. Но сердце уже вздрогнуло.

– Вы допускали когда-нибудь существование у вашего мужа любовницы? Ревновали?

У меня упало сердце.

– К вам? Нет. Я всегда считала, что зависимость моего мужа от вас вызвана сложностью проблем на работе и тем, что вы профорг. Я верю ему.

- Мечтала, верила? За каждую якобы исполненную мечту мы платим сердцем. Верить мужчинам? Это неоправданно глупо. Поведение мужей не может быть областью доверия, - рассмеялась Любовь Федоровна. - Вы думали, что рождение сына затмит ему все остальное, для него важное? Это была ваша очередная ошибка. Он только себя любит. Дети только женщину могут удержать от глупостей. Да и то не всякую. А вы - из другой жизни, с другой планеты.

Я почувствовала себя мишенью для насмешек, но не могла сопротивляться, противодействовать, спорить. Что-то удерживало, смущало.

- Мы приписываем любимым те добродетели, которые хотим в них видеть, а они живут своей жизнью и для разнообразия, время от времени делают глупости. Ощущение собственной значимости не позволяет им быть самокритичными. Ваш муж человек, как оказалось, во многом распушенный, избалованный, а невоздержанность вредна в любых проявлениях. Новизна чувств доставляет ему истинное наслаждение. У него по жизни все случайно, он часто совершает немотивированные поступки. Хочу и все. Как ребенок. Таков его истинный характер, - с удовольствием разглагольствовала Любовь Федоровна, явно гордясь хорошим знанием предмета.

Я слушала и не понимала, почему не уйду, почему позволяю этой наглой женщине издеваться над собой, бросать себе в лицо слова-пощечины. Меня гипнотизировали ее жуткие слова-откровения?

- Понимаю, - ехидно ухмыльнулась «собеседница», - Вы ни на минуту не сомневались в порядочности мужа. Он вам двойную дозу психа закатит, а вы его жалеете! Он вам жлет, а вы ему верите. Он человек шумный, но в семье все молчком делает, потому что боится. Только ругается громко. Такой вот фрукт. Презабавно? Мечтали с мужем всю жизнь петь на два голоса, но дуэтом? А он в солисты не годится, в хоре любит выступать. Считали, что строили идеальную семью? А если глубже копнуть, до чего дороемся? Усилиями одного человека рай в семье создать невозможно.

«К чему она ведет? Куда клонит?» - будто очнувшись, вздрогнула я.

Чудовищная невероятная догадка блеснула в моем заледеневшем сознании. Как удар хлыста по лицу ожгла реальная мысль об измене. Пока точно не знаешь, надеешься...

- Начнем препираться или сразу... за волосы? - явно насмехаясь, произнесла Любовь Федоровна, - Хотите выведать все, что было между нами, чтобы вывести на чистую воду? Сама расскажу, давно хотела. Будут вам неопровержимые доказательства. Что, будто с вашего языка вопрос сняла? А ваш муж пусть подумает, помучается, где он прокололся, на чем погорел.

Я будто остекленела. Видела, слышала, но не реагировала. Это непонятно откуда взявшееся отчаяние, разлитое вокруг меня, плюс полное непонимание происходящего... Какое-то странное оупение... Куда уж тут отстаивать свое мнение.

- Сначала я не стремилась завоевать его расположение. Я не заманивала его. У него тогда был романчик с другой особой из совета молодых специалистов. Он сам обратил на меня внимание. Мужчины быстро верят тем, кто говорит им об их уме и признают их таланты. У вашего мужа непомерное тщеславие, и я его стала старательно поддерживать и разжигать. На всякий случай, авось пригодится. Заведенный лестью, он бессознательно наслаждению отдается с яростной силой, с безграничным удовольствием. Вы, я вижу, с ним - разительный контраст. Вы слишком добры, жертвенны и наивны. Он пресытился и тяготился непрощенной, незаслуженной любовью, которой был окружен. Комизм и трагизм ситуации в семьях состоит в том, что мужья не ценят таких жен. Беззаветная преданная любовь скучна им. Они говорят себе: «Почему я должен лишать себя удовольствий только потому, что женат и меня любят?» И бегут туда, где с ними играют в кошки-мышки, где их развлекают. Им интересно бороться, добиваться. Этим я объясняю подлость вашего мужа. Ведь вы же после моих слов считаете его подлецом? Не правда ли? Что такое любовь? Каждый видит ее по-своему. И в этом есть та самая, данная человеку свобода. А для некоторых... она - беда.

«Но такие развлечения - таблетки от боли, уход от реальности, - недоумевала я. - Что же Митю не устраивает в нашей жизни? Если только его мама? Вряд ли. Может, наделал долгов «без ее высочайшего разрешения», и тем навлек на себя ее гнев?»

- Вот и вы сегодня, наконец, поняли, что такое беспредельное мужское тщеславие и глубина его порочности. Мужчины используют и презирают тех, кого используют. Их не захватывает истинная, идеальная любовь. Правдами и неправдами они добиваются разнообразия, «экзотического» образа жизни, а мы, разведенные, помогаем им в этом. Ах эти преступления против норм нравственности! Ох, это отсутствие духовного общения. По законам чести он обязан... Нечего исходить слезами! Всюду творится такое. Поверьте, разумные размышления приведут вас к выводу, что не будь меня, нашлась бы другая. Разве вы не замечали на себе его тяжелый презрительный «пыточный» взгляд ревнивца? Изменяя, он не верил и вам. Не только словом, взглядом тоже можно обидеть, не правда ли?

- Весьма вероятно, что вы в чем-то правы, но я считаю... мне кажется... Я не представляю себе других отношений в семье, кроме как полной отдачи всех физических и моральных сил. А он, зная, что я верю ему, безбоязненно придавался на стороне блуду? Взмошел на последнюю ступеньку подлости?! Свои чувства разменивал мелкой монетой, за любовь наказывал черной неблагодарностью? Слабенький, больной? Он лгал, глумится надо мной? Сколько в нем еще «талантов», о которых я не знаю? - постепенно приходя в себя, но, еще не полностью осознавая услышанное, охваченная крайней степенью возбуждения, бормотала я. - А еще говорят: «За чем пойдешь, то и найдешь». И что я нашла?»

И вдруг подумала, оставляя себе надежду: «Врет Любка назло мне, может, он только волочил, а она возомнила невесть что?» Я устыдилась, что поддалась естественному порыву отчаяния, и отвергла, насмешливые признания:

- Несете околесицу! Презираю вас! - воскликнула я гордо, как пионерка на эшафоте... Как последняя дура.

- Как вам заблагорассудится, - криво улыбнулась профсоюзная начальница. - Потери выжигают нас изнутри. Не всякий с этим справляется. Мне часто приписывают поступки, к которым я не имею никакого отношения. Ничего не поделаешь. Разведенка. Но тут я не лгу. Я горжусь своей связью и не скрываю ее. Ваш муж всегда одет изысканно, элегантно...

- И чья в том заслуга? - перебила я профорга.

- И в разговоре у него есть легкая небрежность, не лишенная изящества. В общении с женщинами все его обличие говорит об уверенности и самодовольстве. (Ах, это мое безусловное обаяние ума!) Гордится собой, хотя на самом деле он просто слабак. Легкая добыча для любой умной женщины. Все у него не как у нормальных людей, все будто

вывернутое наизнанку. Произносит чужие умные слова и сам себе умнее кажется. У него все показное. Все мы подсознательно строим свою жизнь так, будто хотим кому-то что-то доказать. В том числе и себе. Вот ваш муж и доказывает свою состоятельность на поле чужих... подушек. Умеет подать себя с выгодной стороны, всегда стремится обратить происходящее себе на пользу. Это нравится женщинам, хотя они видят таких субчиков насквозь. Их легче использовать. Вы же сами знаете.

Правда, на гения не тянет. Воображает, что у него мощная энергетика, и он заполняет ею все пространство. Он ведет себя как в танце: разбрасывает руки и ноги так, что все гости оказываются оттесненными к стенам – и он один в центре комнаты. Мол, смотрите на меня! Каков я! Орел! И что? Корчит из себя... А на самом деле труслив, капризен. Чуть что не по нем – тушите свет! Не я такая умная, что сумела заполучить вашего мужа, он дурак. Не станем закрывать глаза на то, что его поведение – далеко не стоицизм? Живет так, словно впереди у него еще три жизни.

К тому же он быстро остывает. Ему нравится переключать внимание с одной женщины на другую. Лизоблюд. Дмитрию надо было потешить в себе мужчину, а мне – почувствовать себя женщиной. И всё. Вот мы и нашли друг друга. Я не держала его в качестве претендента на руку и сердце, не представляла его своим мужем, потому что верю, что браки заключаются на небесах, и вы ему предназначены. Понимала, что не уйдет он из своей семьи, как бы я вас ни охаивала и ни обгаживала, Я бы все равно не вписалась в его жизнь. Хозяйка я никакая, да еще и с ребенком. А Дмитрию и свои-то не нужны, ни к чему не обязывали... Не дано ему понять и космическую сущность женской природы. Стремление двух душ вверх – так прекрасно! Но это редкий дар.

– Вы о себе? – не выдержала я.

– И о себе тоже, – необоснованно гордо, как показалось мне, сказала Любовь Федоровна. – Продолжим? Будем доискиваться до истины? В детстве всем хочется сказки, а во взрослом состоянии – любви. Но только в юности гармония сердца сливается с гармонией жизни. А в наши годы – сплошные сбои. У меня большой опыт. Я с этим делом на раз. Были кратковременные браки и бесчисленные промежуточные связи... Всю жизнь прожила на задворках чужого счастья. Но вы и того не имели.

Вы, святая простота: всем готовы помочь, любому поверить. Не повеселилось вам с любимым. Солжет и бровью не поведет. Узнайте из первых уст: ваш муж позволял себе роскошь не только влюбляться, но и обладать. Я использовала его патологическую, непреодолимую потребность в лести. Именно от нее на него периодически нападает бред любовного очарования. Всем нам нужен допинг – похвала, но не в таких же дозах!

К тому же такие мужчины как он, мстят нежным, тонким, богатым натурам за то, что сами не способны испытывать подобные, наверное, недостающие им чувства, за то, что не умеют длительно чисто и ярко любить. Да, да!

Я вскочила со стула, на который перед этим опустилась, почувствовав в ногах слабость:

– Как только у вас язык поворачивается говорить такое!

– Я не слышалась? Страхните пыль с ушей. Не знали, что у вашего порога давно сидела беда, что дело пахнет керосином? Скажете, не чувствовали? В вас сколько простодушного неведения?! Женщина всегда чувствует, когда у мужчины появляются лишние «степени свободы» и «ковалентные или ионные» связи.

– Конечно, ощущала, что... что-то не так, какое-то рассогласование, но не верила, потому что не располагала прямыми доказательствами. В неведении я была счастлива! – непроизвольно вскрикнула я и онемела.

«Насмешка судьбы?.. Ему недоставало внимания?.. Люди рождаются с чувством стыда. Совесть – это уважение и к себе тоже... Откуда в нем все это?.. Чем она его увлекла, поработила? Она же воплощение зла, она – клубок нервов. В ней ни на йоту благожелательности. Она втолкнула его в гнусный вертеп порока или на самом деле до нее были еще и другие?» – с невыразимой тоской думала я.

Огнем жгло сердце. Упорхнула последняя попытка утешиться надеждой, умерявшей горести уязвленного самолюбия, жестокую обиду, стыд. «Мои предчувствия оправдались? Все соединилось и сложилось. Он не понимает глубины своего падения, своего бессердечия?»

– Не ищите ни себе, ни мне оправдания, – усмехнулась любовница. – Мне, за неимением мужа, грех Бог простит, а вашу печаль я не могу рассеять. На всех мужчин не хватает, делиться надо. Вы разве никогда не грешили?

– Нет. Толстой утверждал, что счастье – это удовольствие без последствий. Это он о сиюминутном, об отдельных моментах счастья, а я о долговременном говорю. Я много лет была счастлива, потому что любила и верила. Для меня счастье – видеть мужа, радоваться нашим детям. Мне порой бывало очень трудно, но любовь поддерживала, спасала. Зачем мне грешить?

– И не кокетничали с мужчинами? Не поверю. Вы красивая. Это признают даже ваши завистники. А красивые женщины не ущербны и уверены в себе. Что, собственно, вас и подвело. Эти вещи надо разнимать. Что, от неопределенности и растерянности душа не находит себе места?

– Кокетство без последствий входит в безобидный арсенал любой женщины, потому что между мужчиной и женщиной могут быть и другие отношения, кроме примитивных, физиологических.

– Вы живете теми эмоциями, которые когда-то вычитали в книгах?

– Нет, собственными.

– Но они вашему мужу не доступны. Его волнует только телесное. А для вас любовь – что-то высокое, воздушное... Телесная для вас груба и отнимает много душевных сил. Вы понимаете, что одной физической любовью с вами соединиться нельзя. Но она слишком важна для мужчин.

– Я постоянно отбиваюсь от переизбытка подобного навязчивого внимания, – сердито огрызнулась я и резко передернула плечами, вспомнив неприятные моменты. – У некоторых мужчин не хватает ума различить и понять порядочную женщину. У этих типов на уме одно: «А вдруг да «клянет?» Презираю таких, с позволения сказать, мужчин! Я достаточно ясно выразилась?

– Предельно ясно. Меня фортуна не баловала. Вы не были в моей шкуре. Оставшись одна с ребенком, я быстро усваивала все, чему учила меня жизнь.

Я хотела напомнить Любви Федоровне, что это она скрыла от мужа свою наследственную болезнь и что вся вина за рождение больного ребенка лежит на ней, но не смогла, только о себе сказала:

- Я тоже больного ребенка много лет на ноги ставила. Его сгубили при родах. Но подлость ничем не оправдать! - отрезала я и впала в глубокое раздумье:

«Может, лучше быть одной, чем с таким... Чем усыпить страдание? Как положить конец унижению? Теперь тяжкому бремени невзгод не будет конца. Моя жизнь перенасыщена многочисленными заботами. Каждый день просчитан до минут. Не успевала я проанализировать поведение мужа. А ему были на руку мое трудолюбие и ответственность. «Вкальвай, милая, а я пока развлежусь!» Так что ли? А если развестись? У детей возникнет комплекс неполноценности. Сын любит отца просто за то, что он у него есть. Ему пока не понять сложности взаимоотношений в семье. Я не я буду, если не положу конец его «хождениям на сторону»! Господи! Помогите мне понять мои ошибки».

- За все огорчения, которые вы мне уже доставили, за все муки, которые мне еще предстоят, вам аукнется! - сказала я с пафосом.

- На том свете? Мир несправедлив. Ваш муж наверстывал упущенное в юности из-за стеснительности. Вы же у него первая. Осмелел, когда увидел, что все ему сходит с рук, в азарт вошел. Я его в такие траты вгоняла, хотя он прижимистый! Любовь определяется количеством внимания. Нам не нравятся неудачники, - рассмеялась Любовь Федоровна, видно делая себе приятное, задевая чувства соперницы. - Что, не удалась жизнь? Думала, любимая, а оказалась обыкновенной, обманутой, отвергнутой дурачкой! Собственно, измены совсем не отменяют тот факт, что мужчина дома может быть хорошим заботливым мужем. Просто вам и в этом повезло меньше других. Я вам искренне сочувствую: вы холили отъявленного эгоиста. (Осталось добавить «каких свет не видывал». Она находит утешение в том, что выводит меня из себя?) Ваш муж - экспонат в музее имени самого себя. Он настолько себя любит, что если бы можно было, то сам на себе женился.

Заметьте, он по своей доброй воле ходил ко мне. Он и сад вам придумал, чтобы самому быть еще более свободным. А помните, когда это все началось? Вы мчались к шести часам утра на рынок, чтобы перед работой побаловать клубничкой любимого мужа, а он, насытившись, торопился ко мне. А потом мы порознь появлялись в отделе. Гаденыш, сволочь? Да! Такова изнанка вашей семейной жизни. Поверьте мне на слово.

Она зло рассмеялась мне в лицо. И вдруг добавила тихо:

- В наших отношениях я не видела перспективы, поэтому не связывала с ним долговременных основательных планов. Наши отношения не развивались, давно в тупик зашли. Тут или стены взрывать или расходиться. Был бы ребенок, может и развернул жизнь в другую сторону... Появились бы новые смыслы. Только не у Дмитрия. Он - чужой свет в моем окошке и неотъемлемая часть вашей несчастливой судьбы. Не хотел он вас терять, боялся, что узнаете о нас. Не допускал мысли об этом. А я шантажировала его, стремясь продлить наши встречи. Но только год чувствовала себя по-настоящему желанной, потом проза началась. Какая уж там чувственность... Я для него уже ничего не значила, но и он для других женщин пока еще ничего не значил. Хотя... кто знает?... Но я все равно крепко держалась за него. Всем хочется иметь рядом с собой хотя бы какого-нибудь мужчину... пусть даже грубого, вульгарного, бестактного, эгоистичного, - нехотя призналась Любовь Федоровна. - Вы же знаете, что в мозгу человека существует детектор ошибок? Так вот у вашего мужа он отключен или испорчен, как у наркомана.

«В ней осталось что-то искреннее... Мелькнуло сравнение: «Эта фраза звучит, как честная бедность порядочного человека, не имеющего возможность украсть... Давно это у них?» - с болью в сердце подумала я.

Мысли все ускорялись. Память услужливо подкидывала воспоминание за воспоминанием. Только теперь я видела их совсем в другом свете, под другим углом зрения. Вся моя жизнь перевернулась в один момент с ног на голову. Я не героиня, терпеливо несущая воз семейных забот ради счастья семьи, а глупая гусыня... И любовь моя безвольная, бессмысленная, жалкая... Он макал меня в грязь. Сколько раз еще собирается окунать? Моя мама когда-то говорила, что если мужчина загулял, то это на всю жизнь, пока не состарится, пока станет неспособным. И даже тут веры ему нет: всё ласки на стороне будет искать, как алкаш, последние гроши ради чужой женщины из дому понесет.

«В чем я ошибалась? Где просчиталась? Что не так делала? Когда в наших отношениях наступил кризис? За что мне это наказание?»

И вдруг Любовь Федоровна заявила, как кастетом по лбу врезала:

- Одиннадцать лет мы вместе. - И усмехнулась, довольная моей реакцией.

«Ее слова прозвучали как пощечина. Сердце чуть не лопнуло... От потрясения окаменела. Я уже не способна заплакать? Пристегнула... Митю в полном соответствии со своим характером... Уничтожить, стереть из памяти... До сих пор от нее исходит угроза? Мать Божия, заступница... Я боролась за здоровье сына, а он... Сумбур в голове... Попыталась успокоить себя: «Факты может и правильные, но преподнесенные со смещением временных интервалов, они не только приобретают другую окраску, но и подчас меняют смысл происшедшего. Нафантазировала она себе длительную любовь, на которую мой муж не способен. Это метафора... Я пока что в своем статусе...»

Почему Митя разлюбил? Я не терзала его упреками, не мучила ссорами, была заботлива, хотя он, честно говоря, не заслуживал. Я, несмотря на то, что мне было много трудней, не растеряла свои чувства к нему».

Не помню, как добралась домой, как, приходя в себя, лежала на диване в полубоморочном состоянии... Мужа в квартире не было. «Где он, с кем? - закурилось, завертелось в моей одурманенной стрессом голове. И новая боль растворилась и вместила в себя все прежние...

День полон сюрпризов. От первого удара не успела оправиться, другой дамкловым мечом неизвестности надомной завис. Кто же на этот раз та, что согласилась быть еще одним трофеем в чередке его, может быть, теперь уже длинного списка «побед», еще одним прилипчивым репьем в массу других на грязном кобелином хвосте... Чего мне еще ждать? Следующих, «неохваченных» ранее? За что Бог меня наказывает каждый день и каждый час?

Предчувствие своей трагической судьбы было уже в моих юношеских стихах. Но я тогда писала: «Неужели...» Я «на позорном помосте беды». Он уготован каждой женщине? И мне «сквозь тлетворный срам не смеет поднять глаза к высоким небесам»? Такова подлая мужская... людская порода?

Мите радоваться бы, что такая женщина как я есть в его судьбе, а он... Раз женился, значит, понимал, что я из тех, на которых женятся, а не с которыми гуляют? Ой ли!

Из огня да в полымя... Мите не скажу, что все знаю о коллеге. Это уже прошлое. Или нет?.. Что делать? Как жить дальше? Хороша же я буду в качестве... Господи, если ты есть, помоги! Нам, женщинам свойственно призывать себе в помощь высшие силы? А в ком еще можно найти надежную опору? Как же в Мите случилось размежевание чувств или их полная потеря? Как мне жить без его любви? Даже у Бога имя Любовь... Мелькнула спасительная мысль: «Может, отыскалась компания, и он умчался расписать пульту-другую?»

Опять стала вспоминать. Как слайды в проекторе защелкали в голове отдельные кадры событий. Что-то указывало на то, что-то на это... Осторожно подобралась к большой теме... Раз за разом пыталась оттолкнуть, отбросить гадкое, разорвать тонкую нить сомнений... Но все факты соединились воедино и одна из главных траекторий моей жизни посредством этих пунктиров выстроилась в четко определяемое моим мужем направление. Его жизнь - это свободное падение мужчины, который не признает, что нуждается в парашюте, в семье? А сам без нее и дня не может прожить.

*

Я в больнице. Надо выжить. Дети еще студенты. Я им нужна.

*

Не помню, когда последний раз открывала дневник. Годы в дурном сне... Я не живая. Я как робот выполняю свои обязанности и дома, и на работе.

*

...Как жить дальше? Неверие разгорается... заполняет, повергает в недоумение. После встречи с Любкой все пошло прахом, рассыпалось. Смятение от внезапно пришедшего постижения бессмысленности, нелепости и даже глупости своего положения охватывает все существо. Долгие годы просто использовал? Моя любовь и вера служили мне заслоном от разумных доводов и фактов? А теперь эта болезнь...

...Ты осталась один на один с неверием а, он насмеяется, иронизирует. Его поведение с твоей точки зрения неадекватно. Ты говоришь о своих подозрениях, ты ждешь, что тебя успокоят, а тебя терроризируют, унижают. Какая же это любовь, если тебе предлагают развод, чтобы ты не волновалась и жила спокойно. Дикость. А дети? Это обычная мужская логика или только он такой?.. Мне не повезло? Человеку душу отдаешь, дышишь им, его делами, себе минимум оставляешь, а он тебе - иди на все четыре стороны. Абсурд какой-то.

...Он не хочет понять твоего волнения, не желает спокойно говорить с тобой, обрывает даже осторожные попытки объясниться. Он резок и груб. Ты не видишь причин такого поведения и с болью в сердце в недоумении замолкаешь. А он начинает строить из себя обиженного, бросает твои постельные принадлежности на раскладушку. Не себе, заметь, тебе, как виноватой! И ты растерянная, растерзанная в неведении и в волнении всю ночь мечешься не в состоянии даже задремать. А он, не чувствуя своей вины, засыпает сном младенца.

Он продолжает это проделывать еженощно, ожидая, что ты сама придешь к нему, не желая продлить мучительное состояние неопределенности. И тогда он сделает вид, что ничего не произошло и не происходило, и снова начнет принимать внимание и заботу о себе как само собой разумеющееся, сам ничего не давая взамен. Не зря в народе говорят, что у обидчиков память короткая.

А ты маешься в кромешной темноте своих тоскливых мыслей и понимаешь, что для тебя в его сердце места не осталось. Ни за что ни про что ты загнана в ловушку. На тебя наваливается безысходность, ты стонешь, утратив точку опоры - его любовь, растеряв щиты спасительных иллюзий, выброшенная из привычного, надежного, как тебе верилось, мира, обусловленного нравственными принципами, которых, как оказалось, придерживалась только ты.

Счастлив тот, кто прошел по жизни никогда не пережив подобной встряски, кто не знает ощущения проникающих вглубь ледящих шупальцев обиды, когда дни и ночи сливаются в раздирающее тебя изнутри состояние постоянного неверия, которое уже ничем не убаюкает. Ты выбываешь из времени, из привычного пространства. Семейная жизнь теряет прежде бесспорный смысл. Его любовь - то, что раньше представлялось тебе таким значимым - исчезла. Все в сознании расплывается, утрачивается ощущение направления главной цели. Предметы и события становятся бесцельными, не запоминаются. Дни протекают как песок сквозь растопыренные пальцы. Жизнь существует где-то там, по ту сторону, а здесь - испепеляющие тебя обиды, как неизменные, ежесекундно пронизывающие все твое существо жесткие разряды переменного тока высокой частоты.

Этот груз для тебя невероятно тяжелый. Ты опускаешь плечи, твои ноги налиты свинцом, дыхание срывается. Горячие ручейки струятся по позвоночнику. Ты не в состоянии думать. Потом тебя охватывает холод и смертная тоска. Ты в полуобморочном состоянии. Исходя безмолвным воплем, бьешься в муке уже где-то там, на ином плане своего сознания. Ты уже не можешь ни понимать, ни различать, что происходит с тобой и не с тобой. Это подобно агонии...

Ты ничего уже не хочешь. Выход из пытки ты видишь единственный: пожирающий своей неотвратимостью, непостижимостью и ужасом. Ты рвешься безрассудно и бессмысленно прочь... Но не уйти от неизбежного... Ты мчишься к единственному, что все прекратит... Ты трепещешь, пригвожденная неподвластными тебе силами, потому что боль в душе достигла предела.

На какой-то миг, лишившись понимания себя, ты утрачиваешь все составляющие своей жизни. Окруженная круговертью непонятных, клоками беспорядочно носящихся восприятий разных планов, ты ощущаешь, что тебе уже их не собрать воедино и не слепить прежнюю жизнь. Ибо то, что раньше представлялось тебе единым, само собой разумеющимся, истинным - его уже нет. Есть пустота и ты один на один со своей бедой. И все...

И вдруг толчок в голову - дети! И эта стабильная неизменная точка отсчета возвращает тебя к жизни. Если такое существование можно назвать жизнью... Это уже совершенно другой ее уровень, где ты испуленно веришь в свою необходимость для детей и только для них. Ты запираешь на замок все чувства к мужу, ты деревенеешь. Но задумываешься: «А такая ты нужна детям? Много ли радости им от тебя измученной, пригвожденной к обидам?» И ты пытаешься учиться жить в новой реальности, улыбаться. Не получается. Ты срываешься, но терпеливо и упрямо борешься с собой. Тебя не радует работа, тебя злит внимание других мужчин. И они шарахаются от твоего демонически злого или презрительно-задумчивого взгляда.

Тебе некому помочь, потому что ты сама всех отталкиваешь, никого не хочешь ни видеть, ни слышать. Ты все еще в шоке, но уже понимаешь, что ради детей не имеешь права сломаться, загоняешь свою боль все глубже и глубже и самозабвенно, упорно делаешь свою главную работу. Но горькая память – твой злой властелин – ничего не дает забыть... Твой дух выдерживает многолетнюю пытку, а тело нет. Малейший толчок как взрыв... и ты попадаешь в больницу.

...Конечно, если бы он покаялся и прекратил свои фортели, ты бы смогла вытащить себя из жизненного пике и не заболела. Ты готова постараться забыть прошлое, вычеркнуть плохое из настоящего. Ну, было, было, но теперь-то нет! «Кто оглядывается на прошлое, не заслуживает будущего». Тебе так хочется в это верить, ты так устала... Но он продолжает, уже не скрываясь. Можно подумать, что его укачивает от размеренного ритма будничной жизни и ему требуется постоянная встряска и отвлечение. Он унижает, издевается, насмехается, день ото дня становится бесактнее, грубее. Он распоясывается и звереет. Он не может остановиться. (Немезиды на него нет!) Боль накапливается. Ты не понимаешь его поведения. Оно не укладывается в голове. Тогда ты еще не знала о злодеяниях свекрови, о том, какие слухи она о тебе разносила по округе и какими подробностями обрастали эти мифы. А романов у тебя не было и по своей природе не могло быть. А может она не при чем? Это он сам?

...Ему в жизни не хватает очарования пороков, саморазрушительности, солидарности с яркими отрицательными героями? И тогда ему не нужны оправдания? Он создает проблемы, а решать их другим в пределах разумной достаточности?

Вспомнился рассказ студента. «В армии многим нравилось унижать более слабых. Издевались, получая удовольствие и удовлетворение. На огонь, воду и... на чужой позор можно смотреть бесконечно долго».

А тебе противно его видеть. Тебя учили ставить себя на место другого. Ты никогда никому не хотела плохого. От гадких людей просила защиты у Всевышнего. Сама не наказывала. Хотя на войне, не сомневаясь, могла бы убить. А отомстить за своего ребенка? Если только в состоянии аффекта. У мужчин иначе? Надо мной издевались и я буду? Почему только у мужчин? Свекровь тоже говорила: «Почему ты должна быть счастливее меня?»

...Он все больше гордится собой. А ты снова и снова, ежедневно, не чувствуя ничего кроме боли и обиды, не выходя из ступора, пытаешься сосредоточиться на осмыслении происходящего в семье. О эти жуткие девять лет! Ничто не может с ними сравниться? Только если ожидание сына из армии, из горячих точек. Но то другая боль... самая тяжелая на свете... Не дай Бог никому ее познать».

Мне тогда подумалось: «Написано от третьего лица, как послание таким же, поверженным предательством, – вспомнила Кира свои прошлые ощущения. – У нас на сердце остаются следы в основном не от физической нагрузки, а от душевной. Особенно если предают из-за минимальной выгоды...»

*

А вот об этом муж сам, выпив лишнего, еле ворочая языком, рассказывал мне.

«Суббота. Утро. Шесть тридцать. По привычке проснулся рано. Жена уже возится на кухне. Тихо подошла, села на кровать, прижалась, приобняла, положила ладонь мне на бедро. Я вижу ее мозолистую, обветренную руку и представляю себе маленькую, нежную ручку с тонкими розовыми пальчиками, ухоженными ногтями. (Он такими видит ее красно-синие, вечно холодные как у лягушки, корявые пальцы?) Я затаился, притворился спящим. Нежусь, мечтаю, когда наступит десять часов, предвкушаю встречу, вспоминая ее ласковые речи, обволакивающие меня шелковым туманом. Жена скоро уедет в сад, а я оденусь для конспирации в старую одежду, в которой хожу в гараж, и маленькие пальчики любимой женщины будут зашивать разошедшиеся по шву брюки. И это милое событие будет трогать меня, до глубины души. Я представляю, как делаю ей массаж... постепенно впадаю в любовный экстаз, который разгорается, разгорается... В пленительном счастье плавают моя душа и тело... Я снова засыпаю, охваченный теплой мечтательной негой.

Проснулся. Жена вот уже три часа тихо возится на кухне. Бережет мой сон. Это привычно, естественно и уже не интересно. Я осторожно потягиваюсь, переворачиваюсь на спину и ощущаю на своей груди ее руки, ее нежную, самую прекрасную на свете, кожу. Ручеек ее плавных слов давно внушил мне, что она самая умная, самая милая и нежная.

...Вот и вчера, пока жена после работы четыре часа готовила суп-харчо, плов из курицы и винегрет, (Я так люблю разнообразие в еде!), я закрылся в спальне, положил телефон себе на живот и весь вечер балдел под ласковые напевы любимого голоса. Надо успеть наговориться, насладиться до десяти вечера, потому что потом ей предстоит долгий разговор с мужем. Тот не должен ничего заподозрить, ведь ему там, на Севере, надо спокойно зарабатывать для нее... Какое блаженство жить на свете, какое счастье ждать свидания! И как здорово, что никто не мешает: ни дети, ни жена. Они не прерывают мой «деловой» разговор. Дети в зале уроки делают, жена то на кухне готовит, то в ванной стирает, то гладит. Все при деле.

Уже почти десять вечера. Жена заглядывает в спальню. Ее удивляет выражение моего лица. Я недовольно бурчу про себя: «Еще бы! Прервала замечательную игру, в которой я чувствую себя то мальчишкой, то матерым волком». Жена легла на раскладушку. Надеется, что одумаюсь? Как бы не так! А я, счастливый, раскинулся на кровати, с удовольствием потянулся и, взглянув на нее надменно-презрительно, накрылся простыней...»

Я, помню, тогда подумала в растерянности: «Чем вызван этот жутко неприятный взгляд мужа? Глупо повела себя, перебралась на отдельную постель? Но это же жест протеста от отчаяния! Почему он такой безразличный? Утверждает, что больной, ни на что не способный, так хотя бы просто дружески обнял. Даже молчание у него лживое».

*

Раньше некогда было анализировать нашу жизнь, а теперь, после больницы, тем только и занимаюсь. Как-то ночью не спалось – обычное теперь явление, – стала вспоминать и сравнивать всех известных мне любовниц мужа, представлять, какими он открывался перед ними? И оказалось, что со всеми своими женщинами он был в основном не по любви, и даже не по особому угару влюбленности как по наваждению, а вследствие зависимости от них. Трусоват был, не уверен в себе, боялся, что подведут или нагадят. Только последняя из них по возрастной дури. Но я

ее вовремя «направила», пока он не запутался в ее примитивных, но густых сетях.

Митя сам мне как-то поделился после рюмки, что, каждая новая женщина бывает ему интересна не больше года. Когда эмоции схлынут, все продолжается по инерции, только по их желанию. И говорит он им хорошие слова не от сердца, а потому что они хотят это слышать. Так проще... «Уходить от женщин не умел. Надеюсь, что узнаешь и сама нас разлучишь. Так в основном и было. А от тебя не уходил, потому что понимал, что лучшей жены мне не найти».

«Так почему же бесился в семье?» – спросила я.

«Недовольство, раздрай чувствовал, когда невлюбленным ходил к тем женщинам. Уставал играть роль, но избавиться не мог, боялся их мести. А на тебе зло срывал. Да и мама изо дня в день «накачивала» твоими изменами. Оно откладывалось в голове и мучило. С матерью не разведешься».

...Боже мой, какой он примитивный! А мне остается сидеть в своей раковине, задавать себе вопросы и самой себе их объяснять, самостоятельно заниматься психотерапией, раз больше не с кем... Я, та, прежняя, давно умерла. А другая, измученная обидами, долго не выходила из состояния шока, никак заново не формировалась. Было полное отупение, была последняя стадия отчаяния. Вот и заболела... Я оставалась человеком повышенной чувствительности с гипертрофированным чувством справедливости, которому в этом мире не выжить. Но врачи и Всевышний спасли меня. Митя как-то с привычной долей сарказма и презрения заявил: «Ты благородная, ты не можешь поступать как я». А я считала, что этим надо гордиться. Но муж, в списке понимающих это не значился.

*

Я больна и теперь не знаю, зачем и для чего нужна моя жизнь? Потом стала сравнивать свою жизнь с теми, кому еще хуже. Принялась искать то, что держит их на земле. И поняла, что я должна бороться за жизнь в первую очередь ради себя. Я хочу, и я буду жить да еще высоко держать голову! Вспомнила слова подруги Тамары: «Ты теперь должна для самой себя стать самым главным человеком».

Моя знакомая пожаловалась, что ее сестра странно ведет себя: ни с того ни с сего воеет белугой, ссорится с мужем, орет на детей. «Она больна? Может, я что-то упускаю?» – испуганно спросила она. «Поведение твоей сестры настолько предсказуемо и объяснимо, что и думать здесь нечего. Муж ей изменяет», – поставила я точный диагноз. И зло добавила, подхлестываемая своей болью: «Наверное, воображает, что у него вольный гордый бойцовский характер, а сам на деле банальный потаскун».

На работе я тратила меньше сил, чем дома с мужем, хотя крутилась там как белка в колесе. Там я всегда права. И это при том, что, как говорила моя подруга, живущая теперь в Америке, в России очень низкий уровень взаимоотношений людей в коллективах и с руководством. Это зависит, в основном, от культуры ее членов? Свои собственные трудности я преодолевала с улыбкой, потому что была уверена в себе и своих решениях. И если даже чего-то не добивалась, то четко обосновывала причины неудач и успокаивалась. А вот проблемы с мужем всегда окропляла слезами бессилия.

*

День рождения мужа. Он еще в постели, я как всегда на кухне. Дети спят.

Вспомнила о просьбе своего начальника позвонить ему насчет документов, которые он должен подготовить к понедельнику и не забыть взять с собой. Сняла трубку параллельного телефона, чтобы набрать нужный номер... и услышала томное воркование: «Я так тебя ждала! Почему не пришел? Я ходила по нашей аллее, вспоминала наши встречи, то как я тебе стихи читала. Я тебе блинчиков напекла. Для мужа не люблю готовить...» Голос узнала. Ноги подкосились, сползла на кресло. В глазах потемнело. Это был удар клинком в спину... Я выпала из времени... Потом сердце так стучало, что мне казалось, что и мужу в зале слышно как оно бьется. А ведь только затеплилась надежда... Шансов на нормальную жизнь больше не было.

Пришла в себя, подумала вяло-насмешливо: «Еще одна... Звонка я не слышала. Значит, сам ей позвонил. Конспирация. Так вот ради чьего льстиво-приторного голоса он каждый день по вечерам бегал звонить к телефону-автомату – нам телефон не так давно поставили, – а говорил, что дела, работа вынуждают. Душещипательная история. Откуда во мне хладнокровные мысли на фоне безумия?»

День прошел как в тумане. Что делать? Как разорвать их связь? Всю жизнь ищу ответы на вопросы, а они не убавляются.

Муж и дети легли спать. Я на кухне маюсь. Тяжко мне. Пришла подруга Тамара – волевая, энергичная, – решительно потребовала утереть слезы, сигаретой угостила, и начала за закрытыми дверями душещипательную беседу.

– Муж пошел по пути, который делает «мужчину мужчиной»? От кого первый раз услышала?

– Нашлись люди, «позаботились».

– Не верила, пока сама не убедилась?

– Да.

– А сегодня про другую узнала?

– Да.

– Годами жить в состоянии фрустрации?.. А я своего первого мужа сразу по пружинящей походке вычисляла. Человек в зависимости от переполняющих его эмоций движется по-разному.

Успокойся, нет такого положения дел, из которого не было бы выхода. Если только из гроба. Мучит ревностью или не

отвечает взаимностью? Не разглядел в тебе Митя родного человека, не нашел общих точек соприкосновения и пересечения плоскостей интересов. У вас разные внутренние векторы. У него хаос в голове, у тебя – строгая симметрия. Чтобы понять и оценить тебя, нужна определенная зрелость, а он ее так и не достиг. И интересы у вас полярные. Трудно двум таким несхожим людям отыскать общую частоту жизненных колебаний. Семья – это когда все дышат одним воздухом. Но расплачиваться за чужие грехи своим здоровьем глупо! Брак – не тюрьма, из него в любое время можно выйти. Мы сами себя запираем в клетку. Никогда не надо ставить на себе крест... Сколько уже лет ты «выравниваешь» ваши отношения? Если давно замечала, почему так долго верила?

– Сначала, когда он психовал или изощренно издевался, я терялась, не видя причины. Считала, что если бы у него была другая женщина, так он должен был таиться, скрывать, вести себя со мной более внимательно и заботливо. По моей логике это было бы разумно. Непонимание выбивало меня из колеи, вводило в заблуждение, дезориентировало. Это и была моя ошибка.

Я переживала и думала: «Чем я заслужила Митину грубость? Он нервный, больной? Но ведь всему есть предел? Недавно заявил насмешливо: «Тебя больше волнует то, что у меня есть личная жизнь, или то, что ее нет у тебя?» Ответила презрительно: «Таких слабаков как ты – только свисни – в один миг набежит вагон и маленькая тележка. По моим понятиям мужчина должен быть основой, фундаментом семьи, олицетворять стабильность, надежность, порядочность. А в какую сторону крутятся шестеренки в головах у таких вот... субчиков? Может, у них врожденный «вывих» мозга?» Ну и послала мужа к чертовой матери. На словах, конечно.

Митя последнее время до того обнаглел, что потерял все человеческие качества. И состояние моего здоровья его не останавливает. Совсем разошелся-распоясался. Никто его не держит на цепи, сам возвращается в гнездо. Я давно отпустила его на все четыре стороны. Он как-то взбрыкнул, а я спокойно сказала: «Уходи» Почему не расстался с семьей? Привычка, привязанность? Дети его никогда не останавливали. Может, понимал, что там, у той женщины, хорошо только на час, а как муж он ей вовсе не нужен? Она его использует, но не забирает из семьи. У нее свой муж, который хорошо зарабатывает и все делает по дому, но ей этого мало. Ей романтику подавай: стихи, цветы, подарки, вино, прогулки под луной. Всем этого хочется!.. Вот и у него есть любовница, и жена у плиты часами стоит, готовит ему любимые блюда, выдает свежие рубашки, заботится о детях. Это ли не райская жизнь! Зачем ее менять?

– Она Митю стихами заманивала? Он же в них ничего не понимает, – удивилась Тамара.

– Ему важен факт, что она для него старается. Я тоже, когда мы были в разлуке, в письмах посылала ему стихи, правда свои.

– А теперь только своим детям пишешь. Всему свое время?

– Тамарочка, почему он ведет себя жестоко и неблагодарно? Глупый? Не задумывается о своем поведении. Семья его раздражает. Чем? Заботой? Он настолько поглощен своими сторонними желаниями, что ничего больше не хочет видеть и знать? Ему бы жить на всем готовеньком, да еще, чтобы не мешалась под ногами та, которая его обслуживает, не возникала бы по поводу его позднего прихода, чтобы не болталось перед носом стираное белье, развешанное на веревках по квартире, и не раздражал запах сырых продуктов на кухне. Чтобы все как в сказке, на скатерти-самбранке... Хочет чистого, ничем не омрачаемого фантастического счастья. Вот и не ценит. Как тут вправишь мозги... если их не хватает ему даже для осмысления простых житейских истин?.. И под предлогом болезни отказывается выполнять свой супружеский долг. Хотя... тут не обязанность должна быть, а желание... Мне нужна была его любовь, а ему любовь «пространства». Есть ли страдания горше моих? «Украсил» Митя мое кратковременное пребывание на земле, чем мог...

– А инвалиды, а битые жены, – сурово напомнила Тамара, тем самым остановив мое нытье.

– Я слышала от коллег, что некоторые мужчины, возвращаясь от любовниц, закрывают за собой дверь и забывают об их существовании, что наличие любовниц не исключает возможности быть заботливыми отцами, внимательными мужьями. Я читала об одном режиссере. Он имел связи на стороне, но жену жалел, ценил, советовался с ней во всем.

– Митя у тебя стопроцентный эгоист. О, как у тебя все запущено! – воскликнула подруга. – И все же, почему Митя не ушел из семьи?

– Куда? Мамочка шикарных условий не станет ему создавать. Да и не примет она его. Это он понял еще, когда я первый раз из-за издевательств его матери предложила ему оставить нас в покое.

В гостиницу? Денег не хватит, на инженерские гроши долго не покутишь. А он уже не может без комфорта обходиться, привык. Не понимая его, я валила все свои беды на его нездоровье, на мать и ее воспитание. Собственно, изначально так оно и было. Ее влияние. Ну, а потом, наверное, гуляя, вошел во вкус и уже не мог остановиться. С завидным постоянством «резвился». Так получается? И уже не мать, а те женщины командовали им. Но свекровь все равно была счастлива.

Но умный человек должен понимать и признавать свои ошибки. Хотя признаваться себе в своих слабостях – совсем не значит изменяться в лучшую сторону, перевоспитываться. «Надо работать над собой, над своим характером, убивать в себе бесовское», – считала я, воспитанная на Гайдаре и Достоевском. (Святая простота! Борьба со слугами мира теней?) А если муж считает блуд не ошибкой, а радостью и удовольствием? Не для каждого это понятно и приемлемо... В этом была моя вторая ошибка.

Я не представляла, что эгоизм может принимать такие дикие формы. Не встречались мне до такой степени бессовестные люди, которые на любовь и заботу отвечали бы безразличием и жестокостью, да еще и продолжали пользоваться благами семьи. В голове такое не укладывалось. Вот и не верила... Вот тебе и «должен понимать»... Один великий художник пошутил, что мужчинам не хватает какой-то определенности. Я с ним согласна. Это характеристика моего мужа.

Если бы я поверила в его измены в молодые годы, то не позволила бы себя унижать, в тряпку половую превращать. Ушла бы. Но не вышло его поведение с моей логикой. Может, именно это он понимал и использовал? А теперь я больная...

– А я думала, что ты знала, но из-за детей не разводилась. Выше долга матери у женщины ничего нет.

– Ради детей характер мужа терпела, его постоянные нервные вспышки.

– Твой Митя – самовлюбленный павлин! Столько лет заедал твою жизнь, отравлял твое существование!

Противоречивый, мелочный. Он склонен к неконтролируемым выступлениям и любит тех, на фоне которых выглядит героем. «Когда ночь темна, гора кажется еще величественней». Если лучшего нет, и этот велик? Но это для любовниц. Но ты-то жена! Мои стрелы достигли цели? Ты правильно истолковала и запечатлела мои слова? Твой муж не понимает, что умный человек умеет подчиняться необходимости и прислушиваться к советам хороших людей. Для него все, кроме жены хорошие?.. Допускаю, что поначалу ты не замечала его «особенности». Тогда они еще не были так очевидны. Да и света будней...

- Безоглядно отдавалась любви. Все ради него делала.

- Мазохизм какой-то. А теперь освободилась от глубоко засевшего в тебе чувства? Может, хватит сидеть перед мужем на шпагате? О себе пора больше думать. Выглядишь понуро, как усталая лошадь под холодным дождем. Убегалась, - горько пошутила Тамара. - Полетала в облаках и хватит. Спускайся на грешную землю. Пришло время жизнь анализировать. Полнишь, как на уроках литературы? Прочтем произведение и разбираем его по косточкам. Положительных героев в одну сторону откладываем, отрицательных - в другую. А люди не черные и не белые, они в крапинку. И в природе на нашей планете пожары соседствуют с наводнениями, а рядом аномальная жара и сушь с продолжительными ливнями, тайфунами и селями... Вот и приходится реально смотреть на вещи. Твой муж, видно, считает, что если отдает зарплату, то это развязывает ему руки и позволяет делать, что захочет.

- Его зарплата всегда была только на двадцать, в лучшем случае на тридцать процентов больше моей. Но и тратила я на него больше, чем на себя. Ему же надо было карьеру делать. А помогать он не желал.

- Выгоднее было от него получать алименты.

- Вот я и стала Мите как бы в шутку об этом говорить. Так у него появилась манера хоть как-то, хоть чуть-чуть поучаствовать в моих делах, чтобы утверждать, что помогает. Раз в год постоит в очереди, несколько раз помрет посуду, а потом об этом говорит при всяком удобном случае. Как-то я принципиально не стала ремонтировать выключатель. Должен же Митя хоть что-то «мужское» делать для семьи! Так он пять лет простоял, наполювину заклеенный синей изоляцией. И когда я затеяла очередной ремонт, то тут уж вышла из себя и потребовала, чтобы муж в три дня его заменил. И что же? Он новый, красивый, тот, что я купила, отбросил и поставил найденный в хламе, пожелтевший от времени, ребристый, с которого очень трудно смывается грязь. Я попросила мужа заменить его гладким, объяснила, что ему самому придется мыть старый. Бесполезно. И стоял замызганный выключатель до тех пор, пока подрос сын. Во всем Митя такой. Значит, он подобное совершает не под влиянием минуты, а обдуманно и злонамеренно?

- Так выяснила бы у него.

- Пыталась. Разжевывала ему элементарные истины. Меня не учили четко выстраивать отношения, но мне казалось, что для этого достаточно вести друг с другом честный разговор. Но Митя отвергает разумные, практические доводы. Для него главное: «Пусть будет хуже, но по-моему». Он часто в своих действиях доходит до абсурда, но никогда не признает своих ошибок и кричит, что это я ни в чем не разбираюсь, что я упрямая. Свои качества мне приписывает. Мне трудно с ним спорить, и я, по возможности, стараюсь ни о чем его не просить.

- Свиристует. Как все это мне знакомо... с первым мужем. Не подтверждал, не опровергал, нахрапом брал, дурью маялся. А я до последнего оттягивала развод, все на что-то надеялась... Потом взяла и разом все порушила. И не жалею. Есть люди, встречи с которыми каленым железом навечно записываются в сердцах и в историях жизни людей, пострадавших от них. А через год я влюбилась. Я благодарю Всевышнего за те чувства, которые испытала. Эта любовь - Его подарок мне. Даже если бы мой нынешний муж не развелся, мне этих чувств хватило бы до конца жизни. С ним я впервые по-настоящему почувствовала себя желанной. Я неслыханно счастлива! Я пойду за ним куда угодно и когда угодно. Первое, что Юра сделал, когда мы поженились - он отстранил меня от мужских дел. И нет теперь у меня советчика по жизни лучше, чем мой муж! Второе...

- Я эти факты не ставлю под сомнение, - улыбнулась я. - Редко, но встречаются небесно-счастливые пары.

- Успокаиваешь себя тем, что не в силе Бог, а в правде? Не умеем мы защищаться. Мы слишком открыты. Слава Всевышнему, что «завяли (мои) прежние цветы». Я не испытала и толики того, что досталось тебе... А ведь все мы мечтаем, чтобы всё у нас было чинно, благородно, спокойно...

Поговорим о сокровенном откровенно? Не могу не задать тебе вопрос...

- Сначала подумай, стоит ли? - пошутила я, испугавшись ее серьезного тона.

- Может, ты его не устраиваешь ночью? Посещали такие мысли? - меняя тему, мягко поинтересовалась Тамара. - У тебя на лбу написано, что ты ничего не понимаешь в сексе. Мужчину надо соблазнить. Одну пуговичку медленно расстегнуть, другую, третью... так, чтобы мурашки по телу, - добавила она шутливо.

Наши взгляды пересеклись. И я ответила.

- Сначала у нас все было прекрасно. Честно говоря, меня никогда не интриговала и не возбуждала красота мужского тела. Она для меня категория эстетическая, как в картинной галерее. Меня не влекло к красивым мужчинам, мне интересны были только умные и порядочные. Я испытывала телесное вожделение, только когда муж касался меня. Я любила его и хотела делать ему приятное. Но он всегда торопился. А я подлаживалась под его, как считала, нездоровье.

По-настоящему осознанное половое чувство у меня возникло после рождения второго ребенка. Я хотела удовлетворения. Секс снимал напряжение, но что такое оргазм я не представляла. До обидного... в сексе ничего не было особенного. Но я в это старалась не углубляться. Мужу приятно и ладно. Мне часто снились эротические сны, но я не знала, что они являются признаком неудовлетворенности, думала, что они у всех бывают. Своих эротических фантазий я стыдилась, считала их предметом распущенности и ни с кем, даже с подругами о них не говорила, а с мужем тем более. Я чувствовала, что мне для удовлетворения не хватает нежности, а муж упор делал на ласки, на разогрев, а я в нем не нуждалась, потому что без него всегда была готова. Я осторожно намекала ему, но открыто говорить на эту тему стеснялась. Считала, что ему лучше знать. Может, он себя так заводил?

- О, да ты у нас темпераментная! Интересно, кем ты была в прошлой жизни?

- Разные мы во многом. Для меня слово «люблю» сакральное, как святыня, а Мите надо было, чтобы ему его повторяли и повторяли, словно он не мог им насытиться. Оно ему было необходимо для подпитки его собственной

любви? Он без него, как двигатель внутреннего сгорания без бензина? Помню, еще студентом, когда он звонил мне из дома, то требовал, настаивал произносить слова любви еще и еще... А меня это удивляло и даже корбило. Ибо «мысль изреченная есть ложь». Мне казалось, что при частом их употреблении теряется трепетность в наших отношениях. Она же, как микро или нанотонкая гравитационная связь между двумя сферами, стоящими друг на друге, которая определяет и сохраняет их шаткое равновесное состояние. Им так легко распасться! Я боялась, что муж не сумеет ее сберечь.

- У многих мужчин, если они не видят заинтересованного лица и горящих глаз, что-то внутри гаснет... А если у мужа на жену не «поднимается настроение» - это трагедия, - заметила Тамара. - Женщине в этом плане проще, она может скрыть, что мужчина ей неинтересен в постели или даже противен.

- С этим у него все в порядке. Я это понимала и хвалила мужа, подыгрывала ему. Плотское чувство у меня возникает отдельно от духовного, параллельно ему, как что-то необходимое, важное, но не самое главное. Сотрясает меня желание душевной близости, глубинного понимания мужчины на уровне высокого, благословенного, божественного осязания душ. Может, поэтому я никогда не смотрела на посторонних мужчин, как на предмет физического удовлетворения.

Нет, я полностью не отказывалась от проявления их внимания, от желания нравиться, очаровываться. Это прелестная, ни к чему не обязывающая игра. Это соус к привычному добротному, хорошему блюду. А если обожатель умный, тонкий интеллект, да еще обладает легким, ярким, непошлым, пикантным юмором? Это же прелесть! Это как полусладкое шампанское, которое слегка пьянит, возбуждает и радует. Как можно от него отказываться! Кто может запретить женщине быть женщиной, а мужчине - мужчиной! Кто может не позволить преклоняться перед талантом!

Но зачем портить уважительные платонические взаимоотношения, зачем переступать черту, за которой романтично-идеалистическая картина гаснет в мелких обманах, уловках, в противных ощущениях непорядочности? А просто свидания, перемигивания, опускание глаз хороши в семнадцать-двадцать лет, когда все ново, свежо, чувствительно, искренне, наивно; когда всё еще не оценено-переоценено и многократно не переосмыслено.

Если трезвость в человеке преобладает над восторгом, ему этого уже не нужно. Ничем серьезным не заканчивающиеся игры, возможны и нужны только в юности. А взрослым они зачем? Достаточно легкой платонической влюбленности и обожания, о которых знает только твоя душа, и которые, если получится не разочароваться, можно пронести через всю жизнь. Это как раз то, чего недостает иногда женатым людям, чего часто не удается получить сердцу по причине неумения или нежелания твоей второй половины. Я имею в виду не физическую, а душевную составляющую. Именно ее недостаток в семье влечет за собой влюбленности на стороне. О физической неудовлетворенности имеет смысл вести отдельный, сложный разговор. Это вопрос внутренней порядочности. Я, даже узнав об изменах мужа, не могла позволить себе мстить подобного рода.

Любовь - это не влюбленность, которая на короткое время пылкой страстной волной сшибает с ног, будит эротические или даже «бесстыжие» мечты, как считают мужчины. О них женщина может и не помышлять, если ей хватает блаженства души. Если между мужчиной и женщиной проскочила искра или мощный разряд тока, то это тоже не любовь и даже не влюбленность, просто кратковременное животное сексуальное влечение к существу противоположного пола. А уж потом...

- Мне кажется, именно этот тип женщин твоему мужу бессознательно близок, - заметила подруга.

- Чем вызывается это влечение? - продолжила я рассуждение. - Непонятно. Внешними данными? Может быть, собственным неосознаваемым желанием внимания, ласки? Неудовлетворенностью жизнью? Это чувство не стоит намеренно развивать. Со мной случилось такое. А один раз я под «впечатлением» рискнула пойти на свидание. Я тогда была совсем юная и изучала мужчин. Мне любопытно было узнать, чем женатые мотивируют свои измены. Мы стояли за памятником. Поцеловались... И вдруг он начал поливать грязью свою жену, которая в это время сидела дома с грудным ребенком! Я взбесилась. Возбуждение мгновенно схлынуло. Я ощутила себя дрянью, а его - подлецом. Прежде всего испугалась: «Кем я выставила себя перед этим командировочным? Простодушной, задиристой девчонкой или проституткой?» Нагло и зло рассказала ему о своем над ним эксперименте и рванула... давай бог ноги! Боялась, убьет. Такое происшествие еще раз не смогла бы пережить! Больше не рисковала. Но задумалась: «Как понять, что любовь у меня настоящая?»

- Когда любовь настоящая, вопросов не задают, - рассмеялась Тамара.

- Мне кажется, настоящая женская любовь вначале пылкая, а потом, как правило, спокойная, нежная, верная, надежная, с ощущением радости и счастья. Она может длиться всю жизнь. Если, конечно, над ней не измываются, не ревнуют, не изменяют ей... А что надо для поддержания огня «в очаге» мужчин? Мне не влезть в их тело и душу.

Каждая женщина желает нравиться, но не каждая хочет, чтобы к ней приставали. А многие мужчины не могут остановиться. Хотят от понравившейся женщины большего. По себе женщин судят, мол, раз улыбнулась мне, это сигнал к действию, разрешение. Я от одного такого по молодости и неопытности еле отбилась и возненавидела его. Я, сдурю, просто сказала ему комплемент, а он никак не хотел понять, что это не повод ложиться с ним в постель.

- Ты права, молчаливые обожания возникают у женщин из-за недостатка внимания от их мужей.

- Мужчинам проще находить «любовь» и подпитываться на стороне, чем прикладывать усилия по ее воскрешению в семье. Они ищут легких путей. Отсюда все последствия. А нам приходится пытаться сохранить любовь в себе, да еще разжигать костер в партнере. И это при наличии нескольких «хомутов»: работы, домашних забот, детей, огорода и прочего! Конечно, каждый мужчина желает быть единственным «хобби» своей супруги, при том, что от себя того же не требует. Уж я-то об этом слышана! Вот тебе наглядный пример двойных стандартов.

Мой сосед возмущался: «Женился, теперь все у нас общее. А где я сам? У меня должно быть личное пространство, в которое я никого не пускаю. Вот и сижу в интернете. Я же не к женщинам убегаю, как мой друг».

И где он настоящий: с женой или с «любовницей?» - грустным смехом закончила я свой пространственный монолог.

- Управляя мужьями, приходится учитывать их психологию, - философски заметила Тамара.

- А почему бы и им не учитывать нашу?

- Так в этом и состоит их психология, - думать в основном о себе, о своем удобстве и удовольствиях. По пальцам могу

пересчитать знакомых мне по работе мужчин, которые не подходят под эту категорию.

- Я знаю многих мужчин, которых «захомутали» женщины, и они честно пашут вместе с женами, - не согласилась я.

- Может, и вкальвают, да только «на сторону» еще больше смотрят, как бы в отместку за свою «пахоту». Последнее время я из любопытства наблюдаю за одним таким экземпляром. Случайно его «раскрыла». Он попросил меня не говорить жене про его проделки, мол, я жалею ее. И я молчу. Пусть счастливо верит и спокойно детей растит. Его, козла, все равно не исправишь, а ей лишняя боль. Может, проживет жизнь, так и не узнав о его «слабости». Беззаветность в природе женщин. А мужчин, словно диких мустангов, если и удаётся приручить, то слишком уж дорого это нам обходится. Иногда, конечно, рождаются мужчины с женским характером, но тогда они вбирают в себя и всю женскую каковость, да еще в гипертрофированных формах, - рассмеялась Тамара.

- Ой, напугала!

- Все шутишь? Иногда я просто ненавижу мужиков! Так и хочется им подлянку устроить!

- Честно говоря, я как-то подумала: «Права ли была, что не изменяла, отвергала ухаживания достойных мужчин? Может, моя жизнь была бы полнее, ярче? Но как представила себе: встречи урывками, чужой диван... Всё тайное, постыдное, противоестественное... Потом, как сученке, бежать домой, думая о детях, о муже... И стыд, стыд, и только стыд... Нет, не по мне такое «счастье»! Перевесит ли стыд сомнительное с другим мужчиной удовольствие? Затмит ли оно позор? Да и смогу ли я испытывать удовольствие от предательской связи? Сомневаюсь. Вспомнила слова одного отвергнутого «обожателя»: «Ну, если думать, тогда не надо». А я не могу жить бездумно. Такая уродилась, чтобы все анализировать. У меня голова над сердцем, поэтому и не могла себе позволять измены, ни от обиды, ни от злости. Ни одному мужчине за годы замужества не позволила себя даже всерьез поцеловать. Было два раза в шутку, в щечку, на мой юбилей, в большой компании. Нет, я, конечно, не железная: увлекалась, симпатизировала. Как без этого, если дома такое... Но черту обожания никогда не переходила. Но меня всю жизнь преследовала клевета. Почему? Народ здесь такой нехороший? Завистливый, злой, непорядочный? По себе судит? О, я знаю про жестокость, овладевающую некоторыми людьми, перед которыми стоит цель придушить и опорочить человека! Они делают это с превеликим удовольствием.

Когда в семье такое творится, душа невольно тянется к доброму, чистому, светлому. Симпатизирую я немного одному человеку. Даже не знаю почему. Внешне на моего мужа чем-то похож, но сдержанный, интеллигентный. Положительный двойник, антипод? Говорят, будто жена ему изменяет. Говорят, по свидетельству очевидцев... Вот и я туда же. Когда дети выросли, он развелся. Поверил? Проверил? Не знаю. Мы никогда не переходили границы дружеских рукопожатий. Да и те были очень редки. Но сколько грязи о наших якобы любовных отношениях до меня доносили «доброжелатели»! Почему люди о других думают хуже, чем о себе? А может те, кто сочиняют небылицы, сами плохие и всех остальных по себе равняют? А кто сплетни распространяет? Одни из любопытства, другие по злобе и зависти?

Выпалив на одном дыхании свое признание, Зоя уставилась на подругу:

- Что скажешь, что посоветуешь? Может и мне развестись или как-то наказать Митю?

- Не знаю. Обычно практикой подтверждают теорию.

- Если изменю, то окажусь с мужем на одной доске, стану такой же подлой и грязной. Я же презирать, ненавидеть себя стану. Нет, не смогу я перейти границу дозволенного своей совестью. Я ни одного, даже самого уважаемого и обожаемого мной знакомого мужчину никогда не могла предать рядом с собой в постели.

- Лишала себя удовольствия почувствовать себя женщиной?.. - пошутила Тамара.

А я всерьез восприняла ее слова:

- Как-то крепко обидел меня муж, и я долго не могла заснуть. Ну и стала перебирать в памяти всех известных мне достойных мужчин по порядку, попыталась выбрать себе «успокоителя». Ничего не получилось. Не дано мне это от природы. Наверное, я из числа однолюбов. Или чувство порядочности приносит мне большее удовлетворение, чем секс без любви и без оргазма. Ради мужчины я не хотела себя терять, считала, оно того не стоит. Мне кажется, что мужчины могут заниматься сексом без любви, с кем угодно. Я слышала страшное, гадкое выражение: «Уродина? Так натяни ей на голову мешок и орудуй». Это же нелюди... Теперь и некоторые женщины ведут себя как мужчины. Помнишь фильм «Секс в большом городе»?

- У тебя нравственные устои крепки, так теперь говорят, - улыбнулась подруга, обойдя вопрос о нелюдах. - Удержать того, кто дорог труднее, чем вычеркнуть его из жизни. Но разводиться не советую. Ну, допустим, уйдешь, останешься при своих... И что дальше? Ты сейчас на распутье? Не позволяй ревности закабалить себя. Не ставь себе барьеры, не сужай свои возможности как жены. В твоём возрасте и при твоём состоянии здоровья я бы тысячу раз подумала, прежде чем разбежаться. Тебе нужно умиротворяющее спокойствие собственного существования? Но начнутся разные проявления женской натуры... Я, когда разводилась, грамотно оценила ситуацию. Было очень больно. Я страдала, переживала, но не купалась в боли. Меня тогда друзья уже познакомили с одним бесподобным мужчиной, и я сказала им: «О, беру! Заверните!» И он отвлек меня от моих проблем. Потом своего второго мужа встретила. Но ты другая. Ты не из тех, которые затевают что-то за спиной. И у тебя дети. Ты с тоски завоешь.

- А с ним не вою? Ежедневно от каждого звонка вздрагивать - разве это жизнь? И с ним задыхаюсь, и без него. А я хочу быть счастливой... здесь и сейчас.

- Понимаешь, не имеет смысла Мите навязывать свои семейные ценности. От таких типчиков надо сразу уходить и пусть ищут в пару себе подобные же «личности». А если опоздала, то держи оборону, раз твой муж чувствует себя живым, только когда делает тебе гадости, и береги себя. Ты ведь уже приучила себя к мысли, что ничего изменить нельзя? Тебе надо больше себя ценить. Живи для себя.

...Может, муж отдалился от тебя, потому что слишком много привнес в твою жизнь плохого? Это не дает ему жить спокойно и радостно, вот он и бежит туда, где ему легко и просто, к тем, кому еще не насолил.

- Совесть рядом с эгоизмом в нем пытаешься разглядеть через спектрофотометр? Оригинальная мысль. Он гадит и от своего же дерьма отворачивается?

- Именно так. Помнишь, Светка рассказывала, что родная мать ее не любила за то, что она одним своим

существованием постоянно напоминала ей о грехе ее молодости?

- Как все это жестоко, несправедливо и больно!

- Сейчас ты никакая. Ты - одна боль. Но наступит момент удачи и ты должна быть во всеоружии, чтобы его не упустить. Не сразу, может через год или через пять... Держись, верь в себя и в свою звезду. Ты возродишься.

Ты мужу молодость отдала, жизнь на него положила. И если вдруг какая-нибудь женщина всерьез заморочит ему голову, ты же беситься будешь, станешь вспоминать все хорошее, что у вас было, жалеть себя начнешь. Тоже не мед. Имею опыт. Ты совершила одну, но роковую ошибку - вышла замуж за Дмитрия. Как же, колдовской мираж надежды... А потом терзанья, все не мило... Теперь ты помудрела. Как чувствуешь, так и поступай. Сердце не обманет.

- Пусть дети решат, как нам жить дальше.

- На детей перекладываешь ответственность? Хотя... для них ведь живешь. Тоже дело, сыну без отца худо. Знаешь, моя подруга на работе жаловалась: «Растила, растила сыночка, а он выучился и ушел жить к отцу и его новой жене. Сказал, что интересы у них с отцом общие». День ото дня все больше сын от нее отдаляется, все реже навещает. Она, бедная, слезы льет, сердце у нее не на месте. Болеть часто стала от обиды и тоски. Хоть бы сын поскорее женился, чтобы ей легче стало. Такие вот дела наши женские. А что твоя свекровь?

- Что ей сделается. Живет себе. Нас мало касается, только по телефону. Я не хочу ее видеть. Мужу, конечно, напоминаю, чтобы не забывал ей звонить, посещать, помогать. Какая ни есть, мать она ему...

Послушай, Тamarочка, объясни мне фразу, которую я слышала от своего коллеги. Он хвалился: «Мне одной женщины мало!» Я понимаю, когда женщине мало одного мужчины. Их возможности ограничены, но не наши... - зашептала я, оглядываясь на дверь.

- Женщина ему быстро надоедает и уже не привлекает. Не получается у него с ней, и он ищет другой объект вождения. Как правило, такие мужчины слабы в постели. А вину, конечно же, перекладывают на женщину.

Послышалось шуршание. Муж вошел на кухню попить воды. Подруга торопливо попрощалась. А я подумала: «Вот я и выговорила. Надолго ли мне хватит этой душевной терапии?»

12

Ездил в областной город. По старой памяти на минутку заскочила к Альбине. Была приятно удивлена и обрадована: в ее семье максимум взаимопонимания! Когда они рядом, у них никаких проблем, одна вселенская радость. Спросила у Виктора: «Как контактируешь с сыновьями?» Он ответил: «Любовь диктует мне по отношению к ним некоторую суровость. Мужчин рошу». А студентом ее муж был ни рыба, ни мясо. Попробовала бы Альбина моего упрямого умника у ответу призвать.

«Вроде бы о мелочах Зоя пишет, но сколько в них заложено...» - грустно подумала Кира.

*

Новая страница перед глазами Киры.

...Что мы обычно замечаем на стороне? То, чего нам не хватает в семье, из того, что нам близко. Я ищу порядочность, доброту, тонкость и изящество мыслей, Митя - женскую стержневость, ложь, лесть, грязь. То, что привлекает меня в другом мужчине, не предполагает постельных «сцен». Тут высокое молчаливое общение душ.

А как он влюбляется? Личико, фигурка? В то, что дано женщине природой. Как большинство мужчин? Красота очаровывает и возбуждает, а большего и не требуется? Это не я, а он застрял в восемнадцатом веке. Ему не интересна сама женщина, ее душа, интеллект, ум, которые она сама в себе развила, то, что она состоялась как личность. Женщина для него объект для использования в постели, а жена еще и в домашнем хозяйстве. Поэтому он не способен на долговременные отношения. Поиграет на инструменте, побренчит - и другой ищет. А инструмент изучить надо подробнейшим образом, прежде, чем в руки брать, чтобы почувствовать...

Что это я так высоко забралась? Не он женщин завоевывает, они его выбирают и используют.

У мужчины должна быть ответственность перед женщиной, в том числе и за ее чувства. Он их в ней пробуждает. Вообще-то оба отвечают, но мужчина в данном случае в большей степени. Женщина многое может, но на «инструменте играет мужчина». И все же не так уж и важно в семье совершать любовные подвиги. Главное в любви - разговоры, родство душ, понимание, внимание, щедрые ласки голоса. И деньги - дело десятое. Важна радость бытия. (Это с любовницей, наверное, достаточно секса?) Только эту радость мужчины и женщины часто понимают по-разному. Брак - это целая наука. Но Митя в ней ноль. Он даже не пытается в нее викинуть. Он получает и отдает минимум. Зачем себя затруднять? Надо жить легко и просто! И я не знала науки любви, только вкалывать умела. Брак - это не менять, а самому меняться, не взводить стены между супругами, а строить мосты. И не надо в этом вопросе подчеркивать гендерную принадлежность. Семья - это единый организм. А у нас с Митей не срослось, так и живем каждый сам по себе.

Раньше религия насаждала мнение, что у женщины нет души. Может, поэтому девушек легко отдавали замуж по расчету и часто за мужчин старше на целую жизнь. Но церкви пришлось признать равенство женщины перед Богом и мужчиной, то, что ее тоже коснулся перст Божий. Было постановление собора. Разве это не революция во взглядах всего христианского мира? Изменен один из основополагающих, базовых моментов в Библии! Но некоторые мужчины по-прежнему не хотят перестраивать свое мышление, желают командовать бессловесными женами.

Митя был не уверен в себе. Сюда, наверное, примешивался страх, внушенный матерью, будто я хочу занять

доминирующее положение в семье. Это обычный мужской бзик? Может, Митя умышленно принижал меня, не замечал моих достоинств, понимая, что не дотягивает до них? А стараться, меняться для жены было лень. Себя-то он устраивал. Проще обезвредить, придавив грубостью и подлостью. Чтобы брак был счастливым, надо скрашивать жизнь друг другу, а не мучить свою «половину». Только, видно, это неслыханная удача в жизни женщины найти такого мужчину!

Опомнилась, только в больнице нашла, наконец, время порассуждать на животрепещущую тему!

У Мити не было перед глазами опыта нормальных семейных отношений между родителями? Так у меня тоже. В его семье мать отца «затуркала», а в моей – отчим мать. Но я своим умом доходила до азов, потому что не хотела повторять их несчастливую жизнь. А Митя считал отношения в своей семье приемлемыми, правильными, удобными и перенял модель поведения матери?

*

Говорю внучке: «Очень много в жизни человека зависит от круга общения. Достойный – обязывает подтягиваться до своего уровня, недостойный – тянет вниз.

Наблюдение в парке. Я детей до года по старинке запеленатыми держала. Так свекровь требовала. А теперь малышкой уже с двух месяцев носят вертикально и все им показывают. Они с таким интересом смотрят на мир! Мы отнимали у них год умственного развития? А как же сколиозы?

Полтора месяца нет дождя. Я измучилась в ожидании похода за грибами. По радио в который раз пообещали осадки. Сегодня даже час их выпадения назначили. И что самое смешное, Природа именно в это время отметилась-таки несколькими каплями на стеклах нашего балкона! Я истерично хохотала.

В нашей молодости психологами по телевидению муссировалась тема: «Спать родителям вместе или порознь?» Помнится, тогда вошли в моду интерьеры с двумя одинарными кроватями. Глупость полнейшая. В суете будней, где и когда еще могут поговорить семейные пары, как ни в постели? Душу излить, пожаловаться, нежась в объятиях друг друга... Один командировочный товарищ как-то пошутил в компании наших сотрудников: «О чем может думать мужчина, один лежа в кровати? Иногда его мысли заняты проблемами на работе, но чаще он чужие ножки представляет... и прочее».

Я не ищу гниль в семейных отношениях, а исследую причины ее появления. Я не столько осуждаю, сколько сочувствую и нащупываю пути соблюдения равновесия, какое было у Аллы с Сашей. Они любили и понимали друг друга, не боялись признавать ошибки, учились их исправлять. Как-то я спросила у Саши по телефону: «Чтобы мне почитать о стабилизации семейных отношений»? Он ответил: «Сердечные страдания английской кошки» Бальзака. У него каждый абзац – целый отдельный роман. Немыслимо роскошная вещь! Он пишет гимны интересным тридцатилетним женщинам». Саша с юмором. Его ответ о многом в нем говорит. Между прочим, он без сомнения признает, что «женщины часто яснее видят жизнь, сильнее мужчин в бытовых вопросах, многое предвидят благодаря повышенной чувствительности мозга к сигналам извне. Женщины могут считывать информацию большого числа людей. У них в мозгу много чего всякого еще не исследованного наворочено. И это не ущемляет мужчин, которые глобально мыслят в производственных или политических вопросах».

А не очень умных мужчин это бесит? Далеко смотреть не дано, а в «близлежащих» делах им за женщинами не угнаться, вот и чувствуют себя униженными. В такой ситуации умным женщинам приходится самим себя принижать, чтобы меньше было ссор и конфликтов. Что поделаешь, если равного не досталось? А глупые женщины как себя ведут в семье? Мой жизненный опыт подсказывает, что они «добирают» недостающее хитростью или, как мужчины, грубостью и наглостью. А такие «неспособные» как я, стонут под пятой притеснителей.

*

Кира отвлеклась от воспоминаний о Зое, потому что услышала громкий шепот Жанны.

– ...В школе нам родители разрешали читать Бальзака, а Мопассана – нет. И мегароманы Золя тоже были в запрете. А мальчишки ими очень интересовались и постоянно цитировали. Мы, девчонки, смутно понимали физиологическую сторону их шуток и восторгов, нас больше волновали высокие чувства героев. К сожалению, мне некогда было в школе читать художественную литературу. Только урывками и только в пределах школьной программы. Я много кружков посещала. На этом тетя настаивала.

Потом голосок Ани «прорезался» сквозь стеклянные двери Кириной спальни:

– Прочитала очередную книгу Лены. И все предыдущие знаю наперечет. Не ограничилась одной. Они же все разные. Опять о грустном пишет, хотя любая судьба, как цветное, лоскутное одеяло. Оно и понятно. В ней глубокая печаль от понимания жизни, которую можно выдержать, только имея в себе любовь.

– И в мировой литературе книги о любви, как правило, плохо заканчиваются. Но ведь не только потому, что в жизни мало радости? Людям интересней читать о всепоглощающей, рискованной несчастной любви.

– Лена о грустном пишет для того, чтобы люди вдумчиво жили, а не так, что день прошел и ладно, – возразила Аня. – Она мне обещала, что как только закончит этот цикл, обязательно напишет что-то радостное о внуках; лишь бы здоровье ее не подвело.

«Значит, Лена заснула», – подумала Кира.

Шепот подруг больше не долетал до нее. Но в памяти мгновенно восстановился рассказ Ани об одной из предыдущих книг Лены. Дело было в этой же квартире на прошлогодних «посиделках».

– Эта книга через четвертые руки ко мне попала. Получила ни с чем несравнимое удовольствие. В ней простые житейские истории, но пространство героев максимально уплотнено. Страницы книги усыпаны информацией, как земля в осеннем саду яблоками. И, тем не менее, она умеет выделять главное из того, что видит. Язык ее прозрачный, ясный, емкий. Лена достаточно доступно и образно говорит о сложном и тонком. Чувства ее персонажей неразбавленные, неискаженные. Она интересно их интерпретирует. Я ощутила дыхание настоящей прозы, стоящей особняком. Собственно, это книга скорее не о чувствах, а об их отсутствии, об эгоизме и бездушии.

Лиля проехала:

– Это мужененавистнический женский роман? Совокупный образ мужчины в нем не очень оптимистичный? Мы итак напичканы всяким романским мусором!

Я ответила в тон ей:

– Лена написала о «некоторых» не очень положительных представителях сильной половины человечества. А женщины у нее из нашего круга: довольно умны, энергичны, жизнеспособны, жизнестойки. Коня не только на ходу останавливают, но и оседлают. И все же они не очень счастливые.

– Никто этот факт не оспаривает. Ее женщины не умеют быть счастливыми? – уточнила Лиля.

Я только плечами пожала, мол, сама почитай.

Что меня подкупило в этой книге? Деликатно, но достаточно жестко пишет не о великих, а об обычных людях. Читатели легко себя идентифицируют с ее героями. В книге прошлое наших друзей, нашего поколения.

– Лена обращается к золотым годам нашей юности?

– Да. Не голословно декларирует свои идеи. Получается, что для талантливого писателя обыкновенный человек такая же интересная загадка, как для обыкновенного – талантливый. Что держит и укрепляет каркас Лениного произведения? Вроде бы пишет о том, о сем, а складывается общее мощное впечатление! У нее не политический и не развлекательный контент, а познавательный, но свободный от академической дидактики и назидательности. Лена ненавязчиво говорит о серьезных вещах, как бы вскользь, а задуматься заставляет. Она не сочиняет, потому что не фантаст, а писатель судеб. Меня поражает обаяние ее невероятно тонких деталей. Создавая обобщенные образы, она не отступает от реальности.

– Она полностью исключает из оценочной шкалы политическую составляющую? – удивилась сидевшая рядом с Аней Валя.

– Не совсем. Она как приправа или как шоколадная присыпка на торте. Лена имеет к событиям, описываемым в книге, опосредованное отношение, и, тем не менее, раскрывает и свою писательскую душу, которая кажется простой и доступной, а на самом деле она огромной духовной наполненности. Ее сразу не поймешь, не изучишь, если только почувствуешь.

Не обходит Лена и области этики и эстетики. Мне кажется, она сказала в этой книге недостающее слово о половых, плотских ощущениях женщины. Лично для меня она открыла неожиданные смыслы, новые понятия. Этот вопрос – дыра в русской литературе. Лена пишет об этом, деликатно тактично и скромно, но вещи называет своими именами, не завуалировано. Правда, наш даже взыскательный читатель не готов к откровенному разговору на эту тему: кто с подозрением относится, кто с любопытством и смущением. А ведь она имеет к каждому из нас самое прямое отношение. Эротика у нас на грани запретного. Мы безграмотны и многое теряем во взаимоотношениях полов. И язык наш в этом вопросе в зоне стыда и чего-то... потаенного. Медицинские термины есть, а любовных слов не хватает. Я считаю, что для взрослых об этом надо писать, а родители детей просветят, придав своим словам особую индивидуальную окраску. Или это забота врачей? Я читала, что в Японии этот культурно-воспитательный сектор находится на высоком уровне.

– Не части, я не успеваю за твоими мыслями, – попросила Жанна.

– Писатель должен иногда чуть-чуть выходить за рамки обыденного, привычного. И мы с ним, потому что читатель тоже творец. Кто через произведения, кто через религию ищет, как и чем поверять свою жизнь... С молитвой тот, кто уже сам пришел к Богу со светлой надеждой, чтобы соединиться с силой небесной, чтобы помогла, дала крылья... Но это так эфемерно...

– У Лены изысканный тонкий благоухающий Бунинский язык и знание жизни как у Горького? – весело и с удовольствием прервала Лиля Аню.

– В книге – печальные истории разрушения отношений в семьях и их анализ со «сверхвысоким разрешением кадров происходящих событий». И наша она вплела в канву своего произведения. Читаю и зрительно представляю каждую судьбу.

– У тебя прорезался аппетит к драме? Я скорее могла бы предположить, что ты подсядешь на комедию, – удивилась Валя.

– Скажете: «Сметем подчистую эти обветшалые идеи романтизма!» или «Ох уж эти вечно актуальные проблемы личности! Человек живет чувствами, а общество умом. Заезженный материал. Это неоправданный и, может, даже порочный путь. Настоящий конфликт – это конфликт личности с социумом, с общественным мнением». А зря. Есть творцы, осознающие свою глобальную миссию. Типа Солженицына. Есть те, что творят с удовольствием и для удовольствия. Каждый писатель исходит из своих внутренних побуждений. Разве Ленина тема сохранения семьи не глобальная? Она говорит о том, что пора бить тревогу.

Факты у Лены общеизвестные, но преподнесены иначе. В них нет зла, они полны человеческого достоинства и печали. Они пробивают насквозь, оглушают своей искренностью, правдивостью и извлекают пиковые переживания прямо из подсознания, потому что вскрывает самые болезненные нарывы взаимоотношений между мужчинами и женщинами, мотивируют и подталкивают к их разрешению. У нее сто процентов попадания в сердца читателей.

– Это другая система приоритетов и предпочтений? Не поняла Лиля.

– Та же, но пронзительная необычная проза Лены пробуждает подлинные живые чувства и эмоции. С моей точки зрения, Лена умеет выбрать и сказать самое главное, она как приводной ремень многих эмоциональных процессов в

читателях. Лена подспудно внедряет в головы читателей светлые добрые и подчас неожиданные, пусть не всегда оптимистические, зато реальные мысли. Она пишет не хиты, а серьезные вещи. Ее творчество – эпицентр того, к чему она стремилась всю жизнь.

– Я «переела» умных книг. Хочу веселых, авантюрных, чтобы согрели мое остывающее нутро! – рассмеялась Лиля.

– Я бы добавила в этой книге чуть-чуть солнца, как в ее детских книгах. Но будет ли тогда она соответствовать жизненной правде? Нет, все-таки Лена умничка! Затронула! А говорила, что только начинает входить во вкус писательства. Люблю, когда мне что-то очень нравится! Я в эти моменты такая счастливая!

– Мы стоим у истоков новой попытки изменить человеческую природу! – пошутила Лиля.

– Идеи у Лены возникают необъяснимо, без всякой системы. Может, не все они новаторские, но она имеет право говорить об этих вещах по-своему сочно, эмоционально, навыхлест. Лавина Ленинского таланта смывает все ее возможные недостатки. Инна, помнишь, как ты шутила, что в детстве Лена умела о работе в свинарнике говорить с таким же восторгом и накалом, с каким рассказывала бы о посещении прекрасного театра, в котором... еще никогда не бывала. И теперь всякие эмоции – и положительные, и отрицательные – идут в ее писательскую копилку и являются исходным материалом для следующих произведений.

А в детстве Лена с карандашом дружила. Даже думала, что это ее призвание, потому что учителя были высокого мнения о ее способностях как рисовальщицы и наметили ей путь художника. Но потом она сама поняла, что ее больше влечет сочинительство.

– У тебя не поворачивается язык критиковать Лену? – вкрадчиво спросила Жанна, чтобы немного остудить «дымящуюся» голову Ани.

Но разве Аню быстро остановишь, если она в «творческом запале»?

– Я где-то читала, что «один человек пишет о том, что знает, а другой – о том, что еще находится в его подсознании. Он «ходит» туда, куда его влечет интуиция, куда другие еще не ходили. Разум – это хорошо, но он не обязан быть абсолютной доминантой. Подсознание должно работать! Иррациональное и есть искусство писателя. Оно действует на человека сильнее всякой статистики». Такие слова и о творчестве Лены могут быть сказаны, потому что она обладает способностью иррациональное выражать через рациональное.

– По-моему, если человек, читая, получает иррациональный импульс, значит произведение талантливое, – заметила Валя.

– Лена не давит в себе творческую индивидуальность, не «посещает» знакомые пути-дорожки, ей надо удивлять, поражать. Я нашла в ее рассуждениях о семье для себя много интересного, удивительного и особенного. Она знает, о чем говорит. У нее не преподнесение расхожих базарных историй, хотя она отталкивается от типичных черт героев, а живой, без лакировки диалог с читателями. Рассказы проникнуты болью за нашу глупость, неосмотрительность и неуверенность. Эта книга глубоко прописалась в моем сознании, усвоилась и полюбилась. И все потому, что я выбираю произведения не по степени их признания в определенных кругах. А какие у нее милые описания природы!

– Она портреты своих героев «вписывает» в пейзажи? – рассмеялась Лиля. У нее было беззаботно-радостное настроение и ей не хотелось серьезных и тем более грустных разговоров.

Наладив дыхание после длинного монолога, Аня продолжила свое «выступление».

– Лена не амбициозна, в ней нет самообольщения и она не претендует на знание истины в последней инстанции, выдаваемой учеными, но мне кажется, эта ее книга служит проверкой житейской зрелости читателей. Смыслов в ней – через край! Лишенная бытовых подробностей, она становится вневременной. (О сладкая музыка пьянящих похвал!)

А Ленины детские книги не устаревают потому, что главное в них – не события, а чувства. Их читают все возрастные группы: от восьми до восемьдесят восьми лет. Они будто прокладывают в остывающих сердцах дороги к заросшим тропинкам детства. Я больше скажу: Лена – посол нашей юности в будущее, потому что ее книги – послания потомкам. Интересно, кто из писателей нашего довоенного и военного прошлого протягивал ей руку? Гайдар? А из современных авторов? Искренность и непосредственность – это золотые зернышки детского писателя! Может, и «цифровое» бессмертие Лене грозит. Счастливый случай не заставит себя ждать? Хотелось бы.

– Я слышала, что и Лариса в пятьдесят лет совершила такой же мощный кулбит, перестроив свою жизнь. И ее тоже волнует тема пересечения судеб, – вклинила свое замечание Лиля.

Но Аня продолжила с увлечением говорить о Лене:

– Я когда-то давно присутствовала со своими подопечными на читательской конференции в городской библиотеке. Одна девочка наизусть читала рассказы из первой Лениной книги. В ее голосе было столько любви! Она становилась на колени перед воображаемым цветком, глядела на него завороченно, нежно касалась... Она, домашняя, глубоко понимала боль и радость детдомовских детей и в то же время была так артистична, так прекрасна! А я шептала, еле сдерживая слезы: «Господи, дай ей счастья! Она такая...» А через семнадцать лет я снова попала в ту же самую библиотеку. Девятилетние мальчишки с интересом одолели первую книгу Лены и, смущаясь, рассказывали о ней, как об особенной, говорили, что писатель затронула их сердца, потому что понимает и чувствует детей, и это самое главное. А потрясенные двенадцати и тринадцатилетние девочки, не стесняясь, ярко и эмоционально делились своими переживаниями, хвалились, что «проглотили» все подростковые книги этого автора и ждут новых. Читателям нравятся Ленины книги, потому что они верят ей. Я слышала, как она говорила школьникам: «...Отложите написанный текст. И если через год не заметите недостатков, значит, вам еще рано писать».

– Лена цементирует вокруг себя молодежь, дает путевки в жизнь? – откликнулась Валя.

– Да. Активно живет. Я гордилась подругой и немного грустила. Лена отличница по жизни, а они по большей части в личном плане неудачницы. И в литературу она поздно пришла. На много лет отодвинула предначертанную ей свыше дорогу! Сколько еще тем могла бы охватить! Ведь предупреждал ангел-хранитель, чтобы не выбирала она путь технаря. Сколько еще тем могла бы охватить! Не послушала. Вот и не успела выполнить всё желаемое. Только «разогналась», а тут здоровье стало пошаливать. Может, Бог даст... Она еще не потухший вулкан: не сдает позиций, по-прежнему удивляет находками. Главное, что Лена никому не подражает. Она сама по себе.

Лена рассказывала, что ученые считают, что писательство – гигантская психофизическая нагрузка. Но если у нее все ладится, она не устаёт, потому что при этом бесконечно счастлива. Конечно, бывает что и голова ватная, и спина огнем горит... А по окончании работы она чувствует опустошенность по типу сиротства, покинутость любимыми... героями. Чудно, не правда ли?

- Но ведь болеет своим делом, плохо спит, мучается, – засомневалась Валя.
- И все равно радуется, как Бонифаций на каникулах из известного мультфильма, потому что это ее предназначение.
- Может ей все-таки надо избавляться от фанатизма в работе?
- Творить спокойно нельзя. Человеку вообще не свойственен покой.
- Потому что он заточен на результат? Лена без отдыха выворачивает себя наизнанку ради того, чтобы результатом ее труда насладились другие?
- Рационально творить не удастся. Не подчиняются творческое горение и яркие эмоции графику.
- Мы концентрируемся на себе, на своих делах,

стремимся что-то предъявить миру, а ему это не надо. С возрастом мы понимаем, что суть жизни человека в гармонии с самим собой, в том, чтобы мир принимать таким, какой он есть, – сказала Лера.

- Ты проведешь буддизм – простую, неторопливую спокойную жизнь? Так он не предполагает безделья, потому что для большинства людей, особенно в молодости, состояние внутренней гармонии не возможно без плодотворной работы. Она не только физическая, но и душевная необходимость. А если у кого-то еще есть нерастроченные силы и незаконченные важные дела, то он и в старости упорно трудится, используя каждую минуту творческого вдохновения, – сказала Аня.

- А вот Емеля из сказки не делает того, что можно не делать, – ответила ей Лера.
- Исключил бы труд и чем питаться заставил? Святым духом? Размышлениями о смысле жизни? – фыркнула Лиля.
- Мне кажется, буддизм – для стариков. Пожилые стремятся к покою, к гармонии, а всякая ерунда ежедневно выводит их из себя. Хотя они того или нет, но постоянно находятся в состоянии раздражения. Необходимо чем-то разряжаться, отвлекаться, – заметила Валя. – И Лене надо хотя бы иногда поддаваться на уговоры собственного организма, все бросать и для восстановления в себе гармонии на время уходить подальше от цивилизации в лес, на рыбалку, тем более, что это полезно для вдохновения.

...Одни верят, что всё у них получится, и поэтому притягивают удачу, у других всё наоборот. Говорят, эта истина на вырост... как, впрочем, и любая другая... – заговорила Аня о другом и привычно вздохнула. – А за друзей Лена душу отдаст. Помните слова Инны о детстве? «Все меня пинали, ругали, презирали, только Лена поняла, простила и поверила. Наверное, именно с того дня я почувствовала себя человеком и пошла за ней».

Для всех присутствующих наступила долгая пауза доброй памяти детства.

Аня вернулась к своему рассказу.

- ...И в книгах для взрослых Лена выстроила свою систему, создала свой собственный содержательный образный ряд, виртуальное общение с которым положительно влияет на понимание и улучшение взаимодействия между супругами. Она сведуща во многих областях науки и жизни вообще. У нее свой уникальный узнаваемый почерк, свой стиль. Она перегружает богатство своих знаний в книги. За ней не водится аллегорий. Прямолинейно бьет, прямой наводкой снайперски точно попадает в сердце. Непредвзято подает события. В ее книгах потрясающая информативность. В нескольких строках, а иногда и в одной реплике – целая биография персонажа. И в то же время она утверждает, что нельзя о серьезных вещах говорить без юмора или без иронии, иначе, в некоторых случаях, в условиях нашей современной жизни, спянуть можно. Лена не выносит «чернухи», она отпугивает ее. Лучше у нее выходит, когда пишет не на заказ, а для души. (И такое у нее бывает?) Непостижимые, волшебные экспромты – самые яркие звездочки на полотне ее прозы. Объективно талантливые, выдающиеся авторы, несмотря на то, что в своем творчестве и во взглядах далеко не едины, формируют литературное мировое пространство.

...Лена дышит по-русски... Любому таланту нужно усердие и дисциплина, чтобы его развивать...

- Каждый художник, изображая разные стороны жизни, все равно, прежде всего, пишет свой портрет. Кто далеко от него уходит, кто рядом бродит. Напишет, выплеснет из себя отрицательные эмоции и излечится, – саркастически усмехнувшись, перебила Аню Лера. – Она не может не писать, как алкоголик не может жить без рюмки.

- Быть того не может! Четырнадцать томов описания своего портрета – это клево! Это суметь надо. Космически талантлива, – весело подыграла ей Лиля.

- У меня соблазн говорить о Лене с пафосом, – продолжила Аня, не обращая внимания на шутивно-критический настрой подруг. – Она умеет намывать смыслы из рутины обыденной жизни. Ее лозунги по жизни: «Не жалей себя. Находи кайф в работе. Будь себе интересна» и «Мир спасут доброта, красота и юмор!» Она утверждает, что жизнь – это подарок и надо ценить каждый день подаренный судьбой. Она задает вопросы: «Зачем мы здесь?», «Почему чья-то жизнь прошла бездарно?», «Для чего человек вновь и вновь рождается?» Ее волнует непредсказуемость пересечений человеческих судеб. Лена как-то сказала, что слова Бернарда Шоу о том, что «теперь, когда мы научились летать по небу как птицы и плавать по морю как рыбы, нам осталось научиться жить на земле как люди» она могла бы поставить эпиграфом к каждой своей книге.

- Так она и с великими накоротке? – пошутила Лиля. – Ты хочешь сказать, что помимо Чехова, Достоевского и Толстого мы обязательно должны читать современных авторов?

- Не о том я веду речь. Не перебивай, – отмахнулась Аня. – Произведения Лены не монотонны. Хитросплетения смыслов и метафор, смелость и неожиданность ходов сюжетов не для жанра «воспоминаний». И тем не менее...

- Какое же может быть творческое бесстрашие в описании кухонных ссор, тем более, если главные герои – твои

друзья-товарищи? Ее обостренное чувство стиля и формы не страдает от «низости» темы?.. – опять «возникла» Лиля. Без предварительного прочтения книг, Анины безудержные дифирамбы ей были скучны. – Я бы, на месте Лены, крест на литературе поставила. (Лиля уже открыто дразнила Аню.)

– Авторы детективов интригуют и ловят читателей на интерес, а Лена на понимание чувств. В ее книгах важные разговоры на темы, которые часто обсуждаются женщинами «в узком» кругу. Как же нам без ее книг? Современная постперестроечная молодежь не умеет говорить, формировать и проявлять свои чувства, не знает базовых основ, на которых зиждется семья. Мы упустили ее.

– Ты не упрощаешь картину? Лена обходится без уникальных философских высказываний, без захватывающих мифических и сюрреалистических вторжений в сюжет? Как же без них постигать законы бытия? – опять иронизирует Лиля. – Насколько я знаю, если хотят похвалить писателя, то называют его философом. А ты лишаешь Лену такого высокого звания, будто она не дотягивает...

– Она сообщает о частном, личном, а выходит, что об общем, общественном. В книге события вырастают до огромных проблем, приобретают объем, потому что автор поднимает серьезный вопрос сохранения главной ценности общества – семьи. Она с «нежным сарказмом» погружает нас в свои мысли и чувства, и мы выходим из берегов... – упорно защищает сокурсницу Аня.

– Лена пытается вписать своих героев в историю СССР? – спросила Валя.

– Нет, ее мысли о настоящем и будущем, а не о прошлом. Творчество Лены не хобби, не профессиональная работа писателя, а сама суть ее жизни. Как-то она сказала с улыбкой: «Мои книги – мои дети». Она пишет о том, что ее волнует и беспокоит всех нас. Ее главные темы: «Любовь и долг», «Совесть», «Судьба». А любовь и уважение к человеку – сквозная тема всех ее произведений. Не обошла она и вопрос «жизнь и смерть». Смерть всегда черной тенью стоит за нашими плечами, ограничивает, остерегает, напоминает, что жизнь – слишком короткая дистанция, чтобы ее заполнять невесть чем, и что неважно, есть ли, нет ли там что-то за гранью. Слаб человек перед лицом смерти. Умереть легче, чем жить. Но смерти надо сопротивляться, преодолевая превратности даже, казалось бы, безысходной судьбы. Заглушая в себе беззвучный крик боли, надо бороться в надежде счастье. Не стоит страшиться смерти, надо подготовиться к неизбежному уходу в небытие, настроиться. Но это верно для хорошо поживших, для стариков. А если человек молод...

Мне кажется, что она считает, что право искусства выше политики. Я вдруг подумала: «А готово ли общество мужчин воспринимать ее книги?» А если нет? Запираться в башне из слоновой кости и помалкивать? А критики? Не для чиновников и критиков она пишет свои книги без подобострастия, без унижения, открыто искренне и честно. Для читателей. Им и судить. Но я читала в прессе только положительные синопсисы и развернутые эмоциональные отклики.

– Может, где-нибудь и поругивают Лену. Я читала, что творческий человек должен быть готовым к тому, что его не будут признавать, и обязан наращивать себе броню. А бывает и так: пытается писатель дать людям тот самый лишний день... а он им совершенно не нужен. Вот что обидно! Помнишь фильм «Тот самый Мюнхгаузен»? Не похоронили бы Ленины книги. У нас всё могут, – заметила Лиля. – Ей бы успеть застолбить...

Но Аню не переговорить. Педагог!

– Лена будто считывает матрицы-судьбы своих героев. Ее сердце чувствует боль и душевный надрыв любого человека, не впадая в ярость, с сочувствием и сожалением. По-моему эта книга об ожидании любви всеми нами. А если попросту, совершенно откровенно, напрямую? Она о бабей тоске, смешанной со злостью и отчаянием. В ней обиды, горечь, боль и смех. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что трудно радостно писать о счастье, если его так мало было в собственной жизни. К тому же, одно дело чувствовать, а другое – иметь способность выразить, преподнести. Лена умеет. Она привлекает своей индивидуальностью и неординарностью.

Что я для себя вычленила из Лениной книги? Она возбуждает и взрывает вулкан недовольства собой, заставляет не только задумываться, но и действовать. Читателю свойственно отождествлять себя с главным героем, даже с отрицательным. Я не ищу в ее книгах подтверждение собственной исключительности, я бросаю в топку ее мнений свои пороки и недостатки. Вообще-то говоря, считается, что самобичевание для юных... и оно давно не про меня. Но все мы и в зрелом возрасте далеко не идеальны, и об этом не стоит забывать. Я не отношу себя к поголовью запойных читателей и к числу чьих-то вдохновенных адептов, но Лена, вне всякого сомнения, заслуживает моего внимания. Мне не всучить абсолютную парашу. Как Слава сказал обо мне? «Ты не рыбка, клюющая на любую пикантную наживку». Он прав. Такое чтиво, братцы-кролики, – без меня.

Рита, призывает нас принять себя такими, какие мы есть, без борьбы. А Лена настаивает добиваться мечты, принуждает искать себя, ставить перед собой новые задачи, расширять горизонты, кислород кружками пить, побеждать в себе угольную темень неверия. «Давайте, залечивайте свои раны и снова вперед!» Наверное, потому, что сама, в этом жизненном хаосе, в беспорядке, всегда была в порядке. В принципе, если рассматривать в целом, ее книга о несбывшемся. О желаемом, но не всеми достигнутом. Мне кажется, что нужно ее героиням, то необходимо большинству женщин. Автору интересен человек в своей парадоксальности. И хотя разум, не самый лучший советчик творца, она рекомендует его не терять. И в этом заключается Ленин особый, очень интересный внутренний микрокосмос, заглянуть в который можно, только читая ее книги.

Лена незаметно подбрасывает нам свои наблюдения, находки, выводы и будто говорит читателю, мол, думай и не во всем ступай по следам моих героев, потому что не каждый человек, защищая свои правила и устои, способен дойти до края. Не всем дано вовремя узреть лик Вечности и отыскать в пространстве бытия имя Бога. Кому-то вернее идти на некоторые себе уступки. Лена заставляет читателя доискиваться, докапываться до глубин, чтобы почувствовать и понять себя. Она не изменяет мир, но формулирует проблемы и подталкивает к их осмыслению и решению. Положительные герои у нее проходят вторым планом, оттеняя остальных, разных. Читателю важно найти свою тему, окунуться в нее с головой и работать, работать... Лена ее нашла. Именно поэтому в ее книгах такая высокая степень жесткой правды.

Мне кажется, она безукоризненно точно попала в жанр «воспоминания», в обманчивую простоту его формы. С гениями прошлого трудно тягаться. Она выбрала правильный путь: быть не лучшей, но единственной в своем роде. Она совершает пешие восхождения на свои собственные вершины. И ей есть еще, чем порадовать своих читателей. Дай Бог ей здоровья. Мне нравится то, что она часто обращается к детству, заглядывает туда, где формируется человек. А еще меня с нею связывает и скрепляет ее по-детски нежная душа и чуткое понимание природы. Но у меня нет таких извилин, чтобы ее описывать. Представляю, чем и как писала бы Лена, будь у нее круг общения и

возможность путешествовать по типу Дины Рубиной и других знаменитых писателей! А то сидит безвылазно в своем заштатном городишке...

Интересно, Лена ожидает «кавалерийских» наскоков или холодных отзывов на свое произведение? Если только со стороны некоторых мужчин? Думаю, она перед изданием пропускает свои книги через их цензуру, чтобы они разнесли их в пух и прах. Как мужчины иногда по телеку «прелестно» брызжут ядовитой слюной! Это подогревает их собственное «я»? Слушая их, я даже стыдливым румянцем заливаюсь, ну просто алею! Мне бы хотелось отозвать любые к Лене претензии, если они вдруг появятся, потому что совесть – ее главный закон.

Мне вспомнились строчки из Лениного письма: «На обложке фото, сделанное через год после больницы. У меня там волосы еще кудрявые от «химии». Видишь, сколько в лице оптимизма, сколько неутолимой жажды деятельности? Из больницы я вынесла любовь к жизни. После операции я ощутила эйфорию, счастье! Я выжила! Я научилась радоваться каждой мелочи. Химии меня крепко «придавили», но не лишили жажды творчества. Я обязана на максимум использовать время, дарованное мне Всевышним. Я должна, не умаляя замысла, найти мощные краски, чтобы донести свою боль до тех, кто еще «не проснулся» к сложному глубинному пониманию трагически-комичной игры жизни и смерти. Думаешь, это мои амбиции? Нет, в этом всеобъемлющее стремление к творчеству. Это буквально так».

– Никто не знает о книге больше, чем сам автор, – остановила Аню Лиля.

– Я слышала, что Лена собирается приступить к рассмотрению проблем современных детей, потому что детские книги помогают их вхождению в жизнь, способствуют проявлению талантов. Задел есть и будто бы уже план набросала. Говорила, что вся книга уже в голове, как в памяти компьютера, осталось только «распечатать». Оно и понятно: идея зародилась, росла, разрасталась... и созрела. Накопила материал... потом было погружение в него... и вот пришло время отдавать. Дай ей, Господи, лет жизни выполнить твою волю! Я ратую за осуществление ее надежд. Но сначала она хочет окончательно разделаться с предыдущей темой, чтобы больше к ней не обращаться и без помех заняться следующей. И работать, работать, пока есть силы...

– Наверное, она поднадоела сама себе с этими грустными женщинами, исполненными сострадания, – улыбнулась Валя. – Мятающаяся душа не знает покоя. Бес в ее крови завелся и толкает к обновлению?

– В новой книге, я думаю, как всегда, будет смесь поэзии и печали. Может, она будет населена в основном положительными героями. Произведение, конечно же, станет базироваться на научных разработках лучших педагогов МГУ, потому что она до сих пор инфицирована любимым университетом, но на выводах, совпадающих с ее собственными мнениями. Так сказать, без оглядки на авторитеты.

...Лена выразила беспокойство по поводу упадка в высшем образовании. Мол, давно ничего не слышала о Новосибирском университете. В шестидесятых он с МГУ, физтехом и Бауманским плодотворно конкурировал. И это шло всем на пользу.

Меняется общество, меняется и сознание людей... Как-то в интернет заглянула. Нет числа тем, кто ни в склад, ни в лад сочиняет. Несут ахинею да еще и гордятся, будто шутки у них на все времена. Все рванули в герои? А на самом деле благодаря интернету «дурак дурака видит издалека». В подтексте много чего должно быть, а текст обязан быть прозрачным.

– Это тебе кажется, что они ерунду пишут. Может, именно среди них надо искать «молодую, здоровую кровь». Вдруг у них одаренность налицо, а куда ее пристроить они не знают. Это не дает тебе робкую надежду... Ухватись за предложение. Не пришлось по душе? Тогда зачехли свою «балалайку». Заканчивай выступать, утомила, – воскликнула Лиля. – Шучу, не держи обиды.

Кира отвлеклась. Ей почему-то вспомнился отрывок из письма Риты. «...Я считала, что похвалить газету всегда найдется кому, а вот совета или полезного замечания можно не дожидаться... Но с тех пор не берет редактор мои статьи. И за что наехала? За что наказала? За то, что я хотела помочь? Себя умнее всех считает? Советы ее оскорбляют? А я прислушиваюсь... Как-то ей очень понравилась моя заметка в журнале. И принялась она уговаривать главного редактора позволить ей перепечатку, но как узнала, кто автор, сразу прекратила переговоры».

Потом она о Ларисе вспомнила: «А ведь если разобраться, она свои книги начала писать уже будучи больной. И по сути дела полностью так и не выздоровела. Поэтому торопится. Бойтся не успеть. Вот откуда в ее произведениях необычайная открытость, искренность и поразительная смелость суждений. Конечно, высказывания не прямые, художественные, обобщенные, как и положено в литературе».

– ...Слишком смелые, не терпящие лжи и несправедливости, долго не живут, – сказала Валя.

– ...Каждый из нас что-то в жизни упустил. Наверное, ни одному творческому человеку не хватает времени воплотить все задуманное, – сказала Аня.

Кира опять отвлеклась от Аниных воспоминаний, а когда вернулась к ним, разговор у подруг шел уже о другом.

...В повести «Двенадцать разгневанных мужчин» Реджинальда Роуза тоже нет движения и лихо закрученного интригующего сюжета. В ней обсуждается главнейший человеческий вопрос: жизнь или смерть? И это завораживает. И у Лены предельно замедленное движение сюжета и другая, но не менее важная тема – счастье-несчастье.

...Разве по писательским канонам на страницах художественных книг нельзя пространно рассуждать об абстрактных понятиях? О религии, например. Кому-то близок мир, где важен Человек, кому-то нужен другой, где ценен Бог. Вот и борются гуманистический реализм и религия. Как и через кого должны говорить люди друг с другом? Кто или что их должно объединять? Бог? Я имею в виду общечеловеческие коммуникации. А разве не любовь? Понимаю, это идеализм. Но не пора ли нам выбраться из темноты недоумства и осознать всю крупность чувств людей, с которыми сталкивает нас судьба, ощутить, какой высоты возможна между ними любовь. Если бы... А кругом несчастные и несущие несчастья Медеи и теряющие связь с реальностью Офелии. Шучу. Но куда же нам без шекспировских

страстей... Они чуть ли не в каждой неудачно составленной семье... Там же трагедия, балет и опера в каждом домашнем «спектакле»... Лучше бы оперетта.

...У буддистов нет Бога. Они живут в полном согласии с квантовой механикой. У них сознание – функция не мозга, но всей вселенной. Оно везде разлито. Оно есть даже у нейрона. Их теория – верх совершенства? И это уже не религия, а мировоззрение. Взять бы у всех религий лучшее... А Эйнштейн писал, что наука без религии – хрома, а религия без науки – слепа. Так считал гений... своего времени. Получается, что наука и религия не конкуренты. Они могут идти параллельными путями и не пересекаться. У каждой свои цели и задачи. А в чем же единство?... Никакого большого взрыва не было? Всё было всегда? Но это же от недостатка знаний... Вот и пойми, кто ближе к истине.

– ...Да, Лена затрагивает старые истины, но пытается осмыслить их в новых реалиях, – вернулась Аня к утерянной нити разговора. – Ведь в жизни так и нет гармонии, справедливости, подлинной свободы, в ней столько случайных испытаний, неожиданных совокупностей невязаных вещей. А что непонятно, то страшно. А когда-то Ньютон утверждал, что весь мир описывается дифференциальными уравнениями. Весь, да не весь. А многообразие человеческих проявлений?... Помните шутку наших ребят с прикладной математики? «В теории все складно, но как оно будет выглядеть в железе?» Надо честно отметить, шутки у математиков всегда были более интересными.

Так вот, в семьях все теории разбивается о какие-то личные дразги, мелкие перипетии. Чего только не бывает, когда сходятся и сталкиваются две стихии: мужская и женская, когда борются разные уклады! Разве Бог создал этот абсурд? Люди должны договариваться друг с другом, а не с Богом. Человеку нужен человек.

...С моей точки зрения все упирается в правду. А она за пределами слов, она в сердцах людей. Кто ее чувствует, у того и гармония, и свобода. Я обнаружила это пространство свободы только внутри себя, в своей любви к миру природы, к детям. А если бы не нашла? Идти к Богу? Нет, не мое это. Хотя...Бог – это не попутный ветер, а то, что нас разрывает изнутри. Женщины чаще жертвуют собой во имя семьи и отдают себя во истинное служение Богу... Зря? Не знаю.

А священники церкви строят. Не гнушаются получать дорогие подарки от бандитов. Видно, много грехов им отпускают во имя церкви, Бога и во свое благо. Крест их к земле не тянет?

Не готовы мы услышать друг друга. Можем только поддразнивать. У одного известного актера спросили: «Если бы ваша жена взялась написать книгу о вашей жизни, как бы она выглядела?» И тот ответил: «Это была бы книга о прекрасной талантливой женщине. И о том, сколько я у нее крови выпил». Шутка-шуткой, но сколько в ней правды! Чем больше ее доля в шутке, тем она грустней. Не умеем достойно общаться? Не хотим? Помнится, в пятидесятые, решая на кухне острые вопросы, наши родители не выгоняли несогласных, признавали за ними право на собственное мнение. В большом ходу было терпение, уважение. А теперь на стену лезем, пытаея отстоять свое мнение. Будто стараемся отработать кем-то нам заранее выданный аванс. Невоспитанные... до безобразия.

И в мире нет покоя. Судьбы государств не должны решать единицы, но пока решают. Мы все пьем из одной реки и надо хотя бы «у водооя» заключать перемирие ради сохранения жизни на планете.

...Мне не нужен Бог, который разрешает войны, отбирает у матерей детей. Мне не нужна религия, которая провозглашает и утверждает тезис Ивана Грозного о том, что любая власть от Бога. Этот гений зла «под эгидой Всевышнего» когда-то уже сломал хребет возрождению Руси... И Гитлер пытался. Зачем повторять ошибки прошлого?

А кому-то неудобен Бог, который заставляет женщин ходить в парандже... Искать или придумывать такого, который бы всех устроил? Есть ли Он вообще? Стоит ли ломать копья?

Кира запуталась в «лирических отступлениях» подруг подруг и ушла мыслями в свои личные воспоминания:

«...Тяжело умирал любимый муж моей обожаемой учительницы. И она мысленно сказала: «Господи! Хватит ему мучиться. Забери его к себе!» И в эту минуту он ушел навсегда. А потом она долго чашку не могла ко рту поднести, руки тряслись... Так совпало? Ангел-хранитель позаботился? Может, и есть какая-то Высшая Сила.

...Возлюби ближнего своего – требует религия. Но этого мало в масштабах планеты. Надо призывать возлюбить всякого, разного: черного, желтого... красного. Чтобы не было глобальных гибелей. Мы, русские, это понимаем и видим в непонимании этого корень зла. Помню, на уроке истории меня потрясло, что в войне с Наполеоном мы взяли Париж, но Францию завоевывать не стали, вернулись в Россию. Доказали не только свою силу, но и человеколюбие, и великодушие! А другие народы? Не преминули бы воспользоваться возможностью? Опять деньги и власть?»

Высокий голос Ани донес до слуха Киры следующие слова:

– Интересно, о чем будет книга, которая станет эпилогом жизни Лены? Подведет итоги и сделает неутешительные выводы? Она будет в той же манере, в той же тональности, что и предыдущие? Закончит на оптимистической ноте? Не обидится, если я завтра на правах старого друга, спрошу ее об этом?

...Хорошо, когда талант продолжительный.

...Любое высказывание не уничтожает объект высказывания.

«Я еще слышу или уже сплю?» – подумала Кира.

– ...Лене очень подходят слова, сказанные об актрисе Фаины Раневской: «Грустных нот в ней ровно половина. Столько же не сыгранных в ней нот». И все потому, что слишком поздно начала писать. Не тому она себя отдавала много лет. Все мы так... И все же в компании талантливых и под надгробный камень рядом лечь не страшно и даже под гильотину.

...Мне интересно в прозе Лены не развлекательное, а человеческое. Люблю, чтобы были настоящие герои, будь то в драме или в комедии, чтобы их жизнь плела кружева, ничего не пуская на самотек.

...Я вычитала в интернете: «Люди, которые читают, всегда будут управлять людьми, которые смотрят телевизор». Интересное замечание.

Аня «возникла»:

– Мне понравилось, что о своих беседах и встречах с читателями Лена говорит, как артисты о своем творчестве: «Я должна выступать так, чтобы вызывать у слушателей яркие положительные эмоции. От их реакции я получаю кайф и заряжаюсь. Если встреча не удалась, я долго нахожусь в состоянии неудовлетворенности и разочарования, меня «ломает»... Но, как правило, не о себе говорит, о своих героях и людях, которые ее сформировали. Может, поэтому ее залы битком? Или умеет организовывать встречи?

...Лена как-то пожаловалась: «Не люблю ставить автографы на клочках бумаги. Автограф – это что-то более ценное, чем просто росчерк».

...Я вот о премиях задумалась. А если какая-то существует уже лет пятьдесят? Но достойные ее не растут как грибы. Не работает ли она на принцип убывания «плодородия»?

Истинного признания надо уметь ждать.

...Локомотивом процесса издания книг должно быть государство или частное лицо? А кому служить рупором и давать творцам крылья?..

Кире надоело вспоминать прошлые Анины пространные рассуждения, а мнение о новой книге Лены она пропустила.

*

Кира улыбулась, вдруг вспомнив, как два года назад она приезжала к Ларисе и они вместе ради смеха изучали по какой-то брошюре линии на своих ладонях. Обе были искренне удивлены странному соответствию предсказаний на руке с их реально прожитыми жизнями. Особенно была потрясена Лариса, найдя на своей ладони четко выраженную линию судьбы – она бывает далеко не у всех, а только у тех, кому заранее предназначено в чем-то себя проявить – и писательскую вилочку на линии, обозначающей творческую натуру. Она тогда грустно заметила: «Знать бы... Если бы я сообразно с этими предсказаниями руководила своими поступками... А я столько глупостей и нелепостей делала!»

Помнится, я тогда спросила у Ларисы: «Инна говорила, что в школе ты постоянно рифмовала, так почему же не пошла по этой стезе?» А она ответила с усмешкой: «Несмотря на то, что чувство ритма и рифмы во мне было заложено с рождения, я всерьез над стихами никогда не работала, потому что период поэтического вдохновения у меня не совпал с временем достаточного ума и мудрости. Были мощные эмоции, но я их растеряла на долгом пути к возможности заняться любимым делом».

13

Снова страницы Зоинога дневника замелькали в памяти Киры.

...Смотрела спектакль. Сравнила любовь Антония и Клеопатры, которые в возрасте, и по сути дела уже прожили свою основную часть жизни, и достигли своих великих героических высот, с юношеским, вернее с подростковым влечением Ромео и Джульетты. У старших – любовь другого содержания. В их отношениях мощная эротическая составляющая. Они опьянены своей связью. У них земное плотское физическое чувство. Оно подобно мгновенному отравлению организма. Они боятся потерять то, чего скоро уже в их жизни не будет... и пытаются им насытиться. (Ха! Львы умирают в борьбе, а не на пьедесталах!) В этом их последнее великое счастье...

Мне не близка романтическая, излишне слащавая любовь. Мне нужна другая подача образа Ромео, с углублением в обе стороны его характера. И в темную, и в светлую. Мой Ромео умный, страстный, деятельный. В нем должно ощущаться сегодняшнее время?.. В юные годы ум и страсть невозможны... Исполнение произведения, безусловно, сильное. Но они – не мои герои.

Вспомнила слово Инны: «В американских фильмах часто показывают торопливый секс: соитие стоя, буквально набегу. Я воспринимаю его как дикое животное удовлетворение физических потребностей мужчины без учета желаний женщины. В нем совсем нет проявлений любви и нежности, а только желание показать: вот, мол, какой я семя, вот как я могу, я такой темпераментный! У них в сексе много грубого, вульгарного. Он часто похож на насилие. А женщины им подыгрывают. Что режиссеры этим демонстрируют, что пропагандируют, чему учат молодежь?»

...И наши некоторые «товарищи» уже смолodu иного себе не представляют, кроме как шлаться по... Не ищут в себе другого предназначения. Какие там высоты! Действия – не всегда поступки. Такие если и ощущают удивительную любовь, то это вовсе не значит, что они пронесут ее через всю жизнь. Очень редко кому из них такое дано. Почему? Из-за полного отсутствия духовной составляющей? Она у них слабее физической? У кого что переборет?

Меня бесконечно трогает эта проблема. Мы в плену всякого... неглавного. В нас много слабостей. Мы часто чувствуем неустроенность души, дискомфорт. Одни от недостатка чего-то в ней, другие от переизбытка того же. Можно любить человека и не быть с ним в браке. Можно даже не иметь с ним сексуальных отношений... И совсем не потому, что не осмеливаешься выразить свои чувства... По всей видимости, чтобы не остудить свое сердце. Как Лена? А права ли она?

...Главное не делать близким больно? А как этого избежать? Надо уметь сказать человеку: «Прости, я ошибалась»? «Прости, я не могу позволить себе...»

Истинная любовь – всепрощающая. Родительская любовь такая. Но она генетическая. Там прощать надлежит. А между мужем и женой? Ее фундамент стоит на моральных качествах, на порядочности?»

Слушала концертный вариант «Ромео и Джульетты». Отдельные арии. Ей и ему за сорок. Я не воспринимала произведение ни глядя на исполнителей, ни с закрытыми глазами. А их «юношеские целомудренные» поцелуи! Нет,

голоса прекрасные... но пятнадцатилетний Ромео с таким низким тембром и с седыми висками... и Джульетта с милыми пышными формами... Ужас. Я была не права.

*

Заходил к моему мужу сосед-рыбак. Сказал мне на кухне: «Никогда ничего не бывает потом». (Знает Чехова?) Я подумал, что не стоит откладывать на потом ту жизнь, которая у меня еще может случиться, и женился во второй раз. Мне интересно жить. У меня все хорошо. В новой семье я менее дерзкий, стараюсь сдерживать свой характер. Не ленюсь, не пью, не курю. Я так люблю жену, что немного робею перед ней. Она такая замечательная! Мы с женой полярные, но так необходимые друг другу! Я мечтаю о детях. Я не думаю о прошлом. Вперед смотрю».

Я спросила:

- А первая жена и те твои дети?..

- Ну что поделаешь... Когда-то мы были командой единомышленников. Я очень хотел детей. Но у меня был прескверный характер. Из-за моих капризов разрушилась наша семья. Не всем дано сразу уметь беречь свое счастье. Мне пришлось долго учиться, чтобы понять, что для женщины семейная жизнь – подвиг, особенно если воевать ей приходится одной. Потому что ей все время приходится чем-то жертвовать.

- И это всё?

- ?

- Вторая жена сумела тебя переформатировать?

- Я сам повзрослел и не захотел совершать прежних ошибок.

- Все глупости и обиды оставил первой семье?

- Получается, так. Я понимаю, детям без меня очень трудно... но...

И другой сосед откровенничал со мной, приняв солидную дозу коньяка.

- С тобой так хорошо пьется!.. (Я вообще не пью.) ...Надоело мне гулять. Я хотел семью, детей. Долго я ее завоевывал любимую девушку: доказывал серьезность своих намерений, четкость целей, полное совпадение наших взглядов. Мама браковала всех моих невест, а эта ей понравилась.

- Она хотела замуж, а тут ты подвернулся, – пошутила я.

- Уважение к профессии и к семье у меня от родителей. Оба работали, дочку всюду за собой таскали. Она спала, где придется. (Знакомая картина. Мои дети тоже часто по субботам в моем кабинете на полу спали.) И как только соцработники ее у нас не отобрали! Двадцать один год вместе прожили. Очко. Мне дороги эти годы, но двадцать два – это перебор. Наши отношения уже перешли в другое качество. Разошлись. Я думаю, мы оба выиграли от развода. (?) Я скоро снова женился. Первая жена в шоке была. Переживала, но камня за пазухой не держала. Старшая дочь враждебно встретила известие, потом смирилась. Вежливо, но с прохладцей относится к маме. Младшей было пять. Она ничего не поняла. Моя мама долго сопротивлялась моей второй женитьбе. Теперь мои жены общаются. Вместе праздники проводим. Высокие отношения! Дети дружат.

- Общаетесь близко, но параллельно. Слишком легко ты обо всем судишь. Первой жене очень больно, но ради дочки она «держит лицо», потому что человек воспитанный. А вторая жена чуть-чуть ревнует... Несправедливость состоит в том, что вторая заняла место первой, а та место второй занять не может, – с грустной усмешкой прокомментировала я исповедь соседа. Я хорошо знала его первую жену. И его маму тоже... очень хорошо. Она в соседнем доме жила. Собственно, я уже ничему не удивляюсь.

Запомнился разговор с коллегой.

- Жить без страстей, без новых влюбленностей не для меня. Я не желаю жить так, как надо кому-то! Не мешайте мне. Я хочу окунуться в чувства с головой, не думая о том, что будет завтра. Хочу жить одним днем, основа и снова влюбляться, отдавать себя всего то одной, то другой женщине, и делать это с легкостью, не считая себя дрянью. Я хочу быть самим собой! Я свободный человек и сам себе священник и Бог. Женат был четырежды. Развод – это стихийное бедствие. Глупо на Природу обижаться.

- А согласна ли с тобой та, другая, пострадавшая сторона? Достаточно ли ей того кратковременного счастья с тобой, и считает ли она эту твою «проходную» любовь своим счастьем? С кого взыскивать за ее издержки? (Дети, аборт, которые так истощают женщину, болезни, отчуждение.)

- ?

Боже мой, как хочется настоящего счастья! Где та точка, из которой расходятся лучики моей радости? И это в моем возрасте... с моей болезнью? Опять я тестирую свою и чужие жизни. Логика теперь не моя сильная сторона?

Я наслаждаюсь небом, читаю, думаю. Захочу, напишу что-то в дневнике, не захочу – не напишу... Это называется дожитием?

Что общего в моей судьбе и судьбах моих подруг? Жанна, Кира, Лариса, Лиля и Аня, как и я, знают, что такое детдом и подчинение. Но Эмма домашняя. Лиля, Лариса и Жанна с детства не знакомы с примерами хороших семей. И что?.. Иногда мне кажется, что истории жизни некоторых моих подруг сложнее и интереснее биографий святых.

Устала писать. Хочется поджать колени, свернуться в позу эмбриона и, скомкав грусть свою, забыться и уснуть. Не

получается.

Ждала такси. Разговаривала с соседками. Обсуждали вопрос, поднятый на телевидении: «Почему женщины стали мало рожать?» Одна соседка выразилась категорично: «Во-первых: мужики пошли ненадежные, во вторых: мужа не хотят много детей. Вторая покачала головой, мол, они всегда были такими. И пример своей семьи привела: «Дед оставил бабушку с двумя малыми детьми и жил в свое удовольствие с бездетной женщиной, мать всю жизнь страдала от измен мужа, мой тоже – кабель дальше некуда, и дочь моя одна воспитывает ребенка. А ведь все мы красивые, умные, добрые и домовитые. Проклятье над нашим родом? А у моей коллеги другая родословная. Бабка ее разбила семью, а сама всех мужиков в деревне перебрала, из тех, которые поддались, дочь ее тоже увела мужа у подруги. И внучка по стопам бабули пошла. Не красотой, а хитростью отличались эти женщины. Мужей своих ни во что не ставили, не больно о них заботились, а те от них почему-то не сбежали. Вот и делайте вывод».

Смотрю в зеркало, вижу постепенно разрушающуюся плоть и потерю привлекательности. Как справиться с ощущением старости, с движением под гору? Я осознаю утрату сил. Я уже не способна на многое. Муж тоже, но он не хочет это признавать. Не чувствует своего старения? Мужской нарциссизм? Искренне верит в свое мужское обаяние даже в старости?

Я, конечно, не смиряюсь. Но это другое. Если востребована моя творческая энергия, то я не чувствую старения.

По телевизору идет «Романтика романса». Я впитываю красоту звуков. Я лечу душу.

*

Раньше, до операции, больна-не больна – я кидалась работать, а теперь позволяю себе часами отдыхать. Вру. Не позволяю. От бессилия вынуждена бездействовать. Ни детям, ни внукам ни в чем серьезно не могу помочь. Если только приготовить что-нибудь вкусненькое или посидеть часок-другой с внучком. С трудом справляюсь с минимумом. Горькие мысли одолевают: «Ну и чего добился? Этого желал? Не умел или не хотел просчитывать последствия своего поведения? А я «счастье» ложками ела, но надеялась, что мой организм все выдержит» Почему я вспоминаю прошлое? Обида грызет.

Раньше я любила наблюдать и изучать других людей. А ведь главное – себя познать. Сколько во мне напичкано противоречивых чувств и условностей! Стыдилась своих пылких чувств к мужу, сдерживала себя, боясь показаться распушенной. Не говорила красивых слов, делами, заботой и терпением доказывала свою верность и любовь. И вот они – бесплодные усилия!

Наша жизнь нуждалась в доработке? Ей не хватало, развлечений, красоты и романтики?

После пятнадцати лет семейной жизни я уже чувствовала, что даже в минуты физической близости мы остаемся разобщенными, чуть ли не чужими. Ощущал ли это Митя? Я опрометчиво вышла замуж? Что осталось в моей душе после всего пережитого?

Жизнь – цепь из любви к семье, к людям, к родной природе, работе и так далее. Если каких-то звеньев не хватает, человек должен чувствовать себя ущербным. Но все ли это ощущают? Почему моему мужу недоступны простые внятные истины?

Бабушка говорила: «Вышла замуж, приноравливайся, чтобы у детей не развивалось чувство неполноценности». Вот и вырастила рабов. Дочь жаловалась: «Почему я бездумно подчинялась мужу? Я твое зеркальное отражение!» Я грустно пошутила: «Семейная сага ничему не учит, а судьба только наказывает».

Я теперь не могу справиться ни с прошлым, ни с настоящим... Из-за Мити болею, а он еще и упрекает меня за редкие вспышки раздражительности и гнева, возникающие по причине неконтролируемой депрессии или от его грубости. А он держал себя в руках, когда, по несколько раз на дню заводился? И продолжает так себя вести. От меня, больной, требует то, что не хочет сам выполнять, будучи здоровым. Он не подозревает, какого труда стоит больному человеку сдерживать свои эмоции, когда его кто-то несправедливо обвиняет или терзает из-за пустяков? А может, нарочно...

Я уже ребенком это понимала, хотя меня никто специально не учил. Мне было жалко людей.

Много лет я искала и находила оправдание Митиному поведению, считала, что ему самому тяжело жить с таким характером. А он, оказывается, жил естественной для него жизнью, не предполагая, что делает что-то плохое, не исполняя много чего нужного для своей семьи, не желая знать проблем, не осознавая своей душевной инвалидности. Заласканный и захваленный он не понимал боли других. Да, он хороший, но только для себя. Он и сейчас живет сам по себе. Но если ему мешают, он взрывается и защищается всеми доступными ему средствами: грубостью, ложью, унижением. Ой вру, иногда муж делал широкий шикарный жест, снисходил. Одно время раз в год по моей просьбе мы в театр выбирались, где он... прекрасно высыпался. Был такой недолгий период. И что с того? Он украсил мою жизнь?

«Чем больше в человеке знаний и увлечений в разных областях жизни, тем он интересней, а у Мити было одно, но какое мощное!» – грустно-иронично усмехаюсь я.

У меня есть сосед, так он утверждает, что жизнь – это хрень по приколу. И живет соответственно... И он счастлив! Зачем ему слушать, думать, знать? А его жена, наверное, мечтала о жизни, осененной взаимной любовью. Она не догадывалась, что главный конфликт жизни – столкновение мечты с реальностью?

Как-то спросила у соседа, откуда у него такие «интересные» словечки, «своеобразные» обороты и шуточные фразочки типа «меня там не лежало»? Ответил, что из телевизора, мол, он рассадник безграмотности, пошлости и жестокости. Не дурак, но хитрован...

А в соседней с ним квартире жил другой мужчина, неплохой, но упрямый и слабохарактерный. Сколько лет жена умоляла его не курить! Послушал, когда было уже поздно. В курении видел «великую» радость? Кто в чем?

*

Как-то очень быстро на обоих глазах у меня образовалась катаракта. «Ничего удивительного. Организм сильно ослаблен, вот и возникают всякие болячки», – сказал доктор. Согласилась на операцию одного глаза. На обследовании оказалось, что у меня «бегающий» глаз. Попросила эту особенность внести в карточку. «Мы не имеем право», – возразила медсестра. «Мы все разные, доктор все должен знать о своих больных, чтобы во время операции не случилось непредвиденных ситуаций. Это облегчит ему работу», – заметила я.

Но обезболивание нам всем сделали одинаковое. Я бы предпочла еще укол, в область виска, так в Москве делают, – напомнила я медсестре. На операции доктор Тарасов проявил чудеса виртуозной техники! Ему удалось в доли секунды между нервными «скачками» моего глаза удалить непрозрачный зрачок и вставить новый, искусственный.

После операции меня обследовали ученики талантливого доктора. И я опять им рассказала о своем непутовом скачущем глазе. Все промолчали, и я решила, что они боятся своего знаменитого учителя. Только один из них – скромный, но из тех, что всё «секут» – очень внимательно выслушал мой рассказ. Думаю, когда станет самостоятельно оперировать, он будет учитывать все недостатки своих больных, чтобы не допускать в работе брака. А вот другой практикант мне не понравился. Самодовольный красавец. У меня сложилось впечатление, что он претендует на первенство среди учеников. Но когда у него не получилось убрать прилипший к главному яблоку «осколок» роговицы, он в раздражении отшвырнул пинцет и отправил меня домой. «Я не хотела бы попасть под нож этому молодому человеку», – подумала я испуганно. А инородное тело размером с просяное зернышко целую неделю меня мучило: страшно болела голова, я исходила слезами. Но мне повезло, белый шарик все-таки «выплыл» наружу, принеся мне удивительное облегчение, и я вместе со слезой осторожно сняла его на свой палец.

*

Ходила с внуком в зоопарк. Наблюдала любовь медвежьей пары. Они сидели на автомобильных шинах как люди, свесив «ноги». Она все ластилась к нему. Он был безразличен и будто чем-то обижен. Она прижималась к его груди и мледа. Потом он почему-то, высоко задрав морду, долго смотрел в небо, а она, пересев на другую шину, не сводила с него умильного взгляда. Когда мы с внуком снова подошли к клетке, медведи сидели на одной шине рядом, как люди на лавочке. Большой одной лапой обнимал подругу за «шею», а другой разглаживал ей шерсть на животе. Поразительно нежная картина! Вот и поверь после этого, что у них нет души! Сходство с людьми усиливалось еще тем, что медведи не лежали, как я привыкла их воспринимать, а сидели. Может, то были цирковые животные на пенсии, но чувства у них были настоящие. Они способны на эмпатию! Иногда мне кажется, что «братья наши меньшие» гораздо ближе к нам, чем мы о них думаем. Я не раз замечала у животных особенное поведение. В детстве у меня была умнейшая кошка. А когда она умерла, мне принесли совершенно глупую. Я очень скучала по первой. С каким вниманием она изучала наше поведение! Всё как у людей.

Ведь если принять, что человек – тоже животное, то получается, что многими свойствами его наградили «предки», а он их только развил. Наша душа – вместилище опыта всех тысячелетий. Она – определенная структура в мозгу или распределена во всем теле? А Сознание – это процесс и одновременно – наши субъективные ощущения. Оно – результат работы мозга и души.

Ребенок – не чистый лист, в нем эволюционно с рождения много чего заложено. Это его внутреннее «я» и есть душа. И у всех она разная. Я всегда ее чувствовала. Она контролировала и направляла меня. Душа с годами меняется. Она «прирастает» внутренней активностью мозга и внешними условиями. И сознание меняется. Если душа не созрела, допустим, от недостаточно хорошего воспитания, она может не воспринять что-то новое и полезное. Человек таков, какова его душа.

Мне не верится, что душа бессмертна, что душой наделяет Бог, а не родители. Одно смущает: «Почему она иногда «говорит» со мной мужским голосом? Может, из глубины веков идут мне от предков подсказки? Они заложены в моих генах и в важные моменты моей жизни всплывают в сознании? Кто-то их слышит, кто-то нет. До кого-то доходят их волны, кого-то они минуют. Что значит «человек воспринимает на уровне интуиции»? Я склоняюсь к мысли, что на уровне развитости своего мозга и души. И тут дуализм. Он всюду и в философии, и в биологии, и в физике.

Мне кажется, что человеку интересно жить, потому что он думает сознательно. Он понимает, что думает, что развивается! Я слышала от иностранцев, что мы, русские, слишком серьезные, и нам надо бы шире и проще смотреть на многие вещи. А это качество у нас от того, что мы во всем стремимся дойти до сути. Но и у нас не всегда «ум и сердце в ладу». Случается, что захлестывают эмоции. И у животных есть душа, но она менее развитая. Когда-нибудь я внуку расскажу об этом.

*

Ремонт затеяла. Но сама, как раньше, заниматься им уже не могу. Силы не те. Митя глубоко и подробно изучил новейшие материалы и их цены, ознакомился со способами выравнивания стен и полов. Нанял работников из ближнего зарубежья. Я попросила мужа не платить им за проделанную работу в конце каждого дня, а рассчитаться только по выполнению всей работы, по результату, чтобы они не имели возможности в любой момент «соскочить», если вдруг наворочают невесть что. Я слышала, что приезжие хватаются за любую работу, торопятся заработать и часто не придерживаются технологий, а иногда и вообще о них понятия не имеют. Сбежали наши «мастера». Зато со следующими специалистами повезло. Юноши из Узбекистана работали быстро, четко, честно.

Потом муж привел мастеров по оклейке обоев. Я почему-то сразу усомнилась в их способностях и компетентности, о чем и сообщила ему. Он, конечно, проехался по моим экстрасенсорным данным и настоял на своем. Я опять влезла со своими советами и тут же получила ехидное замечание по поводу примитивных домашних дел, умение вести которые я пытаюсь поставить себе в великую заслугу. Отступилась. А в результате ни обоев, ни бордюрной ленты не хватило. И звезды на стенах как на волнах качались, вместо того, чтобы выстроиться в прямые линии, как на параде. Нанятые дешевые мастера понятия не имели о том, как разрезать обои и совмещать рисунок.

Но Митя категорически отказался менять «специалистов». Я проинструктировала их по полной программе. Они молча прослушали лекцию, но коридор опять оклеили без учета правил. К тому же я обнаружила на полосах обоев кое-как залепленные порывы, неровные стыки, желтые подтеки и косые морщины. Конечно, расстроилась:

– Нам теперь несколько лет смотреть на эту жуть? Если тебе плохо сошьют костюм, ты его будешь носить?

Муж возмутился:

- Все тебе не так! Я большие деньги на ремонт потратил! Мне их коту под хвост кинуть? Я докуплю обоев и сам переклею те места, где есть дефекты.

Я спросила:

- И сколько докупишь? Ты же не представляешь технологии снятия обоев. Деньги потратишь впустую. Доверься мне. Не может человек быть специалистом во всех областях жизни. А у меня опыт нескольких ремонтов. Ты не думаешь о том, как лучше выполнить ремонт, тебе главное доказать, что ты прав, если даже не прав. Мне было бы приятно, если бы ты нашел лучшее решение вопроса. Я бы не рефлексировала, не завидовала, а гордилась тобой. Я всегда с удовольствием подмечаю все то, что ты удачно и красиво выполнил. Тебе хорошо и мне тоже. Вот и ты делай так, чтобы каждый наш день запомнился чем-то радостным.

Пришла дочь. Принялась сдирать обои. Я лежу в спальне и сердито бубню себе под нос: «Скупой платит дважды... Как же, ты так умен, что нам каждый раз уметь попасть в твою мысль - большая проблема!» Разошлась, расчиховалась без меры. Понимаю, у Мити в общении с семьей самое любимое слово «нет». Он человек по имени «Нет». Сколько раз говорила: «Отрицать проще всего, а ты попробуй сначала разобраться, а потом ответ давай. Говоря «нет» ты же сам себя загоняешь в ситуацию, из которой трудно выйти». Лежу за закрытой дверью, наспех набрасываю на холст своей памяти эскизы прежних, сделанных мной ремонтов, ищу варианты, чтобы было что посоветовать дочери.

Нравится Мите иметь хороший инструмент, чтобы любоваться и хвалиться, а пользуется им раз в год по заказу. И если что-то делает, то с выражением первооткрывателя на лице. Ему бы всю эту радость в детстве и в молодости познать...

Печку для хлеба купил, поигрался и бросил. Огромную сушилку приобрел. И она стоит без дела. Любит игрушки. А фритюрница, соковыжималка и т.д. Но попробуй только возразить... Вот и молчу. Себе дороже... Хотя бы посоветовался со мной или спросил, что мне нужно и какой марки. Он во всем «теоретик» самого высокого уровня. Знания ему нужны, чтобы указывать и приказывать жене там, где его не просят. Я сержусь: «На работе командуй, сколько душа желает, а ко мне не приставай. На кухне я пока что хозяйка, а ты - помощник».

Четыре года «изучает» устройство электрической духовки. Мне теперь трудно осваивать пятидесятистраничный «талмуд». Надеюсь, к пятилетнему юбилею запустит.

*

По линиям на руке Митя рожден без определенной цели Всевышнего. Корабль без пуля и ветрил. Вот и плывет туда, куда кто-то сильнее дунет. И как всё это можно было разглядеть в молодом человеке?

Прошу мужа подать мне сыр, который лежит на второй полке холодильника. Он шарит на верхней полке. «Ниже», - подсказываю я. Он «перескакивает» через две полки. «Я всегда четко формулирую свои просьбы», - говорю я и отворачиваюсь, чтобы не нервничать. Пусть делает, что хочет. Обойдусь без сыра.

Сколько раз просила мужа: ошибся, исправь все тихо без шума. Так нет же, как это он, мужчина, женщину станет слушать!

Даже когда делает добрые дела, столько злости изливает, что вся радость пропадает. И что это за помощь, за которую тут же попрекает? Чувствует при этом удовлетворение? Это вроде платы за то, что сделал что-то полезное для семьи? Кричит на людей, которые не могут или не хотят ответить ему тем же? На жену, на детей. Это у него называется интеллигентностью? Как-то не выдержала, заметила, будто вскользь: «Кто творит добро в молчании, тому воздается во сто крат больше». И что он мне ответил? «Мне твои слова как шли, так и ехали». Уважил.

Митя такое поведение считает нормальным, он так воспитан. Его мать восхищается собой. Как же, она простая, необразованная, унижает невестку с высшим образованием! О такте, о тонкостях взаимоотношений в их семье слыхом не слыхивали. Меня их наглость шокирует. А я не могу позволить себе грубить, кричать на весь дом. Вот и молчу. А что я могу им противопоставить? Поражаться, обижаться, взывать к совести - вот и весь мой арсенал, это всё, на что я способна. А Васька слушает, да по-своему поступает. Мой муж никогда не признает своей вины, потому и не меняется в лучшую сторону. Много раз пыталась с ним беседовать на эту тему - не понимает. Он словно из другого мира. Люди, оказывается, могут говорить об одном и том же, но совершенно не понимать друг друга!

А в студенческие годы, я была для него «солнышко лесное», потому что мы нашли друг друга в лесу на туристическом слете. Но тогда рядом с нами не было его мамы. В какой-то момент я поняла, что Митя стал изменять с тех пор, когда перестал бояться меня потерять. А когда-то я была для него недосыгаемой... Помню, Митя спросил у своего друга: «Как она тебе?» А тот ответил: «Она для тебя слишком красивая». Я случайно услышала их разговор.

«Мог бы с юмором, с шуткой, как ты умеешь, сказать о моей ошибке. (Какой я ему комплемент отвесила!) Помнишь, как я сделала тебе замечание после уборки квартиры? «Утренний луч солнца коснулся плитуса, а он оказался мохнатым от пыли, как наш нелюбимый мной кот!» Я сказала и так весело рассмеялась, что даже ты не заподозрил меня в насмешке. А мне было не очень приятно, что я никак не научу тебя качественно пылесосить. Я все, что мне по силам, стараюсь делать на совесть, но всегда не без оснований опасаясь, что не заметишь, не оценишь или, что еще хуже, хвали за какую-то ерунду, по привычке сыронизируешь, что-то типа «высокого класса» моего мастерства в «великом» виде хозяйственной деятельности страны. И ведь понимаешь, что это мне неприятно, но не можешь отказать себе в удовольствии... И главное даже не слова, интонация.

Да, пока я была здорова, у меня всегда было в квартире чисто, хоть с полу ешь». Все успевала, и на незаслуженные шпильки реже обижалась. Боже мой, когда это было? В прошлом, поросшем мхом двадцатом веке... Вот и я стала занудливой старухой.

Считает себя умным, а думать не умеет. Понять и вызубрить какие-то научные знания в определенном объеме не так уж трудно, а вот научиться строить взаимоотношения намного сложнее. Этому, если не привилось в детстве, надо учиться всю жизнь.

Как мы, люди, еще далеки от понимания гармонии сосуществования в семьях, в мире!

На рынок невозможно с Митей ходить. Прошлый раз похвалила его женщина, торговавшая грушами, так он у нее купил целую сумку наполовину гнилых недозрелых груш, и мне пришлось их потрошить, пытаюсь выбрать хоть что-нибудь пригодное для еды. А я хотела купить один килограмм, но качественных, вкусных, чтобы есть с удовольствием. Чуть не разревелась от обиды. После болезни, я совсем как малый ребенок стала. А мой муж по-прежнему от любой похвалы впадает в какое-то странное состояние эйфории и ничего уже не соображает. И тогда его можно на любую глупость толкнуть. При этом ему бесполезно говорить: «Сначала думай, потом делай». А говорят, женщины живут эмоциями.

Решила не позволить мужу купить плохой товар. Воспротивилась, мол, не нравится мне этот, хочу тот. Так он опять перед торговкой нагло расхваливающей свой никудышный продукт решил показать кто в доме хозяин. Как хорошо, что я много лет ездила на рынок одна! Физически было тяжело, зато нервы сберегала. Из двух зол я выбирала меньшее. Но теперь мне не по силам самой делать покупки, вот и приходится выслушивать дерзость и наблюдать глупость.

С дочкой Митя такие же номера откальвает, чем доводит ее до истерики. «Мама, папа эту чужую торговку уважает больше меня. Он при ней меня обругал и назло мне скупил весь ее недоброкачественный товар, – жаловалась она мне. – Я уже зареклась просить у него помощи».

Может, Митя этого и добивается? Ведь и в молодости он так же вел себя, чтобы я отстала от него и все делала сама. Но теперь ситуация изменилась и он, как всякий нормальный человек, должен ее учитывать.

Митя из тех: «кто меня похвалит, тот мой лучший друг». Меня же он не хвалит, чем бы я его ни радовала. А если и отмечает, то всегда с иронической интонацией, с кривой ухмылочкой. Когда я обижаюсь, он удивлялся, мол, не пойму в чем дело. Не помню, чтобы он душевно или радостно поблагодарил. Будто вообще не умеет. Но ведь перед сотрудниками распинается из-за каждой мелочи! Почему? Спросила. Ответил: «Они для меня деньги зарабатывают». Рассмеялась: «А домашняя работа ничего не стоит? Найди домработницу, которая тебя бесплатно станет обслуживать».

- Когда я такое тебе говорил?
- Я не запоминаю твои бзйки.
- Так записывай, конспектируй, стенографируй!
- Приму к сведению. Теперь для этого время у меня найдется.

По радио ругают водителей, которые во время поездки на полную мощность включают в салоне музыку. Муж активно включается в критику:

- Дураки! Твари! У них же внутри машины все трясется.

Я раздраженно замечаю:

- Зачем ты так грубо?..

Муж перебивает меня:

- Неправда, что ли? Они же идиоты, дебилы подонки!

- Ты этими комплементами сам себе приговор вынес. Почему ты других, пусть даже заслуженно, ругаешь, а за собой не замечаешь такого же гадкого поведения? – удивленно спрашиваю я.

- Я? Ты с ума сошла? – искренне возмущается муж.

- Забыл, как в квартире на полную мощность включал музыку через огромные колонки? Мне с дочкой становилось дурно, но тебя это не волновало. Тебя ничем невозможно было унять.

Муж ничего не ответил. «Надо же, неужели поумнел? – обрадовалась я. – Дай-то бог. Наверное, ему невыносимо неприятно слышать мои замечания? Ему – такому идеальному, живущему каждый день с ощущением праздника в душе! Мне не хочется портить ему настроение, но надо. Ничего, пусть вспомнит какой «вклад» он вносил в нашу семью, и наконец-то окончательно прозреет и исправится. Тогда, хотя бы последние годы нашей совместной жизни будут сносными.

Рано возрадовалась. И минуты не прошло, как Митя взорвался: «Не выдумывай, такого никогда не было!»
Поежилась: «Ну вот, опять получу порцию несогласия, возмущений и обвинений». И, конечно, вопли не заставили себя ждать. Я увлеклась дидактикой?

Отключили горячую воду. Нагрела в кастрюлях. Выкупалась, легла. Муж отправился в ванную. Слышу: крик, брань.

Что случилось? Ногу обварил! Полечила, успокоила, помогла помыться. Господи, до чего же не приспособленный! Бесится, просто сатанеет от того, что теперь не нянчусь с ним? Поэтому все у него из рук валится? А зачем до болезни доводил? Совсем как малолетний, капризный ребенок. Даже чистое белье сам себе взял из шкафа не хочет. В чем проблема? Искать не надо, оно аккуратно стопками разложено на отдельных полках его шкафа.

- Митя, обращай, пожалуйста, внимание на то, чтобы «гусак» смесителя носом в ванну смотрел, а то за ночь с него столько накапает, что придется с соседями снизу разбираться.

- Почему ты мне говоришь «обрати внимание», а тебе так не надо?

- Я уже обратила, вытерла на полу лужу.

- Какую лужу? После моего купания на полу было сухо. Опять на меня сваливаешь вину непонятно за что?

- Почему «опять»? Причем здесь твоё купание? Я тебя ни в чем не обвиняю. Я говорю о том, что у нас подтекает кран.

- И что из того?

- «Гусак» оказался между раковиной и ванной, поэтому на полу образовалась лужа. Ты мог не заметить, случайно его повернуть.

- Сама виновата! - опять раздраженно прервал меня муж.

- Я не заходила в ванную комнату после того, как ты принимал душ. Спокойно выслушай меня. Я просто прошу тебя быть внимательней. За ночь может образоваться протечка в полу. Зачем нам доставлять себе лишние хлопоты, а соседям неприятности?

- Не может быть, чтобы за час образовалась лужа.

- Проверь. Я не стала бы по пустякам тебя беспокоить.

Муж вскакивает. Я демонстрирую «опыт» и тихо говорю: «Нельзя было верить мне и сразу принять к сведению?»

Ушел в зал без комментариев. Не раскричался. Удивительно. Сочту за добрый знак. Только после семидесяти начал учиться нормальному уважительному общению. Естественно, что ему трудно. Может, вспомнил мои вчерашние слова: «Мы все имеем право на ошибки. Не надо считать себя идеальными, непогрешимыми, самыми умными, и жить сразу станет проще и легче. Мы оба должны в мелочах быстро прощать друг друга. Не стоит бояться маленьких споров. Они неизбежны по причине наших взрывных характеров или болезненных состояний».

Целую неделю напоминаю Мите о том, чтобы сменил лейку в ванной, потому что крепление износилось, и она падает во время пользования душем. Не верит. Кричит. Прислушалась, может, что нового услышу? Нет, как всегда или лжет, или ахиною несет. Когда дочь кричит, так хотя бы понять можно, что обвиняет меня во всех смертных грехах. Если я начинала на примерах доказывать несостоятельность ее заявлений, то она, извергая абсолютно абсурдные вещи, доходила до истерического визга. Все ясно. Ничего не поделаешь: яблочко от яблони... Дай Бог терпения.

Сегодня, наконец, Митя сменил насадку, потому что она «удачно» свалилась ему на голову.

Какая же я стала мелочная, противная...

Поссорилась с Митей из-за внука. Он не понимает, что вылезать из холодной воды на речке в жаркий летний день полезно для закаливания, а распаренным, из горячей воды дачного уличного бассейна в среду с температурой воздуха много ниже - опасно для незакаленного ребенка с ослабленным иммунитетом. Примеры приводила. Не убедила. Заболел внучок. Митя посчитал этот факт случайным совпадением и поставил свой диагноз: инфекция. Сын его поддержал. А это значит, пройдет некоторое время, и они повторят эксперимент. Моего опыта им мало, надо обязательно своим обзавестись. Остается надеяться, что эксперименты моих любимых мужчин не сильно скажутся на здоровье малыша.

К вечеру совсем слабо чувствую: ноги с трудом передвигаю, если согнусь, не сразу разогнусь. Потребовалась мне книга. Я кое-как выволокла тяжелый ящик из шкафа на пол и копаюсь в нем. А Мите приспичило на балкон кастрюльку с супом вынести. Мне трудно стоять, низко наклонившись, я в такой позе не могу переступить ногами, чтобы освободить путь к балконной двери. Да и смысла в том нет: ящик все равно мешает свободному проходу. «Оставь суп на кухне. За три часа он остынет, и я перед сном сама его в холодильник поставлю, - прошу я, не разгибаясь.

А Митя меня словно не слышит. Стоит надо мной и долбит, долбит тем, что я будто бы не хочу понять, что в холодильник нельзя ставить горячее. У меня нет сил спорить, мне тяжело слушать ругань. Я молча развязываю шпагат, беру нужную книгу, кое-как заталкиваю картонный ящик на место, осторожно распрямляю спину и пропускаю мужа на балкон. И все это я делаю под аккомпанемент все нарастающих разъяренных криков и обвинений во всех смертных грехах. Как же! Он работает, держит кастрюлю, а я не ценю его труд! Все внутри меня клокочет от обиды. Уже старик, а так и не нашёл сочувствия к человеку, с которым прожил пятьдесят лет. Его эгоизм проявляется ежеминутно. Нет, чтобы предложить свою помощь. Об этом и не мечтаю. Хотя бы не мешал, не трогал. Ему не дано счастья совместного преодоления трудностей жизни.

Придя в себя, стала с обидой выговаривать мужу: «Разве ты не мог молча подождать пару минут на кухне пока я достану нужную мне вещь? Тебе важнее было настоять на своем, не учитывая состояния моего здоровья? А когда не вышло, разразился руганью? Ты, здоровый, не можешь понять меня больную? А я жалела тебя, когда ты болел.

Сегодня из-за твоей несдержанности я опять всю ночь спать не смогу, а на следующий день плохо буду чувствовать. Тебе это нужно?»

- Я нес кастрюлю, хотел тебе помочь.

- Чем? Криком? Помогают с любовью, а не со злостью.

- Всё тебе не так! - заорал муж. И понесло его...

Я молча выслушала его нападки и, улучив паузу, продолжила свою мысль:

- Почему же всё? Мне не нравится твоя грубость, несдержанность, нечестность обвинений. Я говорю коротко и логично. Это ты рассусоливаешь и в ругани не знаешь удержу, копаешься, ищешь к чему бы прицепиться. Зачем эти пустые словоизвержения? У тебя болезненная тяга к выяснению отношений или к их запутыванию? То, что ты мусолишь часами, я могу разрешить, как говорится, «в одно касание». Оскорбляя, ты и меня вынуждаешь спорить, защищаться.

- Это я от тебя защищаюсь.

- Методом нападения? Не будешь нести ахинею, не придется оправдываться.

- Ты меня совсем отучишь разговаривать.

- Это ты затыкаешь мне рот грубостью. Разговаривай так со своей родней раз им, как и тебе привычной ругаться, а со мной веди себя достойно, по-мужски: мудро молчи или отвечай степенно, конкретно, советуй коротко и весомо. Не разводи демагогии. Со мной не надо слюной брызгать или часами брюзжать. Мне не нужно долго разъяснять элементарные истины, я понятливая. Знаю, трудно сдерживаться, но ведь надо. Я затеяла этот разговор в надежде, что ты, наконец-то, поймешь меня, - сказала я и посмотрела на Митю взглядом, который он мог бы справедливо расценить как горько-сочувствующий. Но мужу он показался ненавидящим. Ему не нужно в меня вглядываться. Он просто так считает и его мнение для него истинно.

Может, он на самом деле, где-то глубоко внутри себя, в подкорке, в подсознании понимает, что заслуживает ненависти, но скрывает это? Ой, ли! Не умеет он ставить себя на место другого. Только о себе любимом радеет. Зерна моих объяснений, как я ни стараюсь, не находят благодатной почвы, не приживаются и не прорастают. Я сею их в пустое пространство его души.

Кире вспомнился случай в автобусе. «Водитель делает крутой поворот, а девица, которая наконец-то откопала на дне сумочки свой кошелек, подает ему деньги, мол, возьмите. Ей, видите ли, трудно чуть наклониться и положить деньги на столик рядом с водителем. А тот из-за нее должен держать руль одной рукой, рискуя попасть в аварию? Да и не обязан он брать деньги из рук пассажиров. Так она упрямо стояла, настаивая на своем. Молодец шофер, даже не глянул в ее сторону, за дорогой внимательно следил. Спуск был очень крутой. Не выдержала надменная девица, швырнула деньги водителю и, взбешенная, расталкивая людей, двинулась в конец салона». Вот и Зоин муж из категории требующих. Интересно, свой характер он проявляет только дома или на работе тоже?

*

Кира мыслями вернулась к дневнику Зоин.

...Мне припомнилась небезызвестная, шутивая песенка, которую муж издевательски напевал в моменты моих горьких обид, когда я со слезами на глазах уходила от него на кухню или в спальню к детям.

«Прошу прощенье за резкое движенье.

Я вас толкнул, но что же делать мне?

Вы так вели себя, что лопнуло терпенье.

Теперь страдаете по собственной вине».

Я плакала, а он весело, беззаботно напевал и гордился собой.

Прошу мужа сделать звук телевизора чуть тише. У меня барабанные перепонки вибрируют. Уши болят. Он демонстративно выключает телевизор и берет в руки газету.

Все понятия у Мити с ног на голову перевернуты. Что такое семья, честь, достоинство, уважение, сочувствие, взаимопомощь не понимает. Все я, мне, меня... А ведь если бы о других больше думал, чем о себе, ему было бы легче жить.

Я ною? Но ведь не вслух.

- Я пойду в хлебный отдел булок купить, а ты захвати этот мешочек с сахаром, - говорит муж. - В нем всего десять килограммов.

Привык, что я всю жизнь как ломовая лошадь вкалываю? Забыл, что после операции мне нельзя поднимать больше трех? Понимаю, он так шутит. Но меня подобные шутки обижают. Вышли на улицу.

- Когда ты внушал мне, что больной, я так не шутила над тобой, боялась обидеть, малейшим намеком задеть твоё самолюбие. (Я согласна была принять его слова за неудачную шутку, чтобы не предположить худшее: бессердечие, издевку.) А ты обижался даже на те слова, которые никоим образом тебя не касались и не должны были рассердить или растревожить, - тихо и грустно заметила я.

- Вечно ты на меня наговариваешь, - не заметив моего примирительного тона, закричал муж.

- Вечно? Я только теперь, заболев, стала тебе возражать и делать замечания «не отходя от кассы», чтобы ты потом не сказал, что этого не говорил. Я много лет не отвечала на твои колкости, оберегая детей от скандалов, и считая, что большого нельзя волновать. А ты не просто нервируешь меня, ты издеваешься.

- И тут я крайним оказался? Шуток не понимаешь, - прервал меня муж.

- Почему же, понимаю? Если шутка исходит от тебя, ты считаешь, что я должна смеяться, но если нечто подобное скажу я - ты взрываешься. Так у кого нет юмора? К тому же ты, как правило, не шутишь, а зло ехидничаешь. Знаешь, по тому, как шутит человек можно многое о нем понять. Прислушайся к своему сыну и поучись у него милой доброй иронии. Может, проникнешься.

А что происходит с тобой, когда я начинаю говорить твоими фразами, намеренно, для эксперимента слово в слово повторяя твои грубости? Без мата, конечно. Ты бываешь вне себя от ярости, приходишь в бешенство. Значит, я должна терпеть твоё хамство, а тебя так не тронь? Ты думаешь, мне приятно повторять твои «перлы»? Но я их иногда произношу в надежде, что ты задумаешься над своим поведением, поймешь как оно гадко и исправишься. Не сразу, конечно. Но годы летят, а ты все тот же. Разве я не заслужила своим ангельским терпением хоть в старости пожить спокойно, в уважении, понимании и внимании? Я щадила твоё самолюбие, берегла твоё здоровье, не напрягала домашними заботами и все ждала, что повзрослеешь, одумаешься, подбреешь. Но нет. Грубое твоё нутро так и лезет из всех щелей. Недаром говорят: матери воспитывают мужей, а не жены. Что породой и воспитанием заложено, крепко укореняется, не перешибешь.

У меня, наверное, врожденное позитивное отношение к людям. Первое, что приходит мне в голову, если у кого-то случается беда: чем я могу помочь? И уж тем более, если это близкий человек. А ты... Получается, что только в сказках, как аукнется, так и откликнется.

В ответ получаю крик, ахинею. Успокоившись, задумываюсь о своём поведении. Переняла Митину манеру общения? Вредная, занудливая стала, контроль над собой теряю. А может, и злая? Будто мщу мужу за нанесенные им обиды? Нет, от бессилия завожусь. Никак болезнь из меня не выходит. Число недугов только прибавляется. Ноги дрожат, сердце как тяжелый камень. Всего не перечислить. Болезнь кардинально меняет качество жизни, нарушает её ритм. И характер корректирует не в лучшую сторону.

Вожу внучку в бассейн. Не умея плавать, она смело бросается в воду, ныряет, кувыркается, будто это её родная среда. Тренер от неё в восторге.

Каждый день учим с внучкой уроки. Потихоньку до неё добираюсь, ложусь на диван и проверяю написанное, решенное. Вслух читаю ей не только учебники, но и художественную литературу. К приходу дочери с работы, как правило, успеваем справляться со всеми заданиями.

Муж постоянно исчезает из дома, тихо выскальзывает и пропадает надолго. Я запрещаю себе думать о том, куда он уходит. Искать, выслеживать? Не стоит он моего унижения. И вдруг одним днем я решила, что мне наплевать на его фокусы! Теперь его личная жизнь как бы внешним фоном проходит передо мной. Я на неё словно из вагона поезда смотрю. Подруга рассказала, что чувствует себя счастливой, потому что забыла все плохое, что было в её замужестве. Мне труднее, моя канитель ещё тянется. Не всегда получается себя настроить. Но я хочу жить и по возможности радоваться.

Пришел к нам в гости одноклассник Мити. Сидим, вино домашнее потягиваем, ведем неторопливую беседу. Я, как хозяйка сразу не могла позволить себе оставить гостя, чтобы заняться своими делами, но подумала: «Может, им надо тэт а тэт поговорить? Но муж никаких знаков не подает». И вдруг он в фривольной, неуважительной форме, пренебрежительным тоном, заявляет мне, мол, не пора ли тебе заняться своими прямыми обязанностями. Некрасиво поступил. Я внутренне вспыхнула, напряглась и быстрым шагом молча вышла из комнаты. Понимала, что если попытаюсь ответить даже шутливо, то просто разревусь. И как бы я выглядела в глазах гостя? И неторопливо не смогла выйти по той же причине. Нервишки мои совсем слабые стали. А если бы ответила? Нарвалась бы на издевку и насмешку мужа. Он же в своём «начинании» всегда доходит до конца. И я опять выглядела бы не лучшим образом. Гость, наверное, понял мое поведение как беспрекословное подчинение мужу? А может, счел его слова бестактными? А как бы он воспринял мои слезы?

- Твое банное полотенце уже полдня лежит на моей постели. Ты собираешься в душ?

- Не нравится, могу его на пол положить.

- Зачем ты сразу в кошки-дебoshки лезешь? - не понимаю я раздражения мужа. - Я просто напомнила. Может, ты о нем забыл.

- Ты еще скажи, что иначе оно неделю будет валяться.

- Твое банное полотенце на самом деле обычно по неделе «сушится» в моей спальне, но я же не упрекаю тебя, а молча убираю в шкаф.

- Собрались в гости к сыну. Я в пальто стою у двери. Телефонный звонок. Муж долго говорит с сотрудницей, что-то советует, рассыпается в сочувственных фразах (Мне бы хоть раз так посочувствовал). Напоминаю, что жду его. В вялом режиме беседует еще пятнадцать минут. Чувствую, им уже нечего обсуждать... Вечером попыталась выяснить причину упрямства мужа.

- Она начала разговор и она же должна его закончить.

- Она могла не знать этого правила. Может, ей неудобно заканчивать первой. Ты же начальник. Ты бы сказал, что тебя ждут, что торопишься, извинился бы и повесил трубку.

- Нет уж! Чтобы она подумала, что мною командуют!

- Что за чушь. Как из этого факта можно вывести, будто ты подкаблучник? У тебя обострение мнительности? Это уже слишком. Твоя сотрудница наверняка слышала, как я просила тебя поторопиться. Своим поведением ты только доказал свою невоспитанность и неуважение к своей семье. Для тебя важнее поболтать о пустяках с чужим человеком, чем поторопиться к сыну? А может, все много проще: ты используешь любой повод, чтобы заставить меня нервничать?

Звонки продолжают ежедневно. Когда Митя на работе, это женщина по несколько раз за день поднимает меня с постели. Я объясняю ей, что не здорова и прошу звонить моему мужу на мобильный. Бесплезно. Ей, видите ли, не хочется долго говорить по мобильному. Это вредно для ее здоровья. Я не выдерживаю и опять затеваю разговор с мужем.

- Эта женщина замучила меня звонками. Ты зависишь от нее?

- Нет, это наша уборщица.

- Так почему же ты позволяешь ей отнимать у тебя личное время. Пошути, скажи, что твой час стоит очень дорого. Скажи ей, что если каждый сотрудник станет разговаривать по часу, то у тебя совсем не останется времени на личную жизнь.

- Я не могу ей отказать, она просит совета.

- Пусть звонит тебе на работу.

- В рабочее время мне некогда.

- Пусть звонит после работы, когда ты уже дома. И сократи время бесед. Что это за проблемы, которые вы решаете вот уже на протяжении недели?

- Прекрати, ты делаешь мою жизнь невыносимой.

- Пока что этим занимаешься ты. Я прошу тебя защитить меня от этой настырной женщины. У тебя не хватает ума справиться с ней? Почему ты позволяешь ей тобой командовать?

- Не лезь в мои дела. Черт с тобой, скажу ей, чтобы не звонила, только дай мне досмотреть фильм!

- Значит, для моего покоя ты бы и пальцем не пошевелил и согласился поговорить с уборщицей только ради того, чтобы заткнуть мне рот во время фильма? А почему ты надолго оставляешь телевизор, если даже пьяный сосед попросит тебя что-то починить в его квартире? На этот счет у тебя есть какие-нибудь соображения? Ты его уважаешь больше себя? Значит, опять мне ждать от тебя непонимания, новых сюрпризов и фокусов, - тихо и грустно говорю я и ухожу на кухню.

Митя, конечно, соврал. Эта женщина продолжала звонить и днем, и вечером, часами перетирая с моим мужем свои проблемы.

Сходила с внучкой в школьную столовую. Она не хочет есть котлету. Попробовала. Какая гадость! Разрешила покупать, то что ей нравится. Она с удовольствием ест салаты из свежей капусты, красный свекольный борщ и всякие супы.

*

Митя из плеяды непрошибаемых. У него никогда не сжимало и не перехватывало горло, не трепетало сердце от страха за детей и жену. Он всегда открещивался от своих обещаний... Ой, не буду...

Для меня в жизни есть бесспорные вещи: семья, дети, любовь. Наверное, каждая женщина всегда хочет встречать утро с одним и тем же... любимым мужчиной. Я даже в детстве, не считала, что мир полон чудес. Но мне казалось, что подлинная любовь невозможна без веры. А Митя живет под знаком неверия, поэтому из двух атомов у нас не возникло молекулы - семьи. Получилось одиночество вдвоем. Видно, в головах и сердцах у неординарно воспитанных людей, любовь приобретает разную эмоциональную и этическую окраску. И на поверку оказалось, что моя вера - это чистой воды самообман, а Митина глупая беспочвенная ревность испортило нам жизнь. Обоим? Нет, Митя доволен своей. Она у него пролетела легким веселым аллюром.

Если любимый человек становится частью тебя, то его предательство сокрушительно и губительно. Собственно, печальное одиночество поселилось в моей душе еще в детстве и сопровождало меня в юности. Я думала, что в счастливым замужестве излечусь от горького опыта семейной жизни родителей, но и мое оказалось совсем не таким, каким я себе его представляла, какого добивалась. Я опять скулю? Говорят, что человек получает по жизни столько, сколько отдает. Вряд ли. Хотя, если только по совокупности... от разных людей.

Как-то схлестнулись в споре. Митя жутко бесновался, доказывая ерунду. Битый час кричал, но мы ни на шаг и не приблизились к разрешению проблемы. И друг к другу... «Если ты мелкие вопросы не можешь разметать легко и просто, - какой шум поднял на всю Ивановскую! - тогда большие проблемы вообще через глобальный скандал станешь решать?» - сказала я и перестала выслушивать словоблудия мужа.

Я считаю, что надо садиться и, спокойно рассуждая, искать истину, а не подавлять собеседника грубостью и бестактностью. Разные позиции не предполагают выталкивания одной из сторон за пределы поля спора. Я знаю, в чем состоят наши проблемы, но не удается мне растолковать их Мите, потому что он слышит только себя и часто берет на себя смелость говорить о том, в чем совершенно ничего не понимает. Но ведь надо вникать, изучать. А он всегда белыми играет.

Я не помню ни одного случая нашей спокойной, логически завершенной беседы. Я формулирую проблему, даю ей оценку, а Митя не вслушиваясь, иронизирует, сбивает меня с мысли: «Озвучь свои идеи. Не упусти ни одной! Выскажись. Начнем обмен аргументами? Как плавно и красиво ты подвела меня к вечной теме. Умора, потеха! Опять галлюцинируешь? Грибов ядовитых объелась? Ты удачно, одним махом, определила суть происходящих событий». И так далее... Я попытаюсь объяснить ему, что быть ироничным и позволять себе быть грубо-ироничным – разные вещи. Но он считает свое мнение последней инстанцией, восхищается своим хамством и находит свою речь интересной и яркой.

Он насмешливо отмахивается, мол, страшный суд нас рассудит, а на земле рассчитывать на окончательный приговор не приходится. Причем тут приговор? Для красного словца брякнул? Смотрите, мол, какой я умный! Говорит витиеватые слова, а простых вещей не понимает. Какая польза от этих вычурных пустых фраз? Я тоже так умею, но не позволяю себе. Я не первый раз ловлю себя на мысли, что Митя нарочно все усложняет, подменяет одни понятия другими, запутывает меня, чтобы увести от важного разговора. Ни к селу, ни к городу делает удобные для себя выводы. Я ему об одном, он мне о другом... И хоть кол ему на голове теши – стоит на своем, абсурдном. Бесполезно его упрашивать серьезно задуматься о чем-либо. Сказывается разность восприятия событий из-за различия в воспитании? Виною моего непонимания является его неразгаданная душа? Но ведь он ее не проявляет и не предьявляет. Он боится со мной спорить.

Для чужих мой муж удивительно внимательный, обаятельный, располагающий человек. Одна сотрудница сказала о нем: «И через ноздрю в душу сороконожкой влезет». Знали бы они, какой он дома. Наверное, сказали бы: «Никогда не согласился с тем, что этот человек может создавать взрывоопасные ситуации!» Но он будто захлопывает для семьи створки своей душевной раковины. А ведь истина может входить только в доброе, мягкое сердце. Я тоже могу быть ироничной, ехидной, жесткой, но я привыкла щадить самолюбие мужа, уважать его мнение, считаться с ним.

Но если кто на работе переходит грани приличия, я не остаюсь в долгу, жестко отвечаю, будто во мне крепкое мужское начало. Чтобы неповадно было ставить на мне эксперименты. Я – женщина с твердыми убеждениями, а к таким мужчины относятся с подозрением и даже побаиваются. Подруга, побывав у меня дома, как-то пошутила, что «даже психолог в своей семье – обыкновенный эгоистичный мужчина, муж, не понимающий ни жену, ни детей. Срываются, как правило, на близких... А твой супруг способен только ухаживать и обхаживать женщин, но не умеет с ними жить. Без причины, без спички всыхивает. Ему, видите ли, показалось... Зараза».

И добавила: «Горячая несдержанность все же лучше, чем холодное трезвое бешенство, после которого никакая толерантность невозможна».

«Последнее время я и эту особенность замечаю в поведении мужа, – вздохнула я. – Она меня особенно беспокоит».

Потом она спросила: «Как ты считаешь, тонкость души заведомо предполагает слабую нервную систему у своего обладателя?»

«Возможно, насчет нервов ты права, но я говорю о силе воли и о желании находить другие способы общения и разрядки, – уточнила я. – Разве у меня крепкие нервы? Но я же хотя бы стараюсь не срываться».

«Понимаешь, иногда мне кажется, что мой муж во многом прав», – как-то неуверенно и грустно сказала подруга.

«Важно, чтобы он в главном был прав: любил, понимал, уважал, ценил. Митя тоже часто бывает прав в мелочах, которые только «закапывают» истину и уводят от сути проблем. В мелочах сидит дьявол».

У любого человека есть соблазн совершать плохие поступки, но одни держат себя в узде, а другие не считают это для себя нужным. Нет в Мите волевой составляющей, стержневой для мужчины. С его установкой на персональное счастье он и без нее неплохо живет.

Я не допускала мысли об его изменах, хотя у меня часто создавалось впечатление, что он странно ведет себя. Я боялась оскорбить его неверием. Не смогла я научить его уважать не только мое, но и свое достоинство. Говорят, что только сильный человек может позволить себе быть справедливым и честным. К сожалению, у большинства людей только с возрастом приходит та мера познания глубины происходящего в них и вокруг, которой может быть достаточно для построения счастливой жизни. Но жизнь эту, дважды не проживешь, вот в чем парадокс. Может, матери должны объяснять детям, как им строить взрослую жизнь? Меня не учили, я свою теорию сама создавала. А Митю мама «хорошо» подготовила: живи, сынок, для себя.

Успокаиваюсь тем, что хоть теперь меньше ошибок стараюсь совершать.

Я не одобряю посещение внучкой музыкальной школы и хореографии. Сейчас учат всех подряд, лишь бы платили. У малышки прекрасные данные к рисованию. Их бы надо развивать. А вместо статического балета для укрепления мышц я советую подвижные народные танцы. Но... Вот и вожу.

Присутствовала у внучки на соревновании по плаванию. Я в восторге! Пятью способами проплыть без остановок десять раз по двадцать пять метров!! Восхищаюсь тренером. Она краснеет от смущения. Она рада похвале.

Тамара говорит:

– Время-то как бежит! Будто бы только вчера было тринадцатое, а сегодня уже шестнадцатое. И все потому, что у нас яркая насыщенная жизнь!

– Да ты что! А и правда шестнадцатое! – удивляюсь я. И мы весело и беззаботно смеемся над собой.

*

Девятое мая. Смотрю парад Победы. Тесно, плечо к плечу, поддерживая друг друга, движутся шеренги ветеранов войны. Все седовласы. На лицах суровая гордость победителей. У меня перехватило горло...

По телевизору один артист рассказывает о себе. Я хотела переключить канал, потому что лет десять назад этот артист очень неуважительно отзывался о женщинах и был мне неприятен. Он выглядел грубым, циничным и злым, будто обиженным на весь свет. Такой огромный и такой капризный... Я тогда еще подумала, что не на тех полях ты, парень, ищешь свою ягодку или сам стервец.

И вдруг слышу: «Развелся, потому что рядом с ней, талантливой, чувствовал себя бездарным и никудышным, а прикрывался презрением к женщинам. Отец рано ушел из жизни и не успел воспитать во мне мужчину, не объяснил, как строить отношения с противоположным полом. Меня растили женщины: мама, бабушка, тети, сестры. Любовь для меня была как наркотик. Я только умел ревновать, беситься и срывать двери с петель. Я был недоразвитым мужчиной и дураком. Мне не привили понятие семьи, чувство ответственности за близких людей. Детям не было места в моей жизни. Успеха я добивался только ради мамы. Я был непригоден к тому, чтобы сделать жену счастливой. Я был эгоист.

Много позже я понял, что все женщины, которые встретились на моем пути, были идеальными, что все зло исходило от меня. А я их винил, упрекал, хотя обижаться должны были они. Я считал, что если один человек уничтожает другого, если семья – поле боя, то надо расходиться. Нам нечего сохранять и незачем мучить друг друга. И уходил, считая себя во всем правым. И с предпоследней женой вел себя не лучшим образом. Я пил, жена молча поджимала губы. Теща видела этот ад и настаивала на разводе. И правильно делала. Жена потом говорила, что в браке со мной ни одного дня не была собой, потому что я гнобил ее. А она была красавица, умница с веселым характером.

И вдруг мне поставили страшный диагноз. И только тогда я понял, что счастье состоит в том, чтобы отдавать. Я осознал, что должен быть добрым, и тогда у меня в семье все будет хорошо. Я стал мыслить позитивно. Я каждый день говорил себе: не дергайся, не психуй, не требуй, не торопи. Диагноз, слава богу, не подтвердился, но я переродился и, наконец, стал человеком. Я беспощадно осознаю в своих ошибках и виню перед всеми женщинами, которых обидел. Я помогаю всем, оставленным мною детям».

Я зауважала того артиста. А моего мужа и страх смерти не вылечил от эгоизма. Он глупее? Может, он понимает, что хотя я его за многое (но не за всё) простила, для меня он навсегда останется человеком, сгубившим мою жизнь и принесшим своим детям бесчисленные страдания? Вряд ли. Его эгоизм глубокий и мощный. Его не искоренить добротой и мягкостью.

Интересно, как бы мой муж вел себя, будучи религиозным? Если бы он верил, что жизнь дается, для того, чтобы подготовиться к смерти, и что день смерти – день рождения вечной жизни? Абсурдное предположение.

Митя впервые за нашу совместную жизнь взялся мыть плиту. Я чувствую запах химического моющего средства.

– Пожалуйста, не применяй химию, – прошу я. – Ты же знаешь, меня после больницы тошнит от нее.

– Мыло плохо отмывает.

– Я им всю жизнь пользуюсь, и еще не разочаровалась. Залей плиту водой, это облегчит тебе работу, – начинаю заводиться я, видя, что он не торопится смывать пену.

– Ничем тебе не угодишь. Больше никогда не буду мыть плиту и вообще больше ни в чем не стану тебе помогать! – с вызовом заявил муж.

– Знакомая песня. Всю жизнь ее исполняешь. «Забери свои тряпочки, отдай мои машинки!» Детский сад, ей богу. Нарочно моешь химией, чтобы иметь повод и оправдание не помогать? Это в твоём стиле. Ты спокойно и намеренно ведешь свою обычную линию, – криво усмехнулась я, собираясь на улицу, чтобы отдышаться. Волей-неволей мои мысли возвратились к причине моей болезни. Для меня Митино поведение – цепь вопиющих бессмысленных или жестоких поступков, а для него они нормальные, естественные, единственно правильные. Он так и не понял, через что я прошла за эти полгода в больнице... И какой тут может быть консенсус?

И конечно, Митя сопроводил мою речь обычными сардоническими ухмылками.

Раздался телефонный звонок. Подняла трубку. На том конце провода дышат и молчат. Я жду. Слышу шелчок. Тишина и выразительные паузы – прекрасная связь между диалогами – хороши только в театре. А в жизни... Все как прежде... В голове сразу всплывает то горько-памятное утро и тот треклятый телефонный звонок... Настроение окончательно упало. Хочется плакать...

*

Назло мне муж купил на рынке плохих помидоров. Ест и нахваливает. Я не выдерживаю:

– После тех тухлых огурцов, которые насолила твоя мама, любая пища будет казаться вкусной.

Раньше я не позволяла себе задевать его мать даже горькой и обидной правдой... И даже тогда, когда поняла, что она ведет войну, в которой невестке выиграть невозможно. Но надоело терпеть фокусы.

Странная эта история с огурцами. Помнится, я никак не могла понять поведение свекрови с точки зрения своих взглядов. Жили мы скромно, каждую копейку считали. Правда, на еде никогда не экономили. Она залог здоровья. И вот как-то привез нам мой знакомый целый центнер огурцов на засолку. Зелененькие, ровные один в один – ну просто загляденье. А у меня билет уже на руках, я к матери решила съездить. Путь не близкий, но на юбилей собирались родственники, с которыми я не виделась несколько лет. И телеграмму уже дала, чтобы встречали. Что делать?

Свекровь у нас как раз была. Вот я и попросила засолить это богатство или в подвал отнести в холод – на ее усмотрение. Не одной, конечно, возиться, с сыном вместе. Уехала с беспокойным чувством. Перед глазами стояло злое лицо свекрови, завистливо взирающей на гору овощей. «Для сына должна постараться. Он любит соленое и острое. Мне-то нельзя», – успокаивала я себя. Но червь сомнения все же грыз, потому что знала характер этой женщины. Побывала я в гостях три дня и заторопилась домой. В общей сложности неделю отсутствовала.

Переступила порог квартиры и сразу все поняла. Баки и ведра с огурцами рядком стояли в коридоре. Вонючка исходила от них жуткая. Жара в ту пору в городе стояла больше тридцати градусов. Приготовленные холодным засолом огурцы и в прохладную погоду больше трех дней в комнате нельзя оставлять, в подвал их надо срочно относить. Я села на диван и расплакалась. Накормила мамочка сыночка. У дочерей ишачит изо дня в день, а я один раз за столько лет попросила ее помочь и вот результат... А говорила, что сына любит, жизнь на него положила. А почему сын не отнес? Чем занимался вечерами? Привык, что я все сама делаю? Но в экстренном, непредвиденном случае мог бы постараться. Не велик труд. Хотя... если ему столовые приборы самому себе трудно к обеду взять... ждет пока подам... Это какая-то патологическая, запредельная лень. Не мог же он это сделать нарочно, как его мать?.. Себе во вред? Попыталась выяснить. Разорался, меня во всем винить стал. Ушат помоев на меня вылил. Красок не хватало, так он для остроты еще и с перчиком... А чего я ожидала?

Еще один эпизод грустный припомнился. Перестройка. Заработал, наконец, Митя большие деньги и с гордостью при матери преподнес мне, чтобы я дочери к свадьбе два ковра купила: на пол и на стену. И я опять увидела злой, завистливый взгляд свекрови. Не порадовалась она, что у сына стало получаться с бизнесом. Вечером я мужу заметила, что зря он при маме деньги отдавал. Понимаю, хотел похвалиться.

Так вот, купила я ковры, и отвез их муж к своей маме, потому что у нее свободнее, она теперь одна в двухкомнатной квартире жила. Через неделю заглянула я к ней, а наши ковры стоят в углу, где свекровь хлам шерстяной, побитый молью хранит и не позволяет его выбрасывать. Я перенесла подарки для дочери в другую комнату – конечно, с ведома свекрови – и успокоилась.

Как-то, через пару месяцев, увидев в нашей квартире летящую моль, я вспомнила о коврах, заволновалась и помчалась к свекрови. А ковры наши опять в хламном углу стоят. Раскрываю первый: всё внутри покрыто червячками моли, а ворс ковра будто сострижен. Поднимаю глаза на свекровь, а она радостно улыбается. «Ваш сын с таким трудом заработал деньги для вашей внучки, а вы его наказали. За что?» – только и спросила. Почему-то вспомнила, как в деревне при сборе малины нам с братом в ведерки падали жучки-вонючки. Это раздражало. Но насекомое не может перестать быть насекомым... Забрала я ковры и молча ушла. Услышав мой рассказ, муж промолчал. Похоже, поведение матери его тоже шокировало.

*

Купили мы на рынке два мешка болгарского перца. Я попросила мужа поставить их у самой ограды, чтобы они никому не мешали. А он бросил их посреди дороги и ушел за машиной. Мне то справа кричат, мол, убери тетка свои мешки, то слева грозят их раздавить. Требования шоферов справедливы. Мешки мешали им разворачиваться. Пришлось мне их волоком оттащить в безопасное место. Мне после операции нельзя сильно напрягаться, а что было делать?

Почему Митя так поступил? Как всегда только о своем удобстве думал, а не о других? Но я же попросила. Назло мне? Вспомнила совет подруги Тамары. По ее теории я должна была отойти от мешков – и пусть давят. Не смогла... Для меня это как в голод буханку хлеба в грязь бросить. Это же чей-то труд...

Подъехали к дому. Я прошу водителя помочь нам отнести мешки к лифту. Муж обрывает меня:

– Тут грязно, я пойду за ведрами.

– Здесь много чище чем было на рынке. Да и мешки выстирать проще, чем носиться с ведрами. И времени меньше затратим.

– Грязнуля! – заорал на меня муж при чужом человеке.

– Оскорбляешь. Хотела бы я посмотреть, как ты будешь выглядеть, оставшись в доме один, без няньки-жены. Благодаря мне ты всегда как с иголочки одет. Но как ты это ценишь сразу видно. Кто на рынок ездит в том же костюме, что и к клиентам? Трудно переодеться? А мне его сегодня опять вычищать и гладить. Но ведь не тебе же... Посчитай, сколько раз ты меня, больного человека, за эти полдня ни за что ни про что обидел? – зашипела я.

Муж доплачивает шоферу такси за задержку, идет за ведрами. Несколько раз ездит туда-сюда на лифте. Я сначала помогала переключать перец в ведро, потом чувствуя, что еле стою на ногах, ушла домой. Надоело потакать его капризам. «Пусть хуже, но по моему?» Чуть отдохнув, решила перебирать перец. Захожу в ванную, а там весь перец залит водой.

– Я часть хотела оставить на еду. К тому же за один вечер я не в состоянии весь перец перемыть, выпотрошить и порезать. А мытый он быстрее портится.

– Опять всё не по-твоему! Я для тебя старался.

– Так почему же не спросил, как для меня лучше? Почему, собственно, для меня старался? Для семьи. Не люблю внешних эффектов и высоких слов в быту. В ежедневном применении они выглядят глупо и смешно. Я же хозяйка. И прежде чем что-то делать, я думаю. На работе ты командир, а тут ты мой помощник и должен прислушиваться к моему мнению. А следующий раз делай не для меня, а для себя. Может, лучше получится, – пошутила я.

Но Митя не понял легкой иронии и разразился визгом. Ругательства полились сплошняком. «Он признает только молчаливое согласие со всем, что делает, сколь бы абсурдным оно не выглядело. Ему нельзя противоречить, ведь он всегда прав!» Ушла в спальню, чтобы не слышать глумливого ора. Какая уж тут дружелюбная атмосфера взаимопомощи...

Иду в магазин, прошу мужа закрыть за собой дверь, а он проходит мимо меня в ванную комнату. Стою в недоумении. Он не торопится. Я зову. Высовывается раздраженно:

- Я не хочу ждать, пока ты оденешься.

- Неправда, я уже одетая стояла, когда ты направлялся в ванную. Я бы ушла, но ты же забудешь закрыть дверь, а потом станешь меня обвинять в забывчивости.

- У тебя удивительное мышление.

- Обыкновенное, логическое.

- Да, я же забыл: у тебя филологическое!

- И что в нем плохого? Пытаешься уколоть? Не вижу в своих действиях ничего нелогичного.

- Только логика женская.

- Мужчине было бы приятнее жить с женщиной имеющей мужскую логику? А как называется твоя логика? Абсурдной? Не в пример мне ты говоришь абсолютно бессмысленные вещи и пытаешься заставить меня им следовать. Например, утверждаешь, что я долго одеваюсь, но ведь за всю нашу жизнь не было случая, чтобы ты меня ждал, потому что сам копаешься намного дольше.

- Ну подождала и что с тобой случилось?

- Неужели не ясно? В уличной одежде я быстро потею. А если там ветер? Мне не хочется простужаться.

Понимаю, все это мелочи, противные мелочи, но как они достают!

Устала консервировать помидоры. Присела перекусить.

- Митя, ты рядом стоишь, расплавь, пожалуйста, мне сыр в микроволновке. Переключатель поставь в положение «одна минута».

Муж ставит на тридцать секунд. Сыр не расплавился.

- Я всегда ставлю на одну минуту, - спокойно повторяю я.

Он переключает на полторы. Сыр растекается и присыхает к тарелке. Соскабливаю его ножом и говорю с горечью:

- Мой опыт тебе не указ? Когда же ты научишься считаться с моим мнением и с моими желаниями? Ну как же, у тебя мрачное гордое величие злого разума! И тут же прочла в его лице все, о чем не сказала: «Сделал по-своему нарочно, чтобы больше не просила».

Бедняга! Я закабалила его домашней работой! Разве нельзя хоть теперь, когда я больна, перестроиться?

Пришла из магазина. Митя встретил меня воплем:

- Дочь считает, что мы едим говно или она не доверяет мне?

- В чем дело?

- Она всегда спрашивает, какого числа сделана колбаса и злится, когда я ей делаю замечания и проезжаю по ней.

- Опять поссорились. Обхамил дочку и доволен собой? А ты подумай, почему ее так волнует качество продуктов, откуда у нее эта фобия? А всё очень просто: у нашей внучки часто болит живот. Врачи не находят причины, вот она и старается оградить ребенка от болей хотя бы давая ей гарантированно свежие и качественные продукты. Неужели трудно, прежде чем предъявлять претензии, подумать или хотя бы спросить?

Разложила покупки по местам и села звонить дочери. Надо объяснить ей поведение отца, его неумение осмысливать простые жизненные ситуации, тем, что он привык вникать только в проблемы, возникающие на работе. Надо ее успокоить, а то сейчас завопит: «Папа меня ненавидит!» Она, между прочим, как и ее отец, психанув, еще не то может заявить! Одна порода. А я - громоотвод. Все их молнии в меня попадают. Надолго ли еще меня хватит выступать в такой роли?

«Старайся воспринимать вспышки отца как неизбежность, как его неотъемлемую часть», - советую я дочери то, чего теперь не могу делать сама.

Теперь и сын иногда взрывается. Он много разумнее своего отца, но и у него нервы периодически не выдерживают давления. И все же характером он больше в меня, добрый.

Муж бесится, когда сын долго не приходит к нам. А что он у нас слышит? Ругань. Он много лет ее терпел, а теперь старается меньше к нам заглядывать. И он прав. Ему надо беречь здоровье для своей семьи. Зачем его расходовать на отца-эгоиста? И к себе сынок не часто зовет. Вспомнила анекдот: «Не приглашают. Забыли». «Не приглашают. Помнят».

И что это за манера такая вечно лезть в семьи детей? Мите нравилось, когда его мать делала то же самое, только еще похлеще. А я с содроганием вспоминаю ее визиты.

14

Вожусь на кухне, слушаю телек и бурчу себе под нос: «Не трогает, не нравится классическая музыка - свою

сочиняйте, но не портите чужое, не уродуйте, не ставьте ее с ног на голову. Уважайте менталитет композиторов. Тщательно, деликатно исполняйте их произведения. Они – отражение одной из составляющих той далекой от нас жизни».

...А эту мелодию и мне хотелось бы раскрасить... допустим, малиновым звоном колоколов, истекающим с небес. Я не последовательна?

...Какая божественная ночь звучит в этом отрывке!

Мои мысли весь вечер крутятся вокруг одной темы.

...Благодаря музыке я погружаюсь в другое пространство, лишённое мирской суеты... дистанцируюсь... проникаю в толщу времен... Чудная гармония ренессансного звучания... В нем я чувствую дух эпохи. Мне кажется, хоровое пение – важная составляющая воспитания детей.

...Я понимаю, спонтанная музыкальность молодежи может возникнуть в любой момент, и она потребует другой манеры и техники исполнения. Время маленьких ансамблей прошло?... Исполнитель современных песен ходит по лезвию бритвы. Чуть в одну сторону отклонится – попадает в пошлость, чуть в другую – недостижимая высота. Всё на грани. О прекрасных советских песнях этого не скажешь, как ни пытаются их уродовать современными аранжировками. Золотое время советской эстрады!.. Машины певцов фанаты носили на руках. Была певческая культура... Гитары у вечернего костра, песни Окуджавы... трепещущие языки-флаги огня или тихие задушевные беседы зимой у «камина-камелка»! Счастье! На смену им ничего лучшего не пришло.

Еще мы внимали «битлам», и казалось, что через них мы слышим весь мир! И нам до зарезу нужно было, чтобы над ним занималось зарево свободы!..

Широки и глубоки русские народные песни, как наши великие, мощные полноводные реки. Деревенские бабушки пели их скромно, тихо, душевно. Разухабистость пришла к нам после революции вместе с пьяным бандитским разгулом.

...Испохабили песню «Шумел камыш», но Жанна Бичевская вернула ей задушевность.

...У современных исполнителей много внешних эмоций и мало внутренних. Есть умение, а в душе пусто.

...Джаз возник, когда появились музыканты, не знающие нот, но обладающие замечательным слухом и прекрасной памятью?

Слушаем мы с Митей одну и ту же мелодию, но какие разные чувства она в нас вызывает!

... Музыка – моя религия. Она никогда не лжет. Музыка – коллаيدر счастья. Она могла бы объединить все народы мира, так чтобы «Христос, Будда и мусульманский Аллах пожали друг другу руки». Фантазерка. Приснилось мне...

Музыка жива заложенной в ней мыслью.

Мне нравится выражение Малера: «Музыка не там, где черные ноты, а там, где их нет». В этих словах я чувствую переключку с литературными произведениями.

«И человек был Богу двойником!» Так сказал о Скрябине Бальмонт.

Радостная экспрессивная музыка заряжает батарейки моего оптимизма, она прекрасный терапевт.

А театр потерял свою основу – сердце. Антрепризы губят его.

Почему-то вспомнила фильм «Чапаев». Я до последней секунды верила, что он выплывет. Я вместе с ребятами кричала: «Плыви, плыви!» А он утонул. Я была потрясена, убита наповал. Я молча плакала.

Почему нам, старикам хочется смотреть старые фильмы? Ностальгируем? Надоели современные жестокие кровавые сериалы? Запрос на нравственность?

Устала. Смотрю телевизор. Когда артист танцует на сцене, он старается довести физическую сторону танца до совершенства. Но ведь главное душу затронуть... Впечатлил танец техникой, но что-то не то... Не выдал глубинную суть... Артист танцует не для того чтобы раскрепоститься, а чтобы высказать то, что у его героя на душе. Играл кого-то, но не нашел его в себе. И мне не открыл его, не донес...

В юные годы от избытка чувств я любила танцевать. Танец давал мне чувство полной внутренней свободы и радости. Нелепыми искренними движениями я сама себе рассказывала историю своей души. Движение – прекрасный и полезный способ выражения чувств и снятия стресса.

Женщина танцует танго раскованно, уверенно, темпераментно! Я наблюдаю нечто выбивающееся из привычного. Впиваюсь в нее глазами. Она очень высокая, я бы сказала, крупная, но эффектная. Ноги сильные, красивые. И зачем она повернулась ко мне оголенной спиной?!.. Эти ее широкие костлявые плечи и мощные выпирающие лопатки, эта квадратная гренадерская спина и отсутствие талии... Их же можно было закамуфлировать. Впечатление смазано. Обидно за актрису.

*

Передают концерт оперного невероятно потрясающего певца Атлантова. С ума можно от счастья сойти. Какой голос! Какой тонкий, умный человек! Человечище!! Слушая его, я вдруг понимаю, что музыка более мощно выявляет глубину шекспировских пьес. Дивная, совершенная музыка! О, эта святая бескорыстная свобода искусства!

Теперь он в паре поет. Обычно женские голоса звучат звонче, выше, но тут они на равных. Как многослойна и богата оттенками ткань звучания этого волшебного дуэта!

Опера не самый развеселый жанр, но ее музыка – это океан, по которому я всю жизнь плыву с превеликой радостью.

...Отелло. Он на гребне славы. Признан, увенчан. Ему кажется, что весь мир – его отражение. Он внутренне умиротворен. Его любит самая красивая в стране девушка! Так почему же малейшее сомнение разрушает этого сильного успешного человека и приводит к катастрофе? Любовь этой женщины для него – самое главное в жизни? Он умен, но импульсивен? Распалил свое воображение? Затмение нашло? Он владеет собой на войне, и не умеет контролировать себя, когда дело касается любимой женщины? Раненое мужское самолюбие – страшная сила?

А я совершенно не ревновала мужа, пока верила ему. Я считала себя достойной его даже в большей степени, чем он того заслуживал? Он думал иначе? Я не понимала, что неудовлетворенное мужское самолюбие погонит его к другим женщинам? И это при том, что я любила его, берегла, ценила? Парадокс.

...Музыка дает возможность через искусство заглянуть в вечность и запечатлеть ее в своем сердце.

...Оперетта поднимает настроение, после нее хочется жить и радоваться! Хмель есть в ней. Когда устаешь от суеты и мелких обид, хочется слушать пленительно-веселую темпераментную музыку, и «присутствовать» при динамичном, стремительном разворачивании беспечного, бесшабашного, легкомысленного сюжета с незатруднительными поисками добра и счастья. Душа просит легкого безобидного счастья. Какое это манкое, красочное, праздничное действо! Как легко уходить от серьезной трудной жизни в яркое, чуточку запретное! Душа тянется к нему, потому что там чувствуется приятный момент свободы. Юмор, полет и разгул фантазии, вихри страстей, легкая эротика без пошлости, милые, трогательные, роскошные образы, вносящие эстетику необыкновенной элегантности и тонкости, обаяние таланта артистов, фейерверк эмоций, не опускающихся ниже уровня чувств зрителей! И все это мощно и радостно обрушивается на тебя, вызывая незабываемый восторг! Ах! Это не поддается выражению словами. Искренние, искрометные чувства увлекают, кружат голову, волнуют сердце! Мне необходим этот допинг. И еще открывенная буффонада... «Все хорошо, прекрасная маркиза! Все хорошо, все хорошо!»

*

– Зачем ты зря и плотву отдал шоферу? Я, когда их ловила, мечтала, как буду их жарить и обсасывать ребрышки. Мог бы сначала у меня спросить, что я хочу себе оставить.

– Ты бы отдала уклейку?

– Да, шофер любит солить ее к пиву. Он мне на прошлой рыбалке с восторгом об этом рассказывал.

– Тебе жалко отдавать более крупную рыбу?

– Не жалко. Ты отдал плотву, потому что тебе не нравится ее вкус, а я ее люблю, но обо мне ты не подумал. Тебе хотелось похвалиться крупным уловом или неловко дарить мелкую рыбу? Я видела, шофер был очень доволен уклейкой. К тому же мне легче почистить три крупных рыбы, нежели полсотни мелочи. Я тебе об этом уже не раз говорила.

– Не слышал.

– Ты слышишь то, что тебе нужно и пропускаешь то, что касается меня.

– Я о каждой мелочи обязан помнить и у тебя на всё разрешения спрашивать? Скажи, какая часть рыбы поймана тобой, а какая мной, чтобы я мог ею распоряжаться по своему усмотрению.

– Вся рыба наша. Но мне было бы приятно, если бы ты, прежде чем раздавать ее, поинтересовался моими желаниями. Мне не каждый раз удается поймать рыбу, которую я съела бы с большим аппетитом. Для большого человека это важно.

– Килограмм рыбы пожалела! – закричал муж.

– Не повышай голоса, пожалуйста. Мне кажется, было бы неверным, так пугающе категорично интерпретировать мои слова, – грустно заметила я. – Не передергивай. Я не жадная. И не стыдно тебе говорить глупости? Хочешь заставить меня нервничать? Я не ругаю тебя, только прошу считаться с моими желаниями, тем более, что их не так уж много. В семье все должны друг о друге заботиться. Мое замечание не справедливо?

– Не существует строгих критериев справедливости!

– Как и критериев порядочности, доброты и сочувствия, – добавила я сдержанно, но ноги мои дрожали, будто жили своей отдельной жизнью.

– Опять шум подняла! На своем настаиваешь! Хочешь поругаться?

– Я не настаиваю на своем, а предлагаю тебе задуматься над тем, что я говорю. Я ссору не затеваю. Я разговариваю тихо. Заметь, это мне приходится отвечать на твои вопросы, которые ты задаешь на повышенных тонах. И вопросы твои не всегда корректные. Я двумя предложениями исчерпала бы тему, но мне приходится терпеть твои выпады, отбиваться от нападков. Это не метод достижения положительных результатов спора. Давай оставим пререкания и оба замолчим.

– Рот затыкаешь! Я не нападаю, я защищаюсь!

– От себя? Ты этот прием используешь ежедневно. Просто запомни мою просьбу и всё.

- Не повторяй сто раз, не дурак.

- Знаю, что неглупый. Но почему-то я по десять раз тебе говорю об одном и том же, но ты снова и снова забываешь и делаешь по-своему или вовсе ничего не делаешь. Ты не устаешь от создаваемых тобой сложностей? Похоже, они тебе нравятся. Тебе скучно без них? Понимаю, от скуки и мухи дохнут. Если бы всерьез занимался семьей, скучать было бы некогда. Не интересно? Так и я не визжу от радости, занимаясь домашними делами. Вы, мужчины, часто хвалитесь тем, что разбираетесь в тонкостях политики, а мы, женщины, далеки от нее. Так что же вы ее такую дипломатичную, изворотливую и умную не применяете на практике, в семьях? Или все же используете? Политика - искусство приоритетов. У тебя, например, агрессивная американская «метода» в почете: лгать, замалчивать, выставлять только свои победы, не замечать чужих мнений, не брезговать в разговоре подлогом, угрожать и так далее. Хотя, о чем я говорю! Это ведь тоже политика, но далеко не мирного сосуществования.

Мы перед гостями страны стараемся показать всё лучшее в нас, а американцам наплевать на весь мир. Как они встречали у себя гостей олимпиады в семидесятые годы? наших спортсменов, завоевывавших мировые первенства, поместили в тюрьму, в жутчайшие условия. Они своим поведением говорили: «Мы лучшие! И это не обсуждается. А вы все тут...» А мы их в «Олимпийскую деревню». Роднину и Зайцева на стадионе встретили молчанием. Зато после выступления все зрители встали! Народ оценил, а политики...

Устала. Без интереса смотрю телевизор. Вдруг слышу: «Она родилась в городе Москва». Диктор забыл в русском языке раздел «склонение существительных» и падежи? Москвы, Москве, Москву, Москвой... Мне такое звучание ухо режет. Музыка в предложении теряется. Неужели он не чувствует? Великий, могучий свободный правдивый язык с этим справится?

И тут под американцев косим? Они упрощают свою грамматику и любят рубленые фразы. Похоже, последнее время у меня на них аллергия. Лечиться надо.

Лежу и думаю: «Человек считается умным, если он умеет общаться, понимает нюансы взаимоотношений между людьми. Бывают гении, для которых кроме науки ничего не существует. Им многое прощается, к ним нужен особый подход. Но мой муж обыкновенный. И себя я не считаю особенно умной. Но я всю нашу семейную жизнь стремлюсь к миру в семье, к осмыслению пусть даже примитивных бытовых проблем с целью их преодоления. А Митя разве не обязан делать то же самое? Мама мое поведение назвала бы умением стоять между двумя крайностями и постоянно держать их в поле зрения. Мне на самом деле достался человек крайностей или просто не очень умный?.. Все-таки не хватает в нем внутренней наполненности, духовности. С ним так трудно!

Мелькнула неожиданная мысль: «Хочешь-не хочешь, но обиды в семьях с годами накапливаются и выплывают во все учащающихся ссорах. И чувство вины разрастается. Я имею в виду порядочных людей. От него никуда не деться, оно раздражает. И, в общем-то, неплохие, но слабые мужчины, не выдерживают его негативного давления и, желая от него избавиться, убегают из своих семей и заводят другие, в которых у них еще нет ни грехов, ни огрехов. Некоторые из этих мужчин, наученные горьким опытом, в новых семьях начинают вести себя более умно и тем осчастливливают любимых и себя. А кому-то «повезет» вляпаться в очередную авантюру. И прости-прощай мечта о счастье «вселенского» масштаба.

- Митя, странное у тебя воспитание. В тебе не заложены самые простые этические нормы и бытовые правила поведения в семье, будто ты где-то на луне жил.

- Я интеллигентный человек!

- Интеллигентный человек, прежде всего, порядочный, снисходительный, неспособный, оскорбить, обидеть. Он не обязательно высокообразованный. Интеллигентность состоит в том, чтобы стараться понять другого человека и помочь. А ты, пока я не расплачусь, все продолжаешь меня долбить, говорить глупости, лишь бы за тобой осталось последнее слово.

- Разделение обязанностей. Ты первое произносишь, за мной - последнее, - рассмеялся Митя.

- А какое оно - правдивое или нет - тебя не волнует. И то, что ты его за счет убыли моего здоровья мне навязываешь, тебя не беспокоит. Даже моя тяжелая болезнь не заставила тебя задуматься и смягчиться. Не ты же болен... Попытайся увидеть еще кого-то, кроме себя. Или это тоже не по твоему ведомству?.. Русскую интеллигенцию всегда отличала большая совесть.

- Почему?

- Не знаю. Может, потому, что она питалась от государства, а западная зарабатывала частным образом?

Духовная сфера жизни Мите недоступна. А нужна ли она ему? Он от ее отсутствия не страдает. Порядочность, честность - как все это от него далеко! Он обедняет себя или полностью счастлив только материальной составляющей? Но когда-то ему нравился джаз. Дань моде отдавал, чтобы казаться интересным?

Аня заскочила на полдня. Она проездом в Москву. Рассказывала про всех наших. Об Альке печалилась. Муж ее дочери сбежал в самое трудное, болезненное время, в начале перестройки. Недавно явился, когда у той жизнь стабилизировалась. Сказал, что из-за ребенка вернулся. Аля не приняла его и объяснила: «Чтобы у тебя были дети, надо быть отцом. А ты не находился рядом, когда наша малышка болела, когда я ее лечила, образовывала. И дочка не хочет тебя видеть. Собирается при получении паспорта взять мою девичью фамилию и отчество моего деда. Ее право».

Сегодня была передача о женщинах, бросающих детей дома одних, и уходящих надолго то ли в поисках выпивки, то

ли денег на прокорм малышей. Дети живут в антисанитарии, не получают должного развития. Ужасно! Телевидение представило пять таких случаев на суд зрителей. Сколько было криков, порицаний! И мне эта передача под настроение попала, но привела в некоторое замешательство. И понеслись обидчивые мысли:

«Если мамаша - пьяня подзаборная, тут все ясно. А где же отцы, которые могли бы не допустить подобного «воспитания» или вовсе забрать своих детей к себе? Они «поторопились» бросить их во младенчестве или еще в утробе матерей? Эти отцы счастливы за счет несчастья своих детей. А за это их не наказывают, не позорят на всю страну. Значит, можно продолжать оставлять. Ну ладно, если с перепугу от трудностей сбежал неоперившийся птенец... Но взрослые...»

«Это неприемлемо! Мы жадны до ощущений, мы «творчески» неуспокоенные люди. У нас одномоментные взлеты, потом резкие спады... А тут каждый день вкальвать надо... алименты платить...» Считали себя героями, только оказались крысятами, маленькими, съезжившимися, скукожившимися мозгляками. Они даже не попадают в категорию «любовники по рабочим дням, по выходным - отцы».

Я заканчиваю выражать свое мнение на абсолютно «провальной» ноте? Ах, простите! Зачем вспоминать о плохих папочках? Остальных же, брошенных непутевыми отцами деток, женщины нормально «вытягивают». Хвала им. Мне иначе построить свой монолог? Посоветуйте как, господя-товарищи-отцы! Может, сместим куда-либо смысловой центр этих гнилых историй о безответственных папашах или вообще запихнем в дальний темный пыльный угол, до которого пресса за всю жизнь не доберется? Любые предложения приветствуются. Что, мысли на исходе? Вопрос не актуален? Но ясно одно: безответственный мужчина - не мужчина. Мне приберечь свои нападки на будущее? Дальше будет еще хуже, когда эти «индивиды», расплодятся. Уже сейчас семьдесят процентов разводов. Половина детей воспитывается матерями. Это не «показатели»? Эта проблема социальная, философская или вы ее вовсе не видите? Я допускаю различные толкования этой темы. Я не носитель правды. Я просто неравнодушный посторонний наблюдатель. Но что же делать? Такие вопросы с кондачка не решить.

В который раз Митя ругает меня за то, что он, открывая кран с холодной водой, ошпаривает руки. Зная, что у меня после химий случаются моменты забывчивости, я тщательно слежу за своими действиями. Вот и сегодня после обеда подошла к раковине и руки ополоснула холодной водой с мыслью о том, что муж не обожжется, и не станет материться и обвинять меня в том, что я сначала закрываю холодную воду и только потом горячую. Я привычку такую стала вырабатывать: когда муж дома, не пользуюсь горячей водой, чтобы исключить ругань хотя бы на эту тему. Мне и самой не раз приходилось ожигаться, но я философски отношусь к подобным мелочам. Порезала палец, ударились головой о вытяжку над плитой, обожглась паром - не велика беда, можно потерпеть. Заживет. Сама была неосторожна.

Смотрю, муж пошел в ванную помыть руки. Мы рыбу ели. Слышу матерные восклицания и упреки в свой адрес. Спокойно отвечаю: «Опять я у тебя виновата. Я не пользовалась сегодня горячей водой. Разберись в причине этого странного явления, чтобы оно больше не повторялось или прими вину на себя. Мы оба многое делаем автоматически, и ты иногда можешь не заметить, каким краном пользовался. Что в том особенного? Всем случается ошибаться. Стоит ли такая ерешка наших нервов?».

Опять шквал криков, обвинений. И чем дольше, тем сильнее. (А мужчины говорят, что настаивать там, где этого делать не нужно - женская черта.) Наконец не выдержала и завелась, правда, спросила тихо и внешне спокойно:

- Ты мужчина или женщина-истеричка? Когда ты кричишь, мне кажется, что тебя создали на тридцать шесть вольт, но ты себя включаешь в розетку на двести двадцать, а иногда и на триста восемьдесят. Пожалуйста, подкажи, какие правильные слова мне к тебе подбирать, чтобы я могла вовремя тебя отключать от высокого напряжения.

И, конечно, получила по полной программе. Сама виновата. Надо было зубы сцепить. Пора на рот застежку-молнию пришивать.

Самое интересное, что муж сам продолжает пользоваться водой неправильно и, конечно же, винить меня. Ждет, когда я начну его обругивать? Не дождется.

- ...Я раньше много раз жаловалась, что твоя мать издевается надо мной, когда ты вне дома. И ты тоже не верил мне, утверждал, что она на такое не способна. То есть, по сути дела, считал, что я лгу. Умный человек может менять мнение, упрямый - никогда. Своим неверием ты испортил всю нашу жизнь. Ты поступал, как тебе заблагорассудится, не помогал справляться с проблемами, постоянно обижал и незаслуженно оскорблял меня даже при детях. Создавал невыносимую обстановку в семье и считал такое отношение к жене нормальным. И когда многократно убеждался, что мать лжет, ты продолжал верить ей, а не мне. Считал, что все врут, потому что сам врут? Но умный человек должен хотя бы пытаться понять другого. На каком основании ты и сейчас свысока на всех нас смотришь? В чем ты видишь свое превосходство? Видно Фрейд строил свои теории на тебе подобных.

- Ты хочешь сказать, что я тупой, упертый и лживый?

- Вывод ты сделал сам. Только будет ли в том толк? Последуют ли позитивные изменения?

- Зачем ты впариваешь мне прошлое?

- Затем, чтобы ты хотя бы теперь, будучи на пенсии, задумывался о причинах своего неадекватного поведения и корректировал его. Тогда и поводов ссориться не будет. И я хоть немного дольше проживу, - с грустной усмешкой закончила я разговор и ушла в спальню, предоставив мужу возможность одному поорать на кухне с полным удовольствием.

«А проблема-то и выведенного яйца не стоит, - печально думала я под аккомпанемент обычных оскорблений, проникающих через закрытую дверь. - На себя ему надо обижаться. Но ведь не понимает. А я ничего поделат не могу. У нас разные характеры. Мне достаточно тихо сказать и я все сделаю. Я долго взвешиваю, а потом отрезаю. Он же спокойного тона не приемлет. Ему по всякому пустяку скандал требуется. И подладиться под него не получается. Непредсказуемо вспыхивает, не поймешь, что его в следующий момент заведет.

После болезни я стала нервной, но стараюсь держать себя в руках. Сколько уже лет я сдерживаюсь?.. А муж по-прежнему вспыльчивый. Решения на эмоциях принимает. Даже в мелочах непреклонный. Сначала психует, потом

думает? Если бы-то. Думает, конечно, но не о том...Эта свистопляска когда-нибудь закончится? До болезни меня трудно было сильно обидеть, потому что я всё быстро прощала, а теперь не хочу. Устала. Обидевшись, я опять-таки прощаю, но теперь иду параллельно обидчику.

- Зачем материшься?

- Жизнь свою украшаю яркими образными выражениями.

- Кто-то вкус самогона усиливает ацетоном, запах табака - кизяком, а кому-то хочется очищенного от примесей качественного вина. Слабо жить без мата, так хотя бы научись применять заменители. Сколько можно осквернять наш дом и мой слух? А как мне предложишь высказывать пренебрежение к тебе? Может, тебя лупить надо?

Тамара спросила, как я выдерживаешь такую психологическую нагрузку, как разряжаюсь?

- Музыкой. Не знаю, что было бы со мной без нее. Она спасает меня от людей, которые делают мне больно. Она уносит мою боль, лечит, поднимает и возвышает.

- Ты представляешь под музыку какие-то ситуации, образы и события?

- Нет, я поглощаю ее, наполняя душу счастьем и красотой. Каждый раз я пытаюсь получить от нее то, что мне в данный момент больше всего нужно. Музыка помогает мне восстанавливать внутри себя гармонию.

Горячая вода из «холодного» крана текла по причине неполадок в смесителе у соседа, живущего под нами.

На работе многие мужчины с уважением относились к моему трудолюбию, ответственности, чувствовали мою положительную ауру, мое обаяние, а муж глух ко всему, что есть во мне тонкого, интеллигентного, умного. Во мне он видит только домработницу.

Готовлю еду. Спинай «слушаю» женский оркестр «Вивальди», заряжаюсь положительно, «балдею». Какая прелесть! Мне нравится, что они исполняют только шедевры и только радостные и оптимистичные мелодии. Музыку люблю слушать вне дел, чтобы отдаваться ей полностью, но это редко удается, только когда болею.

Иногда полезно приобщиться и к народному творчеству, чтобы сохранить в себе свою собственную самость, еще оставшуюся во мне на генетическом уровне. У внуков ее уже нет. Моя вина или причина в том, что они не в мою породу пошли?

*

Опять разнервничалась. Митя если и сделает что-то хорошее, так тут же руганью и упреками все испортит, будто жалеет, что совершил доброе дело для нас, а не себе.

Слушаю сантехника и по привычке сразу анализирую, что за каждой его фразой стоит, куда он клонит. Ясно, пришел денег просить. Я отзываю мужа на кухню и тихонько шепчу:

- Ты думаешь, он и правда беспокоится о том тепло ли тебе? Не давай ему денег.

- Не думай о людях плохо.

- Я так не о всех думаю. Я об этом человеке говорю, потому что вижу его уловки, а ты их не замечаешь.

Приписка. «И, конечно же, муж занял ему. Полгода прошло, а о нем ни слуха, ни духа».

Включила телевизор. Священник выступает, красиво говорит, молодежи высокопарные нотации читает. Мол, такой-то последователь Учителя то-то говорил, а такой-то апостол то-то. Я, конечно сразу анекдот про экзамен по научному коммунизму вспомнила, потому что прекрасно знала, что этот священник торгует сигаретами, молодежь никотином травит, огромные площади незаконно в наем сдает. А им не положено бизнесом заниматься. Если только получил высочайшее разрешение...

- Возьми кусочек судака.

- Не хочу.

- В прошлый раз тебе понравился.

- Сейчас мне не хочется рыбы. Я неважно чувствую.

Муж кладет мне на тарелку кусок.

- Я же сказала, что не хочу. Ты же знаешь, если стану есть насильно, меня стошнит. Я возьму жареной колбасы с картошкой.

- Тебе вредно жареное.

- Тебе тоже, но ты себе не отказываешь.
- Возьми судака и обжарь.
- Ну что ты привязался ко мне с этой рыбой! Сколько раз тебе надо повторять, что не хочу я сегодня ее ни жареной, ни вареной.
- Не капризничай.
- Ты же видел, с каким трудом я готовила ужин. Я устала. Я только что пила лекарство для сердца, а ты принуждаешь меня обжаривать рыбу, которую я не желаю есть. Не приставай ко мне, - через силу говорю я.
- Не кричи.
- Мне даже возражать тебе трудно, не то что кричать. Не настаивай, пожалуйста. Не заставляй меня нервничать, не вынуждай огрызаться. Не делай из меня овчарку, я хочу быть покладистой болонкой. Мне бы скорее поесть да лечь в постель. Давление скачет. Час назад было сто девяносто на сто тридцать, а сейчас девяносто на шестьдесят. Тошнит, перед глазами все плывет, ноги дрожат и подгибаются. Ты понятия не имеешь, как тяжело бывает от резких перепадов давления.
- А раздражаться так есть силы.
- Раздражение у больного человека как раз и бывает от бессилия. Это у здорового от плохого характера.
- У меня хороший характер. Я обладаю природной жизнерадостностью и жизнелюбием. Я все проблемы по касательной отправляю. Если все через себя пропускать, жизнь будет невыносимо трудной. Это больше вам, женщинам свойственно. Я тотально, перманентно счастлив! И сейчас я к тебе внимание проявляю, а ты злишься.
- Сам радуешься, а проблемы мне оставляешь, да еще «награждаешь» мрачностью и злой иронией. Не надо... Давай помолчим... ради бога.
- Завелась. Я хотел как лучше. На тебя не угодишь!
- Кому лучше? Тебе? Ты ничего плохого делать не хочешь, но делаешь. Это у тебя само собой выходит? Ты даже не замечаешь?
- Зато ты все замечаешь.
- Достал ты меня! Уж коль на то пошло, я тебе скажу... Возьми себе в привычку...
- Папа, дай маме спокойно поесть, - не выдерживает сын.

Иногда по утрам так не хочется вставать с кровати! Но вспоминаю слова моего девяностолетнего деда-врача: «Как бы ни было тяжело, вставай, расхаживайся и включайся в работу. Иначе быстро угаснешь». И я встаю и иду.

*

- Мои сегодняшние слезы - следствие твоего поведения. Я пришла в больницу проведать тебя. Смотрю, а на вахте медсестры, которые выдают халаты, на меня поглядывают и хихикают. Я поняла, что твоя шлюха к тебе приходила. Не завязал ты с ней, а ведь обещал. Не много стоят твои обещания.
 - Выдумываешь ты все.
 - Как всегда я сама виновата в своем плохом здоровье и настроении? У меня знакомая медсестра в этой больнице работает. Я к ней зашла, чтобы убедиться, что мои наблюдения обоснованы. Не считай других глупее себя.
- Сказать ему было нечего. Не сумел опровергнуть. Смолчал. Суду все ясно. (Наша студенческая поговорка.)

Дочь принесла альбом репродукций художников шестнадцатого-семнадцатого веков. Взгляд остановился на Арчимбольдо, Брейгеле и их последователях. «Голова Горгоны», змеи из глаз... Это служители тьмы? Фу, какая гадость! Демонические персонажи вызывают у меня отвращение. Наши домовые и даже черты приятней будут, они не такие мерзкие. Художники изображали ужасные проявления человеческой души в воспитательных целях? Это квазичеловеческие образы и символы? Я их замечала даже в скульптурах Микеланджело. Они - подражание, имитация, перевертыши... чего? Художники поняли, что после Леонардо да Винчи в академической манере достигнут потолок и попытались выйти за пределы общепринятых истин или создать новую реальность? Иногда небольшие искажения реальности открывают новый взгляд на мир. Современные художники тоже вторгаются в область невидимую, неосознаваемую, пытаются новыми способами изображать виртуальную реальность, добавляя в нее еще одно измерение - время, например, помещая прошлое в будущее. Используя цифровые технологии, смещают пространство, раздвигают границы восприятия. Во всем им хочется дойти до самой сути.

Если портреты рассматривать с точки зрения той далекой эпохи - это их собственное освобождение от страхов? У всех? Это глумление над искусством, над человеческим образом, над красотой? Где в них границы человеческого? Традиции какого рода их предполагают? Из глубины памяти явились слова: «Не бойтесь удивить человечество своей необычностью».

А вот аллегории времен года не страшные, интересные, оригинальные. Они напомнили мне из детства портреты Сталина из цветов и фруктов. Художник Поленов говорил, что искусство должно нести радость. А жена Джона Леннона утверждала, что оно должно помогать людям выживать. Не так уж и велика смысловая разница между этими двумя высказываниями.

Великие художники начала двадцатого века у живописцев средневековья переняли и развили манеру уродовать лица? (Все мы у кого-либо учимся!) Там была другая подоплека? И у Дали заимствовали? Нормальная преемственность? У него тоже непривычное сочетание предметов, но он дальше пошел, углубился в сверхсознание и подсознание. Что сюрреалисты в этой манере искали и находили нового? Человеку хочется видеть и понимать

прекрасное и гармоничное. Может, поэтому меня не покидает ощущение чего-то противоестественного... Я впадаю в крайность?

А сама в детстве в каждом сучке дерева видела нос смешного старичка-лесовичка, из каждой трещинки на стволе на меня глядели фантастические, но не страшные животные, потому что я любила лес и не боялась по нему бродить. Мое воображение рисовало то их баталии, то праздничные игры. Меня это развлекало, и я мечтала когда-нибудь перенести свои фантазии на бумагу. Но взрослая жизнь меня переформатировала, и хотя не убила способности к воображению, поселила в душе страхи, связанные с моментами опознавания в человеке... нечеловеческого.

Но в пятнадцатом веке лицо человека считалось святым, священным, Богом созданным... Привычка к норме утомляла художников, вот и создавали они рисунки малопрстойные, дерзкие, выступающие за край... Раньше как говорили? «Кто презрел образ Божий, тот презрел человека. Кто Слово Божье презрел, тот сгубил себя». А художники, нарушая гуманистическую природу человека, искажали не лица, а смысл божественного присутствия? Протестовали, утверждая, что сущность человека не божественная? За этим уже тогда стояла человеческая редукция? Даже из Богоматери вытаскивали что-то гадкое. Это извращение? Идеальная красота – оборотная сторона идеальной чудовищности? Они погружали людей во мрак и как-то влияли на них? Чем оборачивалось смещение изображений лиц за пределы прекрасного начала? Уводило во тьму?

В эпоху Возрождения художник шел к Человеку. В те времена невозможно было такое кощунство и бесстыдство как в двадцать первом веке, когда нет пределов... нет этики, когда человек уходит туда, где он человеком не является. В шестнадцатом веке человечность была по эту сторону грани, а в двадцать первом уже по ту? Может, мы еще у пропасти, в ожидании апокалипсиса или его колесница несется на нас с огромной скоростью? Как его не допустить? Эти проклятые войны...

Выйдя за пределы христианства, мы должны сами решать, что нам выбрать: уродство или красоту? На футболках младших внуков моих друзей страшные рожи – порождение мерзкого человеческого воображения. А их друзья с удовольствием вешают себе на шею всякие обереги и символы зла. Они не деформируют свою юную личность? Это не уход за грань, где в глупой жестокости безвозвратно теряется человеческое? Куда это их может завести? Я слишком серьезно отношусь к мелочам? Не зря внуки подвергают ироническим замечаниям мои «старорежимные» взгляды? У старших внуков на майках уже что-то юмористическое. Слава Богу, поумнели! А другие? Все ли? И фильмы-ужасы используют отвратительных демонов. Двадцатый век довел их образы до предела. А у кого-то из детей они могут застрять в мозгу.

Я хочу видеть спокойные человеческие лики, а сама люблю рисовать карикатуры и шаржи. У меня полезный интуитивный страх перед жестокостью реального мира или я рассуждаю как заржавевший педагог, как заплесневевший сухарь? Я с ума от страха за детей соскакиваю? Это моя запредельная мнительность? Меня, например, никогда не интересовало, какого цвета трусы у знаменитых артистов, а теперь об этом рассказывают на первом главном канале. И у кого не все дома? Как мне оградить детей от пошлости? Меня опять заносит?

Может, те художники все-таки шутили и создавали лица ада на потеху? И на картинах у Леонардо да Винчи в окружении Христа тоже есть мерзкие типы. Например, там, где Он в окружении убийц... Зрителю не до смеха.

Кому-то дано мысли и чувства выражать словами, а кому-то музыкой или красками.

Людей искусства трудно сразу понять. У каждого своя зона влияния, свой взгляд. Я сама сначала считала, что Малевич не умеет рисовать. Потом поняла, что он фигура переходного периода, стала присматриваться к его творчеству, изучать, искать связь времен. И в результате он сломал мое неренессансное видение его творчества. То же самое я могу рассказать о понимании искусства итальянского художника Тинторетто. Он соединил возвышенное и обыденное, землю и небо. Я не склонна к сакральным ощущениям, но его фигуры поют. А что он делал со светом?! Он создавал «нейроны света». Он изобретал новое, но не брал на себя функции Бога. И хорошему режиссеру интересно «поиграть» смыслами на другой площадке, в чужом пространстве (В Италии, допустим.) Да так, чтобы вписаться в него, чтобы все гармонировало. Это же другая вселенная чувств!

«Тайную вечерю» пишут до сих пор, вступая с нею в диалог. Только у Тинторетто ее было восемь вариантов. И поток творческих идей неиссякаем. Продолжается «интервенция» современных художников и в пространство Леонардо да Винчи, и Рембрандта. И молодым зрителям интересно разгадывать их новые решения, искать переключку с прошлым. Например, теперь художники предполагают в этой картине идею причастия, но не предательства. А я согласна с Дали: «Не надо искать Иуду, каждый из присутствующих мог быть предателем». Все мы в какой-то мере... Иуды и Каины, обреченные жить на земле. И часто не преднамеренные... Таков и мой печальный жизненный опыт наблюдений за человеческой природой.

«Спиной» на кухне смотрела сюжет про режиссера Соловьева. Он эмоционально наполнен и переполнен. Словами рассказывать о чувствах у него не очень получается, но фильмы создает хорошие. Ему везло? А мой знакомый режиссер жаловался: «Раньше идеология душила, не давала высказаться, а сейчас отсутствие денег давит».

Оказывается, Сергей Зверев прекрасный стилист, надежный, скрупулезный специалист, честнейший и порядочнейший человек. Но его эпатаж, его ругательства...

15

– Митя не имеет постоянных обязанностей перед семьей, у него много свободного времени. А как известно, пьют или гуляют обычно бездельники. Малейшее ущемление свободы вызывает в муже бурю возмущений. И бежит он к женщинам, жаловался на притеснения. Они лстиво его хвалят, жалеют бедненького, надеясь переманить, прибрать к рукам или хотя бы использовать. Он всегда нуждался в няньках не только дома, но и на стороне, чтобы слюни ему утирали. Он так и не повзрослел, не возмужал. Женщины его понимают. Одна даже сказала: «Сволочь, но привлекательная сволочь. Имеет обхождение. Когда хочет. И это неопровержимый факт». Я тоже теперь его

понимаю. Но мне от этого не легче. Пока дети росли, мне некогда было вникать в наши проблемы. Все бегом, бегом, многое надо было успевать... Хотя, конечно, случались попытки понять. Например: с какой стати я должна делать все, а он - ничего. Но любила, верила, жалела, сочувствовала. Дура была. «Придуришная», как шутит Инна. Все пережила и перегорела... Вот говорят, что весь мир спасти нельзя, а каждого человека можно. А кто спасать будет? Говорят... «Говорят, кур доят».

Сколько раз сажусь за компьютер, столько раз Митя проезжается по мне и часто одними и теми же фразами. Без комментариев не может. Знает же, что его насмешки выбивают меня из колеи. Он радуется, когда я, разнервничавшись, оставляю интересное для меня занятие?

Отвечаю ему: «Я не делаю тебе замечаний, когда ты часами болтаешь с друзьями по телефону или смотришь телевизор, не выражаю недовольства по поводу твоих поездок на рыбалку, почему же ты так нетерпим к моим безобидным занятиям? Ты ежедневно копаешься в планшете, а меня начинаешь упрекать, как только я включаю за компьютер. Почему тебе можно, а мне нельзя? Где логика? Подумала сердито: «Тебя мало занимает искусство. Но чтобы не чувствовать себя «неполноценным», ты все о чем не знаешь и чего не понимаешь или не воспринимаешь, подвергаешь осмеянию или вовсе не замечаешь. Тебя удивляло, но не восхищало, когда я по памяти читала отрывки из любимых произведений, прекрасно знала биографии многих знаменитых деятелей искусства. А ты попытайся вникнуть в то, что мне нравится. Не помешает. Я же слушаю политику, хотя от ее переизбытка на экране меня уже тошнит. Я в курсе всех событий и у нас, и за рубежом. И это меня не обедняет».

- Муженек, сегодня день физкультурника. Будем кросс бегать?
- От спальни до кухни и от кухни до туалета?
- Погода чудная. Пойдем в парк, полюбуемся на золотую осень, заодно и подышим лесом.
- С балкона вид лучше. А деревенским воздухом я завтра на рыбалке надышусь.
- Сама схожу.
- Попутного ветра.

Сегодня Митя вообще до абсурда дошел. Придрался будто я салфетки пачками расходую. У меня глаза на лоб от удивления полезли. Возмутилась: «Скряга, я пользуюсь матерчатыми салфетками, а ты бумажными! К себе предъявляй претензии». У него «заскок»? Может, просто рассчитывал «завести»? Перебьется. Слава Богу, пенсии у нас одинаковые. Хоть тут у него нет повода цепляться.

- Опять идешь на улицу? А говоришь, больная.
- Врачи настаивают на ежедневных хотя бы получасовых прогулках. У плиты здоровье не укрепить. Я не могу без дела гулять по парку, вот и завела перед домом цветник и по мере сил по вечерам в нем вожусь. Это плохо? Лучше дома стонать?
- Твои фляжки с водой для полива уже в квартиру перебрались.
- На балконе они никому не мешают. А твоя рыбацкая одежда посреди зала кучей лежит. От носков и сапог воняет на всю квартиру, меня тошнит от их запаха, но я не делаю тебе замечаний, пока ты ко мне не начинаешь приставать с претензиями. Как я устаю от тебя! Ресурс моей души уже заканчивается.

Пока я верила, что несмотря на свой эгоизм Митя любит меня, мне все было по плечу, я все трудности преодолевала. Эта вера удваивала, утраивала мои силы. Мне одной было тяжело справиться со всеми домашними делами, но я все успевала и по-своему была счастлива. Я растворялась в любви к мужу и забывала о себе. А это неправильно.

Он врал не избобретательно, но так естественно, натурально, что я верила. А узнав о предательстве, я тяжело заболела. Помню, в тот день охватила я голову руками, а волосы мои каляные (так моя бабушка говорила) как проволока и не гнутся. И коже под ними больно-больно... Во рту сухо, в горле наждак... Болезнь на длительное время будто обнулила мою прошлую жизнь. Я думала только о том, чтобы выжить.

После больницы я оставила работу и потихоньку занимаюсь домашними делами. Худо-бедно, но выполняю свой минимум. Митя против моей воли - я устаю от присутствия чужих людей - нанял домработницу. Она была лентяйкой, не умела готовить и к тому же воровала. Полгода я с ней мучилась, каждый день нервничала, умоляла уволить. Не слушал муж меня. Сын помог избавиться. Тогда он привел вторую, молодую, энергичную. Она потребовала гладильную доску. Не со мной, с нею он пошел ее покупать. Женщина удивленно взглянула на него, на меня и, пожал плечами, отправилась в магазин. «Значит так у них принято», - говорил ее взгляд. И мне не хотелось вступать в спор при чужом человеке. Я перед этим объясняла Мите, что жена должна выбирать вещи на свой вкус и вручать домработнице.

- Работники могут меняться, а я - хозяйка и всем должна в семье командовать. Своим походом в магазин с чужим человеком ты меня унизишь. Ты уже совсем меня со счетов сбрасываешь? - растолковывала я мужу элементарные истины.
- Глупости, - возразил он и сделал по-своему.
- Жаль, что ты не понимаешь таких простых этических вещей, - вздохнула я с обидой. - В лесу с волками, что ли

воспитывался? Если хочешь понимать меня, поднимай свой культурный уровень.

Еще раз попыталась поговорить с Митей на эту тему, но в ответ получила раздраженное:

- Не обращай внимания на мелочи.

А я подумала: «Когда здорова была - не замечала. И зря». Потом вслух возразила:

- Уважительное отношение к близкому человеку - не мелочь, а основа существования семьи.

- Я для тебя старался, а тебе всё не так.

- Я тронута! Сколько мне нужно повторять, чтобы ты запомнил: «Если хочешь сделать мне приятное, угодить, делай так, как я прошу. Не считаясь с моим мнением, ты оскорбляешь меня».

Новая домработница оказалась умной женщиной. Она довольно скоро поняла характер моего мужа и ушла от нас. Перспективы жизни с таким человеком ей не светили. Я сразу поняла ее намерения, только виду не подавала, решила, пусть сама убедится, так будет быстрее и верней.

Злюсь на мужа, молча бешусь... но мне так не хватает его любви! Неразрывными узами связана я с ним, потому что понимаю, что любовь - самое ценное, что есть на свете? Но когда долго веришь и напрасно надеешься, то устаешь. Обиды концентрируются... Еще Ницше объяснял, что «твои ближние всегда будут ядовитыми мухами». Сколько раз просила: «Ты запутался, давай забудем все, что было и начнем жизнь заново, без лжи. Будем называть вещи своими именами. Это же так просто!» Для меня просто, а Мите не хотел себя переделывать. Ложь стала его сутью.

Разговаривала с батюшкой около церкви. Проходила мимо, а он беседовал с прихожанкой. Остановилась, тоже вопрос задала. Он ответил: «Если есть любовь, должно быть и доверие. Домострой ничего общего с христианством не имеет... Где-то он уступит, где-то она, а где-то вместе придут к общему решению...» Мои слова повторил.

Соседка думала, что если заставит мужа повенчаться, так в его душе сразу воцарился покой. Такого не бывает. К этому надо самому прийти. К тому же венчание накладывает обязательства. Они должны будут призваны давать жизнь стольким детям, скольких Бог им пошлет. Только кто теперь исполняет эти предписания и заповеди?..

*

Третий раз не могу попасть на УЗИ. И это платная медицина! Что же тогда теперь твориться в бесплатных поликлиниках?

Моя медицинская карта - «полное собрание сочинений». Оно разностороннее и разноплановое.

Чем только ни лечили врачи мне сухую экзему! Ничего не получалось. Но как только я взяла себя в руки и решила не обращать внимания на фокусы мужа, болячки сами вскоре прошли.

Ужинаем на кухне. Колени мои ноют, тяжело сгибаются-разгибаются. Прошу мужа выключить газ под кастрюлькой.

- Какой ручкой - спрашивает. Чувствую, не хочет помочь, хотя ему достаточно протянуть руку, ведь рядом с плитой сидит. Как же, прошу сделать непривычную для него женскую работу!

- Крайней от тебя, - отвечаю сдержанно. (Лучше бы пересилила боль и сама выключила.)

Он поворачивает вторую.

- Ты выключил чайник, а он еще не вскипел.

- Ты про другую кастрюлю говорила, - возражает Митя первое, что приходит ему в голову.

- Где ты видишь другую? На плите одна.

- Цепляешься ко мне, тебе бы только командовать.

- Командовать, придирается и кричать - это твой метод общения с близкими, - не выдерживаю я. - Теперь ты понимаешь, почему я до болезни все делала сама, а тебя не просила? Ты же все мозги проешь, прежде чем пальцем шевельнешь. Так кто у нас в семье капризный? Или ты так любишь мне досаждать, что уже и жить без этого не можешь?

А теперь, когда мое здоровье, между прочим по твоей вине, ослабело, я вынуждена просить помощи, хотя нормальный муж должен сам догадываться быть предупредительным. Хотя от кого я жду... Ты же никогда ни к чему не причастен.

Я умышленно закончила разговор этой фразой. Иначе он вообще через минуту забудет, о чем я его просила. Хотелось добавить, мол, одно у тебя в голове: «где-нибудь, с кем-нибудь и как-нибудь, и в этом твоя суть», но сдержалась, не стала обострять отношения. Ни к чему хорошему это не приведет.

Смотрю в окно. «Ветер вдаль вскрывает небу вены» и выпускает темные облака, а поблизости, в парке, он лохматит «табуны гривастых» тополей. Слева открывается широкая панорама микрорайонов. Их построили за перестройку. Я туда редко наезжаю. Зимой странным образом нарушается геометрия города. Но высотки служат прекрасными ориентирами. Хорошо, что мы выбрали квартиру на самом верхнем этаже. Какой обзор!

- Митя, выключи, пожалуйста, чайник. Слышишь, свисток надрывается.

- А вдруг ты захочешь варить воду еще минут десять, - издевательски заявляет муж.

- Такое только тебе могло прийти в голову. Не хочешь выключать, так хоть свисток сбрось. Звук на уши давит. Тебе же только руку протянуть, а мне вставать надо. Я три часа у плиты стояла, только присела, а ты все это время лежал на диване и читал.

Митя поворачивает ручку газа так резко, что задевает локтем чайник, и он слетает с плиты на пол. Маты заполняют нашу маленькую кухню. Я сдержанно говорю мужу, что эта мелочь не стоит наших нервов.

Раньше я кинулась бы мыть пол. Я всегда убирала за ним, когда варенье или борщ взлетали от его психа чуть ли не до потолка, а он выводов не делал из своего поведения. Но любому терпению есть предел. Я поняла, что пока буду ему няней, он так и не научится сдерживать свои эмоции. (Давно надо было!) Из кухни в мой адрес долго несутся проклятья.

Я молчу. Как я устала терпеть неконтролируемую агрессию и скандальные выходки мужа, в которых он словно теряет границы реальности! И свое раздражение по их поводу мне надоело. Сам провоцирует безрассудные необузданные ситуации, сам звереет. И несет его куда-то... И никогда не кается. Врач объяснял, что ревность и насилие в любых формах - признак неуверенности в себе. Но муж никогда не признавал выводов специалиста.

К месту вспомнилось чье-то стихотворение в толстом журнале. В нем весело рассказывалось о том, как капризный муж все больше и больше предъявлял требований к жене, а когда она оставила его, вынужден был довольствоваться столовой и прачечной. Рассказать о нем Мите? Не стоит под горячую руку.

В памяти всплыла шутка Инны: «Я работаю на опережение. Когда в меня целятся, я сначала стреляю, а потом думаю, «кто это и за что?» Я тоже человек независимых суждений, но не способна перед мужем их отстаивать. А жизнь не Невский проспект, а все больше ямы да канавы, особенно, когда не к кому обратиться за помощью.

Я мечтала прожить с мужем так, чтобы мы слова грубого друг другу за всю жизнь не сказали. Собственно я так и жила, пока не узнала... Теперь вот срывать стала. Лежу и думаю: «Может быть, есть упражнения для души, чтобы в любой обстановке ее в красоте содержать, как и тело? Вряд ли. Беды и болезни ни лицо, ни душу не красят. Но как хочется легкости и светлых ощущений от жизни!»

Как-то спросила мужа: «Стоила ли хоть одна твоя «великая» любовь на стороне благосостояния семьи, моего здоровья и моральной трагедии наших детей?» Не стал метать громы и молнии. Может, сам впервые над этим задумался и попытался оценить? Искренне сомневаюсь в правильности моего предположения... и тем более его выводов. А может, с возрастом память о яркой страсти выцветает, и прошлые мечты уже кажутся ему примитивными? Вот и промолчал.

Утром заглянула в холодильник, а там все стенки красные от клубничного сока. Говорю мужу устало: «Я же много раз просила тебя класть размораживаемый продукт в кастрюлю. Я только вчера вымыла холодильник. Бог с ней, с клубникой, но ты и сырое мясо, и рыбу норовишь положить размораживать на верхнюю полку. Будь, пожалуйста, внимательнее».

И что я услышала в ответ на мои вздохи?

- Вечно тебе все не так. Упрекаешь меня. Я как вол пашу на кухне!

В чем дело? Митя, оказывается, сегодня впервые за пятьдесят лет нашей совместной жизни за собой стол вымыл после обеда, потому что так и не научился есть аккуратно. «Ему, наверное, раньше казалось, что пыль и мусор у нас в квартире никогда не образовывались, и у меня не было необходимости убирать, итак всегда чисто было. А теперь, видите ли, на кухне надо пол каждый день хотя бы подметать. А стол вообще после каждого приема пищи приходится мыть», - насмешливо подумала я, но дразнить мужа не стала. Не считаю шуточную формулировку о том, что семейная жизнь - игра саперов с минами - правильной. Я за мирное сосуществование и взаимопомощь. Но все же сказала:

- Ты теперь на пенсии, глобальных производственных вопросов решать не приходится, переключай свое внимание на мелочи, из которых теперь состоит наша жизнь. Я понимаю, трудно разгребать проблемы на уровне самих проблем, находясь внутри, но надо. Мне уже трудно делать привычную работу, я нуждаюсь в твоей помощи. Давай вместе справляться? Вон та трехлитровая банка освободилась неделю назад. Ты ее по нескольку раз на дню переставляешь и злишься, потому что она тебе мешает. Но ведь куда проще сразу отнести ее на балкон и поставить на стеллаж, где ей и место. Смешно? А почему мясорубку ставишь на полку, а запчасти к ней бросаешь где попало? Мне потом их приходится полдня искать по всей квартире. То же самое касается «мужского» инструмента. Ты теперь должен жить так, будто все эти мелочи имеют важный смысл. Как ты думаешь, почему я напоминаю тебе об этих противных мелочах? Я не хочу, чтобы ссоры повторялись. Ведь как они образуются? Петелька за крючок... за другую петельку... одно за другое цепляется. И по кругу... И какой уж там мир...

Криков и упреков хватило надолго. Ничего, я вытерпела. Сердце, конечно, весь вечер ныло и кололо. А когда оно не болело, я уж и не припомню.

Не прошло и получаса, как Митя спрашивает:

- Где моя настольная лампа?

- Должна быть на твоём столе, в зале. Там ее место. Ты вчера принес ее с балкона?

- Может, я считаю, что там ее место.

- На балконе лампа редко требуется, а в зале ты ее постоянно используешь. А когда перенесешь выключатель с середины балкона на вход, она вообще там не будет нужна.

- Сейчас мне некогда заниматься выключателем.
- Я не тороплю.
- Упрекаешь за то, что который год его не переставляю? Поднимаешь старую тему, заводишь меня?
- Просто напоминаю.
- Придираешься? А я просто разрешаю себе не спешить!
- Я молчу.
- Обиженную из себя строишь?
- Извини, я устала.
- Прикрываешься болезнью, разговаривать со мной не хочешь?
- О лампе? Тема исчерпана. Давай поговорим еще о чем-нибудь.
- Рот затыкаешь!
- И пошло-поехало... как старая заезженная пластинка. Слова и ситуации разные, а сценарий все тот же.
- Зевс-громовержец, прекрати метать громы-молнии! Пустое это дело, - устало прошу я, отправляясь в спальню.

Митя купил арбуз. Не повезло, он вялым оказался. Естественно, это разозлило его. Конечно же, он выплеснул раздражение на меня. Некоторое время спустя я спросила: «Арбуз ты не выращивал, и определить вялый он или сочный, не разрезав, ты не мог. В чем же я могла тебя упрекнуть или обвинить? Зачем ты иголки как еж выставлял, будто бы пытаешься от меня защититься? Я же ни слова не сказала тебе по поводу арбуза. С чего ты разошелся? Тебе, чтобы расшуметься и повода уже не нужно? Опять у тебя мнительность победила логику?»

Даже когда ты на самом деле бываешь виноват, разве я сразу кидаюсь на тебя с обвинениями? Я сначала пытаюсь понять причину твоего поведения, найти ей оправдание и только потом, если не получается, спокойно указываю на ошибку. И то лишь для того, чтобы ты ее не повторял. Каждый человек ошибается. Главное, не делать это назло, как бы в отместку за что-то. Иногда во имя мира в семье стоит пригасить свое «я», немного усмирить свой характер. Сильная личность может позволить себе эту борьбу с собой. Наш современник, путешественник Конюхов говорил о своей семье: «Главное, никого не обидеть».

Что Митя ответил? «Кончай с политесами! Не проецируй чужой опыт на меня». Он по-прежнему общается со мной через губу. Я трагически настроенный человек? Неправда! В студенческие годы я была радостная, улыбающаяся. Душа во мне пела! Но Митя загасил во мне солнце. И теперь мне не до юмора. И глупых шуток я не люблю.

Почему-то однокурсницу Светланку вспомнила. Сколько в ней было искренне-детского, прекрасного! Смешливая, неповторимо обаятельная, трогательная и такая милая! На первом курсе мы обе были тощие, длинные, нескладные, смешные и смешливые. Свидеться бы.

Я не феминистка. Я прекрасно понимаю, что равенство и равноправие – разные понятия. Мужчины возмущаются, потому что лишаются привилегий, но обязаны оставаться кормильцами. Работающие женщины вопят: «А кто будет оплачивать наш домашний труд? В Америке он приравнивается к работе мужа в любой сфере деятельности. Там при разводе все вместе нажитое делится пополам, даже если жена домохозяйка. А наши мужики слишком хитрые. Они задаром припахивают нас. С тех пор, как мы пошли работать, нагрузка на нас увеличилась в два-три раза, а мужья не хотят помогать. Получается, что вопрос упирается в их не порядочность? Пора менять законы. Мужчины несколько тысяч лет сидели на троне власти над женщинами. Еще сто лет назад для них женщины как индивида не существовало. Все понятия и вся структура общества создавалась мужчинами для мужчин. А теперь мы хотим ощущать себя полноценными партнерами. Но мужчины не хотят равенства. Они боятся, что женщины станут «ровнее их».

В этой ситуации важно стараться намеренно не оскорблять друг друга и попусту не играть словами, ради получения адреналина, что свойственно нашим «дорогим» мужчинам. Мы мечтаем о любящих, доброжелательных мужьях, но с железным внутренним стержнем порядочности. Не слишком ли многого хотим?

Мы надеемся засыпать со своим счастьем и с ним же просыпаться. Мы мечтаем иметь дом, как надежный тыл, в котором наша энергетика легко восстанавливается, где нас любят, уважают и ценят.

16

Бессонница. Мысли зацепились за одну тему и ходят по кругу, и ходят...

Культура – это, наверное, единственное, что может объединять людей разных стран в нашем сумасшедшем мире. Благодаря нашему воображению мы можем воспринимать объекты культуры, делиться впечатлениями. Это связывает нас невидимыми нитями доброжелательного притяжения. И в этом тоже проявляется встроенность государств в общемировые процессы. Культура служит ободряющим моментом и во взаимодействии между отдельными людьми. Я воспринимаю ее как нечто одушевленное, перетекающее, заполняющее души. Остальное только разъединяет.

Что я вижу в «Новостях»! Обыкновенный натуральный банан, прилепленный скотчем к стене выставочного зала – оригинальный артефакт! – продан за сто пятьдесят тысяч! Абсурд. Офигеть можно! О чем это событие говорит?

А Экология? Там тоже деньги, борьба за власть, за жизненное пространство. А женское движение? Его надо развивать, находить лидеров. Или женщины теперь тоже заражены теми же вирусами, что и мужчины? Культура возмечивает и увековечивает. Она то, чем мы все дышим. Хотелось бы верить, что она может спасти мир. Много ли у нас людей, ценящих искусство? Что они могут?.. Просить чиновников от культуры взяться за ум?.. Но им лучше ничего не делать, чем сделать что-то вдруг негодное своему начальству.

Каждый человек есть часть общего. Ощущать свою сопричастность, значит, не обеднять себя. «Человек не остров, он континент». Он не кирпичи носит, а строит храм науки! Вот как надо себя позиционировать, чтобы нацеливаться на творчество, чтобы чувствовать себя счастливым. Хотя... кому-то удобнее выстраивать себе защиту. Но «человечество будет живо, пока жива культура». Наталья Басинская так сказала. Она незаурядный историк, доктор наук, интересный популяризатор. Поверю ей, потому что согласна.

Цензура должна быть государственная или общественная? Только не партийная.

Читала в интернете злую критику в адрес знакомого профессора-филолога. Нельзя всякому дураку позволять нести ахиною в открытом доступе. Зависть – болезнь ума... Как же нас затягивает болото интернета! Может, он – спасение от одиночества? По мне так он нужное, но опасное лекарство, с какой стороны не посмотри.

*

Читая Платонова в школе, я подспудно, в глубине души чувствовала его особенность, но не считала хорошим писателем. Меня «убивал» его язык. Но он как заноза в голове засел и требовал опознания и признания.

Недавно услышала о творчестве Платонова оглушительную фразу, но не успела запомнить ее полностью. Смысл ее такой: «Это язык, на котором кричала планета, рожая страну Советов... Он предполагает обморочное состояние». Какая чудная метафора! Инна сказала бы, «обалденная».

Платоновский катастрофизм рифмуется с сегодняшним днем? Нет. Тогда все было намного страшнее. Платонов живет в нашем языке и культуре? Безусловно. Он писатель своей эпохи – революция, гражданская война, индустриализация, коллективизация, вторая мировая. В другое время он не мог появиться. Оттого и фразы его намеренно искривленные. Он ими прекрасно «раскрашивает» тексты. До него так никто не писал.

Жизнь подсовывает нам не смыслы, а суррогаты и в них нам самим приходится разбираться. И в Платонове мне интересно «побывать».

Как и многие творческие люди того яркого, но жестокого времени Платонов хотел обособиться или избавиться от плена прошлой культуры? Она заслоняла ему небо? Критики утверждают, что он создавал свой необычный язык, «чтобы разорвать пленку той страшной жизни и проникнуть в ее суть, в ее причины». Как Платонов соединял то, что принадлежало разным эпохам и разным эстетикам? Не соединял. Отбрасывал с его точки зрения лишнее.

...Трудно проникать вглубь чужого текста, но Платонова нельзя изучить, скользя по поверхности.

Закончив читать «Котлован» и «Чевенгур», хочется «закрыть мироздание». Острые, но тяжелые и жутко мрачные вещи. Это развенчание и приговор советской власти, ее перегибам и перекосам.

У Платонова косноязычие или языковая избыточность яростной щедрости измученной души? Мне кажется, что он так писал, потому что слишком любил родину и сочувствовал народу. Это была болезненная, мучительная любовь, которая разрывала его большое доброе и слишком чувствительное сердце. Эту боль он не мог выразить обычными словами, поэтому искал свой оригинальный язык, соответствующий страшным событиям, новые выразительные возможности. Никто в тридцатых годах не писал так пронзительно. Платонов тогда резко выделялся из общего ряда. Да и теперь тоже. Отдавая должное парадоксальности и дисгармонии языка автора... Собственно, это другая гармония, из «сто четвертого измерения».

Наверное, Платонов, как и я, считал, что ярые носители какой-то идеи перестают быть людьми. В них пропадает все человеческое. А в результате из жизни народа уходит радость. В его душе остаются тревога, страх и тоска. И они заполняют всю вселенную. Как я его понимаю!

Писатель, чтобы быть достоверным, проходит вместе со своим героем весь его путь и собирает всю его боль. Иногда яркий, многообещающий автор бывает раздавлен собственным талантом сопереживания. А желание обогатить себя новыми впечатлениями уводит от намеченного пути и становится его проклятием. Всякое случается...

В платоновской иронии и сарказме чувствуется что-то от Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Но они у него более жесткие. Он пытался злое выставить смешным? Это же ужас, ад! Разве можно смеяться, поджариваясь на раскаленной сковороде или будучи по губы погруженным в дерьмо?

Платонов – явление. Язык его своеобразный, тяжело воспринимаемый и труднообъяснимый. Я не хотела бы, чтобы литераторы шли по его следам, ведь обновление языка есть обновление и изменение самого человека. И не дай Бог повторения того «незабываемого» времени.

...Творческий человек лечит себе изболевшую душу своими произведениями и тем противостоит ее моральному истощению в борьбе со злом. Женщины в них плачут, мужчины иронизируют.

*

Есть артисты, играющие умных героев, а есть те, которые на самом деле умные.

Должно быть в ребенке заложено что-то такое, чтобы он воспринимал искусство или оно воспитывается? А может, оно в нем пробуждается? Не у всех? У гениев существует генетическое стремление познать, жажда, которая влечет, требует... У сына рано проявился талант сочинителя. Он погас или проявился в более позднем возрасте? А жажда к научным знаниям? Рельсы перестройки увели его в другом направлении?

Для развития личности важна встреча с великими произведениями и талантливыми людьми. Помню свое первое знакомство с классической музыкой на уроке пения. Она потрясла до глубины души. Потом были «Санта Лючия» и «Аве Мария» по радио. Они заполнили мою душу красотой и любовью к Миру. И многое другое, прекрасное, что встречалось на моем пути я жадно поглощала, пропитывалась им... И будучи взрослой, в минуты, когда впадала в ступор от нескончаемых бед, я окуналась в музыку, чтобы максимально высвободиться от тяжелого груза обид, снять стресс, расслабиться, держась за глубинную суть прекрасных произведений, за их очарование.

Засну ли я сегодня без таблетки?

*

Митя ругает дочь за то, что она взрывная и неприветливая, мол, не любит нас. Я ответила мужу спокойно: «У нее с раннего детства обостренное чувство справедливости. И теперь ее бесит, когда вроде бы умный человек говорит глупости, и, подменяя понятия, старается вывести ее из равновесия, вместо того, чтобы попытаться сгладить, разрядить или разрядить ситуацию. Иногда очевидные и непреложные для родителей истины могут казаться детям непонятными и даже неприемлемыми. В семье все должны искать пути к пониманию друг друга. Люди залезли в свой генный аппарат, а простому человеческому общению так и не научились».

И вдруг завелась: «А когда она была маленькая, ты любил ее? Ты был с нею ласков, нежен, заботлив? Ты хоть раз, посадив дочь себе на колени, побеседовал с ней по душам? И я, задерганная твоей мамашей, твоими фокусами и домашними делами не имела для этого ни времени, ни сил. Мне с тобой было намного труднее, чем если бы я одна растила детей. Вместо одного «рюкзака» проблем, я тащила три. И первые два из них – самые тяжелые, потому что абсолютно бесполезные, да еще и неблагодарные».

– Даже самым умным и серьезным людям иногда хочется отвлечься и развлечься, – насмешливоотреагировал муж на мою излишне пылкую речь.

– Вот ты и «развлекаешься», атакуя свою семью насмешками и ироничными шпильками, – уже остыв и взяв себя в руки, спокойно ответила я.

– Заскорузла ты в примитивных понятиях.

– Зато ты интересен, широк и ненавязчив в своих «изысканных» ссорах. «У попа была собака...»

– Зато сын – наш удачный совместный проект! Он умный и сдержанный! – заявил муж.

– Так он в меня. Как ты его ни портил, тебе не удалось сделать из него ни эгоиста, ни гулену, ни дикого ревнивца. Моя порода оказалась стойкой. Хотя и твое в его характере иногда проявляется. И я тогда пугаюсь и переживаю.

– Изучала мое «родословное древо»? Конечно, у меня в роду одни подонки! Тяжелая наследственность. Приходится ее оправдывать, – насмешливоотреагировал Митя.

*

По телевизору показывают балетный конкурс. Выступают японцы. Он и она взлетели как две фантастические птицы и на миг застыли в воздухе, устремленные друг к другу в совершенно одинаковых позах: ноги разведены параллельно полу, руки-крылья – в размахе. Я потрясена. Мне показалось, что они и в самом деле всё еще летят... В это трудно поверить, но это было абсолютно реальное... и нечто сверхъестественное.

Почему-то вспомнился однокурсник Антон. Обычно на праздниках он не расставался с гитарой, а тут танцевать вышел. Плясал не обучено, дико, темпераментно, страстно, стихийно подчиняясь интуитивным призывным желаниям тела и заложенным в мышцах вековым народным традициям. То вприсядку, то с невообразимыми коленами... Стремительный, молниеносный как комета! Высокий рост и крепкое телосложение не мешали ему быть легким и элегантным. От него веяло неподражаемо-красивой радостной размашистой силой, свободной широкой решительной волей! Хорош был, самобытен! Никто не годился ему в пару. Все расступились перед Антоном, все любовались им. А руки! Это отдельные волшебные части его тела. Я тогда подумала: «В нем такие страсти бушуют... от демона до ангела... Он так крупно существует! Человек такой силы, мощи и темперамента становится частью жизни многих людей. И в моей судьбе он был позитивной эпохой. Настоящий, без подмеса, истинный интеллигент! При одном только воспоминании об Антоне внутри меня рождается улыбка. Он фантастически, феерически положительный. С аппетитом живет. Можно подумать, что баловень судьбы. Но нет... не во всем».

Потом мы пели песни, исполняемые по радио Хилем, Сенчиной, Магомаевым. Инна не могла не пошутить. Сказала, что все они на музыку членов Союза композиторов и на слова членов Союза писателей. А Антон сказал, что советская эстрада многолика и прекрасна в самых высоких своих проявлениях, она благородная и утонченная. Но главное в ней то, что она исповедует радость жизни, потому что люди ее создающие знают ей цену. Он имел в виду пережитую ими войну. Их произведения оставляют прекрасное послевкусие. И певцы не носят масок, живут с открытой душой, потому-то так нами любимы. А в девяностые отовсюду музыка-яд неслась и растекалась... Но мы уже начинаем помаленьку перестраиваться.

...Антон исключительно весь наш курс привечал, никого не обходил своим вниманием, никогда не заносился. За что и любим.

Я от джаза недавно в состояние экстаза пришла. Ведущий хорошо сказал: «Джаз – это такое состояние души, когда в нас соседствует бесстрашие, любовь и душевный подъем».

Вторую ночь меня тянет философствовать на «культурные» темы. Но это лучше, чем скулить.

Кому что: кого театр влечет, кому «стрелялок» хватает, а некоторым достаточно посплетничать. Такой вот расклад.

Вспомнился разговор подруг на одной из очередных посиделок на лесной базе отдыха. Все уже лежали по койкам и настраивались на сон.

– ...По всем программам днем и ночью нескончаемые убийства, расследования. Нам упорно твердят, что кровавые

фильмы не оказывают влияние на психику детей, на их поведение. Но мы-то с вами знаем, как управлять молодежью, которой можно что угодно внушить. Если школьник все время будет видеть перед глазами негатив, к чему это может привести, куда нас завести? В черную дыру страха провалимся. Вспомните маргинальные семьи. Кого они растят? Некоторые ребята из неплохих семей тоже могут захотеть быть крутыми, пожелают насладиться властью над более слабыми, и все пойдет вразнос? Будет насилие хуже, чем у фрицев. Нам мало девяностых, не насытились подлостью и угрюмой аурой тех лет? По телевизору недавно говорили об участившихся случаях жестокого отношения к детям в семьях. Сами приучали к жестокости, а теперь проснулись и возмущаются, будто пришли из другой жизни, из другого царства-государства. Все такие чистенькие, праведные. Крайних ищут, – возмутилась Аня. – Как-то не спалось. Стала листать каналы. Ни одного нормального! Всюду насилие. Под танк бы их все...

– Не режиссеры, а продюсеры теперь командуют в кино, точнее их деньги. Они создают «продукт». А откуда у них деньги еще выяснить надо. При СССР мы создавала породу самоотверженных людей, счастливых тем, что помогали друг другу. Это было социалистическое порождение. Жизнь нами прожита не самая легкая, скучать было некогда, каждая минута была занята чем-то интересным и полезным. Грех не вспомнить людей, которые нас учили, помогали вставать на ноги, указывали дорогу. И мы знали, что «за добро расплатимся добром, за любовь расплатимся любовью». А теперь – надо смотреть правде в глаза – со многим хорошим в ушедшей эпохе нашим детям придется распрощаться. Вяля моим доводам?

– Сокрушила, разбила наголову, звучит вполне правдоподобно – усмехнулась Инна. – Вот так, глядишь, и выясним истину, которую философы веками искали.

– Твой сарказм здесь неуместен.

– Почему же? Я тоже не в восторге от того что творится вокруг, но принимая во внимание...

– Начнешь критиковать прошлое, обзывать «тошнилровкой»? Преподнесешь новые невероятно хамовитые «перлы»? Мы отменили частную собственность, потому что она человека делает придатком денег и не дает полной свободы.

– Напомню, отменив частную собственность, мы решили многие проблемы, но и много чего породили и нагородили... Мы все время с чем-то боролись. То с зажиточными крестьянами, то с длинными волосами и с узкими брюками, то с западной музыкой. Глупо было чиновникам бороться с музыкой. Она же от политики отвлекала. Видимость работы создавали? За несогласие с линией партии талантливых ученых выгоняли из вузов. Всюду были скользкие серые люди в штатском. И Хрущев умел сажать не только кукурузу. И это при том, что вроде бы не должен был... Хорошо начал, да плохо закончил.

– А я с удовольствием пересматриваю добросердечные фильмы шестидесятых. В них столько, нежности, радости, в них атмосфера всеобщей любви, – подняла на подруг чуть увлажнившиеся глаза Лиля.

– Иногда люди счастливы просто от того, что на улице хорошая погода. После современных динамичных фильмов, старые ленты мне кажутся тягуче-замедленными. Я перескакиваю на другой канал, минут десять его посмотрю, а когда возвращаюсь к прежнему фильму, там еще ничего нового не произошло. Это раздражает. Мы уже привыкли к современному темпу жизни.

– К жизни, в которой беспощадное бездушное безразличие, в которой даже в глазах молодых людей, потерянных в черед подчас бесплодных дел и забот, поздняя осень или неукротимо-обреченный страх ночи, – по-своему продолжила Инну мысль Аня.

– Нестабильность во всех сферах жизни. А поиски работы... – вздохнула Лиля.

– Да, ритм жизни другой. Даже в хороших семьях дети не успевают полюбить природу. Мы спешим научить их чему-то: малышей водим на английский, балет, гимнастику, музыку. Дети не видят вокруг себя ничего и никого, кроме педагогов. А разве раскрылся бы талант Леонардо да Винчи, если бы он все свое детство не вдыхал воздух свободы, не вбирал в себя красоту родного края, бродя в одиночестве по лугам и полям, присматриваясь, изумляясь, изучая? – спросила Аня.

Валя сказала:

– Познавая мир, он совершенствовал душу. Не могу не вспомнить слова Леры о том, как в детстве, совсем маленькой она ездила на юг к морю, где впервые узнала красоту необозримого водного простора. А с бабушкой она смотрела на ночное небо.

– Мне хотелось бы, чтобы современные дети тоже это могли понять, проникнуться, чтобы не обедняли они свою душу отсутствием любви к природе, чтобы умели ценить красоту, радоваться ей. Интеграл ребята умеют взять, а вот заката и рассвета в деревне никогда не видели и звездного неба тоже. Подчас пусты их души. Разве поход за грибами заменишь книжным знанием? «На рассвете природа чистая плоская... Сияет роса. Теплый влажный слегка пропитанный солнцем воздух сверлят комары, но я их не замечаю... Я не могу надыхаться ароматами леса! Я безумно счастлива! А на закате природа объемная, наполненная...» Но наши внуки этого не почувствуют, если не приобщим.

Надо сначала познать прелесть природы вживую, а потом уже вспоминать о ней, листая страницы книг или вытаскивая впечатления из закоулков своей памяти. Как иначе дети смогут понять, что природа – удивительный, но хрупкий мир невинности и совершенства, и что мы должны сохранять с ней зыбкое равновесие. Она – мать всего сущего, она и есть то место, где пробуждается Человек. Она – наш храм, наш дом. Надо учить детей везде и во всем замечать красоту, сохранять баланс между честолюбивыми устремлениями и Природой. Цивилизации хотят победить время, но это никому не удается. Песок засыпает руины их творений. Но эти памятники человечеству хранят энергию людей их возводивших... Важно беречь нашу родную планету ради потомков.

А для пожилых людей прогулка по солнечному лесу – прекрасный универсальный антидепрессант.

Потокая тщеславию родителей, носятся ребятишки, как каторжные, со скрипки на рисование, с танцев на вязание. Им вздохнуть свободно некогда. А есть ли у них к этому таланты? Может, им лучше книжку хорошую прочитать или на речку с друзьями сбежать, с отцами что-то помастерить?

Аня замолчала. Потом резко заговорила совсем о другом:

– Мы нефть качаем, а надо интеллект добывать и развивать – основное богатство любой страны... Стоит подмечать

блеск в глазах отдельных детей уже с класса четвертого-пятого, а с девятого уже целенаправленно вести эти золотники, к науке по тропе их увлечений. Меня в детстве тянуло и к биологическим исследованиям, и к физическим. Мой выбор зависел от умения учителя влюбить в свой предмет.

Ведь если разобраться, кто после родителей для ребенка самые главные люди, от которых зависит вся его дальнейшая жизнь? Это учителя и медицинские работники. А какое к ним отношение?..

- Бог создал красоту, чтобы мы Его поняли, - сказала Лиля.

- Не Его, а себя, - возразила Инна.

- Живя отдельно от стариков, наши внуки не могут по-настоящему их узнать и полюбить. Не имея братьев и сестер, они не учатся сопереживать, жалеть, помогать. Вот и суммируй. Новое поколение менее эмоционально развито, души в них меньше. Их не научили чувствовать, не пробудили любовь ко всему, что есть вокруг них: к миру, природе, людям - вот что меня волнует и беспокоит. Как нам научиться говорить с ними на одном языке? Они же должны ощущать себя внутри своего народа, внутри родной страны. Поэт Сергей Михалков говорил: «Сегодня дети, завтра - народ», - продолжила серьезную тему Аня. (Хороший педагог всюду остается педагогом!)

- Новое поколение слишком разношерстное и не слоистое, - заметила Инна. - Если наша молодежь не такая, какой мы ее хотели бы видеть, значит, мы делали что-то не так.

- Нас физическое здоровье, может, иногда и подводило, но моральное - никогда. А моральное, я считаю более важным. Помните, в армии выживал тот, кто был духом сильнее, - уверенно заявила Аня.

- Дети всегда подражают героям фильмов. С кого они теперь берут пример? С покемонов? С бандитов? - Это Лиля сказала.

- Не сочти за труд прекратить эту тему, - тихо, но раздраженно попросила Нина.

- Еще чего! - возмутилась Инна и поменяла направление разговора:

- Говорят, природа на детях гениев отдыхает.

- Рожали бы по десятку детишек, глядишь меж ними и отыскался бы гений, достойный родителей. Менделеев был в семье семнадцатым ребенком, а у Баха родилось восемнадцать детей от одной жены и трое от другой, - рассмеялась Лиля.

- Не с нашими мужьями, - добавила она уже грустно.

«Говорят, говорят и ведь ничего нового... Будто одну и ту же колыбельную напевают», - подумала Нина. Это Аня прочитала на ее лице и решила пощадить сокурсницу.

Я задумалась о чем-то, и до меня стали долетать только отрывки разговоров подруг.

- ...Каллас? По экспрессии, по драматизму вокала никто не может к ней приблизиться. Я сужу с позиции музыканта.
- Это точно было замечание Александры.

- ...А «Ширли-мырли» Меньшова. Это же шедевр! - А кто сказал, не помню.

- ...«Театр - барометр здоровья нации», - утверждал Гарсия Лорка.

- И он среди великих отметился?

- Имеет право.

- ...Искусство должно оперировать чувствами, но не инстинктами. В противном случае это уже не искусство.

- ...Ходила на выставку Никоса Сафронова. Поразила детальная проработка его картин, их тонкая прорисованность. У меня создалось стойкое впечатление, что он сначала фотографирует объект своего внимания, а потом тщательно и талантливо по клеточкам переносит изображение на холст, вписывая неожиданные оригинальные детали и дополнения. Так делал мой школьный учитель. Он еще и проектор использовал, чтобы лучше разглядеть каждый штришок каждый мазок на картине копируемого им гения. И портреты у Сафронова как фотографии отличного качества. Картины, безусловно, прекрасные... но что-то внутри меня свербит, царапает и возражает, - сообщила Инна.

- Даже если он использует технические средства, это не умаляет его художественных качеств. Нет ему равных и похожих. Сломал стереотипы, заставил думать по-своему. И это хорошо. Применяли же великие художники прошлого камеру Обскура, линзы и зеркала, - сказала Лиля. - Но портретист, прежде всего, должен уметь увидеть и почувствовать внутренний мир своего героя. А еще в нем должно присутствовать восхищение миром красоты жизни. В этом проявляется его талант. В противном случае его заменит талантливый фотограф.

- Меня портрет мужчины за красивой золотой решеткой навел на мысль об использовании Сафроновым сетки, - заметила Инна.

- Хитрец-молодец. В век технического прогресса это естественно и нормально. Какая разница, каким способом достигается получение шедевра, увековечившего имя автора в истории искусства? Главное, чтобы его творчество было созвучно эпохе, чтобы современники увидели в нем что-то новое, особенное. А это как раз и просматривается, - уверенно сказала Лиля.

- Не скажи.

- А вот и скажу.

- А эти женские образы, как-то странно и неестественно парящие над городами... - пожала плечами Аня.

- Это же символы: мечты и фантазии автора. Должен же Никас чем-то отличаться от других не менее талантливых собратьев по цеху! - выразила Лиля свое мнение.

- Чтобы зарабатывать миллионы?

- И что с того? Завидно? - удивилась Лиля вопросу Ани.

- Разобрали по косточкам. Одни талантливо пишут, другие талантливо оценивают, критикуют и радуются своей сопричастности, - сказала Инна.

Женщины рассмеялись. Сон и вялость на время отлетели от них.

- Без меня - меня судили, - пробурчала Аня, приняв на свой счет замечание Инны.

- Недочеты твоей нехитрой аргументации базируются на домыслах и болезненном воображении. Я легко их отмету как несущественные, - сказала Инна.

- Я же не утверждаю, а предполагаю. Между прочим, болезненная чувствительность не раз выручала меня и в работе, и по жизни.

- А болезненная мнительность? - вставила Ане шпильку Инна.

- Она тесно связана с бессознательным.

- А вдруг ты обладаешь даром убеждения? Вот из-за подобных предположений... мир может разрушиться. - Инна продолжила цепляться к Ане.

- Искусство - нескончаемая тема. Может, оставим ее? - предложила Инна.

Почему я записываю в дневник наши «диспуты»? Надеюсь, что они могут быть интересны моим внукам или у меня элементарная тяга ко всякого рода писанине?

*

Кира пытается вытащить из памяти хотя бы что-то, написанное Зоей о своем понимании музыки. Она много строк ей уделила в своем дневнике.

...Не люблю оперу, если слов не разбираю. Нет, я содержание, конечно знаю, но мне этого мало. Не выношу, когда воют, а не поют.

...Он будто играет в четыре руки с самим... Господом. О нем говорят, что он распят музыкой на кресте. О ком это?

...Музыка - самое эмоциональное из искусств. Ее глубокое понимание - слишком тонкая материя. Большинство людей ее понимают на уровне чувств, но не знаний. Музыка по своей сути честна. Она обращена к высокой Божественной сути и стремится объять вселенную. Через музыку мы вбираем ее в себя. Музыка способна объединить людей разных религий и верований. И это было бы здорово.

...Очаровательная Хибла Герзмава! Сколько в ней милого женского обаяния! Она - прекрасная звезда.

- Звезды падают. Она - планета.

...Елена Образцова сказала, что одни поют ноты, другие - музыку. Образцова поет образцово. Она умница.

...Я не понимаю странного поведения некоторых поклонниц артистов. Одна знакомая мне жаловалась: «По телефону мужу звонят, обливают меня грязью, обзывают, грозят. Неужели они верят, что, допустим, разведясь со мной, мой умный муж может жениться на одной из этих ненормальных? Как в человеке может сочетаться понимание таланта артиста и дикость нрава?» Я тоже не понимаю. Это же полное отсутствие культуры чувств.

...Музыка - язык Бога, язык Вселенной. Как сказал Бетховен, «она посредник между разумом и душой». И величие в ней и простота. Она открывает потаенные глубины человеческой души. Мне кажется, человек запел раньше, чем заговорил. Эмоции переполняли его, он изливал их, подражая звукам природы, а уже потом, сопоставляя звуки и действия, он придумывал слова. И мы чувствуем в них музыку. Возьмем, например, слово «шуршать». Каждый слышит в нем шелест сухих осенних листьев под ногами. Музыка в моей жизни занимает почетное место. Заканчиваю свои «изыскания» в области истории музыки и словообразования.

...Эмоции - это то, что объединяет народы. На футболе, на концерте знаменитости.

...Дай бог, чтобы наша современная музыка была во славу России. Меня беспокоит другой аспект той же темы. У меня до сих пор, когда я слышу старые песни о родине, дыхание сбивается в груди, не хватает воздуха. И слезы набегают. Вздрагивают ли сердечки наших детей при звуках этих песен? Будут ли они щемить у наших внуков или всякие там буги-вуги накрепко запеленают их сердца толстой оболочкой безразличия? Я не против различных видов развлекательных мелодий. Лишь бы о главном не забывали.

А мое сердце бьется в ритме музыки Таривердиева. Трогает особый мир Баха, Брамса, Бетховена. Настоящая музыка отдаляет от повседневности. Когда я переполняюсь ею, в меня больше ничего не вмещается и весь мир кажется состоящим из красоты, добра и счастья. И все же я до конца не смогу услышать в ней то, что способны расслышать композиторы. Мне не дано.

...Не все они при жизни были признаваемы. Пока живы - они неясные противоречивые фигуры, а покинут наш бренный мир, так сразу определяют их в гении. (Умершие друзья самые лучшие друзья», - пошутила бы в этом месте Инна.) Или наоборот - их напрочь забывают.

...Гении сосредоточены, зациклены на себе, на своей гениальности или на объекте приложения своего таланта? Гениальность сродни аутизму. Гении, как правило, эгоисты? Жить с ними, наверное, невыносимо сложно.

С подонком или ничтожеством - много трудней. Да еще и гаже.

Тяжело, если гений сознает свою гениальность? Кому тяжело? Великими себя воспринимают только дураки. Сегодня ты великий, а завтра тебя сбросят с постаментов и растопчут. Но в этом-то как раз виноваты не гении, а посредственность. Беспомощность гения бывает поразительно трогательна.

...У Баха был жуткий характер. Кого я огоршила? И с Платоновым жить было не сладко, хотя он любил жену. Она для него была царицей. По сути дела жена его создала. И всю свою оставшуюся жизнь она посвятила его наследию. Была тщеславна? Любила мужа.

...Жена и вдова – совершенно разные статусы и соответственно, разные модели поведения. При живом Таривердиеве жена была ниже травы: нянька, тень. А потом поднялась, возвысилась. Без всяких натяжек заслужила. Он семь лет болел. Это тот случай, когда потери вознаградились. И теперь она посвятила свою жизнь увековечиванию его памяти. Проведу невидимую черту: и себе.

...Надежда Яковлевна, жена Мандельштама, жаловалась, что с чужими людьми он легкий, жизнерадостный, полный юмора, добрый и обаятельный, а с нею деспотичный, и что жизнь с ним – сущий ад. Резкий, бескомпромиссный, требует абсолютной самоотдачи и полного подчинения. Не оставляет ей собственного пространства, никуда не отпускает. Она жизнь ему посвятила... Он вампир? Подлаживаться, терпеть, быть его частью? Так ведь не с бронзовым памятником жила, с человеком со всеми его слабостями. Гению надо потакать. Его надо холить, лелеять. А как иначе?

Мандельштам ни физически, ни психически не мог оставаться без жены. Не находил себе места, если ее не было рядом. Безумно ревновал. Это из области сплетен? А сам влюблялся. Ха! Это не мешало его любви к жене. Ее поставил бы на свое место. Любил! Жестокий капризный собственник, эгоист. А как же он жил без нее в ссылке? Может, там понял, как был не прав? Надо покопаться в книгу.

...Некоторые жены гениев растворялись в мужьях без остатка и тем были счастливы. У них не было личной жизни. Одни были няньками, другие музами. Вторым больше повезло. Язык у меня не повернется первых назвать счастливыми. Их собственные женские судьбы остались не прожитыми. Многие из них тоже были талантливыми. Живя рядом с гениями, они убивали себя как личности. Или нет? Зато вместе с гениальными мужьями вошли в историю!

Отречься от своей мечты во имя большого талантливого человека – это тоже счастье? Я не рискну выстраивать типологию жен великих людей и делить их на категории. Чуковский и Короленко были прекрасны и в творчестве, и в быту. Без закидонов. Талант не мешал им быть людьми с большой буквы. По мне так все дело в личности человека, в его характере, в его воспитании. Гениальность тут вовсе не при чем.

Аня как-то сказала смущенно: «Кто мы такие, чтобы стоять между гениями и их произведениями? Я предпочитаю не знать подробностей биографий и характеров авторов гениальных произведений. Эти знания мешают мне воспринимать их творчество. Не люблю, когда издаются личные письма. Тайна должна оставаться, преклонение. А то там много чего... может всплыть наружу. Что касается современников... Я бы не рисковала так уж часто употреблять слово «гениальный». Все мы люди своего времени, все мы субъективны. Я уважаю чужие мнения, но придерживаюсь своих».

...Инна шутливо предупреждала меня, что бывает необъективна в своих оценках. Кого любит, может совершенно незаслуженно вознести до небес, а на безразличного ей человека – излить всю желчь, полученную совсем по другому поводу. И вовсе не со зла, просто потому, что любит «поупражнять» свою иронию на чужих людях. И Лена имеет подобные критические «шедевры», но держит их в отдельном «сейфе» своего компьютера и не выносит на суд читателя. Она и себя может крепко «прокатить» в этой «телеге». Все мы в какой-то степени страдаем теми или иными слабостями.

Слушала гениального канадского пианиста и композитора Глена Гульда. Играл без нот. Когда он сочинял, ему требовалось, чтобы ни один посторонний звук не нарушал его мыслительные образы. Полностью сосредоточившись, он будто прислушивался к космосу и считывал из него свои произведения. У него целыми сутками в голове крутилась музыка, не давала спать, но не утомляла.

Мир музыки более абстрактный, чем пространство художников и писателей, и поэтому, наверное, сложнее.

Лена рассказывала, что в юности у нее постоянно возникали фантазии то разрозненными кусками текста, то готовой архитектурой целого произведения, которая ее вполне устраивала. Фантазии имели для нее особую значимость, потому что радовали. Сочиняя, она отождествляла себя со своими героями и чувствовала себя счастливой. В эти моменты у нее появлялось ощущение бесконечно расширяющегося пространства. И тогда ей казалось, что в минуты радости возможно постижение и достижение духовного совершенства человека. Лене не покидала мысль распространить это свое понимание на душевно близких ей людей. Ей хотелось передать им, хотя бы его малую частичку, чтобы оно, развиваясь и разрастаясь в них, позволяло прорываться сквозь множасьи горы ненужной бытовой информации, будило воображение и помогало делать каждого индивида и мир в целом прекраснее и счастливее.

Наверное, Лена пишет книги, как композиторы создают музыку? Получается, что ее тоже осаждают произвольные мысли. Разница лишь в том, что тех, наверное, учили музыке талантливые педагоги, а Лене писательству – никто. Она, наверное, понимает, что это ее главный способ достойно и ярко выразить себя, свои чувства. Она обуреваема массой интересных идей...

Глен Гульд имел возможность нести свой талант пианиста людям. Своей музыкой он смог до многих достучаться, приблизить их к себе, сделать духовно богаче, а значит, счастливее. И я не исключение.

С возрастом он стал глубже чувствовать свойственную поздней осени красоту гаммы серых красок, покой и умиротворение. И этим он тоже мне близок.

...У Ларисы на стене, над компьютером висит картина талантливого липецкого художника Владимира Леликова. На ней остывающий лес в пору седой туманной осени. Серый день. Остатки листьев на усталых темных деревьях. Тропинка, тускло поблескивая, уходит вглубь леса... Но как притягивает взгляд! Интуитивно я чувствую, что эта картина полностью соответствует настроению позднего периода жизни моей вузовской подруги. И это свое понимание я готова отстаивать как правоту, как неопровержимую истину.

Последнее время заинтересовалась духовной музыкой. Ближе, понятней она стала моему сердцу. Почему раньше не обращала на нее внимание? Душа была не готова ее воспринимать? Атеистическое воспитание? Была недоступна?

Понравилась недавно услышанная фраза: «Страсти по Матфею – музыка коллективного переживания». Собственно, находясь в концертном зале филармонии и слушая талантливую светскую музыку, я то же самое могу сказать. Не погрешу против истины. Ни противоборства чувств, ни противоречия взглядов.

– ...Легко записать первую пластинку. Но надо все время доказывать, что ты композитор, певец, записывать вторую... пятую... десятую. Писателю тоже.

Но есть гении одного произведения.

Людей притягивает страшное, необычное, яркое? Я не люблю страшное.

В студенческие годы была в театре. Давали «импортного» «Севильского цирюльника». Артист необыкновенно быстро и изящно метался по сцене и одновременно пел, произнося скороговоркой «Фигаро здесь, Фигаро там». Но ведь как трудно прекрасно петь, хохотать и в то же время азартно, с выкрутасами, со сложными пируэтками носиться по сцене. Его изумительный голос, непринужденное поведение на сцене покорили меня. Я была потрясена.

Позже я несколько раз в различных городах слушала «Фигаро», но подобное больше не повторилось. Сумасшедшего восхищения не возникало. Я была благодарна влюбленному в меня юноше, подарившему мне билет – пусть даже на галерку – на представление, ставшее для меня эталонным, затмившим все последующие. У многих певцов были прекрасные голоса, они великолепны в концертных исполнениях оперных арий, но в спектаклях им не хватало темпераментной игры, артистизма. Возможно, у нас не принято носиться по сцене. У итальянцев и русских разные школы?

...У меня нет ни голоса, ни музыкального слуха, но я люблю классическую музыку, потому что «слушаю» ее душой. Ничто не сравнится с тем наслаждением ума и сердца, которое дает мне музыка!

В школе нас «загоняли» на хор для массовости. Правда, нашему учителю хотелось иметь на сцене только талантливых детей. Но я все равно ходила, потому что хотела научиться правильно петь хотя бы несколько песен, чтобы не чувствовать себя белой вороной.

...Музыка – «оружие» массового вдохновения. Она для «всегдашней радости в судьбе». Аня, как ты относишься к Погудину?

– Нравится.

– Это аргумент! – усмехнулась Инна. – Был Вертинский, теперь Погудин – современный аристократ русской песни.

– Даже так? Но я не люблю манерного Вертинского.

– Зря. Он всегда пребывал в недостижимой выси волнующего душу искусства.

– А как тебе этот...

- Знаю, о ком ты. Голос есть. Ему бы подучиться, а то он будто бы только что из ... сельского клуба, из-под гармошки.
- Дай срок, наверстает. Он умный энергичный. Ему бы мохнатую лапу в помощь.
- Сам пробьется.
- Я в свое время сразу отметила Пугачеву. Она не просто пела, но еще и талантливо играла. Пугачева – отдельная особенная фигура на эстраде.
- Да...умная, властная дама, – с неопределенной интонацией пробурчала Инна.

*

- ...«У меня непритязательный вкус. Я люблю самое лучшее». Я согласна с Оскаром Уайльдом, – как-то совсем буднично произнесла Мария.
- Еще бы ты была не согласна! Но попробовала бы ты с ним согласиться, когда не позволялось читать импортных писателей. Вмиг устроили бы тебе вендетту, – кисло отреагировала Инна.

- ...Зачем богатым внутренняя культура?
- Она – базовая ценность общества.
- А они – экономическая?
- Тфу ты! Полноценную жизнь проживает тот, кто в своем развитии дальше ушел от обезьяны.

- ...Евгений Мартынов – светлый лучик тожества прекрасного. Как я была рада видеть его на экране! – вздохнула Аня.
- А я так вдвойне! – искренне поддержала ее Мария.
- А я втрое! – озорно улыбнулась Инна.
- Раньше я почему-то видела в его глазах только свет и радость, азарт и оптимизм молодости исходящие от него. Еще трогательную нежность, щедрую ласковость. А теперь, по истечении многих лет, просматривая старые кадры, я замечаю его грустный неудовольствованный взгляд, усталое лицо. Почему, будучи молодой, я не замечала этого?
- Видела то, что хотела видеть, – ответила Ане Мария.
- Человек, поющий или играющий на музыкальном инструменте, раскрывается совсем по-иному, глубже, богаче. Он словно говорит еще на одном удивительном и самом прекрасном в мире языке! – сказала Инна.

- ...Финансирование музыки и балета несравнимо меньше спорта. И все потому, что к культуре чиновники относятся только как к сфере развлечения.
- ...А я Святослава Бэлзу обожаю. Вот бы кто одарил своей дружбой! Но он недостижим. Аристократ, интеллигент, интеллектуал. Кажется, что он в смокинге и с бабочкой родился. Такой человек никогда не опустится до оскорблений. В нем столько такта, тонкости и мудрости! Вот о каком мужчине мечтают женщины! И дело тут совсем не в его красоте, – сказала Аня.
- ...Критика теперь – служанка рынка.
- ...Их слава зиждется на умении заставить говорить о себе.
- ...Попса – это массовый идиотизм. Тексты некоторых песен заставляют старшее поколение краснеть, – заметила Мария.
- Что попусту языком возмущать окружающую среду? – вяло откликнулась Аня.
- Народ всеяден. Надо его приучать к классике, а не пичкать ерундой, – выразила свое твердое мнение Лиля.
- Достоевского и Толстого тоже не все любят, – с сомнением отозвалась Аня.
- Некоторые сценаристы и режиссеры берутся перекраивать классику на поповый лад, – сказала Мария. – Они корежат, потрошат, безбожно урезают произведения.
- Если талантливо, то пускай. Допустим, внесут больше юмора, света, блеска, темперамента. Только не всякое произведение можно кроить. И вкус надо иметь.
- Классические произведения вмешательство «попсы» наделит иными контекстами, – мгновенно отреагировала Инна.
- Для меня это не приемлемо. Достоевский есть Достоевский, Бах есть Бах и не надо их уродовать. Это издевательство. Пусть сочиняют свое, новое, – закончила свою мысль Мария.
- А если не дано, а жить хочется красиво? – рассмеялась Инна.

Галя написала мне: «Водила соседского Витю в оперу. Так сказать, приобщала к культуре. Впервые обратила внимание на то, что архитектура этого зала диктует ставить на его сцене только классику. Неожиданно почувствовала.

По дороге домой Витя сказал: «В семьях люди орут друг на друга и на сцене соревнуются, кто кого перекричит». Шли мимо прекрасно оформленной клумбы. Я спросила, заметил ли он, как хорошо на ней цветы? Мальчик ответил, что они ему не интересны. «Но ведь красиво!» – удивилась я. «Ну и пусть», – безразличноотреагировал малыш.

Как ты думаешь, Витя еще не проснулся для понимания прекрасного или он – «тормоз»? Как его пробудить?»

*

Была на выставке. Там собрался весь цвет города. До чего же все «светские львицы» похожи друг на друга!

...На этом рисунке скрипка поет. Картина колористически богата. Какая яростная утонченность мазков волшебной кисти! Какие нежные, воздушные краски!

...Главное качество творческого человека – его индивидуальность, собственный почерк.

...Почему этот уголок леса обратил на себя мое внимание, чем тронул? На заднем плане, в тяжелом сизом тумане голые искривленные торсы старых дубов, а на переднем – жидкие, скучные, какие-то жалкие осинки и молоденькие, распушенные, задиристые сосенки. Картина детство напомнила?

А эта картина называется «Осенний дождь». Я с тоской гляжу на изуродованную грузовиками дорогу, пролегающую через луг, на мокрых унылых галок. Мне одиноко... Ее я бы не повесила эту в своей квартире.

...Местный художник рассказывал об ярких самобытных личностях, не совпадавших с мировоззрением эпохи. Объяснял, что их произведения излучали душевность, искренность и доброту. Те художники не были знакомы друг с другом, но всех их объединяло время и идеи. Наверное, экскурсовод был прав, но меня не интересовали религиозные сюжеты. Мне хотелось от их картин живого чувства, тепла и честной пусть даже печальной любви к людям и природе, но не к остовам заброшенных церквей.

Обратилась мыслями в пятидесятые. Книга «Эрмитаж» в детстве расширила пределы моей души. Я понимала, я чувствовала, что «Возвращение блудного сына» – картина о беспредельной, безграничной родительской любви, способной все простить своему ребенку. Я плакала и мечтала о настоящей любви родителей. Я находила нечто подобное внутри себя и понимала, что смогу стать такой, похожей. И это было для меня важно. Мысленно принялась искать хорошие примеры вокруг себя.

...А случалось ли мне в детстве испытывать хотя бы легкую тягу к чему-то непристойному? Хотя бы в глубине души? Было, когда крепко обижали. Хотелось обругать, избить, но что-то внутри меня не позволяло. Нет, не страх наказания. Что-то неосознаваемое...

*

...Сейчас у нас в кино две крайности: слащавые мелодрамы о богатеньких выскочках и кровавые разборки бандитов. Крутом сплошь одни антигерои. Насмотришься, и жить не хочется.

...Странно, режиссер показывал на экране только ноги, а жутко жестокое содержание фильма было абсолютно понятно. Война, еврейское гетто... И будто фильм снят в режиме реального времени.

...Павел Лунгин. Как глубоко он понимает страдания человеческие, как точно их интерпретирует! В его творениях мощное музыкальное сопровождение Артемьева. Оно вовлекает зрителя в дополнительное измерение, которое позволяет фильму отзвучать до нуля своих возможностей.

Вспомнилось из детдомовского детства: черное-черное поле. Отдаленный звон колокола, холодный леденящий душу и тело злой ветер, его по-разбойничьи грозный свист в ушах... Начать бы так фильм... о нас. Это было бы очень сильно, но дерзко?

Почему вокруг так много неизбыточного горя? Люди сами виноваты? Зачем в них эта дикая бессмысленная жестокость? Как прожить без ошибок? Как поступать, чтобы всем было хорошо? Попробовать бы церкви передоговориться с Богом...

Философские, умные фильмы надо запускать, чтобы задумывались? Лечить последствия трудно, нужно не допускать перекосов.

...Главное, попасть своими произведениями в нужное время.

...Мы все в чем-то заблуждаемся, чего-то не даем друг другу. Детям нужна родительская ласка и поддержка. И нам их... Любить надо друг друга. Любовь питает души. Без нее они скукоживаются, усыхают как шагреневая кожа. Помню бабушку, мамину маму. Я приехала. Ее тело уже не работало, а душа продолжала оберегать близких... Вся ее жизнь последний год сосредотачивалась на этом малом клочке... на кровати, в мире привычных вещей и дорогих ей людей, в тиши их скромной неприметной заботы. «При подведении итогов неуместно «ходить на головах», – сказал двоюродный брат. Я ему признательна за понимание.

...Вместе с авторами книг, может не всегда осознанно, мы ищем ответы на свои самые трудные вопросы.

«Потребность в искусстве у детей разная. Нам надо помогать им не забрасывать увлечения, поддерживать их желания, стимулировать творческое мышление. Культура способна поднять человека с самого дна. Она есть свобода быть Человеком. А у нас подчас интеллектуальные дети становятся в классе «белыми воронами». Это вина школы.

...Чертовщина какая-то. Не хочется так думать, но у меня иногда складывается впечатление, что кто-то умышленно губит нашу науку и культуру. Это «возрастная» мнительность или остаточные явления после «ломки» девяностых? Как я радуюсь, когда вижу что-то противостоящее моим глупым страхам!

...Смотри внутрь себя и наружу. Сравнивай, оценивай.

Телевизор гремит, будто муж один в квартире или живет в частном доме. Прошу убавить звук, а он еще громче включает. Упрямого ничему хорошему не научишь, а дурное само цепляется.

Противные мелочи теперь раздражают сильнее. Хочется покоя, уважения и сочувствия. «Кефир и теплый сортир» – это еще полдела. Душевного тепла не хватает. Без него и телу неуютно и холодно.

Разнервничалась из-за пустяка. Лежу в спальне за закрытой дверью, смотрю первый попавшийся канал. На необитаемом острове женщина и мужчина лазают по скалам. Женщина путается в своих длинных юбках, а мужчина скачет как горный козел. Я в детстве быстро оценила удобство мужской одежды и наперекор матери (Мне холодно в платке!) ходила в школу в дедушкиной шапке, а для работы сшила себе шаровары. (Не хочу «светить» сподним, то бишь нижним бельем.) Закабаленные мужчинами женщины не могли позволить себе удобную одежду? Для них красота была на первом месте? Я не предлагаю в театр идти в брюках.

Не нравятся мне современные короткие мужские пиджаки, не прикрывающие застёжку на брюках. В них мужчины выглядят подростками, выросшими из этой одежды еще два года назад. Перед моими глазами так и стоит фото моих друзей детства, которым родители не имели возможность купить одежду по росту. И себя помню в коротеньком пальтишке, из-под подола которого, как «пятница из-под субботы» выглядывало платье и даже кофта. Такие вот ассоциации.

Когда Митя чинит бытовые приборы, я хвалю его: «Дело мастера боится!» Я хочу, чтобы у нас были общие радости.

Накупили на рынке продуктов на неделю, Митя по мобильнику такси вызвал. Я первая увидела нашу машину и говорю мужу, что напротив нас, у первого правого столба стоит машина с номером, указанным диспетчером. Но муж, не обращая внимания на мои слова, ныряет в гущу машин и, конечно, не находит нам предназначенную. Я снова обращаюсь к нему: «Смотри, вон там стоит шофер, машет нам рукой и одновременно звонит тебе».

Муж опять не слышит меня и несется в другую сторону. Я, безнадежно махнув рукой, отворачиваюсь, чтобы не видеть бестолковых метаний. Внутри меня все вибрирует и кипит. Я не нахожу объяснения такому поведению. Неужели желание все делать на свой лад не имеет границ и далеко выходит за пределы разума? Если бы я могла понять такое поведение, я бы так не нервничала. Наконец, набегавшись, муж возвращается за вещами.

– Тебе было трудно сразу посмотреть туда, куда я показывала? Я же хотела помочь.

– Я плохо вижу.

– Тогда тем более ты должен быть более внимателен к моим словам. Или у тебя и со слухом проблемы? Объясни мне, пожалуйста, зачем ты спекулируешь своим зрением? Я же теперь вижу хуже тебя.

Молчит.

...Приехали на свой этаж. Я прижимаю кнопку, чтобы лифт не двигался вниз. Муж выгружает сумки. Суетится, психует, кричит. Я думаю: «На рубль дела, на сотню суматохи», но помалкиваю. Наконец не выдерживаю:

– Что ты так нервничаешь? Нам некуда спешить.

– Слабое освещение. Я не вижу ручек у сумок.

– Не хватай сразу по три.

Не слушает, продолжает материться.

– По одной выноси. Тяжело ведь, – подсказываю я.

Еще больше запсиховал. Я прикусываю губу. Теперь он не выносит сумки, а швыряет. Картошка, яблоки и сливы катятся по лифту, по площадке перед нашей квартирой. Раньше я кинулась бы собирать, но сегодня стою и жду, пока сам соберет. И даже не потому, что мне с больной ногой тяжело наклоняться – я бы потерпела, – а чтобы муж на себе прочувствовал плоды своей несдержанности. Может, начнет учиться быть более терпеливым.

– Не оставляй картошку на зиму в гараже, померзнет. Я не смогу по весне гниль из подвала вытаскивать. Мне теперь по лестнице не опуститься.

– Под домом она растет.

– Ну и пусть себе растет. Каждый год росла, но до весны мы всегда были с картошкой. А мерзлую и сладкую ты есть не станешь.

Приписка. «Оставил. Померзла уже в декабре. Ляду не захотел закрывать. Утверждал, что рано, пусть, мол, проветривается погреб. Остались без картошки. Ничего, будем покупать в магазине».

Еще одна приписка. «Весна. Прошу вынести гнилую картошку из подвала, пока она в кашу не превратилась. Отказался».

«В августе сына заставил таскать вонючую «квашню» в мусорный бак. Это элементарное упрямство или глупость? Мне кажется, это болезнь под названием эгоизм. Ну и еще связанная с ней лень. Есть ли эгоизму противоядие?

Что такое эгоизм? Это желание быть лучше других. Может, казаться таковым? Это больше Мите подходит. И еще:

любым способом все для себя и только по-своему.

Ремонт в ванной комнате затеяли. Я загорелась идеей сделать ее в светлых, нежно-зеленых тонах. Повезло. Нашла нужную плитку на пол, прекрасно сочетающуюся с цветом стен. Радостно сообщаю мужу. Он сказал: «нет, дорого» и привез плитку казенную, грязно-серую.

Отреагировала внешне спокойным монологом, хотя внутри все кипело:

– Эта тебе по вкусу? И сколько рублей ты на ней выгадал? Мне теперь каждый день на нее смотреть и вспоминать о твоей жадности? А мог бы сделать жене приятное. Как ты не понимаешь, что дом – это место, где человеку должно быть хорошо, где он отдыхает душой. Интерьер должен радовать. В красивом окружении хочется красиво поступать. Мы сами себе должны создавать маленькие радости.

Муж возражает. И я сорвалась:

– Ища радости на стороне, можно потерять тех, что рядом. Для тебя не существует ни дома, ни семьи. Они – твоё временное прибежище. Твоя основная жизнь проходит во вне. Тебе другое интересно... вернее, другие... Тебе не нужен уют, значит, и семья его не получит. Так, что ли? Давай жить в сарае, носить ободранные ватники, есть из собачьих мисок... Я могла бы понять, если бы не было денег, но ведь, слава Богу, не нищие. С собой на тот свет ничего не унесешь, здесь надо жить нормально. Для кого копишь, на нас экономя?

Я впервые так откровенно с мужем говорила. Ор был на весь дом. Сама виновата. «Конечно, сама. Сначала в том, что тебя выбрала в мужья, потом в том, что осталась с тобой после всего... Жила жизнью, которой не хотела... Я прекрасно сознаю, что все, что сейчас имею – это плод моих собственных ошибок. Были ли у меня моменты настоящего, высшего счастья? Были, но все они с... некоторых пор связаны только с детьми».

А муж, вдоволь накричавшись, заявил:

– Стоит ли переживать по такому ничтожному поводу?

– Ты о плитке или о женщинах? – спросила я и пошла на кухню.

Поехали на рынок за клубникой для варенья. Естественно, что набрали еще много чего. Вызвали такси. Челноком перетащили пакеты и ведро к месту, где нас обычно подбирают водители такси. Ждем пять, десять минут. Прошу мужа поискать машину. Он находит ее и просит таксиста подъехать ближе. Тот говорит, мол, я стою напротив названного вами дома и не собираюсь угождать вашим капризам. Муж отвечает, что мы находимся с другого конца этого же длинного дома, но ближе ко входу, там, где в ограждении есть проход для людей. А до вас нам, двум инвалидам, придется идти с вещами метров пятьдесят по дороге, по которой движется непрерывный поток машин. И еще, чтобы добраться до вашей машины, нам надо будет перелезть через ограждение. Но мы не в том возрасте, чтобы совершать такие подвиги, да еще с вещами. И какой смысл нам это делать, если вам все равно на выход со стоянки проезжать мимо нас?

Но таксист остался стоять на месте. Я ошарашена, муж взбешен. Вызвали другое такси. Оператор попросила объяснить причину конфликта. Муж рассказал. Оказывается, таксист уже успел наговорить ей о нас кучу гадостей. И второй шофер поинтересовался причиной ссоры.

Муж еще долго возмущался глупым упрямством таксиста, а я вдруг подумала, что он сам часто ведет себя так же, но не замечает за собой этого. Промолчала. Пусть успокоится.

Митя купил уцененный, почти не облитый эмалью унитаз. Я сказала: «Он же шершавый и значит плохо смываемый. Сам будешь его каждый день драить». (Разбежалась!) «Прибраться к рукам меня хочешь?! Не выйдет! Я не собираюсь исполнять твои прихоти и капризы», – возмущенно заявил муж. (Это уже патология!) «Только свои?» – спросила я грустно.

После химий и облучений мне трудно стоять у плиты, трудно возиться с горячей водой. И врач советовал меньше времени проводить на кухне. Но пересиливаю слабость, консервирую каждый день помаленьку, если ноги держат. Потом долго прихожу в себя. Компоты, огурцы, помидоры, фруктовые и овощные соки медленно, но верно выстраиваются на полу красивыми рядами. Я радуюсь.

– Я отвезу все в гараж, – заявил Митя.

– Прошу тебя, перенеси банки в подвал под домом. Я смогу в любое время сама сходить и потихоньку, по одной банке принести все, что пожелаю, а в гараже замок мне не по силам открыть, да и ездить туда далеко.

– Сам буду возить.

Я вздохнула, предвидя его необязательность.

Приписка. «Так и стоят уже который год в гараже на стеллажах ряды банок. Есть эти консервы уже нельзя, срок годности истек. Вины своей Митя, конечно, не признает. Не его, мой труд пропал даром. Теперь, если здоровье позволяет что-то заготовить на зиму, я сразу прячу в квартире под тряпки, на нижние полки шкафов».

Говорю Мите: «Я всю нашу совместную жизнь мирюсь с твоей суетностью и невоздержанностью. На кого ты будешь кричать, когда я уйду из жизни? Кто будет терпеть твои фокусы? Дети или бабуку себе заведешь, чтобы нянчилась с тобой? Пойди, поищи. И это в мире «продай-купи»? Нарвешься, ох нарвешься...»

Плохо чувствую. Лежу, прокручиваю в голове свою жизнь.

Быстро разрушился придуманный мной справедливый мир. Первое время, исследуя и оценивая свою жизнь, я искала причину не сложившихся семейных отношений только в себе. Я говорила сама себе: «Способность к общению формируется в ребенке до десяти лет, но если он это время упустил, то наверстывать ему намного сложнее, несмотря на то, что человек развивается всю жизнь. Он может приобретать новые навыки, но старые, неусвоенные в детстве, все равно воспринимаются им с большим трудом. (Это как ребенка, воспитанного зверями, пытаться учить говорить.) Все в организме проходит свое время. И я, проведшая свои ранние годы в детдоме, не знавшая общения с домашними детьми и с миром взрослых, первое время, попав в семью, это остро чувствовала».

«Но я же со своей стороны все делала ради семьи, не щадила себя. Мне казалось, муж должен был держаться за меня обеими руками. Никто меня этому не учил, по своим внутренним понятиям жила. Значит, ошибалась? – засомневалась я, пронизываемая шемящей грустью непонимания. – С Митей что-то неладное? Может, как говорила подруга, мне надо было стать жесткой, требовательной, даже капризной, чтобы заставить мужа уважать, ценить, помогать? Любя и жалея, я разбаловала его. Я считала Митю взрослым, серьезным, ответственным, а он не был таковым. Значит, я не шибко умная и заслуживаю то, что имею? Нелицеприятный приговор. Я должна была воспитывать не только детей, но и мужа? Я не справилась, потому что не умела быть мудрой?»

Еще в школьные годы я успела побывать няней младшим сестренкам, понять как это сложно и ответственно, поэтому и не торопилась выскакивать замуж и рожать детей. Митя такого опыта не имел. И что из того? А головой подумать нельзя было?

Второй причиной нежелания раннего замужества было то, что я не видела вокруг себя по-настоящему счастливых семей.

Вспомнился «выпускной» утренник сына. Третьеклашки прекрасно разыграли сказку. Спектакль длился два часа без перерыва. Участвовал весь класс. Все дети были удивительно талантливы. Я тогда подумала: «А у дочери учительница не радовала детей, только ругала... Если ими серьезно заниматься, каждый мог бы в жизни достичь многого». А я на кухне проводила столь важное для детей время. Когда мне было детей развивать! Мне бы успеть не упустить их, вовремя подправить, направить. А муж как всегда у телевизора сидел. Как я ни старалась, не было с ним обратной связи. Не хотел он детьми заниматься. И вообще ничем. Сплошное разочарование.

Не понимал Митя, что с детьми родители снова переживают прелесть детства. А он лишил себя этого счастья. Не хотел он признавать и того, что дети в мужчине развивают душевный интеллект, сердечный ум, то есть душевность, тонкость. Душа как бы нарастает, становится крупнее и богаче. К тому же, общаясь с детьми, мужчина учится преодолевать свой эгоизм. Не испытал Митя и чуда любви – перенесения «центра вселенной» с себя на тех, которых мы должны считать своими самыми главными и любимыми. Он себя таковым воспринимал. Избегая обязанностей перед семьей, он обеднял себя.

А было время, когда мне казалось, что без Мити нет ни неба, ни солнца. О это глупое упоительное безрассудство влюбленности! У Пушкина есть строка: «Что пройдет, то будет мило». Видно, она о счастливом детстве была написана... Читаю и думаю: «Ведь ничего особенного, удивительного нет в простых Пушкинских строках, а в них есть всё! Вся вселенная! Потому что он гений».

Я не умею прожитое воспринимать с юмором? Но мне так часто бывало не до смеха!

Иногда я задумываюсь: была бы я более счастлива, если бы не знала Дмитрия, этого редкого экстраэгоиста? Моя глупость в том, что не того выбрала? Но я же выходила замуж по любви! С моим мягким, уступчивым характером любой мужчина командовал бы мной, веревки из меня вил? Ну если бы только повезло найти такого, который умел любить и ценить... Если бы-то...

Я ною? Я одна несчастлива в семье? А как дело обстоит с моим окружением? У Людмилы муж загулял, у Томы тоже. Наташин на второй день после свадьбы предложил себя ее подруге... На Насте гражданский муж не женился. Она сделала аборт и осталась бесплодной. Света одна дочь растила, а Рая – сына. Она в пятьдесят умерла. Любая смерть умалает, а безвременная особенно по сердцу бьет... У Риммы муж пил и бил, но второе ее замужество, говорят, будто бы более удачное, по крайней мере, без рукоприкладства. Меня все счастливой считают: муж всю жизнь при мне. А об остальном я помалкиваю. Да... кипит мой разум возмущенный.

Ах да! Вероника! Лет пять воевали: крик, скрежет, пыль столбом. Не семья – огнедышащий вулкан. Ох уж эти мне тёрки – притёрки! Муж уходил-приходил, никак в себе дракона гордыни не мог усмирить. Помучили они друг друга предостаточно. Я уже не верила, что у них срастется. И вдруг закончились притирки. Сейчас у них тихо. Живут.

Дочь вернулась из пешего путешествия по Испании. Море впечатлений! Рассказывала: «Шарик наш земной становится все меньше... В группе собрались представители всех континентов. Люди одеваются одинаково, употребляют одну и ту же еду. Оказывается, достаточно знать несколько фраз на трех четырех языках и можно прекрасно провести отпуск в кругу незнакомых людей разного возраста и разных национальностей, и за это время прилично пополнить свой словарный и культурный багаж».

19

Не спится. Опять вспоминаю свою жизнь, выстраиваю цепочку событий, связанных с мужем.

Приехала к нему после окончания вуза. На первом же празднике с его сотрудниками услышала о его «похождениях» с Зинкой. С какой из двух? С маленькой, худенькой с пятилетним ребенком, или с высокой, крупной? Муж чужих детей не любит. Отпадает первый вариант. Она научил Митю целоваться с языком? А его увлечение прибалтийским блюзом...

Еще Аленка, наглая, самовлюбленная. Не дура, но лодырь. Почему он запретил ей подходить ко мне на первомайской демонстрации? Чего боялся? Она замужем. Зачем мне к ней ревновать? А Любка? Нервная, издерганная. Я, когда первый раз ее с мужем на пикнике увидела, так сразу подумала, что сбежит он от нее. Жалко ее было. Только с некоторых пор стала я замечать ее хитрые взгляды. И губы кривила презрительно, с чувством собственного превосходства. Одевалась она прекрасно, а я скромно. Она из богатеньких, а мне средства не позволяли наряжаться. Нам помощи ждать неоткуда было.

Первый раз заскочила к Мите на работу и сразу ощутила, что какая-то порочность витает в атмосфере... Потом заметила, что сотрудницы сочувственно на меня поглядывают. Любка в отделе хозяйкой себя чувствует, командует, всех резко и демонстративно одергивает и погоняет. Будто не мой муж, а она руководит цехом. Мне это не понравилось. И его друг проговорился, что слишком уж свободно она вела себя с Митей в вагоне, когда по случайному стечению обстоятельств они в одном купе ехали из Москвы.

А на рыбалке? Он же ей первой удочки настраивал. И она всегда около нас устраивалась ловить, хотя еще тридцать человек ехало в автобусе. И не с семьей, а рядом с ней он часами сидел на берегу, обсуждая рабочие проблемы. "Она профорг, Митя от нее зависит", – внушала я себе, но сердилась и до слез обижалась. А он злился на меня, говорил, что я придумываю глупости. И я начинала ругать себя за необоснованные подозрения, которыми я унижаю и себя, и любимого человека.

Был еще один неприятный случай. Вернулась я домой с детьми из деревни и почувствовала, что в квартире была чужая женщина. Потом Митя как-то проговорился, что друг его ночевал у нас. Сказал, что в соседнем доме живет его бывшая жена и они «немного покувыркались» в нашей квартире. Мне не понравилось, каким тоном муж сказал эту фразу. Обидно стало за вторую жену-красавицу того друга. И эта обида перекрыла мое недовольство своим мужем. Я только мысленно порадовалась, что он редко встречается с этим Андреем. Хорошо, что его бывшая жена вскоре переехала на микрорайон. Я плохого влияния боялась.

А на следующий год мы с братом встретились в деревне у родителей, и он сказал:

– Разминулись мы с тобой. Ты утром уехала, а я в обед приехал. Так твой муж домой только к двенадцати ночи явился. Я бы задумался над этим фактом.

А что я ответила?

– Ничего удивительного: жена за порог, муж к друзьям. Может, в преферанс перекинулись. Домой-то он пришел ночевать, значит, все в порядке.

Брат только головой с сомнением покачал. А мама посоветовала больше не рожать. Этих бы поднять.

Следующим летом отдыхали мы на базе отдыха и рыбачили. Сто килограммов леща засолили. Восторг! И на второе лето история повторилась. Только, когда мы вернулись домой, в холодильнике лежала одна рыбина.

– Где остальное? Ты же два раза в неделю домой на велосипеде по целой сумке отвозил, – неприятно поразилась я.

– Маме, родне, друзьям раздавал, – не моргнув глазом, соврал Митя.

– А нам? Для чужих людей заставлял меня с большими почками часами торчать в холодной воде? Я же для семьи старалась.

...Вместе не спим. Митя говорит, что за сердце боится. А ездить на велосипеде не опасно? На это сил у него хватает? Муж, грубостью отбивает желание говорить на эту тему.

А на следующее лето Митя вообще удивил меня своим поведением: рыбу не ловил, читал газеты, вел жизнь образцового семьянина, два раза в неделю ездил на работу, но не на велосипеде, как раньше, а на автобусе. Я не могла надивиться на него. Что его так переменяло? Куда девался заядлый рыбак? Муж объяснил просто:

– Сердце стало шалить сильнее, беречь себя приходится.

– Ты же в отпуске, теперь-то силы должны появиться. В больнице ты был один месяц и уже давно. Тебе же сорок лет, а не шестьдесят, – мягко говорила я, обиженная невниманием мужа.

А сама тут же корила себя: «Какое я имею право обижаться на большого человека? Но почему он все раздражительнее и злее становится? Из-за мужской несостоятельности? Так я же тактична, не упрекаю его. Один только раз сказала, что если не можешь иметь близость, так хотя бы просто обнял, а то ведешь себя, как чужой человек».

Как-то развалился на диване, грудь себе чешет и вдруг заявляет гордо: «Матерею я!»

И тут уж я разозлилась:

– Если матереешь, так семье помогай. Живешь как квартирант. Мне выгодней алименты от тебя получать и детям внимания больше уделять. Я часами у плиты стою, ублажаю тебя, а ты даже зарядку с сыном сделать не хочешь, прикрываешься болезнью.

И вдруг узнаю, что муж после работы каждый день в малый теннис играет по два часа и не боится за сердце. А мне говорил, что ему голову резко наклонять нельзя, что в глазах темнеет. Врал, получается? А я в это время с сумками по городу гоняю, очереди выстаиваю, детей одних дома оставляю.

Вспомнила, как обидно мне было, когда сына из роддома в грязную квартиру принесла. Песок трещал под ногами, будто его стадо верблюдов из пустыни принесло. Чем он занимался эти пять дней? Откуда грязь? Мог бы хотя бы подмести пол и мокрой шваброй пыль собрать. Пришлось в первый же день братья за половую тряпку, Господь сберег меня. Роды были тяжелые, рисковала я тогда своим здоровьем. А с него как с гуся вода. Счастливый бегал: «Сын у меня!» На том его любовь и закончилась.

Не зря говорят, что мужчина очень проявляет себя, когда жена ходит беременной, и когда ребенок маленький. Вот он и проявлял... по совокупности разных фактов. Промолчала я тогда, сглотнула горькую пилюлю. Только через десять лет впервые упрекнула, когда про теннис узнала, потому что с большим сыном он отказывался играть. Много позже поняла, что с такими типами женщинам лучше судьбу свою не связывать. Будто бы боготворят, а потом раз – и

всё кончилось, как и не было. А меня ни на минуту не покидало чувство тревоги за детей, пока не выросли. Да и теперь еще душа болит за них по всякому поводу.

...А ведь сердце часто подсказывало: не верь. Поезжай из базы отдыха домой, проверь, где он. И подруга, сочувственно глядя в глаза, утверждала: «Врет он все, не больной, притворной. Любовь глаза тебе зашторила. Не стоит он твоей любви. Пользуется твоей добротой». Не прислушивалась, хотела верить и верила. Говорила, что не может муж изменять, на одну меня у него сил нет. По себе его мерила.

Потом сын украшение и духи нашел на антресолях. За новой лампочкой полез, когда одна на кухне перегорела. Так выкрутился, сказал, что для главбуха купил. Дважды хотела разойтись. Правда, в первый раз из-за его матери. Но сын твердо заявил: «Мне нужен отец. Потерпи, пока учебу окончу. К тому времени он, может, переберется». Объяснить детям, что без него нам всем будет лучше, не получалось.

А Митя жил так, словно из-за него ничего плохого в семье не происходит. Я, погруженная в массу забот, уже ни о чем его не просила, уяснив, что себе дорожке будет его уговаривать. Проще, пока есть силы, самой все делать, чтобы Нервы сберечь. А муж становился все грубее и нахальнее. Я, не желая травмировать детей, сглаживала ссоры и его вечное недовольство. Потом дети стали становиться на мою сторону. Помню, сын возмутился: «Мама на полторы ставки работает, репетиторство у нее, ремонт одна делает, а ты вместо того, чтобы помочь ей – кричишь. Смотри, стаяжку сделала, линолеум новый постелила, плитуса сама приколачивает».

Но он и детям рот грубо затыкал. Я не умела противостоять хамству, и их не могла научить. Боже мой, сколько еще подобных случаев я могла бы вспомнить! Их бесконечные вереницы. А я не только не связывала их воедино, веря в порядочность мужа, не только не высккивала в них плохое, но даже пыталась найти им объяснение и оправдание.

...Чуть что не по нем, будь то на работе или в быту, он выливает свое раздражение на семью. Чаще всего на меня. Я всегда под рукой. У его матери, обычно, раз или два в неделю возникает желание разрядиться на близких, а мой муж не копит злость, выплескивает ее по мере «поступления», и времени на это не жалеет.

...Если я в чем-то убеждена, навязать мне чужое мнение невозможно, по крайней мере, очень трудно, а Митя по пять раз в день его может менять. Меня еще в молодости это бесило. Невозможно было предугадать, какой финт он выкинет, в какую сторону его поведет. И мне оставалось только гадать, кто на этот раз повлиял на его решение: мама, сослуживцы или даже любой сосед?

...Я плохо разбираюсь в политике. Некогда мне в нее вникать. И, тем не менее, исходя из своего жизненного опыта и эрудиции, я правильно ставлю диагнозы происходящим в мире событиям. Если бы я слушала по телеку политические программы столько, сколько мой муж, я давно стала бы политологом высшего класса или доктором исторических наук. И на политический юмор я реагирую быстрее. А все почему? Потому что я сама анализирую события, а он слушает, что говорят другие и повторяет за ними.

Моя жизнь – не трагедия, а психологическая драма. Когда я выбрала себе мужа, то, любя, вознесла его до небес, наделила не присущими ему качествами, но связала с ним вполне определенные ожидания. Мы, женщины, склонны к идеализации. Что в таких случаях делать? Положа руку на сердце, скажу: не знаю. Нельзя на скорую руку перевоспитать человека, тем более, если плохое в нем наслонилось от многих поколений.

Никогда не знаешь точно, что можно ожидать даже от хорошего человека. Защищая себя и свое пространство, он иногда такое может совершить! Был у меня негативный опыт. Я тогда оказалась в крайне сложной ситуации, из которой не нашла выхода и подвела человека. И все потому, что верила в порядочность. А она оказалась внешним прикрытием. С тех пор ни за кого не прошу, чтобы не сделать кому-то хуже. Невозможно предвидеть, за какую паутинку не ступит дергать, чтобы не попасть пауку в лапы. Все связи между людьми трудно проследить, если ими не заниматься серьезно и целенаправленно.

Меня поражает и шокирует способность мужа из мухи делать слона, возводить любую самую маленькую проблему в ранг непреодолимо трудных. То, что я выполняю тихо, незаметно, каждодневно, в своем исполнении он преподносит как подвиг и при этом производит столько шума! Один он не умеет работать. Я должна быть при нем нянькой, на подхвате, даже когда он занимается своим хобби. Всех способен закрутить вокруг себя, всем дело найти. Талант!

Митя в бытовых вопросах часто идет неоправданно сложным путем, не вынося возражений, советов, несогласия. А если вдруг выясняется, что вышло хуже или много дольше, чем если бы он сделал по-моему, то любыми средствами охаивает мою работу, смешивает меня с грязью, унижает, стараясь доказать свою правоту. А когда и это не получается, то просто несет несусветную ахинею, обвиняя меня в женской логике. Упрямятся до тех пор, пока я не уйду, расплакавшись, а он, довольный своей победой, счастливо умолкает, удобно устраивается у телека или ложится спать и через секунду засыпает. А я еще долго не могу уснуть, перемалываю в голове «логику» мужа, пытаюсь понять, в чем я была не права, где допустила ошибку в разговоре и позволила вырваться его «джину» наружу. И не найдя выхода, по истечении двух-трех часов умствования, засыпаю тяжелым сном, чтобы рано утром вскочить и опять заняться привычными делами, выполнения которых муж не замечает. Если человек несет в себе ощущение счастливой жизни и любви, только как дара небес, тогда он не умеет ценить и беречь то, что получает от других и сам не способен отдавать. Он не задумывается: зачем живет, что оставит после себя хорошего. Как-то не выдержала, напомнила, что поражение надо тоже с достоинством встречать. Ну и ясное дело, чем все это закончилось.

Я, понимаю, Митя не признает моего ума и практического опыта. Ему не интересен женский способ мышления. А ведь наука утверждает, что мы, женщины, ближе к жизни, наше знание деталей, чутье и мощная интуиция позволяют многое предвидеть. Нас труднее обмануть... (Смотря в чем.) Я считаю, что в нормальной современной семье должно происходить объединение усилий и знаний обоих супругов, что даст максимально положительный результат в их карьере, и в воспитании детей. И обоим здоровые сохранит.

...И вдруг эта встреча с сотрудницей мужа, с профоргом его организации. И все сразу стало ясно. Митино поведение сразу представилось в ином свете. И ежедневные телефонные звонки часами при закрытых дверях спальни, и задержки по работе до десяти-одиннадцати часов вечера под маркой решения проблем...

А я-то героиню из себя строила. Какая я верная, сильная, терпеливая, любящая, понимающая, сочувствующая! Нервного мужа успокаиваю, убажваю, себе взамен ничего не требую! Только бы рядом был, любимый мой, бедненький, несчастный, больной. Он – моя любовь, мой крест, мой старший и самый трудный ребенок... С Митей я чувствовала себя не женщиной, не женой, а мамочкой. За двоих пахала, думала, для себя мужа берегу. Оправдывала его лень, хамство и капризы болезнью. Верила. Почему?

Потому что сама никогда не могла так поступать, и не ожидала такого от любимого человека. Была глупа, наивна? Может, дар у меня был такой – любить по-настоящему и один раз на всю жизнь? Любила беззаветно, безоглядно. Только не тому человеку досталась моя любовь. Не нашелся, не встретился мне достойный, такой, чтобы счастье с ним познать. Судьба мне такая выпала? Один свою судьбу за сто верст находит, а другой и рядом не разглядит.

Современная молодежь не верит в любовь и жестко говорит: это был твой выбор. Их не волнует внутренний мир партнера, а только внешность и материальное благополучие. Девушки шутят: «Если мужчина не может выполнить мои желания, то с влюбленностью в него пора завязывать». Раньше с трепетом объяснялись в любви, а теперь с иронией.

Встретила я себе подобного через десять лет. То был абсолютно русский человек, без закидонов, лжи и уверток, ученый удивительного ума и юмора, с высокими моральными устоями. Наш, наполовину детдомовский. Но он был с другой, с моей точки зрения, недостойной его женщиной. Поменяться бы нам партнерами. Но жизнь не перепишешь набело. Грязным черновиком оказалась моя жизнь. «Алые паруса» – любимая сказка девушек и молодых женщин. У меня от такого счастья, наверное, в ключья разорвалось бы сердце», – насмешливо проеждалась я по себе.

...После признаний профорга прошел еще один год.

Тяжелый год.

...После случайно подслушанного телефонного разговора медленно проползли восемь адски трудных лет. Это самая черная страница моей жизни.

В полусне часто слышу волчий вой ветра метельными, детдомовскими ночами, чувствую тот свой детский страх... и свой нынешний вой одиночества и тоски, вижу ночного гостя – черного человека, в ногах постели, зовущего за собой... Но приходило утро, я собиралась с силами, шла на работу, занималась семьей. Говорила себе: «Помни, каким бы трудным ни был день, надо его пережить, чтобы обязательно наступил другой, потому что у меня дети.

А муж постоянно нагло лжет и открыто насмехается надо мной, живет в свое удовольствие. Он ненормальный? Я постоянно в состоянии стресса. Он меня зомбирует. Он меня добивает. Я морально надорвалась и... потеряла себя. Я пропадаю, потому что не могу переломить ситуацию, и пока не имею права уйти... во всех смыслах... От бессилия временами на меня налетает ярость, как выплеск горечи. Мне хочется ломать, крушить, орать... Но только никому, кроме меня не слышимые стоны разрывают мое измученное сердце.

За это время я приобрела кучу болячек, но земля еще держит меня, не обрушивается под моими ногами. Мужчины освобождают голову и сердце от эмоциональных проблем алкоголем, а я не могу и не хочу. Я боюсь окончательно улететь в гибельную пропасть. У меня дети. Они, слава Всевышнему, уже студенты. Родилась внучка. Какое счастье! Делим время ухода за ней на троих, между дочкой и двумя бабушками. Как шутила Тамара? «Что бы ни творилось во вне, в семье должен быть коммунизм. И его создаем мы – женщины».

Но раздражение копится, все внутри закипает, и я срываюсь... Я как сжатая пружина. Мне все труднее расслабляться. Я чувствую надвигающуюся катастрофу.

19

Изнемогаю в городе от жары. Раньше я считала себя теплолюбивой и легко переносила тропические температуры. Что-то перестроилось в моем организме.

В который раз прошу мужа свозить нас с внучкой в лес или на речку, где есть лесистый берег. Я так истосковалась по природе, по чистому воздуху и живительной прохладе! Но ему важнее поймать десяток окушков размером с мизинец, чем «выгулять» жену с малым ребенком. Сегодня опять собрался на рыбалку. Я взвилась: «Конец июля, а ты так и не выполнил своего обещания. Вези нас на природу!» «Да и пожалуйста», – с вызовом ответил Митя. Мне уже не до его интонации. Я радостно бросаю одежду и «тормозок» в сумку, подхватываю на руки малышку и точно на крыльях лечу к машине, пока муж не передумал.

Едем. Все внутри меня ликует. Я чуть не плачу от радости. Я напеваю детскую песенку, тискаю и тормошу внучку. Обращаю ее внимание на красоту цветов, на особенную форму кустов на лугу. Остановились на цементных плитах окаймлявших водохранилище. Я удивлена и растеряна. Муж садится в лодку и уплывает. Я бегаю вдоль берега и кричу: «Куда ты нас привез? Здесь же ни травинки, ни кустика и пекло, хуже, чем в городе!» «Ты хотела за город – я тебя вывез», – холодно заявляет муж, налегая на весла. Я стою потрясенная. Слезы брызнули из глаз. Бросилась к машине. Сажусь в кабине и пытаюсь сообразить, что делать дальше. Внучка стала выбираться из машины, обожгла ручки о раскаленный металл и расплакалась. Я принялась ее успокаивать тем, что сейчас искупаемся, и все у нас будет хорошо, хотя прекрасно понимала, что ничего хорошего нас здесь не ждет. Малышка не дошла до воды и вдруг опротивело бросилась назад. «Я не хочу! Мне больно!» – закричала она. В кабине я выяснила, что от горячего солнышка больно ее глазкам, а плиты и песок жгут ей ножки даже сквозь сандалики. Побежала на берег намочить полотенце. И только тут заметила, что вода у берега ярко зеленая – она «цвела» – и в ней плавали дохлые вонючие рыбки. Какое уж тут купание... Вошла поглубже, разгребла водоросли, окунула полотенце... Сидим в машине,

ждем когда дед опомнится и вернется.

Снова побегала по берегу, размахивая платьем, пытаюсь привлечь внимание мужа. Я еще на что-то надеялась?.. Нет, я уже понимала, что это не минутное легкомыслие, он сделал это намеренно, умышленно. Это акт возмездия за мою сдерживаемые слезы. Нельзя волновать. Солнце палит нещадно. Мне плохо. Я ничего не соображаю. Внучка плачет уже в голос, домой просится. Сквозь туман в мозгах пробивается мысль: «Попутка!» Перед глазами плывет и колеблется густой муар, мне трудно дышать. Окунаю покрывало в воду, заворачиваю малышку и выхожу на дорогу. Машины одна за другой проезжают мимо. Меня спасает от жары мокрое полотенце, обернутое вокруг головы. Я все еще поглядываю в сторону моря. Наконец, около нас останавливается старенький «жигуленок». Я прошу о помощи. Пожилой мужчина жалеет немолодую заплаканную женщину с ребенком. Он довозит нас до самого дома.

Муж, вернувшись домой, ни словом не обмолвился о происшествии. Поужинал, посмотрел телевизор и, как ни в чем, ни бывало, завалился спать. И что из такого? Отнял у жены килограмм здоровья, напугал малышку...

*

Эта страничка написана через несколько дней, уже в больнице. «Встреча с профоргом и треклятый звонок послужили толчком, запустившим процесс зарождения болезни, потом были годы ее медленного развития под действием все накапливающихся обид. И вот спусковой крючок отлетел, и триггер включил ее последнюю стадию. Выживу ли?»

*

Год борьбы за жизнь: операция, химии, облучения, медленное умирание... Потом пять лет восстановления. Придет время, когда людей станут лечить вторжением в генный аппарат. И будут ужасаться, что когда-то резали, травили...

*

У меня маловато сил, но я держусь. Вожу внучку на музыку, гимнастику и в бассейн. Плавать ей очень нравится. Хожу очень медленно, но пока мы никуда не опаздываем.

Муж, как и прежде, глух и слеп. Будто квартирант на довольствии. Но я победила себя. Не во всем, конечно. Память не полностью восстановилась. Я всё взвесила, проанализировала, навела относительный порядок в голове, поставила очередную веху и начала новую жизнь, трудную, но очень интересную, наполненную сильной помощью внучке и исполнением своих давних творческих метаний.

Утро. Муж спит. Смотрю на него и будто впервые вижу плешивую голову, вяло опущенные складки бледных щек, покатые, узкие плечи. Тело ниже пояса, будто от другого человека: тяжелые широкие бедра, ноги крупные, крепкие, спортивные. Правда, теперь все в темных трофических пятнах и в змеевидных переплетениях пораженных тромбофлебитом вен. Я грустно думаю: «Господи, и этого человека я любила, с ума по нему сходила? А теперь к нему ничего кроме обиды не чувствую... Из-за него лишилась здоровья, перенесла кучу операций... доживаю дни, подаренные мне Всевышним и врачами. Нервы подорвали мои жизненные силы, но я не хочу злиться и психовать. Пока не переселилась в мир иной, стараюсь не упускать благословенные минуты... А Митя, как лось, здоров и ведет прежний образ жизни. После той шлюхи, завел еще двух. Как с цепи сорвался перед апокалипсисом.

...Берегла, холила? Когда он болел, небо с овчинку казалось. Неужели из-за него прислушивалась к каждому телефонному звонку? Сердце болезненно сжималось... Бывало, он глянет зло, и по всему моему телу нервы вздрагивают, точно мощные разряды тока проскакивают длинными стежками по рукам, ногам, по сердцу и особенно обильно в области груди...

В который раз мысленно охватываю всю свою неудавшуюся жизнь... Любовь такая глупая штука! Болезни – слишком высокая за нее цена. Муж принес мне свое сердце в красивой упаковке лжи. Пока узнала и поверила, какое оно на самом деле, прошла половина жизни. Любовь уничтожил всепожирающий огонь обид. Муж в семье последние двадцать лет жил злыми эмоциями, а вне ее радостными и будто бы находился в состоянии равновесия. А я? Посмотри, что ты со мной сделал... Проснись, наконец-то! Если бы даже захотел, ты уже не сможешь вернуть время, которое мог бы отдать семье...

Вспомнила Митино пренебрежительное: «У тебя даже подруг нет». И свои ему слова: «На подруг нужно время. А что ты делал, чтобы я имела возможность с ними общаться? (Он поставил мне в вину мою занятость, ответственность перед семьей!) А эта твоя дикая, бесконечно глупая ни на чем не основанная ревность! Можно подумать, что любил до умопомешательства. Себя ею истязал и меня. Тебя изводил собственный внутренний демон. Ты постоянно был на взводе. Какой обидчивый и уязвимый! Ты грубо бросал трубку, если вдруг слышал мужской голос, просящий позвать меня к телефону. Отшивал любого, кто приближался ко мне на расстояние вытянутой руки, а сам часами трепался с друзьями, их женами и... еще много с кем... и не только болтал... Жил всегда по своим правилам».

После начальницы муж не угомонился, продолжал «фокусничать». Домой к нам стал приводить секретаршу. (Ох уж эти секретарши! Притчи во языцех, стихийные бедствия!) Мол, тут спокойнее работать, никто не отвлекает от мыслей. Как-то вернулась с прогулки по магазинам раньше обычного. Плохо себя почувствовала. Вхожу и что я вижу? Мой муж, расправив «перышки» и кичливо возведя глаза к потолку, вдохновенно «поет» секретарше о перспективах фирмы. Картинно, восторженно, словно в экстазе, воздев руки ввысь, не говорит, а декламирует. Как несет себя! Какая театральная приподнятость! Крайняя степень позерства. Наверное, представляет на потолке свет ярких звезд своих успехов. Сверхчеловек! (Оглянись, ужаснись самому себе!)

А она сидит, уставая и не вникает в его слова. Но он не замечает, распаляется. Он убежден, что она слушает его, раскрыв рот, пребывая в ошеломлении от того, что начальник посвящает ее в свои проекты и мечты. Он испытывает удовольствие, воображая, что на него смотрят восторженные глаза женщины, которая на тот момент кажется ему

самой прекрасной и нужной. И ему невдомек, что она не слушает его, а дремлет, положив голову на спинку кресла, потому, что желая удержать предыдущего любовника, рискнула в позднем возрасте родить, но тот сбежал, не оставив координат. Но мой муж представляет ее двадцатилетней, потому что сам создал себе объект для преклонения, и этого ему достаточно. Я вижу, как он восхищается собой, таким умным и таким прекрасным! А секретарше наплевать, какой он. Она о деньгах думает. Ей сына растить надо. С ее-то зарплатой... И она все сделает, чтобы окружить этого самовлюбленного индюка.

Да уж... не узник совести. По гороскопу мой муж петух, а они любят похвалу. Как подруга сказала? «Даже у драного петуха генетическая тяга к славе и собственному восхвалению».

Мать себе внушила, что ее сын гений, и ему это вбила в голову. Да, он гений по сравнению с ней, малообразованной. В студенческие годы мой муж понял, что на фоне других ребят он далеко не глупый, но обыкновенный. Но дома мать продолжила его возвеличивать. И ему нравилось. Он уже не мог без восхваления. А оно приводило к вседозволенности, к отрицанию общечеловеческих ценностей и разрушению личности. Не лицеприятная правда. Вневременная тема! Меня в детстве не хвалили, и я поначалу боялась захваливать мужа. Потом сменила тактику, но, видно, опоздала.

*

Митя предложил пойти в парк. «Вместе?» Робкая неуверенная радость шевельнулась в моей душе. Она напомнила, как совсем юными они встретились в парке, долго гуляли под первым снежком... Неужели все может быть как прежде?... Неужели... в нем проснулась запоздалая нежность?... А он позвал за тем, чтобы встретить из лагеря шестилетнего сына секретарши. Все оборвалось внутри. Своих детей никогда ниоткуда не встречал, будто не было у них отца. А тут возится с чужим?... В это невозможно поверить!

Кто я? Неисправимый оптимист или... по всему выходит, что... обыкновенная дура? На работе гордилась своей проницательностью, способностью считать чужие характеры, предугадывать поведение начальников, предвидеть последствия перемен, а на своем «огороде» коз в капусте не умела разглядеть и разогнать?

Я не верила в связь с секретаршей – уж больно курьезно, неправдоподобно она выглядела, – пока один раз, выглянув из машины, она не усмехнулась самодовольно и презрительно. Она гордилась собой! Она издевалась надо мной! И я все поняла. Я не раз видела у женщин этот торжествующий, высокомерно-снихождительный взгляд. Так вот кто меня наделил трудно выводимой болячкой! Дрянь подзаборная! А я на больницу грешила, на нестерильные шприцы.

Кто она, какая? Не лишена привлекательности? Нет. Толстая, тупая, но хитрая тетка, пытающаяся захомутать слабого на передок и падного на лесть мужика. Не секрет, что хитрость – образ мыслей ограниченных людей. Моему мужу все равно, какая? Лучшая не «клюнула»? Опустился ниже некуда.

Меня охватил глухой гнев. Дожила до такого позора! Я содрогнулась, внезапно подумав о смерти... о том, что она не всегда страдание. Иногда она сама есть спасение от страданий. Мне плохо, мне очень плохо... Но муж не хочет видеть моих, кричащих болью глаз, моей поникшей головы. Он не хочет объясняться, спокойно заваливается на постель и мгновенно засыпает. А у меня ни на что уже нет сил, даже на сон. Ну и как тут будешь с ним на одной волне?..

...Да, Христос страдал. Но сравнимы ли его страдания на кресте со страданиями и бедами людей, которых он защищал? И в глобальном смысле, и в частном случае... Собственно, для Бога все живые... и те, что на земле, и те что под нею... А бабушка моя на смертном одре разуверилась в существовании справедливости. В Божественной справедливости, в человеческой?... Эту тему мы с ней не поднимали, даже не касались ее.

В шесть лет я впервые почувствовала страх смерти... потом меня отпустило. Понимание смерти стимулирует к активной жизни. Но это как идти на Эверест, когда факт жизни менее важен факта восхождения... Но героизм, когда кого-то спасаешь, а не для себя...

Мы не осознаем и десяти процентов своих возможностей... Но психологические проблемы много сложнее преодолевать чем физические. У меня не выходит... Существует ли вселенская справедливость?

Справедлива ли я, защищая свою семью от посягательств?... А может, непростительная непоправимая глупость борются за такого мужа? Эти вопросы на уровне сотрясения воздуха. Ну, когда уже ничего нельзя сделать... А за каждую глупость приходится платить. И теория бумеранга, получается, на практике не работает? Не наказывает... поэтому линия моей жизни напоминает кардиограмму больного человека... Нет, все-таки самая главная победа – это победа над собой.

В молодости я наблюдала, как одна моя знакомая разговаривала со своим любовником. Странная, непонятная мне картина. Она была с ним груба, нагла и требовательна. Почему он чувствовал себя счастливым, подчиняясь этой женщине? Любовь зла? Когда она отошла за чем-то к киоску, мужчина горделиво сказал: «Хороша! Правда? А какие у нее стройные ножки!» И чтобы он в них понимал! Там смотреть было не на что. Толстые, на перевернутые бутылки похожие. Любовь слепа? А мужчина был лицом симпатичный, но, видно, слишком податливый и, похоже, не очень умный.

Услышала разговор двух женщин у подъезда.

– Обливаясь пьяными слезами, сосед жаловался мне: «Изменяю, потому что чувствую себя обманутым».

«Но ты же у нее первый и единственный», – удивилась я.

«А зачем она поддалась моим уговорам до свадьбы?» – канючил он.

«А с любовницами, которых ты заводишь как бы в отместку за проявленную женой, точнее еще невестой, слабость, не чувствуешь себя обманутым? У их ног... толпились многие. Не мужик ты, а полный отстой», – ответила я ему.

– Вот и пойми, какие мысли в его голове клубятся... До сих пор оклеветаться не могу от его глупых откровений. Ну

надо же, какое придумал себе оправдание!

А другой объяснял мне, что любовник он имеет для разрядки, чтобы ревность не довела его до того, что случилось у Толстого в «Крейцеровой сонате». Сам ревнует, и за свой же недостаток мстит жене. Использует жену в качестве объекта возмездия за свою собственную слабость!

– Прекрасный образчик мужской логики! Женщины часто возникают в жизни мужчин как аргумент при их неспособности к чему бы-то ни было... На что им еще посягать? – вздохнула вторая женщина.

– А я ему сказала: «Соблаговолит ответить. Может, твоей жене пересилить себя, свою порядочность, набраться храбрости и тоже завести себе любовника, перенять твой опыт, чтобы твои муки и страдания, беденький ты наш, были не беспочвенны? А вдруг тебе полегчает, если вы будете на равных?.. Или одними упреками дело тут не ограничилось бы?» – И расхохоталась ему в лицо. Так он аж побелел от ярости. Несчастливая жена! Такие, как он, гады и бьют, и убивают. «Бытовуха» – бич многих наших семей.

А один заявил: «Я не виноват, женщины меня выбирают. А «соскакиваю» я потому, что не хочу делать их несчастными. И что дети появляются, не моя вина». Молодец! Кругом чистенький.

– Мужчиной быть хорошо, а женщиной иногда опасно, – грустно пошутила ее соседка.

– Таких тварей я выдворяла бы за пределы страны.

– Вариативностью их поведение не отличается, – рассмеялась вторая женщина. – И этот тоже в умные метит?

– В старой терминологии это явление называлось просто: неуверенность в себе. Теперь говорят, что комплексует.

– Только женам от этого не легче.

– Комплексы бывают у людей, которым чего-то не хватает: кому ума или смелости, кому воспитания или тормозов.

*

Как-то плохо почувствовала и рано вернулась домой. Дверь открыла своим ключом. Митя мылся под душем. Зазвонил мобильник. Смотрю, из зала выскакивает секретарша, видит меня, но все равно направляется к ванной комнате. Я отгесняю ее плечом и забираю телефон мужа. Заглядываю в ванну. Муж стоит весь в каплях воды, довольный, расслабленный, улыбающийся, разнеженный. Он ждет ее... Открывает глаза. Перед ним я. Он удивлен, но спокойно берет телефон. Снова звонок. И опять секретарша первая бежит к ванной.

Я возмущаюсь:

– Вы и в туалет носите телефон начальнику?

Я опять оттираю ее от двери в ванную и отбираю мобильник. Сцена та еще!

Вечером происходит крупное объяснение. Оно ни к чему не приводит. Муж не хочет увольнять секретаршу. Уверяет, что между ними ничего нет.

– Что плохого в том, что она ездит вместе со мной на рыбалку? – с наивной непосредственностью удивляется он.

– А то, что весь цех над тобой смеется, ты упустил из виду? – спросила я. – Ты думаешь, что женщины приняли твою сторону? Каждая на твоём месте представляет своего мужа и нервничает.

Боже мой! Мужу нравится быть в центре внимания по любой причине! Запятнал свое и мое имя, опозорил нашу семью на весь город, и ему несколько не стыдно?

«Ты склонна все преувеличивать и драматизировать», – заявил он мне. Куда уж преувеличивать? Как бы приуменьшить.

Кто же из наших девочек жаловался мне на вот такое же поведение своего мужа? Галя, Эмма? Не помню. Как же я устала от всей этой грязи!

Как-то подумала: «Мария Волконская не разделяла идеи декабристов, но все равно поехала за мужем в Сибирь. Это была не романтика, не экзальтация, а христианский поступок преклонения перед страданием любимого. Мария была одареннее, значительнее, сильнее духом своего мужа. Она поехала к нему, чтобы помочь ему, дать силы выжить. В ней восторжествовал национальный характер? «Я буду век ему верна». Верна не только мужу, но прежде всего себе, своим взглядам, внутренним устоям.

Мы тоже преданы своим мужьям со всем нашим русским отчаянием и невероятной смелостью? Но ради чего и кого мы жертвовали своим здоровьем? Сначала верили им, потом ради детей. Чтобы не примешивалось к скорби осознание своей ошибки? Чтобы не винить себя в недостаточной материнской проницательности. Звучит в высшей степени убедительно? Но наших мужей жалеть было не за что, они благоденствовали. Такова нынешняя святая и грешная русская жизнь? Вариантов много, да результат один? А если бы мы были богаты как Волконская? Ни минуты чуть ли не до последнего ходили. Они были слишком важны друг другу, чтобы еще кого-то впускать в свою жизнь. Семья была главным в их жизни богатством. Смотреть на них было счастливым потрясением. Память постоянно воскрешает их любовь, потому что сердцу хочется приятного, радостного. Каждой женщине хочется хотя бы малую толику таких отношений... Найти бы, пересечься... чтобы помог раскрасить непреклонную защитница старинного благочестия... Был бы мой муж благородный, как Волконский, ценил бы...

А как Алла о Саше говорила? «Я не ощущала себя рядом с ним хрупкой и слабой. Я чувствовала себя женщиной... Люблю его, люблю все, что он делает...» Да... встретились два умных, порядочных, на сто процентов совместимых человека, произвели неотразимое впечатление и сразу поняли друг друга, будто тыщу лет до того знали. За ручку чуть ли не до последнего ходили. Они были слишком важны друг другу, чтобы еще кого-то впускать в свою жизнь. Семья была главным в их жизни богатством. Смотреть на них было счастливым потрясением. Память постоянно воскрешает их любовь, потому что сердцу хочется приятного, радостного. Каждой женщине хочется хотя бы малую толику таких отношений... Найти бы, пересечься... чтобы помог раскрасить беспросветную жизнь. Почему беспросветную? Разве мало я «светила»? Мне не хватало только моего света.

«А кому-то не повезло... Наши мужья неизлечимо больны дурью. Каждый своей. А мы, умные, самоотверженные,

верные, неустрашимые, давали им слабины и сами оказывались у них на вторых ролях. И они выбирали нас мишенью для своих издевок... Конечно, мы пытались образумить их и так и этак... Судьба крутит-вертит нами если мы подставляем, если мы зависимы и у нас нет другого выхода?» - Так говорила Инна.

Наталья Пушкина не жила в роскоши, но ведь была ему верна. Условности света? Любила?.. Нашла с кем сравнивать свою семью. С приближенными царя! «Два мира два Шапиро». *История не сохранит сведений о наших титанических усилиях и «мужественных» подвигах. По нам плачет телепередача «Камеди клуб»? Такова финальная фраза нашей жизни? Глупости!*

Надоели Митина ложь, фокусы, его себялюбие, мое оскорбительное положение. Говорю ему: «Кто ты? Сказать, просветить? Да уж конечно не порядочнейший муж, не добрейший отец семейства. Кобель беспардонный, наглец и подлец. Какие еще комплименты желаешь получить? Опять клонул на первую, которая не отказала. Не противно? Какой ты у нее по счету? Недоступность украшает не только женщин, но и мужчин. Устоять перед соблазном - проявить достоинство, дано не всем. А без него человек смешон».

- «Не нравлюсь - уходи!» Как вином глаза залил, не понимает, что творит, что говорит. Будто под гипнозом находится. Я должна уйти ради его блага, чтобы не портить ему жизнь с этой... очередной? Я - никто... Меня просто нет... Я не нужна... И это Митя говорит мне, преданной жене, матери его детей, красавице по сравнению с этой шлюшкой, ищущей «спонсора» для содержания своей семьи! Наслышана: один бросил, к другому прилепилась. И этот оставил. К третьему пристаёт... Не ожидала, что при его вроде бы паталогической безразличности, он будет становиться в очередь с подвальными пропойцами... И-ди-о-тизм!

Ни в грош не ставит ни мои способности, ни мой характер. Он ничего не ценит кроме своих желаний. Чужой ребенок ему улыбнулся - и он его уже любит! А свои, зная его характер, не часто улыбаются ему и он безразличен к ним? Поразительное открытие! Полное отсутствие человеческих... и даже животных инстинктов сохранения... Это невозможно понять. Кто бы рассказал - не поверила бы. Получается, что мужчины любят своих детей, до тех пор, пока любят их матерей? Не может такого быть. Это Митя такой ненормальный.

*

Через неделю под влиянием стресса неожиданно образовалась огромная опухоль. Доктор предположил саркому и потребовал срочно лечь в больницу, иначе через месяц будет поздно. Почему заболела? Видно, запас моральной прочности у меня большой, а физический оказался много меньше, вот и сломалась. Надорвалась, таская огромный груз обид. Болезнь находит самое слабое место в организме, поражает, разрушает и губит человека.

- Сподобилась... Дожидаешься милости стоять у престола Божьего... Думала при своей жертвенности в святые папаша? - усмехнулась Тамара.

- Муж даже в больницу на операцию не захотел везти. Дети заставили. Столько всего перенесла! А он, надеясь, что я умру, помчался делать операцию на глаза, чтобы для другой женщины быть полноценным. Для меня не старался, хотел, чтобы я его нянчила.

- Митя тебе мало дал, но много взял. Тебя хорошо поддержало, а может даже и спасло то, что после серии убийственных химий ты целое лето прожила в лесу у реки, занималась рыбалкой. Ты была в тяжелейшем состоянии. Помню, первые дни еле ноги переставляла. Я, честно говоря, не очень верила в твоё выздоровление.

- Врач посоветовал, и Митя с удовольствием туда меня отправил. И тут для себя выгоду нашел. Руки себе развязал. Вольным казаком жил. А когда наезжал ко мне, нервы мотал. Попрошу его леску с наживкой забросить в намеченное мной место, так он обязательно ее в другую сторону отправит и насмешливо смотрит на мою реакцию. Попрошу крючки выпутать из зацепа, так крику на всю округу. Перестала я обращаться к мужу за помощью и мне сразу легче стало. А когда чуть окрепла, приспособилась подплывать к месту зацепа на надувном баллоне от колеса машины. Его мне одалживали детдомовские ребяташки из соседнего школьного лагеря. Для них мои «заплывы» были интересным развлечением. И я вместе с ними хохотала над своим неумением. И от собак я быстро научилась отбиваться.

...Всё умела, многое могла. Всегда была нацелена на результат. И это было по жизни моей подушкой безопасности. Я знала, что нигде не пропаду. Но сентиментальности во мне было слишком много... А теперь давление скачет, сердце еле стучит, чувствую убывание сил... но держусь. А какие мои годы?

После ряда операций опять сильно ослабела. Полгода еле по квартире передвигалась, думала только о том, чтобы выжить. Наметилось улучшение. «Нет, - решила я, - теперь не уйду из семьи. Ты угробил, тебе и жить со мной дальше, сколько Господь отмерит и повелит». Злит, конечно, неотвратимость, невозможно что-то изменить... И Тамара меня поддержала: «Хватит жить, головой повернутой назад и душой заполненной прошлым. Иди вперед, не оглядываясь. Не погружай себя в уныние, упраздни тоску. Радость преобразует жизнь. Ищи ее».

20

По вечерам много читаю и размышляю. Встречаюсь с самой собой... внутри себя. Только теперь, ближе к финалу, может быть уже на пороге... поняла, что почти половину жизни жила неосознанно. Нет, я работала, растила детей, жизнь была наполненной до краев, но не всегда тем, чем хотела бы. Наверное, в итоге у всех так.

Сегодня Гоголь у меня «в гостях». Что я в нем ищу? Меня волнует приближающийся уход?.. У Гоголя особый взгляд на смерть, коррелируемый сложным состоянием его не всем понятного психического здоровья. А у меня физического? Гоголь представлял свою смерть. Еще бы! С его-то воображением... Его охватывали видения, мучили голоса. Он боялся быть похороненным заживо и страшился мук ада, ведь по христианским верованиям смерть - конец земной жизни и начало новой, бесконечной. Гоголь был религиозным, считал, что Бог есть главная тайна, и одновременно был мистиком. Он умер ни от чего, без симптомов. От страха? Моя знакомая поверила рассерженной цыганке, что умрет при родах. Так и произошло. Но она сама своим страхом вызвала кровоизлияние в мозг. А я не

злила... Но ведь тоже все эти годы думала.

...В произведениях Гоголя смешное и страшное рядом из-за религиозных страхов, которые внушила ему мать в детстве или потому что «такова жизнь»? В нем всю жизнь генетическое радостное «я» боролось с навязанным матерью тоскливым предчувствием и ощущением смерти? От того и характер был тяжелый? Безусловно, он гений и работал только «на высоком подъеме маятника». И все же в его жизни и поведении было столько абсурдного! Может, у меня упрощенное, уплощенное понимание мистики? Интересно, религия разбудила в нем гения или сгубила?

А как я смотрю на переход... Если это неизбежно... Соглашусь с ним без страха?

Вспомнила странное «явление», случившееся со мной, когда муж уезжал в командировки. Уложив детей спать, я принималась за дела. Неожиданно, часов в одиннадцать или двенадцать со мной начинало твориться что-то непонятное: спазмы сжимали горло, я задыхалась. Лицо полыхало. Внутри все мертвело. Это длилось не больше получаса. Самочувствие мгновенно восстанавливалось, словно и не было вспышки этой странной болезни. Я не понимала причин ее возникновения и только удивлялась и пугалась. Позже я узнала, что именно в эти часы муж «общался» с любовницей, которая сама затащила его в постель, будучи с ним в командировке. Кто посылал мне эти импульсы-подсказки? Они исходили от той женщины?

По телевизору женщина-тренер сказала: «Дети не устают. Это придумали взрослые. Не надо давать себе слабину». Устают дети, только быстрее восстанавливают силы. Им иногда достаточно отключиться на десять-пятнадцать минут. Видно не знает тренер, что такое сельские нагрузки. И у взрослого, и у ребенка есть пределы моральных и физических сил, после которых они заболевают. И иногда безвозвратно. Помню себя в двенадцать лет. Мне было тяжело, но я с удовольствием (тем более при чужих людях!) целый день таскала ведрами глину, а на утро не смогла встать с постели. Было полное бессилие. Ничего, пару дней отлежалась и опять в бой, на передовую.

В носу щекочет, будто где-то рядом сырая глина. То запахи навевают воспоминания, то наоборот...

...А после того страшного телефонного звонка у меня «полетели все пробки и обесточилась нервная система». Организм не смог восстановиться и через некоторое время я тяжело заболела.

Есть очень талантливые дети, но им от природы не дано достаточно сил бороться с собой и с внешними обстоятельствами. И если им не помогать тонко и умно, они не сумеют реализовать свои способности. И давить на таких детей нельзя, можно навсегда искорежить неокрепшую психику. В этой связи мне вспомнился прекрасный математик Красносельский, профессор с мировым именем. Как он удивительно терпеливо и тактично растил себе смену, своих талантливых учеников-«птенчиков»! По утрам они вместе с ним делали зарядку, завтракали, пешком шли в университет и беседовали. Он следил не только за умственным развитием этих студентов, но и за малейшими отклонениями в их физическом и моральном здоровье, строго опекал и надежно поддерживал.

*

Подошла к изголовью кровати. Муж спит. Лежит на боку, вялый, расслабленный, морщинистая шея сильно выдает возраст. Большой, мягкий нос свесился в сторону. Его высокий от глубоких залысин лоб не выглядит умным, эффектным, под расплескавшимися остатками седоватых, слегка вьющихся волос. В позе все еще осталось что-то детское, капризное, ранее так умилявшее, заставляющее обожать, нежно любить, ласково заботиться. Теперь этот старый ребенок вызывает только недоумение и жалость. И все же где-то в глубине души понимаю и помню, что всегда любила его... и видела, особенно в первые годы замужества, его ум, интеллект, отмечала уникальность – качества человека на все времена. Фантазерка. Это-то и обидно.

А ведь все указывало на то, что не надо было нам жениться. Много было тому подсказок. Я их видела, правильно оценивала, но что-то незримо подталкивало меня к нему... Дьяволом с ангелом во мне боролся? И мелкий сомнений было много... Говорило сердце: «Если сомневаешься, отступись». Наверное, судьба...

Не того любила, не на того жизнь истратила? Обижаться не на кого, сама выбрала. А ему, как оказалось, хотелось самому интересно жить, увлекаться, гордиться своими мужскими возможностями, как самым важным, что есть в нем и вообще, с его точки зрения, в мужчинах. Он удивлялся непониманию этой важности, этой гордости. Его самонимение было так велико, что не было для него важнее мысли о себе, кроме как «Какой я матерый! На стороне троих женщин сразу имею!» Но какие они? Одна сумасбродная, другая лярва, третья – дура. Я такого рода мужиков эшелон могла бы... Только брезгую. От одной только мысли... А сколько им доставалось от него? Об этом он не задумывался. Ему нужно одно: чтобы его хвалили, восхищались им, чтобы все было только по его и для него, для такого великолепного, эффектного, способного. Он мужчина! Разве этого мало? Ну, если больше нечем... Искусство, культура, интеллект? Зачем они? Порядочность... Заботы? Дело жены – хозяйство и дети. Дело других женщин – радовать его. Жизнь без радости – преснятина, бредятина...

Все эти соблазны от комплексов. А я была в себе уверена, и мне не надо было ничего себе доказывать. Глупая. А в нем была уверена? Семейная жизнь строится двумя особями.

Митино постоянное желание собственных маленьких радостей надежно зашторивает ему глаза и ум от мешающих жить семейных мелочей, так портящих ожидание счастья. Зачем эта грустная всепрощающая женщина? Он не желает видеть ее, пусть даже на несколько мгновений, застывшее от обиды и непонимания лицо и трагическое укоряющее выражение глаз!

Подруга была права. Этот вечный мальчик не способен на долговременные чувства к кому бы то ни было, кроме себя. Если его радуют, его устраивает такая любовь. Если ее поддерживают игрой, ласковыми, льстивыми словами, если ему читают стихи для того, чтобы получить от него минуты счастья – он их с удовольствием предоставит с широкими жестами и восторгами от самого себя, от своей значимости, от своей прелести. А им, приходящим-уходящим, большего-то и не надо. Ухаживать за ним, выслушивать его каждодневную раздражительность? Нет, он им нужен для

праздника. Раз в неделю. Достаточно. Они, отдохнув от работы, могут позволить себе расслабиться белыми нежными кошечками и получить в один вечер столько ласки, сколько и не мечтается в семье. Слова льются нежным потоком, захлестывают дурманом. Вино, тосты, комплименты... Здесь он мужчина, здесь он отдаст. И этим горд. Здесь запретное, тайное, завоеванное особым вниманием, подарками, романтичными звонками, восторгами ожиданий и предвкушений каждой встречи! Игра в «войнушку», в разведчиков, налет секретности, опасность быть раскрытым вносит свой осязаемый колорит. О, эти тайные встречи, осененные страхом быть пойманным на месте преступления!.. И не идут мысли дальше легкого волнительного страха. Нет желания заглядывать в будущее. Всегда найдется женщина, которая его вдохновит и порадует. А то и две или три одновременно, но ведь в разные дни... Наверное, каждая верит, что единственная? Или любовниц это не волнует?

Вспомнились слова из нашего недавнего разговора.

- Ты счастлив за счет моего здоровья.

- А я здесь причем? Я тебя не заставлял любить и заботиться. Сама, все сама. Желание счастья было столь велико, что путала, где мечта, а где реальность?

- Ежеминутно лгал мне в лицо, никогда не раскрывался передо мной, поэтому я долго не могла тебя раскусить. Иначе давно бы ушла.

- Разве без лжи я получал бы то, что получал? Я такой. С меня взятки-гладки. Я деклараций не подписывал... Хочешь принимай таким, хочешь нет.

- Что уж теперь... А о том, что жизнь мне сломал, душу истерзал, не думал?

- То был твой выбор.

- Так верила же.

- Ты же верила, не я.

- Какое присутствие духа! Когда мы женились, ты уже был порченным?

- Тогда я не осознавал себя полностью. Где-то внутри себя я хотел такой жизни, но боялся не смочь, боялся тебя потерять. Взрослея, я все больше понимал, что мне надо, и каким я зародился. И стал им.

- Маленькая червоточинка разрослась в огромную опухоль.

- И ты мне в этом помогала своей любовью, терпением, мягкостью и добротой. Ты устраивала меня как никакая другая. Я даже первое время ценил тебя за эти качества. Я не переносил малейшего вторжения в мою жизнь и потому часто бывал раздражительным. Ты чувствовала, что отдаешь себя на максимум, считала себя идеальной женой, тебя обижало с твоей точки зрения мое неадекватное поведение. Ты иногда догадывалась, что я не тот, кого ты хотела бы видеть рядом с собой, но не хотела этому верить. Ты пыталась объяснить мне это. Но я нравился себе таким, какой есть.

- Какой откровенный цинизм!

- ...

*

Не спится. Слова Аллы возникли в памяти: «В свою последнюю минуту Саша обнял меня, положил мою голову себе на грудь... Не слова, а это прикосновение я помню до сих пор... Я постоянно веду с ним внутренний диалог. Если мне особенно плохо, и я начинаю внутри себя вибрировать, то вспоминаю любимую Сашину фразу: «Включай юмор» и перебираю в памяти его шутки.

Когда узнали о болезни, мы продолжали мечтать, строить планы и пытаться их осуществить. Я научилась прятать рвущийся из меня крик. Мы жили так, будто жизнь идет сама по себе, болезнь – сама по себе. Закрывали дверь перед самым ее носом. Любовь укрепляла надежду. Радость ни на день не уходила из нашего дома. Она поддерживала Сашу целых десять лет. Это были годы нашего трудного счастья. Если любишь, остаться одной не страшно. Я не ропщу. Наши души всегда вместе. Для меня он не умер».

А мой муж губил каждодневно, уничтожал... Да... не дано нам заглянуть в «Книгу Судеб».

Может, зря слушала сына и тогда, много лет назад, и теперь? Мы с мужем как метеориты в космосе, траектории наши пересекаются на каком-то расстоянии друг от друга, не соприкасаясь. То приближаемся, то отдаляемся... Чем дальше я растягиваю пружину недовольства, тем сильнее она ударяет меня потом. Отрезала бы разом, как моя студенческая подруга Олеся, и теперь была бы здорова. А вдруг нет?

Вспомнилась шутка, услышанная от подруги Тамары: «Мужья не взрослеют, только набирают вес». Она права. И мать моя говорила, что «Черного кабеля не отмоешь добела». Но я выбрала вариант, устраивающий детей. Их счастье – мое счастье. Такая, видно, моя судьба. А ведь были шансы пройти мимо...

Мне винить себя не в чем. Все что я хотела в этой жизни сделать, я сделала. Я уважаю себя за стойкость, терпение, трудолюбие. Каждый период моей жизни был по-своему насыщен и интересен. Меня выбирали не потому, что остальные претенденты разбежались, а потому, что я старалась не упускать свои редкие счастливые случаи и трудом доказывала, что заслуживала их. Я благодарна им, они помогали мне прокладывать тропинки в моей дальнейшей карьере. Только мужа переделать не смогла. Его таким сделала мать и ее гены. Своими детьми я горжусь. А любовь? «Не всем дано любить, не всем дано понять». Так, кажется, в песне поется. Не всем дано преодолеть в себе животные инстинкты: бежать, хватать, не думать... Если нет ни духовного, ни эмоционального опыта, вот и влечет низменное... Нет, чтобы восхищаться словом, делом, красотой... Опять я ударились в воспоминания? Правильно люди говорят, что несчастливцы всегда в прошлое смотрят. И что мы там ищем?..

Повторно смотрела фильм «Овод». Священник не спас своего сына. Ему своя карьера была дороже. Мать все отдала бы, включая свою жизнь, только бы ее ребенок остался жив. Не посмотрела бы ни на его религиозные, ни на политические взгляды. Мое мнение не изменилось за время после первого просмотра этого фильма в пятом классе.

Нет, все-таки истинный Бог есть Женщина.

Раздался телефонный звонок. Свекровь звонит. Ей уже далеко за девяносто. Муж протирает глаза, берет трубку, долго слушает, коротко отвечает.

Вдруг с изумлением слышу горькую фразу из его уст: «Эх, мама, мамочка, ты столько мне за мою жизнь насоветовала...»

«Господи! Лед тронулся?! К концу седьмого десятка он все же стал понимать, что ее постоянное вторжение в нашу жизнь, мягко говоря, не всегда положительно влияет на нашу семью?! Неужели в нем наконец-то стал просыпаться нормальный человек? Дай-то Бог».

Проходит несколько часов и все как прежде... Мама, мамочка в каждом слове и грубое раздражение по отношению ко мне. А она, приближаясь к завершению своего жизненного пути, не стала добрее, не покаялась в своих злодеяниях. Может, мой муж просто не хочет подавать вида, что уже многое понял? Разве он может сознаться, что ошибался?! Нет, конечно. В этом возрасте уже не меняются.

Каждый имеет право на ошибки. Главное, понять их, осознать и не повторять.

Приписка. «Прошло еще несколько лет. Митиной матери уже нет, а он все равно не может жить своим умом, и продолжает быть верным прежним ее установкам. А говорят, когда родители уходят, дети перестают быть детьми. Он – исключение из правил?»

А если глубже копнуть? Возьмем Цезаря, Ленина со Сталиным... Между ними два тысячелетия, а многое ли в них изменилось? Но столько общего!

Судьба не раз расставляла мне опознавательные знаки, а я их не замечала или не учитывала. Сама виновата. Что теперь корить себя? Где-то слышала: «Не спеши жить. На большой скорости все вокруг сливается в единую, сплошную массу. Упустишь важное, оно промелькнет незамеченным». Вот оно и пролетело мимо.

*

Вспомнила свой разговор в больнице с соседкой по палате.

– Не переживайте, – говорила я ей. – Я понимаю вас. Выведенные из зоны комфорта, мы начинаем отдавать предпочтение грустному. Нам трудно перешагнуть рубеж нового состояния. Не перемалывайте в голове настоящее. Это временное обстоятельство. Мы уже поправляемся. О будущем думайте.

– Вам легко советовать, видно, у вас дома рай, а тут, что ни мысль, то грусть-тоска и обида. (Я о своих бедах помалкивала.) Знаете, когда мы встретились с ним через десять лет после окончания вуза, он сказал, что не женат, потому что не мог меня забыть. Я поверила и, недолго думая, пошла за него замуж. Может, причиной тому был беззвучный волчий вой тоски и одиночества, уже успевший поселиться в моей душе, после того как схлынули проблемы, связанные с защитой диссертации. Я делала карьеру и упустила своих поклонников. Не искушенная в любви, я мечтала о облаженной цельности и совпадении с самой собой его, так долго ожидаемого. Мечтала о нежной, чистой, спокойной близости, которая приносила бы мне радость уже от того, что мужу хорошо со мной. Хотела угадывать каждое его желание, окутывать его своей предупредительностью и заботливостью. Боже мой, какая я была фантазерка! Муж называл меня зайной. Я радовалась его нежности. А оказалось, он так обращался ко мне, чтобы нечаянно не произнести чужое имя. Вот откуда, оказывается, берутся у мужчин «солнышки», «рыбки» и прочее! А сам и мысли не допускал, что я тем же могу рассчитаться с ним за его подлость, сама нанесу удар. Знал мою упертую порядочность. На это у него ума хватало.

– И мне достался мужчина, всеми желаниями и действиями которого руководит не разум, а эмоции, – призналась я. – Ударит в голову сперма – и он уже ничего не видит, ничего не слышит кроме своего желания быть рядом с другой. Отношения с нею для него становятся приоритетными. Я считаю его матерым эгоистом.

– Как-то муж поделился со мной, что его ум все тот же, что был в тринадцать лет, только знаний много накопил. А вот половое созревание его сильно изменило. С тех пор, вот уж тридцать лет, во всех областях жизни сатана не обходит его стороной. И только женщины помогают ему причаститься к жизни, ощутить ее полноту. Не зря врачи говорят, что от переизбытка гормонов, в мозгу человека происходит что-то необъяснимое. Для него чувства героя в «Гранатовом браслете» не есть любовь... А ваш муж хочет всё от всех получать, ничего не отдавая?

– Другим женщинам муж подарки дарит, в рестораны водит. Он не может себя постоянно растрчивать на кого-то одного, потому что способен только на отдельные прекрасные моменты. Попрыгунчик. Его страшно удивляет и возмущает, когда я возникаю с претензиями. Ему даже в голову не приходит, что кто-то в семье чего-то от него ждет. Он надменно и презрительно говорит: «Ты так думаешь? У тебя свой взгляд?» Как будто я глупее его и с моим мнением не надо считаться! – грустно поделилась я.

– А мой муж еще лезет в области, в которых совсем ничего не понимает. Допустим, тоном, не терпящим возражения, диктует мне, как готовить борщ или мыть посуду. Я сначала спокойно, с юмором отставляла его от кухонных дел, а потом стала возмущаться и пригрозила: «Будешь нос совать в мои дела – сам будешь готовить». Дело доходит до абсурда. Знаете, это уже... отклонение.

– Ну и что? Помогло? – спросила я.

– Куда там. Спустя некоторое время, он снова пристаёт со своими нелепыми неадекватными ЦУ, «ценными

указаниями».

- Мой муж такой же.

- Я выполняла его советы, чтобы он «оценил» их результат. Но он не признавал своих ошибок. На меня их сваливал и уходил обедать в столовую, как бы подчеркивая тем, что я плохо готовлю.

- А может, вам надо было его больше хвалить? - предположила я.

- Хвалила его за дело. Но ведь так получалось, что хвалить-то особенно было не за что. Попросишь его помочь, так он тянет-тянет, пока все сроки не выйдут. А чаще всего сразу отказывался или делал так, что после него все переделывать приходилось. Взывать к совести было бесполезно. А самомнение выше крыши! Я - кандидат наук, у меня много научных трудов, но я же не исхожу, извините, соплями от восторга над своими успехами. Раз мне дано, я обязана реализовать свои способности, иначе уважать себя перестану. Мужчины, по секрету вам скажу, в юности штабелями передо мной падали. Так что же, я должна была не упускать своих возможностей и гулящей становиться? А он ради повода лишний раз восхититься собой готов кого угодно продать и предать. И меня предал, разменяв себя на обрывки лести. Я, я, я - это все, что в глубине его души таится. Мне было чудовищно тяжело...

«Совсем как в моей семье, будто под копирку. Наши мужья - близнецы-братья?» - удивленно подумала я.

И словно отвечая на мои мысли, женщина добавила:

- Это люди с очень крепкой психикой, но истеричного типа. Их называют социопаты. Мы их жалеем, считая больными, нервы себе напрасно треплем, оберегая их покой, а они с удовольствием издеваются над нами. Вот такой скверный расклад. Я слишком поздно об этом узнала от своего психолога. С большим трудом, но выгнала я мужа. Сейчас у меня есть любимый мужчина. Замуж не хочу. Жаль, что ребеночка мне от него не удастся родить.

*

Спросила Митю: «Тебе приносит удовольствие изводить меня? А то, что после твоих истерик я быстро выхожу из строя и плохо чувствую, тебя не волнует? Я заслужила такое отношение? Эта манера общения у тебя от ощущения безнаказанности?»

«Я в чем-то перед тобой виноват?» - спросил удивленно.

Я не выдержала и грустно пошутила: «Если тебя после каждой твоей выходки стегать кнутом или штрафовать на приличную сумму, ты скорее справишься?» Не понял иронии, целый час возмущался. Я невольно засекала время. И как пробить брешь в его сознании? Нет, я себя от этой проблемы не отделию, тоже виновата, разбаловала... А вот копилку для штрафов за маты на стол я все-таки поставила. Похоже, немного помогает.

*

Не спится. Лежу и думаю, чем я отличаюсь от Эммы и что у нас общего? Она, как и я, разочаровалась в жизни. Единственной ниточкой, связывающей ее с надеждой на счастье, была любовь к детям. Я не ною. Но это объяснимо. У меня есть дневник. Он - мое спасение. А она даже с матерью не делится, боится ее огорчить, как и моя дочь. Ей тяжелее. Нас таких много?

Вспомнила любовницу своего шефа, ее приторный голос, манеру умирающего лебедя... Придыхания, задыхания... И он рядом с ней начинал сюсюкать, как глупая бабенка, говорить как гермафродит заигрывая, томно, слащаво. Фу, противно! Сравнила мужа с шефом и их любовниц. Ужас! Один в один! Как эти маленькие, хитрющие шлюшки умудряются вроде бы не глупых мужчин превращать в дураков? Их ум..... в том, что умеют притворяться, капризничать, представляться слабыми и несчастными?

А почему мужчины превращаются в таких же слюнявых? И даже не замечают, какими противными становятся. Они хотят быть похожими на нравящихся им женщин? Это и есть в них то общее, что они искали и находили друг в друге? Этих мужчин привлекает в женщинах то, что есть в них самих, но глубоко запрятано? Поэтому между ними возникает родство душ?

Мой муж оберегает любовницу, как хотел бы, чтобы его оберегали? Нет. Я жалела его, а он отвечал подлостью. Меня сильную и заботливую не за что любить? Почему Митя хочет быть для нее настоящим мачо? Не жалея своего здоровья, он выполняет любые ее прихоти? Нет, там он тоже делает только то, что хочет. Значит, она умеет внушить, что у нее ему всё должно нравиться? А для меня муж остается слабым, больным, чтобы нянчиться? Но откуда в нем это моральное насилие над любящим его человеком? Обычно несчастливый в семье человек делает другого несчастливym. Я не понимала в чем состоит Митино счастье?

Мать нарочно корежила сына... А он верил ей, подчинялся, как вышколенный... Я ему говорила: «Лучше честный разговор, чем тихое недоверие или недовольство». А Митя не хотел со мной откровенно разговаривать по душам, потому что боялся высветить свое гадкое нутро? И со мной, и с самим собой в прятки играл?

Я на совесть и порядочность мужа надеялась. А та женщина, как и мой муж, хитрая, лживая, эгоистичная, понимала, что взять его можно только на лесть. Вот и спелись. А мой шеф был добр и простодушен. Его женщине даже льстить особо не приходилось, достаточно было поддакивать. Чего ему не хватало в своей семье? Разнообразия? Время вымывает чувства?.. Иногда слезы ставят мощную точку в трагедии. Так было у Лили.

Говорят, самый сильный человек тот, кто абсолютно одинок. И в чем проявляется его сила? Не пьет, не теряет себя? И что из того? Почему я не чувствую в себе этой силы? Одиноким ни на кого не растрачивается, а у меня дети.

Как все сложно!

Я любила Митю искренне, светло и радостно. Любовь спасала меня, позволяла закрывать глаза на мелкое, неважное. Я философски ко всему относилась, пока не узнала об изменах. В душе молчаливый крик... Сердце еле помещалось в грудной клетке. Со мной чуть ли не падушая... Такой вот зигзаг, опасный всплеск на траектории моей жизни... И жизнь превратилась в каторгу. Каждый день на нервах, каждый звонок - прострел по треугольнику, соединяющему линию груди с областью малого таза. Обида грызла, все раздражало. Стала замечать только плохое, взрываться... Если у человека отнять то, чем он жил многие годы и не дать ничего взамен, то он заболевает. И это страшно... Нет,

я знаю, что человек выживает, когда смотрит в будущее... Но как ему потом жить, если боль не уходит?.. Опять я...

Что в Мите доминирует, что в нем привлекает женщин? Как мужчина интересен? Очень даже сомневаюсь. А может, я не умею... не научил. Армяне говорят: «Чем мужчина наполнит свой сосуд (женщину), то и пьет всю жизнь». Его зарплата? Начальник он небольшой. Но все же начальник. Его доступность? Сомнительное достоинство. Этим набирает очки?

Многие мужчины не довольствуются женщинами, которые рядом? Им чужое подавай, новое. Пусть хуже, зато другая. Животное начало берет в них верх. Герои. Не понимают, что никакого мужского подвига в их победах нет. Это уступки им одиноких или неудовлетворенных жизнью женщин.

Сегодня по радио услышала об интересных изысканиях ученых-психологов из МГУ. Они связывают походы «налево» – если они не есть отклонение в мозгах – с недостаточно развитым интеллектом. Подтвердили поговорку: «Умный муж на два фронта не воюет».

Тамара сказала:

– Думай о хорошем. Он дал тебе детей.

– Мне теперь ему руки за это целовать? Одна моя подруга пошутила: «Дура была, надо было родить от мужика с хорошей наследственностью, а то теперь еще и с сыном мучаюсь. Оба деспоты». Слава Богу, мои дети характером больше в меня пошли.

– К сожалению, твой Митя слаб во многих отношениях.

– Он слаб, а я страдаю. Слишком хитрый. Знаешь, когда я работала в профкоме, то замечала, что даже для самых отъявленных пьяниц семья являлась наиболее сильным укором. Ее они боялись, а не заседаний парткома и профкома, жен они не хотели обижать, хотя и обижали. Что же мне нелюдь такая досталась? Не знаю, любил ли мой муж отца? У меня самые светлые о нем воспоминания, а в семье его не уважали. Мать на сына в основном влияла. Ее принципами он руководствовался в своей жизни, варьируя свое отношение к людям. Мне не удалось переиграть ее.

– Раньше государственные структуры регулировали и укрепляли семейные отношения. Институт семьи определял правила. Они играли существенную роль. Был лозунг: «Крепкая семья, крепкая страна». Теперь эти методы не работают. Но мы всегда возвращались к основам, к истокам построения нашей семьи. В этом наша сила. И на этот раз все наладится.

– Само собой? – усмехнулась я. – Подруга Зина – ты ее знаешь – мне рассказывала: «Пил, потом руку на меня начал поднимать. Я только защищалась, жалко было его бить, считала, что от бессилия, от болезни он не может себя сдерживать. От всех скрывала его поведение. И все же собралась от него уйти, но тут единственный сын в армии погиб... Одни остались... Муж пить перестал. Я в онкологию попала. Теперь он плачет, жалеет меня, заботится. Бойтсся, что умру. Вот я и подумала: «Неужели для того, чтобы понять, что в семье надо жить в любви и в заботе друг о друге, ему необходимо было испытать самое страшное для родителей несчастье?»

– Как ты думаешь, почему он о ней заботится? – спросила Тамара. И сама ответила:

– Бойтсся один остаться. Больно он теперь кому нужен со своей жалкой пенсией. Поверь мне – такие типчики не меняются.

Говорю Мите: «Мне нужно больше двигаться. Давай я наведаюсь на рынок к мастеру и закажу второй ключ от гаража. Ведь обидно будет, если ключ сломается в самый неподходящий момент, когда тебе надо будет куда-то срочно поехать. Он давно на ладан дышит.

– Это не твой вопрос, – возразил муж.

– У тебя много дел, в которых я не могу участвовать, а тут справлюсь. Я помочь хочу.

– Не сможет твой мастер это ключ сделать.

– Я нарисовала ему ключ в натуральную величину с указанием всех размеров. Он согласился.

– Это будет дорого стоить. Я лучше закажу своему рабочему.

– Но без специального станка твой рабочий фигурный ключ будет вытачивать целую неделю. Работа дорого обойдется. И еще не известно, какого качества изделие получится. Сколько ты согласен заплатить мастеру?

– Мы замыкаем гараж на английский замок, этот фигурный ключ нам не нужен.

– С двумя замками все-таки надежней. Жалко, если вдруг...

– Тебя это не должно волновать.

– В семье всё всех касается.

– Не навязывай мне свое мнение.

– Я аргументы выдвигаю, помощь предлагаю и не могу понять, почему ты от нее отказываешься, да еще голос повышаешь.

– Я замотан делами, а тут ты еще лезешь.

– Ты противоречишь себе. Если не нуждаешься в моей помощи, тогда не издевайся надо мной, когда я сажусь за компьютер. Это мое хобби, моя отдушина. Представь себе, что будет, если я каждый раз, когда ты собираешься на

рыбалку, начну устраивать тебе скандалы. Ты же всю квартиру от злости разнесешь в щепки.

Почему ты оставляешь за собой право грубить, попрекать, указывать, что мне делать, а мне не позволяешь дать тебе совет в том, в чем я разбираюсь? Ты даже в мелочах воспринимаешь мои слова как покушение на твою свободу, на твое первенство исключительно во всем. Я не собираюсь вести себя как ты. Это не разумно. Но ты своим несправедливым, неуважительным отношением обижаешь меня. Я начинаю нервничать. Что мешает тебе разговаривать просто, по-человечески, интеллигентно. Я так и не поняла, почему ты не захотел, чтобы я помогла тебе с ключом. Можно подумать, в этом отказе заключена какая-то великая тайна, которую ты не можешь передо мной раскрыть.

*

Дочь пожаловалась: «Папа, твой шофер не понимает, что он на тебя работает и обязан выполнять наши просьбы. Всю дорогу он курил в машине с открытым окном. В салоне свистел ветер. Я попросила его закрыть окно, но он заявил, что ему душно и посоветовал укрыть ребенка. А у меня не было запасной одежды. Шофер вел себя как хозяин. Я нервничала, но не знала, имею ли я право требовать от него выполнения моих претензий».

Я не раз возмущалась полной безграмотностью водителя и его хамским поведением. Но реакции от Мити не следовало.

Едем мы с ним из Москвы, и вдруг я чувствую запах дыма. Подсказываю шоферу, чтобы проверил уровень масла в картере. Но он заносчиво заявил мне, что десять лет за рулем и в учителях не нуждается. «Ваша развалюха никуда не годится, ее давно пора выбросить. Надоело ее чинить. Чтобы вы купили новую машину, я помогу вам от старой избавиться. Мне стоит только свистнуть, сразу найдутся желающие...» - добавил он развязно.

«В хороших руках она еще долго прослужит. А плохой шофер и новую машину быстро загубит», - возразила я.

Едем дальше. Чувствую, двигатель еле тянет, вот-вот совсем заглохнет. Я опять про масло напомнила. Водитель остановился, когда дым из-под капота повалил. Проверил-таки картер. На конце щупа повисла коричневая вязкая масса. Собираясь в дальнюю дорогу, он не измерил уровень масла и с собой на всякий случай не захватил канистру. А в радиусе ста километров ни одной заправки! Шофер, вопреки моему желанию, решил поехать по старой, редко используемой дороге, да еще и заблудился, где-то неправильно свернул. Сидим, ждем, когда на горизонте появится случайная машина. Водитель зачем-то принялся нервно соединять и разъединять различные проводки. Они искрились, горела изоляция... Я остановила его бестолковые манипуляции ехидным вопросом: «Вы хотя бы помните закон Ома? Вы и электрооборудование машины хотите загубить?»

Темнело. Я нервничала и мысленно упрашивала Всевышнего прислать нам любую допотопную колымагу. Внял ангел-хранитель моим жалобам через два часа.

Уговариваю Митю уволить водителя: «Он нам ни по каким параметрам не подходит. И его угроза лишить нас машины небезосновательная. Я это почувствовала по тому, как он заволновался, поняв, что сболтнул лишнее».

Через два дня пришел к нам водитель с женой просить в долг большую сумму денег. Мне сразу не понравилась его жена. Он-то дурак, лопух, а она хитрая, жесткая, настырная. От такой добра не жди. Удалось мне настоять не давать займы этой ненадежной семейке, под предлогом, что свободных денег пока нет, все вложено в бизнес. Тогда они попросили перенести в наш гараж свои соленья. Меня это удивило и насторожило: «Посреди зимы? Что они замышляют?» Но отказать было неудобно.

Приписка. «Машину через месяц украли. Шофер отбрехался, тем, что сам пострадал, продуктов питания лишился. А вскоре он вовсе исчез. Еще через пару месяцев фигурный ключ сломался. Чтобы открыть гараж, пришлось спиливать петли ворот. Теперь двери держатся на честном слове, но руки до них у Мити не доходят. Я не пристаю. Нечего там больше брать».

Свекровь вспомнилась. Я не замечала, чтобы она с кем-то в семье спокойно беседовала, рассуждала. Только требовала, настаивала, кричала, ругалась. Какая уж там логика, высота чувств, гармония...

Митя, готов довести меня до сердечного приступа, только бы остаться при своем мнении? Я больная, но у меня хватает сил признавать и исправлять свои ошибки и уступать ему, даже если он не совсем прав. Боже мой, неужели он никогда не станет хорошим! Человек тем велик и ценен, что может меняться в лучшую сторону. Я наблюдала, какими прекрасными культурными людьми становились наши деревенские, добрые, милые «валенки», поступив в университет.

Наш сосед – простой рабочий парень, но с каким уважением он говорит о том, что его жена любит цветы и выращивает их не только в квартире, но и в саду. А мой муж постоянно шпыняешь меня за то, что я сажаю цветы перед домом, хотя я это делаю по совету врача. Мне необходимо двигаться, чтобы не было застоя в легких, чтобы сердце работало с нагрузкой. Но Мите почему-то не хочется, чтобы я занималась цветами с радостью, ему обязательно нужно перед прогулкой испортить мне настроение. Он находит в этом удовольствие?

Зачем я все это пишу? Когда я переношу свои отрицательные эмоции на бумагу, то становлюсь спокойнее и уже не позволяю вслух излить свое раздражение Митиным поведением. Дневник, точнее, исповеди «лечат» меня от раздвоенности, спасают от взрывов недовольства, и я не являюсь причиной ссор в нашей семье. А еще он – способ укрываться от мыслей, которые мне противопоказаны. Щедра моя судьба на трудности и «мелкие неприятности», но до болезни я все равно не лишалась оптимизма. А в детстве меня спасал частый уход из реальной жизни в мечты и фантазии.

Если бы кто-то из моих друзей прочел этот дневник, то, наверное, очень удивился бы и подумал, что я жуткий нытик и злопамятная особа. В нем ведь всё не приглаженное «цензурой». Но я никогда не озвучиваю свои мыслишки, иначе вполне могла бы согласиться с подобной себе «россыпью комплементов». Так потому и пишу, чтобы не стать занудной. Я понимаю, что причиной моего теперешнего нытья в дневнике является болезнь, и этим отчасти оправдываю себя.

Страшно, но надо идти вглубь себя. Иногда там можно найти такое, которое необходимо срочно изживать.

Реальность – это пространственный хаос. Человек рождается в нем и привыкает в нем существовать. Но он должен не только приспособливаться, но и «переименовывать» его для себя, менять. Насколько я могу правильно судить о себе, природой я не расположена к этому, потому что могу только излучать свое собственное поле. И если чужое поле давит на меня негативом, мистикой, непредсказуемостью и прочим, я мало чем могу себе помочь.

Мне захотелось заменить старые пластмассовые ручки в дверях на изящные, металлические, с рельефным узором. Выбрала на рынке подходящие. Но часть из них оказалась с дефектами. «Поищем еще, пожалуйста. Мы и половины рынка не обошли», – попросила я Митю. «Эти неплохие», – возразил муж. «Но на их ремонт ты затратишь много времени, а время – деньги. Ручки обойдутся нам много дороже, и неизвестно еще что из них получится. Переделывать чужой брак – последнее дело». Митя грубо оборвал меня, мол, не застревай на мелочах, и сделал по своему.

Муж с этими ручками долго мучился, но не сознавался, что я была права. Я нервничала – и это после очередной операции! – когда двери в туалете или в ванной комнате защелкивались. Я боялась там свалиться в обморок или на целый день остаться без еды, воды и помощи, поэтому, попав в ловушку, обливаясь потом, из последних сил отверткой ковырялась в замке. Инструмент после первого «заточения» я, зная непошибаемость мужа, стала предусмотрительно прятать на полке. Потом придумала, когда Митя уходил по делам, обвязывать замки полотенцами или заклеивать скотчем, чтобы двери не захлопывались. А он, будто назло мне, не принимал никаких мер. И только через полгода, чуть окрепнув, я сама разрешила эту проблему.

Разлил воду, распахивался. Почему? Мите трудно за собой убраться? А может, причина глубже?

Говорю мужу: «Почему ты обижаешься на мои просьбы и замечания? Если не будешь считать себя непогрешимым, сразу начнешь относиться к мелочам спокойнее, перестанешь взрываться из-за малейшей оплошности. И нам обоим станет проще жить. Давай беречь друг друга?» Раскричался. Тогда я раздраженно добавила: «Не считай себя всезнающим и тебе легче будет теперь, после семидесяти, обучаться тому, чему тебя должны были научить еще в детстве».

А раньше бы промолчала.

Я позволяю себя терзать? А как мне защищаться? Ну не драться же. Сын и тот долго угомоняет отца, пытаюсь объяснить ему прописные истины, а у меня уже нет сил на подобные подвиги. Почему Митя научные знания понимает и запоминает, а элементарные, бытовые я не могу втолковать ему вот уж пятьдесят лет? Парадокс? Эта избирательность – особенность его мышления или примитивное упрямство? Почему он не воспринимает то, что для нормального человека естественно как дышать. Мы будто разговариваем на разных языках.

Из какой «оперы» его арии? Все мели и подводные камни наших взаимоотношений заложены в Мите с детства, а может быть, еще много раньше – в его генах, потому что они так крепки и надежно защищают основное свойство его характера – эгоизм. Поэтому мой муж не умеет ни любить, ни уважать, ни ценить, ни защищать любящего его человека. Вот к какому неутешительному выводу я пришла через много лет совместной жизни.

И второй еще более грустный вывод я сделала: «Будь на моем месте эгоистичная стерва его типа, но более хитрая и властная, он бы ей безоговорочно подчинялся. И уж не знаю по любви ли, по необходимости или под давлением ее хитрости, но выполнял бы все ее просьбы и приказы. А окажись я морально сильнее своего мужа, я не стала бы его унижать, измываться и притеснять. Мы жили бы мирно, дружно и делили бы все заботы пополам. Вот в чем разница между мной и той «икс-женщиной». Казалось бы, взаимоисключающие варианты... но нет. Жаль, что это понимание пришло мне так поздно. Глупа ли я была, наивна или слишком занята, чтобы задумываться над своими проблемами, – какая теперь разница. Жизнь прожита. И если бы в ней не было детей и любимого дела, так хоть и не живи... Зря моя бабушка говорила о плохих людях: «Не избежать им ни земного, ни небесного наказания». Сказки все это, выдумки, заморочки религиозного сознания. Не боятся они ни бога, ни черта. Моя свекровь – характерный тому пример.

Разве не разумней было бы жить в любви и нежности, не верить завистникам или просто злым людям, чтобы радость и горе пополам; прощать слабости друг друга, ценить достоинства, доверять, а не звереть от ревности, не сходить с ума от мелких просчетов и ошибок. Так нет же, таким как Митя нужна полная власть над кем-то. А добиться ее можно насилием, ложью и подлостью. Все средства хороши для достижения собственного рая. Как там Гитлер говорил? Цель оправдывает средства. И в межгосударственных масштабах, и внутри одной страны, и для одной семьи законы одни и те же? Звериные? Кто сильнее и подлее, тот и прав? Нет, наша страна за мирное сосуществование, за победу добра над злом, за человечность. И люди у нас, в основном, за то же самое. Руководство нашей страны, за время моей сознательной жизни, всегда было за добрососедские отношения. А ценились ли они? Ой, не полезу в политические дебри.

«Стабильность во всем кратковременна, даже в любви. Все в жизни меняется. Не мусоль прошлое, не считай, что счастье дается только сволочам... Это болезни портят мне характер», – уговариваю я себя. Вспомнилась чья-то фраза: «Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему этому придет конец». Женщинам этот девиз не подходит. Им обязательно надо верить, что любовь в их жизни одна на всю жизнь, прежде всего потому, что они хотят растить счастливых детей.

Как-то Митя заявил: «Человек рождается свободным». «Безусловно, – ответила я. – Чем он более свободный, тем более ответственный. По Марксу. Забыл про «осознанную необходимость»? За что пятерки получал?

Так анекдотом с бородой отшутился: «У меня спрашивали, что Маркс и Ленин писали, а не то, что я сам по этому поводу думаю».

– Вот ты сделаешь доброе дело, а потом, как бы в отместку, тут же устраиваешь скандал, будто получил индульгенцию на очередной грех. Разве я когда-нибудь так поступала, разве за моими ежедневными, подчас нелегкими трудами следовали ссоры? Получается, что ты не с радостью, не с любовью делаешь что-то хорошее. Только ссориться с удовольствием. Несердечная у тебя доброта, от головы она, от необходимости.

– Я не ругаюсь, я так разговариваю. А ты как скажешь, так словно спицей голову проткнешь.

– Мне приходится защищаться. Научись спокойно вести беседу. Не кричи, а сдержанности и строгости в голосе добавляй. Мне так надоели твои бесконечные «бои местного значения!» (Каким взглядом одарил!) Живи так, чтобы твои поступки не приносили боли близким. Ну что я тебе как ребенку объясню... Почему злишься? Для меня выполнять что-то полезное для семьи – естественная потребность, а для тебя горькая обязанность? Наверное, для человека, который всю жизнь делал только то, что ему нравится, быт – каторга. Я тоже не в восторге от него, но я с детства привыкла к слову «надо» и не вижу трагедии в том, что приходится стирать, мыть, готовить, нянчить детей. Это необходимая и неотъемлемая часть жизни любой семьи. «Когда станешь миллионером, освободишь меня от рутинной работы», – пошутила я, чтобы не заканчивать разговор на занудной нравоучительной ноте. Так раскричался. А говорит, что понимает юмор.

Как мне удавалось столько лет сохранять свое здоровье при таком трудном характере мужа? Был изначально здоровый организм? Позитивный настрой? Снисходительность? Приучена к терпению? Вера в лучшее будущее? Потому что любила и верила?

Наконец свободно вздохнула. Муж, как мужчина, на абсолютном нуле, даже с виагрой. Буду считать, что все мои прошлые беды – дела давно минувших дней.

Теперь «некоторые» женщины могут охотиться только за нашей квартирой. Вспомнились горькие слова подруги «Я сильно болею, но еще жива, а на мою квартиру уже очередь претендентов из его бывших... выстроилась. Обидно». Я согласна с ней.

Сегодня сказала мужу:

«Ты часто напоминаешь мне, что я должна быть тебе безмерно благодарна за то, что ты теперь моешь посуду с помощью машины и выносишь в мусоропровод отходы. Но ты же никогда за это же самое не был благодарен мне. По сути дела не замечал. И я твою работу по дому тоже воспринимаю как естественную. Мы же семья и делаем общее дело, почему же ты злишься, выпячиваешь свои заслуги?»

Ты даже в мелочах не хочешь пересиливать себя и заставлять что-то делать. Иной раз мне кажется, что ты просто лодырь. Молодым на любые ухищрения шел, только бы не помогать. А я всегда работала на полторы ставки, а в перестройку еще два огорода завела. И теперь, когда я больна – между прочим, во многом по твоей вине, – ты больше сил тратишь на ссоры, чем на помощь. Но если я раньше цацкалась с тобой, жалела, то после того, как мне открылась вся правда о твоей параллельной жизни, я не могу и не хочу терпеть твои капризы и истерики. Я по-прежнему, по мере сил выполняю свои обязанности, но уже не вкладываю в них столько старания и любви».

Разозлился, стал утверждать, что причины рака у женщин не стрессы и долговременные обиды, а экология, и что исследования американских ученых – фигня. «А чем ты объяснишь, что среди их людей, спасшихся во время террористического акта одиннадцатого сентября две тысячи первого года, огромный процент онкологических больных?» – спросила я.

*

Если наша земля еще вертится, значит, добро на ней все-таки побеждает, и не всё безнадежно в мире людей. Можно и нужно искать свою половинку. И находить. Только вот черт мутит воду и подсовывает хорошим девушкам плохих мужей, а хорошим юношам сволочных жен. В насмешку или для равновесия в природе? Боится, что плохие изживут плохих, а чему же тогда ему, черту, радоваться, если вокруг будет сплошное счастье?

И Всевышний так же рассуждает, глядя на Землю, охваченную пожарами войн? Благо я не религиозная, а то пришлось бы разувериться... Эко меня развезло! И это на трезвую голову. А как бы я разошлась в подпитии? Жаль, не употребляю, а то бы развлеклась. Ладно, пошутила и будет.

А жизнь – какая она ни есть – продолжается. Как-то подумалось: «Там, сверху, им, наверное, по-другому видится наше существование? Мизерными, ничтожными кажутся наши земные проблемы? У них там планеты сталкиваются, звезды взрываются». Сама себя рассмешила.

*

Почему мой муж такой? Все от семьи идет? Нас с братом одинаково воспитывали. Вместе маленькими вышивали, вместе в доме порядок наводили, во дворе пилили, строгаили, на огороде возились. Никакая нам работа не была трудна. И если даже не с любовью, то все равно без нытья ее выполняли, а потом вместе радовались нашим маленьким победам и праздникам.

Одного своего студента вспомнила, Григория. Высокий, красивый, спокойный, разумный. Сразу решила, что от такого за всю жизнь жена ни одного грубого слова не услышит. И голоса не повысит, и подлости не сделает. Взгляд открытый, доброжелательный. В учебе ответственный. Но не только это привлекло мое к нему внимание. Лицо смуглое, а казалось, будто свет, идущий изнутри, освещал его, делая удивительно привлекательным.

Помнится, я все присматривалась к девушкам его курса в надежде подыскать ему достойную пару. Приглянулась одна. Милая, изящная, скромная, тактичная. Ни вредности, ни стервозности в лице. Улыбка мягкая, чуть стеснительная. Подумалось: вот бы судьба их вместе свела. И ведь случилось! С какой любовью и доброй завистью смотрела я на них! Как тепло и радостно было у меня на душе от того, что я видела по-настоящему счастливых людей!

Я уже наперед знала, что любые трудности, которые возникнут на пути, они преодолеют – никому их не удавалось обойти – и выйдут из них с честью и достоинством. Дети у них будут чудесные. И во внуках продлится их хорошая порода. И те тоже найдут взаимопонимание с такими же интеллигентными, умными людьми, станут растить своих отпрысков в любви и уважении. И дай им Бог не встретить на своем пути сволочей и не попасться на их удочку – на подлую хитрость.

Как-то наблюдала их на рынке. Жена примеряла шубу. По лицу мужа читалось, что он очень хотел, чтобы жена ее купила. Ей нравилась обнова, но ее смущала цена. Она что-то говорила о детях. Я желала, чтобы она приняла этот подарок, преподносимый с такой нежностью и любовью! Мне хотелось сказать ей: «Сделай приятное мужу. Это обоюдная радость. Дочка у вас уже большая, сынок подрастает. Через год-другой вы уже не сможете позволить себе такую роскошь». А она не решилась...

Ну и ладно, что живут в общежитии, зато в любви, зато ладком. Внучок у них родился. Я, конечно, поинтересовалась корнями семьи мужа их дочери. Достойный человек. Я порадовалась за них.

*

На рынок приехали, накупили всего. Митя такси вызвал. Пятнадцать минут ждем, еще пятнадцать. Я прошу мужа аннулировать заказ, потому что таксист, который стоит рядом с нами, предлагает свои услуги. Муж отказывается под предлогом, что по карточке дешевле. Ветер пронзительный. Чувствую, околеваю. Занервничала. Заволновалась. Опять попросила с другим таксистом поехать. Муж расчиховался. И я начала злиться: «Вместо того, чтобы орать и обзывать, успокойл бы больного человека. Я же осенью, после того как перемерзла во время ремонта, с опоясывающим лишаем полтора месяца промучилась. И теперь боюсь разболеться. Ты этого хочешь, экономя на мне шестьдесят рублей? Вспомни, в старых деньгах это всего шестьдесят копеек. Полегчало? Если следующий раз такая же ситуация возникнет, я брошу тебя с сумками и одна на трамвае уеду домой или даже пешедралом... пешим ходом. Здоровее буду. Теперь всегда на всякий случай стану брать с собой деньги, чтобы не зависеть от твоих капризов. Уже не первый раз такая история повторяется, а ты не делаешь выводы. Придется мне самой о себе заботиться. Так вернее будет».

И что же? Никакой реакции! Ему и горя мало. Не пробьешься к его совести. Для него ситуация, в которой он не командует недопустима. Он не переживет ее. Я не умею воевать, надо было с детства учиться отрашивать рога. Никогда не поздно? Разве на все его капризы... зубов и рогов напасешься?

И что за характер? Какой-то душевный паралич. Нет, чтобы быть объективным, беспристрастным... Чего захотела! Ему не приходит в голову говорить шепотом в помещении, где кто-то спит, ему нет дела до проблем близких людей. А если вдруг их обнаружит? Будет обескуражен? И не факт что сумеет приспособиться к этому знанию. А бабушка думала, что поблажит и успокоится. Ошибалась, моя милая, моя добрая. Как и я о нем лучше думала, чем он есть на самом деле. Мама прозорливее оказалась.

Как случилось, что свалила меня та жуткая болячка? Силы свои переоценила. Взялся Митя мамину пустую квартиру ремонтировать. Неделю ходит, вторую... Решила я посмотреть, как у него идут дела. Знаю, что только командовать любит, а не своими руками что-то делать. Приезжаю, а там все по-старому. «Чем – спрашиваю – занимался?» «Стул чинил», – ответил. «Почти месяц? Этот стул давно на помойку выбросить надо, он не стоит и часа работы. Где гулял?» Конечно же, ничего не ответил.

Стали вместе ремонтом заниматься. Я слабая стала, устаю быстро, одежду на мне хоть выжимай, но пересиливаю себя. Надо. А в тот день я не собиралась работать, на минутку зашла и застряла. То подала, то вымыла... В общем опять взмокла, а сменной одежды с собой не было. Присела остыть, а Мите приспичило домой срочно ехать. Я принялась уговаривать его немного повременить, а он вызвал такси. Вышла из квартиры, меня пронзительным холодным ветром охватило. А такси все нет, хотя обещал через две минуты быть. И потом дома согреться ничем не могла. А ночью от боли чуть на стенку не лезла. Полтора месяца меня трепали приступы, никакие лекарства не помогали. И только когда сыпь появилась, знакомый врач опроверг диагноз «скорой помощи» и назначил мне правильное лечение. Сердце я тогда болью крепко подсадила.

После того как мне немного полегчало, лежу я и размышляю: «А ведь всех этих мучений у меня могло и не быть, не послушай я мужа. Почему подчинилась? Могла ведь позже одна поехать домой, остыть и высохнуть. Знала же, что мужа не переспорить. Отвыкла в семейной жизни активизировать свою умственную деятельность? Так устала, что не было сил не только воевать, но и просто подумать о себе? Даже не пришло в голову выбрать для себя лучший вариант? Не привыкла о себе заботиться? На худой конец могла бы воспротивиться, просто закапризничать, как любая женщина. И это во мне атрофировалось? Нет, вовсе не было»

*

Сегодня по телевизору один адвокат пытался внушить зрителям, что насилие его подопечного обусловлено естественным для всех мужчин генетическим желанием осеменить как можно больше женщин для получения потомства. Я слушала эту ахинею и бесилась. Какая женщина захочет носить в себе ребенка насильника! Здесь налицо желание этого гада завладеть более слабым, удовлетворить свое эгоистическое, плотское желание и получить его за счет психического и физического нездоровья невинной жертвы и ее сломанной судьбы. И все! Адвокат это не понимает? Зачем он нам мозги компостирует? Кто его выпустил на телеэкран?

– Митя, ты меня трижды прервал, пока мне удалось задать тебе лишь один вопрос, и даже не извинился, когда я возмутилась.

– Ссору затеваешь?

– Я не хочу, чтобы ты со мной неуважительным тоном разговаривал.

- Из мухи слона делаешь.

- Уважение - не мелочь, а основа нормального сосуществования отдельных людей и всего общества. За много лет нашей совместной жизни ты так и не понял этого. И вежливости не научился.

- Прими мои поздравления, - небрежно-ехидно заявил муж.

- Почему у тебя не получается измениться? А еще дразнил меня, мол, я городской, а ты деревенская. Где же твоя городская культура и интеллигентность?

- А зачем попу гармонь?

- Ты хоть понимаешь, кто такой интеллигентный человек?

- Умный, образованный.

- Прежде всего добрый, сочувствующий и только потом образованный. Моя бабушка с тремя классами была намного тебя интеллигентнее. Она не стеснялась всю жизнь пополнять свой запас знаний во всех областях жизни. Культура - следствие впитанности, а не нахватанности. Уж не взыщи, что учу тебя... ученого, - закончила я с горькой усмешкой. (Можно подумать, я его до печенок пробрала.) - Мы не раз с тобой говорили на эту тему, но у тебя мои слова в голове не задерживаются, ты их отбрасываешь, как ненужные или вредные. Живешь как ребенок в собственном потоке счастливой жизни, никого вокруг не замечая. Порхаешь всю жизнь, ни о ком и ни о чем всерьез не задумываясь. Так на какую неординарную способность недвусмысленно намекает твое оригинальное нестандартное поведение? И как получается, что твоя жестокость и самонадеянность не приводят к саморазрушению? В тебе уже нечего разрушать? Обладая эгоистическими качествами, ты ощущаешь в себе гармонию и чувствуешь себя хозяином жизни? Тогда это необоримо.

Для чужих людей мой муж - прелесть, а для меня - кара божия, непонятно за что полученная. И какой черт занес меня на эти галеры? На мне родовое проклятье?

Все эти изотерические «телеги» про карму... Никогда в них не верила. Шарлатанство. Упоение изотерикой по той же части, что и алкоголизм, и наркомания? Ой, хватит насиловать свою память!

Тамара говорит, что все эти годы я была отражением мужа и потеряла себя. Но почему я не менялась в худшую сторону? Потому что отражение - явление поверхностное, не затрагивающее глубины? Я работой и детьми занималась. Может, домашние хозяйки и «отражают» мужей, а я жила собственной жизнью и терпела «квартиранта», безуспешно пытаюсь упрочить свой статус жены...

Придумала, как варить манную кашу, чтобы не образовывались комочки. Довожу молоко до кипения и выключаю газ. Засыпаю крупу, хорошенько ее размешиваю и только после этого снова включаю газ, но на малую мощность.

21

По вечерам сильно болит спина, огнем горит. Лежа мне легче. От мелькания телевизора очень болят глаза, поэтому много читаю. Сегодня очередную Ленину книгу получила. В приложенном письме она написала, что роман хорошо принят, но рабочее название было другое, заузное, более глубокое и емкое. Она считает, что оно должно не полностью характеризовать тему, хранить тайну замысла, но оставаться при этом объемным. «Название - вещь интуитивная, не расшифровываемая. Может, и зря согласилась с редактором, который считает, что «наш примитивный читатель его не поймет». Примитивные меня не читают. (Но критикуют.) Я пишу для тех, кто не просто читает, но еще и разбирается в прочитанном и способен переосмыслить свою жизнь».

«Ты спрашивала, почему я пишу о грустном? Тема такая. Иногда я делюсь с читателями красотой жизни отдельных персонажей и окружающей природы, чтобы они замечали и понимали, какие на самом деле счастливые. Но больше пишу о боли, чтобы люди не причиняли ее друг другу, ценили не только свою, но и чужие жизни, чтобы у них мозги не усыхали от бездействия и пустого «благоденствия». Пусть, читая, развязывают узелки проблем, которые завязали другие. Это хорошая терапия даже для безразличных. Кто-то из ученых сказал, что наша беда не в том, что много проблем, а в том, что они беспорядочно разбросаны. Их надо упорядочить, расставить по полочкам, тогда их легче решать. И я отчасти пытаюсь этим заниматься».

Я, если пишу, то честно, либо совсем ничего не пишу. Природу человека проще изучать, когда он находится в трудной ситуации, тогда она понимается глубже. Писатели выплескивают боль своих героев, а читатели под впечатлением прочитанного - свою. И всем от этого легче, потому что это сопереживание, потому что боль сама ищет выход. И это лучше, чем уходить в себя или в агрессию. Скажешь, что люди, читая, хотят получать удовольствие? Да, хотят. Но ты не представляешь, как много желающих избавиться от боли в себе. Считаешь, что в этом больше нуждаются немолодые? Современную молодежь, к сожалению, тоже часто одолевает «депрессуха», поэтому и она интересуется моими книгами.

...В тебе есть барьер между частной жизнью и искусством?

...Ты спрашивала, как я нахожу темы? Один Всевышний знает, когда и почему меня что-то зацепит. Как-то заболела «милицейской» темой. Из детства что-то пришло. Потом проблема «мать-сын» всплыла. Писала про то, что держит разных людей на плаву. И вдруг поняла, что история отца и сына может оказаться мощней и ярче. У нас такие интересные «россыпи» характеров мужчин! Может, Бог даст здоровья и эту тему раскрыть. Посмотрим, что судьба мне наворочит... Правда и «матери с сыновьями» у меня «не стандартные», я бы сказала «своеобразные», не типичные, но принадлежащие к определенному слою. И тем они интересны.

...Ты спрашивала: «Делает ли редактор книгу лучше или другой? Он ее под себя подстраивает? Не обманывает твоих

ожиданий? Он может неупорядоченный набор слов превратить в произведение? » Найти талантливого редактора также сложно, как и талантливого писателя.

...По форме следующая книга будет несколько иная, нежели предыдущая: Вместо сюжета – череда монологов-воспоминаний, внутренних бесед с самой собой или осмысление внешних обстоятельств. Она без швов между главами, но с прорехами. А вместо завязок и развязок – изложение мнений. У творчества не должно быть рамок и клише. А по наполненности?.. Как всегда. Перед началом работы выжигаю, вытравливаю из себя все лишнее. Закладываю фундамент, наращиваю стены. Прежде чем вставить что-то, энергетически взвешиваю каждый блок, пока не почувствую музыку строк, прозрачность абзацев и гармонию в ансамбле глав. Таков мой внутренний расклад, так я заряжена.

Когда пишу, я не думаю ни о критиках, ни о премиях. Почитай, оцени. Я не претендую на особую значительность своих книг и очень нуждаюсь в понимании. Хороший читатель иногда додумывается до таких глубин и смыслов, которые не приходят в голову автору, потому что он пишет интуитивно. Например, Кира мне написала: «Я мыслю ее как обращение не к одному поколению потомков. Что касается динамики. Лучше совершенная статика, чем масса хаотических движений». Мощный комплемент, не правда ли? Женщины меня понимают. Мужчин мои книги, наверное, раздражают. Они редко приходят на встречи со мной, а те, с которыми встречаюсь, оказываются единомышленниками».

Лена «эмбрионально драматична». Я тоже отношу себя к этой категории. Мы же детдомовские. Лена – представитель жесткого чрезмерно натуралистического реализма и этим обращает на себя внимание? Нет, ее произведения реалистичны, но не натуралистичны. Этим обычно грешат мужчины. Им не хватает адреналина, вот они его себе и сочиняют. А у нас его перехлест.

Я прочитала много книг, прожила большую жизнь, а так и не получила ответ на свой главный вопрос: что есть истина? Имею ли я право свой жизненный путь считать правильным? А если нет, то какой истинный?

*

– Жизнь, по большому счету, легка и прекрасна! – сказал муж, с удовольствием потягиваясь на постели.

– Легка, если живешь только для себя, – заметила я. (А могла бы и промолчать.) – А я уже вот как два часа торчу на кухне.

Сели завтракать. Митя спросил:

– Почему ты крышку чайника не захлопнула?

– Ты еще спал, громкий щелчок мог тебя разбудить», – ответила я.

– Надо же, какая забота! – удивленно протянул муж.

– Я всю жизнь была чуткая и внимательная. А ты сегодня это впервые заметил? Прогресс. Такими темпами мы далеко шагнем.

Я не стала напоминать ему жутчайшие случаи его невнимания и непонимания. Язык чесался, но я вытерпела. Достаточно замечания, а то еще разнервничается, раскритичит. Может, без напоминания сам вспомнит и сделает выводы? Ой, сомневаюсь.

Митя подошел ко мне и сказал: «После пользования шампунем, приподнимай шток носика, иначе шампунь будет вытекать. Это новая, не совсем продуманная импортная конструкция». Не ругался, не кричал, просто сказал. Я была потрясена. Поблагодарила за то, что заметил и мне подсказал. Похоже, ему начинает нравиться жизнь без ссор.

Сказала Мите:

– Мы так редко смеемся. Сидим как сычи, каждый в своей комнате. Ты политику целый день по телевизору слушаешь, я – канал «Культура». У меня эстетические предпочтения, у тебя общественно-политические увлечения и пристрастия. С некоторых пор смартфон стал для тебя самым любимым существом, тамагочи, двойником, твоей реальной жизнью. Раньше у меня были работа, куча забот с детьми, а теперь что нам мешает вместе чем-то развлечься? Давай позволим себе хорошее настроение: пластинки твои послушаем или сходим в парк?

– Мне этого не требуется. Ах да, эйфория и депрессия – приметы творческого человека! Чувствуешь недостаток витамина жизнелюбия? – отреагировал Митя как всегда с долей насмешливого высокомерия. Хотела ответить «достойно», но обошлась молодежным междометием «А то!»

Смотрю фильм. Я его раньше уже видела, но запомнила из него только те моменты, которые меня потрясли. Склероз в действии.

*

Мужчины «гоняют окуньков» по реке, а я ишу грибы. Их немного. После засушливого месяца и единственного живительного дождя грибница еще полностью не проснулась. Поражает неожиданное разнообразие видов. Подберезовики и маслята должны быть в это время, но зеленушки и опята в середине августа при дневной температуре до двадцати семи градусов – это нарушение законов природы! Но как приятны эти удивительные встречи! Я ласково называю такие грибы «выскачками» и хвалюсь ими перед другими грибниками. А те, в свою очередь, распаивают свои корзины с находками и души. Мы не растаемся, не обменявшись восторженными воспоминаниями о прежних, удачных походах.

Хожу не спеша, дышу открытым ртом. Я не могу насытиться лесным воздухом.

Устав бродить по лесу, улеглась в чужую лодку, что стоит на берегу, на приколе. У края воды смотрят на меня молоденькие осинки. При малейшем дуновении ветра их ветки радостно подпрыгивают, а листочки восторженно «хлопают в ладоши» и шепчут, шепчут мне что-то торопливо, захлебываясь радостью... Как же я люблю это общение с ними! И тополя играют с ветерком, мелькая то зелеными, то серебристыми поверхностями листьев.

Ивняк полощет свои длинные косы в легких прибрежных волнах, распугивая стайки разновозрастных мальков. А рядом ель стоит торжественная, молчаливая и гордо смотрит вокруг с высоты своих седых лет. Не вздрагивает ни одна ее тяжелая, усталая «лапа». Концы мощных ветвей отсвечивают дымчато-голубым, а ближе к стволу они серо-зеленые и осыпаны желтой горячей августовской хвоей. (Как в лес попала эта городская красавица?) И сосны-соседки рядятся под нее. Точнее они, как преданная охрана, стоят навтыжку, не пошелохнутся в ожидании приказа. А дальше мощный дубняк вперемешку с березяком...

Надо мной небо огромным легким зонтом с узорчатой каймой облаков, подо мной прохладная синь воды... Сильно пахнет разогретой сосновой смолой. Ее аромат затуманивают мое сознание. Я хочу продлить эти минуты блаженства... и засыпаю.

Проснулась с совершенно свежей, легкой головой. Как в детстве! В городе я давно такого не ощущала. Подумала: «Нельзя терять ни одного погожего дня. В лес, в лес за здоровьем и счастьем!»

*

Встретилась в магазине со своим бывшим коллегой. Разболтались о том, о сем. Я пошутила: «Андрей Иосифович, мода сейчас пошла богатым и знаменитым пенсионерам на молоденьких жениться. Вы такой талантливый! Не собираетесь обзавестись студенточкой?» Рассмеялся, мол, я не из тех, которые считают, что «большое состояние компенсирует не стояние». Когда я вижу последствия этих искушений, то говорю себе: «Не гожусь я для подобных экспериментов на себе. Были молоды, хороши собой, сексуальны, умны, энергичны. Выдержали без потерь и звонкое бескомпромиссное студенчество, и нелегкую самостоятельную молодость. Мой принцип: «не буду экономить, буду больше зарабатывать», позволил нам с женой вырастить троих детей и помочь им уверенно встать на ноги. А теперь мы вместе стареем. Это так естественно. Что нового я смогу познать с молодой женой? Разве что новые проблемы? Нет, буду «донашивать» свой брак до конца».

Слова не мальчика, но мужа.

По телевизору ругают женщину, бросившую ребенка одного в квартире на целый день. И опять никто не вспомнил, что «по идее» у малыша должен быть отец, который тоже обязан нести ответственность за своего отпрыска. Все дружно возмущаются: «Как она – женщина! мать! – посмела так поступить?!» И никто не поднял вопрос о корнях этого из ряда вон ужасного происшествия. А они в том, что было время, когда мужчины самостоятельно брали ответственность за своих детей, даже если не были в браке с их матерями. Они давали им свои фамилии, растили в своих семьях, потому что были так воспитаны родителями. Такие факты даже в тяжелые послевоенные пятидесятые годы еще наблюдались. В моем классе были две такие девочки.

Прошло совсем немного лет и мужчины забыли, что такое порядочность и ответственность, стали подшучивать над теми, кого сами же обрекли на одиночество, мол, мать-одиночка, у тебя сынок или дочка? Общество мужчин приняло эти факты без возмущения. И женщины растерянно-смущенно и сиротливо промолчали, потому что их таких, безмужних, с малым дитем на руках было еще немного. Но теперь это проблема стоит много жестче. Это уже

не единичные случаи, а постыдное непростительное явление современного общества. А безответственность – сформированный мужской взгляд на отцовство.

Потом мужчины и в семьях о себе любимых стали больше радеть. Не до детей им, себя бы ублажить. Дети – обязанность жен. И Митя любит своих детей «на расстоянии вытянутой руки. А ведь, «чтоб не пропасть поодиночке» всем в семьях надо крепко держаться друг за друга.

Опять с телеэкрана слышу подтверждение своим мыслям. Мужчина заявлял на всю страну: «Мать не должна говорить детям, что бросивший их отец, плохой, каким бы на самом деле гадким он ни был». Оставил своих детей, вовсе забыл о них, завел другую семью... и он хороший? Какой чудный пример! Тогда сволочи никогда не переведутся! Ведущий телепередачи требует от брошенных жен воистину безграничного, божественного великодушия по отношению к не порядочным мужьям? Он не знает, что никакое подобное «благодетельство» не остается безнаказанным... для детей? Нет, я понимаю: ошибся, еще раз женился. Все бывает. Но почему дети должны расплачиваться?

Инна позвонила. Событие! Потрепались от души. Спросила у нее: «Матери твоих мужей вмешивались в вашу жизнь?» Ответила, что Бог оградил ее от таких проблем. «А у Киры и Леры?» «У них хорошие свекрови, – успокоила меня Инна. – Правда, они никогда вместе не жили. Это существенное замечание».

«Ну хоть кому-то повезло», – порадовалась я за подруг.

Звоню шестилетнему внуку. Из телефона несутся крики, оглушительный визг детей. Я спрашиваю внука: «Ты любишь бабушку Таню? Ты не боишься, что от такого шума у нее заболит голова, и она попадет в больницу? Ты должен жалеть бабушку, как она жалеет тебя». Малыш бросает телефон и убегает. Я в растерянности. Через минуту он возвращается и докладывает мне: «Бабушка Зоя, я приказал друзьям замолчать!» И на самом деле я больше не слышу детских голосов. «Какой же у меня умный и добрый внучок!» – восхищаюсь я, а сама думаю: «Может, ему нравится командовать?»

Сын потом шуточно прокомментировал поведение Димочки: «На него иногда нападают приступы правдолюбия и справедливости. Как-то гуляли мы со знакомыми в парке, а их сынок все время куда-то пропадал, не докличешься. Родители бегали, искали его, нервничали. И вдруг мой сынок тоже пропал. Смотрю, а он тащит непослушного малыша за воротник куртки. Поставил его между родителями и смотрит на всех с укором. Меня смех разбирает, но я понимаю, что смеяться нельзя».

Внучек побывал в Турции. Ему так понравилось море, что он выразил желание остаться жить там навсегда. Когда он вернулся домой, я сказала малышу вполне серьезно: «Чтобы чаще ездить отдыхать, тебе придется хорошо учиться в школе. Рай надо заслужить».

Услышала тихий диалог в автобусе.

– Ужми свое пузо, людям пройти не даешь.

– Мне детки живот растянули. Я троих родила. А у тебя за счет чего такой огромный арбуз под рубашкой? Пивной, от безделья?

Я подумала: «Может, и у меня полнота от воды? Из-за больных почек я каждый день два-три литра выпиваю. Нет, скорее всего, от лекарств. Врач сказал, что от гормонов все сильно прибавляют в весе».

Почему муж считает, что я обязана ему служить, терпеть его выходки, а он может позволять себе взрываться? Осознает ли он хоть на смертном одре, что рядом с ним была женщина, которая его любила, и которую он не ценил, не понимал или не хотел понимать? Вспомнит ли добрым словом? Его матери это так и не дошло.

Как-то, за год до ее смерти, я сказала: «Да, вы растили сына. Но вы не работали, у вас был прекрасный муж, мама вам помогала. Вы воспитали эгоиста и гордитесь этим. Не ваши двадцать, а мои пятьдесят лет жизни с вашим сыном, были подвигом. Легче воспитать еще двоих детей, чем бороться с характером вашего любимчика. Я не могу вам сказать за него спасибо». Она ничего не ответила. Не думаю, что она со мной согласилась. Она знала, что делала, и ни в чем не раскаивается.

Мне вспомнились слова коллеги о своем муже: «Его очень мало в жизни нашей семьи. Это его единственный недостаток. Он много работает».

– Говорят, что женщины склонны гасить экстренные ситуации, а мужчины наоборот, – сказал Митя.

– А мне кажется, что этой фразой некоторые мужчины себе и своим слабостям оправдание ищут. Представляю себе крупного руководителя, в ярости брызжущего слюной... Этак при желании все что угодно можно объяснить с выгодных для себя позиций. Неудивительно, что все меньше женщин терпят глупую, бессмысленную, мужскую тиранию. Предпочитают одиночество подобному «счастью».

«Почему из дневника Зои мне вспоминаются какие-то ее мелкие обиды, ведь она и глобальные вопросы затрагивала? – удивилась сама себе Кира. – Наверное, они больнее, острее, чувствительнее меня трогают».

*

- Мама, давай поговорим. Ты умеешь по-настоящему прощать? - спросил сын.

- Ты имеешь в виду наши отношения с отцом?

- Да.

- Я умею прощать. Вся нашу совместную жизнь только это и делаю. И к чему это привело? Я больная, была на краю гибели, а он как молодой конь все на женщин продолжает заглядываться, - усмехнулась я.

- Значит, не простила! Где твое милосердие? - возмущенно спросил сын.

- Я продолжаю прощать его каждый день за незаслуженные оскорбления, преднамеренное стремление вывести меня из себя и желание получить от этого удовольствие, за то, что он по-прежнему разряжается на мне. Только теперь, после операции, осмыслив всю свою жизнь, я поняла, что прощать надо человека только после того, как он осознает свои ошибки и недостатки и хотя бы попытается бороться с ними.

- То есть ты по-настоящему его не простила.

- А должна? Он же каждый день своим поведением воскрешает прошлое и добавляет мне новые эмоциональные стрессы. Не успею прийти в себя от одних, он мне другие «дарит». И не считает, что оскорбляет меня.

Нет, дорогой мой сынок. Если в семье один деспот, а другой жертва, не надо заставлять жертву быть еще терпимей. Деспота надо учить ставить себя на место другого, сочувствовать, сопереживать, жалеть, просить прощение, как раньше в церкви говорили: искренне каяться. А вдруг получится? Такого и простить можно, если он даже когда-то сорвется и ошибется. А то ведь получается, что бомбы в одни ворота летят. Тебя бьют, убивают, а ты лежи и прощай? Я была чуть ли не святой. И что? Он смеялся надо мной втихомолку, обманывал, использовал, ничем не помогал, жил, как хотел на всем готовеньком. А теперь ты, сынок, приходишь ко мне и, вместо того, чтобы помочь справиться с эгоистом, преподносишь теорию «полного прощения», которая сводится к тому, что твой отец может меня добивать. А я, как половая тряпка, должна молча терпеливо лежать и ждать, когда он в очередной раз вытрет об меня ноги. Пока я не знала об изменах твоего отца, я никогда его не осуждала, принимала таким, какой есть, только пыталась понять и «приспособить» к семье.

Задам тебе неудобный, не деликатный вопрос. Как повел бы себя твой отец, если бы я ему изменила? Попытался бы оправдать, снизить, мол, я тоже... слишком грешен, чтобы не прощать. Не суди и судим не будешь... И ничего пыжиться. Не дождалась бы прощения! Вот ты, сынок, говоришь, что я помню только плохое. Но хорошего-то было слишком мало! Твой отец не сделал главного, что требовалось от мужчины: не защитил меня от своей матери, и она все пятьдесят лет издевалась надо мной. По моим понятиям мама - это, прежде всего, любовь, жертвенность. Дети - ее смысл жизни. Быть для них, маленьких, божеством - ее профессия.

Не защитил он меня и от себя, от своего эгоизма, от непорядочности. Что стоят те отдельные положительные моменты, которые возникали в нашей жизни на фоне ежедневных стрессов? Давай я каждый день стану обругивать твоего отца как он меня, а он пусть меня прощает.

- И чем же это может закончиться, как ты думаешь? - сердито усмехнулся сын.

- А что тут думать? После первой же моей атаки его фразами он станет кричать: «Так жить невозможно! Давай разводиться!» А я ему буду отвечать: «По логике это предложение должно было поступить от меня. Но я подумаю над ним... Я не изменяю, не издеваюсь, только для чистоты эксперимента разговариваю с тобой в твоей обычной манере, и ты уже за голову взялся? Почему же не прощаешь меня, как я всю жизнь прощаю тебя? Никто тебя с поста мужа не смещал, никто не замещал. Чего злишься? Это только ты...»

- А он что скажет?

«Я никогда тебя не оскорблял. И женщин моих ты сама себе придумала. Нет у тебя на руках никаких «карт».

Всё как обычно: будет лгать в глаза, и тут же пойдет звонить своей очередной пассии. Ничего нового. Так что прекрати, сынок, свои проповеди о всепрощении. Если пыл у тебя не ослабел и есть желание «учить» - займись отцом. Научи его хоть в старости быть менее эгоистичным. Тогда и прощать не придется. Хорошая жизнь не в том состоит, чтобы гадить друг другу в души, а потом просить прощение, а в том, чтобы уважать, ценить, понимать, любить и жалеть. Моя любовь много лет окрыляла меня, приподнимала над бытом, над невзгодами, над мелочной суетой, даже над подлостью его матери, чтобы я не обвалилась в грязи, чтобы не касалось меня гадкое, низкое, недостойное. Любовь очень долго спасала меня. Но и она надломилась и разрушилась, когда твой отец ее оплевал и растоптал своими похождениями.

По причине нездоровья сейчас мне очень трудно, но я еще нахожу в себе силы быть снисходительной, терпимой. Изредка, правда, срываюсь, когда твой отец жестоко обидит. Все гладко в жизни ни у кого не бывает. Я это понимаю. Но я слишком много ему простила и в этом была не права. Я изначально в своей жизни исходила из добра и веры, а он из неверия и эгоизма, как и его мать. Вот я и винила ее во всех наших бедах. Недоверчивость - качество ничтожного человека, сказала бы моя подруга Лена.

Раньше я думала, что твоему отцу тяжело в его родной семье, где все постоянно ссорятся и лгут, а потом поняла, что это его привычная среда. И он привнес ее в нашу семью. Ты призываешь к тому, чтобы одни губили, другие прощали? Убийцу тоже нужно прощать?

- Да, - уверенно ответил сын.

- Ну, это уже даже не толстовство! - возмутилась я. - Допустим, какой-то гад убил одного твоего ребенка и ты простил его. Убил другого. Ты опять простил. И так каждый год. И что? Ты будешь считать себя святым, правым и умным? Я утрирую, беру крайность, потому что на подобных примерах пытаюсь втолковать тебе то, что ты на простых не понимаешь. Знаешь, одна женщина на нашей улице все простила, простила своему мужу, пока он на самом деле не убил ее. Просто одни убивают ножом, одним ударом, а другие - долго, мучительно, медленно словами и дурным поведением. А результат один - гибель хорошего, невинного человека. И еще неизвестно, какой путь хуже: по пьянке ли, в состоянии аффекта или каждодневно, методично, с издевками и насмешками, как делает твой отец.

Жаль, если ты этого не понимаешь. Надеюсь, ты не будешь сыном, достойным своего отца. Думаю, кое-что хорошее я в тебя все-таки заложила. Наверное, недостаточно, раз ты пришел ко мне с «проповедью». Хочется верить, что это у тебя «возрастное», и ты сумеешь правильно расставить акценты в своей жизни.

«Я понимаю, сынок любит нас обоих, переживает за нас и ищет пути улучшения отношений в семье. Он слишком хороший для этого жестокого мира.

Приписка. «Сынок женился. Он прекрасный муж и отец. Мне хотелось бы, чтобы его ценили близкие».

Я задумалась над тем, откуда во мне эта странная бесконечная способность прощать? Любовь. Это понятно. А может, это упрямое нежелание смотреть самой себе в глаза и честно сознаваться: «Да, ошиблась. Да, несчастлива»? А это хуже, чем лгать другому. Но это правильно на уровне логики. А вот то, что я странно быстро забывала обиды, – это из какой «оперы»? Я и в молодости многократно ставила перед собой этот вопрос. Но он почему-то быстро исчезал с моего горизонта, будто кто-то неведомый, но добрый стирал его из моей памяти, а обиды уносились в глубокое подземелье моей души. Я физически ощущала, как они таяли, горький туман обид становился все реже, прозрачней, отзвуки ссор все тише... И штора опускалась, отсекая все плохое. И это явление было неподвластно моему пониманию. Что-то внутри меня командовало этим процессом? Мифический ангел-хранитель? Это какая-то часть моего характера, не регулируемая мозгом? А ведь, несмотря на занятость, я пыталась сопротивляться этой быстрой «потере памяти», возвращаясь мыслями в свои проблемы. Помнится, я даже злилась на себя, на свою бесхарактерность. В других случаях я умела себя пересиливать, заставлять, а тут не получалось. Не подчинялся мне организм. Вот ведь загадка! Может, это была защитная реакция моего организма от переполнения болью? Но в какой-то момент она не работала. Мощный стресс ее сломал или нарушил, и я заболела. У всех она есть?

Вожусь в цветнике около дома. Подошла соседка и стала жаловаться на свекровь, мол, унижает, оскорбляет.

– А что муж? – спросила я.

– Он отвечает: «Я не виноват, что у меня такая мать».

– Пусть скажет матери: «Меня ругайте, сколько хотите, а жену не трогайте», – посоветовала я.

– Говорила. Мать сына не слушает.

– Вот оно, наше бескультурье и дикие средневековые нравы, – вздохнула я. – Огромный как шкаф мужик, а толку от него нет. Муж моей подруги еще до свадьбы поставил перед матерью вопрос ребром и одним днем решил все проблемы.

– Не могу я назвать мужа настоящим мужчиной. А зарабатывать деньги я не хуже его могу. Я же штукатур-отделочник. Мы нарасхват.

– Воспитывать мальчиков надо в традициях рыцарства. Раньше говорили: «Кто управляет семьей, тот управляет обществом».

– Войны, репрессии, мало мужчин... хватаем любого.

– Кто больше виноват в наших бедах: свекрови или мужья? Может, мужчинам выгодно насилие их матерей над невестками? Им легче свое осуществлять. Тогда они в сговоре, – шутивным тоном сказала я.

– Мой сам страдал от жесткости матери, – вздохнула соседка и направилась к магазину.

Я мужа спокойно спросила, без всякой двусмысленности, но он в моем вопросе стал искать подводные камни, желание ущемить его самолюбие, обидеть, задеть. Завелся на целый час. Из-за мнительности или от злого характера и желания насытиться горечью и болью другого он так ведет? Не знаю. Не понимаю его, потому что мне такое не свойственно. Вот и закричала: «Замолчи, сыта я твоей демагогией по самые гланды. Не добавляй мне забот с моим здоровьем. Мне итак тяжело. Не терзай, не углубляй ссору, не доводи меня до иступления».

Над собой смеяться не умеет, а вот над чужой болью... Кому, что дано...

Сынок, я много раз говорила твоему отцу: «Ищи себе другой объект для ссор, если тебе нужно разрядиться. Меня ссоры убивают, а твоей матери они жизни прибавляют, как и тебе, наверное. Это в вашей породе. Вот и иди к своей родне, а меня оставь в покое».

Сынок, ты в какие-то моменты бываешь очень похожим на отца. Надеюсь, это переходный возраст. Отец хоть на старости лет изредка начинает понимать человеческое, не только по отношению к себе, а ты, напротив, доказывая свою «неопровержимую» правоту, делаешь несколько упрямее: «Я прав и ни на сантиметр не сдвинусь в сторону мнения другого человека». Так что ли? И это при твоей природной доброте и нежности, которые не позволяют тебе превращаться в плохого человека. Ты, как и отец, начинаешь путать причину и следствие, выставлять на первое место следствие и пытаться его отстаивать. Возможно, это результат «притирания» в твоей собственной семье, от бессилия отстоять свое мнение? Иногда ты не слушаешь доводов и слышишь только себя. Обрати, пожалуйста, на это внимание. Я добра тебе хочу. Может, я слишком мнительная? Надо хотя бы в семье громко и уверенно говорить правду, называть вещи своими именами.

– Хочешь видеть образ обустроенной России хотя бы в своих владениях, в пределах возможностей своей семьи? – пошутил сын. – Это достижимо при условии согласия всех ее членов.

– И детям надо объяснять ключевые духовные ценности. Надо бороться за их чистые сердца. Мне кажется, ты неплохой педагог и воспитатель. Не уходи от самого себя.

Вот ты утверждаешь, что я сама виновата в том, что со мной произошло, сама позволяла. Но давай говорить

откровенно. В чем моя вина? В том, что искренне любила, верила, жалела, берегла? Говорят, вера – дело нужное, а я сразу ему поверила. Это твой отец за пятьдесят лет нашей совместной жизни так и не научился мне доверять. Но как же жить без любви, без доверия, веры? Где душе иметь пристанище, как не в семье?

Мне тебя надо было лишить отца? Уйдя из семьи, он однозначно забыл бы о твоём существовании. Я это не голословно говорю, а заключаю из нашего с ним печального жизненного опыта. И потом, я очень долго верила, что умный человек способен меняться. Жизнь твоего отца – тугой клубок двусмысленностей и обманов. А ты, видно, не увязываешь эти факты в единую систему. Ты у меня прекрасный сын. Я тебя остерегаю, чтобы ты не забывался и оставался таким же.

У твоего отца есть знакомый. Так у него жизненный принцип: «Не бойся прощаться с теми, кто не делает тебя счастливым!» У него за плечами опыт трех браков, трое детей, которых воспитывают бывшие жены. А он, захлебываясь восторгом от самого себя, искренне заявляет: «Я успешен. У меня широкий круг друзей. Я много путешествую, радуюсь жизни. Я полон энергии и юмора. Неудачи быстро вылетают у меня из головы. Я всегда по утрам просыпаюсь с улыбкой. Я обожаю кураж! Меня не волнуют и не беспокоят мелочи жизни. Я безумно счастлив!»

Восторг не предполагает силы ума и наличия интеллекта... Дети для него – мелочи жизни? Они для него небольшие проходные факультативы? И все его браки были учебно-тренировочными? И с годами у него не возникло понимания того, что есть семья? Так и не сумел он доказать свою состоятельность. Тяжелый, безнадежный случай!

– Мама, у меня все хорошо. Не накручивай себя, – попросил сын. Я поверила и успокоилась.

Услышала по радио впечатление иностранца: «У русских есть поразительный чувственный контакт с чем-то глубинным во вселенной, чего нет у жителей Западной Европы и Америки. Это ощущение присутствия в жизни, чего-то более важного, чем демократия, сгоревшие древние чертежи или рукописи, неудачи в карьере и так далее... Для вас в Мире и в Природе всегда есть что-то более важное, чем... смерть. Это ощущения Бога. Трудно понять логику, по которой живут ваши люди. Они будто способны контактировать с невидимым и попадать в другую обусловленность, в некую новую реальность... могут чуть-чуть зайти в неведомое, оформить вокруг себя особое мистическое пространство, которое могут менять. И оно как бы засасывает их в открытый портал... (У экстрасенса побывал, что ли?)»

У русских края нет... как у дикарей. Грешить, так грешить на полную катушку. Каяться так, чтобы лоб разбивать. В вас есть удивительный сострадательный залог. Очевидно, он определяется тонкой нервной организацией души. В этом заключается ваша особая славянская энергия... и славянская широко распахнутая душа. Эти бесконечные русские просторы, эта беспредельная русская тоска... Но ваши безбрежные эмоции под контролем веры. Только жизнь такова, что канаты нервов ее не всегда выдерживают... Как вы ее преодолеваете?»

Тут, я думаю, иностранец перегнул. Видно, молодой, войны не знал. Выдерживаем мы!

...Но нет у моего мужа этого залога. Может, поэтому ему неинтересно проникать вглубь взаимоотношений, познавать души близких?

Мы – люди крайностей, и тем особенны и интересны. А смерть – не самое страшное, если у человека есть Родина, семья, дети и верные друзья-товарищи, чтобы было за кого жизнь отдавать. Мне так кажется.

А что мы представляем под понятием Бог? Ну не старца же с бородой? Энергетическую субстанцию, которую мы пополняем или обираем?.. А доказательств не просто нет, они невозможны.

22

Завтра мой день рождения! С трепетным волнением жду подарка. Не дорогого, нет. Жду маленького милого проявления внимания, может даже нежности. Вспоминаю, как совсем недавно Митя был рад, получив золотую булавку к галстуку. Я месяца три все присматривалась, выбирала ту, которая может ему понравиться. Угадала. Он сразу укрепил ее и пошел на праздник в офис.

Засыпаю в предвкушении приятного момента. В течение года я, как бы невзначай, давала Мите понять о своем желании иметь тонкое золотое колечко с двумя жемчужинками, под стать тем, из которых состоит моя стойка. Я ее надеваю на шею по праздникам, «на выход». Правда, жемчуг там искусственный, но это неважно. По вечерам, просматривая фильмы, я не упускала случая отметить внимательных мужчин, дарящих украшения женщинам. А самое главное, обращала его внимание на то, как приятно, когда муж, купив, сам надевает подарок на шейку или пальчик любимой. Чтобы взял на заметку.

Утро. Проснулась рано. Не встаю, жду, когда муж выспится. Читаю, осторожно перелистываю страницы. Проходит час, два. Встал, чмокнул. Поздравил. Позавтракал. Ушел на работу. В обед пришел с цветами. Порадовал. Бегу за вазой. Шумно восхищаюсь. Дети должны знать, что меня любят. Разворачиваю бумагу. Цветок в горшке... Я же прошлый раз говорила, что не одобряю эту моду. Ладно, проехали... Это приятный подарок, но традиционный, он означает, что муж помнит о дне рождения.

А что же преподнесет нетрадиционного? Чем удивит? Чем порадует? Юбилей все-таки. Надеюсь, что придумает что-нибудь соответствующее «знаменательному» случаю. Подходит вечер. Я чуть-чуть напряжена. Долгую паузу делает. Ошеломить хочет? Продлит себе радость от ожидания моего восторга? Мне больше бы понравилось, если бы он обрадовал меня утром. Это означало бы, что он спешит сделать мне приятное, а то я могу предположить, что он заранее не подготовил подарок и теперь мечется по магазинам с сумбурными, неопределенными идеями в голове. Хочется, чтобы справедливым было первое. Ну так тому и быть, придется согласиться на второе. Господи! шестьдесят лет, а все хочется внимания. А разве это плохо? Мне же приятно делать мужу что-то хорошее, неожиданное, и ему, наверное, тоже. Я это считаю одним из проявлений любви и уважения.

Ужинаем. Я в недоумении, но виду не показываю. У меня счастливое «сценическое» лицо, не дающее повода усомниться в том, что все у меня хорошо. И тут муж протягивает мне свой старый мобильник и говорит:

- Ты не любишь телефоны с «наворотами», вот я и купил себе самый современный, а тебе этот дарю, чтобы не путалась в кнопках. Должен же и у тебя когда-то появиться телефон. Теперь это не роскошь, а необходимость. Вдруг тебе срочно машину потребуется вызвать.

Почему-то вяло мелькнула глупая мысль: «На следующий год я подарю тебе свои старые джинсы».

В молодости жили скромно, помощи ни от кого не было. От Мити подарков никогда не ждала, хотя сама всегда изыскивала возможности. И вот сегодня, он как запрограммированный, опять остался верен себе, снова дарит мне цветы в горшке и то, что ему уже не нужно. И преподносит это как что-то очень важное и для меня приятное. Разве не мог он отдать мне этот телефон в будний день, а сегодня, в мой праздник, проявить истинное внимание, пусть даже самым маленьким, миленьким сувенирчиком? Хотя бы для очистки совести. Бог с ним...

Приписка. «Забегая вперед скажу: и через десять лет он не изменился».

Что это, элементарное неумение проявить внимание? А может, полное отсутствие любви? Какая уж тут любовь? Было бы уважение. Он не думает о чувствах человека, который много лет живет рядом с ним. И не просто живет, а одаривает заботой и любовью... несмотря ни на что... А он, как и прежде, любит только себя. Так и не научился проявлять внимание. Он любит то, что ему нужно. А я не нужна? Почему же тогда живет и пользуется заботой? Ее как должное воспринимает? Прижился? Я обязана безропотно принимать его невнимание или ругать, подстегивать, не давать спуску, как делает моя подруга Эля? Я хочу элементарного женского счастья? Элементарного? Нет, настоящего, полноценного.

Вроде бы не глупый человек! Почему же за столько лет совместной жизни так и не научился понимать жену? Поразительно девственно-пустая душа... Ему это не интересно? Но ведь сам хочет подарки получать. Говорит, что не надо, а все равно ждет. Я же вижу. Значит, о себе думает. Так почему же только о себе? Закоренелый эгоист? Но, даже будучи эгоистом, из сугубо практических соображений он мог бы что-то подарить? Ведь покупает же он подарки своим сотрудницам.

Я сейчас не работаю, не приношу других денег в дом, кроме пенсии. Но разве в этом дело? Моя домашняя работа стоит много дороже моей пенсии. В этом он убедился, когда нанимал домработницу на время моей болезни. А раньше я работала. И он тоже не был внимательным. Значит, деньги тут не причем. Остается нелюбовь. Но почему не уходит из семьи? Удобная дешевая домработница? Жуткое предположение. И на этого человека я тратила жизнь и любовь?

Сколько раз спокойно объясняла, обиды высказывала как бы шутя. Кричать начинал, что я неблагодарная и мне все мало, что я не умею любить, требую побрякушек. Оставлял в душе очередную печальную зарубку. Я никогда не требовала от мужа больше зарабатывать денег, выкручивалась из того, что было или старалась сама где-то подработать. Здоровье его берегла. А теперь деньги есть, а внимания как не было, так и нет. Почему? Жена ведь не сбежит. А если бы ушла? Нашел бы другую. И с ней также бы вел. А меня или тут же забыл, или считал бы во всем виноватой. Он же, безусловно, идеальный и должен радоваться жизни!

А если бы на стерву нарвался? Вспоминал бы обо мне? Наверное, со злостью, как обиженный ребенок, с которым не захотели играть. А стерва крутила бы им как хотела. Ведь он, в сущности, слабохарактерный. Хитрая женщина вила бы из него веревки. Я, со своей добротой и тактичностью, очевидно, кажусь ему дурой, которую можно только использовать. Что же я так долго умнела?

Почему не учили меня бороться за себя, не растолковывали, как заставить себя уважать? Надо было тренировать свою способность давать отпор? А кому было просвещать? Бабушку муж оставил с двумя детьми, мать всю жизнь терпела измены мужа. И я дочь ничему не научила. Но она умнее меня, уже в тридцать лет не захотела терпеть недостойного мужа. А я из-за сына не разошлась. Он очень отца любил. И внучка очень любит своего, хотя и не за что, только за то, что он отец, и очень переживает развод родителей... Почему моя память не отторгает печальные события? Их слишком много?

Моя подруга рассказала сыну, что его отец ушел к богатой женщине, так он никогда не признавал отца, вырос, стал хорошим семьянином. Очень уж мы носимся с плохими мужьями и никудашными отцами, холим, жалеем, растим сыновей, оправдывая поведение их отцов, и тем самым воспитываем им подобных. И сыновья потом поступают также как отцы. Они подсознательно считают, что раз матери их вырастили, то и будущие жены тоже смогут. Они, изнеженные и забалованные, - бедные, без папочки росли! - приходят к мысли, что все их обязаны нянчить, а они существуют только для того, чтобы радоваться жизни. Чем плохой муж, лучше никакого! Слишком дорого они обходятся нам и нашим детям.

Интересное замечание. Я впервые об этом услышала от Ларисы. Она как-то, будто между прочим, заметила: «В детдоме я не чувствовала потребности в матери. Скорее об отце-защитнике мечтала, потому что взрослые часто обижали». А потом в интервью и знаменитый режиссер Митта в подтверждении слов Ларисы сказал, что если ребенка рано отнимают от матери, у него не проявляется необходимость в ней.

По поводу подсознательного... Моя подруга женила сына. Встретила я его как-то в магазине и спросила: «Володя, маму замуж еще не выдал? Она у тебя такая молодая и красивая! Ей бы хоть немного личного счастья...» Молодой человек сначала удивился, а потом искренне возмущился, мол, а кто же будет нянчить моего ребенка, когда он появится? «Как кто? Ты. Мать тебя одна вырастила, теперь ты своих детей воспитывай», - ответила я спокойно. Молодой человек был потрясен этим открытием!

Я в растерянности. Куда мир катится? Интересно, каков процент хороших мужей? Ну таких, чтобы более-менее неплохо зарабатывали, дома помогали, детям внимание оказывали. Может, процентов двадцать? Ой ли! Сомневаюсь. В моем окружении и пяти не найдется. Или наберется за счет хитрых, расчетливых жен? И что же получается? Доброта наказуема? На чем же тогда семьи и вообще мир держится? На терпении и мучениях женщин? В мир не приходят для счастья и радости. В молодости мы на оптимизме держимся, на вере, что когда-то будет лучше, а с возрастом понимаем, что жизнь прожили плохо, но уже поздно что-то менять.

Может, поэтому современные женщины, поумнев, не хотят иметь много детей? Рождаемость падает. Разводы множатся. Марксисты связывали историческое развитие с развитием производства и производственных отношений, а теперь главное производство – воспроизведение самого человека. Где же выход? Мужчин воспитывать? Моя сестра воспитала хороших сыновей, а они стервам попались в лапы.

Женщины тоже жестче стали. Рабство надоело. Сопротивляются. Это следствие того, что мужчины хорошо жить хотят за наш счет. Они сделались слишком хитрыми: и на работе, и дома стараются нас использовать. А мы позволяем. Жениться не хотят, брать ответственность за семью не желают. Легко словами бросаются, диалога не признают. Сломали их штормы времени? Раньше мужчины торжественно за праздничным столом восклицали: «За вашу слабость, за нашу силу», а теперь женщины этот же тост со смехом произносят. И женщины поняли, что ничем не обязаны мужчинам, что и без них могут одного ребенка вырастить. Вот и не рассчитывают на них. Семья – это хорошо, если есть любовь и взаимопонимание. Интересное определение семьи я услышала по телевидению от одного артиста: «Брак делает женщин и детей более счастливыми, а мужчин – менее трусливыми. Женитьба – серьезный мужской поступок. Он учит не убегать от трудностей, понимать, что существуют волны влюбленности в свою жену, и стараться вовремя их улавливать и поддерживать в себе...»

Все чаще расходятся пути-дороги мужчин и женщин. Раньше процент разводов повышали ранние гормональные браки, построенные на животной страсти. А теперь? За счет безответственности так и не повзрослевших мужчин, этих вечных мальчиков, современных Питеров Пэнов?

Что же все-таки явилось причиной такой ситуации, а что следствием? Мы платим за то, что нарушен традиционный семейный уклад: мужчина – добытчик, женщина – мать? Нет, все же правильное воспитание детей в семье – всему голова. Ну и поддержка семейных ценностей государством.

Я еще один тонкий момент упустила. Мужчины боятся, что их чувства в семье быстро завянут, и они перестанут испытывать яркие ощущения. Особенно это пугает тех, которые до женитьбы «летали с цветочка на цветок». Ведь сходить с ума от счастья – это здорово! Они вместо того, чтобы культивировать чувства в семье, продолжают ими разбрасываться и искать улады на стороне. Дочка моей одноклассницы эксперимент провела. В течение двух лет с двадцатью парнями пыталась дружить. И к какому выводу пришла? Ни один из них в принципе не готов к серьезным отношениям. Одному жена-пиллюля нужна от всех его бед, другой сразу заявил, что она никогда не будет единственной. Третий... Ой, не хочу больше трогать болезную тему! Голова кругом идет... Это не ретроградная атака на молодежь? Раньше расстался с девушкой – катастрофа! А теперь?.. Есть порносайты. Вот и пусть спят со своими телефонами и планшетами.

Но мысли не удалось остановить. Память в темпе рекламного ролика продолжала прокручивать картинки событий прошлого и требовать от моего усталого мозга серьезных размышлений.

...Вот и Толстой говорил, что все беды в семьях от того, что принято считать, будто брак всегда несет счастье и что он должен длиться до гроба. «И в горе, и в радости...» Но какая же девушка пойдет замуж как на временную случку? Отбросим человечество на несколько тысячелетий назад? Общество к этому уже готово? Я где-то прочитала, что из общего числа расторгнутых браков, в семидесяти процентах случаев на развод подают женщины. С их-то терпением... чуть ли не до последнего вздоха? Достали!..

Один знакомый в возрасте далеко за семьдесят сознался мне: «Тоскливой была семейная жизнь. Безрадостны были и связи. Вот и думаю... для чего всё это было... Жена хоть ради детей жила...»

Может и правда, религиозные люди наследуют Землю?..

*

Муж спит, а я не могу уснуть. Пишу лежа, совершенно разбитая и обессиленная. Еще не отошла от стресса. Мысли до сих пор плохо в котелке ворочаются. Мозги словно замороженные. А говорят, мы, женщины, более стрессоустойчивые.

Причина в том, что вчера из лагеря позвонила вожатая: «Срочно забирайте девочку. У нее температура больше сорока. Кричу мужу: «Звони отцу», а сама кинулась к ящику с лекарствами. Слышу, муж по телефону с сыном разговаривает, что-то уточняет. Вмешалась. Выяснила, что не бывшему зятю он звонил, а невестке. Я вырываю трубку, кричу сыну, чтобы не слушал отца. Сынкок пытается успокоить меня тем, что не отпустит жену одну. Я истерично настаиваю отставить поездку. В ответ слышу слова о том, что мы обязаны...»

Муж вырывает у меня телефон и требует не лезть в мужские дела. Я в истерике ору, что невестка еще не имеет опыта вождения, что она ездит пока что только под присмотром отца и то очень неуверенно, и снова требую звонить зятю. Муж отвечает, что в час ночи дорога за городом пустая и бояться нечего. «Ты ночью когда-либо гулял по незнакомой местности, ты на велосипеде в темноте ездил? Так что же раскомандовался? Ночью я в деревне даже по хорошо знакомой местности блудила, в темноте привычные декорации меняются. А невестка и днем недостаточно хорошо видит. А если она не туда свернет, у кого дорогу спросит? Зять прекрасно водит машину, он несколько раз приезжал к дочке и хорошо знает дорогу. Умоляю, звони ему. Он скорее доберется до лагеря. Господи, был бы у меня телефон зятя, разве я стала бы с тобой, упрямым дураком связываться!» – со слезами на глазах, доходя до визга в голосе, кричу я и пытаюсь дозвониться до сына, чтобы у него узнать номер телефона зятя.

Муж зло вырывает у меня из рук телефон, и он, ударившись о стол, рассыпается на несколько частей. Я с кулаками бросаюсь на мужа, требуя вернуть сына. Я кричу, что ночью на знакомой, всегда безлюдной деревенской дороге, ослепив фарами, меня чуть не сбил мотоциклист. Но я в долю секунды оценила ситуацию и рванула с дамбы, зная, что кусты меня задержат, и я не свалюсь в реку. Велосипед в гармошку, я в лепешку... Выбралась из куста ободранная, но живая...

Идиот, звони зятю! У машины другие скорости! Дрянь, сволочь! Ты хотя бы чуть-чуть мозгами пошевели! Ради чего посылаешь детей на такой риск, когда есть безопасный вариант?!» – ору я вне себя от бессилия и ярости.

Луплю кулаками мужа, меня всю трясет... Срывающимся голосом кричу: «Вызови такси... Подними с постели твоего шофера, заплатим вдвое... Масса вариантов».

«Они наверняка уже выехали», – отбиваясь от меня, раздраженно кричит муж.

Мне плохо. Я падаю на диван. Какое-то время меня трясет. Льются слезы. Я шепчу: «Господи, спаси! Господи, спаси и помоги...» Муж перестал орать и обзывать. Вдруг дрожь во всем теле как по приказу прекратилась. Со мною уже не раз было такое... Я испуганно напряглась... «Господи, милостивый...» И тут тишину ночи пронзил необычайно громкий звонок. Сын сказал дрожащим голосом: «Фары встречной машины ослепили нас... Мы живы». После нескольких минут истерики я спокойно сказала мужу: «Звони зятю, пусть едет за дочкой. Звони своему другу-шоферу, пусть заберет детей и разбитую машину».

Зять хотел отвезти дочку в больницу. Я не посоветовала, вспомнив, как муж просидел полночи на стуле в ожидании врача. Тогда его спасло вмешательство нашего друга – настоящего полковника МЧС. Операцию сделали вовремя.

Я всю ночь просидела, обняв внучку и нашептывая ей слова утешения. Она верила, что бабушка ей поможет, и послушно пила лекарства. А я держала температуру на контроле, готовая в любую минуту вызвать «скорую».

23

Включила телевизор. Кто это? Первобытный интеллект так и прёт из него! Недоумение, страх... Аж мороз по коже! Это надо уметь... так тупо... изобразить одну извилину... даже не в голове... во всем теле! Я потрясена. Это хард-рок? На сцене брутальный, дикий мужик по типу Линдермана Тилля? Это чума какая-то! Я совершенно не узнала Максима Галкина. Как преобразился! Как вошел в роль! Образ шокирует, потрясает, убивает! До кишок пробирал. Очень смело. Он затронул во мне глубинное неприятие этого образа. Гениально! Обычно я к Галкину отношусь настороженно, как бы присматриваюсь к нему, но в данном случае я бы поставила его на первое место среди претендентов в шоу «Точь в точь».

Слушала «Романсиаду». Потрясла девушка из Эстонии. Восхитительное исполнение! Такого «Соловья» Алябьева я еще не знала. Какое чудное подражание пению соловья! А голос!

В который раз убеждаюсь, что хорошие певцы в подтанцовке не нуждаются.

*

Воскресенье. Проснулась. Лежу тихо, не шелохнусь. Пусть еще поспит. В рабочие дни будильник регламентирует сон мужа, сегодня я его караулю.

Заворочался, потянулся. Чмокнул в щечку. Поздравил с годовщиной свадьбы, с юбилеем. Я преподнесла ему сувенир – хрустальные рыбки в тонированном сундучке. Наш общий знак зодиака. На всякий случай оглядела комнату. Может, за шторой вчера припрятал мне подарок? Цветов нет. Позавтракали: я с вечера приготовила его любимое блюдо. На часок сбегала к внучке. Дала мужу возможность реабилитироваться. Потом повела его в магазин будто бы купить галстук, а на самом деле к галстуку еще и костюм. Подошел. Очень удачный. Вчера отложила, но боялась брать без примерки. Сама пошла с покупкой домой, а мужа попросила сходить в гастроном за молоком и «безалкогольным» кофе, без кофеина то есть, для меня. Надеялась, что придет с цветами. Принес молока и свое любимое печенье. Про кофе забыл, о цветах, наверное, даже и не подумал. Всем своим видом выказываю «хорошо скрытое» внутри недовольство. На самом деле обидно. Молчу, думаю, что если выражу обиду, начнет лгать, выкручиваться, как всегда обвинять меня, мол, помешала, сама виновата... И все же попробую, а вдруг на этот раз признается, что забыл?»

– Когда ты седьмого марта пришел с празднования домой, я спросила: «Не завалилась ли где-то для меня веточка мимозы?» Ты пропустил иронию мимо ушей. А сегодня...

– Сама виновата, что в магазин послала! – закричал муж.

– Так затем и послала, надеялась, что с цветами придешь. Когда я была у внучки, ты не догадался их купить, хотя сувенир мой принял с удовольствием. Ответной реакции почему-то не последовало.

– Я с продуктами за цветами должен идти?

– Я надеялась, что ты сначала цветами меня одаришь, а потом за кофе пойдешь. Хотя о кофе ты тоже забыл.

– Сама виновата, забила мне голову своим молоком. Я хотел после гастронома сходить.

– Уже полдень. Может, ты к ужину собирался меня порадовать? Не лги и не сваливай на меня свою невнимательность. Даже в такой праздник ты не можешь обойтись без своих обычных атрибутов общения: ругани, лжи и незаслуженных обвинений. Десятилетия моего терпения и такта тебя ничему не научили. Может, и правда говорят, что таких, как ты, надо твоим же лекарством потчевать. Невниманием.

– Это тебя лечить надо!

– От чего? От доброты и терпения?

Поддавив длительный, судорожный вздох, пошла на кухню. А муж крикнул мне вслед:

– Не нравлюсь, давай разводиться. – И грохнув дверь, выскочил на улицу.

– Вот и «подарок» мне! – усмехнулась я грустно.

Три цветочка – предел моих мечтаний. Никогда за дорогими подарками не гналась. Немного внимания – самое ценное, что для меня всегда нужно было в жизни. А он... Неужели не чувствует контраста в нашем поведении по отношению друг другу. На ласку отвечает безразличием, на добро – невниманием, на замечания – грубостью и унижением. Какую он презрительную физиономию скорчил, когда я, услышав приятную музыку из нашей юности, взяла его за плечи, притянула к себе и попыталась чуть-чуть повести в танце! И вчера удивил.

- Что это ты вдруг прически стала делать? Молодишься? - фыркнул неодобрительно и насмешливо.

- В моем возрасте как раз и надо за собой следить. В юности мы хороши и без эффектных причесок. И молодость сама по себе прекрасна. А я и сейчас еще получаю комплименты от мужчин. У меня совсем нет морщин. Кожа удачная. И мои ямочки до сих пор сияют, когда у меня хорошее настроение, - заметила я с чуть игривой улыбкой. - Так мои сотрудники говорят.

- Я не комплиментарен и этикету не обучен.

«А вне дома галантен. Старая я тебе? Я уже не та, что была в юности? На себя в зеркало посмотри. «Невозможный красавец! Сплошное очарование!» Откровенно немолод. Мы ровесники, но ты всегда лет на десять старше меня выглядел, потому что улыбался редко. Если только по праздникам, в компании. Пасмурные люди всегда старше кажутся. Я бы и сейчас много моложе тебя выглядела, если бы не твои заскоки. Нарочно гробил?.. Говорят, что любовным треугольнике все углы острые и все они направлены в сердце пострадавшего. Это математически неверно. Но поведение человека не подчиняется логике». - Об этом я подумала, но вслух не сказала.

Знаю, обидится Митя кровно. Все юным красавцем себя мнит. Думала, хотя бы в старости к себе внимание почувствую, так нет его. Если романтичности не хватает, чтобы о цветах подумать, мог бы изящный недорогой подарок преподнести. Ведь неплохие подработки к пенсии имеет. И на это элементарной чуткости не хватает. Каждый год бывают праздники, и каждый год одно и то же - невнимание. Собаку палкой ударят, она помнит: так делать нельзя. А Митя и не считает нужным напоминать. Не его же обидели, не его обошли. А до жены ему дела нет. Почему? Плохая? Не заслужила? Какой надо быть, чтобы удостоиться его внимания? Нет, не во мне дело, а в том, что для Мити существует только он, а остальные - приложенья к его персоне. Для него - все радости жизни, а для меня одни заботы о семье. Кто он такой, чтобы вокруг него все крутились? Тоже мне центр мироздания!

Черт возьми! Почему меня трогает его отношение? Люблю? Во мне говорит женская неудовлетворенность, обида? Создала себе идеал, а он не подошел под него? Но ведь хорошие взаимоотношения между близкими людьми - главное в семье. Недаром ведь близкими называются. А в чем близость проявляется? В душевном отношении. Секс сошел в ноль, и Митя не знает, как дальше жить? В нашем возрасте пора понять, что жизнь больше чем карьера и секс. Она прекрасна во многообразии своих проявлений. А мой муж все никак не может смириться с переменной в себе: то злится, то уныние на него нападает. Сейчас у нас настало время расширения интересов, появления новых увлечений, недоступных ранее. Это по-своему прекрасный период жизни.

Как-то намекнула, что хотела бы на день рождения в драмтеатр пойти, москвичи оперетту привезли. Думала, не пропустит мимо ушей, как обычно. Но чтобы Митя что-то запомнил, ему требуется скандал. А мне не нужно внимание, полученное в результате ссоры. Я от души сделанного подарка хочу. Конечно, в театр не сходили. Сорваться я не стала, молча проглотила очередную пилюлю невнимания. А следующий раз сама билеты купила. Так он все равно не пошел. «Иди, - говорит, - с дочкой». А все почему? Не он купил, значит надо сорвать мероприятие. Отдала билеты детям.

Муж пришел с «прогулки» и сказал:

- Думал о разводе, даже всплакнул. (Играет роль?) Но пересилил себя и купил цветы.

А я ему ответила:

- Не надо дальше распространяться. Это может испортить твоё покаяние и мое грустно-радостное настроение.

- Сама виновата, не дождалась. Я бы купил.

- Ничего не говори. Я боюсь фальши в твоих словах.

Муж продолжил:

- Я всегда думаю о тебе.

- Не надо. Помолчи. Если бы думал, то давно бы купил цветы, может, даже вчера вечером. А почему ты плакал, когда о разводе думал? От каких бед у тебя депрессия? Себя слишком любишь. Я тебя обидела, тем, что упрекнула? Так мой упрек следствие твоего поведения. (Я завожусь.) Это я должна проявлять недовольство. Разве я давала тебе повод обижаться на меня? Что ты видел от меня за совместно проведенные годы, а что я от тебя - сравни. Сегодняшний день - как зеркало нашей жизни. Слава богу, не забыл хоть чмокнуть. Ладно, забудем все обиды. Будем помнить только хорошее, - горько усмехнулась я, и ушла на кухню, чтобы не продолжать «прения». Пора готовить праздничный ужин. Дети и внуки придут.

Хочу внуку больше времени уделить, к школе ему надо готовиться. Ленился он читать. Его только планшет и машинки увлекают. Но встречи наши редки. Болею часто. Вторая бабушка старается своими методами и подходами увлечь его. Это похоже на то, как два человека в поисках сокровищ с двух сторон копают один туннель.

Что-то странное творится с моим левым глазом. Когда моргаю, молнии передо мной мелькают. Первый раз обнаружила, когда зимой ночью во время бессонницы на балконе «дышала». «Молнии зимой?» - удивилась я и забыла об этом явлении. Но оно все чаще и чаще о себе напоминало. Боли я не испытывала, потому и не волновалась. Само пройдет.

Слегка приболела. Горло заложило. Утром встаю - перед левым глазом плотная белая пелена. Восстановится ли зрение или быть мне одноглазым циклопом?

Сижу в очереди к врачу. Подходит семейная пара средних лет. Он сразу привлек мое внимание дорогой модной

одеждой. Хорошего качества шерсть, прекрасный крой. Но пиджак на нем плохо сидит, будто с чужого плеча: центральный шов на спине горбится, «хвост» вздернут. Может, костюм от сына достался? Но вот мужчина расправил плечи – и передо мной современный сельский Дон Жуан! Правая нога выставлена чуть вперед, руки в боки, в лице самоуверенность. Все это выдает в нем любимца женщин. Чем берет? Чем козыряет? Нос крупный, чуть вздернутый. Глаза серые, неприметные, умом не светятся. Лоб узкий. В лице ни особой тонкости, ни изыска. Может, умеет «заливать» и «зубы заговаривать»? Обращение жены с ним естественно-небрежное. Такого надо чуть осаживать, чтобы не слишком заносился. Ее вид говорит: «Я не хуже тебя, а в чем-то даже лучше».

Медсестра вызывает.

*

Разве деньги окупают недостаток душевного тепла, горечь утрат, обиды? Они не являются обязательным условием счастья. Я бы все отдала за здоровье, за добрые ласковые отношения, за понимание, сочувствие, за помощь и заботу в минуты усталости. Я и раньше за богатством не гонялась. А зачем много денег теперь, когда уже не хочется вкусенького, не волнует, как в молодости, красивое платье, если уже не в состоянии поехать в путешествие. Теперь часто нет желания даже ненадолго покинуть уютный диван ради приезда какой-то ранее вожделенной музыкальной группы. И только не меньше, чем раньше, душа просит доброго слова, понимания. Как порой хочется уткнуться усталой головой в заботливые, уверенные руки, или чтобы они коснулись плеча, погладили спину, успокоили, расслабили, поддержали, когда депрессия подступает и накрывает своим тяжелым, серым крылом, когда слабы удары сердца или слишком сильно болезненным обручем сжимает голову давление. Особенно жадно ждешь внимания, когда страх втекает в сердце жгучей ядовитой змеей и нещадно жалит его... Невиданное для Мити дело, непонятное... кого-то жалеть. Вот и приходится самой себя спасать: жесткой плеткой иронии стегать свои печальные мысли, не позволяя уныния. И слава Богу. Человек без самоиронии как беспомощный духовный инвалид, наследник... чего-то там...

А самой, как и раньше, хочется заботиться, хоть иногда прикоснуться к этой лысеющей голове, осторожно расправлять морщинки высокого лба, обнимать за плечи, слегка опущенные под тяжестью возраста. Быть всегда рядом и в горе, и в радости, как принято говорить на свадьбах. Но тоже уже не в радость... Преследует недавнее прошлое, стоит между нами, напоминает... Всему приходит конец... Не могу я на все сто душой вернуться к нему, потому что не могу вернуться к себе прежней. Трагедию полностью изжить невозможно. Вспарывает сердце острым клинком незатахнувшая боль. Муж умел быть счастливым от любви к себе, я же с детьми – за счет любви друг к другу.

После того злосчастного, проклятого звонка радость жизни будто ушла из моей души. Я вдруг с пронзительной ясностью поняла, что это конец моего трудного, но все же счастья. Я больше не пела ни в ванной комнате, ни на кухне, готовя еду. Одиночество окончательно стало главной мелодией моего бытия.

Желала ли я чего-то плохого этим женщинам? Да. Той разведенке, которая много лет преследовала моего мужа. Помню, на реке она намеренно на моих глазах плавала вокруг него, заигрывала. А он позволял. Я не купалась вместе с ними, потому что не могла оставить маленьких детей на берегу одних. Я страдала, мучилась, обижалась... Я тогда представляла себе, что она нырнула, зацепилась за корягу купальником или ее волосы запутались в ветвях поваленного в воду дерева, и ее не сразу нашли... Другую я «видела» под колесами автомобиля. Не до смерти, а так, чтобы она больше не разрушала нашу семью, не терроризировала меня и детей. А третью? Она в гололед падает и головой ударяется о бордюр. Видения воспаленного мозга... Они же сами соблазняли, а Митя не отказывался, потому что слабаком был, Его пусть на том свете Всевышний наказывает за неисполнение заповедей, если сам допустил такое... И остальных мужей, от имени тех, которые страдали как я...

Теперь, когда многое уже видится иначе, когда во мне все давно перегорело, и я всех простила, просыпаясь ночью, я больше хочу вспоминать милые проделки внуков. А утром прощать им шалости, ласково журить за промахи, понимать их желание беззаботной радости, поддерживать безудержную фантазию, тянуться к их искренней ласке и баловать, баловать; от души хохотать, по-ребячески радоваться их удачным шуткам, успехам. А еще, задыхаясь, перемогая боль в спине, подавать мячик, слипающимися глазами под двойными очками, в который раз читать им любимую книжку, выслушивать их секреты, доверять свои из далекого детства, удивляя и восхищая юные сердечки. И даже будучи нездоровой, лежа на диване, радостно чувствовать на своих ногах тяжесть внучонка, слышать его голос: «Ба, ты еще долго будешь болеть? Выздоровливай. Давай поиграем». Это ли не счастье?

Сегодня нет сил даже радоваться.

*

Учила мужа печь его любимые тонкие блинчики. Он был в восторге от своих успехов. Возились вместе у плиты. Хохотали совсем как в молодые годы. Как хорошо и спокойно, когда не ждешь никаких конфликтов! Ах, какое это было бы счастье, если бы мы смогли вот так всю жизнь вариться в одном котле!

Муж оболгал меня. Ему нужен был повод, чтобы поругаться. Одна я, может, сдержалась бы. Но он оскорбил при сыне. Я уличила его во лжи. Он, конечно, не сознался, кричал, обвинял меня, плел невесть что.... И потом не извинился. Значит, в наших отношениях ничего не изменилось.

Я пью лекарство. Муж взялся заполнять моечную машину посудой. Он никак не может понять, что эта его возня на кухне, не дает ему право на прощение за предыдущее поведение.

Впервые вместе лепили пельмени. И ни одной шпильки с его стороны! Ему еще многое предстоит делать впервые.

Для себя одного Митя готовить не станет, скорее в столовую ходит. Для детей и внуков тоже. Что остается? Хотел... в дальнейшем блеснуть перед другой женщиной?

*

Не могу заснуть до четырех ночи и на следующий день плохо чувствую, из рук все валится. Придумала хороший

способ засыпания – под телевизор. Он не позволяет возникать плохим мыслям, которые ходят по кругу и изматывают нервы.

Последнее время часто вспоминаю детдом. Классную руководительницу в двенадцать лет я злобой считала. А потом, уже в семье, не понимала, как это можно прийти в школу не выучив уроков. Правильно, что было жесткое казарменное несвободное воспитание. Не возникало вдохновения на безобразия, полезным делом занимались: учились головой думать и рукам покоя не давать. А сначала не осознавала, что это мое главное детдомовское приобретение. Меня загоняли в рамки, и я включала свою мыслительную деятельность. Не любила, когда бездумно командуют.

Было ли простое детское счастье? Вкус детства – яблоки из нашего сада. Радостно сводящий с ума запах антоновки! Хорошая книжка, улыбка понравившегося мальчика... Чисто, по-детски влюблялись бесконечно часто. По пять раз на дню! (Огромная потребность любить и быть любимыми.) Влюбленность – это когда ты летишь... И всё! И больше тебе ничего не надо. Она помогала жить. Смеялись, плакали, если терпели фиаско... Грустили, когда к кому-то приезжали родственники.

Потом и меня забрали. Уезжая, плакала. Сроднились ведь... А тетка меня унижала во всех мелочах. И эти гадкие мелкие штришки были хуже открытых плевков в лицо. У нее, кто победил, тот и прав. А в детдоме нас учили: «В победе – великодушие; в мире – милосердие и добрая воля; в войне – решимость, непоколебимость, но ни в коем случае не месть, питаемая ненавистью». А еще предупреждали, что «в два прыжка пропасть не перепрыгнуть». Не успела я там научиться защищаться от таких вот... В конечном счете, свивали, скручивали они меня в бараний рог.

В пятом классе на уроке рисования мальчик изобразил крест пулевыми отверстиями и подписал: «Почему Он допускает?» Мне показалось, что наш вечно «подвыпивший» учитель, мгновенно протрезвел.

*

Подружка Нина на первом курсе рассказывала: «Отец с войны без ног «пришел». Все вповалку спали на земляном полу, покрытом соломой. Мать в колхозе с утра до ночи работала. Я в школу за восемь километров с кулком вареной картошки ходила. От недоедания позвоночник искривился. И у сестренки горб образовался. А вторая – красавица-певунья – здоровенькая... Учительница сказала, что я к математике способная, и мне в город, в университет надо ехать. И я подумала: «Выучусь, отца с матерью и сестер досыта накормлю». Паспорт в колхозе не дали. До райцентра на попутке, которая пшеницу в «заготзерно» везла, добралась. Денег на поезд не было. В нижнем ящике для вещей доехала до города. Люди добрые не выдали контролеру. Первый раз город увидела... Зашла в аудиторию, а там уже пишут вступительную контрольную. Я в угол поставила сумку с книжками и хлебом и тоже села писать. А сама в резиновых сапогах, в платочке и телогрейке. В общежитии первый раз простыни увидела...»

Олесю вспомнила. Высокая, сильно сутулая, очень стеснительная была. А на встрече с однокурсниками стояла прямая, гордая, счастливая! Рядом с нею два взрослых сына – мамины копии.

А Верочка? Умная, ехидная, жесткая. Была в Ленинграде в командировке. Приехала возбужденная. Влюбилась! Когда всем стало заметно изменение ее фигуры, ответила: «Мне тридцать шесть. Рожу для себя». И вдруг под новый год приезжает красавец-мужчина, на руках несет ее в роддом... Все мы в радостном шоке. А он остался в нашем городе, потому что его родители не одобрили выбор сына. Через год Верочка еще и дочку родила. И куда в ней стерва делась? Прекрасная жена, сумасшедшая мамаша.

Антонина. Тихая, неприметная. Все плакала, что ее такую страшенькую никто замуж не возьмет. До двадцати трех лет ни с одним парнем не дружила. Отправляя ее в первую командировку, начальник заявил: «Привыкай. Замужних от семьи не оторвешь, а ты у нас вольный казак». Приехала она в незнакомый городок ночью. Отправилась искать гостиницу. Из переполненного автобуса на ходу выдавили. Упала лицом на асфальт. Зубы передние выбила. Собрала вещи, разлетевшиеся из раскрывшегося чемодана, села на лавочку и разревелась в голос. Темно, пустынно, страшно, горько... Подошел мужчина, вытер ей окровавленное лицо своим носовым платком, спросил, что случилось. Она совсем как маленькая девочка рассказала ему про свою беду. Он взял ее за руку и повел к себе домой. Сказал: «У моей мамы переночуй». И она поверила. Не подумала, что это предосудительно. А через месяц она вставила зубы и вышла за того парня замуж. Судьба?

А Милка, та, что из параллельной группы? В ней сохранилась первозданная мощь и рассудительность наших предков. Она – человек без соплей. Настоящая природная русская женщина-сибирячка. Это не может не подкупать. Мила смогла бы служить проводником жизни для такого, как мой муж или ему никто не указ? Он же чумовой. Может, перестройка вознесла другой идеал женщины, и Митя сразу его ухватил? А может, женщины еще быстрее сориентировались? Корыстней стали.

*

Что-то творится с оперируемым глазом. Прикрываю веко, а черное поле под ним всё испещряется беспрерывно мелькающими белыми стрелочками-искрами. Похоже, проблемы с глазным дном. Надо срочно отправляться к врачу! А вдруг, как с правым, раз – и откажет служить. И всё... Не дай, Господи, слепоты.

24

Я в больнице. На соседней койке лежит бабушка. Ей восемьдесят четыре. У нее язва, прободение желудка, перитонит. Ходячая больная, койка которой во втором ряду, для проветривания открывает наше окно, а так как дверь всегда нараспашку, по палате гуляет сквозняк. Я устала вскакивать и накрывать тяжело больную, которая неосознанно сбрасывает с себя одеяло. К тому же я сама от слабости сильно потею и долго не могу согреться, после того как меня охватывает холодный уличный воздух.

Закрывает ставни со словами: «Кому жарко, пусть открывают свое окно. У меня больные почки и перед операцией мне

нельзя простужаться. Вы, Мария, как бывшая медсестра, знаете об этом лучше всех нас». Так она стала ночью открывать наше окно и уходить гулять по коридору. От бабки, видите ли, ей воняет. А в результате через три дня у старушки врачи диагностировали пневмонию, а у меня и у женщины перенесшей операцию аппендицита, – простуду: кашель, насморк и прочее.

Митя пришел в палату. Лицо сияет. Он весь светится радостью. Странная картина для предоперационных больных. Ему бы увидеть себя в зеркале. Наверное, успел побывать... Ждут-не ждутся когда я... Это уже не тени прошлого. Это настоящее.

Сынок приехал меня проведать. Вслед за ним Митя пришел. Он восторженный, окрыленный, будто я на курорте отдыхаю, а не к операции готовлюсь. Надеется на летальный исход? Его мать тоже не больно горевала о потере мужа. Ушел и ушел... А у меня единственное, чем я располагаю на сегодня – это вера в то, что я еще проживу и не так быстро порадую некоторых... Порой мне кажется, вернись Митя к себе тому, каким он был в студенчестве, все мои недуги быстро сошли бы на нет. Моя мама когда-то говорила: «Если обстоятельства сильнее тебя, расслабься и потерпи». Вот и «расслабляюсь» всю жизнь.

Сказала сыну: «Смотри, какой отец счастливый». Он все понял.

Пожилая соседка по палате сказала: «Один раз увидела твоего мужа и все о нем могу рассказать. Не повезло тебе, болезная». Я промолчала.

Целую неделю «принимаю» капельницы. И почему я раньше их боялась? После «чистки» чувствую во всем организме удивительную легкость, будто помолодела лет на десять. Спасибо Тамаре. Поблагодарила своего молоденького врача. Он тоже рад за меня.

Моя операция не состоялась. Меня отправили домой долечиваться. Странно, при поступлении доктор утверждал, что ситуация критическая, что внутри меня бомба замедленного действия или граната без чеки – в любой момент может взорваться. В момент произнесения доктором «приговора» медсестра смотрела на меня с явным любопытством. Ее лицо светилось счастьем, и выглядела она лет на пятнадцать моложе. Зловредная соседка по палате не скрывала своего торжества. Это она добилась, чтобы меня выписали из больницы!

Она женщина-вампир? Пакости – ее допинг, эликсир жизни? Она ими подпитывается, возрождается и расцветает? У меня на кафедре была такая секретарша. Какой восторг и физический подъем она испытывала от удачно осуществленной подлости! И ведь всех без исключения доставала. А моя свекровь? Она просто лучилась счастьем, на ее лице появлялось выражение торжества победы хитрости над умом и добром. Вот, мол, как я тебя уделала! Может, еще в детстве, издеваясь над кем-то моложе себя, она испытала удовольствие...

Для каждого находится «особь», которая хочет нагадить любому, в принципе неплохому безвредному человеку или только я такая невезучая? На моей физиономии написано, что меня можно безнаказанно обижать? Почему медсестра для своих козней выбрала именно меня? Неадекватную бабушку ей не пронять, и нечего пыжиться. Другие сами быстро выписывались. Я для нее лакомый кусочек? Ах да, я же ей замечания делала. Есть за что мстить.

Подумалось: «Вот живут некоторые люди, не замечая вокруг себя ни чуда природы, ни хороших людей, ни удивительных событий. Какие-то они мелкие, примитивные, злобствующие. Зачем приходят в этот мир? А с другой стороны я ее понимаю. Ей было интересно провести эксперимент, попытаться суметь выставить меня из больницы. У нее получилось, она рада. Я сама люблю опыты, но провожу их без ущерба для людей. Я просто предполагаю поведение человека и наблюдаю, была ли права. Иногда даже пытаюсь предотвратить какую-то неприятность, грозящую моему испытываемому субъекту. А вот в больнице расслабилась, раскиселась. За результат операции слишком волновалась. Но даже в этом состоянии я чувствовала, что эта неприятная женщина готовит мне пакость.

Я дома. Лежу на диване и вспоминаю медсестру, ее злой подозрительный взгляд из-под полуприкрытых век и хвастливые речи. Мол, вы здесь все дуры, а вот я знаю, как мужика в кулаке держать. И когда в палату вошел ее муж: высокий, статный, мужчина с добрым грустным лицом – лет на десять-пятнадцать моложе ее, – никто из нас не удивился. А я, глядя на мерзкое, надменное, желчное, изрезанное глубокими морщинами лицо медсестры, подумала о двух моих знакомых. Жены крепко держат их в ежовых рукавицах тем, что знают их финансовые грешки из девяностых. Обе как-то под рюмочку с гордостью заявили, что могут в любой момент упрятать своих благоверных за решетку. И в чем же они видят свое счастье? В своей власти? Благо у обеих нет детей. Всевышний позаботился?

Встала, подошла к окну. Деревья в золоте! Цвет воздействует на эмоции человека. Почему-то захотелось, чтобы в мои последние минуты в окно ворвался яркий луч света, будто приветствуя меня или приглашая в новый далекий неизведанный путь. Я загрустила? Зря. Может, и хорошо, что операция отложилась. Что Бог не дает, все к лучшему. Как мне врач сказал? «Один плюс один равно двум. Три минус один тоже два, но ситуация другая». Он прав.

«Опять грустная интонация в строках Зои. Видно, последние годы плохое не только перекрывает, но и застилает от нее, все хорошее, что было в ее жизни. А какая в молодости была веселая, энергичная, деловая! Болезни делают свое черное дело», – подумала Кира.

Я прощаю всех явно и неявно недолюбливающих меня людей. Чем порождаются их чувства? В основном, непониманием, жадностью, завистью, бескультурьем или просто болезненным раздражением? Бог им судья. И себе

прощаю неумение, болезненную мнительность, обидчивость и прочие слабости. Интересно, Лена простила Андрея или по-прежнему упорно обходит этот вопрос?

Планшет на коленях. «Сижу», точнее, «лежу» в интернете. Вспомнила употребленное знакомой слово социопат. Решила уяснить для себя его смысл. Читаю: «Диссоциальное расстройство личности. Не видит привязанностей между людьми и интерпретирует их взаимоотношения исключительно как взаимную манипуляцию. Клиническое отсутствие совести. Не умеет сопереживать, не испытывает чувство вины. Превосходный лжец. Как правило, обаятельный, страдает нарциссизмом. На первом месте собственные желания. Отсюда необязательность. Вспыльчив, не учится на ошибках. Ему свойственна высокая самооценка. Считает себя непогрешимым. Паталогически любит комплементы, ненавидит критику. Представляет физическую или моральную опасность. Не бросает человека, пока есть, что с него взять. Доведя до болезни, станет критиковать. Дальше лучше не будет. Совет: пока не поздно, бежать от такого как можно скорее и дальше».

Я потрясена. Я много лет пыталась разгадать поведение своего мужа, для того, чтобы наладить в семье нормальные отношения, но мне в голову не приходило обратиться к медицинской литературе. То, что я считала плохим характером, оказалось психическим отклонением?! Все признаки налицо. Они верное подтверждение моим догадкам. Это расстройство бывает наследственным и результатом ошибок в воспитании ребенка. Я думаю, если что-то и передалось моему мужу генетическим путем, то это крохи. В основном жутким эгоистом целенаправленно делала его мать. Отец у него был хорошим человеком.

Я к пониманию факта болезни мужа шла всю свою жизнь и интуитивно чувствовала какую-то ненормальность в его поведении, но мне не хватало знаний. Но, как говорится, призма времени показала мою правоту. Если были у меня периоды совершенно разного наполнения моей жизни, то они зависели только от меня. Редкие светлые моменты прошлого лишь оттеняли мою неудачную семейную жизнь. А я так старалась! Я так хотела счастья!

Вот она наша элементарная медицинская безграмотность в действии! Из-за юридической некомпетентности нас «обувают» на каждом шагу чужие люди, а в семье мы сами себя губим незнанием. Теперь я осознала, что такое широко образованный человек. Всю жизнь надо пополнять свои знания во всех областях своей деятельности. Надо всегда опираться на науку, тогда жизнь станет легче и понятней. А меня быт закрутил-завертел и засосал. Хотела все успеть, да видно не заметила, как приоритеты сместила. И поплатилась.

Если это болезнь, то мне и винить мужа не в чем? Получается, что я сама виновата, что не знала, не разглядела? Незнание не освобождает от ответственности. Любая болезнь лечится. Но Митя не понимал, что болен. И не чувствовал? Пьяницы понимают, что плохо делают, но им нравится пить. И сила воли тут не причем. А потом поздно бывает.

Мне кажется, что Митя уже понял, даже пытается бороться с «недугом». Значит, можно было перебороть, а я не сумела, устранилась? Я не знала, как помочь. Верила, что наша любовь – главное лекарство. А ее мать вытравила. Мне не по силам было с ней справиться. И без желания больного победить болезнь невозможно.

Старожилы нашего дома один за другим уходят... За это лето вселяется уже шестая молодая пара. Все семьи на удивление дружные, радостные. Они просто орошают друг друга прекрасным настроением! О таких отношениях я мечтала всю свою жизнь. Мужья катят коляски с малышами, тащат пакеты с продуктами. Жены старших детей отслеживают, потому что машины перед домом снуют. Я поливаю цветы в своем «садишке» и радуюсь на молодую счастливую «поросль».

Жизнь моя не была застойной или ущербной, она не прошла прахом. Правда, был долгий период тяжелой болезни... Но даже слабой и больной, я не так уж и мало сделала. Сумела внучке много времени уделить. Благодаря мне она школу хорошо закончила, в университете учится. (Спасибо Всевышнему!) Правда дочь мои «подвиги» уже забыла. А вот на внука сил уже не хватает. Жалко. Редко его вижу.

Конечно, не всем в своей жизни я довольна. Многому было не суждено сбыться. Крупно мне не дали себя проявить... некоторые личности, которых и личностями я не рискнула бы назвать, но работала честно, ответственно. Есть чем перед Всевышним оправдаться. У каждого человека имеется свидетельство о рождении и существуют свидетельства о его жизни, то, что останется после него. Мне «есть, что выставить на круг». Когда надо – была крепостью, когда надо – торпедой. Была сильной, решала проблемы, побеждала себя. Что от меня зависящее произошло – заметно, что не получилось – не видно. Но я-то знаю и переживаю.

Я не смогла изменить мужа, но и он не сломал меня, не перевоспитал под себя. Здоровье сгубил, но свечу не затушил... После стресса сопротивляемость организма резко упала, но я выжила и во многом осталась прежней. Правда после болезни я все вижу другими глазами: в окружающей жизни больше замечаю плохого, чем хорошего. Но причина тому не в давлении мужа, а в моем самочувствии. Оптимизм с годами иссяк. И, тем не менее, моя позиция по основным вопросам осталась разумной и спокойной. Способность любить людей у меня пока не пропала, а если вдруг и она исчезнет, – но я надеюсь, такое со мной уже не случится, – то во мне останется любовь к природе, которая неистребима. Иногда поругиваю мужчин. Так ведь заслужили. Это мне мой бывший коллега сказал. Но ведь не все же мужчины плохие. Кто же хороших станет критиковать?

*

...А эту, которая так рьяно стремится на мое место,

Митя тоже боится, и, похоже, больше всех вместе взятых своих бывших. Она крепко держит моего мужа на личном контроле, ни на день не выпускает из поля зрения, «заговаривает» его до отклонения в мозгах своим приторными речами, заслоняет ему весь мир. Мне стыдно за него. В свое время, потакаая ее желаниям, он много чего наобещал, и теперь она ждет-не дожидется, когда я уйду в небытие, чтобы заполнить мужчину, который будет на нее пахать, как ее предыдущий муж. У нее куча внуков, которых она хотела бы хорошо пристроить. Я знаю много примеров, когда мужчины, женившись повторно, душевно и материально тратятся на чужих детей, а своим мало внимания уделяют, а то и вообще о них забывают.

...Да и сама эта дамочка не против пошиковать, поездить за чужой счет по разным странам. Честно говоря, я ее

немного побаиваюсь. Жестокая женщина, не знаешь, чего от нее ожидать. А вдруг устроит какую-нибудь подлянку? Когда все в семье хорошо, таких глупых вопросов себе не задаешь и свою жизнь не раскладываешь по цветовым оттенкам. Я иногда нахожу на кухне незнакомые мне продукты: то грибной порошок, то какую-то странную муку. Конечно же, молчком выбрасываю их в мусоропровод. А недавно в Митином шкафу обнаружила чужой мужской костюм, иного размера, чем носит мой муж. Пиджак огромный, брюки короткие. Растерялась. Митя не сумел объяснить его появление, только плечами неопределенно пожал. Это психологическое давление? Так меня этим не возьмешь. Я не верю во всякую мистическую чушь. Заняться этим вплотную или наплевать?.. Но костюм все же отнесла к мусорным бакам. Кто-нибудь заберет.

Я знаю, что в мое отсутствие кто-то из Митиных «бывших» появляется в нашей квартире. Соседи докладывали. Это меня беспокоит и пугает. Но кто? Может, Митя всем своим пассиям одно и то же обещал, и они к нему, как и раньше, ходят по очереди? Один раз, вернувшись от внучки, я не смогла попасть в квартиру. Я слышала за дверью топот босых ног, испуганный шепот. Но мне сделалось так плохо, что я была не в состоянии караулить уход «госты». Боже, мой! Как все это гадко!

А вдруг и правда Митя после меня женится? Быть одному – удел сильной личности. Еще один век хочет прожить? Ну что же, похвально. Пусть будет так, раз это ему нужно. Дай Бог. Но если женится на той самой прилипчивой из своих бывших шлюх, это совсем не значит, что у них сложится жизнь. Кого она получит? Старого капризного мужичка, шляющегося по квартире в вечно приспущенных трусах... И статус обоих сразу изменится. Хочешь-не хочешь, а все равно будут мелкие ссоры, обиды, недомолвки. Родство душ искать поздно. Раньше у них были свидания, а тут быт. Сумеет ли Митя его преодолеть? Он же привык к безоблачному существованию вне дома, а в семье умеет только командовать, но не исполнять. У него же все пальцы рук указательные. Мне только мечталось о таком, чтобы и в пир и в мир был хорош.

Куда он побежит жаловаться на жизнь? Дамочка та – жестко авторитарна. Он станет ее безропотным рабом? С его-то ленью? Он же одноразовый. Конечно, может единожды, допустим, напечь блинчиков. Но это опять-таки отдельный эффектный номер, «показательное выступление». Но ежедневно исполнять рутинные обязанности?.. Не представляю. Вот бы увидеть с небес этот спектакль! А там кто ее знает? Сумела же присушить... Может, уломает и работать заставит. Она же, как осьминог обвивает человека, «ласково» тянет из него жилы, агрессивно насилует и высасывает душу...

У меня двойственное чувство: с одной стороны жаль Митю, все-таки муж родной, пятьдесят с лишним лет рядом. Моя измученная любовь проходила через всю нашу жизнь, поднимала ее с колен, возвышаясь над бедами и передрыгами, над суетой... И при этом, мне удавалось не унижать мужа в спорах, если он даже был не прав, – надеялась, что оценит – и «не выпускать улыбки из открытых глаз». Пока не заболела... А с другой стороны: это его рабство было бы сладкой местью за все мои обиды. Ну и мыслишки у меня вызревают! Я довела свои рассуждения до абсурда?

Но эта женщина может из-за квартиры быстро отправить Митю на тот свет, как одного нашего старика-соседа его вторая жена. Он заслужил? Но тогда наши дети и внуки будут платить по счетам его грехов! Нет, уж лучше бы к нему приходили социальные работники и навещали дети. Ведь обещал же после моего ухода не жениться. Хотя, цена его словам... Когда я слышу по радио, что мужчины женятся после семидесяти и после восьмидесяти на молоденьких, мне невольно является мысль о том что это старческий маразм богатеньких старичков. Что-то я не замечала, чтобы мужчина в преклонном возрасте, будучи гол как сокол, вступал в брак с молодухой.

А если пара одних лет? Раньше старушки хотели скрашивать свое одиночество с приличными старичками, а теперь под влиянием внешней обстановки альтруизм в них потух, и они не хотят жить вместе, не имея собственной доли в квартире претендента на их заботу и ласку. Корыстные стали. Я пишу всякую тарабарщину? А как бы я поступила, оставшись одна? Принялась бы новый узор по старой канве вышивать? После хорошего мужа – никого не привела бы. А после такого, как мой? Это какого же уровня должен быть человек, чтобы я захотела делить с ним старость?! Но мне пришлось бы делить любовь к своим внукам с еще чьими-то? Мне этого не хотелось бы. Эмоциональных сил мало. На это я была способна до болезни. Нет, я бы не стала размениваться.

«Как же Зоя устала за годы жизни с Митей, как истощилась ее нервная система и ослабла духовная составляющая, если она такое пишет о когда-то любимом ею человеке! – горько подумала Кира. – Сама ведь когда-то говорила, что пусть вокруг черте что твориться, главное самой не становиться букой-бякой. И с этим трудно поспорить. Нет, это в Зое говорит болезнь. Дети выросли, и в ее душе преобладает боль не случившегося женского счастья. Это можно понять. Митя был единственным, но недостойным прибежищем ее большой любви».

«Почему я в основном вспоминаю Зоины семейные проблемы? Старею? Сузила круг своих интересов и меня теперь больше волнует то, что влияло на мою личную жизнь и жизнь моих подруг? Для женщин именно это и есть самое важное?» – подумала Кира и усмехнулась: «У меня сегодня ночь воспоминаний».

...И снова заскользила перед внутренним взором Киры лента жизни Зои отдельными малосвязанными кусками: то трогательными и печальными, то горестными и жестокими, а то вдруг радостными и счастливыми...

За несколько минут все пятьдесят лет Зоинной семейной жизни промелькнули в памяти Киры, оставив на сердце тихую печаль. «То был ее трудный поединок...» – подумала она. Ей вдруг вспомнилась известная фраза Григория Горина: «Улыбайтесь, господа, улыбайтесь!»

«Улыбайтесь, и пусть жизнь улыбается вам. А что еще остается?» – устало усмехнулась Кира. И ее мысли побежали в сторону завтрашних забот.

2004 г.

Продолжение следует.

Контакты

Уважаемый читатель! Буду Вам благодарна, если Вы поделитесь мыслями о моих книгах на сайте, где скачали эту книгу. Если проблемы, поднятые в моих книгах, созвучны с Вашими переживаниями и взглядами на жизнь, или Вы хотите поделиться эмоциями или историями лично — вот мои контакты:

Вконтакте:

Сотовый:

Skype:

email:

Сайт:

Пишите, звоните. Буду рада общению!

Отзыв

Детский писатель Л. Я. Шевченко раскрыла нам еще одну грань своего творчества. В 2014г. вышел в свет ее двухтомник прозы о взрослых и для взрослых. А сегодня передо мной черновой вариант еще двух книг: «Дневник замужней женщины» и «Тина».

В основу сюжета книг положены непростые судьбы сокурсниц автора. Остальные события закручиваются вокруг нее, обволакиваясь, нанизываясь, расщепляясь и вновь наматываясь, как сахарная вата на палочку в киоске детского парка. Но сюжет – это то, что на поверхности, он отвечает только за драматургическую целостность произведения. Внутренний строй книг тоже прост: воспоминания, споры, размышления. «Воспоминания – это правда времени», поэтому неудивительно, что Л. Я. Шевченко воспользовалась этой классической формой. Психологическая же ткань ее произведения подчиняется скорее эмоциям, чем логике, потому что в его фокусе – внутренние конфликты героев.

Эта книга о женщинах, которые не сдаются. Недаром, как бы подчеркивая этот факт, одна из героинь патетически восклицает: «Говорит ее величество Женщина!» Если внимательно вчитаться и вдуматься, жизнь каждой из этих женщин – подвиг. У одних это подвиги материнства, у других – свершения на трудовом фронте, как принято было говорить до перестройки.

Сначала автор отсылает нас в послевоенное детство своих героинь, потому что детство – время формирования личности, время, когда закладываются нравственные и социальные основы человека; затем слегка окунает нас в их студенчество. Молодость этих женщин пришлось на шестидесятые – восьмидесятые годы. В ней и радости, и личные катастрофы, доведенные до высокого градуса, когда бытие не выдерживает и взрывается в поисках новых смыслов. И тогда в каждой строке звучит поразительная чуткость автора к чужой беде. Ее героиням хотелось бы, чтобы наука и искусство, эмоции и разум в каждом человеке сосуществовали в единстве и равновесии. Но каковы критерии истинности? И мы наблюдаем подчас причудливый сплав, в котором вступают в противоречия мечты женщин о гармонии внутреннего мира человека с несовершенством реальной жизни. Одиночество, поиски настоящей любви, мечты о достойной семье – вот эмоциональный фон на котором разворачиваются события в данной книге.

...И вот происходит по сути дела мгновенная смена эпохи, исторической формации. А эти женщины все еще находятся в плену прошлого, того самого, когда они были молоды и по-своему счастливы, потому что их добрая память сохранила из него все самое лучшее. Но они изыскивают в себе силы понять новое время, найти в нем достойное место наставников, воспитателей подрастающего поколения.

Мы читаем книги, чтобы понять себя, открыть в себе что-то глубоко запрятанное, законсервированное. Мы ищем в них подтверждение своим мыслям и чувствам, подсознательно выбираем то, что нам близко и понятно. Или не очень. И тогда мы хотим в этом разобраться. А иногда мы находим в книгах что-то новое, заинтересовавшее нас, всколыхнувшее душу. И мы счастливы, потому что познание нового – особенная радость. Так бывает, если неожиданно точная, тонкая, емкая фраза тронет чувствительные струны нашего сердца и поднимет из глубины души некие неизведанные, неиспытанные ранее нюансы чувств.

Таким толчком может служить особенный или странный факт преподнесенный автором. И мы вдруг понимаем, что это событие знакомо нам, мысль о нем, витала несформированная, нечетко очерченная, недодуманная. И теперь, после прочтения некоторых строк в данной книге, она, пробудившись, явилась из тумана ощущений и выкристаллизовалась, окончательно оформилась, блеснула новыми гранями, а может быть, даже поставила на нужное место кое-что в наших судьбах. Тогда нас захлестывает восторг сопричастности и ощущение, что мы поднялись пусть совсем чуть-чуть, пусть на полшага, но выше. И ведь поднялись! Вот что привлекает в произведениях Шевченко. Именно за эти прекрасные моменты мы любим и ценим ее книги.

Произведения Л. Я. Шевченко как исповеди (сюда же можно причислить все ее книги для детей и подростков), и в этом их прелесть. Они смелые, беспощадные и в то же время добрые и не шаблонные. Назначение любой художественной книги будить сердца, волновать. И с этим автор справилась превосходно. Перед нами зрелый состоявшийся

писатель. Ее книги необходимы всем.

Почетный гражданин г. Липецка, поэт

Климов В.Н.

Обложка

Литературно-художественное издание

Лариса Яковлевна

Шевченко

Воспоминания

Книга третья

Подруги встретились через сорок лет после окончания вуза...

Компьютерная верстка и дизайн обложки - Дмитрий Милованов

Портрет автора на обложке (1967г.) - любительское фото Евгения Григорьевича Шевченко.

Цветные вставки в книге - картины художника Владимира Ивановича Леликова, члена Союза художников России, члена международной ассоциации изобразительных искусств АИАП ЮНЕСКО.

Отпечатано с готовых файлов заказчика

В «ООО «Липецкий Полиграфический Центр»

г. Липецк, ул. Фурманова, 59в. Тел. (4742) 28-71-13

Подписано в печать 11.11. 2019

Формат 70x100 1/16 Бумага офсетная.

Усл. печ. л. - Тираж 1000. 33,8

ВБК 84 (2Рос - Рус) 6

Ш 37

ISBN 978-5-9904723-9-6

© Л.Я. Шевченко, 2019

Об авторе

Родилась Лариса Яковлевна Шевченко 14 марта 1945 года. Она взяла всё лучшее от своих воспитателей, школьных учителей, а затем ученых и педагогов МГУ, ВГУ и НИФХИ. Взяла, чтобы на протяжении десятилетий отдавать знания, житейский инравственно-духовный опыт будущим учителям – студентам ЛГПУ. В 2004г. Л.Я. Шевченко была награждена медалью-знаком за заслуги перед Липецким государственным педагогическим университетом и Почетной грамотой Липецкого областного Совета депутатов. Грустное детство, голодное, но веселое студенчество, трудная, но счастливая молодость, – такой емкой триадой определила Лариса Яковлевна сущность формирования своей личности, глубинные ее родники.

В 1999 году увидела свет ее первая книга для школьников «В барбарисовых джунглях», а затем одна за другой пришли к читателям ее «Уроки на скамейках», «Проталины», «Пробуждение», «Лестница надежд» и двухтомник «Надежда».

В 2014 году Лариса Яковлевна представила на суд читателей заслуживающее серьезного внимания произведение для взрослых – двухтомник «Вкус жизни». За ним последовали «Реквием», «Любовь моя», «Ее величество», «Дневник замужней женщины», «Тина».

В произведениях Л. Шевченко мы ощущаем прежде всего любовь к людям. Ее книги утверждают добро как одну из главных ценностей жизни – и детской, и взрослой. Лариса Яковлевна – член Союза писателей России, чье взыскующее слово востребовано не только юными читателями. Она лауреат первой премии областного конкурса «Достижения в области культуры и искусства» (2006г.); литературных премий имени И.А. Бунина (2011г.) и премии имени Е.И. Замятина (2013г.); лауреат премии «Золотое перо Московии» (Москва, 2015г.), лауреат премии имени Алексея Липецкого (2019г.). Награждена медалью Ивана Бунина за мастерство и преданность творческим традициям классической литературы (Москва, 2015г.).

Л.Я. Шевченко – действительный член Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург, 2015г.).

Борис Шальнев,

член Союза писателей России,

заслуженный работник культуры Р.Ф.,

лауреат литературных премий имени И.А. Бунина